

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
Факультет «Экстремальная психология»

ЕВРОПЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
Международный Центр образования и научной информации
Interkulturelle Weiterbildungsgesellschaft. V.
(*Дюссельдорф, Германия*)

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. ТАНКА
Кафедра социальной и семейной психологии
(*Республика Беларусь*)

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени С. АМАНЖОЛОВА
Кафедра психологии и коррекционной педагогики
(*Республика Казахстан*)

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ имени В.Я. КИКОТЯ
Институт психологии служебной деятельности

АКАДЕМИЯ ФСИН РОССИИ
Психологический факультет

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНОМ МИРЕ

Материалы II Международного научного Форума
29-30 октября 2021 года

г. Москва

2021

УДК 616.89
ББК 88.4

Экстремальная психология в экстремальном мире [Текст]:
Материалы II Международного научного Форума / Под ред.
В.М. Позднякова, В.И. Екимовой, А.В. Кокурина, А.В. Сечко.
– М.: Изд-во МГППУ, 2022. – 415 с.

ISBN 978-5-94051-259-2

В настоящем издании представлены материалы выступлений участников II Международного научного Форума «Экстремальная психология в экстремальном мире», проведенного 29-30 октября 2021 года на базе факультета экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

В сборник включены статьи и тезисы выступлений участников, посвященные наиболее актуальным проблемам экстремальности в жизнедеятельности человека и профессиональной деятельности специалистов особого риска, оказания психологической помощи в экстремальных ситуациях, а также по направлениям обеспечения безопасности в современном мире.

Материалы предназначены для научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов вузов, специалистов органов управления образованием, руководителей и психологов силовых ведомств и правоохранительных органов.

ББК 88.4

ISBN 978-5-94051-259-2

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2021
© Коллектив авторов, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Материалы пленарного заседания

<i>Поздняков В.М.</i> Актуальные психологические проблемы информационной безопасности подрастающего поколения в эпоху цифрового общества.....	7
<i>Горностаев С.В.</i> Лояльность и безопасность: стереотипы и действительность.....	21
<i>Лебедев И.Б.</i> Теория копинг-поведения, ее современное развитие и особенности использования в профессиональной деятельности сотрудников ОВД.....	25
<i>Марьин М.И., Митин А.И.</i> Ценностно-смысловая сфера личности в регуляции служебного поведения сотрудников экстремальных профессий.....	30
<i>Пергаменичик Л.А.</i> Художественная литература как экспериментальная психологическая лаборатория: опыт обращения.....	43

Секция 1. Экстремальные факторы в профессиональной деятельности человека

<i>Белодед Д.Р.</i> Критерии психологической безопасности профессиональной деятельности судебного эксперта-психолога.....	50
<i>Бурцев А.О.</i> К вопросу о копинг-поведении руководителей территориальных органов МВД России.....	54
<i>Васильченко А.С., Лысенко Н.Е., Булыгина В.Г.</i> Влияние стажа профессиональной деятельности и личностных характеристик на характер стресс-реагирования у сотрудников силовых структур.....	58
<i>Вахнина В.В., Морщакина М.С.</i> Экстремальность в деятельности пресслужб Министерства внутренних дел Российской Федерации.....	64
<i>Грудкин Ф.С., Шмелева Е.А., Кисляков П.А.</i> Психологические особенности готовности сотрудников отдела специального назначения к выполнению служебных задач в экстремальных ситуациях.....	70
<i>Дубинский А.А., Кабанова Т.Н., Лысенко Н.Е.</i> Акцентуации характера в личностно-профессиональной диагностике сотрудников правоохранительных органов с различным профилем деятельности.....	76
<i>Елатомцев И.В.</i> Профессиональная ментальность и психологическая безопасность сотрудников УИС России как субъектов труда.....	81
<i>Ермолаев В.В.</i> Клановость организационной культуры органов внутренних дел как основа кризиса института кадрового резерва.....	87
<i>Ерохина Е.И., Костина Л.Н.</i> Особенности коллективного стиля служебной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции в экстремальных условиях.....	93

<i>Иванова Р.Ю.</i> Психолого-правовая характеристика дискредитации органов внутренних дел Российской Федерации в медиапространстве.....	96
<i>Караяни А.Г., Караяни Ю.М.</i> О психологической реабилитации ветеранов боевых действий: взгляд через призму опыта боевых действий за Нагорный Карабах.....	102
<i>Киселева Р.Н., Сониная Т.П.</i> Готовность к риску как нормативное качество сотрудников силовых структур.....	108
<i>Лаврова М.С., Костина Л.Н.</i> О факторах влияния на профессиональное выгорание психологов органов внутренних дел.....	114
<i>Носс И.Н.</i> Восприятие проблемной ситуации госслужащими с различными психическими типами личности.....	117
<i>Петров В.Е.</i> Психологическая диагностика склонности сотрудников силовых ведомств к эйджизму.....	123
<i>Сергоручная П.М.</i> Социально-психологические факторы адаптации юношей к условиям военной службы по призыву.....	127
<i>Сечко А.В.</i> Проблемы превенции синдрома выгорания в образовательной среде.....	132
<i>Скоробогатова Т.Н.</i> К вопросу о перспективах развития технологий виртуальной реальности в сфере профессий особого риска.....	137
<i>Усачева И.В.</i> Особенности Я – концепции слушателей образовательных организаций МВД России.....	143
<i>Хусаинов Т.Р.</i> Невербальное поведение специалистов экстремального профиля.....	147

Секция 2. Психологическая помощь в экстремальных ситуациях

<i>Бровкина Ю.Ю.</i> Типы реакций на экстремальное событие у детей в младшем школьном возрасте.....	151
<i>Быкова Л.Е.</i> Восприятие положительного подкрепления учебных действий студентами с различными индивидуально-психологическими особенностями.....	157
<i>Гольман И.А.</i> Влияние тревожности на адаптацию первокурсников колледжа.....	161
<i>Горина Г.И.</i> Психологические корреляты агрессивности в юношеском возрасте.....	166
<i>Егорова Н.В.</i> Мотивационные барьеры учебной успешности младших школьников из неблагополучных семей.....	172
<i>Зайцева Ю.А.</i> Нарушение межличностных отношений в старшем дошкольном в возрасте.....	179
<i>Кривова А.В.</i> Особенности агрессивного поведения подростков с точки зрения гендерного подхода.....	186
<i>Митрофанова Н.В.</i> Влияние условий среды и личностных предпосылок на формирование деструктивных психических состояний у подростков.....	191

<i>Мишина М.М.</i> Психологические особенности воспитательной работы по профилактике девиантного поведения у подростков.....	196
<i>Рогошина Е.В.</i> Личностные факторы самооффективности подростков из неблагополучных семей.....	200
<i>Сарина Т.И.</i> Ипохондрическое расстройство во время вспышки коронавирусной инфекции.....	209
<i>Слышкина Л.С.</i> Особенности гендерной идентичности подростков: доминантаандрогинии.....	214
<i>Соболева Е.С.</i> Особенности защитных механизмов и копинг-стратегий у старших дошкольников из проблемных семей.....	218
<i>Судиловская И.А.</i> Посттравматические стрессовые реакции в период пандемии Ковид-19: факторы риска и возможности диагностики.....	222
<i>Шатохина Л.В.</i> Проблемы в совершенствовании подбора и психологическом сопровождении командиров учебных групп в образовательных организациях ФСИН России.....	231
<i>Шумнова М.А.</i> Особенности совладающего поведения у подростков из неполных семей.....	238
<i>Ульянина О.А., Гаврилова О.Я., Тимур О.Ю.</i> Экстренная психологическая помощь несовершеннолетним: региональная практика и международный опыт.....	243

Секция 3. Психологическая безопасность личности в современном мире

<i>Агапов В.С., Рожков Д.В.</i> Самоуправление личности как ресурс преодоления чрезвычайной ситуации.....	250
<i>Алеев Ф.А.</i> Психологические методы развития чувства патриотизма у старших школьников.....	254
<i>Алешина И.А.</i> Социальные и учебные страхи в условиях пандемии.....	259
<i>Барыкин А.А.</i> Проблема стрессоустойчивости у спортсменов-стрелков....	264
<i>Бикмаева Л.К.</i> Семейное насилие в контексте проблем безопасности личности: психологический аспект.....	271
<i>Воробьева К.А.</i> Специфика переживаний ситуации пандемии, вызванной распространением коронавирусной инфекции COVID-19 и самореализация деятельности педагогов.....	275
<i>Герасимова Е.А.</i> Психологические проблемы школьников, связанные с дистанционным обучением в условиях пандемии.....	281
<i>Горюнова И.Г.</i> Психологические риски образовательной среды как детерминанта нарушения пищевого поведения у младших школьников...	287
<i>Грищенко Л.Л.</i> Современные угрозы безопасности населению в условиях урбанизации.....	290
<i>Добряков Д.А.</i> Религиозный экстремизм в эпоху цифровизации.....	294
<i>Дунаева Н.А.</i> Трудности межличностного общения современных подростков в образовательной среде.....	300

<i>Ефимова О.С.</i> Страхи участников образовательного процесса при использовании цифровых технологий.....	308
<i>Кирпанева Д.П.</i> Сравнительные особенности безопасности образовательной среды гуманитарного и технического вузов.....	316
<i>Киреева А.В., Воронин И.В., Поздняков В.М.</i> Анализ факторов, влияющих на восприятие студентами дистанционного образования.....	320
<i>Кисляков П.А.</i> Особенности восприятия информации и информационного поведения студенческой молодежи в период пандемии COVID-2019.....	326
<i>Кошелева С.Н.</i> Анализ влияния виртуальных игр на психологическую безопасность младших школьников.....	331
<i>Кудряшова А.И.</i> Классификация последствий различных видов семейного насилия над детьми.....	336
<i>Куручкина А.В.</i> Взаимосвязь психодинамических характеристик и эмоционального выгорания у спортсменов.....	341
<i>Мельник В.П.</i> Роль когнитивных биографических и биопсихологических возрастных показателей в когнитивно-аффективном конструкте удовлетворенности жизнью у лиц предпенсионного возраста.....	347
<i>Орлов В.В.</i> Об опыте дистанционного преподавания в условиях пандемии коронавирусной инфекции.....	355
<i>Павлова М.В.</i> Психологические аспекты адаптации детей с ОВЗ к школьному обучению.....	362
<i>Пантюх В.В.</i> Гендерные особенности формирования учебной деятельности у обучающихся в начальной школе из полных и не полных семей.....	368
<i>Пивненко Т.В.</i> Способы поддержания психологической безопасности образовательной среды в условиях современного дошкольного образования.....	373
<i>Попкова Е.В.</i> Психологические особенности переживания учебного стресса старшеклассниками при дистанционном обучении в условиях изоляции.....	380
<i>Розенова М.И.</i> Психологические факторы безопасного и не безопасного поведения человека в период продолжающейся пандемии COVID-19.....	386
<i>Свободный Ф.К.</i> Выявление скрываемой информации о фактах экстремистской деятельности при помощи полиграфа.....	392
<i>Сечко А.В.</i> Социально-психологические условия экстремизма в современном мире.....	396
<i>Темняков Д.А.</i> Психолого-педагогические особенности формирования культуры личной безопасности в образовательных организациях МВД России.....	402
<i>Шомрина О.М.</i> Особенности формирования гендерной идентичности у девочек-подростков, обучающихся в женском пансионе.....	409

Материалы пленарного заседания

Поздняков Вячеслав Михайлович

зам. декана по научной работе факультета
«Экстремальная психология» Московского
государственного психолого-педагогического
университета

доктор психологических наук, профессор
e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Pozdnyakov Vyacheslav Mikhailovich

Deputy Dean on scientific work of the Faculty
"Extreme Psychology" of the Moscow State
University of Psychology and Pedagogy
Doctor of Psychological Sciences, Professor

АКТУАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

ACTUAL PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY OF THE YOUNGER GENERATION IN THE ERA OF DIGITAL SOCIETY

Аннотация. В статье раскрыты причины актуализации изучения и повышения информационной безопасности подрастающего поколения, в том числе из-за негативных последствий для подростков и молодежи бесконтрольного включения в интернет-пространство, а также влияния на развитие личности реализуемых через соцсети «мнемических войн», акций субкультурных и экстремистских сообществ (от флэшмобов до «умной толпы»). Актуализировано проблемное поле по перспективным междисциплинарным исследованиям экстремальности бытиялюдей в современном мире, которые важно провести на контрастных выборках подрастающего поколения.

Annotation. The article reveals the reasons for updating the study and improving the information security of the younger generation, including due to the negative consequences for adolescents and young people of uncontrolled inclusion in the Internet space, as well as the impact on personal development of "mnemonic wars" implemented through social networks, actions of subcultural and extremist communities (from flash mobs to "smart crowd"). The problem field on promising interdisciplinary studies of the extremity of people's existence in the modern world, which is important to conduct on contrasting samples of the younger generation, has been updated.

Ключевые слова: интернет-зависимость, информационно-саногенные угрозы, информационная безопасность личности, криминализация и радикализация молодежи, консциентальные и мнемические войны, смарт-технологии, экстремальность бытия.

Keywords: internet addiction, information and sanogenic threats, information security of the individual, criminalization and radicalization of youth, consciantal and mnemonic wars, smart technologies, extremity of existence.

Два года назад нашим факультетом проведен Первый международный научный форум «Экстремальная психология в экстремальном мире». Доклады его участников, представленные в изданном объемном сборнике, свидетельствуют, что наметился тренд роста экстремальности бытия людей, причем в России это во многом обусловлено и негативным информационным контентом, доминирующим в СМИ и Интернете [30]. По данным научных исследований, это деструктивно сказывается прежде всего на психическом развитии подрастающего поколения. Многие его представители, бесконтрольно погружившиеся в интернет-реальность и ежедневно много часов «зависающие в социальных сетях», а также «подсевшие на компьютерные игры», снижают субъектную активность в просоциальной самореализации. В связи с этим отечественными учеными не только зафиксирован факт появления нового поколения «альфа», но и сделан прогноз, что мотивация и поведение его представителей, по сравнению с поколениями «X», «Y» и «Z» (в соответствии с дифференциацией, заложенной Нейлом Хоуву и Уильямом Штраусом (Strauss, Howe, 1991)), будут более эгоцентричным, конфликтным и агрессивным. Ведь из-за отсутствия полноценного регулирования со стороны государства информационного пространства Интернета, а также вследствие имеющего место снижения в XXI веке просоциального влияния семьи и институтов гражданского общества у подрастающего поколения происходят нравственные и интеллектуальные деструкции [22].

Сегодня в ряде социальных сетей, которые популярны у молодежи, идет целенаправленное девальвирование патриотизма и скромности, уважения старших и усердия в самореализации на благо общества. В итоге модной среди подрастающего поколения становится проблематика «новой этики», принятие в качестве ценностных ориентиров стандартов «поп-культуры», лозунгов «гедонизма» (например, «будь счастливым ребенком без родителей», «кайфуй пока молодой» и пр.). Поэтому среди отечественных ученых растет понимание того, что проблема обеспечения информационной безопасности подрастающего поколения - это предмет, требующий междисциплинарных исследований [21]. Для решения постоянно расширяющегося здесь поля проблем требуются, на наш взгляд, превентивный подход и скоординированные действия на всех уровнях: от семейного и институционального до регионального, государственного и международного.

Учеными неоднократно отмечалось, что в России сохраняются пробелы в правовом регулировании информационной безопасности детей [4; 7; 8; 26]. Несмотря на принятие в нашей стране в последнее десятилетие ряда нормативных правовых актов (Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также новые ограничения, введенные в Федеральные законы «О рекламе», «О СМИ» и др.), продолжается и, прежде всего, через Интернет активное побуждение детей и подростков к

рискованному поведению, их вовлечение в азартные игры, в развратные действия, в суб- и контркультурные объединения, приобщение к протестной и криминальной деятельности. В связи с этим существует, на наш взгляд, необходимость дальнейшего совершенствования отечественного законодательства, причем по ряду направлений.

Во-первых, важным является введение в отечественное законодательство норм, обеспечивающих информационно-саногенную безопасность детей и подростков как пользователей Интернета. Это связано с тем, что растет число лиц, имеющих интернет-зависимость. Проведенное в этом году под нашим руководством исследование И.В. Воронина - выпускника магистратуры по профилю подготовки «Психология безопасности в образовании» показало, что в условиях расширения из-за пандемии дистантной формы обучения среди учащихся колледжей, по сравнению со студентами вузов, наблюдается больший прирост интернет-зависимых лиц. В этой связи представляется необходимым, также как это сделано в Китае, Индии, Австралии и ряде других стран, принять законодательные ограничения в области пользования интернет-ресурсами с учетом возрастного норматива. Проблема здоровья подрастающего поколения российских граждан (физического и психического) должна быть, на наш взгляд, предметом особого контроля.

Во-вторых, необходимо нормативно четче регламентировать противодействие любым угрозам жизни детей, распространяемым как в сети Интернет, так и путем рассылочной продукции мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram и др.), обеспечив введение не только повышенных штрафов, но и определив строгие уголовные наказания лицам, осуществляющим кибергруминг или распространяющим детскую порнографию, призывы подростков к суициду и иным «деструктивным вариантам жизни». Такой подход разделяется законодателями европейских стран, где в период пандемии произошел рост подобных преступных деяний в отношении несовершеннолетних [10; 13].

В-третьих, требуется усилить превенцию радикализации среди молодежи. Ведь Генеральный прокурор России Игорь Краснов на коллегии ведомства, состоявшейся 17 марта 2021 г., обратил внимание, что в стране только за 2020 год число криминальных деяний экстремистского характера выросло почти вдвое. При этом с учетом того, что Интернет стал одним из основных источников распространения радикальной идеологии, соответствующим органам пришлось удалять противоправный контент с более 52 тысяч интернет-ресурсов, т.к. содержались призывы к массовым беспорядкам, экстремизму, терроризму. После предупреждений пришлось блокировать доступ к более чем 10 тысячам сайтов [23].

С учетом выше отмеченных моментов при совершенствовании законодательства возрастёт запрос к реализации психологами экспертной функции. Поэтому поддерживаю решение Минобрнауки (Приказ № 118 от 24 февраля 2021 года) о введении в перечень направлений ВАК по психологической науке новой научной специальности под номером 5.3.9 – «юридическая психология и психология безопасности». И хотя мои коллеги-психологи порой критично замечают, что проблематика безопасности имеется и в содержании паспортов других научных специальностей, но всё же ее статусность рядом с направлением юридической психологии достаточно уместна. Ведь на сегодняшний день обеспечение различных видов безопасности регламентируют более чем 70 нормативных правовых актов федерального уровня. Кроме того, периодически обновляется и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, причем в неё вносятся положения не редакционного, а новаторского характера.

В соответствии с Указом Президента России №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», подписанным 2 июля 2021 года, при ее реализации предстоит руководствоваться положениями расширенного по содержанию Раздела «Информационная безопасность». В нем в качестве ключевого ориентира записано (п. 56): «Целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве». При этом в части 2 п. 57 Стратегии подчеркивается важность «развития системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз». [18]

Проблематика обеспечения информационной безопасности разных категорий россиян представлена в ряде докладов на нашем Форуме. Отмечу, что их содержание соответствует общему тренду психологических исследований, который был задан с момента защиты первых двух докторских диссертаций: Георгием Васильевичем Грачевым, обосновавшим в 2000 г. методолого-теоретические основы противодействия информационно-психологическим воздействиям в виде манипуляций и информационно-психологических операций [12], и Ириной Александровной Бaeвой, обосновавшей в 2002 г. теоретические основы и технологии обеспечения психологической безопасности в образовательной среде [2]. Учитывая, что с момента выхода их монографий прошло более двух десятилетий и появились новые информационные угрозы, хотелось обратить далее внимание на вопросах реализации положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, включенных в Раздел «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти», которые напрямую касаются ориентиров по превентивно-воспитательной работе с подрастающим поколением.

В пункте 91 Стратегии нацбезопасности РФ записано: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» Учитывая, что традиционные российские духовно-нравственные ценности объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну, в ч. 5 и ч. 6 П.93 Стратегии отдельно зафиксировано: «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти обеспечивается путем решения таких важных задач, как «развитие системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству», а также важна «поддержка общественных проектов, направленных на патриотическое воспитание граждан, сохранение исторической памяти и культуры народов Российской Федерации». [18]

Расширенное цитирование положений Стратегии нацбезопасности РФ осуществлено в силу того, что сегодня против нашей страны развернута информационно-психологическая «война памяти», целью которой является снижение у несовершеннолетних и молодежи чувства патриотизма и одновременно развития «вины за прошлое». Учеными отмечается, что «мнемическая война» ведется в контексте политического противостояния с Россией и направлена не только на расширение дискуссии по изменению материально-культурных символов прошлого (например, о необходимости сноса ряда памятников, о переименование улиц, городов и пр.), но и нацелена на смену ценностно-смысловых ориентиров у подрастающего поколения [3, с. 4]. О возможности реализации такого сценария, на мой взгляд, свидетельствуют изменения в ряде стран СНГ, где «война памяти» в XXI столетии стала разновидностью символической борьбы за новую национальную идентичность, а в акции борьбы активно вовлекается прежде всего дети и подростки. Это делается через предварительно реализованные новации в образовании, через книги и фильмы с отрицанием национальных реалий прошлого, через специально организуемые художественные и иные перформансы. Отмечу, что в ряде стран, возникших на постсоветском пространстве (например, в Украине), созданы и целенаправленно действуют специальные институты памяти, обеспечивая координацию и контроль в реализации мер символического воздействия, в том числе с использованием «смарт-психотехнологий» [6].

Насколько сложно противостоять в «мнемической войне» при засилье в транспарентном информационном пространстве западных СМИ и американских инфорп-платформ, проясню на личном примере. Пять лет

назад вместе с коллегами – юристами из ведущих вузов России была подготовлена статья компаративного содержания на тему «Сохранение исторической памяти: возможности уголовной политики». В статье была предпринята попытка консолидировать усилия отечественных и зарубежных ученых в разработке международного нормативного акта, регламентирующего санкции за переписывание истории в угоду текущей политической конъюнктуры или в аспекте глобалистской перспективы. В силу отмеченной позиции авторов статья была опубликована за рубежом только через 4 года, да и то лишь в журнале, издаваемом Евразийским обществом прикладной лингвистики (EurasianALS) [31]. Однако несмотря на личный опыт затрудненного отстаивания научных взглядов, до сих пор внимательно смотрю за публикациями по проблеме мемориальных войн, ведущихся со всё большим применением «консциентального оружия» (согласно политическому психологу Ю.В. Громыко, «это специальные когнитивные технологии, направленные на поражение общественного сознания» [5; 14; 19]). Рад, что в последние годы по проблематике «мнемических войн» возросло не только число публикаций, но и качество научных обсуждений, авторы которых всё больше ориентируются на междисциплинарный подход и призывают к активному участию психологов [1].

О путях повышения информационной безопасности подрастающего поколения конструктивная дискуссия состоялась на проведенном нашим факультетом 14 сентября 2020 г. Методологическом семинаре на тему «Проявления экстремизма среди молодежи в эпоху цифрового общества и психологические пути их профилактики». Он был подготовлен совместно с лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Выступавшие на семинаре (а это эксперты из Антитеррористического центра стран СНГ, ученые из НИИ правоохранительных органов и Института Психологии РАН, профессора и доценты из ведущих гражданских и ведомственных вузов страны) обозначили комплекс научных проблем и узких мест в практике обеспечения информационной безопасности подрастающего поколения. Ведь сегодня под влиянием социальных сетей Интернета и фэйков из СМИ российская молодежь все активнее привлекается радикалами разных мастей в конкретные протестные акции. Через соцсети ведется и целенаправленная вербовка среди подрастающего поколения адептов экстремистских и террористических организаций. В психологическом ракурсе замечу, что основанием результативности их информвоздействий выступает то, что, с одной стороны, задействуются упрощенные лозунги, создающие у молодежи образ конкретного врага, причем по разным основаниям контраста – политическому, расовому, этническому, религиозному, экологическому и иным, а с другой стороны, благодаря современным психотехнологиям успешно реализуется консолидация сторонников, особенно среди подростков.

Как показали исследования, проведенные в МГППУ, в том числе и нашими коллегами с факультета «Юридическая психология» (имею в виду обзорные статьи по радикализации в современном обществе профессора И.Б. Бовиной, диссертационное исследование Е.Э. Бойкиной на тему «Социальный остракизм как фактор антисоциального поведения несовершеннолетних» и др.), сегодня радикализация взглядов у подростков все чаще идет через индивидуализированные формы их интернет-вовлечения в противоправную деятельность, причем это реализуется без «формального» вхождения в организационные структуры радикальных движений и экстремистских организаций. Через какие формы групповой идентификации сегодня обеспечивается подключение подрастающего поколения к протестным акциям раскрою подробнее.

В последнее десятилетие *возросло вовлечение подростков во флэшмобы протестной направленности*. Данная форма активности вызывает живой интерес прежде всего у несовершеннолетних, причем в силу того, что флэшмобы организуются не только в открытом Интернет-пространстве, но и на закрытых чатах. Умелые «кукловоды флэшмобов» после вывода участников на публичные акции и задержания за это правоохранителями обычно оказываются вне поле зрения следствия. Это связано и с психологией поведения подростков на следствии, когда они занимаются самооговором и берут вину на себя. Для создания психологической методики выявления организаторов флэшмобов в этом году под нашим научным руководством студенткой специалитета А.А. Ильиной подготовлена выпускная квалификационная работа на тему «Методика анализа по интернет-роликам невербальных проявлений у участников молодежных флэшмобов экстремистской направленности для выявления лиц, относящихся к руководящему ядру». В рамках исследования путем сравнения по интернет-роликам невербальных проявлений участников молодежных флэшмобов экстремистской направленности было установлено, что в серии видеосюжетов, оцениваемых как «успешно состоявшиеся акции», члены руководящего ядра больше проявляют себя на уровне невербального поведения и оно является действенным по влиянию. Это связано с тем, что поведенческими маркерами лидерства, реализуемого в молодежных флэшмобах экстремистской направленности, являются такие комплексы невербальных проявлений у руководящего ядра, как «Воодушевление», «Содействие изменениям», «Мобилизация», «Обуздание эмоций». Это может быть зафиксировано при анализе трехмерной топономики невербалики участников флэшмобов и, прежде всего, по невербальным проявлениям «Психологической вертикали» и «Психологической саггитали». Указанные невербальные паттерны выявляются надежно, хотя организаторы пытаются не попадать сами в гущу событий, всячески стремятся избегать съемки на камеру. Учитывая, что подростки активно выкладывают свои флэшмобы в сети Интернет, разработанный Ильиной А.А. методический инструментарий

стал востребованным в практике правоохранительных органов. Это связано с тем, что он расширяет возможности метода анализа социальных сетей (SNA), который зарубежными специалистами применяется при расследовании преступлений от подростковой наркомании до террористических актов [16].

В последние годы все более массовым становится *вовлечение подростков в пропагандистскую деятельность*. Это обусловлено с тем, что среди подростков крайне популярным становится блоггерство. При этом раскрутка определенными СМИ (и прежде всего теми, которые имеют статус «иностранные агенты») радикально-хайповых высказываний ряда блоггеров следует рассматривать как втягивание молодежи в пропагандистские компании. Самый свежий пример здесь – это голосование в соцсетях по поддержке высказывания рэпера Моргенштерна о неприятии массовых акций памяти по погибшим в Великой Отечественной войне.

Вовлечение подрастающего поколения в пропагандистскую деятельность является сегодня одной из ключевых задач в деятельности экстремистских и террористических организаций [20]. При этом ориентир взят на целенаправленное стимулирование молодежи к ведению индивидуальной пропаганды (например, в аспекте отсутствия «социальных лифтов», для пропаганды этнического сепаратизма, идей джихада и т.д.). Учеными установлено, что мотивирование через соцсети, например, активного участия молодежи в джихаде оказалось исключительно привлекательной идеей для многих тысяч молодых мусульман во всем мире. При этом информационное соучастие в джихаде позволило сформировать образ силы у системы ИГИЛ, а также расширить ее влияние как исламистской идеологии [15].

Крайне беспокоит *вовлечение подростков в субкультуры насилия*. Отечественные и зарубежные исследования свидетельствуют, что наиболее предрасположены к принятию субкультур насилия молодые люди с ограниченным интеллектуальным кругозором, а также невротики, испытывающие проблемы с социальной адаптацией [29]. В России наиболее яркими примерами «субкультур насилия» в последнее десятилетие выступили движение А.У.Е. и сетевое сообщество «колумбайнеров».

Как известно, движение АУЕ было признано экстремистским и запрещено в России решением Верховного суда от 17 августа 2020 года. Есть разные толкования аббревиатуры данного движения, но самый распространенный – «Арестантский Уклад Един», т.к. представителями сообщества ведется пропаганда атрибутов криминальной субкультуры, ориентирующей на «понятия и законы воровской жизни». Как юридический психолог замечу, что в том или ином виде подростковые криминальные образования в мире и в России существуют столько, сколько и действующие в странах пенитенциарные системы, т.к. их спецконтингент стремится влиять на подрастающую смену. Благодаря Интернету в России и возникло массовое неформальное сообщество АУЕ, на чатах которого

общались сотни тысяч участников. АУЕ для части подрастающего поколения стало не только интернет-мемом, символизирующим контрастно новое, но и освоением подростками правил так называемой "жизни по понятиям", возможностью участия в сборах «на общак», в акциях противодействия правоохранительным и иным властным структурам.[27]

Крайне беспокоит рост в России в последние годы фактов «скулшутинга» - вооруженного нападения учащихся на лиц, находящихся внутри образовательного учреждения. По мнению экспертов, одной из причин роста скулшутинга выступает то, что до недавнего времени только в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте» наблюдалось около 30-ти «колумбайн-сообществ» (термин отражает название школы Колумбайн (США), в которой в 1999 г. произошло вооруженное нападение 2-х учащихся (Эрик Харрис и Дилан Клиболд) на своих одноклассников и в результате погибли 13 человек) [32]. В отечественных «колумбайн-сообществах» Интернета обнаружено зарегистрированными порядка 90 тыс. участников. Как следствие, практически все вооруженные нападения в школах и колледжах, в том числе и недавно имевшие место в России, были организованы подростками, состоявшими в «колумбайн-сообществах». Заключение экспертов свидетельствует, что именно в соцсетях ими освоена криминально-ролевая модель поведения.

В последние годы активизировано вовлечение подростков в экстремистскую и террористическую деятельность через *Uber-технологии*. Это произошло из-за адаптации международными экстремистскими и террористическими организациями под свои нужды компьютерной технологии, впервые реализованной компанией Uber, которая создала мобильное приложение, позволяющее пассажирам и частным водителям находить друг друга. Использование экстремистскими и террористическими организациями возможностей компьютерной технологии типа Больших данных позволило, с одной стороны, устранить посредников в подготовке и проведении своих акций, т.к. их роль выполняет электронная платформа, а в итоге повышается защита от правоохранительных органов, а с другой стороны, усилена проверка и увеличено число адептов среди подростков и молодежи, т.к. применение в социальной сети когнитивных технологий позволило вести профайлинг среди потенциальных членов организаций в аспекте их потенциала и целенаправленно их подключать к выполнению определенных поручений. Исследования ученых из Западной Европы свидетельствуют, что экстремистские и террористические организации после психотехнически грамотной идеологической обработки адептов из числа молодежи используют их в качестве или как ничего не подозревающих пособников, или как боевиков-одиночек в проведении теракта. Как и водители автомобилей ресурса «Uber», они должны быть постоянно подключены к «приложению» и оперативно «выполнить заказ». [24] Особо отмечу, что информация с «заказом» может передаваться не только по соцсети, но и через QR-коды, нанесенные на стены домов, доски объявлений. По мнению специалистов, масштаб и перспективы развития

информационно-коммуникативной технологии «уберизация терроризма» пока недостаточно изучены.

Сегодня продолжают активно модифицироваться и формы *вовлечения несовершеннолетних и молодежи в «умные толпы» протестующих*. Консолидировать недовольных и выводить их массово на улицы радикальным движениям позволили когнитивные технологии, используемые в социальных сетях. В итоге подростки и молодежь активно участвовали во всех «цветных революциях», которые были в 21 веке. Как пишет в книге «Революция 2.0» Ваэль Гоним - один из организаторов цветной революции в Египте (книга в России издана в 2012 г.) – мобилизация молодых египтян на общественную поддержку политического протеста велась через Facebook и включала 4 стадии. На первой стадии убеждали присоединиться к странице и читать записи. На второй стадии подталкивали взаимодействовать с контентом, ставя лайки и комментировать. На третьей стадии – принимать участие в онлайн-кампаниях страницы и самим поставлять контент. На четвертой стадии выводили на улицу. При этом в Египте одной из первых уличных акций в 2011 г. стало «Немое стояние на улицах» Каира и Александрии как «мирный бунт» за смещение президента Хосни Мубарака, правившего около 30 лет и жестко подавлявшего представителей оппозиции. На мой взгляд, это была пилотажная флэшмоб-акция. Последствием других, все более массовых акций протеста в Египте стала отставка легитимного президента, а также затем и хаос, потрясший страну. [9] Особо отмечу, что проведение акций не обошлось и без поддержки США, которые перевели 150 млн. долларов на счета различных неправительственных организаций в Египте.

Как отмечают эксперты, «цветная революция» в Египте удалась именно на фоне возникшего в данной стране демографического феномена «молодежный пузырь», т.е. резкого возрастания в стране доли данной социальной страты среди населения, причем недовольство ее представителей и использовали политические манипуляторы. Замечу, что опора на молодежь была и при организации иных цветных революций, причем не только на Ближнем Востоке, но и в государствах постсоветского пространства (Грузия, Киргизия, Украина) [11; 17; 25].

В целом, вовлечение через интернет подростков и молодежи в «умные толпы» и управление ими как участниками обычно ведется в духе рецептуры американского философа и политтехнолога Джина Шарпа – автора книги «От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения» [28]. В ряде переводов сокращенного варианта книги Шарпа есть и подзаголовок, конкретизирующий суть подхода: «198 способов ненасильственной борьбы». Современные ученые, осуществляя сравнение алгоритмов в использовании указанных способов при реализации конкретных «цветных революций», обращают внимание, что организаторы учитывают как ментальность в конкретных странах, так и «революционный потенциал» молодых участников. В связи с этим замечу, что Джин Шарп незадолго до своей смерти в 2018 г. признался, что он был координатором

проектов при развале СССР, неоднократно посещая в конце 1980-х годов республики Прибалтики.

Последователи Джина Шарпа в XXI веке активно задействовали в создании и координации действий участников «умных толп протеста» и новые технологии: например, используется технология «стелс-интернета», чтобы преодолеть фактор блокирования Интернета в период уличных протестов. Если не раскрывать далее технологическую составляющую, то представляется важным привести качественные различия, обнаруживаемые при сравнении характеристик «умной толпы» и действий их субъектов, с параметрами традиционной «стихийной толпы». Имеются 7 ключевых различий, подчеркивающих преимущества «умной толпы» при организации массовых беспорядков (табл. 1).

Таблица 1

Различия между традиционной и «умной» толпами

Фактор	Традиционная толпа	«Умная толпа»
1. Повод возникновения	Шоковый стимул, выведший людей на улицу	План, реализуемый в соцсетях для подготовки и вывода людей на массовый протест
2. Скорость образования большой толпы	От 3 до 6 часов	От 10 до 20 минут
3. Численность толпы	До 20 тыс. человек	Свыше 500 тыс. человек
4. Управление участниками	Только на начальных стадиях	Постоянное
5. Структурирование участников толпы	Выраженная структура «центр – периферия»	Структура «Роение»
6. Эмоциональное состояние в толпе	Терминальное	Экстремальное
7. Медийное сопровождения	Случайное	Постоянное

Приведенные различия хорошо просматриваются по протестным митингам в поддержку арестованного Алексея Навального, которые состоялись в конце декабря 2020 г. в Москве и иных городах – мегаполисах России. Так, все акции протеста готовились и проводились штабами ФБК через Интернет, в том числе по предварительному сценарию, со структурированием и управлением участниками, с попыткой расширения образа экстремальности и целевым медийным сопровождением. То, что в декабре прошлого года не дошло до формирования агрессивной действующей толпы, которая сметает всё на своем пути, надо отдать должное нашим сотрудникам полиции и Росгвардии, которые прошли специальные тренировки по профилактике «массового криминального деструктива», причем особенно со стороны несовершеннолетних. Ведь именно их организаторы особо приглашали через соцсети приходить и даже нападать на полицию, т.к. за это им не будет строгих наказаний, а деньги получают, в том числе через содействие в подаче жалоб в ЕСПЧ. К счастью, по указанным протестным акциям основную массу несовершеннолетних не допустили на площади.

В заключение отмечу, что в контексте информационной безопасности подрастающего поколения мной раскрыта лишь часть направлений и показаны только ключевые формы вовлечения подростков и молодежи в деструктивное поведение. Учитывая, что сегодня ученые много пишут по таким акциям с вовлечением молодежи, как «криминальный карнавал», «экологические» и «антиковидные» манифестации, причем организуемые на основе смарт-технологий, реализуемых в сетях Интернет, представляется крайне важным не только выявление и обсуждение опыта разработки психологически действенных контрпропагандистских мер, но и проведение на российских выборках молодежи междисциплинарных исследований. Наш факультет готов к их проведению. Ведь их результаты востребованы госорганами, а также важны для совершенствования профподготовки специалистов профессий особого риска. Представляется, что выступления участников Форума будут способствовать развитию творческого сотрудничества в исследованиях и обмену передовым опытом.

Список литературы

1. Аникин Д.А., Линченко А.А. Мемориальные войны в условиях восточно-европейского фронта: в поисках методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 55-63.
2. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды. Теоретические основы и технологии создания: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 386 с.
3. Барабанов О.Н., Пахалюк К.А., Уль М. Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти. М.: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020. 48 с.
4. Бегишев И.Р. Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 207–220.
5. Бейлин М.В. Консциентальные войны в эпоху информационных технологий // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3(19). С. 169-177.
6. Березняков Д.В., Козлов С.В. Политика идентичности постсоветской Украины: Как «украинское» побеждало «советское» // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: Малинова О.Ю. М.: РАН. ИНИОН, 2017. Вып. 5: Политика идентичности. С. 198-222.
7. Гольдяпина И.Ю. Законодательство России в области обеспечения информационной безопасности детей // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 17-25.
8. Гоним В. Революция 2.0. СПб.: ИГ Лениздат, 2012. 352 с.
9. Горковская М. Число несовершеннолетних жертв кибергруминга на фоне COVID-19 растет [Электронный ресурс] <https://ru.euronews.com/2021/02/09/child-abuse-uk>
10. Гостев А.А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 467 с.
11. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности. Теория и технология психологической защиты: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2000. 547 с.
12. Гриненко У.Б., Ромеро Рейес И.В. Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 180-195.
13. Громыко Н.В. Использование информационных технологий в качестве «консциентального оружия» [Электронный ресурс]. URL : http://www.situation.ru/app/j_artp_984.htm (дата обращения: 29.09.2021).
14. Власенко М.С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет: современное состояние и совершенствование

- правового регулирования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т.1. №3. С. 98-105.
15. ИГИЛ как угроза международной безопасности: монография / коллектив авт.; под ред. А.В. Глазовой. М.: РИСИ, 2016. 188 с.
 16. Кантер Д. Криминальная психология / Пер. с англ. Тарабанова Е.М. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2021. С. 182-184.
 17. Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. 2014 № 6 (39). С. 61-67.
 18. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400. [Электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>.
 19. Почепцов Г.Г. Смысловые и информационные войны: поиск различий [Электронный ресурс]. URL : <http://psyfactor.org/psyops/infowar16.htm>.
 20. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб.: ООО «Издательство «Русь», 2018. 96 с.
 21. Солдатова Г.В., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность: Монография. М.: Смысл, 2018. 375 с.
 22. Солдатова Г.В. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учеб.-метод. пособие / Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, А.А. Дренёва, С.Н. Илюхина. М.: Когито–Центр, 2019. 176 с.
 23. Состоялось расширенное заседание коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2019 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2020 год [Электронный ресурс] <https://epp.genproc.gov.ru>.
 24. Сундиев И.Ю. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // «Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде»: материалы Всероссийского форума (Москва, 23–24 сентября 2019 г.) / Национальный антитеррористический комитет [и др.]. - М.: МГИМО-Университет, 2019. С.18-20.
 25. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Кундетов А.И., Трофимов Д.А. Исследование деструктивных психологий «цветных революций» и профилактика возможности их применения в Российской Федерации: Пособие. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2014. 86 с.
 26. Филиппов В.М., Насонкин В.В., Папачараламбоус Ч. Права и интересы детей в информационной сфере: реформирование законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. №2. С. 362–372.
 27. Чирун С.Н. Молодежное «Ауе» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №1. С. 49-64.
 28. Шарп Джин. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. – М.: Ультра. Культура, 2005. 90 с.
 29. Швецова М.А., Морина К.Р. Методы противодействия молодежным деструктивным субкультурам // *Interactivescience*. 2021. №2 (57). С.33-42.
 30. Экстремальная психология в экстремальном мире [Текст]: Материалы I Международного молодежного научного форума / Под ред. А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, В.Е. Петрова, В.М. Позднякова. М.: МГППУ, 2019. 358 с.
 31. Bertovsky L., Pozdnyakov V., Mamedov A., Manna A., Pudovochkin Y. Historical Memory Preservation: Capabilities of Criminal Policy // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. №4.
 32. Rampage: The Social Roots of School Shootings [Электронный ресурс] / Newman K.S., [et al.] / In Rampage: the social roots of school shootings. New York: Basic Books, 2004. P. 352. URL: <https://www.basicbooks.com/titles/katherine-s-newman/rampage/9780786722372> (дата обращения: 29.09.2021).

References

1. Anikin D.A., Linchenko A.A. Memorial wars in the conditions of the Eastern European frontier: in search of the methodology of research // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 466. Pp. 55–63.
2. Baeva I.A. Psychological safety of the educational environment. Theoretical foundations and technologies of creation: Diss. ... Dr. Psychol. Sciences. M., 2003. 386 p.
3. Barabanov O.N., Pakhalyuk K.A., Ul M. Let's not forget, but forgive? The image of war in culture and historical memory. - M.: Report of the Valdai Discussion Club, 2020. 48 p.
4. Begishev I.R. Kultura informheskoi zaba: psikhologiko-pravozhnoi aspect [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo. 2021. Volume 11. № 4. Pp. 207–220.
5. Beilin M.V. Conscial wars in the era of information technologies // Nauka. Art. Culture. 2018. № 3(19). Pp. 169-177.
6. Bereznyakov D.V., Kozlov S.V. The Identity Politics of Post-Soviet Ukraine: How the "Ukrainian" Defeated the "Soviet" // Symbolic Politics: Sb. Scientific. Tr. / Ed. col.: Malinova O.Yu. – M.: RAN. INION, 2017. - Vyp. Fig. 5: Identity Politics. Pp. 198-222.
7. Goltyapina I.Yu. Legislation of Russia in the field of ensuring the information safety of children // Epoch of Science. 2017. №12. S. 17-25. Гоним В. Революция 2.0. - СПб.: ИГ Лениздат, 2012. – 352 p.
8. Gorkovskaya M. The number of minor victims of cybergruming on the background of COVID-19 is growing [Electronic resource] <https://ru.euronews.com/2021/02/09/child-abuse-uk>
9. Gostev A.A. Global psychomanipulation: psychological and spiritual-moral aspects. - M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAS», 2017. – 467 p.
10. Grachev G.V. Information and psychological safety of the individual. Theory and Technology of Psychological Defense: Diss. ... Dr. Psychol. Sciences. - M., 2000. - 547 p.
11. Grinenko U.B., Romero Reyes I.V. Semantic analysis of digital destructive content on the subject of "school shoeshooting" in the social network "VKontakte" [Electronic resource] // Psikhologiya i pravo. 2021. Volume 11. № 4. Pp. 180–195.
12. Gromyko N.V. Use of information technologies in the quality of "conscial weapons" [Electronic resource] – URL : http://www.situation.ru/app/j_artp_984.htm (retrieved 2021-09-29)
13. Vlasenko M.S. Ensuring the information security of minors on the Internet: the current state and improvement of legal regulation // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishchev. 2019. T.1. №3. Pp. 98-105.
14. ISIS as a threat to international security: a monograph / collective author; ed. by A.V. Glazovoy. – M.: RISI, 2016. -188 p.
15. Kanter D. Criminalnaya psikhologiya / Per. with English Tarabanova E.M. – Kharkiv: Publishing House "Humanitarian Center", 2021. Pp. 182-184.
16. Manoylo A.V. Information factor of color revolutions and modern technologies of dismantling political regimes // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014 №6(39). Pp.61-67.
17. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 N 400. [Electronic resource] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>
18. Pocheptsov G.G. Smyslovye i informatsionnye voyny: poisk raznyy [Elektronnyi resurs]. – URL : <http://psyfactor.org/psyops/infowar16.htm> (retrieved 2021-09-29)
19. Prevention of terrorism and extremism among young people. – SPb.: OOO «Izdatelstvo «Rus'», 2018. – 96 p.
20. Soldatova, G.V., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Digital generation of Russia: competence and safety [Monograph] /G.V. Soldatova, E.I. Rasskazova, T.A. Nestik. - M.: Smysl, 2018. - 375 p.
21. Soldatova, G.V. We are responsible for the digital world: Prevention of destructive behavior of adolescents and young people on the Internet: an educational method. posobie / G.U. Soldatova, S.V. Chigarkova, A.A. Dreneva, S.N. Ilyukhina. – M.: Kogito–Tsentr, 2019. – 176 p.

22. An extended meeting of the board was held on the results of the work of the prosecutor's office for 2019 and the tasks to strengthen law and order for 2020 [Electronic resource] <https://epp.genproc.gov.ru>
23. Sundiev I.Y. Structureless and contactless ways of involving young people in terrorist and extremist activities // "Countering the ideology of terrorism in the educational sphere and the youth environment": materials of the All-Russian Forum (Moscow, 23 (September 24, 2019) / National Anti-Terrorist Committee [et al.]. - M.: MGIMO-Universitet, 2019. Pp.18-20.
24. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A., Kundetov A.I., Trofimov D.A. Study of destructive psychologies of "color revolutions" and prevention of the possibility of their application in the Russian Federation: A manual. – M.: FGKU «VNII MVD Rossii», 2014. – 86 p.
25. Filippov V.M., Nasonkin V.V., Papacharalambous Ch. Rights and interests of children in the information sphere: reformation of legislation // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Right. 2019. №2. Pp. 362–372.
26. Chirun S. N. Molodezhnoe «Aue» kak integralnoi phenomenon rossiiskogo postmoderna // Monitoring of public opinion: economic and social changes.2019. №1. Pp.49-64.
27. Sharp Jean. From dictatorship to democracy. Strategy and tactics of liberation. – M.: Ultra. Culture, 2005. 90 p.
28. Shvetsova M.A., Morina K.R. Methods of counteraction to youth destructive subcultures // Interactive science. 2021. №2 (57). Pp.33-42.
29. Extreme psychology in the extreme world [Text]: Materials of the I International Youth Scientific Forum / Ed. by A.V. Kokurin, V.I. Ekimova, V.E. Petrov, V.M. Pozdnyakov. M.: MSUPE, 2019. 358 p.
30. Bertovsky L., Pozdnyakov V., Mamedov A., Manna A., Pudovochkin Y. Historical Memory Preservation: Capabilities of Criminal Policy // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. №4.
31. Rampage: The Social Roots of School Shootings [Electronic resource] / Newman K.S., [et al.] / In Rampage: the social roots of school shootings. New York: Basic Books, 2004. P. 352. URL: <https://www.basicbooks.com/titles/katherine-s-newman/rampage/9780786722372> (дата обращения: 29.09.2021)

Горностаев Станислав Викторович

Доцент кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России,
г. Рязань, Россия

доктор психологических наук, доцент
e-mail: stanislavrz@yandex.ru

Gornostaev Stanislav Viktorovich

Associate Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor.

**ЛОЯЛЬНОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ: СТЕРЕОТИПЫ И
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

LOYALTY AND SECURITY: STEREOTYPES AND REALITY

Аннотация. В статье опровергается ряд стереотипов о лояльности и безопасности и формулируются выводы о том, что: 1) хотя руководители формулируют запрос на

лояльность, чаще всего под ним подразумевается приверженность и подчинение; 2) лояльность можно сформировать не любой группе и не в той мере, в какой хотелось бы ее руководителям; 3) лояльность способствует безопасности группы, если уровень сформированности лояльности членов группы оптимален для данного вида групп и позиции человека в ней, а также, если сложившиеся групповые нормы объективно соответствуют достижению целей безопасности.

Annotation. The article refutes a number of stereotypes about loyalty and security and formulates conclusions that: 1) although managers formulate a request for loyalty, most often it means commitment and subordination; 2) loyalty can not be formed to any group and not to the extent that its leaders would like; 3) loyalty contributes to group security if the level of loyalty formation of group members is optimal for this type of groups and the position of a person in it, as well as if the established group norms objectively correspond to the achievement of security goals.

Ключевые слова: лояльность, безопасность, организационная психология, стереотипы руководителей.

Keywords: loyalty, security, organizational psychology, stereotypes of managers.

Изложенные материалы подготовлены в ответ на запросы, возникающие, как в сфере бизнеса, так и в государственных структурах. Эти запросы во многом схожи, но не всегда выполнимы и не всегда продуктивны в связи с тем, что среди представителей обеих сфер сложились стереотипы в отношении лояльности и безопасности, а также их соотношения в группах и организациях, обладающих различными характеристиками.

В статье выделены несколько таких стереотипов:

1. Руководители организаций и лидеры групп хотят от других членов лояльности.

2. Лояльность можно сформировать любой группе или организации.

3. Лояльность - это всегда хорошо для безопасности группы или организации.

Анализ данных был проведен в ходе исследования проведенного нами в теоретической и практической плоскостях в рамках пилотажных исследований в ряде коммерческих организаций (2004-2008 гг.), а также в рамках проведения диссертационного исследования по проблемам служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФСИН России, результаты которого были неоднократно опубликованы нами ранее [2; 3; 4; 5].

Для оценки первого стереотипа будут полезны результаты проведенного диссертационного исследования, касающиеся в том числе сущности феномена лояльности. При всей простоте анализируемого феномена его бытовое восприятие в значительной мере отличается от научного. Многие люди, услышав слово «лояльность», могут ассоциировать его с чем угодно вплоть до «карт лояльности», которые на самом деле являются «картами привязанности». Однако никто не хочет быть привязанным и иметь «карту привязанности», а поэтому маркетологи

используют слово «лояльность», которое гораздо благозвучнее и вызывает меньше вопросов типа: «почему это я вдруг привязан: например, к тому или иному магазину?». В этом и многих других случаях бытовое и коммерческое употребление термина лояльность имеет к реальному феномену очень отдаленное отношение. Многие другие смыслы, причем иногда чуть ли не противоположные, также вкладываются в слово «лояльность». Например, в контексте иерархических отношений, применительно к подчиненным слово лояльность чаще ассоциируется с послушанием, а у начальников – со снисходительностью.

Но при желании можно найти наиболее общий, трансконтекстный смысл, который и составляет сущность понятия. Проведенный нами анализ источников исторического характера показал, что слово лояльность возникло в конце средних веков во французском языке от старофранцузского «loi» [аналога латинского «lex» (закон, правило, норма, порядок, договор)]. И обозначало оно следование нормам своего сословья, в основном неписаным, так как на тот момент доминировало обычное право. А поэтому прилагательное «лояльный» употреблялось в значении «нормальный, типичный, достойный представитель своего сословья».

Если обобщить позиции ключевых исследователей и различные контексты применения, то лояльность в наиболее общем смысле - это соответствие личности и ее поведения нормам группы принадлежности. То есть лояльность - это не индивидуально-психологическое качество, как многие полагают, а социально-психологический факт поведенческого, уже деятельностного соответствия личности группе принадлежности. Это соответствие в ценностях, отношениях, взаимодействии, поведении в значимых для группы ситуациях.

Итак, лояльность - это не только соответствие поведения ожиданиям группы, но и духовное, ценностно-ориентационное единство с ней, обеспечивающее поведенческое соответствие, в том числе в различных непредвиденных обстоятельствах. Вот что такое суть лояльности. Но этого ли хотят заказчики в государственных и коммерческих структурах? По опыту, чаще заказчики из числа руководителей хотят всего лишь, чтобы их подчиненные продолжали работать на благо организации, соблюдали установленные для них нормы поведения и выполняли указания, но их не интересует, какими мотивами и смыслами это обусловлено. То есть для них не важно, чтобы сотрудники разделяли с ними их ведущую деятельность. Обычно они хотят не лояльности, а приверженности и подчинения.

Рассмотрев первый стереотип, мы подошли ко второму - о возможности сформировать лояльность любой группе или организации, даже если бы лидеры этого действительно захотели.

Из определения сущности лояльности можно понять, что для того чтобы соответствовать нормам группы нужно, чтобы эти нормы прежде всего были. Причем эти нормы должны реально восприниматься и

функционировать, а не существовать лишь на бумаге. В малых группах соответственно это чисто неформальные нормы, сложившиеся исключительно на основе опыта жизни группы. В формальных группах в реально сложившихся и реализуемых членами группы нормах так или иначе учитываются формальные нормативы. Поэтому теоретически формирование лояльности организации или группе возможно. Но только в том случае если та или иная организация, несмотря на формализацию, представляет собой сообщество единомышленников. Но как писал А.А. Богданов, даже небольшая разность условий порождает различие идеологий [1], а поэтому непонятно как могут обладать одной идеологией директор-акционер и наемный клерк или генерал и рядовой. Думается, такое лишь редкие хрестоматийные исключения, как, например, «боевое братство» великого русского полководца А.В. Суворова.

Третий стереотип о связи лояльности и безопасности, тоже не так однозначен, как может показаться. Для примера можно привести известную притчу о трех строителях, которые, выполняя одну работу, на вопрос о том, что они делают, ответили по-разному: - Я таскаю камни; - Я зарабатываю деньги; - Я строю храм. Очевидно, что наиболее лоялен третий строитель, для которого результат также ценен, как и для заказчика. Однако, как этот строитель поведет себя, если заказчик передумает и решит использовать построенное здание по-другому. Когда другие продолжить работу он может оставить ее или даже навредить. Проанализированный пример показывает, что с точки зрения безопасности для каждой позиции людей в группе могут существовать оптимальная степень развития лояльности.

Другим примером, раскрывающим ограничения данного стереотипа, является традиция ряда древних сообществ регулярно приносить в жертву божествам своих сильнейших представителей. Лояльное соблюдение данной традиции, возможно, помогало самоуспокоению, но очевидно не защите от врага. Поэтому данная лояльность в этом случае вряд ли объективно способствовала целям безопасности.

Таким образом, лояльность способствует безопасности группы или организации, если уровень сформированности лояльности членов группы оптимален для данного вида групп и позиции человека в ней, а также если групповые нормы объективно соответствуют достижению целей безопасности.

В заключение отметим, что нами в результате анализа запросов руководителей, базирующихся на стереотипах о лояльности и безопасности, выделены основные реалии в указанной сфере, позволяющие в рамках психологического консультирования сделать запросы руководителей более адекватными. Изложенное может способствовать и дальнейшим исследованиям со стороны представителей разных областей научного знания.

Список литературы

1. Богданов А. Наука об общественном сознании. – 3-е изд. – Петербург: Книга, 1923. – 313с.
2. Горностаев С.В. Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3 (70). С. 67-72.
3. Свинаярева О.В., Горностаев С.В. Служебный долг: значение для служебной деятельности, сущность, формирование // Закон и право. 2014. № 9. С. 37-40.
4. Горностаев С.В. Служебная лояльность сотрудников как научная проблема и фактор обеспечения безопасности и эффективности в функционировании уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 133-138.
5. Горностаев С.В., Поздняков В.М. Проблемы оценки лояльности государственных служащих формальным группам принадлежности // Психология и право. 2018. №4. С. 155-167.

References

1. Bogdanov A. The science of public consciousness. - 3rd ed. - Petersburg: Kniga, 1923-- - 313 p.
2. Gornostaev S.V. The methodology of color metaphors as a means of diagnosing service loyalty // Psychopedagogy in law enforcement. 2017. No. 3 (70). Pp. 67-72.
3. Svinareva O.V., Gornostaev S.V. Official duty: meaning for official activity, essence, formation // Law and Legislation». 2014. No. 9. Pp. 37-40.
4. Gornostaev S.V. Service loyalty of employees as a scientific problem and a factor of ensuring safety and efficiency in the functioning of the penal enforcement system // Man: crime and punishment. 2016. No. 1 (92). Pp. 133-138.
5. Gornostaev S.V., Pozdnyakov V.M. Problems of assessing the loyalty of state employees to formal groups of affiliation // Psychology and Law. 2018. №4. Pp. 155-167.

Лебедев Игорь Борисович

профессор кафедры психологии УНК
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД РФ имени
В.Я. Кикотя
доктор психологических наук, профессор
e-mail: i_leb53@mail.ru

Lebedev Igor Borisovich

Professor of the Department of Psychology of the
UNC of Psychology of Official Activities of the
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation named after V.Y.
Kikot
Doctor of Psychology, Professor

ТЕОРИЯ КОПИНГ - ПОВЕДЕНИЯ, ЕЕ РАЗВИТИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД

COPING THEORY - BEHAVIOR, ITS DEVELOPMENT AND USE IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF ATS EMPLOYEES

Аннотация. Профессиональная деятельность сотрудников ОВД по своей сути является экстремальной. В статье кратко анализируются способы преодоления стресса у сотрудников ОВД в рамках теории копинг-поведения. Автор рассматривает содержание копинг-поведения, основу которого заложили работы американского психолога Ричарда Лазаруса. В статье теория копинг-поведения рассматривается с точки зрения ее применения в профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Делается вывод о том, что, несмотря на свою давнюю историю, теория копинг-поведения не потеряла своей актуальности и используется в подготовке современных специалистов экстремального профиля.

Annotation. The professional activity of police officers is inherently extreme. The article briefly analyzes ways of coping with stress among police officers within the framework of the theory of coping behavior. The author examines the content of coping behavior, which was based on the work of the American psychologist Richard Lazarus. The article examines the theory of coping behavior from the point of view of its application in the professional activities of police officers. It is concluded that, despite its long history, the theory of coping behavior has not lost its relevance and, with a certain refinement, is used in the training of modern extreme specialists.

Ключевые слова: стресс, копинг-поведения, копинг – стратегии, личностно – средовые ресурсы, профессиональная деятельность сотрудников ОВД.

Key words: stress, coping behavior, coping strategies, personal and environmental resources, professional activity of police officers.

Проблема стрессоустойчивости и надежности профессиональной деятельности специалистов экстремального профиля (подводников, летчиков, сотрудников МВД, спасателей МЧС России и нек. др) является ведущей в рамках основных проблем психологии труда, инженерной психологии, эргономики, психологии безопасности, экстремальной психологии [4, С. 150]. Вопрос личной психологической устойчивости к стрессу является профессионально значимым, ибо от него зависит эффективность служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД).

На наш взгляд, одним из возможных подходов к психопрофилактике профессиональных деструкций и психических расстройств у сотрудников ОВД, решающих эту задачу теоретически обоснованно и понятно, позволяющим держать весь процесс формирования стрессоустойчивости под педагогическим контролем может стать транзакционная когнитивная теория стресса и копинга Р. Лазаруса.

Копинг - значит преодоление стресса, стресс и копинг - два нераздельных для человека процесса. Р.Лазарус попытался первым обосновать положение, что способность преодолевать стресс в большинстве случаев более важна, чем природа и величина стресса, частота его воздействия [7, р. 51].

Копинг-поведение, как было показано во многих исследованиях, регулируется посредством применения копинг-стратегий на основе личностных и средовых копинг-ресурсов. Оно является результирующей взаимодействия копинг-стратегий и копинг-ресурсов. Копинг-стратегии рассматриваются как актуальные ответы личности на воспринимаемую угрозу, как способ управления стрессором. В свою очередь копинг-ресурсы бывают личностные и средовые. Одним из самых важных средовых копинг-ресурсов является социальная поддержка - обмен ресурсами между поставщиком (донором) и получателем (реципиентом) с целью повышения благополучия получателя. К личностным копинг-ресурсам относят: Я-концепцию, локус контроля, восприятие социальной поддержки, мораль, эмпатию, аффилиацию и другие психологические конструкции.

Данные наших исследований свидетельствуют, что все сотрудники МВД могут быть условно разделены на две группы: (1) те, у кого копинг-поведение стихийно, но все же оказалось в принципе сформировано и (2) те, копинг-поведение которых так и не было сформировано. По шкале «копинг сформирован - не сформирован» можно проградировать весь личный состав МВД. Не вызывает сомнения, что процессы формирования новой Я-концепции сотрудника ОВД как личностного копинг-ресурса, и копинг-стратегий осуществляются параллельно, оказывают выраженное влияние на становление личности сотрудника и взаимосвязаны [2, С. 117].

По мнению Р. Лазаруса, психологический и физиологический стресс отличаются друг от друга по особенностям воздействующего стимула, механизму возникновения и характеру ответной реакции. Физиологический стресс характеризуется нарушением гомеостаза и вызывается непосредственным действием неблагоприятного стимула на организм. В целом, стресс - это комплексное состояние организма, характеризующееся повышенной напряженностью, возникающей независимо от сознания человека и протекающей на сознательном, бессознательном и физиологическом уровне.

На начальной стадии исследования мы предположили, что существуют 4 основные типа стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности сотрудников ОВД [8, р.77].

Первый тип ситуаций связан с постоянной повседневной деятельностью сотрудников ОВД и характеризуется условиями деятельности, к которым сотрудник привык, т.е. он знает, как, когда и что надо делать, у него существует набор привычных способов поведения в данных ситуациях. Эти ситуации не представляют угрозу для сотрудника, во всяком случае они так оцениваются им самим.

Ситуации второго типа характеризуются нарушением параметров привычности, стандартности поведения в целом или какого-то конкретного действия. Эти ситуации, как и первые, не несут в себе угрозу для жизни и здоровья сотрудника.

Ситуации третьего типа отличаются от ситуаций первого типа наличием элементов опасности и риска, вместе с тем профдеятельность в условиях этих ситуаций осуществляется по известным сотруднику канонам и стандартам (например, сапер разминует мину - действие опасное, но знакомое).

И, наконец, ситуации четвертого типа возникают в условиях опасности и риска, а также полной или почти полной неизвестности относительно алгоритмов своей деятельности для достижения поставленной цели (например, сотруднику надо пройти по минному полю).

В ответ на воздействие ситуации любого типа поведение сотрудников может быть 1) адаптивным (т.е. адекватным ситуации и нацеленным на разрешение проблем, вызванных ситуацией), 2) псевдоадаптивным (имитирующим деятельность, но не достигающим цели или только частично достигающим), 3) дезадаптивным (уклоняющимся от разрешения проблемы).

Принципиальная схема реагирования на стрессор в копинг-поведении включает в себя когнитивные оценки (первичные и вторичные), а также эмоционально-оценочные реакции. Первичная оценка стрессора приписывает ему сначала определенный знак, т.е. стрессор (событие) оценивается либо как 1) позитивное (благоприятное), либо 2) негативное (вредоносное, опасное и т.п.), а также 3) как нейтральное. Затем, исходя из первичной когнитивной оценки события, происходит неосознаваемое включение эмоционально-оценочных реакций, которые подконтрольны когнитивной оценке. После включения эмоциональной оценки формируется определенное управляемое психическое состояние (в условиях него протекает ответное поведение). На третьем этапе реагирование на стрессор включается вторичная когнитивная оценка, которая по механизму организации обратной связи либо одобряет первичную оценку и деятельность на его основе (при этом возможна некоторая корректировка психического состояния и поведения), либо, если деятельность и психическое состояние оцениваются как неправильные, выполняет функции психологической защиты [7, p.291].

По мере усиления стрессового характера ситуации, что сопровождается возрастанием эмоционального напряжения, нижележащие уровни все в большей мере активизируют свое давление на верхние уровни, что сопровождается фактом «сужения» сознания и ослаблением его влияния на поведение в конкретной ситуации (нарушение единства сознания и деятельности). В копинг-поведении этот процесс должен быть наиболее заметен в динамике соотношения различных копинг-стратегий и их влиянии на поведение [8, p.80].

В результате теоретических и экспериментальных исследований было показано, что для совладания со стрессом каждый человек использует собственные стратегии (копинг-стратегии) на основе имеющегося у него личностного опыта (личностные ресурсы и копинг-ресурсы). Поэтому

совладающее (стресс-преодолевающее) поведение стали рассматривать как результат взаимодействия копинг-стратегий и копинг-ресурсов. Копинг-стратегии - способы управления стрессирующим фактором, возникающие как ответ личности на воспринимаемую угрозу. Копинг-ресурсы - относительно стабильные характеристики людей и стресса и способствующие развитию способов совладания с ним.

Психологи выделили следующие виды копинг-ресурсов: физические (здоровье, выносливость и т.д.), психологические (убеждения, самооценка, локус контроля, мораль и т.д.), социальные (индивидуальная социальная сеть и другие виды социально-поддерживающей системы). Их обобщенно подразделяют на 2 вида копинг-ресурсов: личностные и средовые [5, Р. 112].

В настоящее время к копинг-ресурсам личности относят: развитость когнитивной сферы, позволяющей оценивать воздействие социальной среды, окружающей человека; представления человека о себе (Я-концепция); умение контролировать свою жизнь, брать на себя ответственность за нее (интернальный локус контроля); умение общаться с окружающими, определенная социальная компетентность, стремление быть вместе с людьми (аффилиация); умение сопереживать окружающим, проживать вместе с ними какой-то отрезок их жизни, накапливая при этом свой собственный опыт (эмпатия); позиция человека по отношению к жизни, смерти, любви, одиночеству, вере, духовность человека, вера в бога и т.д.; ценностная мотивационная структура личности [3, С. 124]. Ресурсы социальной среды тоже определяют поведение человека. К ним, прежде всего, относится система социальной поддержки или социально-поддерживающая сеть – это окружение, в котором живет человек (семья, общество).

Список литературы

1. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / Под ред. Л. Леви. - Л.: Медицина, 1970. С. 178-208.
2. Лебедев И.Б. Копинг-поведение сотрудников ОВД: Монография. М.: Московская академия МВД России, 2000. – 300 с.
3. Лебедев И.Б., Чуманов Ю. В., Русецкая Д. В. Психофизический тренинг как направление психокоррекционной работы и средство профессионально-личностного развития: монография. Рязань: Изд-во ИП Викулов К.В., 2021. 147 с.
4. Марьин М.И. и др. Социально-психологический климат в служебных коллективах. Методическое пособие. М.: ГУК МВД России, 2001. 312 с.
5. Larisa E. Deryagina, Sergey N. Tikhomirov, Igor B. Lebedev, Darya V. Rusetskaya, Yury V. Chumanov. Aspectos cognitivo-conductuales de la eficacia de la formación en lenguas extranjeras de estudiantes de una universidad no lingüística // Vol. 12 Núm. 35 (2021): Revista de la Universidad del Zulia, Número Especial, Noviembre 2021. Ciencias de la Educación (SCOPUS/ WEB OF SIENCES)
6. Lazarus R.S. The stress and coping paradigm // L.A. Bond, J.C. Rosen (Eds.). Competence and coping during adulthood. Hanover. 1980.
7. Lazarus R.S., Folkman S. Coping and adaptation // W.D. Gentry (Eds.) // The handbook of behavioral medicine. 1984. N.Y.: Guilford. Pp. 282-325.
8. Igor B. Lebedev, Alexander Yu. Kuznetsov (V.Ya. Kikot' Moscow University) «On

Psychoholographic Interference of Subliminal Sensitivity Signals and their Diagnostics» Center of Informational and Psychological Security; Psychological Institute of the Russian Academy; American Psychological Association (USA) PSYCHOLOGY AND EDUCATION (2021) ISSN: 0033-3077 Volume: 58(3): Pp: 74-83. Article Received: 25th January, 2021.

References

1. Lazarus R. Theory of Stress and Psychophysiological Research // Emotional Stress / Ed. by L. Levy. - Leningrad: Meditsina, 1970. Pp. 178-208.
2. Lebedev I. B. Koping-behavior of employees of the OVD: Monograph. - M.: Moskovskaya akademiya MVD Rossii, 2000. – 300 p.
3. Lebedev I. B., Chumanov Y. V., Rusetskaya D. V. Psychophysical training as a direction of psychocorrectional work and a means of professional and personal development: monograph. - Ryazan: Izd-vo IP Vikulov K.V. - 2021. – 147 p.
4. Maryin M.I. (ed.). Socio-psychological climate in service teams. Methodical manual.- M.: GUK MVD Rossii, 2001. 312 p.
5. Larisa E. Deryagina, Sergey N. Tikhomirov, Igor B. Lebedev, Darya V. Rusetskaya, Yury V. Chumanov. Aspectos cognitivo-conductuales de la eficacia de la formación en lenguas extranjeras de estudiantes de una universidad no lingüística // Vol. 12 Núm. 35 (2021): Revista de la Universidad del Zulia, Número Especial, Noviembre 2021. Ciencias de la Educación (SCOPUS/ WEB OF SIENCES)
6. Lazarus R.S. The stress and coping paradigm // L.A. Bond, J.C. Rosen (Eds.). Competence and coping during adulthood. Hanover. 1980.
7. Lazarus R.S., Folkman S. Coping and adaptation // W.D. Gentry (Eds.) // The handbook of behavioral medicine. 1984. N.Y.: Guilford. P. 282-325.
8. Igor B. Lebedev, Alexander Yu. Kuznetsov (V.Ya. Kikot' Moscow University) «On Psychoholographic Interference of Subliminal Sensitivity Signals and their Diagnostics» Center of Informational and Psychological Security; Psychological Institute of the Russian Academy; American Psychological Association (USA) PSYCHOLOGY AND EDUCATION (2021) ISSN: 0033-3077 Volume: 58(3): Pp: 74-83.

Марьин Михаил Иванович

профессор кафедры Научных основ
экстремальной психологии ФЭП МГППУ,
г. Москва, Россия
доктор психологических наук, профессор
e-mail: marin_misha@mail.ru

Marin Mikhail Ivanovich

Professor of the Department of Scientific
Foundations of Extreme Psychology of THE
FACULTY of Physical And Logistics, Moscow
State Pedagogical University, Moscow, Russia
Doctor of Psychological Sciences, Professor

Митин Александр Иванович

профессор кафедры ПИИМТ Факультета
«Информационные технологии» г. Москва,
Россия
доктор педагогических наук, профессор
e-mail: mitin_ai@mail.ru

Mitin Alexander Ivanovich

Professor of the Department of PIiMT
of the Faculty of Information Technologies,
Moscow, Russia
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ В РЕГУЛЯЦИИ СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ

VALUE-SEMANTIC SPHERE OF PERSONALITY IN REGULATION OF SERVICE BEHAVIOR OF EMPLOYEES OF EXTREME PROFESSIONS

Аннотация. Разработана автоматизированная методика выявления сотрудников экстремальных профессий, склонных к противоправному поведению, поступающих при исполнении служебных обязанностей целесообразно своим личным установкам и убеждениям, не соответствующим нормам служебного поведения. Методика позволяет определить наличие в служебном коллективе группировок, объединенных вокруг сотрудников, склонных к правонарушениям, их состав; психологически близкий индивидуальный круг их общения. Информация, получаемая с помощью данной методики, является объективной, адекватно отражающей динамику процессов, происходящих в служебных коллективах, морально-психологического состояния сотрудников и коллектива.

Annotation. An automated method has been developed to identify employees of extreme professions prone to illegal behavior, coming in the performance of official duties, it is advisable to their personal attitudes and beliefs that do not meet the standards of official behavior. The methodology allows you to determine the presence in the service team of groups united around employees prone to offenses, their composition; psychologically close individual circle of their communication. Information obtained using this methodology is objective, adequately reflecting the dynamics of processes taking place in service teams, the moral and psychological state of employees and the team.

Ключевые слова: сотрудники экстремальных профессий, сотрудник полиции, правонарушение, противоправное поведение, ценности и установки, регуляция поведения.

Key words: employees of extreme professions, police officer, offense, illegal behavior, values and attitudes, regulation of behavior.

В правоохранительных органах Российской Федерации в последние годы было принято значительное число нормативно-правовых актов, направленных на совершенствование работы с сотрудниками. Так, согласно ст. 35 Закона «О полиции» граждане Российской Федерации, поступающие на службу в полицию, «проходят психофизиологические исследования, тестирование на алкогольную, наркотическую и иную токсическую зависимость в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел» [1]. В соответствии с Постановлением Правительства России от 06.12.2012 г. №1259 кандидаты на службу проходят профессиональный психологический отбор,

отсеивающий кандидатов, не подходящих по психологическим, морально-этическим, деловым и иным качествам для службы, которая призвана обеспечивать правопорядок, государственную, общественную и личную безопасность и законность [2]. Однако несмотря на тщательный психологический отбор кандидатов на службу, детально разработанные нормы служебного поведения, принимаемые меры по профилактике нарушений дисциплины и законности, число сотрудников, ежегодно привлекаемых к дисциплинарной и уголовной ответственности, не снижается [3].

Надо особо отметить, что после поступления на службу кандидат попадает в служебный коллектив, в ряде случаев обладающий собственными групповыми системами социальных норм и ценностей - регуляторами служебного поведения. Эти нормы и ценности могут определять вектор различных типов отклоняющегося поведения. Требования, вытекающие из этой системы норм, могут вступать в противоречия, к примеру, группа (коллектив) может *требовать от своих членов поступков, осуждаемых обществом*, проявлять терпимость к нарушениям норм, неукоснительное соблюдение которых требуется государством [4]. У незакаленных, морально и психологически неустойчивых сотрудников может появиться соблазн решить собственные финансовые и материальные проблемы, обеспечить свое будущее незаконным (неправильным) путем, поскольку, как думают некоторые, *риск сравнительно небольшой, а плата за «грех» очень высока*.

Согласно аналитическим данным, значительное число сотрудников, особенно руководителей, привлекаются к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий, взяточничество, служебный подлог. Совершаются преступления и вне сферы служебной деятельности, т.к. используются связи и возможности, вытекающие из служебного положения, для оказания воздействия на других лиц. Но, учитывая общественную опасность преступлений, совершаемых сотрудниками, на которых, в первую очередь, лежит обязанность соблюдения закона, проблема профилактики преступлений остается актуальной. Особое значение она приобрела в условиях продолжающегося реформирования правоохранительной системы, поскольку усилия по формированию нового облика полиции, повышению доверия общества к правоохранительным органам будут сведены к минимуму при процветании этого явления в новой структуре [5].

Современные исследователи сходятся во мнении, что противоправное поведение сотрудников ОВД часто обусловлено деформированным правосознанием, связанным, прежде всего, с внутренними *ценностными ориентирами*. Никакие внешние обстоятельства не могут являться определяющими причинами противоправного деяния, если они не положены одновременно на внутренние детерминанты человеческой активности, на ее внутренние предпосылки ценностного характера («зерно

произрастает тогда, когда есть разрыхленная, хорошо подготовленная и увлажненная почва»).

В плане диагностики этой «почвы и зерна» важным представляется выявление таких особенностей поведенческих проявлений личности в служебном коллективе, которые еще не стали проявлениями противоправного поведения, но при определенных условиях могут привести к их возникновению. Это и стало целью настоящего исследования, а именно, раннее выявление лиц, склонных к совершению правонарушений, и оценка морально-психологического состояния сотрудников и служебных коллективов в интересах выработки эффективных мер по адресной профилактике возможных правонарушений.

В юридической психологии понятие правосознание включает в себя сферы общественного, группового и индивидуального сознания, которые «отражают правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовые установки и ценностные ориентации, регулирующие человеческое поведение в юридически значимых ситуациях» [6, 7, 8]. Из сказанного следует положение, что надо научиться оценивать уровень индивидуального правосознания сотрудников по показателям «оценочного отношения к праву», насколько они готовы воспринимать существующие нормы и правила служебного поведения и «практики применения правовых норм», насколько они готовы соблюдать существующие нормы.

Как указывают отечественные и зарубежные авторы, одним из методов, позволяющих выявить неформальную структуру статусов в коллективе по искомым основаниям, к примеру, склонности к противоправному поведению, совершению преступлений, является разновидность экспертного метода, широко используемого в социальной психологии для измерения социально-психологических характеристик членов группы. Методика социально-психологического исследования предъявляет особые требования к процедуре ее применения. Эти требования в полной мере учтены при разработке модифицированного варианта социометрической процедуры, реализованного в автоматизированной программе «Мониторинг», позволяя определять сотрудников, обладающих негативным статусом при адекватном отборе критериев по интересующим исследователя вопросам [9, 10].

Методическая часть этой работы базируется на деятельностно-детерминированных межличностных выборах предпочтений сотрудниками изучаемых объектов, связанных с правоотношениями в рамках служебной деятельности. В качестве оценщиков выступают члены служебного коллектива, соответствующие требованиям, предъявляемым к участникам социометрических обследований. Обязательное требование к участникам – они должны знать оцениваемых сотрудников, иметь опыт совместной работы (службы) не менее полгода. Методика соединяет достоинства социометрии, групповой оценки личности, экспертной оценки.

Процедура программы «Мониторинг» отличается от классической социометрии: неограниченным количеством выборов членов коллектива по критериям (выборы осуществляются в отношении каждого, т.е. непараметрический вариант социометрической процедуры); отсутствием влияния взаимовыборов при определении рейтинга членов коллектива; соблюдением полной анонимности опроса (ФИО опрашиваемого не указывается), что повышает достоверность полученных сведений [11].

Методическая часть программы «Мониторинг» представляет собой опросник, в котором на каждый из вопросов предлагается три варианта ответа. Ответ «да», «нет» и «затрудняюсь ответить» (для тех, кто не может четко выразить свою позицию). Каждый сотрудник оценивается по семи вопросам, 3 из которых отражают оценочные отношения сотрудников к праву; 3 вопроса - оценочные отношения к практике применения сотрудниками правовых норм; и 1 вопрос интегрально отражает правовые установки и ценностные ориентации человека:

- 1) Всегда ли должностные обязанности выполняет добросовестно?
- 2) Развито ли чувство ответственности за возложенные по службе обязанности?
- 3) Всегда ли служебные действия ограничены рамками норм и правил?
- 4) Имеет ли служба для сотрудника личностный смысл?
- 5) Всегда ли принимаемые решения законны и правильны?
- 6) Всегда ли на службе соблюдает нравственные ценности?
- 7) Является ли примером соблюдения правовых норм?

В качестве оценщиков (экспертов) выступают все сотрудники подразделения, им предлагается анонимно заполнить данный опросник. Обязательное требование к сотрудникам – они должны знать оцениваемый личный состав.

В результате проведенного обследования для каждого сотрудника вычисляется три основных показателя, характеризующих его по признакам «оценочного отношения к праву» (ОО), насколько он готов воспринимать существующие нормы и правила служебного поведения, «практики применения правовых норм» (ПП), насколько он готов соблюдать существующие нормы; и «правовым установкам и ценностным ориентациям» (ИП). Числовые значения этих переменных лежат в пределах от 0 до 1, со средним значением 0,6 и стандартными отклонениями, равными 0,185 и 0,196, соответственно. Корреляционный анализ результатов исследования по методу Пирсона установил наличие тесной положительной статистически значимой взаимосвязи ($p < 0,01$) между переменными «оценочное отношение к праву» и «практика применения правовых норм». Распределение взаимосвязи параметра «оценочное отношение к праву» с параметром «практика применения правовых норм» представлено на Рис. 1.

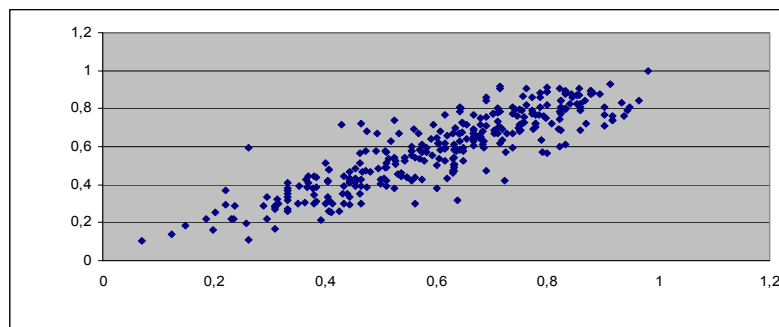

Рис. 1. Точечное распределение взаимосвязи параметра «оценочное отношение к праву» и параметра «практика применения правовых норм» (ось «х» - ПП; ось «у» - ОО)

Полученные результаты свидетельствуют, что поставленные перед экспертами вопросы принадлежат к одной системе показателей, являются взаимодополняющими, адекватно отражающими содержание исследуемого признака и позволяющими использовать их интегрально для раннего выявления признаков противоправного поведения, в том числе и коррупционной направленности [9, 11].

Таким образом, в качестве интегрального показателя уровня представленности у обследованных руководителей положительных правовых установок и ценностных ориентаций возможно использование усредненных данных по 6 поставленным экспертам вопросам, отражающим характер отношений к праву и особенности практики его применения.

Корреляционный анализ по методу Пирсона установил также наличие тесной положительной статистически значимой взаимосвязи ($p < 0,01$) между «практикой применения правовых норм» и результатами экспертных оценок на открытый вопрос: «*Является ли примером соблюдения правовых норм?*», названный нами как показатель уровня правовых установок и ценностных ориентаций. Ответы экспертов на этот вопрос могут служить рейтинговым показателем (РП) обобщенного нравственного статуса сотрудника ОВД в системе правоотношений и правоприменительной практики. Обнаруженную взаимосвязь наглядно демонстрирует точечное распределение исследованных показателей (рис.2).

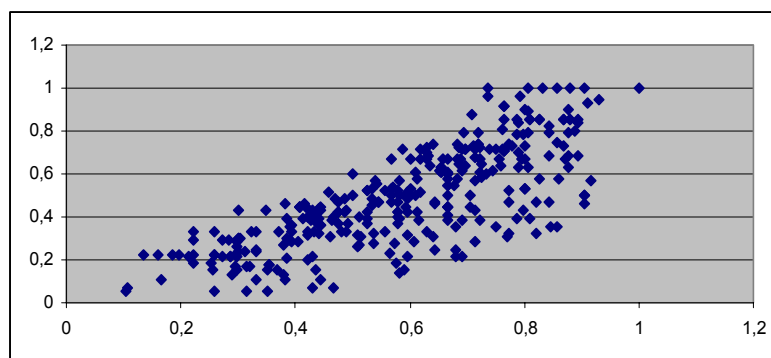

Рис. 2. Точечное распределение взаимосвязи показателя «практики применения правовых норм» с рейтинговым показателем обобщенного статуса руководителя ОВД (ось «х» - ПП; ось «у» - РП)

На основании результатов статистического анализа обследованная выборка сотрудников была разделена на 3 группы относительно интегральной оценки, базирующейся на двух основных показателях: «оценочное отношение к праву» и «практика применения правовых норм». Высокий уровень интегрального показателя ($\geq 0,719$) характеризует руководителя как человека, соблюдающего правовые нормы в повседневной служебной деятельности; низкий уровень ($\leq 0,459$) характеризует руководителя как человека, допускающего возможность нарушения правовых норм; в промежуточную группу вошли руководители с уровнем от 0,459 до 0,719.

Высокий уровень ИП получили руководители, которые свою служебную деятельность организуют исходя из нравственно обоснованных и установленных обществом правовых норм. Профессиональные действия этих сотрудников не противоречат их отношению к правовым нормам и обязанностям, возложенным на них государством; нравственные нормы данных сотрудников не идут в разрез с их фактическим поведением в решении служебных вопросов.

Низкий уровень ИП получили руководители, поступающие целесообразно личным установкам и убеждениям, которые могут не соответствовать нормам служебного поведения в органах внутренних дел. Сотрудники, получившие низкие оценки, при определенных условиях склонны к противоправному поведению, могут допустить различного рода правонарушения, в том числе коррупционной направленности.

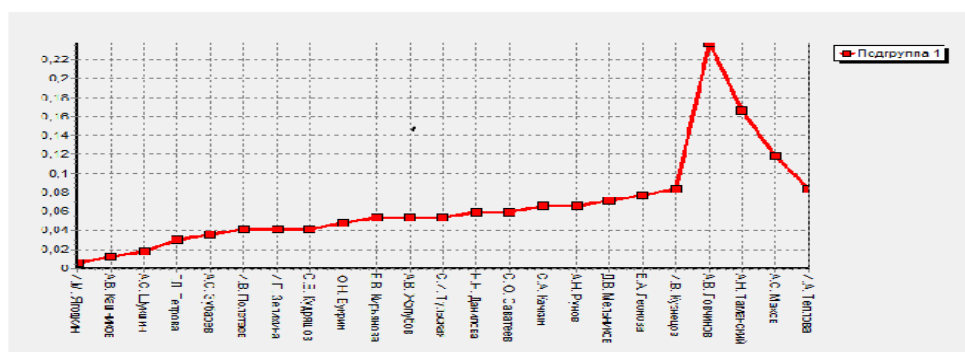

Рис. 3. Распределение сотрудников по показателю склонности к совершению правонарушений

Выделенные на основании результатов обследования группы отличались показателями их профессиональной деятельности, в частности, дисциплинарной практикой. Анализ статистических данных по привлечению обследованных к дисциплинарной ответственности в двух выделенных группах показал, что у руководителей с высоким уровнем интегрального показателя (не склонных к противоправному поведению) дисциплинарных взысканий было почти в 4 раза меньше, чем у сотрудников с низким уровнем. Такие же похожие результаты были получены в этих двух выделенных группах и по числу поощрений. У руководителей с

высоким уровнем интегрального показателя поощрений было более, чем 2 раза больше, чем у сотрудников с низким уровнем.

Следует отметить, что благодаря автоматизированной программе «Мониторинг» для практического применения дается наглядная информация о каждом сотруднике относительно склонности к правонарушениям при осуществлении профессиональной деятельности (рис. 3). Показатели склонности к совершению правонарушений расположены по вертикали, а по горизонтали указаны сотрудники с их балльными оценками. Надо обратить внимание на выскакивающие величины (на пики) графика, которые и являются показателями уровня неблагополучия. В данном случае видно наличие в коллективе людей, склонных к противоправному поведению. У них есть лидер, при этом лидер негативный. Состав этой группы также четко обозначен – он расположен справа от лидера.

Для удобства работы психолога можно получить списочный состав интересующих нас сотрудников и их морально-психологическую характеристику в текстовом варианте. Обычно интерес представляют сотрудники, о которых обычно говорят так: «...при определенных условиях эти сотрудники допускают правонарушения. Они, на словах декларируя высокие образцы законопослушного поведения, но сами на практике не придерживаются данных ценностных ориентиров. Эти люди внешне активно поддерживают социально-желательные ценности, демонстрируют гибкость в поступках, оптимально подстраиваясь под ситуацию. Эти люди, безусловно, требуют к себе повышенного внимания для организации с ними адресной психопрофилактической работы в интересах предотвращения нарушений служебного поведения».

Результаты исследования были подтверждены данными лонгитюдного исследования профессиональной карьеры испытуемых через 5 лет. Эти данные представлены на рисунках 4 и 5.

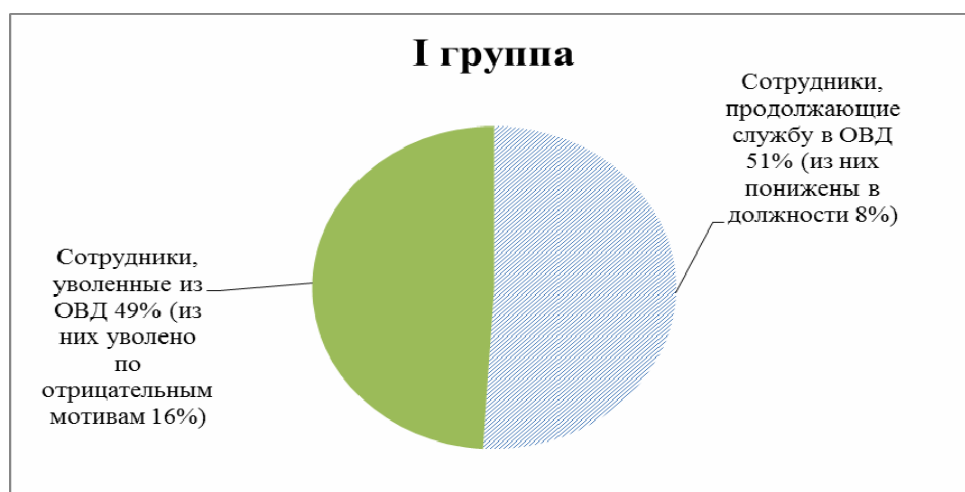

Рис. 4. Сотрудники, склонные к противоправному поведению (спустя пять лет)

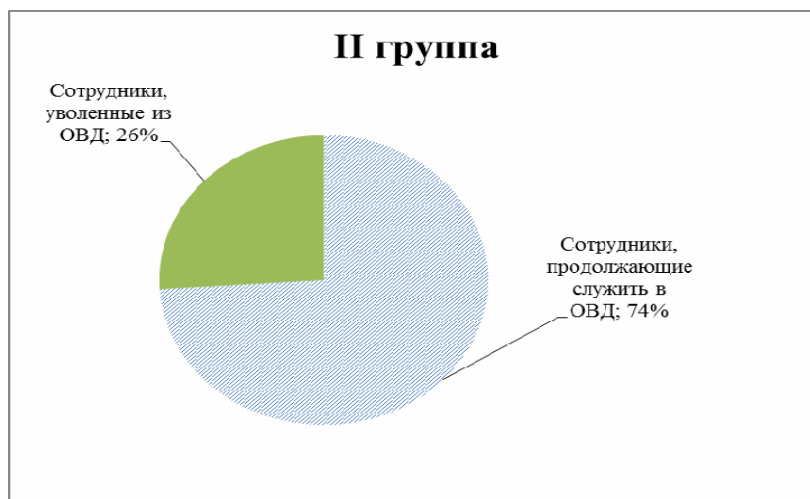

Рис. 5. Сотрудники, не склонные к противоправному поведению (спустя пять лет)

Руководители, склонные к противоправному поведению – группа 1, за этот период времени проявили себя так: было уволено из органов внутренних дел по различным основаниям 49% сотрудников, 16% из которых по отрицательным мотивам за злоупотребление должностным положением, превышение должностных полномочий, вымогательство и взяточничество; продолжили службу 51% руководителей, при этом 8% из них были понижены в должности в связи с недобросовестным исполнением своих должностных обязанностей.

За тот же пятилетний период времени руководители, вошедшие в группу не склонных к противоправному поведению – группа 2, проявили себя совершенно иначе: 74% руководителей продолжили службу; 26% было уволено из органов по различным основаниям: достижение предельного возраста пребывания на службе, выслуга лет, собственная инициатива сотрудника.

На этапе сбора эмпирического материала в начале исследования для изучения ценностных ориентаций у представителей обследуемых групп были использованы модифицированные под задачи исследования тест ценностных ориентаций М. Рокича [12] и цветовой тест отношений (ЦТО) А.М. Эткинда [13]. ЦТО А.М. Эткинда основан на процедуре косвенного шкалирования изучаемого объекта посредством сопоставления его с цветом, атрибутированным с этим объектом, и с местом этого цвета в ранге по предпочтению набора из восьми цветов методики Люшера. Эта методика характеризуется рядом преимуществ:

- представленные ценности ранжируются не напрямую, а опосредованно через цветовые предпочтения;
- перцептивные признаки не являются ключевыми;
- понятия, обозначенные одним цветом, имеют субъективный показатель эмоциональной близости и сходства семантического кода;
- определяет отношение к представленным ценностям, структуру ценностных ориентаций, мотивов деятельности.

В исследовании сотрудникам были представлены 15 ценностей, которые по аналогии с ЦТО ранжировались ими по предпочтению набора из восьми цветов методики М. Люшера (косвенное ранжирование).

Полученные экспериментальные данные были обработаны с помощью кластерного анализа (иерархический агломеративный метод). Классификация осуществлялась путем последовательного объединения объектов в группы (кластеры), оказывающиеся иерархически организованными. Данный метод позволил рассмотреть смысловые связи понятий и отношение к ним испытуемых на разных уровнях сходства путем выделения общих смысловых классов. [14].

Используемые понятия (ценности) в каждой из групп образуют различные смысловые связи [15].

В группе руководителей, не склонных к противоправному поведению, анализ результатов исследования показал следующее (рис. 6).

Распределение ценностей сорудников, не склонных к противоправному поведению

Рис.6. Результаты кластеризации ценностей сотрудников 1 группы.

В группе сотрудников, не склонных к противоправному поведению, ценность «эффективность работы» имеет смысловое объединение с ценностью «искренность в выражении взглядов и мнений». Это говорит об элементах доверия между сотрудниками, доверии к личному составу, открытости в отношениях с подчиненными, искреннем отношении к служебным обязанностям, что является залогом успешной и эффективной управленческой деятельности руководителей.

Ценность «материальная обеспеченность» имеет смысловое объединение с понятием «учет интересов сотрудников», которые являются в этой группе близкими по смыслу к ценности «эффективность работы».

Это свидетельствует о том, что по своему эмоционально-ассоциативному значению ценности материальное благополучие и эффективность деятельности находятся в одном близком смысловом поле, связаны и дополняют друг друга.

Указанные ценности обнаруживают смысловую близость с такими позитивными ценностями, как «требовательность к сотрудникам», «исполнительность», «принципиальность», «самоконтроль».

Ценность «материальная обеспеченность» для этих руководителей не является интегративной ценностью, она не обнаруживает близкого смыслового объединения со многими понятиями, такими, как «осторожность, обдуманность решений», «карьерный рост», «умение направлять на соблюдение нравственных ценностей», «новаторство» и т.д.

Можно говорить о том, для них характерна однозначность осмысления и принятия норм права в собственную систему ценностей.

По-другому говоря, нормы права и ценностные нормы у этих людей образуют одно смысловое поле, в котором деятельность осуществляется в рамках, установленных законом.

В группе руководителей, склонных к противоправному поведению, анализ результатов исследования показал следующее (рис. 7).

**Классификационное дерево ценностей сотрудников,
склонных к противоправному поведению**

Рис. 7. Результаты кластеризации сотрудников 2 группы

В этой группе происходит объединение в одно смысловое поле прежде всего таких ценностей, как «самоконтроль» и «осторожность».

Семантическое пространство данных ценностей говорит о высоком контроле этими людьми своей эмоционально-волевой сферы и внешних проявлений служебного поведения, о предварительном прогнозировании и осмыслении каждого управленческого действия.

Кроме того, высокий уровень сходства и смысловую близость показали такие ценности, как «умение призывать других на соблюдение нравственных норм» и «новаторство, реформаторство». Тут вот что надо отметить особо. Ценность «материальная обеспеченность» объединяет в одно смысловое поле подавляющее большинство изученных терминальных ценностей. Но она не лежит в близком семантическом пространстве с такими, как «учет интересов сотрудников», «принципиальность»,

«искренность в выражении взглядов и мнений», «независимость в принятии решений», «требовательность».

Публичное реагирование на вопросы материального характера, указание на предпочтительность той или иной ценности, связанной с собственным материальным благополучием, даже методом косвенного (скрытого) шкалирования с помощью методики ЦТО вызывает защитную реакцию, ровно, как и реагирование на вопрос, касающийся эффективности управленческой деятельности.

Данная категория людей способна преподносить себя окружающим, подчиненным и руководителям, внешне высокие образцы законопослушного поведения, но сами, как показывают полученные эмпирические данные, не следуют данным ценностным ориентирам. Эти люди, проявляя гибкость в поступках, декларируя социально-желательные ценности, оптимально подстраиваются под ситуацию.

Структура ценностных ориентаций этой группы формирует психологический механизм противоправного поведения, который позволяет им искать новые возможности для достижения цели и одновременно принимать обдуманные, осторожные решения, демонстрировать высокие образцы законопослушного поведения и придерживаться гибкой, лабильной системы «двойных стандартов».

Данная категория сотрудников отличается рациональностью в оценке ситуаций, четкостью принятия досконально продуманных безопасных для себя решений; варьированием вектора поведения от сложившейся ситуации и личной выгоды. На первый взгляд – это претенденты на выдвижение на вышестоящие должности.

В заключение отметим, что в конечном итоге данный методический подход выявляет сотрудников, склонных к противоправному поведению, поступающих при исполнении служебных обязанностей целесообразно своим личным установкам и убеждениям, не соответствующим нормам служебного поведения, и при определенных условиях допускающих правонарушения, в том числе коррупционной направленности; уточняет наличие в коллективе группировок, объединенных вокруг сотрудников, склонных к противоправному поведению, их состав; дает психологические характеристики сотрудников, склонных к противоправным формам поведения; определяет психологически близкий индивидуальный круг общения сотрудников; графически отображает результаты по всем исследованным параметрам; оценивает морально-психологическое состояние всего служебного коллектива по критериям удовлетворительное, неудовлетворительное и средне удовлетворительное.

Информация, получаемая с помощью данной методики, является объективной, адекватно отражающей динамику процессов, происходящих в служебных коллективах, морально-психологического состояния как сотрудников, так и коллектива.

Список литературы

1. Федеральный закон "О полиции" от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ.
2. Постановление Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. N 1259 "Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации".
3. Касперович Ю.Г. Особенности личности сотрудника ОВД, совершающего преступления коррупционной направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 52-55.
4. Щеголева Т.В., Бочкова А. А. Система ценностных ориентаций руководителей органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2015. №1. С.113-120.
5. Бочкова А.А. Аксиологические детерминанты противоправного поведения сотрудников органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С.122-127.
6. Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М.Столяренко М., ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 152.
7. Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Правовая культура и преступное поведение. – Красноярск, 2006. С.70-71.
8. Стуканов В. Г. Теоретико-методологические вопросы изучения правосознания // Инновационные образовательные технологии. 2013. №1 (33). С. 30-34.
9. Марьин М.И. О профилактике правонарушений сотрудников правоохранительных органов при осуществлении служебной деятельности // Всероссийская научная конференция «Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы» (г. Ярославль, 8-10 октября 2020 г.).
10. Киселева Л.Е. Развитие лидерских качеств руководителей горрайорганов внутренних дел в процессе профессионально-психологической подготовки: автореферат дис ... канд. психол. наук: 19.00.06. М., 2011.
11. Бочкова А.А., Сафронов А.Д Психологическое обеспечение профилактики преступлений коррупционной направленности у сотрудников органов внутренних дел: Методические рекомендации. М.: Академия управления МВД России, 2014. 44 с.
12. Тест ценностных ориентаций (М. Рокича) // Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина. М., 2000. Т.1. С.25-29.
13. Эткин А.М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Из-во Моск. ун-та, 1987. С.221-227.
14. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.-3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. С. 144.
15. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.

References

1. Federal Law "On the Police" dated February 7, 2011 N 3-FZ.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 6, 2012 N 1259 "On Approval of the Rules of Professional Psychological Selection for Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation".
3. Kasperovich Y.G. Features of the personality of the OVD employee, committing crimes of corruption orientation // Psychopedagogika in law enforcement agencies. 2013. №1 (52). Pp. 52-55.
4. Shchegoleva T.V., Bochkova A. A. Sistema of value orientations of the heads of the organs of internal affairs // Applied legal psychology. 2015. №1. Pp. 113-120.
5. Bochkova A.A. Axiologie determinants of unlawful behavior of employees of the organs of internal affairs // Trudy Akademiya upravlenii MVD Rossii. 2015. № 1 (33). Pp. 122-127.

6. Applied legal psychology / Ed. by A.M. Stolyarenko. M., UNITY-DANT, 2008. P. 152.
7. Ratinov A.R., Efremova G. Kh. Pravoeva kul'tura i kriminal'noe sodsie. Krasnoyarsk, 2006. Pp.70-71.
8. Stukanov V.G. Teoretico-metodologichesky voprosy issledovan'noi pravososnovanii // Innovol'novologicheskoe obrazovan'noe ekologii. 2013. №1 (33). Pp. 30-34.
9. Maryin M.I. On the prevention of offenses of law enforcement officers in the implementation of official activities // All-Russian scientific conference "Yaroslavl psychological school: history, modernity, perspectives" (Yaroslavl, October 8-10, 2020)
10. Kiseleva L. E. Development of leadership qualities of the heads of the city organs of internal affairs in the process of professional and psychological training: avtoreferat dis ... cand. psychol. nauk : 19.00.06. M., 2011.
11. Bochkova A.A., Safronov A. D. Psychological support for the prevention of corruption-oriented crimes among employees of internal affairs bodies: Methodical recommendations M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 44 p.
12. Test of value orientations (M. Rokicha) // Psychological tests / Ed. by A.A. Karelin. - M., 2000. T.1. Pp.25-29.
13. Etkind A. M. Tsvetovoy testotnoslovennos // General psikhozdagnosticsika / Pod red. A.A. Bodaleva, V.V. Stolina. - M.: Iz-vo Mosk.un-ta, 1987. Pp.221-227.
14. Leontiev D.A. Psikhologiya smysl': priroda, strevlenie i dynamics smyslovoi real'nosti. 3-e izd., dop. M.: Smysl', 2007. P. 144.
15. Petrenko V.F. Osnovy psikhosemantiki. 3rd ed. M.: Eksmo, 2010. 480 p.

Пергаменщик Леонид Абрамович

профессор кафедры социальной и семейной психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка, Минск, Республика Беларусь

доктор психологических наук, профессор
E-mail: leonpergam@gmail.com

Pergamenchtchik Leonid Abramovich

Professor of
the Department of Social and Family Psychology Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank, Minsk, Republic of Belarus
doctor of psychology, professor

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ: ОПЫТ ОБРАЩЕНИЯ

FICTION AS AN EXPERIMENTAL PSYCHOLOGICAL LABORATORY: THE EXPERIENCE OF CONVERSION

Аннотация. В статье подводятся некоторые итоги использования текстов экспериментальных лабораторий писателя для получения знаний о поведении человека в кризисной ситуации. Теоретическим основанием достоверности полученных знаний является концепция авторской «внезаходимости» М.М. Бахтина. Представлен результат

независимого параллельного исследования механизма «оцепенение», который проведен по тексту писателя Л. Я. Гинзбург и научному отчету психолога В. Франкла.

Annotation. The article summarizes some of the results of the use of text of the writer's experiment all laboratories to gain knowledge about human behavior in a crisis situation. The theoretical basis for the reliability of the knowledge gained is the concept of the author's «extra-foundness» of M.M. Bakhtin. The result of an independent parallel study of the mechanism of "torpor", which was carried out according to the text of the writer L.Y. Ginzburg and the scientific report of the psychologist V. Frankl, is presented.

Ключевые слова: потеря, травма, экзистенциальная, вина, одиночество, код, выживания, переживание, оцепенение, лаборатория.

Keywords: loss, trauma, existential, guilt, loneliness, code, survival, experience, numbness, laboratory.

В действительности, экспериментальная психология (хотя ищут ее с конца XIX века), и именно в строгом смысле, давно уже существует. Она существует в произведениях искусства, в литературе

М. Мамардашвили

С почтением к литературе. Мое первое обращение к художественной литературе за объяснением поведения человека в кризисной ситуации произошло в начале 90-х годов XX века. В то время в Психологическом журнале была опубликована статья по теории посттравматического стрессового расстройства [11], что подтолкнуло перечитать роман Толстого Л.Н. «Война и мир». Во фрагменте романа, где «поджигателя» Пьера Безухова ведут на казнь, писатель представил переживание Пьером неминуемой смерти, психотерапевтический диалог с Платоном Каратаевым, этапы посттравматического стресса и посттравматического роста [5].

Установление различий. Надо было установить различия и сходство двух похожих и в то же время разных подходов к пониманию человека. Действительно, академическая психология и художественная литература отличаются по способу извлечения информации и ее описанию, характеру презентации, работой со словом, количеству читателей. Существует особый механизм прочтения и понимания, анализа, изложения и сравнения. Как при наличии стольких различий «увидеть» в литературе адекватное объяснение поведения человека в кризисной ситуации жизненного пути, которое можно применить в науке и практике психологии?

Различие в языке. Коды, используемые в практической работе, в противоположность параметрическим кодам академической психологии, являются *метафорическими*. С их помощью можно обозначить любую, в том числе и прямо невербализуемую область субъективного пространства, избегая при этом ее шкалирования. До появления практической психологии, универсальные возможности метафор в коммуникации эмоционального опыта успешно тысячи лет использовала литература и другие формы

искусства. Последовательность использования языка для познания человека шло в следующем порядке: литература (*язык метафор*)- научная психология (*язык понятий*)- практическая психология (*язык метафор*).

У классика отечественной культуры Бахтина М.М. мы извлекли механизм получения знаний о поведении человека в кризисной ситуации. В художественной литературе, обосновано утверждает Бахтин М.М., знания о *душевных страданиях* и их проявлениях, добываются с помощью механизма авторской *«внезаходимости»*, который состоит из двух последовательных исследовательских этапов [1]:

Первый - *«вживание»*.

Второй этап - *«оформление образов»*, полученных на этапе вживание в текст, который и призван сохранить полученную на первом этапе информацию для трансляции найденных знаний.

Итак, мы имеем дело с художественным образом, как результатом особого познания, полученного в экспериментальной психологической лаборатории писателя. М.М. Бахтин предложил гносеологический принцип, который требует дополнительного анализа, чтобы понять возможность использования знаний о человеке литературой в академической психологии.

Гносеологический принцип Бахтина, его главная идея художественного познания личности, включает два этапа познания, что позволяет отдельному человеку (человеку, на которого направлена активность познания) стать и *«другим»*, и *«любимым»* - стать *«всеми»*. Тем самым, ученый открыл путь к познанию *универсальности душевной жизни*¹.

Переживание: трудности принятия понятия. Для практической помогающей психологии категория переживание имеет ключевое значение, через данное понятие формируется диалог между человеком и кризисной ситуацией, между пострадавшим и психологом, между направлениями психологической помощи. *Академическая психология понятие «переживание» принимает с осторожностью.* Определим возможные *причины этого.*

Первая причина, есть опасность, размышляя позиции отечественной академической психологии, которая сформировалась на базе теории отражения, получить заигрывание с категорией *«переживания»*, что может привести к изгнанию психологии из списка серьезных наук.

Вторая причина, объективность, которая почему-то отождествляется с научностью психологии и определяется, в отличие от позиции Бахтина, не *внезаходимостью*, а *отстраненностью*, не включенностью в жизненную

¹В современной психологии душа изгнана из поля внимания, активности психологов - не без основания сожалеет Б.М. Братусь [2]. Изгнание души, позволило академической психологии, используя количественную парадигму позитивизма, иметь дело с множественностью испытуемых с последующим расчетом среднего, с надеждой позже вернуться к индивидуальной личности. Задача возвращения разве выполнима? Дело в том, что если получение среднеарифметической личности, описана хорошо и подробно, то процедура возвращения не определена.

ситуацию исследуемого человека, а выход из его жизненной ситуации в процессе изучения. В таком случае, переживание действительно только помеха объективности, научности, академичности. «Мы ученые» должны быть отстранены от жизни, которую изучаем, так как причастность исследователя к процессу исследования несет опасность вмешательства, потери объективности и научности: ученый выдвигает, анализирует, описывает условия жизни, а испытуемый соглашается и выполняет эти условия, т.е. не мешает.

Третья причина: требуется другая исследовательская позиция психологии. Исследование понятия «переживание» требует другой психологии. Об этом писал Д.Б. Эльконин в послесловии к четвертому тому собрания сочинений Л.С. Выготского [14].

Завещание Б.М. Теплова. В 1947 году Борис Михайлович Теплов сформулировал и представил программ действий по использованию художественных произведений как научного метода. Независимо от Л.С. Выготского (его работы о Гамлете к тому времени не были опубликованы и, возможно, не были известны Б.М. Теплову), подключение художественных произведений к решению психологических задач Б. М. Теплов называет методом [12].

Анализ художественной литературы обычно не укладывается в число методов психологического исследования, - пишет Б.М. Теплов в 1947 году. Пишет с сожалением и одновременно в его тоне слышится удивительная для того времени уверенность, что ситуация должна безусловно измениться в лучшую сторону.

Завещание Б.М. Теплова состоит из трех задач, которые он нам поручил реализовать. *Методологическая задача:* развернуть доказательства тезиса о наличии научных материалов в литературе. *Методическая задача:* разработать принципы научно-психологического анализа и использования текстов художественной литературы и дать пример реализации.

В отечественной психологии я обнаружил два примера реализации завещания Теплова Б.М.

Первая работа Зинченко В.П. Он создал оригинальный текст, назвав его «Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили» [4]. Однако, чтобы продолжить намеченный Зинченко путь по созданию «органической» психологии необходим необычайный талант Владимира Петровича, который не передается в процессе обучения.

Вторая работа - обширное послесловие к необычному произведению М.М. Зощенко «Повесть о разуме» - Драма неисцеленного разума. Автор послесловия Пузырей А.А. [10].

После обращения к Толстому я сделал несколько попыток выполнить завещание Б.М. Теплова. Для понимания процесса переживания потери (страдания и скорби) – автор обратился к повести Ю. Мисима «Смерть в середине лета» [7]; чтобы разобраться с механизмом оцепенения - к повествованию писателя Л.Я. Гинзбург «Записки блокадного человека»,

для описания результатов включенного наблюдения психолога – к работе В. Франкла ”Психолог в концентрационном лагере”[8]; Чтобы найти психологический код выживания автор обратил к повести А.Н. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» [9], чтобы войти в содержание понятия «тревога экзистенциальной вины»- к роману Ф. Кафка “Процесс” [6]. Приведем сокращенный итог независимого параллельного исследования механизма «оцепенения», который проведен по тексту писателя Л.Я. Гинзбург [3] и научному отчету психолога В. Франкла [13].

Основание для проведения сравнительного исследования: общий враг - фашизм, общее время, общая ситуация испытуемых (одно и то же время, закрытое пространство, голод, холод, невозможность обозначить начало и конец бедственного существования). Опубликовано на русском языке и прочитано автором настоящего текста в одно время (1989 - 1990).

Психолог В. Франкл использует *метод включенного наблюдения* называет фамилии своих соавторов, всего более 25 исследователей.

Писатель Л.Я. Гинзбург использует в качестве метода - *психологическую реконструкцию*(термин писателя). Писатель привлек для исследования своих коллег по ремеслу, которые волею судьбы попали в пространство ленинградской блокады.

Оцепенение: результат анализа:

1. Психолог (В. Франкл) и Писатель (Л.Я. Гинзбург) «увидели» в состоянии «оцепенения» схожие симптомы, оба обозначили в структуре понятия такие признаки как *примитивизм существования*; только Психолог обозначил их *культурной спячкой*, а Писатель - *болезнью физической лени, страхом контакта*.

2. В оцепенении присутствует *обезличенность и чувство неполноценности* (Психолог), защитное равнодушие как *дистрофия сознания* (Писатель).

3. *Страх перед будущим*, который может *разрушить* оцепенение (Психолог и Писатель).

4. Оцепенение как *эффективная адаптация*, простейший, *архаический способ реагирования на опасность* - Психолог и Писатель.

Итак, *при оцепенении*(если перефразировать Тиллиха: человек в страхе перед контактом с небытием) человек сокращает до примитивизма свое существование (свое бытие).

Оцепенение: итоги поиска понятия. Психолог и писатель, используя разные методы анализа, презентации и языка предложили включить в содержание понятия «оцепенение» схожие признаки:

Примитивизм, безличность и неполноценность, неопределенность конца как прекращение вектора жизни;

Болезнь физической лени или особая заторможенность воли, страх контакта вел к дистрофии сознания: «Дистрофия ... ставила человека лицом к лицу с обнажившейся, первобытной двойственностью удовлетворения и страдания»

Страх перед будущим, так как будущее всегда несет неизвестность и возможно угрозу, угрозу окончания оцепенения. Высшее достижение оцепенения – болезнь: «...болезнь была бы идеальным состоянием. Сонливое, затуманенное жаром сознание отложило бы все ответы на требования враждебного мира. Болезнь была высшим правом на оцепенение»

Выводы. Посещение «экспериментальных лабораторий писателей» позволило понять поведение человека в ситуациях потери, травмы, экзистенциальной вины, одиночества, в поисках кода выживания и социальной сети поддержки. Приведенный нами анализ механизмов оцепенения, полученный в независимом друг от друга опыте жизни, различными методами (включенное наблюдение (психолог), психологическая реконструкция (писатель), может быть доказательством правомерности использования художественной литературы для изучения закономерностей поведения человека в кризисной ситуации.

Перспективы исследования. Требуется дополнительное обсуждение: методика поиска и критерии отбора «экспериментальных лабораторий писателей»; возможность использования метода феноменологического анализа текста писателя (А. Улановский, А. Джорджи, Д. Полкинхорн и др.); педагогический аспект «хождения» по «экспериментальным лабораториям писателей» в процессе профессионального обучения; самоанализ эффективности кризисного вмешательства.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Братусь Б.С. Психология - наука о психике или учение о душе// ЧЕЛОВЕК. 2000. №4.
3. Гинзбург Л. Оцепенение // Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Сов. Писатель. 1989. С. 592-598.
4. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997. 336 с.
5. Пергаменщик Л.А. Психотерапия Л.Н. Толстого // Адукацыя і выхаванне. 1993. № 10. С. 25-33.
6. Пергаменщик Л.А. Теоретический анализ неудачного психотерапевтического процесса // Психологія. 2001. №. 1. С. 22-39.
7. Пергаменщик Л.А. Психология страдания // Журнал практической психологии. 2006. № 6. С. 119-131.
8. Пергаменщик Л.А. Психологическое оцепенение как разрыв непрерывности бытия // Московский психотерапевтический журнал. 2009. №16. С. 99-111.
9. Пергаменщик Л.А. Психологическая лаборатория Солженицына // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 45-50.
10. Пузырей А.А. Драма неизлеченного разума (Михаил Зощенко и его «Опыт о человеке»: заметки психолога) // Зощенко М.М. «Повесть о разуме». М.: Педагогика, 1990. С. 149-183.
11. Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О. Синдром посттравматического стрессового расстройства // Психологический журнал. 1992. Т.13. № 2.

12. Теплов Б.М. Заметки психолога при чтении художественной литературы // Избранные труды. М., 1985. Т. 1. С. 306-312.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
14. Эльконин Д. Б. Послесловие к 4 тому собр. соч. Выготского Л.С. М., 1984. С. 403.
15. Эткин А.М. Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 24.

References

1. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. - Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p.
2. Bratus B. S. Psychology - the science of the psyche or the doctrine of the soul // MAN. 2000. № 4.
3. Ginzburg L. Stupor // The man at the desk: Essay. From memories. Four narratives. - L.: Sov. Writer. 1989. Pp. 592-598.
4. Zinchenko V.P. Mandelstam's Staff and Mamardashvili's Pipe. To the beginnings of organic psychology. M.: New school, 1997. 336 p.
5. Pergamenschik L.A. Psychotherapy of L.N. Tolstoy // Adukatsia i vykhavanne. 1993. No. 10. Pp.25-33.
6. Pergamenschik L.A. Theoretical analysis of unsuccessful psychotherapeutic process // Psychologia. 2001. № 1. Pp. 22-39.
7. Pergamenschik L.A. Psychology of suffering // Journal of Practical Psychology. 2006. № 6. Pp. 119-131.
8. Pergamenschik L.A. Psychological torpor as a break in the continuity of being // Moscow Psychotherapeutic Journal. 2009. № 16. Pp. 99-111.
9. Pergamenschik L.A. Solzhenitsyn's psychological laboratory // Cultural and historical psychology. 2013. № 1. Pp. 45-50.
10. Puzyrei A.A. Drama of the untreated mind (Mikhail Zoshchenko and his "Experience about man": notes of a psychologist) / Zoshchenko M.M. "The Story of the mind". M.: Pedagogy 1990. Pp.149-183.
11. Tarabrina N.V., Lazebnaya E.O. Syndrome of post-traumatic stress disorder // Psychological Journal. 1992. Vol.13. № 2.
12. Teplov B.M. Notes of a psychologist when reading fiction / Selected works. M., 1985. Vol. 1. Pp. 306-312.
13. Frankl V. Man in search of meaning. M.: Progress, 1990. 336 p.
14. Elkonin D.B. Afterword to Volume 4 of the Collected Works. Vygotsky L.S. M., 1984. P. 403.
15. Etkind A.M. Practical and academic psychology: the divergence of cognitive structures within professional consciousness // Psychology issues. 1986. № 6. P. 24.

Секция 1. Экстремальные факторы в профессиональной деятельности человека

Белодед Диана Роландовна

аспирант Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

e-mail: dr_beloded@mail.ru

Beloded Diana Rolandovna

graduate student Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia

КРИТЕРИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА-ПСИХОЛОГА

CRITERIA OF PSYCHOLOGICAL SAFETY OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF A FORENSIC PSYCHOLOGIST

Аннотация: Наличие специальных знаний оказывает существенную помощь правоохранительным службам на различных этапах следственных действий. Судебная экспертиза имеет широкое разделение по классам, родам, видам, подвидам, но их всех объединяет конечная общая цель – содействие справедливому судебному разбирательству. В настоящей статье анализируется, несет ли в себе угрозу психологической защищенности процесс производства судебной экспертизы, определим основные критерии психологической безопасности, а также ее значение для личности судебного эксперта-психолога.

Abstract: Forensic examination has a wide division by classes, genera, species, subspecies, but they are all united by the ultimate common goal - to promote a fair trial. In this article, we will consider whether the forensic examination process poses a threat to psychological security, determine the main criteria for psychological security, as well as its significance for the personality of a forensic psychologist.

Ключевые слова: психологическая безопасность, судебная экспертиза, эксперт-психолог, психологическая защищенность, угроза психологической безопасности, критерии психологической безопасности.

Keywords: psychological security, forensic examination, expert psychologist, psychological security, threat to psychological security, criteria of psychological security.

Судебно-экспертная деятельность – регламентированный нормативно-правовыми актами вид деятельности, задачей которого является содействие правоохранительным структурам в решении вопросов, требующих специальных знаний. Для подэкспертных судебная экспертиза часто имеет судьбоносное значение. Каждый вид судебной экспертизы имеет свою специфику исследования. Нередко для разрешения сложных вопросов требуется проведение комплексных экспертиз. Они назначаются в случаях, когда специальных знаний одного эксперта недостаточно.

В то время, когда эксперт стоит на защите справедливого рассмотрения обстоятельств гражданского или уголовного дела, его собственная психологическая защита может быть под угрозой. Существуют факторы, способные оказать влияние на объективное экспертное исследование [5; 6; 8]. Их нельзя оставлять без внимания, так как качественное выполнение профессиональных обязанностей залог обеспечения психологической защищенности эксперта. Также оно имеет судьбоносное значение для лица, в отношении которого ведется судебное разбирательство. Если рассматривать психологическую экспертизу, то ошибочным выводам эксперта могут предшествовать некачественные исходные материалы, в которых возможны искажения, противоречия, сокрытие значимых сведений из анамнеза. Предоставление некачественного материала может быть следствием халатности или же преднамеренным установочным поведением в целях получения экспертного заключения в желаемом (искажённом) ключе.

Психологическая безопасность деятельности судебного эксперта-психолога требует от специалиста стремления к совершенствованию профессиональных навыков, умений, обновления методик исследования, а также высоких моральных принципов [1; 3; 7]. Именно устойчивая система ценностей дает возможность осуществлять контроль своих реакций и действий.

Личностные характеристики эксперта, безусловно, важный критерий психологической защищенности. Например, по запросу следственных органов эксперту-психологу поставлена задача провести психологическую диагностику преступника, совершившего насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего. Само знание того, что предстоит общение с насильником, у подавляющего большинства специалистов вызовет спектр негативных чувств от безразличия и отвращения до ненависти, страха, агрессии и др. Стрессовая ситуация для эксперта возникает и в случае вызывающего, агрессивного поведения подэкспертного, особенно при открытых угрозах.

Несмотря на высокий уровень стресса, более 85% судебных экспертов удовлетворены своей профессиональной деятельностью [9]. Такому восприятию действительности способствует психологическая защищенность сотрудника. Отметим несколько факторов, обеспечивающих психологическую безопасность судебно-экспертной деятельности.

- Здоровый психологический климат внутри центра судебной экспертизы. Ему характерны поддержка опытных коллег, отсутствие ссор, вражды, соперничества, насмешек.

- Компетентность и личностные психологические особенности эксперта. Стаж работы, опыт решения сложных экспертных задач. Высокое самообладание, эмоциональная стабильность, уравновешенность, честность, пунктуальность, внимательность и др.

- Подбор методик, наиболее подходящих конкретной ситуации, умение их применять и интерпретировать правильно.

Рассмотрим подробнее, как правильно подобранный психодиагностический инструмент может стать одним из факторов обеспечения психологической безопасности экспертной деятельности.

В настоящее время набирает популярность применение психологического анализа почерка (ПАП) в качестве дополнительного метода исследования личности подэкспертного [4]. С точки зрения психологической безопасности, он наиболее благоприятен, так как большинство нежелательных факторов сведены к нулю.

Методика ПАП формализована, что даёт возможность обучиться её применению большому кругу специалистов сферы психодиагностики. Такой инструмент в арсенале эксперта-психолога удобен тем, что:

- подэкспертный просто пишет текст (например, биографию, признание, объяснительную, заявление и пр.), то есть воспроизводит действие, привычное каждому со школьных лет;

- у него нет возможности исказить свой психологический портрет, как это можно сделать при анкетировании и в опросниках. Даже при попытке изменения почерка большая часть индивидуальных графических признаков сохраняется;

- взаимодействие между экспертом-психологом и исследуемым – минимальное и можно даже обойтись и без него.

Психологическая безопасность важная составляющая любой сферы деятельности [2]. Повышенного внимания этого научного направления заслуживают, безусловно, те области занятости, в которых аккумулировано большое количество населения. В научной практике высокий интерес проявлен в экономической и образовательной сфере. Но это не даёт нам права умалять значимость психологической безопасности для других специальностей.

Судебно-экспертная деятельность уже много лет успешно взаимодействует с правоохранительными органами, содействуя раскрытию преступлений и решению задач, требующих специальных знаний эксперта. Психологическая безопасность судебно-экспертной деятельности достойно внимания научных сотрудников и нуждается в дальнейших исследованиях для обеспечения высокого уровня психологической защищенности эксперта-психолога.

Список литературы:

1. Братусин А. Р. К вопросу о тенденциях развития юридической психологии: проблемный аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovremennyh-tendentsiyah-razvitiya-yuridicheskoy-psihologii-problemnyy-aspekt/viewer> (дата обращения: 19.09.2021).

2. Вербина Г.Г. Психологическая безопасность личности // Вестник ЧГУ. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-bezopasnost-lichnosti> (дата обращения: 26.09.2021).

3. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Психодиагностические методы исследования в судебно-психологической экспертизе: Учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений / ред.-сост. В.Ф. Енгальчев, С.С. Шипшин. 2-е изд., испр. и доп. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского. 2013. 390 с.
4. Енгальчев В.Ф., Чернов Ю.Г. Психологический анализ почерка. Методические рекомендации по формализованной оценке рукописного текста. М.: ФГБУ ГНЦ ФМБЦ им. А.И. Бурназяна ФМБА России. 2019. 172 с.
5. Первомайский В.Б. Субъект судебно-психиатрической экспертизы и проблема расхождения экспертных выводов // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2004. № 4. С. 35-42.
6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М.: Проспект. 2012. 544 с.
7. Сафуанов Ф.С. История развития судебно-психологической экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. Т. 4. № 3. С. 125–141. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72735.shtml> (дата обращения: 26.09.2021)
8. Guarnera L. A., Murrie D. C., Boccaccini M. T. Why Do Forensic Experts Disagree? Sources of Unreliability and Bias in Forensic Psychology Evaluations Translational Issues in Psychological Science. 2017. Vol. 3. No. 2. Pp 143-152.
9. National Institute of Justice, Conditions Affecting Forensic Scientists' Workplace Productivity and Occupational Stress. – 2018. URL: <https://nij.ojp.gov/topics/articles/conditions-affecting-forensic-scientists-workplace-productivity-and-occupational>.

References:

1. Bratusin A.R. K voprosu o tendentsiyakh razvitiya yuridicheskoi psikhologii: problemnyi aspekt // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. № 71-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovremennyh-tendentsiyah-razvitiya-yuridicheskoy-psikhologii-problemnyy-aspekt/viewer> (data obrashcheniya: 19.09.2021).
2. Verbina G.G. Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti // Vestnik ChGU. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psikhologicheskaya-bezopasnost-lichnosti> (data obrashcheniya: 26.09.2021).
3. Engalychev V.F., Shipshin S.S. Psikhodiagnosticheskie metody issledovaniya v sudebno-psikhologicheskoi ekspertize // Uchebnoe posobie dlya studentov fakul'tetov psikhologii vysshikh uchebnykh zavedenii / red.-sost. V.F. Engalychev, S.S. Shipshin. 2-e izd., ispr. i dop. - Kaluga: KGU im. K. E. Tsiolkovskogo. 2013. 390 p.
4. Engalychev V.F., Chernov Yu.G. Psikhologicheskii analiz pocherka. Metodicheskie rekomendatsii po formalizovannoi otsenke rukopisnogo teksta. M.: FGBU GNTs FMBTs im. A.I. Burnazyana FMBA Rossii. 2019. 172 p.
5. Pervomaiskii V.B. Sub"ekt sudebno-psikhiatricheskoi ekspertizy i problema raskhozheniya ekspertnykh vyvodov // Zhurnal psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii. 2004. №4. Pp. 35-42.
6. Rossinskaya E.R. Sudebnaya ekspertiza: tipichnye oshibki. M.: Prospekt. 2012. 544 p.
7. Safuanov F. S. Istoriya razvitiya sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo. 2014. Tom 4. № 3. Pp. 125-141. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2014/n3/72735.shtml> (data obrashcheniya: 26.09.2021).
8. Guarnera L. A., Murrie D. C., Boccaccini M. T. Why Do Forensic Experts Disagree? Sources of Unreliability and Bias in Forensic Psychology Evaluations Translational Issues in Psychological Science. 2017. Vol. 3. No. 2. Pp 143-152.
9. National Institute of Justice, Conditions Affecting Forensic Scientists' Workplace Productivity and Occupational Stress. 2018. URL: <https://nij.ojp.gov/topics/articles/conditions-affecting-forensic-scientists-workplace-productivity-and-occupational>.

Бурцев Антон Олегович

начальник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, кандидат психологических наук
e-mail: burcev_anton@bk.ru

Burtsev Anton Olegovich

Head of the Department for the study of problems of psychological support of operational and service activities of the Department for the Study of Problems of Branch Management of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Psychological Sciences

К ВОПРОСУ О КОПИНГ-ПОВЕДЕНИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ

ON THE ISSUE OF COPING BEHAVIOR OF HEADS OF TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. Неумение справляться со стрессом, управлять своим поведением в сложных/напряженных, неопределенных ситуациях снижает успешность и качество выполнения руководителями должностных обязанностей, а иногда приводит и к более плачевным последствиям. Изучение копинг-стратегий в стресс-преодолевающем поведении руководителей территориальных органов внутренних дел не только является актуальным направлением для юридической, экстремальной психологии, психологии управления, но и позволяет определить пути совершенствования психологического обеспечения профессионального развития данной категории управленцев.

Annotation. The inability to cope with stress, manage their behavior in difficult / stressful, uncertain situations reduces the success and quality of performance of official duties, and sometimes leads to more deplorable consequences. The study of coping strategies in the stress-overcoming behavior of the heads of territorial internal affairs bodies is not only a relevant direction for legal, extreme psychology, management psychology, but also allows us to identify ways to improve the psychological support of the professional development of this category of managers.

Ключевые слова: копинг-поведение, копинг-стратегии, саморегуляция, стресс, неопределенные ситуации, руководители ОВД.

Key words: coping behavior, coping strategies, self-regulation, stress, uncertain situations, ATS managers.

Копинг-поведение – термин научно не новый. Впервые он начал упоминаться в 60-е годы XX столетия. Сегодня в психологии существует

достаточно много определений-уточнений по данному термину: защитно-совладающее поведение, копинг-стратегии, стресс-самоменеджмент и т.д. Однако суть данного понятия остается прежним: «копинг-поведение – это осознанное поведение субъекта, направленное на психологическое преодоление стресса» [5]. Иначе говоря, копинг-поведение – состояние человека/субъекта, направленное на эмоциональное выравнивание, саморегуляцию своего как внутреннего, так и внешнего поведения. А если говорить еще проще, копинг-поведение – это индивидуальное реагирование, приобретаемое с опытом и направленное на преодоление стресса в повседневной жизни.

Слово *cope* произошло от английского глагола *coping* и означает «справляться», «совладать», «бороться», «преодолевать» и т. п. Считается, что впервые в научный обиход данный термин ввел Абрахам Харольд Маслоу во второй половине XX века. Однако слово «копинг» стало расширенно упоминаться и в трудах других видных зарубежных психологов – Л. Мэрфи (1962), Р. Лазаруса (1966) и др.

В настоящее время существует достаточно много междисциплинарных исследований в области копинг-поведения, причем актуальность и широта его применения с каждым годом продолжает расти. Так, в России много диссертационных исследований посвящено изучению копинг-стратегий специалистов как в гражданских ведомствах, так и в силовых структурах, таких как Вооруженные Силы России, Росгвардия, МЧС России, МВД России и др. Нельзя оставить без внимания тот факт, что наибольшее количество исследований феномена копинг-поведения и копинг-стратегий проводятся именно психологами – учеными и практиками.

Теория копинга оперирует тремя базовыми понятиями – «копинг-поведение», «копинг-ресурсы», «копинг-стратегия». Р. Лазарус считал копинг-стратегию совокупностью когнитивных и поведенческих усилий, затрачиваемых личностью на снижение влияния на нее стресса.

А что такое стресс? Стресс (от англ. *stress* «нагрузка, напряжение; состояние повышенного напряжения») - это совокупность неспецифических реакций организма на воздействие различных неблагоприятных факторов среды, нарушающих его гомеостаз (гомеостаз - способность организма сохранять, поддерживать постоянство внутренней среды, т.е. своего рода саморегуляция организма) [12].

Стоит также отметить, что в науке существует несколько различных отраслей знаний (психология, медицина, физиология, психофизиология и др.), представители которых активно разрабатывают проблематику стресса. Мы не будем подробно останавливаться на изучении «стресса», так как это отдельная тема для исследования и дискуссий в контексте руководителей территориальных органов внутренних дел Российской Федерации.

Для раскрытия сути копинг-поведения в профессиональной деятельности руководителей территориальных органов МВД России

немаловажную роль играют такие понятия, как самоотношение и асертивность.

Самоотношение – это ключевая характеристика личности, содержащая когнитивный, эмоциональный и конативный (поведенческий) компоненты. Стратегиями совладания принято считать сознательные усилия личности по преодолению напряженных ситуаций. Направленность стратегий может быть внешняя – на решение возникшей во вне проблемы или внутренняя – на преобразование своего отношения к данной ситуации. Стратегия может принести успех в том случае, если напряжение ситуации ослабится, а эффективность ее действия зависит исключительно от характера ситуации и самой личности [2].

Асертивность (от англ. assertiveness, to assert – утверждать, отстаивать, от лат. asserere - утверждать) – способность человека не зависеть от внешних влияний и оценок, самостоятельно регулировать собственное поведение и отвечать за него [1].

Как мы отмечали выше, проблема стресса и стресс-преодолевающего поведения в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов достаточно хорошо освещена в современной зарубежной и отечественной научной литературе. Сегодня по сотрудникам ОВД накоплен не только достаточно большой объем публикаций, раскрывающий суть феномена копинг-поведение, но и имеется объемный практический материал, затрагиваемый стресс-преодолевающее поведение.

Так, из литературы можно почерпнуть, что «стресс — многоуровневое явление, изучение которого предполагает три основных направления: личностное, деятельностное и органическое» [10].

Отметим, что определение и понятие стресса тесно взаимосвязаны со стрессоустойчивостью. Стрессоустойчивость достаточно широко изучается в отечественной психологической науке по специалистам экстремальных профессий, т.е. по людям подверженным чрезвычайно высоким физическим, психическим и эмоциональным нагрузкам, к данным видам деятельности относятся и сотрудники ОВД. Следовательно, именно реакции людей в психологически затруднительных ситуациях может открыть свет на здоровьесберегающее поведение. Особый интерес для науки представляют способности людей продолжать нормально действовать, функционировать, а в нашем случае, нести службу и более того – умело руководить коллективом для реализации поставленных задач и приказов.

Нельзя не отметить, что существует огромное количество стрессоров, которые воздействует на человека в повседневной деятельности и жизни: физиологические, психологические, физические, биохимические и др. И на каждое такое воздействие (раздражитель) человеческий организм реагирует по-разному (каждый человек совершенно индивидуально реагирует на тот или иной раздражитель).

Следующее, на что мы бы хотели обратить внимание – это внутренние процессы, которые помогают преодолеть стрессовые состояния и ситуации,

т.е. непосредственно копинг-стратегии (стресс-преодолевающее поведение). Такие механизмы преобладания стресса в психологии, как правило, изучаются отдельной областью знания, которая исследует реакции человека на возникающие стрессовые ситуации.

Отметим, что достаточно долгое время в зарубежной психологической науке копинг-поведение изучалось только непосредственно при наличии заболеваний (физических, психосоматических).

Каждый человек для преодоления стресса/стрессовой ситуации, прежде всего, полагается и использует собственные копинг-стратегии на основе ранее приобретенного опыта (копинг-ресурсы). В результате взаимодействия копинг-стратегий и копинг-ресурсов возникает стресс-преодолевающее (совладающее) поведение. Таким образом, «копинг-стратегии — это способы совладания со стресс-факторами, вызванные ответом личности на возникшую угрозу; копинг-ресурсы — относительно стабильные характеристики индивида и социальной среды, которые способствуют развитию способов совладания со стрессом» [10].

В современных условиях концепция «копинга» становится одним из центральных положений современной теории стресса, а копинг-поведение рассматривается как стабилизирующий фактор, способствующий адаптации личности к воздействию различных стрессовых ситуаций.

Список литературы:

1. Ассертивность. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ассертивность>(дата обращения 12.10.2021).
2. Бурцев А.О. Взаимосвязь самоотношения и копинг-стратегий у наркозависимых / А.О. Бурцев, М.С. Козырь, Д.А. Скворцова // Прикладная юридическая психология. 2021. № 1 (54). С. 46-57.
3. Камнева Е.В. Копинг-поведение и профессиональное выгорание сотрудников органов внутренних дел //Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8 (64). С. 576-580.
4. Кобозев И.Ю. Оценка интенсивности профессионального стресса и его влияния на копинг-поведение и механизмы психологической защиты руководителей ОВД //Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 2 (45). С. 45-49.
5. Копинг-поведение. Режим доступа: <https://fb.ru/article/380862/koping-povedenie---eto-osoznanное-povedenie-subyekta-napravlennoe-na-psihologicheskoe-preodolenie-stressa> (дата обращения 12.10.2021).
6. Лебедев И.Б. Копинг-поведение сотрудников ОВД: учебное пособие /Министерство внутренних дел Российской Федерации, Московский университет. – М., 2005.
7. Нежкина Л.Ю. Копинг-поведение сотрудников органов внутренних дел //Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 280-281.
8. Пухарева Т.С. Копинг-поведение сотрудников полиции с разным уровнем осмысленности жизни // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1(46). С. 92-97.
9. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Взаимосвязь копинг-стратегий сотрудников правоохранительных органов со стилевыми особенностями саморегуляции // Психология и право. 2015. Т. 5. №1. С. 129-146. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76161.shtml> (дата обращения: 02.07.2021).

10. Рогачев В.А. Взаимосвязь копинг-стратегий и личностных ресурсов стресс-преодолевающего поведения сотрудников правоохранительных органов / В.А. Рогачев, И.Н. Коноплева // Медицинская психология в России. 2015. 2 (31). С. 1-15.

11. Солдатов В.И. Копинг-поведение как фактор профессиональной успешности оперуполномоченных криминальной милиции // Вестник психотерапии. 2009. № 29 (34). С. 63-69.

12. Стресс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Стресс>(дата обращения 12.10.2021).

References:

1. Assertiveness. Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ассертивность> (accessed 12.10.2021).

2. Burtsev A.O. Interrelation of self-attitude and coping strategies in drug addicts / A.O. Burtsev, M.S. Kozyr, D.A. Skvortsova // Applied legal psychology. 2021. № 1 (54). Pp. 46-57.

3. Kamneva E.V. Coping-behavior and professional burnout of employees of internal affairs bodies // Modern scientific research and innovations. 2016. № 8 (64). Pp. 576-580.

4. Kobozev I.Yu. Assessment of the intensity of professional stress and its impact on coping behavior and mechanisms of psychological protection of the heads of the Department of Internal Affairs // Psychopedagogics in law enforcement agencies. 2011. № 2 (45). Pp. 45-49.

5. Coping behavior. Access mode: <https://fb.ru/article/380862/koping-povedenie-eto-osoznannoe-povedenie-subyekta-napravlennoe-na-psihologicheskoe-preodolenie-stressa> (date of publication 12.10.2021).

6. Lebedev I.B. Coping-behavior of police officers / training manual / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow University. Moscow, 2005.

7. Nezhkina L.Yu. Coping-behavior of employees of internal affairs bodies / Eurasian Legal Journal. 2020. № 3 (142). Pp. 280-281.

8. Pukhareva T.S. Coping-behavior of police officers with different levels of meaningfulness of life // Applied legal psychology. 2019. № 1 (46). Pp. 92-97.

9. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Interrelation of coping strategies of law enforcement officers with stylistic features of self-regulation // Psychology and Law. 2015. Vol. 5. № 1. Pp. 129-146. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76161.shtml> (accessed: 02.07.2021).

10. Rogachev V.A. Interrelation of coping strategies and personal resources of stress-overcoming behavior of law enforcement officers / V.A. Rogachev, I.N. Konopleva // Medical psychology in Russia. 2015. № 2 (31). Pp. 1-15.

11. Soldatov V.I. Coping behavior as a factor of professional success of criminal police operatives // Bulletin of psychotherapy. 2009. № 29 (34). Pp. 63-69.

12. Stress. Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Стресс> (yes, the date of treatment 12.10.2021).

Васильченко Аlesia Сергеевна

старший научный сотрудник Лаборатории психогигиены и психопрофилактики, кандидат психологических наук, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва, Россия

e-mail: vasilchenko.alesya@gmail.com

Vasilchenko Alesya Sergeevna

Senior Researcher at the Laboratory of Psychohymia and Psychoprophylaxis, PhD in psychology, FSBI "V.Serbtsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology" Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

Лысенко Надежда Евгеньевна

старший научный сотрудник Лаборатории психогигиены и психопрофилактики, кандидат психологических наук, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва, Россия

e-mail:nlisenko@yandex.ru

Lysenko Nadezhda Evgenievna, Senior Researcher at the Laboratory of Psychology and Psychoprophylaxis, PhD in psychology, FSBI "V.Serbtsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology" Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

Булыгина Вера Геннадьевна

руководитель Лаборатории психогигиены и психопрофилактики, доктор психологических наук, профессор, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Россия

e-mail:ver210@yandex.ru

Bulygina Vera Gennadyevna

Head of the Laboratory of Psychology and Psychoprophylaxis, Doctor of Psychological Sciences, Professor, FSBI "V.Serbtsky National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology" Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

ВЛИЯНИЕ СТАЖА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НА ХАРАКТЕР СТРЕСС-РЕАГИРОВАНИЯ У СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

THE INFLUENCE OF PROFESSIONAL EXPERIENCE AND PERSONAL CHARACTERISTICS ON THE NATURE OF STRESS RESPONSE AMONG LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Аннотация: Определено влияние личностных характеристик и стажа службы на выраженность профессионального стресса у сотрудников силовых структур и показано, что увеличение стажа обуславливает отличие в значениях показателей дистресса и профессиональной дезадаптации. Выявлено, что сотрудники со стажем работы от 1 года

до 5 лет входят в группу риска развития состояний психической дезадаптации. Оценена динамика выраженности профессионального стресса в зависимости от личностных характеристик и стажа службы и выявлено, что офицеры силовых структур с отрицательной динамикой (повышением уровня профессионального стресса) отличаются низкими значениями несдержанности аффекта раздражения, стремления к риску, импульсивности и эгоцентризма.

Annotation: The influence of personal characteristics and service experience on the severity of occupational stress in law enforcement officers was determined. It was revealed that law enforcement officers with negative dynamics are characterized by low levels of irritation and risk aspiration.

Ключевые слова: дезадаптация, профессиональный стресс, сотрудники силовых структур, индивидуально-психологические особенности личности.

Key words: maladjustment, occupational stress, law enforcement officers, individual and psychological personality features.

Высокий уровень профессионального стресса у сотрудников силовых структур и его продолжительный характер становятся причиной снижения адаптационных ресурсов и обуславливают возникновение проявлений психической дезадаптации [1; 2]. Немаловажным фактором, оказывающим влияние на развитие профессионального стресса и дезадаптации сотрудников, является стаж служебной деятельности. Исследования психической дезадаптации показали, что у сотрудников силовых структур со стажем до 5 лет представленность феноменологии психической дезадаптации составляет около 10%, а при стаже свыше 15 лет – в 14% наблюдений. Признаки психической дезадаптации у сотрудников силовых структур проявляются высокой тревожностью, нарушениями сна, снижением мотивации к деятельности, низкой толерантностью к неблагоприятным факторам профессиональной деятельности [1; 2; 3].

Однако несмотря на достаточную изученность психологических особенностей сотрудников силовых структур, остаются актуальными вопросы, связанные с психологическим прогнозом поведенческих реакций у сотрудников силовых структур, прогнозированием их адаптивности в условиях моделирования стресса, а также выявлением влияния личностных характеристик и стажа службы на выраженность профессионального стресса и на регуляцию поведения. В связи с этим нашего *исследования* целью являлось изучение влияния стажа профессиональной деятельности и личностных характеристик на различные аспекты стресс-реагирования у сотрудников силовых структур.

Выборку исследования составили 106 сотрудников силовых структур, из них – 62 мужчины и 44 женщины в возрасте от 22 до 43 лет (средний возраст – $29,07 \pm 4,92$ года, стаж работы – от 0,5 года до 21 года).

Методический комплекс включал в себя: тест на профессиональный стресс Т.Д. Азарных, И.М. Тыртышникова (2010); симптоматический опросник SCL-90-R (L. Derogatis, 1973, адаптация Н.В. Тарабриной, 2001); методику диагностики уровня профессионального выгорания В.В. Бойко

(1996); шкалу организационного стресса Мак-Лина (адаптация Н. Водопьяновой, 2009); опросник оценки выраженности состояний утомления, монотонии, пресыщения, стресса, адаптированного А.Б. Леоновой, С.Б. Величковой (2002); опросник самоконтроля Г. Грасмика (адаптация Булыгина В.Г., Абдраязкова А.М., 2008); шкалу базисных убеждений (Янов-Бульман Р.; адаптация Падун М.А., Котельникова А.В., 2008); опросник «Цель–Средство–Результат» (А.А. Карманов); Мельбурнский опросник принятия решений и Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности (апробация Т.В. Корниловой).

Результаты и обсуждение. На первом этапе исследования проведена оценка влияния личностных характеристик на выраженность профстресса у сотрудников силовых структур с учетом стажа работы. Выборка была разделена на 3 группы: со стажем профессиональной деятельности до 1 года, от 1 года до 5 лет и общим стажем работы более 5 лет.

Было выявлено, что более подверженными профессиональному стрессу и симптомам эмоционального выгорания оказались сотрудники со стажем работы от 1 года до 5 лет. Эти специалисты отличаются более высоким уровнем организационного стресса, а также склонностью к утомляемости, монотонии и пресыщаемости профессиональной деятельностью. Они значимо чаще испытывают симптомы эмоционального выгорания, проявляющиеся в снижении мотивации к работе, недовольством работой, ощущением усталости, скуки, эмоционального истощения. Эти сотрудники чаще своих коллег со стажем менее 1 года и стажем работы более 5 лет испытывают недовольство собой, ощущают себя «загнанными в клетку», сообщают о переживании психотравмирующих обстоятельств, отмечают большую подверженность психосоматическим и психовегетативным нарушениям. В сфере межличностных отношений выявляется межличностная чувствительность, нарастание личностной и эмоциональной отстраненности, что приводит к расширению сферы экономии эмоций, эмоциональному дефициту, эмоционально-нравственной дезориентации.

У сотрудников силовых структур со стажем работы менее 1 года выявлено меньшее количество симптомов и проявлений дистресса. При этом они значительно чаще испытывают тревогу, страдают депрессией, обсессивно-компульсивными расстройствами, обнаруживают паранойяльные симптомы и психотизм, что приводит к редукции профессиональных обязанностей, проявляющейся в попытках облегчить или сократить служебные функции, требующие эмоциональных затрат.

Сотрудники со стажем работы более 5 лет демонстрируют достоверно более высокие показатели лишь в отношении одного психологического параметра «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование». Они чаще своих коллег со стажем службы менее 1 года и стажем службы от

1 до 5 лет проявляют неадекватное эмоциональное реагирование в ответ на стрессогенные факторы.

Второй этап исследования был направлен на оценку динамики выраженности профстресса в зависимости от личностных характеристик.

В выборку исследования были включены 32 офицера силовых структур (средний возраст – $29,1 \pm 3,2$ года; средний стаж – $10,6 \pm 3,6$ года). Эта выборка была разделена на 2 группы: в 1-ю группу вошли лица, у которых отмечалось снижение общего уровня профессионального стресса («положительная» динамика; $n=15$; средний возраст – $28,5 \pm 3,3$ года; средний стаж – $11,1 \pm 2,9$ года); во 2-ю группу вошли офицеры, у которых было выявлено увеличение общего уровня профессионального стресса («отрицательная» динамика; $n=14$; средний возраст – $29,6 \pm 3,1$ года; средний стаж – $10,0 \pm 4,2$ года) при повторном тестировании. Интервал между измерениями составил 1 год.

Были выявлены общие психологические закономерности стресс-реагирования: высокие показатели таких индивидуально-типологических качеств, как эгоцентризм, стремление к риску, несдержанность и импульсивность сопряжены с формированием всех симптомов и стадий эмоционального выгорания, высоким уровнем профессионального стресса.

Однако группа офицеров силовых структур, характеризующаяся снижением уровня профессионального стресса, отличалась низкой выраженностью всех базовых убеждений личности, что сочеталось с высокими значениями показателей выраженности всех симптомов и стадий эмоционального выгорания. Убеждения в собственной неудачливости, а также о враждебности и опасности окружающего мира, были связаны с формированием эмоционального выгорания, а также с высоким уровнем профессионального стресса. Убеждение о слабости и беспомощности собственного «Я» сочеталось с импульсивностью что, в свою очередь, способствовало формированию симптома эмоционального выгорания «эмоциональная отстраненность», как механизма защиты от чувства бессилия. Убеждение о слабости «Я» оказывает влияние на процессуальную организацию принятия управленческих решений, повышая бдительность, как копинг совладания с неопределенностью, включающий в себя готовность принимать решения в любых обстоятельствах, при этом ориентируясь на обдумывание альтернатив и исключая использование интуиции.

Можно предположить, что низкий уровень самоконтроля, являющийся следствием выраженности дезадаптивных индивидуально-типологических черт, в сочетании с дисфункциональными базовыми убеждениями формирует эмоционально-фокусированный копинг, направленный на улучшение собственного эмоционального состояния.

Регулярное использование подобного защитного механизма может приводить как к формированию выраженности синдрома эмоционального выгорания и личностной деформации, так и влиять на процессуальную

организацию принятия управленческих решений, снижая возможности оценки результатов собственной деятельности (снижение среднего балла по параметру «результат»).

Офицеры силовых структур, отличающиеся снижением уровня профессионального стресса, характеризуются множественностью взаимосвязей разноуровневых психологических конструктов. С учетом описанного выше дезадаптивного психологического профиля, это может являться следствием перенапряжения защитных механизмов, что подтверждается высокими значениями показателей начальной и средней стадий выгорания: напряжения и резистенции.

Можно предположить, что снижение субъективного переживания профессионального стресса спустя год у этой группы обусловлено дальнейшим развитием профессионального выгорания, сопровождающимся падением энергетического тонуса и характеризующимся эмоциональным равнодушием к условиям и результатам собственной профессиональной деятельности.

Офицеры силовых структур, характеризующиеся повышением уровня профессионального стресса, отличаются бедностью взаимосвязей разноуровневых психологических конструктов, что указывает на низкую опосредованность психических процессов, высокую степень влияния внешних факторов, оказывающих воздействие на внутреннее состояние, формирование убеждений и принятие решений.

Было обнаружено, что офицеры силовых структур с отрицательной динамикой (повышением уровня профессионального стресса) отличаются низкими значениями несдержанности аффекта раздражения, стремления к риску, импульсивности и эгоцентризма. Убеждение о собственной удачливости отрицательно связано с дезадаптивным копингом по типу избегание. Убеждение о силе собственного «Я» связано с низкой выраженностью симптомов эмоционального выгорания. Увеличению интенсивности субъективного переживания профессионального стресса также способствует ориентация на достижение поставленной цели, а также увеличение толерантности к неопределенности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общий уровень эмоционального выгорания зависит от выраженности таких индивидуально-типологических качеств, как стремление к риску, несдержанность, импульсивность и эгоцентризм. Увеличение стажа профессиональной деятельности обуславливает отличие в значениях показателей дистресса и профессиональной дезадаптации. Достижение наиболее высоких показателей выявляется у сотрудников силовых структур со стажем работы от 1 года до 5 лет, что не исключает риска развития у этой группы состояний психической дезадаптации. Снижение указанных показателей происходит после 5 лет работы, что можно объяснить тем, что с увеличением стажа и опыта профессиональной деятельности сотрудники вырабатывают более эффективные стратегии совладания, что в дальнейшем

способствует успешной адаптации и повышению стрессоустойчивости в отношении негативных профессиональных воздействий.

Список литературы:

1. Булыгина В.Г., Шпорт С.В., Сперанская О.И. и др. Прогноз и коррекция поведенческих реакций специалистов, работающих в экстремальных условиях: Аналитический обзор. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. 152 с.

2. Крук В.М., Носс И.Н., Федотов А.Ю. Психодиагностическая оценка надежности сотрудника: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 143 с.

3. Московская М.С., Кабанова Т.Н., Дубинский А.А. Стаж профессиональной деятельности, как фактор, детерминирующий различия в восприятии стресса у сотрудников следственных органов // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1. С. 59-69.

4. Сечко А. В. "Профессиональное выгорание" в офицерских профессиях // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2006. № 3(105). С. 106-108.

Reference:

1. Bulygina V.G., Shport S.V., Speranskaya O.I. and others. Prediction and correction of behavioral reactions of specialists working in extreme conditions: Analytical review. M.: FSBI "V. Serbsky FMITSPN" Ministry of Health of Russia, 2016. 152 p.

2. Kruk V.M., Noss I.N., Fedotov A.Yu. Psychodiagnostic assessment of employee reliability: Textbook for university students. M.: UNITY-DANA, 2017. 143 p.

3. Moscovskaya M.S., Kabanova T.N., Dubinsky A.A. Professional experience as a factor determining differences in the perception of stress among investigative officers // Applied legal psychology. 2019. № 1. Pp. 59-69.

4. Sechko A.V. "Professional'noe vygoranie" v oficerskih professiyah // Pravo v Vooruzhennyh Silah. Voенно-pravovoe obozrenie. 2006. № 3(105). Pp. 106-108.

Вахнина Виктория Владимировна,

профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, Москва, Россия

доктор психологических наук, доцент,
e-mail: vikavahnina@mail.ru

Vakhnina Victoria Vladimirovna,

Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Doctor of Psychological Sciences, Associate

Морщаккина Мария Сергеевна,

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, Москва, Россия

e-mail: morchakina@mail.ru

Morschakina Maria Sergeevna,

ЭКСТРЕМАЛЬНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕСС-СЛУЖБ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

EXTREMITY IN THE ACTIVITIES OF THE PRESS SERVICES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация: В статье аргументируется необходимость дальнейшего исследования влияния экстремальных ситуаций на деятельность сотрудников отделов информации и общественных связей МВД России. Исследовательский интерес позволит актуализировать востребованные компетенции сотрудника органов внутренних дел, спрогнозировать стратегии поведения и деятельность в экстремальных условиях.

Abstract: The article argues the need for further research of the impact of extreme situations on the activities of employees of the information and public relations departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The research interest will make it possible to actualize the demanded competencies of an employee of the internal affairs bodies, to predict behavior strategies and activities in extreme conditions.

Ключевые слова: экстремальность, личностные качества, стратегии поведения, моделирование ситуации.

Keywords: extremity, personal qualities, behavior strategies, situation modeling.

Важность развития специальных компетенций у сотрудников полиции в эпоху информации и глобализации сегодня не оспаривает никто. Стремительное проникновение в профессиональную деятельность полиции цифровых масс-медиа не просто ускоряет сам процесс обмена информацией, но и предъявляет новые требования к самим сотрудникам. Примером запросов «нового формата» могут служить события 31 декабря 2018 года в Магнитогорске, когда в начале седьмого утра поступила первая информация о случившейся трагедии – обрушении части жилого дома в центре города.

Согласно ведомственных нормативных документов, сотрудник, ответственный за взаимодействие со средствами массовой информации, обязан в кратчайшее время прибыть на место происшествия. Но все мы прекрасно понимаем, что сотрудник отдела информации и общественных связей (далее - ОИиОС) – это, прежде всего, такой же человек, которому свойственно принимать чужое горе как собственное, проявлять эмоции. Однако главное – ему нельзя поддаваться панике. Напротив, ему предстоит мобилизовать все силы, чтобы найти контакт с журналистами, с теми, кто пришел снять эффектное видео для размещения в социальных сетях, информировать тех, кому нужна помощь, и быть готовым к негативному информационно-коммуникационному воздействию. Это один из примеров

работы сотрудников ОИиОС, наиболее ярко демонстрирующий, какие качества востребованы у данной категории субъектов труда в погонах.

Сегодня мы все живем в эпоху перемен и, казалось бы, еще вчера мы обладали определенным набором компетенций. Однако сегодня востребованы новые, поэтому нужно уметь быстро ориентироваться в современном мире, внедрять в работу эффективные формы.

Анализируя деятельность сотрудников пресс-служб, многие считают, что экстремальные ситуации при повседневном несении службы встречаются редко. Однако, в ходе опроса, проведенного среди 31 сотрудника ГУ МВД России по Челябинской области, выявлен ряд моментов (рис. 1 и рис.2).

Рис.1. Считаете ли Вы, что в деятельности пресс-службы присутствует экстремальность?

В случае смены привычной деятельности, связанной с экстремальной или внештатной ситуацией, сопровождающейся психотравмирующими факторами, даже опытный сотрудник ОИиОС будет подвержен стрессу и затруднен адекватно реагировать на происходящее. В этот момент необходимо быстро принимать решения, связанные с предоставлением информации о произошедшем событии, а поэтому управлять физиологическим состоянием организма (снизить мышечное напряжение, нормализовать дыхание), контролировать психическое состояние (важно не потерять контроль сознания над чувствами и волей, а также структурировать процесс мышления). В итоге лишь сотрудник полиции, обладающий необходимыми жизненными навыками, имеющий сформированные внутренние механизмы преодоления трудной ситуации, сформированную стратегию волевого контроля, сможет принять конструктивное решение по ее нейтрализации и избежать таких психических состояний, как фрустрация, стресс, а в некоторых случаях и кризис личности [1].

В повседневной жизни психологический потенциал личности часто остается нераскрытым, принимаемые решения, действия не выходят за рамки усвоенного профессионального стереотипа, но, если сотрудник, ответственный за взаимодействие со средствами массовой информации, попадает в экстремальные условия он должен знать алгоритм действий,

открыть в себе новые ресурсы. Среди личностных качеств востребованы решительность, смелость, выдержка, организованность, дисциплинированность, умение выделять главное, а также реализовать стратегии поведения по снижению уровня конфликтности, агрессии [2].

Рис.2. Приходилось ли Вам в профессиональной деятельности сталкиваться с экстремальной ситуацией?

Исследователи пришли к выводу, что «экстремальность» - это синтез характера ситуации или условий и показателя внутреннего психологического состояния [1]. Например, А.М. Столяренко рассматривает экстремальность как «показатель особого состояния системы «человек в ситуации», изменяющийся в определенном диапазоне в зависимости от степени подготовленности и выбора поведения самим человеком» [3, С. 607].

Исключительная, рискованная, экстремальная ситуация способна привести к частичной или полной потере личностного контроля [4]. Исследованием данного вопроса занимались и зарубежные психологи экзистенциального гуманистического направления (А. Маслоу, Г. Олпорт, И. Ялом, В. Франкл, Э. Фромм, К. Юнг), причем выявили, что трудности и проблемы как факторы могут способствовать и развитию личности. С. Мадди исследовал феномен жизнестойкости именно как качество, проявляющееся и развивающееся в экстремальных и кризисных ситуациях.

В изучении восприятия ситуации как экстремальной, на наш взгляд, необходимо рассмотреть внешние факторы, определяющие ее как таковую: новизна выполняемой деятельности; трудности, связанные с выполнением поставленных задач; ограничение по времени на принятие решения; ответственность (в большинстве случаев сотрудники пресс-служб имеют право транслировать информацию для масс-медиа); отсутствие, множество или противоречивость имеющейся информации; чрезмерные физические нагрузки, перенапряжение сил и нагрузки на речевые функции, особенно при дефиците информации; неблагоприятные воздействия различных климатических и микроклиматических факторов; накопление психического напряжения, тревожность; переживание общего несчастья.

Нельзя нивелировать и роль внутренних факторов, таких как самооценка, уровень субъективного контроля, личностная зрелость,

ценностные ориентации, «мужское» и «женское» поведение, экстраверсия и интроверсия в оценке восприятия ситуации, как экстремальной [5].

О том, что необходимо моделировать ситуацию свидетельствует опрос личного состава ГУ МВД России по Челябинской области.

Рис.3. Возможно ли выработать алгоритм действий при помощи моделируемой ситуации, чтобы потом его использовать в реальной ситуации?

Немаловажную роль в минимизации действия стрессора на личность играет первичная оценка, способствующая определению возникшей ситуации – угрожающая она или благоприятная. Именно с этого момента формируются механизмы личностной защиты. Эта защита (процессы совладания) рассматривается как способность личности осуществлять контроль над угрожающими, расстраивающими или доставляющими неудобства ситуациями. Процессы совладания являются частью эмоциональной реакции. От них зависит сохранение эмоционального равновесия. Они направлены на уменьшение, устранение или удаление действующего стрессора, поэтому важно обладать нервно-психической устойчивостью, коммуникативной компетентностью, умением адаптироваться к ситуации, то есть обладать личностным адаптационным потенциалом [6].

Одна и та же ситуация будет восприниматься и субъективно оцениваться по-разному, вследствие чего экстремальность ситуации, вызывающей критическое по напряженности психическое состояние, для разных индивидов будет различной [7].

Изучая понятие «экстремальность», исследователи пришли к выводу, что это объективно-субъективное явление (с одной стороны - наличие реальных угроз жизни и здоровью, а с другой стороны – различное восприятие сотрудниками) [8, с.9].

Поведение под воздействием экстремальной ситуации может проявиться в следующих формах:

Первая: наличие импульсивности; несвоевременность действий, выражающаяся в утрате ранее выработанных навыков; неиспользование прошлого опыта; торопливость и бессистемность поведения.

Вторая: действия замедлены, ощущается оцепенение вплоть до психического ступора.

Третья: активность соответствует ситуации; восприятие и оценивание появившихся осложнений ситуации четкое; восприятие обстановки адекватное; уровень самоконтроля повышен.

Одним из эффективных методов экстремальной подготовки является имитация экстремальных ситуаций: словесное описание обстановки; фактическое создание экстремальных ситуаций с использованием специальных приемов и средств; психологическая имитация отдельных факторов экстремальных трудностей [9].

Рис.4. Считаете ли Вы, что владение алгоритмом действий, поможет минимизировать последствия экстремальной ситуации?

Смоделировать – значит воспроизвести максимально правдоподобно то, что будет, когда экстремальная ситуация возникнет фактически.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить, что дальнейшие исследования влияния экстремальных ситуаций на деятельность сотрудников полиции позволят обозначить востребованные профессиональные компетенции, способствующие снижению негативного психологического воздействия средовых факторов, обеспечат поиск эффективных решений в юридико-значимых ситуациях. Результаты данных исследований будут способствовать успешному решению профессионально-значимых задач.

Список литературы:

1. Ильина В.В. Понятие экстремальных условий в психологической науке и практике. Текст: электронный // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. Т. 60. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekstremalnyh-usloviy-v-psihologicheskoy-nauke-i-praktike> (дата обращения: 12.09.2021).
2. Правдина Л.Р., Васильева О.С. Экстремальные и кризисные ситуации в контексте психологии здоровья. Текст: электронный // Северо - Кавказский психологический вестник. 2008. Том 6. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremalnye-i-krizisnye-situatsii-v-kontekste-psihologii-zdorovya> (дата обращения: 12.09.2021).
3. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика. М., 2002. С. 607.
4. Екимова В.И., Лучникова Е.П. Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 50-61. (дата обращения: 05.09.2021).
5. Павлова Е.В. Психология экстремальных ситуаций и состояний: Учебно-методическое пособие. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. 198 с.
6. Коноплева И.Н., Калягин Ю.С. Саморегуляция психических состояний как элемент психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях. Текст:

электронный // Психология и право. 2011. Том 1. № 4. URL:<https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49298.shtml>(дата обращения: 05.09.2021).

7. Панов В.И. Состояние и проблемы экологической психологии. - Текст: электронный // Психологическая наука и образование. 1998. Том 3. № 1. URL:<https://psyjournals.ru/psyedu/1998/n1/Panov.shtml> (дата обращения: 05.09.2021).

8. Психология управления персоналом в экстремальных условиях: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений /В. Н Смирнов. М: 2007. С. 9.

9. Психология управления: учебник / под ред. В.В. Вахниной. М.: Академия управления МВД России, 2020. 284 с.

References:

1. Il'ina V.V. Ponyatie ekstremal'nyh uslovij v psihologicheskoy naukei praktike. Tekst: elektronnyj // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2015. Tom 60. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekstremalnyhusloviy-v-psihologicheskoy-nauke-i-praktike> (data obrashcheniya: 12.09.2021).

2. Pravdina L. R., Vasil'eva O.S. Ekstremal'nye i krizisnye situacii v kontekste psihologii zdorov'ya. Tekst: elektronnyj // Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik. 2008. Tom 6. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremalnye-i-krizisnye-situatsii-v-kontekste-psihologii-zdorovya> (data obrashcheniya: 12.09.2021).

3. Stolyarenko A.M. Ekstremalnaya psihopedagogika. M., 2002. P. 607.

4. Ekimova V.I., Luchnikova E.P. Kompleksnaya psikhologicheskii trauma kak resubstaniya ekstremnogo stress [Elektronnyi resurs] // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2020. Volume 9. № 1. Pp. 50-61. (data obrashcheniya: 05.09.2021).

5. Pavlova E.V. Psihologiya ekstremal'nyh situacij i sostoyanij: Uchebno-metodicheskoe posobie. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2014. 198 p.

6. Konopleva I.N., Kalyagin YU.S. Samoregulyaciya psihicheskikh sostoyanij kak element psihologicheskoy gotovnosti k deyatelnosti v ekstremal'nyh usloviyah. Tekst: elektronnyj // Psihologiya i pravo. 2011. Tom 1. № 4. URL:<https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49298.shtml> (data obrashcheniya: 05.09.2021).

7. Panov V.I. Sostoyanie i problemy ekologicheskoy psihologii. Tekst: elektronnyj // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 1998. Tom 3. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/1998/n1/Panov.shtml> (data obrashcheniya: 05.09.2021).

8. Psihologiya upravleniya personalom v ekstremal'nyh usloviyah: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij /V.N. Smirnov. M: 2007. P. 9.

9. Psihologiya upravleniya: uchebnik / pod red. V.V. Vahninoy. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2020. 284 p.

Грудкин Федор Сергеевич,

инструктор штурмового отделения №2 ОСН УФСИН
России по Ивановской области, магистрант,
Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Россия

e-mail: irina05091994@mail.ru

Grudkin Fedor Sergeevich,

Federal Penitentiary Service of Russia for the Ivanovo
Region, Undergraduate, Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia

Шмелева Елена Александровна,

профессор, Ивановский государственный
университет, Ивановская пожарно-спасательная
академия ГПС МЧС России, г.Иваново, Россия

e-mail: noc_shmeleva@mail.ru

Shmeleva Elena Alexandrovna,

Professor, Ivanovo State University, IFRA of SFS of
EMERCOM of Russia, Ivanovo, Russia

Doctor of Psychology, Associate Professor

Кисляков Павел Александрович,

профессор факультета психологии, Российский
государственный социальный университет,

г. Москва, Россия

доктор психологических наук, доцент

e-mail: Pack.81@mail.ru

Kislyakov Pavel Alexandrovich,

Professor, Russian State Social University,
Moscow, Russia

Doctor of Psychology, Associate Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОТОВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE READINESS OF EMPLOYEES OF THE SPECIAL PURPOSE DEPARTMENT TO PERFORM OFFICIAL TASKS IN EXTREME SITUATIONS

Аннотация: В статье рассматриваются особенности психологической готовности сотрудников отделов специального назначения ФСИН к действиям в экстремальных ситуациях. Актуальность заключается в изучении негативного влияния различных факторов и психотравмирующих ситуаций, оказывающих деструктивное влияние на способность сотрудника оперативно-боевого подразделения выполнить возложенные на него служебные обязанности.

Annotation: The article discusses the features of psychological readiness of employees of special purpose departments of the Federal Penitentiary Service to act in extreme situations. The relevance lies in the study of the negative impact of various factors and traumatic situations that have a destructive effect on the ability of an employee of an operational combat unit to perform the duties assigned to him.

Ключевые слова: психологическая готовность, экстремальная ситуация, воля, самоконтроль, нервно-психическая устойчивость.

Keywords: psychological readiness, extreme situation, will, self-control, neuropsychic stability

Оперативная обстановка, складывающаяся в исправительных учреждениях Российской Федерации, в настоящее время является неоднородной. Вероятность возникновения чрезвычайной ситуации всегда высока, деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы проходит в условиях дикого стресса. Психологическая устойчивость,

способность сопротивляться стрессу является очень важным качеством сотрудников пенитенциарной системы. Недостаток психологических ресурсов, позволяющих успешно справляться с травмирующей ситуацией, приводит к общему снижению эффективности действий и, в конечном итоге, может повлечь за собой невыполнение основных служебных задач.

Самым сильным психотравмирующим обстоятельством для психики сотрудника является экстремальная ситуация, когда стрессовая нагрузка крайне высока. Возникновение данной ситуации требует от работника пенитенциарной системы сохранения его сосредоточенности, осознанности и самоконтроля.

Экстремальная ситуация в исправительном учреждении явление достаточно редкое, но конфликтные ситуации между представителями администрации и осужденными все же происходят. Предупреждением захвата заложников и различных объектов, массовых беспорядков, решением возникших оперативно-боевых задач в экстремальных условиях, связанных с вероятным риском для жизни или здоровья людей, занимается особое подразделение – отдел специального назначения.

Целью исследования является выявление личностных качеств сотрудников, по сути, оперативно-боевых подразделений, обеспечивающих их психологическую готовность к выполнению служебных обязанностей в экстремальной ситуации.

Актуальность данного исследования заключается в изучении негативного влияния психотравмирующей ситуации на психическое состояние сотрудника. Одним из явных доказательств актуальности данной проблемы, а именно проблемы деструктивного влияния негативных факторов служебной деятельности на психику сотрудника, является тот факт, что уголовно-исполнительная система периодически сталкивается с неутешительной статистикой суицидов среди сотрудников: за 5 лет (2012-2016 гг.) количество самоубийств среди сотрудников уголовно-исполнительной системы составило: в 2012 г. 139 случаев, а уровень суицидов в 2016 г. в расчете на 1000 человек составил 0,12 [4].

Учитывая стрессогенность службы в уголовно-исполнительной системе, можно прогнозировать, что сотрудники спецназа находятся под угрозой деформации личности, что может повлечь дезадаптацию и способствовать формированию у сотрудника негативных отношений на работе и в семье. Основное предназначение оперативно-боевых отделов – это выполнение особых задач, связанных с ведением активных силовых (в том числе – боевых) действий в периоды крайнего осложнения оперативной обстановки в исправительных учреждениях или следственных изоляторах на контролируемой территории, а также при отражении террористических угроз, существующих в настоящее время [1].

Главным условием преодоления психотравмирующей ситуации является психологическая готовность сотрудника. Говоря о психологической готовности к действиям в экстремальной ситуации, в

первую очередь, необходимо рассматривать формирование такой готовности у сотрудников специального подразделения.

Цель исследования – изучить психологическую готовность сотрудников отдела специального назначения «Ураган» УФСИН России по Ивановской области к действиям в условиях экстремальной ситуации. В исследовании приняло участие сотрудники отдела специального назначения «Ураган» УФСИН России по Ивановской области в возрасте 26-35 лет ($n = 20$ человек), в т.ч. инструкторы, старшие инструкторы, начальники штурмовых отделений. База исследования – психологическая лаборатория УФСИН России по Ивановской области. Исследование проводилось в июле-августе 2021 года. В качестве показателей психологической готовности нами выбраны такие показатели как склонность к риску, волевой самоконтроль, нервно-психическая устойчивость. В качестве методов были использованы методика экспресс-оценки склонности человека к риску (позволяет прогнозировать характер действий сотрудников в условиях проведения специальной операции, связанной с реальным риском для жизни или здоровья), методика оценки индивидуального развития волевой регуляции (ВСК) (целью методики является изучение волевых качеств человека, его способностью управлять собственными действиями и поступками), методика определения нервно-психической устойчивости (НПУ, позволяет оценить риск дезадаптации человека в ситуации стресса). Расчеты производились с использованием лицензионного программного обеспечения психологической лаборатории УФСИН России по Ивановской области.

Анализ результатов изучения склонности к риску показал преобладание среднего уровня (13 человек – 65%). Высокий уровень склонности к риску проявился у 7 человек (35%), их можно отнести к категории людей, способных в ситуации риска к реализации рискованных профессиональных действий, которые могут быстро реагировать или адаптироваться к окружающей их действительности, событиям. В ситуациях, не требующих риска, такие личности идти на риск без необходимости по собственной инициативе не станут. Выявленные показатели уровня склонности к риску свидетельствуют о способности ориентироваться в происходящих событиях, проявлять решительность и смелость или осторожность и осмотрительность в зависимости от складывающейся профессиональной ситуации. В тоже время повышенная склонность к риску может приводить к авантюризму в поведении, элементам неадекватности при несении службы. Сотрудников с низким уровнем склонности к риску среди испытуемых не оказалось.

Свою деятельность сотрудники спецподразделений ФСИН осуществляют с достаточно высокой степенью риска в возникающих экстремальных ситуациях, порой в условиях огневых действий. Способность адекватно отреагировать в ситуациях опасности, проявлять решительность и смелость наряду с осторожностью и осмотрительностью

является важным профессиональным качеством сотрудника специального подразделения. В связи с этим нами был изучен уровень волевого самоконтроля сотрудников (рис. 1).

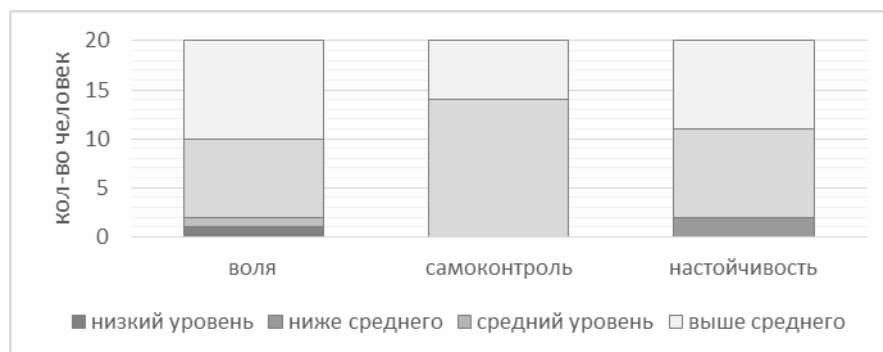

Рис. 1. Уровень волевого самоконтроля у сотрудников ОСН «Ураган»

Наличие волевых качеств сотрудника отражает его способность принимать решения на основе мыслительного процесса и направлять свои действия в соответствии с принятым решением. 90% испытуемых (18 чел.) имеют средний и высокий показатель развития волевых качеств. Всего 10% сотрудников (2 чел.) показали результат ниже среднего. Это свидетельствует о том, что большинство сотрудников готовы к принятию взвешенных решений в условиях стрессовых ситуаций.

Показатель самоконтроля отражает уровень произвольного самообладания, эмоциональных реакций и состояний. Высокий уровень самоконтроля связан с низкой тревожностью и отсутствием фрустрированных потребностей человека [3]. Данная шкала позволила нам оценить, что 100% личного состава, обладая средним и высоким уровнем самоконтроля, способны держать под контролем свои чувства и эмоции, сохраняя мышление.

Шкала настойчивости отражает стремление лица к завершению начатого действия, доступной сознательной мобилизации всех внутренних сил для завершения действия и выполнения поставленной задачи. Средний и высокий уровни настойчивости имеют 90% сотрудников (18 чел.). Уровень настойчивости, ниже среднего, присущ 10% сотрудников (2 чел.). Большинство испытуемых деятельные, работоспособные и целеустремленные сотрудники. Данные качества помогут им максимально эффективно проявить свои способности и навыки в условиях сложной оперативной обстановки.

В ходе исследования нервно-психической устойчивости выявилось, что 95% (19 человек) показали средний уровень и 5% (1 человек) - выше среднего. Этот результат позволяет сделать вывод, что у всех сотрудников нервно-психические срывы маловероятны, что особенно важно в экстремальных условиях. Сотрудники отобраны достаточно тщательно, потенциал подготовленности отдела к действиям в экстремальных условиях высокий.

Проведенное интервью с сотрудниками, имеющими реальный боевой опыт, включающий в себя участие в специальных контртеррористических операциях, позволило выяснить, что психологическая готовность к преодолению стресса, возникающего в опасной ситуации, необходима для реализации сотрудником всего объема своих навыков. Психотравмирующая ситуация оказывает существенное воздействие на психическое и физическое состояние даже подготовленного сотрудника - сильный стресс может ограничить его зрительное, слуховое и тактильное восприятие действительности, его моторные функции [2].

Большинство сотрудников отдела специального назначения обладают уровнем склонности к риску выше среднего. Наличие такой склонности, может выступать не только как свидетельство решительности и храбрости отдельного человека, но и вероятности совершения им в отдельных случаях необдуманных, импульсивных поступков. Таким образом, необходимо учитывать, что психотравмирующие ситуации могут оказывать совершенно различное влияние на различные типы людей, что позволяет прогнозировать их поведение в экстремальных условиях.

Такие черты как воля, самоконтроль и настойчивость являются важными качествами сотрудника спецназа. Высокий балл ВСК характерен для лиц эмоционально зрелых, активных, независимых и самостоятельных, их отличает спокойствие, уверенность в себе, ответственность и развитое чувство внутреннего долга. В свою очередь, низкий балл наблюдается у людей чувствительных, эмоционально неустойчивых и ранимых. На конкретном примере отдела специального назначения «Ураган» можно сделать вывод, что большинство офицеров обладают всеми необходимыми волевыми качествами для выполнения служебных задач в сложной оперативной обстановке.

Нервно-психическая устойчивость и минимизация риска дезадаптации человека в ситуации стресса, являясь важными проявлениями психологической готовности сотрудников к действиям в экстремальных условиях, показали их реалистичность, независимость от случайных колебаний настроения, уравновешенность, выдержку, способность к взвешенному и спокойному решению возникающих проблем и затруднений, низкую подверженность различным сбивающим факторам.

Исследование индивидуальных качеств, характеризующих психологическую готовность сотрудников отдела специального назначения «Ураган» к действиям в экстремальных ситуациях, подтверждает целесообразность контроля уровня психологической готовности внутри подразделения.

Список литературы:

1. Баламут А.Н. Психологическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях. Учебное пособие. Вологда. 2013. С. 37.

2. Васильев В.Е., Ушаков Ю.В. Подготовка личного состава учреждений УИС к действиям по освобождению заложников. Методические рекомендации. Уссурийск, 2007. С. 52.

3. Зверков А.Г., Эйдман Е.В. Опросник волевой самоконтроль (ВСК): характеристика методики // Совладающее поведение личности: психодиагностический практикум: учеб. пособие для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / [авт.-сост. : Л. И. Бершедова, Т. Ю. Морозова, Э. Н. Рычихина, Л. П. Набатникова ; рец. Л.Ю. Овчаренко]. М., 2018. С. 151-156.

4. Мамченко А.М., Цветкова Н.А. Суицидальное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы как актуальная проблема// Суицидология. 2017. Т. 8. № 4. С. 92-94.

5. Пенитенциарная психология: психологическая работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы / А.В. Кокурин, Б.Г. Бовин, В.И. Екимова [и др.] / Под общей ред. В.М. Позднякова; Московский государственный психолого-педагогический университет. М.: Издательство ЮРАЙТ, 2020. 222 с.

Reference:

1. Balamut A.N. Psihologicheskaya podgotovka sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'nojsistemykdeystviyamvekstremal'nyhsituacijah. Uchebnoeposobie. Vologda. 2013. P. 37.

2. Vasil'ev V.E., Ushakov YU.V. Podgotovka lichnogo sostava uchrezhdenijUISkdeystviyampoosvobozhdeniyuzalozhnikov. Metodicheskie rekomendacii. Ussurijsk, 2007. P.52.

3. Zverkov A.G., Ejdman E.V. Oprosnikvolevojsamokontrol' (VSK): harakteristikametodiki // Sovladayushcheepovedeniulichnosti: psihodiagnosticheskiypraktikum: ucheb. posobiedlyastudentov, magistrantov, aspirantoviprepodavatelej / [avt.-sost. : L.I. Bershedova, T.YU. Morozova, E. N. Rychihina, L. P. Nabatnikova ; rec. L. YU.Ovcharenko]. M., 2018. Pp. 151-156.

4. Mamchenko A.M., Cvetkova N.A. Suicidal'noe povedenie sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy kak aktual'naya problema// Suicidologiya. 2017. Т. 8. № 4. Pp. 92-94.

5. Penitenciarnaya psihologiya: psihologicheskaya rabota s osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody / A. V. Kokurin, B. G. Bovin, V. I. Ekimova [i dr.] / Under the general ed. V.M. Pozdnyakov; Moskovskij gosudarstvennyj psihologo-pedagogicheskij universitet. M.: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo YURAJT", 2020. 222 p.

Дубинский Александр Александрович,

старший научный сотрудник Лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Россия, кандидат психологических наук
e-mail: aleksandr-dubinskij@yandex.ru

Dubinsky Alexander Alexandrovich,

Research Fellow, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

Кабанова Татьяна Николаевна,
старший научный сотрудник Лаборатории
психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ
«Национальный медицинский исследовательский
центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского»
Минздрава России, г. Москва, Россия
кандидат психологических наук
e-mail: tatianak0607@yandex.ru

Kabanova Tatyana Nikolaevna,
Senior Research Fellow, Federal State Budgetary
Institution «V. Serbsky Federal Medical Research Centre
for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Лысенко Надежда Евгеньевна, старший
научный сотрудник Лаборатории психогигиены и
психопрофилактики, ФГБУ «Национальный
медицинский исследовательский центр психиатрии и
наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России,
кандидат психологических наук, г. Москва, Россия
e-mail: nlisenko@yandex.ru

Lysenko Nadezhda Evgenievna,
Research Fellow, Federal State Budgetary Institution «V.
Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry
and Narcology of the Ministry of Health of the Russian
Federation, Moscow, Russia

АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА В ЛИЧНОСТНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С РАЗЛИЧНЫМ ПРОФИЛЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

AKCENTUACII HARAKTERA V LICHNOSTNO-PROFESSIONAL'NOJ DIAGNOSTIKE SOTRUDNIKOV PRAVOOHRANITEL'NYH ORGANOV S RAZLICHNYM PROFILEM DEYATEL'NOSTI

Аннотация. Представлены результаты изучения личностных профилей сотрудников правоохранительных органов с акцентуациями характера. Было выявлено, что профиль эффективных сотрудников, выполняющих аналитико-юридическую деятельность, характеризуют высокие показатели гипомании и социальной интроверсии; коммуникативно-информационную деятельность – высокие показатели эмоциональной лабильности и низкие показатели психастении и интроверсии; инспекторско-коммуникативную деятельность – высокие показатели гипомании и психастении; транспортно-инспекторскую деятельность – высокие показатели невротического сверхконтроля, психопатии и импульсивности; экспертно-аналитическую деятельность – высокие показатели ригидности и эмоциональной лабильности.

Annotation. It is revealed that effective employees performing analytical-legal activities are characterized by high indicators of hypomania, social introversion; communicative-informational activities – high indicators of emotional liability; inspector-

communicative activities – high indicators of hypomania and psychasthenia; transport-inspection activities – high indicators of hipercontrol, impulsivity; expert-analytical activity – high indicators of rigidity and emotional lability/

Ключевые слова: профессиональный отбор, личностно-профессиональная спецификация, профиль профессиональной деятельности, сотрудники правоохранительных органов, акцентуации характера, клинический подход, эффективные сотрудники.

Key words: professional selection, personal and professional specification, professional activity profile, law enforcement officers, character accentuations, clinical approach, effective employees.

Профессиональная диагностика персонала направлена на выделение психологических факторов предрасположенности к выполнению определенной служебной деятельности. Для оценки индивидуальных особенностей, соотносящихся с требованиями профессиональной деятельности, надо эффективно совмещать типологическую и клиническую парадигмы исследования. Их объединение позволяет группировать людей на основе специфических, профессионально значимых и чрезмерно усиленных личностных особенностей, представляющих собой крайние варианты психической нормы, т.е. выделить так называемые «профильные акцентуации характера», позитивно или негативно влияющие на выполнение той или иной профессиональной деятельности [1; 4; 7]. Актуальность исследований акцентуаций характера определяется не только необходимостью создания алгоритмов оценки соответствия соискателя требованиям профессиональной деятельности, но и важностью повышения точности диагностики у кандидатов психической патологии.

Считается, что акцентуации характера приводят к профессиональному выгоранию, аддиктивным и девиантным формам поведения. В этой связи в практике донаемной диагностики кадров акцентуации характера обычно становятся противопоказаниями в приеме на работу, особенно на государственную службу [5; 8]. Однако было показано, что при высоком самоконтроле акцентуации характера могут, напротив, способствовать позитивному развитию личности [3; 7]. В определенных условиях деятельности выраженность черт может явиться профессионально важным качеством (системой качеств, профилем), способствующим профессиональным достижениям специалиста [7].

С целью выявления профильных акцентуаций характера у сотрудников различных подразделений правоохранительных органов были проанализированы данные обследования 1025 специалистов (средний возраст – 28,9 лет) из 24 регионов России, проходивших службу в аналитико-юридических, коммуникативно-информационных, инспекторско-коммуникативных, транспортно-инспекторских и экспертно-аналитических подразделениях. Обследуемые относились к группе эффективных или неэффективных сотрудников на основании применения руководителями отделов метода полярных оценок, который включал, среди прочих, анализ

участия в экстремальных служебных ситуациях. У 31,56% обследованных, включенных в исследование, имелись акцентуации характера.

Основной методологией исследования является клинический подход [2], предполагающий посредством изучения результативности деятельности акцентуированных специалистов выявить профиль черт профессионально эффективного персонала. Для выявления акцентуированных черт использовался опросник ММИЛ, включающий клинические шкалы: ипохондрии, депрессии, истерии, психопатии, выраженности мужских или женских черт, параноидности, психастении, шизоидности, гипомании и социальной интроверсии. Статистическая обработка данных проводилась с использованием t-критерия Стьюдента для независимых групп и процедуры кластерного анализа.

Количественный анализ выраженности личностных черт показал, что доля акцентуаций характера в общем количестве обследованных сотрудников в профессиональных группах сопоставима между собой. Количество лиц с акцентуацией характера в объеме эффективных и неэффективных сотрудников не различается на уровне статистической значимости. Выявлено, что показатели ММИЛ эффективных и неэффективных сотрудников из разных профессиональных групп достоверно различаются. По сочетанию типов акцентуаций характера эффективные и неэффективные сотрудники составляют разные кластеры.

В качестве основного объекта исследования были отобраны эффективные сотрудники. Показатели шкал ММИЛ, практически во всех группах профессиональной деятельности, значимо различаются. Анализ показателей ММИЛ на выборках лиц с акцентуациями характера из разных профессиональных групп позволил выявить профильные акцентуации, и, соответственно – специфические личностные профили сотрудников [6].

1. Профиль эффективных сотрудников группы аналитико-юридической деятельности отличали от профиля неэффективных сотрудников этой группы высокие показатели гипомании и социальной интроверсии. Для лиц этого профиля была характерна доминантность, независимость и самостоятельность. Высокие показатели гипомании свидетельствовали о завышенной самооценке, высокой мотивации достижения, поверхностности общения и сочетались с интроверсивными тенденциями: обращенностью в собственные переживания, желанием уйти от тесных социальных контактов.

2. Профиль эффективных сотрудников, выполняющих коммуникативно-информационную деятельность, достоверно отличали от неэффективных сотрудников этой группы высокие показатели истерии и низкие показатели ипохондрии, психастении и интроверсии. Профиль характеризовал тип личности с повышенной демонстративностью, эмоциональной лабильностью, импульсивностью и стеничностью. Высокие показатели истерии обуславливали тенденцию к доминированию в социальных контактах, поверхностность эмоциональных проявлений, снижение ответственности при принятии решений, неустойчивость

самооценки под влиянием группы. Низкие показатели невротического сверхконтроля в сочетании с низкой тревожностью и низкой интроверсией указывали на снижение самоконтроля. Этим сотрудникам также отличало стремление к простоте и стандартности профессиональных задач.

3. Профиль эффективных сотрудников, выполняющих инспекторско-коммуникативную деятельность, отличали от профиля неэффективных сотрудников низкие показатели ипохондрии, психопатии и шизоидности. Характерологический портрет эффективных сотрудников этой группы заключался в снижении невротического сверхконтроля, низкой импульсивности поведения и в низком психотизме. Им были свойственны снижение настойчивости, и уровня готовности к действию, особенно в ситуациях неопределенности. Оптимизм в этой группе сочетался с низкой педантичностью и низкой аналитичностью. Представителям этой группы свойственна личностная тревожность. Их также отличала нормативность поступков, поиск оптимальных, стабильных условий работы.

4. Профиль эффективных сотрудников, выполняющих транспортно-инспекторскую деятельность, отличали низкие показатели депрессии, психастении и гипомании. Профиль характеризовался как невротический, импульсивно-оригинальный тип. С одной стороны, отмечалась тенденция невротического сверхконтроля, с другой – психопатическая, импульсивная картина поведения. В группе эффективных сотрудников в меньшей степени выявлялись пессимистические тенденции. Отмечались признаки личностной тревожности, снижение точности мыслительных операций, а также низкая мотивация достижения и пренебрежение социальными нормами.

5. Профиль эффективных сотрудников, осуществляющих экспертно-аналитическую деятельность, отличали низкие показатели ипохондрии, психопатии, психастении, шизоидности. Профиль характеризовался как маскируемый истероидно-педантичный тип с низким уровнем импульсивности, тревожности и социальной интроверсии. У эффективных сотрудников этой группы наблюдалось снижение волевого контроля, ригидность поведения. Также их отличал эгоцентризм, эмоциональность, личностная независимость, стремление к позитивной коммуникации и тенденция ориентироваться на внешние оценки.

Таким образом, были изучены личностно-профессиональные модели, с учетом ведущего типа профессиональной деятельности эффективных сотрудников правоохранительных органов с акцентуациями характера. Анализ результатов позволяет сделать вывод об эффективности использования данных диагностики акцентуированных сотрудников в сравнении с показателями характерологии персонала без ярко выраженных личностных особенностей, демонстрирующих высокие и низкие служебно-профессиональные достижения. Учет личностных профилей позволяет прогнозировать наличие личностно-профессиональной спецификации путем сопоставления индивидуальной типологии личности с эталонными

профилями, а также разрабатывать технологию прогноза профессиональной эффективности.

Литература:

1. Ермаков П.Н., Березин И.Г. Психологические особенности профессиональной идентификации сотрудников следственного комитета: материалы эмпирического исследования // Российский психологический журнал. 2014. Т. 11. № 4. С. 138–196.
2. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: МГУ, 1986.
3. Климов Е.А. Психология профессионала. Психологи Отечества. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 400 с.
4. Кубышко В.Л., Крук В.М., Носс И.Н., Бородин Т.И. Экспериментальное обоснование модельного подхода в профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов // Психология и право. 2018. Т. 8. № 3. С. 34-47.
5. Купер Д., Робертсон А. Психология в отборе персонала. СПб.: Питер, 2003. 240 с.
6. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социально-психологических и прикладных исследованиях. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 390 с.
7. Носс И.Н., Бородин Т.И. Личностно-профессиональная спецификация: характерологические особенности сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4 (71). С. 16-23.
8. Dunnette M.D., Hough I.M. Handbook of industrial and organizational psychology. – 2-nd ed., Vols. 1–3. – Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1990–1992.

References:

1. Ermakov P.N., Berezin I.G. Psychological features of professional identification of employees of the investigative committee: materials of an empirical study // Russian Psychological Journal. 2014. Vol. 11, No. 4. P. 138-196.
2. Zeigarnik B.V. Pathopsychology. Moscow: MSU, 1986.
3. Klimov E.A. Psychology of a professional. Psychologists of the Fatherland. Voronezh: NPO "MODEK", 1996. 400 p.
4. Kubyshko V.L., Kruk V.M., Noss I.N., Borodina T.I. Experimental substantiation of a model approach in professional psychological selection of law enforcement officers. Psychology and law. 2018. Vol. 8, No. 3. Pp. 34-47.
5. Cooper D., Robertson A. Psychology in the selection of personnel. St. Petersburg: Peter, 2003. 240 p.
6. Campbell D. Models of experiments in socio-psychological and applied research. St. Petersburg: Socio-psychological Center, 1996. 390 p.
7. Noss I.N., Borodina T.I. Personal and professional specification: characterological features of law enforcement officers. Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2017. Vol. 71/ No 4. P. 16-23.
8. Dunnette M.D., Hough I.M. Handbook of industrial and organizational psychology. 2-nd ed., Vols. 1-3. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1990-1992.

Елатомцев Илья Владимирович

главный специалист отдела информационного и статистического обеспечения деятельности главной инспекции УИС УПОАО ФСИН России ФКУ ЦНТЛ ФСИН России

E-mail: Shmaj85@yandex.ru

Elatomtsev Ilya Vladimirovich

Chief Specialist of the Department of Information and Statistical Support of the Activities of the Main

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

PROFESSIONAL MENTALITY AND PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EMPLOYEES OF THE PENITENTIARY SYSTEM OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассматривается проблема удовлетворенности психологической безопасностью личности и влияния на нее особенностей профессиональной ментальности у сотрудников учреждений «социально закрытого типа». На основе данных комплексной психодиагностики среди курсантов ведомственного вуза и сотрудников колоний установлены психологические особенности усвоения личным составом при профстановлении разноплановых атрибутов ментальности профессионально-пенитенциарного сообщества, а также происходящие при этом значимые личностные изменения (прежде всего, в ценностно-смысловой сфере). Обоснованы рекомендации по совершенствованию психологического сопровождения личного состава ФСИН России.

Annotation. The article deals with the problem of satisfaction with the psychological safety of the individual and the influence on it of the features of the professional mentality among employees of institutions of the "socially closed type". On the basis of the data of complex psychodiagnostics among the cadets of the departmental university and the staff of the colonies, the psychological features of the assimilation by the personnel during the professional installation of the diverse attributes of the mentality of the professional and penitentiary community, as well as the significant personal changes occurring at the same time (primarily in the value and semantic sphere) were established. Recommendations for improving the psychological support of the personnel of the Federal Penitentiary Service of Russia have been substantiated.

Ключевые слова: профессиональная ментальность, профстановление субъекта труда, психологическая безопасность сотрудников УИС, зрелость и профессиональная опытность личности.

Keywords: professional mentality, professional formation of the subject of labor, psychological safety of employees of the correctional system, maturity and professional experience of the individual.

Поддержание безопасности в уголовно-исполнительной системе России (далее – УИС) является неременным условием исполнения стоящих перед ней государственных задач в сфере реализации уголовно-исполнительной политики, исправления и ресоциализации лиц, нарушивших закон. Однако, понятие «безопасность уголовно-исполнительной системы» в правовых актах, относящихся к организации и деятельности УИС, нормативно до сих пор не определено.

Учеными отмечается [15. С. 190-191], что безопасность в учреждениях УИС имеет определенную специфику, обусловленную их предназначением,

закономерностями и условиями функционирования. На наш взгляд, на уровне УИС это проявляется в следующем:

– в сторонах и объектах безопасности (внутренняя сторона включает обеспечение нормального функционирования УИС и ее инфраструктурных, информационных и иных компонентов за счет мер по соблюдению безопасности осужденных, персонала, всех лиц, находящихся в пределах исправительных учреждений, а внешняя – от решений госорганов по трансформации УИС, а также воздействий со стороны институтов гражданского общества и СМИ);

– в особенностях источников и форм угроз (основным источником угрозы безопасности УИС и одновременно ее формой выступает пенитенциарная преступность, специфичная по структурно-функциональным и иным признакам);

– в субъектах и арсенале средств обеспечения безопасности (в механизме обеспечения безопасности УИС особую роль играет профессиональная ментальность ее субъектов, т.к. личным составом учреждений профессиональные задачи выполняются не только в соответствии со статусом и полномочиями, но и атрибутами сложившейся оргкультуры, предопределяющими акценты в реализации имеющихся средств обеспечения безопасности, в том числе по режиму исполнения наказания, средствам контроля и надзора за осужденными, средствам предупреждения и пресечения правонарушений и т.д.).

Сегодня обеспечением безопасности в исправительном учреждении, должны заниматься сотрудники всех отделов и служб. На долю психологов выпадает и особая функция – психологический мониторинг деструктивной трансформации личного состава, а также выявление негативных явлений в первичных коллективах и в организации в целом. В связи с этим актуальным является изучение и учет влияния профментальности у субъектов труда (индивидуального, группового и организационного уровней) на безопасность в учреждениях УИС.

Анализ публикаций свидетельствует, что феномен профментальности должен рассматриваться как системное образование, которое характеризует как представителей профессионального сообщества в целом и его специфичных учреждений (особенности восприятия членами своего места в социуме, совместной профессиональной деятельности, межгруппового взаимодействия)[3], так и особенности индивидуальной ментальности, выражающей специфику профессионально-личностного становления субъекта труда и его профессионального сознания [8].

По мнению И.А. Бородина, для обеспечения безопасности в организациях всегда важно изучать развитие корпоративных характеристик у разных субъектов труда, т.к. корпоративность является тем «социальным клеем», который помогает удержать целостность организации и обеспечить стабильность ее функционирования [1]. Согласно исследованиям И.С. Бусыгиной, корпоративность отражает характер взаимоотношений между

оценками сотрудниками безопасности организации и своей личной безопасностью в ней, а поэтому необходимо развитие высокой степени взаимной интеграции всех категорий персонала [3]. На наш взгляд, это происходит, когда объединение происходит не только на основе хороших личных отношений внутри организации, но и путем единения сотрудников, реализующих разный профессиональный функционал, в аспекте миссии и целей организации.

Учитывая, что профессиональная ментальность личности интегрирует весь социокультурный опыт специалиста, предопределенный объективной принадлежностью и субъективной его лояльностью к определенным группам в организации [12, С. 91], представляется важным изучать имеющуюся личностную зрелость и профессиональную опытность сотрудников. Обе характеристики играют, на наш взгляд, важную роль в обеспечении безопасности специалиста, т.к. они отражают системно-ценностно-смысловые ориентиры и паттерны профессионально значимого поведения, способствующих психологической устойчивости личности в затрудненных ситуациях [10].

Проведенный анализ публикаций позволяет констатировать, что психологам при изучении безопасности в учреждениях УИС и разработке мер по ее повышению важно базироваться на положениях субъектно-деятельностной парадигмы. Это даст возможность оценивать субъектность в поведении сотрудников разных профессиональных групп, причем с учетом, с одной стороны, коллективных характеристик как членов той или иной функциональной группы в данном «закрытом социальном институте» [14], а с другой стороны, индивидуальных особенностей личности и опытности сотрудников, в том числе в аспекте особенностей мировосприятия и поведения в профсообществе, которые обусловлены атрибутами профментальности и действующей организационной культуры [7]. При этом целесообразно опираться на данные исследования Т.И. Грабельных, которой выявлено, что ментальность в закрытых социальных пространствах правоохранительных ведомств имеет общие характеристики: а) отличается многоуровневой структурой, в которой каждый уровень проблем относительно автономен и имеет свою подструктуру, но его значимость определяется в функциональной соподчиненности; б) проявляется с позиций нормативности и долженствования; в) испытывает специфичные трансформации при инновациях [4, С. 9]. В итоге субъекты труда в закрытом социальном пространстве, согласно ученому, обычно реализовывают одну из трех стратегий «выживания»:

1. Полное подчинение субъекта труда системе (внутренняя и внешняя зависимость). В итоге может проявляться феномен «мертвого сознания» или «безликого индивида». Данное явление следует рассматривать как импозивные проявления «молчаливого большинства».

2. Сохранение субъектом труда внутренней независимости, но внешнее подчинение системе. Как следствие, феномен «автономного сознания», но с демонстрацией внутренней избирательности.

3. Полное неподчинение субъекта системе, что может приводить к разрыву с ней из-за «независимого сознания»[4, С. 23-24].

В исследованиях психологов установлено, что положительная самооценка и внутренний локус контроля специалистов связаны с активными формами совладания и с самоэффективностью [9, С.46-70]. Организации, в которых остаются невостребованными эти ресурсы подрывают не только индивидуальную профессиональную жизнеспособность сотрудников, но и безопасность самой организации, так как они взаимосвязаны. Ведь по данным исследования ученых Института психологии РАН, уменьшение интернальности сотрудников приводит к перекладыванию ответственности на других [5, С. 137-146].

Учитывая, что профментальность личного состава УИС является сложным и динамичным социально-психологическим феноменом, проявляющимся на уровне индивидуальной, групповой и организационной субъектности, причем развиваясь под влиянием условий как профессиональной, так и более широкой социальной среды, представляется важным изучить трансформацию прежде всего ценностей и социальных установок сотрудников, а также особенности оргкультуры в пенитенциарных учреждениях, которые влияют на восприятие сотрудниками профессионально значимых объектов и выработку отношения к ним. При этом, по мнению И.В. Тонкошкуровой, необходимо учитывать, что ментальность как на индивидуальном, так и групповом уровнях отличается рядом общих признаков: усваивается и транслируется на осознаваемом и бессознательном уровнях; является частью системы осваиваемой профессиональной деятельности; на индивидуальном и групповом уровнях взаимодействует; задает относительно стабильную систему профессиональных представлений индивида (группы); выступает фундаментом для усвоения и продуцирования индивидуального и группового опыта; обладает адаптационно-гомеостатическим и социализирующим влиянием на личность.[13]

В 2020-2021 гг. нами на репрезентативной выборке (198 сотрудников ИК и 206 обучающихся в ведомственном вузе) был применен комплекс из 5 психодиагностических методик: «Ценностные ориентации» М. Рокича, «Смыслжизненные ориентации» Дж. Крамбо и Л. Махолика (в адаптации Д.А. Леонтьева), «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда (в авторском варианте), «Организационные парадигмы» Л. Константина, Опросник «Оценка удовлетворенности потребности в безопасности» О. Ю.Зотовой. Целью было – выявление психологических особенностей взаимосвязи профессиональной ментальности и психологической безопасности у сотрудников ФСИН России на различных этапах профстановления.

Установлено, что успешное развитие профессиональной ментальности связано позитивными переживаниями и ценностно-смысловым присоединением человека к профессиональной среде, при котором возникает единение с профсообществом, растет профессиональное видение мира и себя как субъекта в нем. Это подтверждает позицию Е.Е. Сапоговой, что развитие профметальности есть особая «настройка» сознания на восприятие профессиональной действительности и отношение к ней [11, С.8-13].

Возрастание у сотрудников ФСИН России профессиональной опытности ведет к усвоению разноплановых атрибутов ментальности профессионально-пенитенциарного сообщества ик значимым изменениям личности (прежде всего, в ценностно-смысловой сфере), что сказывается на принятии ими действующей оргкультуры в учреждении и росте удовлетворенности потребности безопасности. Однако в условиях длительно ведущейся в России реформы уголовно-исполнительной системы наблюдается значительное расхождение в представлениях сотрудников ФСИН России между реальной и идеальной «парадигмами организационной культуры» (по модели Л. Константина), что ведет к снижению удовлетворенности потребности в безопасности личности.

На основе результатов исследования подготовлены рекомендации по совершенствованию психологического сопровождения личного состава ФСИН России. Обосновано, что уже на ступени вузовской профподготовки необходимо как можно раньше целенаправленно развивать у будущих специалистов способности к адаптации к требованиям прохождения службы в определенных видах учреждений; формировать функциональную направленность сознания и мышления с созданием адекватной картины профессионального мира; способствовать освоению механизма диалогического взаимодействия личного состава в затрудненных и экстремальных ситуациях.

Список литературы

1. Бородин И. А. Психология корпоративной безопасности. М, 2004. 160 с.
2. Бусыгина И.С. Корпоративность как основание безопасности организации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №4. С.43-52.
3. Бусыгина И.С., Перельгина Е.Б. Основные закономерности обеспечения корпоративной безопасности организации. М., 2010. 256 с.
4. Грабельных Т.И. Ментальность в закрытых социальных пространствах: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Иркутск, 2001. 44 с.
5. Дикая Л.Г., Махнач А.В., Ларионова А.И. Индивидуальные и социально-психологические факторы жизнеспособности профессионала // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV. Вып. 4. С. 137-146.
6. Ермолаева Е.П. Психология реализации профессионала в условиях социально-экономических изменений: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. - М., 2009. – 48с.
7. Ключко В.Е., Ключко Ю.В. Человек: открытая система в закрытой среде // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 6-16.
8. Кремень Ф.М. Динамика системообразующих свойств профессиональной ментальности педагога: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2002. 23 с.
9. Махнач А.В. Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 46-70.

10. Оборина Д.В. Об особенностях ментальности будущих педагогов и психологов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1994. № 2. С. 41-49.
11. Сапогова Е.Е. Концепты и ориентиры современного психологического образования // AlmaMater (Вестник высшей школы). 2003. № 10. С. 8-13.
12. Семенцова К.С. Теоретический обзор исследований опыта личности как психологического феномена // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 2. С.91-97.
13. Тонкошкурова И.В. Становление профессиональной ментальности инженера в образовательном процессе вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Абакан, 2013. 27 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. СПб.: Алетейя, 1999. 480 с.
15. Щербakov А.В. Обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы. Теоретические и правовые основы: учебное пособие. М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2020. 247 с.

References

1. Borodin I.A. Psychology of corporate security. M, 2004. 160 p.
2. Busygina I. S. Corporatnost kak osnovya z zadstvo istoriya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Episode 14. Psychology. 2011. №4. Pp.43-52.
3. Busygina I.S., Perelygina E.B. Basic regularities of ensuring corporate security of the organization. M., 2010. 256 p.
4. Grabelnykh T.I. Mentality in closed social spaces: Avtoref. dis. ... doct. social. sciences. Irkutsk, 2001. 44 p.
5. Dikaya L. G., Makhnach A. V., Larionova A. I. Individual and socio-psychological factors of viability of a professional // Social and Humanitarian Sciences in the Far East. 2018. T. XV. Vyp. 4. S. 137-146.
6. Ermolaeva E.P. Psychology of realization of a professional in the conditions of socio-economic changes: Avtoref. dis. ... doct. psychol. sciences. M., 2009. 48 p.
7. Klochko V.E., Klochko Yu.V. Man: open system in a closed environment // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. 2015. № 57. S. 6-16.
8. Kremin F.M. Dynamics of system-forming properties of the professional mentality of the teacher: Avtoref. dis. ... cand. psychol. Sciences. Smolensk, 2002. 23 p.
9. Makhnach A.V. Isslementa visitsi na chelya: basic approaches and models // Viability of man: individual, professional and social aspects / Otv. ed. A.V. Makhnach, L.G. Dikaya. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. Pp. 46-70.
10. Oborina D.V. O sochinitsikh mental'nogo pedagogov i psikhologikov // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. Psychology. 1994. № 2. Pp. 41-49.
11. Sapogova E.E. Concepts and landmarks of modern psychological education // AlmaMater (Vestnik vyssogo shkola). 2003. № 10. Pp. 8-13.
12. Sementsova K.S. Teoreticheskii obzor issledovaniya opytstva personalizniki kak psikhologicheskogo fenomenona // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2012. № 2. Pp.91-97.
13. Tonkoshkurova I. V. Stanovlenie professional'noi mentality erovanie v editserova v educational'noe prokusti uzevanie: avtoref. dis. ... cand. Ped. Sciences. Abakan, 2013. 27 p.
14. Foucault M. To supervise and pun. The birth of prison. SPb.: Aleteya, 1999. 480 p.
15. Shcherbakov A.V. Ensuring the safety of the penitentiary system. Theoretical and legal foundations: a textbook. M.: Izd-vo YURAIT, 2020. 247 p.

Ермолаев Виктор Владимирович,

доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва, Россия, кандидат психологических наук
e-mail: evv21@mail.ru

Ermolaev Viktor Vladimirovich,

associate professor of department of labor psychology
and psychological counseling Moscow Pedagogical State
University, Moscow, Russia,
Candidate of Psychological Sciences

КЛАНОВОСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ОСНОВА КРИЗИСА ИНСТИТУТА КАДРОВОГО РЕЗЕРВА

THE CLANNISHNESS OF THE ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS THE BASIS OF THE CRISIS OF THE INSTITUTE OF THE PERSONNEL RESERVE

Аннотация. В статье приводится социально-психологический анализ связи кризиса института кадрового резерва и кланового характера организационной культуры органов внутренних дел. В качестве базовой проблемы указывается уязвимость методологического обеспечения построения компетентностной модели кадрового резерва, обусловленная кланово-корпоративными особенностями организационной культуры органов внутренних дел.

Annotation. The Article presents psychological analysis of the connection between the crisis of the institution of the personnel reserve and the clan nature of the organizational culture of the internal affairs bodies. As a basic problem, the authors point out the vulnerability of the methodological support for building a competence-based model of the personnel reserve, due to the clan-corporate characteristics of the organizational culture of the internal affairs bodies

Ключевые слова: организационная культура, клановость, профессионально-психологический отбор, селекция кадров, кадровый резерв, компетентностная модель сотрудника полиции, органы внутренних дел.

Keywords: organizational culture, clannishness, professional psychological selection, selection of personnel, personnel reserve, competence model of a police officer, internal affairs bodies.

В настоящее время российские органы внутренних дел (далее - ОВД) продолжают попытки ответить на один из базовых вызовов к управлению данным социальным институтом: как повысить эффективность своей деятельности при возрастающей текучке кадров. Этот вызов не отличается новизной. В 2011 году эту же задачу путём повышения денежного довольствия сотрудников частично и временно решила реформа ОВД 2011 года. Однако, корневая проблема не была устранена, о чём свидетельствуют систематические дисциплинарные меры за создание личных кланов, принимаемые главой МВД России В.А. Колокольцевым в отношении управленческой элиты полиции [2; 4]. Так, в марте 2021 года на коллегии МВД министром был официально озвучен запрет на превышение квоты перемещения бывших подчинённых на новые места службы за своими руководителями в связи с тем, что «клановость существенно ухудшает положение кандидатов на должности руководителей, находившихся в резерве по месту службы в регионе» [2].

Между тем известно, что одним из наиболее эффективных механизмов управления организационной культурой и повышения эффективности организации является отбор сотрудников и формирование кадрового резерва ОВД, который представляет собой специально сформированную группу перспективных офицеров полиции, которая на основе установленных критериев (необходимых профессиональных и нравственно-психологических качеств, достигнутых успехов в службе), предназначена для выдвижения на вышестоящие должности и ротации начальствующего состава [6]. Однако, реакция Министра на коллегии МВД России и результаты научных исследований работы кадрового резерва свидетельствуют о продолжительном кризисе данного института [1; 3].

В чем же заключается сущность кризиса института кадрового резерва и как он связан клановой организационной культурой ОВД? По нашему мнению, данный социально-психологический феномен заключается в конфликте кланового характера организационной культуры полиции [5] и повышения качества руководящего состава ОВД. Во-первых, примечательно, что на коллегии МВД, посвященной совершенствованию кадровой деятельности, факт наличия кланов в организационной культуре ОВД был признан официально. А согласно типологии организационной культуры К. Камерон и Р. Куинн [7], клановость предполагает сплоченность членов организации на основе высокого уровня взаимного доверия и стремления к принадлежности определенному профессиональному слою (касте). Такая потребность детерминируется не только факторами спецификислужбы (опасность, напряженность работы и вытекающее из них стремление к снижению рисков), но и происходящими в самой полиции процессами, такими как низкий имидж организации и текучка кадров, слабая правовая защищенность, нивелирование роли коллектива, что вызывает у сотрудников полиции закономерное желание идентифицироваться с более устойчивым и безопасным для ее членов клановым типом организационной культуры. Вместе с тем клан, по мнению Н.А. Косолапова, является не только группой людей, объединенных деловыми интересами, сколько образованной по принципу исключительного отбора малой группой, «представители которой занимают в обществе или какой-то его части, сфере деятельности все или почти все ключевые элитные социальные позиции» [8, с.103]. Это означает, что с позиций клановой культуры справедливость назначения на вышестоящую должность – это всегда управленческое решение, которое прежде всего обеспечивает дополнительные ресурсы и привилегии своему клану в ущерб остальным, не входящим в него.

Социальная психология клана, как замкнутой малой группы, имеет свою трактовку справедливости, этики и морали карьерного роста в направлении приверженности, прежде всего, клану и личной преданности его руководителю. Во-вторых, особенностью клановой организационной культуры ОВД является замена профессионально-психологического отбора

в кадровый резерв на основе установленных компетенций на кадровую селекцию, необходимых клану сотрудников. В науке под социальной селекцией понимается как отбор, определяющий уровень профессиональной пригодности к конкретной деятельности, так и отбор внутри социальной группы. Уточняя понятие, А.Х. Мержоева рассматривает социальную селекцию как социальную сортировку для включения в группу «на основе определенных критериев, структурированных через интересы правящей элиты» [9]. В этом контексте социальная селекция в кадровый резерв управленческой элиты представляет собой специфическую систему профессионально-психологического отбора сотрудников, основанную на доминирующих ценностях и установках субъекта организационной власти.

В условиях клановой организационной культуры данный процесс закономерен, в полной мере соответствует логике развития управленческой элиты социальной группы, и предполагает три фазы: вхождение в элиту, кадровые перемещения внутри элиты, выход из элиты. Необходимо понимать, что регулирование этого процесса осуществляется субъектом управления, контролирующим данный механизм управления организационной культурой ОВД. И в то время, как кадровая служба ОВД опирается на существующие законы и нормативные акты по назначению сотрудников из кадрового резерва, реально действующие нормы клановой организационной культуры обеспечивают селекцию необходимых сотрудников в управленческую элиту, полностью обесценивая существующие компетентностные модели кадрового резерва. Так, властный ресурс и существующая «нормативная лазейка» позволяют в исключительных случаях, при отсутствии возможности замещения вакантной должности сотрудником ОВД, состоящим в кадровом резерве, заместить вакансию путем назначения на вышестоящую должность по результатам конкурса, который, как правило, не сравнивает компетентностные профили кандидатов [6]. Данная практика управления клановой организационной культурой предполагает приоритетное назначение на вышестоящие должности преданных элите кадров без учёта критериев их компетентности, но с расстановкой и постоянной перепроверкой по критерию личной преданности.

В итоге, компетентностная модель кадрового резерва длительное время, не находя реального воплощения, остаётся формальной имитацией «вертикального карьерного лифта», так как вступает в противоречие с целями управленческой элиты по обеспечению безопасности своих кланов. Наблюдаемая феноменология клановой организационной культуры ОВД оказывает негативное влияние на психологическое состояние офицеров полиции, включённых в кадровый резерв, изначительно дискредитирует сам институт формирования кадрового резерва.

Некоторые особенности кланового характера организационной культуры ОВД препятствуют реализации принципа равного доступа для продвижения по службе и вступают в латентный конфликт с требованиями

Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ и приказов МВД России [10]. Вместе с тем, сам факт применения Министром внутренних дел России дисциплинарных мер в отношении представителей управленческой элиты за перевод части своего клана к новому месту службы, что свидетельствует о переводе проблемы кризиса института кадрового резерва в потенциальный управленческий ресурс его преодоления. Полагаем, что признание проблемы существующей практики назначений на руководящие должности в обход кадрового резерва приведёт не только пересмотру системы прохождения «карьерных лестниц», сколько изменению ценностей, норм и отношений организационной культуры ОВД, выступающих как неписанные правила и ограничительные рамки, регулирующие формирование управленческой элиты полиции. Полагаем, что проблема кризиса института кадрового резерва является, прежде всего, проблемой организационно-культурного реформирования, так как теория управления социальными системами утверждает, что все организационные преобразования обречены на провал, если они не предполагают изменения организационной культуры.

Выводы:

1. Социально-психологическую основу кризиса института кадрового резерва составляет специфика клановой организационной культуры ОВД, устанавливающая приоритетное назначение на вышестоящие должности преданных управленческой элите кадров по критерию личной преданности

2. Официальное признание кризиса института кадрового резерва указывает на необходимость нового осмысления явлений, событий, фактов и представлений об их сущности, признание того, что некоторые знания об управлении организационной культурой ОВД устарели и хорошо служившие ранее концепции, на которые опиралась практическая деятельность полиции, нуждаются в пересмотре.

3. Конфликт между практикой селекции управленческой элиты полиции и повышения качества руководящего состава ОВД означает продолжение системного кризиса организационной культуры ОВД.

Список литературы:

1. Балкаров А.Я. Кадровый резерв как институт реализации сотрудниками органов внутренних дел права на продвижение по службе // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 4 (36). С. 86–89.

2. Ваганов А. «Колокольцев запретил генералам МВД создавать свои кланы Инсайдер: нарушителей начали карать». Текст: электронный // Информационно агентство URA.RU [сайт]. 2021. URL: https://ura.news/news/1052493769?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.%20com (дата обращения: 29.09.2021).

3. Воронов Д.В., Клещенко Е.Ю. Формирование кадрового резерва в органах внутренних дел как условие для реализации основного права на равную для всех возможность продвижения в работе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2(66). С. 56-58.

4. Гридасов А. «Анатолия Якунина на год лишили кадровой самостоятельности». – Текст: электронный // Газета «Известия» [сайт]. 2014. 12 мар. URL: <https://iz.ru/news/567283> (дата обращения: 29.09.2021).
5. Ермолаев В.В. Организационная культура органов внутренних дел России: социально-психологические особенности формирования и развития: монография. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2012. 331 с.
6. Ермолаев В.В. Результаты апробации компетентностной модели формирования высококвалифицированного кадрового состава ОВД на основе организационно-культурного подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. №3(55). С. 174-178.
7. Камерон К. Диагностика и изменение организационной культуры / К. Камерон, Р. Куинн. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
8. Косолапов Н.А. Психология политической деятельности, МГИМО МИД России. М.: МГИМО, 2002. 113 с.
9. Мержоева А.Х. Социальная селекция в условиях модернизации системы образования российского общества: автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук; Южно-Российский государственный технический университет (НПИ). Ростов-на-Дону, 2011. 191 с.
10. Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений: приказ МВД России от 30 августа 2012 г. № 827 // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70271336/>(дата обращения: 29.09.2021).

References:

1. Balkarov A.YA. Kadrovyy rezerv kak institut realizacii sotrudnikami organov vnutrennih del prava na prodvizhenie po sluzhbe // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 4(36). Pp. 86–89.
2. Vaganov A. «Kolokol'cev zapretil generalam MVD sozdavat' svoi klany Insajder: narushitelej nachali karat'». – Tekst : elektronnyj // Informacionno agentstvo URA.RU [sajt]. – 2021. 10 iyul. URL: https://ura.news/news/1052493769?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.%20com (data obrashcheniya: 29.09.2021).
3. Voronov D.V., Kleshchenko E.YU. Formirovanie kadrovogo rezerva v organah vnutrennih del kak uslovie dlya realizacii osnovnogo prava na ravnuyu dlya vsekh vozmozhnost' prodvizheniya v rabote // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 2(66). Pp. 56-58.
4. Gridasov A. «Anatoliya YAkunina na god lishili kadrovoj samostoyatel'nosti» – Tekst: elektronnyj // Gazeta «Izvestiya» [sajt]. 2014. 12 mar. URL: <https://iz.ru/news/567283> (data obrashcheniya: 29.09.2021).
5. Ermolaev V.V. Organizacionnaya kul'tura organov vnutrennih del Rossii: social'no-psihologicheskie osobennosti formirovaniya i razvitiya: monografiya. – Voronezh : Voronezhskij institut MVD Rossii, 2012. – 331 p.
6. Ermolaev V.V. Rezul'taty aprobacii kompetentnostnoj modeli formirovaniya vysokokvalificirovannogo kadrovogo sostava OVD na osnove organizacionno-kul'turnogo podhoda // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 3(55). Pp. 174-178.
7. Kameron K. Diagnostika i izmenenie organizacionnoj kul'tury / K.Kameron, R. Kuinn. SPb.: Piter, 2001. 320 p.
8. Kosolapov N.A. Psihologiya politicheskoy deyatel'nosti; MGIMO MID Rossii. Moskva: MGIMO, 2002. 113 p.

9. Merzhoeva A.H. Social'naya selekciya v usloviyah modernizacii sistemy obrazovaniya rossijskogo obshchestva: avtoref. dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk; YUzhno-Rossijskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet (NPI). Rostov-na-Donu, 2011. 191 p.

10. Ob utverzhdenii Poryadka formirovaniya kadrovyyh rezervov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, ego territorial'nyh organov i podrazdelenij [Tekst]: prikaz MVD Rossii ot 30 avgusta 2012 g. № 827 // Garant. URL: <http://base.garant.ru/70271336/> (data obrashcheniya: 29.09.2021).

Ерохина Елена Игоревна

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия
e-mail: erokhina-2018@inbox.ru

Erokhina Elena Igorevna

Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, Moscow, Russia

Костина Любовь Николаевна

начальник кафедры психологии УНК психология служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия
доктор психологических наук, доцент
e-mail: kostin62@mail.ru

Kostina Lyubov Nikolaevna

Head of the Department of Psychology of the UNC Psychology of Official Activity Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotyа, Moscow, Russia,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

**ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНОГО СТИЛЯ СЛУЖЕБНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ
СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ**

**PECULIARITIES OF THE COLLECTIVE STYLE OF POLICE PATROL
SERVICE EMPLOYEES IN EXTREME CONDITIONS**

Аннотация. В статье представлены отдельные подходы ученых к пониманию коллективного стиля деятельности, в частности, применительно к деятельности сотрудников полиции. С учетом специфики служебной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции и коллективного характера этой деятельности подчеркивается мысль о сочетании и взаимодополняемости индивидуальных особенностей личности сотрудников, влияющих на слаженность профессиональных действий и эффективность выполнения служебных задач.

Annotation. The article presents individual approaches of scientists to understanding the collective style of activity, in particular, in relation to the activities of police officers. Taking into account the specifics of the official activities of the police patrol officers and the collective nature of this activity, the idea of a combination and complementarity of the individual personality traits of employees, affecting the coherence of professional actions and the effectiveness of the performance of official tasks, is emphasized.

Ключевые слова: сотрудник патрульно-постовой службы полиции, стиль коллективной деятельности, экстремальные условия, совместная служебная деятельность, профессиональные действия, сработанность.

Keywords: police patrol officer, style of collective activity, extreme conditions, joint official activities, professional actions, harmony.

Актуальность темы исследования определяется тем, что деятельность сотрудников патрульно-постовой службы полиции (далее – ППСП), направленная на охрану общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности, осуществляется чаще всего в экстремальных условиях в связи необходимостью взаимодействия с определенной категорией граждан (правонарушителями, провокаторами, лицами с психическими отклонениями, находящимися в состоянии опьянения и пр.). Кроме того, сотрудникам ППСП необходимо выполнять служебные обязанности в составе группы (поста, наряда), что предусматривает активные слаженные действия, совместную (групповую) работу для эффективного выполнения задач. Поэтому в условиях повышенной напряженности и неопределенности сотруднику, выступающего в качестве индивидуального и коллективного субъектов труда, необходимо развивать такой стиль служебной деятельности, который бы обеспечил эффективность служебной деятельности за счет слаженной организованной работы, грамотных индивидуальных и коллективных профессиональных действий. В этой связи возрастает роль психолога органов внутренних дел в оказании помощи отдельному сотруднику, служебному коллективу и руководителям, направленную на формирование у сотрудников совместности, индивидуального и коллективного стилей деятельности, а в служебных коллективах - сработанности и сплоченности.

В психологии юридического труда стиль коллективной деятельности рассматривается как интегральная характеристика стилевых проявлений служебной деятельности коллектива, которая складывается благодаря повторению и закреплению в коллективном сознании сходных по содержанию, методов и способов действий [8, с. 89]. Так, в своих работах, Ю.А. Шаранов отмечал, что в каждом коллективе складывается свой стиль совместной деятельности, который отличается слаженными профессиональными действиями, целями и установками, а также совместными эмоциональными переживаниями [8, с. 92].

Кроме того, стиль коллективной деятельности проявляется во внутригрупповом взаимодействии, психологической совместности, сработанности, в оказываемом взаимовлиянии напарников друг на друга. Об

этом обоснованно замечает А.Л. Журавлев, который утверждает, что совместная деятельность есть единство двух сторон: совместные взаимодействия на общий предмет труда, а также взаимодействие участников друг на друга [3, С. 75]. Вместе с тем, Н.Н. Обозов подчеркивает, что совместимость есть предпосылка сработанности, как некое сочетание индивидуально-психологических особенностей, взаимодополняемость уникальных и специфичных черт личности субъектов коллектива [7, С. 98]. Н.Н. Обозов, характеризуя особенности сработываемости и совместимости, утверждает, что в совместной деятельности, помимо совместимости, важно и функционально-ролевое распределение членов группы, которое позволяет в различных профессиональных ситуациях эффективно осуществлять трудовую деятельность [17, С. 120].

Полагаем, в силу специфики профессиональной деятельности сотрудников полиции (выполнение оперативно-служебных задач в составе группы: поста, наряда) и экстремальности условий несения службы усиливается необходимость развития коллективного стиля профессиональной деятельности как совокупности профессиональных и профессионально-психологических приемов и способов, гармоничного сочетания индивидуально-типологических особенностей и комплементарности ролевого поведения.

Таким образом, коллективный стиль деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции представляет собой сочетание индивидуально-личностных свойств взаимодействующих субъектов труда, осуществляющих индивидуально-мотивированное и социально-нормативное взаимодействие с помощью слаженных профессиональных и профессионально-психологических действий. Очевидна и востребована роль психолога в оказании помощи отдельному сотруднику и группе сотрудников полиции, а также служебному коллективу, направленной на развитие у субъектов такого коллективного стиля деятельности, которое влияет на эффективность оперативно-служебных задач.

Список литературы:

1. Донцов А.И. Деятельность совместная; Взаимодействие межличностное; Динамика групповая; Единство предметно-ценностное; Интеграция групповая; Конформность; Совместимость межличностная; Согласие групповое; Сплочённость групповая // Социальная психология. Словарь / Под ред. М.Ю. Кондратьева. М.: ПЕР СЭ, 2005. 512 с.
2. Донцов А.И. Личность в группе: проблема сплочённости // Социальная психология в современном мире: Тематический сборник научных трудов / Сост.: Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. М.: Аспект Пресс, 2002. 192 с.
3. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 640 с.
4. Коломинский Я.Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах: Учебное пособие для психологов, педагогов, социологов. М.: АСТ, 2010. 448 с.

5. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. М., 2009.
6. Носкова О.Г. Психология труда: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Е. А. Климова. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 384 с.
7. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. Л.: ЛГУ, 2008. 238 с.
8. Шаранов Ю.А. Юридическая психология деятельности органов внутренних дел: Теория и методология управления развитием: диссертация ... доктора психологических наук : 19.00.06. Санкт-Петербург, 2000. 359 с.

References:

1. Dontsov A.I. Joint activity; Interpersonal interaction; Group dynamics; Subject-value unity; Group integration; Conformity; Interpersonal compatibility; Group consent; Group cohesion // Social psychology. Dictionary / Ed. M.Yu. Kondratyev. M.: PER SE, 2005. 512 p.
2. Dontsov A.I. Personality in the group: the problem of cohesion // Social psychology in the modern world: Thematic collection of scientific works / Comp.: Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A. M.: Aspect Press, 2002 . 192p.
3. Zhuravlev A.L. Psychology of joint activities. M.: Publishing house "Institute of Psychology RAS", 2005. 640 p.
4. Kolominskiy Ya.L. Social psychology of relationships in small groups: A textbook for psychologists, teachers, sociologists. M.: AST, 2010. 448 p.
5. Krichevsky R.L., Dubovskaya E.M. Small group social psychology. M., 2009.
6. Noskova O.G. Labor psychology: Textbook. manual for stud. higher. educational institutions / Ed. E. A. Klimova. M.: Publishing Center "Academy", 2004. 384 p.
7. Obozov N.N. Psychology of interpersonal relations / N.N. Carts. L .: LGU, 2008 . 238 p.
8. Sharanov Yu.A. Legal psychology of activity of law-enforcement bodies: Theory and methodology of development management: dissertation ... Doctors of psychological sciences: 19.00.06. St. Petersburg, 2000 . 359 p.

Иванова Регина Юрьевна,

адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров академии управления МВД России, Москва, Россия
e-mail: iregina80@icloud.com

Ivanova Regina Yurievna,,

Adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

**ПСИХОЛОГО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКРЕДИТАЦИИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В
МЕДИАПРСТРАНСТВЕ**

**PSYCHOLOGICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF THE
DISCREDITING OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE
RUSSIAN FEDERATION IN THE MEDIA SPACE**

Аннотация. В статье рассматривается психолого-правовая характеристика дискредитации органов внутренних дел Российской Федерации в медиапространстве. Обозначена актуальность создания более глубокой психологической основы в деятельности подразделений информации и общественных связей МВД России по надлежащему реагированию на информацию дискредитирующего характера с использованием современных психотехнологий.

Abstract. The article examines the psychological and legal characteristics of the discrediting of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the media space. The urgency of creating a deeper psychological basis in the activities of the information and public relations units of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the proper response to information of a discrediting nature using modern psychotechnologies is indicated.

Ключевые слова: дискредитация, психотехнологии, подразделения информации и общественных связей МВД России.

Keywords: discrediting, psychotechnologies, information and public relations units of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Как известно, образ должностного лица воспринимается членами общества в качестве образа не только конкретного человека, исполняющего обязанности по осуществлению государственных полномочий, но и как часть общего образа государственной власти, в связи с чем ущерб, нанесенный образу отдельного должностного лица, влечет за собой имиджевые потери для всей структуры государственной власти. В современном мире ущерб имиджу государственной власти, в том числе и МВД России, наносится с помощью негативного информационно-психологического воздействия в медиапространстве.

Преступное противодействие в отношении сотрудников полиции происходило на протяжении всей истории российского государства, в том числе в виде физического устранения, угроз жизни и здоровью сотруднику и членам его семьи, шантажа, коррупционных действий, жалоб в контролирующие и надзирающие органы, содержащих заведомо несоответствующие действительности сведения и т.п. В настоящее время наиболее актуальной и распространенной формой противодействия деятельности органов внутренних дел стало распространение в отношении сотрудников не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, то есть дискредитация.

Дискредитация отдельного сотрудника органа внутренних дел отражается не только на имидже МВД России, но и на российском государстве в целом, а формирование негативного мнения об органах внутренних дел в современном обществе приводит не только к осложнению взаимодействия органов внутренних дел с гражданским обществом, но и к осложнению деятельности самого министерства. В связи с этим, защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников полиции является одним из приоритетных направлений в деятельности МВД России и в последнее десятилетие данному направлению деятельности уделяется особое внимание.

Сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации в период прохождения службы имеют специальный социальный статус, обладая определенными правами и обязанностями. В числе закрепленных законодательством прав сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации имеет право на защиту чести, достоинства и деловой репутации и как гражданин Российской Федерации, и как обладатель специального социального статуса в связи с исполнением им определенных обязанностей.

Из анализа нормативных правовых актов, регулирующих защиту чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, следует, что хотя формально законодателями введено понятие «дискредитация», однако в полной мере оно не раскрыто, не определена его сущность, в связи с чем в ходе применения в правоохранительной практике у субъектов правоприменения возникают многочисленные затруднения в их использовании для защиты чести, достоинства и деловой репутации дискредитируемого субъекта. Также возникают затруднения и у психологов органов внутренних дел при оказании психологической помощи и поддержки сотрудникам, подвергшимся дискредитации, а у сотрудников подразделений информации и общественных связей в осуществлении реагирования на дискредитационные материалы.

Как известно, дискредитация часто является эффективным способом устранения конкурентов в экономической сфере. Под дискредитацией в экономических науках понимают комплекс действий, направленных на умышленный подрыв авторитета конкурента, его делового или общественного имиджа, доверия граждан. 5 октября 2015 года принят Федеральный закон № 275-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите конкуренции" и отдельные законодательные акты Российской Федерации", в котором закреплен запрет на недобросовестную конкуренцию, а также выделены три ее вида: дискредитация, введение в заблуждение и некорректное сравнение. Статья 14.1 Закона термином "дискредитация" обозначает «действия по распространению ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации».

Согласно Большому юридическому словарю, «дискредитация конкурента» это – распространение заведомо ложных, неточных или искаженных сведений в печатном или иным способом размноженном тексте, либо в средствах массовой информации, чтобы нанести вред деловой репутации хозяйствующего субъекта.

В правовом аспекте непосредственное отношение к термину «дискредитация» имеют такие категории (в частности, используемые при характеристики предмета некоторых составов правонарушений и преступлений), как: оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица; сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию гражданина (к порочащим сведениям относятся не

соответствующая действительности, то есть объективно не подтвержденная информация, направленная на подрыв авторитета и умаление чести, достоинства и деловой репутации); незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации; клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию; публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

В психологии дискредитация рассматривается в различных аспектах межличностного общения: в случаях гиперкомпенсаторного поведения, при котором индивид стремится обесценить значимость кого-либо в стремлении преодолеть собственный комплекс неполноценности; в таком явлении как дискредитация жертвы, что является способом проекции (защитной реакцией личности) и используется в тех случаях, когда индивид, приписывая другому человеку отрицательные качества, совершает по отношению к нему (жертве) аморальные действия; в психологических манипуляциях, то есть действиях, направленных на то, чтобы изменить восприятие или поведение другого человека; в таком психологическом явлении как деструктивная критика, то есть указание на недостатки оппонента с целью вызвать его неуверенность в себе.

Таким образом, дискредитация является сложным и многоуровневым процессом, имеющим место в различных сферах жизнедеятельности человека: политике, экономике, социальной жизни общества, личной жизни человека, однако независимо от сферы распространения дискредитации, результатом данного процесса в любом случае является формирование отрицательного мнения в обществе как об отдельном человеке, о какой-либо организации, так и о государстве в целом.

Дьяченко Н.Н. определяет дискредитацию сотрудников ОВД как способ противодействия преступных формирований и отдельных лиц, преступивших закон, деятельности правоохранительных органов по выявлению и привлечению их к ответственности путем публичного распространения в отношении них ложных порочащих сведений, а также совершения иных действий, направленных на подрыв доверия и умаление авторитета сотрудников ОВД как представителей власти в глазах третьих лиц [2].

В своем исследовании будем дискредитацию органов внутренних дел (сотрудников) разграничивать по видам, формам и способам. В зависимости от мотива и целей выделим следующие виды: воспрепятствование законной деятельности сотрудников органов внутренних дел (противодействие привлечению к уголовной, административной ответственности), общее недовольство качеством деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, общее недовольство политикой действующей власти

Российской Федерации, личная неприязнь к сотруднику ОВД, связанная с его служебной деятельностью (сведение счетов, месть), личная неприязнь к сотруднику ОВД, связанная с его частной жизнью (поведение во внеслужебное время, личная жизнь), удовлетворение собственных психологических потребностей (одобрение каких-либо действий, получение внимания, самопиар), повышение рейтинга в медиапространстве и извлечение материальной выгоды.

По субъектному содержанию формы дискредитации дифференцируются на осуществляемые организованными преступными формированиями, отдельными лицами, преступившими закон, журналистами, публичными деятелями, блогерами, осуществляемой сотрудниками ОВД (действующими, бывшими, их родственниками), гражданами, недовольными общим положением дел в стране и ведущейся государственной политикой.

По способам распространения негативной информации недостоверного характера можно выделять: распространение в медиапространстве, публичное выступление, обращение в контролирующие и надзирающие органы с информацией, содержащей недостоверные сведения о правонарушениях и преступлениях, якобы совершенных сотрудниками органов внутренних дел, создание провоцирующих ситуаций в отношении сотрудников органов внутренних дел с фото-, видеофиксацией и последующим распространением, распространение персональных данных сотрудников органов внутренних дел в сети Интернет.

Перечисленные виды, формы и способы дискредитации часто используются в совокупности, а это обеспечивает более эффективное достижение поставленных целей субъектами дискредитации и усиливает негативное отношение к органам внутренних дел. В связи с этим, со стороны органов внутренних дел необходима и комплексная защита от дискредитации.

В процесс противодействия дискредитации органов внутренних дел (сотрудников) необходимо включать не только комплекс оперативно-розыскных мероприятий по установлению лица, ее осуществляющего, но и такие важные этапы работы, как морально-психологическая поддержка, оказание правовой помощи сотрудникам, подвергшимся дискредитации, опровержение распространённых порочащих сведений и т.д. Это возможно с помощью правовых, психологических, организационных инструментов и комплексной работе различных подразделений органов внутренних дел: подразделений информации и общественных связей; подразделений по работе с личным составом; подразделений, осуществляющих правовую работу; подразделений собственной безопасности, в случаях распространения информации негативного характера, у сотрудников органов внутренних дел, существует реальная возможность защищать свои нарушенные права, получить моральную, психологическую, правовую поддержку.

Как было отмечено выше, вопрос защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудника является одним из важнейших условий успешной деятельности системы органов внутренних дел в целом. В связи с этим для восстановления и поддержания авторитета МВД России в глазах общественного мнения, повышения уровня доверия к МВД России со стороны граждан необходимо не только чтобы каждая негативная информация становилась предметом пристального внимания в правовом аспекте, а также велось соответствующее противодействие ей, с надлежащим реагированием, в том числе и в медиапространстве. При этом надлежащее реагирование – это определенный комплекс мер с целью локализовать, нейтрализовать, ликвидировать негативные последствия для имиджа организации (физического лица) в результате критической информации в СМИ в ее (его) адрес [4].

По нашему мнению, в сфере противодействия негативной информации, дискредитирующей органы внутренних дел (сотрудников), важнейшую роль играет в первую очередь надлежащее реагирование на нее с использованием современных психотехнологий, в контексте специальных технологий с учетом особенностей и специфики психологических процессов, качеств, явлений, отношений, возможностей их технологизации [3].

Именно надлежащее реагирование в психологическом аспекте необходимо рассматривать как основную стратегию противодействия МВД России к подобной информации в свой адрес, а наиболее важную роль в данной деятельности необходимо отводить подразделениям информации и общественных связей. Таким образом, необходимы создание более глубокой психологической основы в деятельности подразделений информации и общественных связей МВД России, проработка и разработка психологического базиса при обучении сотрудников указанного подразделения, внедрение достижений современной психологии в их деятельность.

Список литературы:

1. Глухова Т.М. Личностные предпосылки дисциплинированности сотрудников подразделений МВД РФ / Т.М. Глухова, А.В. Сечко // Экстремальная психология: теория и практика: Сборник научных статей / Под редакцией А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. М.: ООО «РУСАЙНС», 2017. С. 122-127.
2. Дьяченко Н. Н. К вопросу о терминологии в сфере защиты сотрудников органов внутренних дел от дискредитации // Научный портал МВД России. М., 2015. № 2 (30). С.17.
3. Мальцева Т.В. Технологии психологической коррекции и психотерапии по оптимизации уровня субъективной витальности руководителей органов внутренних дел Российской Федерации: монография. Рязань, 2020. С. 14.
4. Марков А.А. Связи с общественностью в защите имиджа от негативной информации СМИ. В аспекте информационной безопасности личности и организации. СПб: РГГМУ, 2009. С.54.

References:

1. Gluhova T.M. Lichnostnye predposylki disciplinirovannosti sotrudnikov podrazdelenij MVD RF / T.M. Gluhova, A.V. Sechko // Ekstremal'naya psihologiya: teoriya i praktika: Sbornik nauchnyh statej / Pod redakciej A.V. Kokurina, V.I. Ekimovoj, E.A. Orlovoj. M.: OOO «RUSAJNS», 2017. Pp. 122-127.
2. D'yachenko N.N. K voprosu o terminologii v sfere zashchity sotrudnikov organov vnutrennih del ot diskreditacii // Nauchnyj portal MVD Rossii. M., 2015. № 2(30). P.17.
3. Mal'ceva T.V. Tekhnologii psihologicheskoy korrekcii i psihoterapii po optimizacii urovnya sub"ektivnoj vital'nosti rukovoditelej organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: monografiya. Ryazan', 2020. P. 14.
4. Markov A.A. Svyazi s obshchestvennost'yu v zashchite imidzha ot negativnoj informacii SMI. V aspekte informacionnoj bezopasnosti lichnosti i organizacii. SPb: RGGMU, 2009. P. 54.

Караяни Александр Григорьевич

профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Москва, Россия,

доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
ORCID: 0000-0001-9586-9718.

e-mail: karayani@mail.ru

Karayani Alexander Grigorievich

Professor at St Petersburg University of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

Doctor of Psychology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Караяни Юлия Михайловна

профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Москва, Россия,

доктор психологических наук, доцент
e-mail: yulya.karayani@mail.ru

Karayani Yulia Mikhailovna

Professor at St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Moscow, Russia,
Doctor of Psychology, assistant professor

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОПЫТА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ЗА НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

ON PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF COMBAT VETERANS: A LOOK THROUGH THE PRISM OF THE EXPERIENCE OF COMBAT ACTIONS FOR NAGORNO KARABAKH

Аннотация. В статье рассматриваются психологические последствия боевых действий за Нагорный Карабах. Анализируется азербайджанский и армянский опыт психологической реабилитации ветеранов боевых действий. Делаются выводы о

необходимости масштабной и многоплановой психологической помощи ветеранам боевых действий.

Abstract. The article examines the psychological consequences of the fighting for Nagorno-Karabakh. Azerbaijani and Armenian experience of psychological rehabilitation of war veterans is analyzed. Conclusions about the need for large-scale and multifaceted psychological assistance to veterans of hostilities are made.

Ключевые слова. боевые действия, психологические последствия, психологическая помощь, психологическая реабилитация.

Keywords: fighting, psychological consequences, psychological assistance, psychological rehabilitation

Психологические последствия – важнейший и один из самых драматических итогов любой войны. Опыт показывает, что их масштабы и глубина в значительной степени определяются характером боевых действий и психологическими «кондициями» военнослужащих (индивидуально-психологическими и морально-боевыми характеристиками, психологической подготовленностью и т.д.).

К сожалению, в понимании и оценке психологических последствий участия военнослужащих в боевых действиях нередко делаются ошибки, которые не прощаются жизнью и драматически проявляются в последующих военных событиях.

Сегодня уже хорошо известно, что психологические проблемы военного и послевоенного времени в решающей мере определяются характером боевых действий (масштабы, решительность целей и действий противоборствующих сторон, частота боевых эпизодов, сила применяемого оружия, величина физических потерь, уровень материально-технического обеспечения, успешность-неуспешность и т.д.). В связи с этим представляются не оправданными попытки брать в качестве модели будущих войн антитеррористические или полицейские операции (в которых одна из сторон обладает огромным военным и технологическим преимуществом, позволяющим вести преимущественно дистанционные боевые действия) и на их основе прогнозировать психологические последствия и структуру психологической помощи участникам будущих крупномасштабных военных событий.

В настоящее время идёт переосмысление задач и методов работы военно-психологической службы в ВС РФ. В связи с этим очень важно внимательно изучать опыт разных стран, касающийся оценки социальной важности организации психологической реабилитации участников. В этом отношении ценным представляется деятельность азербайджанских и армянских психологов, налаживающих и реализующих систему психологической помощи ветеранам боевых действий 44-дневной войны за Нагорных Карабах (27 сентября — 10 ноября 2020 года).

Анализ опыта психологической реабилитации военнослужащих азербайджанской и армянской армий показывает, что он интересен по нескольким обстоятельствам. Во-первых, методологическим фундаментом

реабилитационной деятельности здесь явились современные британские, французские и германские научно-психологические наработки (психологи Азербайджана получили соответствующую подготовку в этих странах). Армянские военные психологи используют преимущественно российский опыт психологической помощи ветеранам боевых действий. Во-вторых, большую теоретическую и практическую помощь азербайджанским коллегам оказали турецкие психологи. В СМИ сообщалось о том, что 20 турецких профессиональных клинических психологов и психотерапевтов, имеющих опыт оказания психологической помощи участникам боевых действий в горячих точках, в том числе в Сирии, ведут методическую и практическую работу в Азербайджане. Следовательно, изучая азербайджанский опыт, можно получить представление о принципах организации и осуществления психологической реабилитации турецких военнослужащих. В-третьих, до последнего времени в литературе не было развёрнутого описания системы психологической помощи военнослужащим в мусульманской стране. В-четвертых, рассматриваемое военное событие было полноценной, хотя и кратковременной войной, в которой друг другу противостояли примерно равные в военном отношении противники.

Боевые действия в Нагорном Карабахе отличались масштабностью, непримиримостью и решительностью противников (определяемой длительностью враждебных отношений), применением современной боевой техники и оружия (разведывательные и ударные БПЛА, ракеты, крупнокалиберная артиллерия, авиация, современные системы ПВО, бронетехника и т.д.), многочисленными жертвами среди военнослужащих и мирного населения, примерным равенством боевых возможностей противоборствующих сторон. В Армении и Нагорно-Карабахской Республике было объявлено военное положение и всеобщая мобилизация. В Азербайджане также было объявлено военное положение, а в ряде районов - введён комендантский час. Все это создавало мощное психологическое давление на участников боевых действий и обусловило драматические отсроченные психологические последствия.

Политическое и военное руководство *Республики Азербайджан* оценило возникшую после войны ситуацию как весьма сложную и требующую немедленного решения. Как видно из немногочисленных публикаций, посвящённых психологической помощи, главную роль в организации психологической реабилитации ветеранов боевых действий и гражданских лиц играли специалисты министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС) Азербайджана.

За короткое время была налажена достаточно понятная система психологической реабилитации, которая характеризуется следующими чертами.

1. Анализ публикаций по обсуждаемой тематике показывает, что в Азербайджане создается новая система психологического вспомоществования ветеранам боевых действий, которая, в отличие от

традиционной психиатрической или психологической помощи, нацелена на работу со специфическим контингентом, имеющим специфические психологические проблемы. Оказалось, что, с одной стороны, лица с военными травмами не относят себя к больным, в связи с чем их нельзя помещать в психиатрические лечебные заведения, а, с другой стороны, действующие при министерстве труда и социальной защиты населения, Министерстве здравоохранения и МЧС службы телефонной поддержки, оказались в этих условиях не достаточными и могли рассматриваться лишь как вспомогательные инструменты. Обстановка востребовала очную и долгосрочную психологическую помощь.

2. Азербайджанские психологи при поддержке турецких коллег установили две схемы реабилитационной деятельности: 1) стационарную (в Центре психического здоровья и других подразделениях психологической помощи и 2) с выездом групп психологов, в том числе турецких специалистов, в различные населённые пункты. В стране действуют 12 государственных реабилитационных центров, функционирует «горячая линия».

3. Психологической помощью охватывается широкий круг людей: 1) гражданские лица с различными психологическими симптомами, 2) все нуждающиеся военнослужащие, 3) военнослужащие получившие ранения и 4) пережившие плен. Одновременно ведётся активная работа по выявлению лиц, склонных к суициду, и осуществление профилактики самоубийств среди ветеранов войны. Как отмечали психологи-практики, функционирующие психологические центры ежедневно посещались военнослужащими и гражданскими лицами.

По данным азербайджанского МЧС с 26 февраля по 9 апреля 2021 года только в городах в Гяндже и Барде было проведено 3 305 сеансов психологической помощи для 1 576 участников войны, членов их семей и других категорий нуждающихся человек. В северо-западном регионе - более 130 сеансов для 80 граждан. Позже психологическая помощь оказывалась в Баку, Габале, Ленкорани и других городах. В Центр психического здоровья минздрава Азербайджана им. Ф. Исмаилова ежедневно обращались участники войны с различными жалобами.

4. Психологическая помощь ветеранам боевых действий и другим нуждающимся оказывается по широкому кругу психологических проблем. В частности, специалисты указывают на наличие у обращающихся за помощью симптомов и развёрнутых проявлений посттравматического стрессового расстройства, диссоциативных расстройств, депрессий, травматических поражений головного мозга и др.

Судя по имеющейся в СМИ информации, в стране постепенно выстраивается этапная система реабилитации ветеранов войны. Предварительным этапом реабилитации ветеранов, предшествующим их полноценному психологическому и психиатрическому лечению, станет прохождение ими программы социальной поддержки. Такие программы

должны включать решение целого комплекса социальных вопросов, в первую очередь бытовые проблемы. По мнению азербайджанских специалистов, участники войны, прежде всего нуждаются в психосоциальной, а не медикаментозной помощи. Многие военнослужащие стали инвалидами, утратили трудоспособность и нуждаются в назначении пенсий, в продолжении учёбы и т.д.

Специалисты отмечают, что психиатрический компонент в реабилитации не самый главный, что психиатров нужно привлекать только в самых крайних случаях. По их данным, порядка 60 из 100 человек после полученной социальной поддержки в другой помощи уже не нуждаются. Оставшимся 40 понадобятся групповые занятия и/или психотерапия [5].

Психологическая помощь в такой форме составит основной этап психологической реабилитации. Для этого планируется создание учреждений по оказанию долговременной интенсивной реабилитации. Приобретённый психологами опыт свидетельствует о том, что помощь в таких учреждениях должна оказываться не одним специалистом, а командой, включающей психолога, социального работника, медсестру, психиатра, невропатолога [5]. Состав команды практически идентичен аналогичным подразделениям психологической помощи, действующим в боевой обстановке в американских вооруженных силах.

В процессе психологической реабилитации специальные программы реализуются дифференцированно в отношении ветеранов боевых действий, вернувшихся из плена, получивших ранения и контузии.

Психолог Р. Гаджиев, работающий с ветеранами войны, отмечает, что освободившиеся из плена военнослужащие пережили двойную травму: они испытали тяготы и ужасы войны, а потом подверглись психологическому давлению плена. При этом в симптоматике бывших пленников отмечаются затяжная депрессия, чувство безысходности, неверие в свое выздоровление. Не менее драматичные психологические проблемы отмечаются у раненых военнослужащих. Психолог указывает на то, что ранения у многих достаточно тяжёлые, лечение занимает много времени, приходится проводить по несколько многоэтапных операций. У контуженных симптоматическая картина несколько иная. Пережитый ими посттравматический шок ведет к нарушениям памяти, проблем с мышлением и нормальным функционированием головного мозга. Психическое состояние раненых усложняется тем, что они относятся к представителям самой активной возрастной группы (от 18 до 40 лет), а оказались прикованными к постели. Оно еще более драматизируется в случае, когда ранение приводит к ампутации конечностей, что сопровождается психической травмой [2].

Отдельным направлением психологической работы с ветеранами является профилактика суицидов. Отмечается, что самоубийства среди ветеранов не редкость, так как в состоянии психоза, по его мнению, вероятность совершить самоубийство у человека возрастает в 50 раз [5].

Важным условием эффективной психологической реабилитации ветеранов боевых действий является их социальная поддержка, формирование у них ощущения, что они не одни.

Учитывая большие масштабы необходимой психологической реабилитации, управлением по идеологической работе и морально-психологическому обеспечению Министерства обороны Азербайджана организовало занятия по повышению квалификации офицерского состава, в проведении которых принимают участие турецкие военные и гражданские специалисты. Так, на занятиях в Учебно-тренировочном центре Вооруженных сил турецкие специалисты-психологи, приглашённые в целях оказания психотерапевтических и реабилитационных услуг ветеранам и членам их семей, другим гражданам, испытавшим психологические потрясения, были прочитаны лекции об опыте развитых стран в области психологической помощи. На занятиях отработывались вопросы оценки психического состояния военнослужащих, изучения социально-психологических процессов в воинских коллективах, организации эффективной реабилитации военнослужащих, испытывающих психологические проблемы в результате негативных последствий войны [4].

В *Республике Армения* в ходе войны и сразу после её окончания более 100 психологов изъявили желание участвовать в психологическом вспомоществовании участникам боевых действий в стационарных условиях. Уже на декабрь 2020 года ими было проведено около 11 тыс. консультаций, что позволило предупредить ряд негативных психологических последствий войны. В июне 2020 г. в стране был объявлен государственный тендер на оказание психологической помощи пострадавшим от войны, который выиграл Консорциум психологической поддержки, объединяющий 8 организаций психологической помощи [1].

Глава Армянской ассоциации психиатров А. Согоян указывает, что одной из схем оказания психологической помощи ветеранам являются целевые инициативные консультации, проводимые Консорциумом с военнослужащими по представляемым Минобороны страны спискам. В интересах психологической помощи пострадавшим от войны активно используется «горячая линия», предназначенная для борьбы с COVID-19. Военнослужащие с физическими ранениями могут встречаться с психологами в «Доме солдата» – реабилитационном центре, созданном в 2018 г. Минобороны страны и Ереванским государственным медицинским университетом. Центр реализует специальную программу психологической помощи, в рамках которой ее получили сотни нуждающихся [1]. Наряду с этим в Армении действуют и региональные органы психологической помощи и реабилитации.

Таким образом, по оценкам специалистов, представляющих разные стороны военного конфликта за Нагорный Карабах, его психологические последствия существенны и требуют серьезной, разноуровневой, многоплановой, эшелонированной психореабилитационной работы с ветеранами боевых действий в государственном масштабе. Значительная часть участников боевых действий не может самостоятельно справиться с

ними и будет длительное время ощущать симптомы психологического неблагополучия. Имеющихся в мирное время кадров психологов оказывается недостаточно для решения психологических задач военного времени. Квалификация гражданских психологов не всего отвечает требованиям решаемых задач.

Опыт психореабилитационной работы с азербайджанскими и армянскими военнослужащими необходимо глубоко и всесторонне изучить и использовать в практике психологической работы с российскими военнослужащими.

Список литературы:

1. Армяне и азербайджанцы залечивают психологические раны после войны. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/258550129> (дата обращения: 19.10.2021).

2. Джалилова И. Прошедшим войну военнослужащим сложно вернуться к нормальной жизни – психолог. URL: <https://az.sputniknews.ru/20210107/vojna-plen-psihologicheskie-travmy-425903760.html> (дата обращения: 19.10.2021).

3. Следователи выясняют причины суицида военнослужащего. URL: <https://az.sputniknews.ru/20210107/oborona-suicid-genprokuratura-425900719.html> (дата обращения: 17.10.2021).

4. Турецкие специалисты проведут тренинги для психологов МЧС Азербайджана. URL: https://az.sputniknews.ru/20210213/azerbaijan-turkey-psixologi-sovmestnie-treningi-426219092.html?mobile_return=yes (дата обращения: 18.10.2021).

5. Оруджалиева З. Жизнь после войны: турецкие психологи помогут азербайджанским военным восстановиться URL: <https://az.sputniknews.ru/20210112/voennaja-travma-psiholog-425940568.html> (дата обращения: 16.10.2021).

References:

1. Armyane i azerbajdzhancy zalechivayut psihologicheskie rany posle vojny. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/258550129> (data obrashcheniya: 19.10.2021).

2. Dzhililova I. Proshedshim vojnu voennosluzhashchim slozhno vernut'sya k normal'noj zhizni – psiholog. URL: <https://az.sputniknews.ru/20210107/vojna-plen-psihologicheskie-travmy-425903760.html> (data obrashcheniya: 19.10.2021).

3. Sledovateli vyyasnyayut prichiny suicida voennosluzhashchego. URL: <https://az.sputniknews.ru/20210107/oborona-suicid-genprokuratura-425900719.html> (data obrashcheniya: 17.10.2021).

4. Tureckie specialisty provedut treningi dlya psihologov MCHS Azerbajdzhana. URL: https://az.sputniknews.ru/20210213/azerbaijan-turkey-psixologi-sovmestnie-treningi-426219092.html?mobile_return=yes (data obrashcheniya: 18.10.2021).

5. Orudzhalieva Z. Zhizn' posle vojny: tureckie psihologi pomogut azerbajdzhanskim voennym vosstanovit'sya URL: <https://az.sputniknews.ru/20210112/voennaja-travma-psiholog-425940568.html> (data obrashcheniya: 16.10.2021).

Киселева Рената Николаевна

начальник кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС, Академия ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент, г. Рязань, Россия
e-mail: renatakis@yandex.ru

Kiseleva Renata Nikolaevna

Head of the Department of Psychology of Professional Activity in the UIS, Academy of the Federal Penitentiary

Service of Russia, Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Ryazan, Russia

Сонина Татьяна Петровна

студент ИПГиМС Академии ФСИН России,
г. Рязань, Россия
e-mail: ppdvuis@mail.ru

Sonina Tatiana Petrovna

student of IPGiMS Academy of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Ryazan, Russia

ГОТОВНОСТЬ К РИСКУ КАК НОРМАТИВНОЕ КАЧЕСТВО СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

RISK READINESS AS A NORMATIVE QUALITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Аннотация. Для эффективного исполнения служебных обязанностей сотрудникам правоохранительных органов необходимо правильно оценивать опасность, быть готовым к риску. В процессе профессионального обучения склонность к риску претерпевает изменения в сторону снижения значений. Будущие сотрудники становятся более компетентными и готовы рисковать оправдано. Исследование склонности к риску как нормативного качества сотрудников правоохранительных органов позволяют сформировать рискологическую культуру у обучающихся ведомственных вузов.

Abstract. In order to effectively perform their duties, law enforcement officers need to correctly assess the danger, be prepared for risk. In the process of professional training, the propensity to take risks undergoes changes in the direction of decreasing values. Future employees are becoming more competent and willing to take risks that are justified. The study of the propensity to take risks as a normative quality of law enforcement officers makes it possible to form a riskological culture among students of departmental universities.

Ключевые слова: склонность к риску, нормативность, профессиональное обучение, рискологическая культура, компетентность.

Keywords: risk appetite, normativity, vocational training, risk culture, competence.

На сегодняшний день сформировался целый ряд направлений, изучающих нормативность поведения сотрудников правоохранительных структур. К таким исследованиям можно отнести:

1) теоретические исследования, позволяющие понять значение норм поведения человека в обществе;

2) практические исследования, изучающие взаимосвязь норм и поведение человека, а также факторы, формирующие нормальное поведение человека;

3) разработки, которые направлены на решение проблем формирования нормального поведения работников определенных сфер деятельности, в том числе и сотрудников силовых структур [7, С. 300].

Сотрудники правоохранительных органов не вправе отказаться от исполнения своих служебных обязанностей, какому бы риску они не

подвергались. Для эффективного исполнения служебных обязанностей необходимо предпринять все меры безопасности, правильно оценивать опасность, быть готовым к риску.

Главной задачей сотрудников силовых структур, при возникновении любого вида опасности, является обеспечение безопасности окружающих. Но помимо должностных задач, сотрудникам необходимо справляться с собственными страхами, и уметь качественно выходить из любой чрезвычайной ситуации. В 2021 году нами в результате опроса представителей МВД, МЧС и ФСИН России были получены результаты, которые говорят о том, что сотрудники силовых структур не всегда считают свою профессию опасной, не всегда способны держать любую ситуацию под контролем, грамотно оценивать происходящие, не поддаваясь панике [4, С. 155].

В отечественной юридической психологии особое значение придают качествам личности, которые должен иметь представитель правоохранительных органов [8, С. 16].

Особое внимание уделяется проблеме жизнестойкости, установки на выживание. Нормативное поведение важно для каждого человека на разных возрастных этапах развития личности, но существуют множество профессий, где нормативность поведения приобретает особую роль. Так, например, для сотрудников правоохранительных органов в целом и уголовно-исполнительной системы в частности, важными качествами являются: стрессоустойчивость, самоконтроль, ответственность, готовность к риску [9, С. 437].

Риск выступает как определенная динамическая (ситуативная) характеристика деятельности, состоящая в неопределенности итога этой деятельности, непонятности ее успеха. В психологическом понимании термин включает в себя три главных взаимодополняющих значения:

1. риск как мера ожидаемого неблагоприятия при неуспехе в деятельности;
2. риск как действие в каком-либо отношении, грозящее субъекту потерь;
3. риск как момент между возможными вариантами действия [3, с.87].

Г. Айзенк определял готовность к риску, как склонность к поиску сильных ощущений, отличающуюся от импульсивности, наиболее тесно связанную с темпераментом и нервно-психической устойчивостью человека [2, с.33].

Для взаимодействия в профессиональной среде с различного рода рисками, работникам необходимо владеть особым видом профессиональной культуры, которую называют рискологической культурой [1, с.12].

Развить эту культуру возможно, совмещая объективные и субъективные факторы оценки риска через снятие неопределенности, возможности выбора из нескольких альтернатив поведения, формирования

адекватной самооценки и ценностного отношения к своей профессии [6, с.79].

В своей работе Т.П. Маралова, приводит результаты исследования готовности к риску сотрудников МВД России [5, С. 90]. По итогам ее исследования установлено, что готовность к высокому риску наблюдалась у 17,31% испытуемых, готовность к риску – у 38,46% испытуемых, готовность к среднему риску – у 28,85% испытуемых, стремление не рисковать – у 15,38% испытуемых.

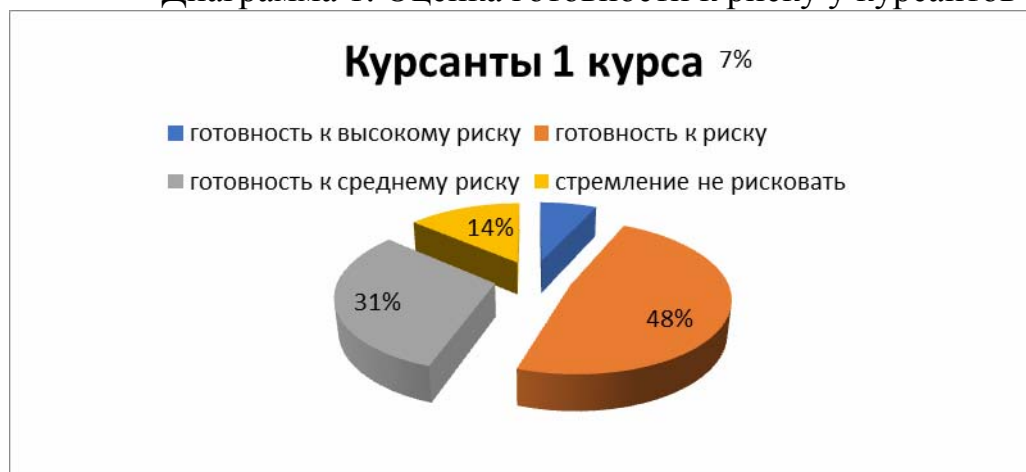
Исходя из полученных данных, Т.П. Маралова разделяет всех сотрудников на четыре типа:

1. сотрудники способные, в случае необходимости, идти на высокий, но оправданный риск, принимающие все меры необходимой безопасности;
2. сотрудники с высоким уровнем потребности в острых ощущениях, пренебрежительным отношением к вопросам безопасности;
3. сотрудники, предпочитающие не нарушать принятых норм и правил, высоко ценящие свою жизнь и жизнь других людей;
4. сотрудники с повышенной осторожностью, стремлением избегать любого риска.

Таким образом, сотрудники с высокой степенью нормативного поведения готовы идти на разумный, оправданный риск и обладают разной степенью нервно-психической устойчивости. А вот те из сотрудников, которые готовы нарушать социальные нормы, в том числе и в отношении самих себя (имеют саморазрушающие тенденции), будут рисковать без необходимости. Эта группа сотрудников нуждается в дополнительном психологическом сопровождении, в том числе и в процессе обучения в вузе.

На основании приведенных данных мы решили провести исследование, в котором приняло участие 86 респондентов: 42 – курсанта 1 курса и 44 – курсанта 5 курса. В исследовании применялась методика диагностики степени готовности к риску А.М. Шуберта. Результаты нашего исследования представлены на диаграммах.

Диаграмма 1. Оценка готовности к риску у курсантов 1 курса

Готовность к высокому риску выявлена у 14% испытуемых, готовность к риску – 31% испытуемых, готовность к среднему риску – 48% испытуемых, стремление не рисковать – 7% испытуемых.

Таким образом, курсанты 1 курса склонны к риску. Мы считаем, это связано в первую очередь с выбором профессии и возрастными особенностями. В возрасте 18-20 лет многие молодые люди готовы к рискованным действиям и ситуациям, не всегда осознают последствия своих действий и не готовы правильно поступать, выполняя служебные задачи.

Диаграмма 2. Оценка готовности к риску у курсантов 5 курса

Готовность к риску установлена у 18% испытуемых, готовность к среднему риску – у 19%, стремление не рисковать – у 63% испытуемых, выражающих готовность к высокому риску не выявлено. Следовательно, курсанты 5 курса склонны к риску в значительно меньшей степени, чем первокурсники. Это означает, что у большинства опрошенных склонность к риску не является характерологическим качеством и поддается коррекции. В процессе профессионального обучения готовность к риску у курсантов снижается. Действия становятся осознанными.

Мы провели опрос среди выпускников для выяснения того, с чем же это связано. По их мнению, снижение степени готовности к риску связано:

- получением дополнительной информации об условиях служебной деятельности;
- приобретением информации об особенностях профессии;
- специальной подготовкой в рамках изучения отдельных дисциплин;
- личностным развитием, взрослением;
- приобретением жизненного опыта.

Таким образом, готовность к риску, является одновременно необходимым качеством в составе психогаммы сотрудников силовых структур, но его степень должна быть разумной и не превышать средних значений, так как главная задача представителей правоохранительных

структур – обеспечивать безопасность и граждан и свою. В процессе профессионального обучения склонность к риску претерпевает изменения в сторону снижения. Будущие сотрудники становятся более компетентными и готовы рисковать оправданно, повышается их профессиональная компетентность.

С каждым днем перед сотрудниками силовых структур возникают новые служебные задачи, которые необходимо решать. Вследствие этого возникают новые опасные ситуации, связанные с риском. Именно по этой причине мы считаем, что тема формирования разумного риска, развития рискологической культуры у сотрудников силовых структур является актуальной.

Список литературы:

1. Бубнов А.Ю. Концептуализация риска у Н. Лумана и Э. Гидденса и риск решения в политике // Сборник: Международная заочная научно-практическая конференция «Политические процессы: история и современность». Новосибирск, 2012. С. 12.
2. Глухова Т.М. Личностные предпосылки дисциплинированности сотрудников подразделений МВД РФ / Т.М. Глухова, А.В. Сечко // Экстремальная психология: теория и практика: Сборник научных статей / Под редакцией А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. М.: ООО «РУСАЙНС», 2017. С. 122-127.
3. Ильин Е.П. Психология риска. СПб: Питер, 2012. 267 с.
4. Краткий психологический словарь / Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС», 1998.
5. Киселева Р.Н. Особенности восприятия опасности сотрудниками силовых структур // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт». Самара, 2021. Т.2. С. 154-157.
6. Маралова Т.П. Взаимосвязь нормативности поведения с готовностью к риску у сотрудников органов внутренних дел. // Вестник КГУ. Психологические науки. 2019. С. 87-91.
7. Минкова Е.С. Формирование рискологической культуры руководителя // Вестник РГУ им. И. Канта. 2008. Вып. 5 Педагогические и психологические науки. С. 78-81.
8. Пашенко А.К. Структурно-диалектический подход к пониманию проблемы нормативного поведения личности // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 299-304.
9. Поздняков В.М. и др. Психологическое обеспечение первоначальной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. М., 2004.
10. Устинова Л.Г., Султанова М.В. Личностная профессиональная безопасность сотрудников ОВД: структура и содержание // Мир науки, культуры, образования. 2018. №2 (69). С. 437-438.

References:

1. Bubnov A.YU. Konceptualizaciya riska u N. Lumana i E. Giddensa i risk resheniya v politike // Sbornik: Mezhdunarodnaya zaochnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Politicheskie processy: istoriya i sovremennost'». Novosibirsk, 2012. P. 12.
2. Gluhova T.M. Lichnostnye predposylki disciplinirovannosti sotrudnikov podrazdelenij MVD RF / T.M. Gluhova, A.V. Sechko // Ekstremal'naya psihologiya: teoriya i praktika: Sbornik nauchnyh statej / Pod redakciej A.V. Kokurina, V.I. Ekimovoj, E.A. Orlovoj. M.: ООО «RUSAJNS», 2017. P. 122-127.

3. Il'in E.P. Psihologiya riska. SPb: Piter, 2012.267 p.
4. Kratkij psihologicheskij slovar' / L.A. Karpenko, A.V. Petrovskij, M.G. YAroshevskij, Rostov-na-Donu: «FENIKS», 1998.
5. Kiseleva R.N. Osobennosti vospriyatiya opasnosti sotrudnikami silovyh struktur // Sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Penitenciarnaya bezopasnost': nacional'nye tradicii i zarubezhnyj opyt». Samara, 2021. T.2. Pp. 154-157.
6. Maralova T.P. Vzaimosvyaz' normativnosti povedeniya s gotovnost'yu k risku u sotrudnikov organov vnutrennih del. // Vestnik KGU. Psihologicheskie nauki. 2019. S. 87-91.
7. Minkova E.S. Formirovanie riskologicheskoy kul'tury rukovoditelya // Vestnik RGU im. I. Kanta. 2008. Vyp. 5 Pedagogicheskie i psihologicheskie nauki. Pp.78-81.
8. Pashchenko A.K. Strukturno-dialekticheskij podhod k ponimaniyu problemy normativnogo povedeniya lichnosti // Filologiya i kul'tura. 2012. № 3 (29). Pp. 299-304.
9. Pozdnyakov V.M. i dr. Psihologicheskoe obespechenie pervonachal'noj professional'noj podgotovki sotrudnikov organov vnutrennih del. M., 2004.
10. Ustinova L.G., Sultanova M.V. Lichnostnaya professional'naya bezopasnost' sotrudnikov OVD: struktura i sodержanie // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018. № 2 (69). Pp. 437-438.

Лаврова Мария Сергеевна

адъюнкт, Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия
e-mail: marija0408@mail.ru

Lavrova Maria Sergeevna

Adjunct, Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russianamed after V.Ya. Kikotya, Moscow,
Russia

Костина Любовь Николаевна

начальник кафедры психологии УНК психология
служебной деятельности Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя, г. Москва, Россия
доктор психологических наук, доцент
e-mail: kostin62@mail.ru

Kostina Lyubov Nikolaevna

Head of the Department of Psychology of the UNC
Psychology of Official Activity Moscow University of
the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V.Ya. Kikotya, Moscow, Russia,
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

**О ФАКТОРАХ ВЛИЯНИЯ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
ВЫГОРАНИЕ ПСИХОЛОГОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**ON THE FACTORS OF INFLUENCE ON THE PROFESSIONAL BURN
OUT OF PSYCHOLOGISTS OF THE INTERNAL AFFAIRS**

Аннотация. В статье рассмотрены подходы учёных к факторам, влияющим на возникновения феномена профессионального выгорания, в том числе в экстремальных условиях деятельности. Раскрыты объективные и субъективные факторы

профессионального выгорания у психологов органов внутренних дел. Актуализирована необходимость разработки программы диагностики и профилактики профессионального выгорания психологов органов внутренних дел.

Annotation. The article examines the approaches of scientists to the factors influencing the occurrence of the phenomenon of professional burnout, including in extreme conditions of activity. The objective and subjective factors of professional burnout among psychologists of internal affairs bodies are revealed. The need to develop a program for diagnostics and prevention of professional burnout of psychologists of internal affairs bodies has been updated.

Ключевые слова: профессиональное выгорание специалиста, психологи органов внутренних дел, профессиональная деятельность, экстремальные условия деятельности, факторы, влияющие на возникновение профессионального выгорания.

Keywords: professional burnout of a specialist, psychologists of internal affairs bodies, professional activity, extreme conditions of activity, factors influencing the occurrence of professional burnout.

Актуальность исследования факторов, оказывающих влияние на формирование профессионального выгорания у психологов органов внутренних дел связана с необходимостью проведения научно-обоснованных мероприятий по предупреждению и профилактике рассматриваемого феномена в целях сохранения психологического благополучия этих специалистов, а также повышения эффективности их служебной деятельности.

В психологической науке профессиональное выгорание специалиста рассматривается как психическое состояние, формирующееся под влиянием профессиональной деятельности, как реакция на постоянный стресс, объединяющее в себе эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений и приводящее к снижению эффективности в работе и рассогласованию между субъектом труда и профессией [6, С. 156].

Профессиональная деятельность психологов органов внутренних дел характеризуется: 1) уставными взаимоотношениями и правовой регламентированностью деятельности; 2) полисубъектностью профессиональной позиции психолога как специалиста и сотрудника органов внутренних дел (кроме психологической работы аттестованные психологи выполняют служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел и полиграфолога); 3) психоэмоциональным интенсивным общением в служебное и внеслужебное время с кандидатами на службу, сотрудниками и членами их семей; 4) необходимостью оказания нуждающимся сотрудникам и служащим своевременной психологической помощи, в том числе в экстремальных условиях (во время служебных командировок в Северо-Кавказском регионе); 5) выполнением служебных обязанностей в рамках функционирования «Телефона доверия» и охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности в период проведения массовых мероприятий [1]. Обобщение результатов исследований Н.П. Анисимовой, В.В. Бойко, М.В. Борисовой,

Н.Е. Водопьяновой, Т.В. Зайчиковой, Т.В. Копыловой, К. Маслач, В.Е. Орла, Б. Перлман, Е.С. Старченковой, Т.В. Форманюк, Е. Хартман и др., а также учет специфики профессиональной деятельности психологов органов внутренних дел показывает, что в качестве основных групп факторов, влияющих на профессиональное выгорание, можно выделить: 1) объективные, зависящие от макропроцессов и особенностей профессиональной деятельности; 2) субъективные, вызванные личностными и индивидуально-психологическими особенностями личности специалиста.

С учетом специфики деятельности психологов органов внутренних дел выделим объективные факторы профессионального выгорания: состояние экономической ситуации в стране и в мире, в т.ч. связанные в настоящее время с пандемией [2, с. 96]; социальный статус профессии психолога и полисубъектный характер деятельности психолога органов внутренних дел, уровень социально-правовой защищенности и оплаты труда [2, с. 97]; ролевую неопределённость/конфликтность [4, с. 119]; условия работы, в том числе ненормированный характер деятельности психологов и экстремальность условий служебной деятельности, содержание труда и рабочие перегрузки [4, с. 30; 7, с. 90-98]; неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе и недостатки управленческой деятельности руководителя [3, с. 211-214; 5, с. 13-15; 9; 10]; длительная и напряженная психоэмоциональная деятельность [5, с. 13-15], ответственность за исполняемые обязанности, психологически трудный контингент, с которым имеет дело профессионал в сфере общения [2, с. 96; 5, с. 13-15]; число работников и текучесть кадров и др. [4, с. 30.] и др.

Субъективные факторы профессионального выгорания психологов органов внутренних дел включают: социально-демографические особенности специалиста [4, с. 30; 8, с.57-64]; особенности нервно-психической устойчивости и эмоционально-волевой сферы психики [2, с. 97]; специфика мотивационной сферы личности и результативность психологической работы [2, с. 98; 5, с. 13-15]; наличие рассогласованности в ценностной сфере и низкий уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции эмоций и поведения [3, с. 211-214], интенсивная интериоризация ситуаций профессиональной деятельности, нравственные дефекты и дезориентация личности [2, с. 98; 5, с. 13-15] и др.

Таким образом, рассмотренные факторы накладывают определенный отпечаток на личность психолога, способствуют ухудшению его психологического благополучия и здоровья, приводя к формированию синдрома профессионального выгорания. Комплексный подход к изучению этих факторов влияния и специфики профессионального выгорания психологов органов внутренних дел в рамках проводимого научного исследования позволит подготовить научно обоснованную, комплексную программу диагностики и профилактики этого профессионально-психологического феномена.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 07.02.2011 года № 3-ФЗ «О полиции»
2. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 2007.

3. Борисова М.В., Анисимова Н.П. Основные направления профилактики и коррекции профессионального выгорания // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 2. Том 2.
4. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2008.
5. Копылова Т.В. «Эмоциональное выгорание» как форма профессиональной деформации личности сотрудника пенитенциарной системы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 1 (19).
6. Маслач К. Профессиональное выгорание: как люди справляются // Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2001.
7. Орёл В.Е. Феномен выгорания в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1.
8. Сечко А.В. "Профессиональное выгорание" в офицерских профессиях // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2006. № 3(105). С. 106-108.
9. Сечко А.В. Профессиональное выгорание в системе стрессов у авиационных специалистов // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 102-110.
10. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. 1994. №6.

References:

1. Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 goda № 3-FZ «O policii»
2. Bojko V.V. Sindrom «emocional'nogo vygoraniya» v professional'nom obshchenii. – SPb, 2007.
3. Borisova M.V., Anisimova N.P. Osnovnye napravleniya profilaktiki i korrekcii professional'nogo vygoraniya // Y Aroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2001. № 2. Tom 2.
4. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika. SPb., 2008.
5. Kopylova T.V. «Emocional'noe vygoranie» kak forma professional'noj deformacii lichnosti sotrudnika penitenciarnoj sistemy // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2003. № 1 (19).
6. Maslach K. Professional'noe vygoranie: kak lyudi spravlyayutsya // Praktikum po social'noj psihologii. SPb.: Piter, 2001.
7. Oryol V.E. Fenomen vygoraniya v zarubezhnoj psihologii // Psihologicheskij zhurnal. 2001. Т. 22. № 1.
8. Sechko A. V. "Professional'noe vygoranie" v oficerskih professiyah // Pravo v Vooruzhennyh Silah. Voenno-pravovoe obozrenie. 2006. № 3(105). Pp. 106-108.
9. Sechko A.V. Professional'noe vygoranie v sisteme stressov u aviacionnyh specialistov // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2021. Т. 10. № 1. Pp. 102-110.
10. Formanyuk T.V. Sindrom «emocional'nogo sgoraniya» kak pokazatel' professional'noj dezadaptacii uchitelya // Voprosy psihologii. 1994. №6.

Носс Игорь Николаевич

ведущий научный сотрудник, Национальный медицинский исследовательский центр имени В.П. Сербского Минздрава России; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

доктор психологических наук, профессор
e-mail: innoss2007@yandex.ru

Noss Igor Nikolaevich,

Leading Research Fellow, National Medical Research Center named after V.P.Serbsky of the Ministry of Health of Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

ВОСПРИЯТИЕ ПРОБЛЕМНОЙ СИТУАЦИИ ГОССЛУЖАЩИМИ С РАЗЛИЧНЫМИ ПСИХИЧЕСКИМИ ТИПАМИ ЛИЧНОСТИ

PERCEPTION OF A PROBLEMATIC SITUATION BY CIVIL SERVANTS WITH DIFFERENT MENTAL PERSONALITY TYPES

Аннотация. В статье описаны типовые черты восприятия проблемных служебно-профессиональных ситуаций принятия решения государственными служащими. В результате констатирующего эксперимента при помощи Методики многопрофильного исследования личности и Метода последовательной динамической оценки выявлены и сопоставлены черты-признаки проблемных ситуаций в восприятии сотрудников-акцентуантов шести личностных типов: возбудимого (Pd), педантичного (Pa), тревожного (Pt), оригинально-замкнутого (Sc), оптимистичного (Ma) и интровертивного (Si). Подтверждена гипотеза о влиянии личностных факторов на восприятие, анализ проблемной ситуации и принятие управленческих решений.

Annotation. The article describes typical features of perception of problematic service and professional situations of decision-making by civil servants. As a result of the ascertaining experiment, using the Methodology of multidisciplinary personality research and the Method of sequential dynamic assessment, the features-signs of problematic situations in the perception of accentuated employees of six personality types were identified and compared: excitable, pedantic, anxious, original-closed, optimistic and introversive. The hypothesis of the influence of personal factors on the perception, analysis of the problem situation and management decision-making is confirmed.

Ключевые слова: проблемная ситуация, принятие решений, акцентуации личности, возбудимый тип, педантичный тип, тревожный тип, оригинально-замкнутый тип, оптимистичный тип, интровертивный тип, восприятие проблемы.

Keywords: problem situation, decision-making, personality accentuation, excitable type, pedantic type, anxious type, original-closed type, optimistic type, introversive type, perception of the problem.

Алгоритмические представления об особенностях восприятия проблемных ситуаций и принятии решений специалистами в сложных профессиональных условиях следует принимать с учетом доминирования в поведении людей их личностных особенностей детерминирующих любые деятельностные проявления и играющие глубинно-значимую роль. Так, например, исследование влияния знаний, опыта работы и личностных качеств руководителей государственных организаций на эффективность управления персоналом и решения ими проблемных организационно-управленческих задач показало, что «в структуре профессионализма госслужащих знания составляют не более 17%, на опыт приходится 43% и 40% - на его личностно-профессиональные качества» [7, С. 208]. Именно поэтому тема анализа проблемных ситуаций и принятия решений популярна в психологической и управленческой науках.

По результатам анализа тематики и содержания публикаций в РГБ наибольшее их количество ориентируется на деятельность персонала в экстремальной (21%), образовательной деятельности (21%) и личностной

девиации (21%). Также высокий рост показателя проблемных ситуаций наблюдается в обстоятельствах управленческой активности (13%).

Анализ публикаций показал, что на восприятие ситуации и принятие решений в целях ее разрешения оказывает активное воздействие личность госслужащего, его психологические особенности, акцентуации характера и личностные аномалии. Так, например, «агрессивность нельзя рассматривать вне контекста особенностей характера человека и направленности его поведенческих реакций на проблемную ситуацию, в которой он придерживается силовых моделей поведения» [2, С. 15] и пр.

Личностные факторы, связанные с индивидуальным восприятием проблемы, проявляются на всех ключевых этапах принятия решений [4]. В восприятии проблемных ситуаций особое место занимают эффект «нерегрессивного прогноза» [5], эвристика доступности [3; 4], инерционный эффект [3], эффект чрезмерной уверенности; эффект «трудности-легкости», феномен диссонанса после трудного решения; эффект поведения, противоречащего отношению [4], эффект «достаточно хорошего, приемлемого решения» [10], эффект «обрамления» [9] и др.

Наше исследование было направлено на выяснение степени влияния психологических особенностей посредством связи личностных акцентуаций госслужащих на процессы анализа управленческих проблем и принятие решения в служебно-профессиональных ситуациях. То есть, предметом исследования являлась связь особенностей характера (по типам акцентуаций) и особенностей анализа проблемных ситуаций при принятии управленческих решений.

В проведенном нами констатирующем психологическом эксперименте приняли участие 153 сотрудника правоохранительных органов. Характеристика выборки: возраст - 29,9 лет, общий стаж службы - 7,4 лет; по полу: 83,6% - мужчины; по образованию: 75,4% - высшее; 24,6% - среднее специальное образование. Исследование проводилось в семи регионах, представители которых по численности распределились следующим образом: Краснодарский край (15,1%); Орловская обл. (15,1%); Московская обл. (31,2%); Красноярский край (10,2%); Кировская обл. (10,2%); Ивановская обл. (9,1%); г. Москва (9,1%).

Выявление психологических особенностей сотрудников в виде их акцентуированных черт характера осуществлялось при помощи Методики многопрофильного исследования личности (ММИЛ) [1]. В качестве инструмента оценки психологических переменных в процессе анализа проблемной ситуации и принятия решения сотрудниками использовался модифицированный Метод последовательной динамической оценки (МПДО) Б.Я. Шведина [8], который ранее был апробирован в различных условиях организационно-управленческой реальности [6].

Обсуждение результатов. Корреляционный анализ показал, что на статистически значимом уровне ($p \leq 0,05$) можно утверждать, что люди, с выраженными чертами по шести шкалам ММИЛ - Pd, Pa, Pt, Sc, Ma, Si

воспринимают проблемные служебно-профессиональные ситуации принятия решения своеобразно. По расчетам сопряженность восприятия номинальных признаков проблемных ситуаций сопоставима у импульсивного и тревожного, оптимистичного и оригинально-замкнутого типов. На выявленные особо контрастирующие типы личности составлены краткие характеристики.

Представители возбудимого типа (Pd) воспринимают проблемную ситуацию принятия решения как среднесрочную, длящуюся от 10 часов до суток, притом, что подобные ситуации возникают довольно часто. Они воспринимают опасность возникшей проблемной ситуации на среднем уровне. Также воспринимаются уровень монотонии и загазованности. Не влияет, по их мнению, на качество решения проблемы профессиональная компетентность. Не имеет значения степень риска в принятии решения и длительность ситуации. Отсутствует чувство дефицита времени: все идет нормально, в обычном ритме. Однако периодически появляется предчувствие невыполнения задачи из-за слабой подготовки персонала. В любом случае, сотрудники с личностной акцентуацией возбудимого типа в высокой степени удовлетворены успешным разрешением проблемной ситуации.

Педанты (Pa) в отличие от других типов воспринимают проблемную ситуацию принятия решения как ситуацию среднего уровня опасности, вибрации. Для них значим уровень загазованности окружающей среды. Коммуникация в процессе принятия решения, в которой члены группы вырабатывают решение, но отказываются от него под влиянием лидера, оценивается как высоко мотивированная, где ощущается настроенность членов группы на выполнение профессиональной задачи. В их восприятии проблемная ситуация имеет небольшую продолжительность (менее часа), но они испытывают дефицит времени, которое летит быстро и его катастрофически не хватает. При этом оценка решения проблемы положительная, хотя задача выполняется с коррекцией, а при неуспехе обвиняются непредвиденные обстоятельства (импунитивная реакция). Проявляется средняя степень трудности исполнения, реализации принятого решения при среднем же уровне физической усталости.

Сотрудники с выраженной личностной тревожностью (Pt) указывают, что в проблемной ситуации чаще всего рискуют своим здоровьем и благополучием. Не отмечается влияние внешних условий на оптимизацию принятия решения (температуры, загазованности). Персонал сам вырабатывает решение, но отказывается от него под давлением лидера. Для адекватного решения проблемы достаточен средний уровень профессионализма, сплоченности и слаженности, дисциплины и исполнительности, мотивированности, настроенности членов группы на выполнение профессиональной задачи. Психическое состояние не влияет на анализ проблемы. Достаточно среднего уровня рискованности действий, умения мотивировать коллег, обеспечивать совместную, слаженную работу.

Это обеспечивает среднюю степень трудности исполнения задачи, удовлетворенности персонала и самого сотрудника.

Представители оригинально-замкнутого типа (Sc) воспринимают проблемную ситуацию принятия решения как ситуацию с малым объемом информации, при риске собственной жизни или своим благополучием, как ситуацию в условиях средней опасности, безразличия к внешним условиям: температурному режиму, вибрации и загазованности. Разрешение проблемной ситуации в их представлении предполагает высокий уровень сплоченности и слаженности действий персонала, дисциплинированности и исполнительности, мотивации и настроенности людей на выполнение профессиональной задачи. Личные ресурсы в процессе разрешения проблемных ситуаций «замкнутого типа» окрашены сомнением, опасением, осторожностью, средним уровнем риска, высокой степенью ориентации персонала в нестандартных ситуациях, мотивацией коллег в обеспечении совместной, слаженной работы и оперативностью принятия решения. У них отсутствует чувство дефицита времени. Они не обвиняют в срыве разрешения проблемной ситуации исполнителей. Наиболее трудным для них является анализ задачи, а сам процесс решения не сопровождается умственным напряжением и усталостью.

Оптимистичные личности (Ma) воспринимают эргономические условия проблемной ситуации принятия решения: по уровню вибрации - как низкий, монотонии – как средний, а загазованности – как высокий. В отличие от представителей иных личностных типов они воспринимают проблемную ситуацию, в которой члены группы вырабатывают решение, но чаще отказываются от него под влиянием лидера, как служебно-коммуникативную ситуацию с высоким уровнем сплоченности, слаженности коллектива, мотивации и настроенности на выполнение профессиональных задач. *Оптимисты* воспринимают проблемную ситуацию принятия решения как неопределенную со средним риском, оптимальной ориентацией в сложных ситуациях, отсутствием дефицита времени в процессе принятия решения (все идет нормально, в обычном ритме). Однако периодически возникает ощущение опасения невыполнения задачи при обвинении за это исполнителей (коллег, подчиненных) при средней трудности ее реализации.

Интроверты (Si) указывают, что проблемная ситуация по их ощущениям может длиться от 1 до 9 часов при среднем объеме информации. Встречаются такие проблемные ситуации довольно часто, и рискует лидер, прежде всего, невыполнением задачи. Интроверты воспринимают проблемные обстоятельства средне опасными при низком уровне монотонии и высокой степени загазованности среды. Они считают, что группа вырабатывает пути решения проблемы, и как правило, отказывается от него под влиянием лидера. Для разрешения проблемной ситуации, по мнению интровертов, достаточен средний уровень профессионализма. Интроверты указывают, что проблемная ситуация имеет

среднюю степень трудности исполнения при среднем уровне умственной и физической нагрузки и высокой степени удовлетворенности результатом.

Психологические личностные факторы, настроения, эмоции, симпатии, желания активно влияют на процесс анализа проблемных ситуаций и принятие решений госслужащими. Они действуют как на уровне индивида, так и группы. Личностные факторы характеризуются особенностями индивидуального восприятия проблем, влиянием стереотипов в оценке людей и ситуаций. Особенность восприятия и разрешения проблемной ситуации напрямую связано с особенностями лиц, принимающих решение.

Список литературы:

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многопрофильного исследования личности (в клинической медицине и психогигиене). М.: Медицина, 1976. 186 с.
2. Гуляева К.Ю. Психологические средства коррекции агрессивности личности: автореферат дис. ... кандидата психол. наук: 19.00.01 Новосибирск: НГПУ, 2008. 23 с.
3. Карпов А.В. Психология менеджмента: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Гардарики, 2006. 582 с.
4. Кулагин О.А. Принятие решений в организациях. СПб.: Изд. дом «Сентябрь», 2001. 148 с.
5. Плаус С. Психология оценки и принятия решений / Перевод с англ. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1998. 368 с.
6. Потапова Л.Н., Гнездилов Г.В. Влияние личностных особенностей руководителя на эффективность управленческой деятельности // Перспективные направления развития психологической науки в СГА: Научные труды СГА. М.: Изд-во СГУ, 2008. С.33-49.
7. Семенова Т.В. Психологическое сопровождение управленческой деятельности руководителей разных уровней // Сб. статей и тезисов к докладам. IV Научно-практическая конференция психологов таможенных органов РФ 27.09-1.10.2010 г., Часть II / Под общ.ред. П.Н.Балыкова, Л.Н.Блохиной. М.: Изд-во ЦБТ ФТС РФ, 2010. С.107-126.
8. Шведин Б.Я. Человеческий фактор в управлении войсками: проблемы и поиски. Учебное пособие. М.: ВПА, 1989. 52 с.
9. March J.A primer on decision-making. N.Y., 1994.
10. Simon H. Administrative behavior: a study of decision-making processes in administrative organization. N.Y., 1976.

References:

1. Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Rozhanec R.V. Metodika mnogoprofil'nogo issledovaniya lichnosti (v klinicheskoy medicine i psihogigiene). M.: Medicina, 1976. 186 p.
2. Gulyaeva K.YU. Psihologicheskie sredstva korrekcii agresivnosti lichnosti: avtoreferat dis. ... kandidata psihol. nauk: 19.00.01. Novosibirsk: NGPU, 2008. 23 p.
3. Karpov A.V. Psihologiya menedzhmenta: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: Gardariki, 2006. 582 p.
4. Kulagin O.A. Prinyatie reshenij v organizacijah. SPb.: Izd. dom «Sentyabr'», 2001. 148 p.
5. Plaus S. Psihologiya ocenki i prinyatiya reshenij / Perevod s angl. M.: Informacionno-izdatel'skij dom «Filin'», 1998. 368 p.
6. Potapova L.N., Gnezdilov G.V. Vliyanie lichnostnyh osobennostej rukovoditelya na effektivnost' upravlencheskoj deyatel'nosti // Perspektivnye napravleniya razvitiya psihologicheskoy nauki v SGA: Nauchnye trudy SGA. M.: Izd-vo SGU, 2008. Pp.33-49.

7. Semenova T.V. Psihologicheskoe soprovozhdenie upravlencheskoj deyatelnosti rukovoditelej raznyh urovnej // Sb. statej i tezisov k dokladam. IV Nauchno-prakticheskaya konferenciya psihologov tamozhennyh organov RF 27.09-1.10.2010 g., CHast' II / Pod obshch.red. P.N.Balykova, L.N.Blohinov. M.: Izd-vo CBT FTS RF, 2010. Pp. 107-126.

8. SHvedin B.YA. SHelovecheskij faktor v upravlenii vojskami: problemy i poiski. Uchebnoe posobie. M.: VPA, 1989. 52 p.

9. March J. A primer on decision-making. N.Y., 1994.

10. Simon H. Administrative behavior: a study of decision-making processes in administrative organization. N.Y., 1976.

Петров Владислав Евгеньевич

заведующий кафедрой общей и организационной психологии Института экономики и культуры, доцент кафедры психологии Военного университета Минобороны России, г. Москва, Россия, кандидат психологических наук, доцент

e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Petrov Vladislav Evgenyevich

Head of the Department of General and Organizational Psychology of the Institute of Economics and Culture, associate Professor of the Department of psychology of the Military University of the Ministry of defense of Russia, Moscow, Russia, Ph.D., associate professor

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА СКЛОННОСТИ
СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ ВЕДОМСТВ К ЭЙДЖИЗМУ**

**PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS OF THE PROPENSITY OF LAW
ENFORCEMENT OFFICERS TO AGEISM**

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы диагностики склонности сотрудников силовых ведомств к эйджизму. Презентуется авторская методика оценки склонности личности к возрастной дискриминации, приводятся её некоторые психометрические характеристики, а также экранные формы автоматизированной версии опросника. В исследовании приняло участие 213 военнослужащих. Инновационная разработка направлена на совершенствование психодиагностической и психопрофилактической работы с личным составом силовых ведомств.

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of diagnosing the propensity of law enforcement officers to ageism. The author's methodology for assessing the propensity of a person to age discrimination is presented, some more psychometric characteristics are given, as well as screen forms of an automated version of the questionnaire. 213 military personnel took part in the study. The innovative development is aimed at improving psychodiagnostic and psychoprophylactic work with the personnel of law enforcement agencies.

Ключевые слова: эйджизм, возрастная дискриминация, психологическая диагностика, самоутверждение, склонность к эйджизму, девиация поведения.

Keywords: ageism, age discrimination, psychological diagnosis, self-affirmation, tendency to ageism, deviation of behavior.

Современная психодиагностика охватывает различные сферы психических явлений, стремясь отвечать на актуальные запросы теории, методологии и практики. Не остаются без внимания попытки не только объяснить новые психологические феномены, но и предложить соответствующий исследовательский инструментарий. Так, например, многие формы девиантного поведения людей (прокрастинация, моббинг, нарушения служебной дисциплины, игромания и др.) имеют диагностические средства оценивания. Тем не менее, современная практика работы с персоналом (в частности с личным составом силовых ведомств) сталкивается с новыми вызовами. Одним из них можно по праву считать возрастную дискриминацию или геронтологический эйджизм [1, 2, 3 и др.]. Действительно, эйджизм как одна из латентных форм дискриминационного поведения и установок по отношению людям на основе возрастного критерия связан с принижением личного достоинства, заслуг, перспектив и т.п., с ограничением прав и свобод окружающих. При относительной проработанности проблематики возрастной дискриминации, продуктивных диагностических методик заявленного феномена мы не находим. На необходимость разработки специализированного диагностического инструментария указывается в ряде публикаций, например, М. Ю. Уваровой и Е.А. Кедяровой [6], А. В. Микляевой [4] и др. Проблемным выступают ограниченные возможности методик диагностики, применяемых в работе с представителями профессий особого риска [5]. Именно подобный запрос прикладной психологии инициировал проведение соответствующего научного исследования.

В 2020-2021 гг. на базе Военного университета Минобороны России осуществлена разработка и проведена верификация психодиагностической методики – «Опросник оценки склонности к эйджизму». В результате экспресс-исследования (213 чел.) были определены ключевые элементы диагностического инструментария – описание, стимульный материал мощностью 70 утверждений и регистрационный бланк опросника, таблица ключей, детализация диагностических шкал, нормативные данные, а также порядок интерпретации полученных данных. В целях обеспечения удобства практического применения диагностической методики опросник был реализован на базе платформы автоматизированное рабочее место – АРМ «Психотест». Версия обладает экологичным пользовательским интерфейсом программного продукта, надёжностью и высокой точностью психометрического измерения. Экспорт результатов в стандартные продукты Word и Excel позволяет адаптировать получаемые данные под любые запросы практического психолога.

Измерительная парадигма состоит в оценке личностью поведения людей различных возрастов, эмоционального отношения к ним, привлекательности и возможностей выраженности стереотипов возрастного восприятия, а также стремления к самоутверждению за счёт окружающих и т.п. Продолжительность психодиагностического обследования в бланковой

форме составляет – 7,2 минуты, в автоматизированной форме – 6,5 минут (время не ограничивается). Приведём пример стимульного материала опросника: 1) Учёные справедливо считают, что продуктивность работы снижается с возрастом. 2) Считаю оскорбительным высказывание: «Вы слишком молоды для этого...». 3) Люди пожилого возраста заслуживают тех же прав и свобод, что и остальные члены общества. 4) Мода не имеет возрастных рамок. 5) Молодые сотрудники склонны больше мечтать, чем создавать. 6) Возрастные сотрудники часто доставляют членам коллектива одни неудобства. 7) По моему мнению, справедливо ограничивать возможности карьерного роста молодым сотрудникам. 8) В современных условиях человеку в возрасте после 45 лет сложно найти работу.

Психологическое измерение осуществляется на основе следующих шкал: 1) интегральная характеристика «Возрастная толерантность – склонность к эйджизму» (Ag); 2) парциальная характеристика «Предвзятое отношение к пожилым людям» (эйджизм в отношении пожилых; Ao); 3) парциальная характеристика «Предвзятое отношение к молодым людям» (Ay). Для контроля достоверности проведённого психологического обследования введена специальная шкала валидности (Vl).

Первичные баллы переводятся во вторичные показатели – стени – согласно разработанных (универсальных) нормативных значений: Ag ($X_{cp} = 27,667$; $\sigma = 6,088$), Ao ($X_{cp} = 14,001$; $\sigma = 3,578$), Ay ($X_{cp} = 7,502$; $\sigma = 3,987$), Vl ($X_{cp} = 9,987$; $\sigma = 1,549$). В результате научного исследования было обосновано применение адаптивных норм, а именно: степень выраженности эйджизма во многом зависит от возраста испытуемого. Возрастные индивиды несколько критично относятся к молодежи и наоборот – молодые люди часто скептически воспринимают возможности представителей старшего поколения. Указанная тенденция отмечена у лиц возрастных категорий «35 лет и младше» и «45 лет и старше»; в диапазоне 35-45 лет нормативные значения близки к универсальным.

Пример интерпретации шкалы Ag в стен-баллах:

1 стен. Индивид категорически не приемлет дискриминацию людей из-за возрастных различий. Всегда спокойно, лояльно и конструктивно взаимодействует с представителями любого возраста. Активно противодействует различным формам проявления эйджизма и соответствующим социальным стереотипам.

2 стен. Индивид не склонен дискриминировать людей по возрасту. Если кто-то иногда проявляет неприязнь в отношении поведения детей или пожилых, то индивид предпринимает попытки исправить ситуацию, встаёт на защиту притеснённых, эмоционально поддерживает их.

3 стен. Индивид толерантен к поведению представителей различных возрастных групп, тактичен в общении с ними, демонстрирует положительные эмоции в их присутствии.

4-7 стен. В целом, индивиду свойственно позитивное отношение к представителям разных возрастных групп. Как правило, ведёт себя вполне

тактично, не ущемляет права окружающих, не допускает нелестных высказываний или грубых упрёков, уничижительного тона. В отдельных случаях может допускать неравенство и испытывать неприязнь к людям старшего или младшего возраста (например, не понимать окружающих, дискомфортно чувствовать себя в их присутствии и т.п.).

8 стенограмма. Индивид испытывает некоторый психологический дискомфорт при общении с представителями определённых возрастных групп, предполагая неравенство возможностей и принижая их потенциал. Во многих ситуациях ему проблематично организовать конструктивное взаимодействие с окружающими. В его поведении проявляется стремление самоутвердиться за их счёт. У него может быть снижена самооценка, а дискуссии о возрасте могут вызывать внутреннюю напряжённость и чувство неполноценности.

9 стенограмма. Индивид ориентирован дискриминировать людей из-за возрастных различий. Унижает в различных формах или игнорирует тех, кто не соответствует его возрастным критериям. Предполагает неравенство людей. Может испытывать чувство ненависти к себе или окружающим.

10 стенограмма. Индивид – ярко выраженный эйджист: постоянно дискриминирует (в т.ч. унижает, притесняет или оскорбляет) людей по возрастному критерию, придерживаясь соответствующих стереотипов, стремится самоутвердиться за счёт окружающих.

Научно познавательными оказались частные результаты исследования. Так, в выборке 213 человек при равном удельном весе лиц в каждой из возрастных категорий (до 25 лет, 26-35 лет, 36-45 лет, 46 лет и старше) в 1 подгруппе (до 25 лет) тенденция «Предвзятое отношение к пожилым людям» встречалась 14 % случаев, в то время как в иных подгруппах она была выражена на уровне 6,2-7,5 %. Аналогичные значения показателя «Предвзятое отношение к молодым людям» (подгруппы 1, 2, 3 и 4): 8, 7,3, 10,7 и 15,9 %, соответственно. Результаты исследования могут свидетельствовать о тенденции среди военнослужащих дискриминации молодых коллег.

В настоящее время проводится масштабное психометрическое исследование – оценка валидности и надёжности методики, селективности диагностических шкал, дискриминативности отдельных пунктов стимульного материала, а также апробация программного обеспечения.

Представленный подход позволяет предложить практическим психологам инновационный измерительный инструмент такого относительно нового явления как эйджизм. Средства автоматизации делают психологическое тестирование технологичным, удобным и перспективным. В целом разработка направлена на совершенствование психодиагностической и психопрофилактической работы с личным составом профессий особого риска.

Список литературы:

1. Бояринова И.В. Анализ современного состояния исследования геронтологического эйджизма как социальной проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 25-27.
2. Гудзовская А.А. Социально-психологические факторы геронтологического эйджизма // Социальные явления. 2018. № 2 (9). С. 49-55.
3. Колпина Л.В. Эйджизм и его последствия // Медицинская сестра. 2017. № 5. С. 37-39.
4. Микляева А.В. Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-issledovaniya-eydzhizma-zarubezhnyu-opyt> (дата обращения: 20.08.2021).
5. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 375 с.
6. Уварова М.Ю., Кедярова Е.А. К проблеме изучения проявлений геронтологического эйджизма в современном обществе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2015. № 14. С. 67-74.

References:

1. Boyarinova I.V. Analiz sovremennogo sostoyaniya issledovaniya gerontologicheskogo ejdzhizma kak social'noj problemy // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. № 4. Pp. 25-27.
2. Gudzovskaya A.A. Social'no-psihologicheskie faktory gerontologi-cheskogo ejdzhizma // Social'nye yavleniya. 2018. № 2 (9). Pp. 49-55.
3. Kolpina L.V. Ejdzhizm i ego posledstviya // Medicinskaya sestra. 2017. № 5. Pp. 37-39.
4. Miklyaeva A.V. Metody issledovaniya ejdzhizma: zarubezhnyj opyt // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. 2009. № 100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-issledovaniya-eydzhizma-zarubezhnyu-opyt> (data obrashcheniya: 20.08.2021).
5. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A. V. Kokurin [i dr.] ; pod obshchej red. A. V. Kokurina, V. E. Petrova, V. I. Ekimovoj, V. M. Pozdnyakova. – M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. – 375 p.
6. Uvarova M.YU., Kedyarova E.A. K probleme izucheniya proyavlenij gerontologicheskogo ejdzhizma v sovremennom obshchestve // Izvestiya Irkut-skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya. 2015. № 14. Pp. 67-74.

Сергоручная Полина Максимовна

студентка факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: polly140899@gmail.com

Sergoruchnaya Polina Maksimovna

student of the Faculty of Extreme Psychology, Moscow
State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ЮНОШЕЙ К УСЛОВИЯМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО ПРИЗЫВУ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF ADAPTATION OF YOUNG MEN TO THE CONDITIONS OF MILITARY SERVICE ON CONSCRIPTION

Аннотация. В статье выполнен обзор существующих научных исследований по проблеме адаптации юношей к службе по призыву. Определены характерные особенности адаптации как отдельного психологического феномена, охарактеризованы специфические особенности адаптации в контексте возрастного развития и военной службы. Также выполнен анализ подходов к социально-психологическим факторам адаптации юношей к условиям военной службы.

Abstract. The article provides an overview of existing scientific research on the problem of adaptation of young men to conscript service. The characteristic features of adaptation as a separate psychological phenomenon are determined, the specific features of adaptation in the context of age-related development and military service are characterized. Also, the analysis of approaches to the socio-psychological factors of adaptation of young men to the conditions of military service has been carried out.

Ключевые слова: военная служба, призывники, социально-психологическая адаптация, факторы адаптации, адаптивность.

Key words: military service, conscripts, socio-psychological adaptation, factors of adaptation, adaptability.

Последнее десятилетие ознаменовалось множеством серьезных перемен в Вооруженных Силах Российской Федерации. Современная военная политика направлена на сдерживание военных конфликтов, совершенствование форм и способов применения ВС РФ для обеспечения безопасности и обороны страны. Определяющее значение в решении данных проблем имеет профессионализм военнослужащих. Происходящие в настоящее время изменения обуславливают значимость обращения к вопросам адаптации военнослужащих к службе по призыву ввиду того, что от успешности процесса адаптации зависит не только психологическое здоровье каждого военнослужащего, но и эффективность решения служебных задач, а также общая эффективность военной службы. Адаптация к военной службе зачастую носит противоречивый, конфликтный характер, в связи с чем одна из наиболее значимых задач специалистов и офицерского состава заключается в обеспечении адекватных условий для эффективной адаптации военнослужащих к военной службе по призыву [7].

Сокращение сроков службы в Вооруженных Силах обуславливает повышение требований к обеспечению адаптации со стороны офицерского и сержантского состава. Ориентация руководящего состава на учет личностных особенностей военнослужащих по призыву обуславливает необходимость поиска индивидуальных моделей военно-профессиональной адаптации. Можно говорить о наличии целого ряда противоречий между:

– расширением требований к уровню профессиональной подготовленности военнослужащих и не проработанностью теоретических

и практических основ для обеспечения успешной профессиональной адаптации;

– наличием общих теоретических подходов к процессу адаптации и отсутствием однозначных моделей адаптации к военной службе по призыву;

– необходимостью обеспечения условий для успешной и эффективной профессиональной адаптации и отсутствием научно обоснованных рекомендаций по психолого-педагогическому обеспечению данного процесса.

Таким образом, обозначенные выше противоречия позволяют сформулировать научную проблему данной статьи – каковы особенности адаптации военнослужащих по призыву и каковы социально-психологические факторы успешности адаптации.

Наиболее часто адаптацию рассматривают как процесс приспособления человека к новой среде и новым условиям деятельности. Соответственно, в таком смысле адаптация отражает особое соотношение личности и социальной среды [9].

По мнению Ю.А. Александровского, адаптацию необходимо рассматривать как выражение интегративной деятельности биологических и социально-психологических систем, которые формируют функциональные возможности личностного барьера психической адаптации. Дезадаптация, выступая как процесс противоположный адаптации, предполагает не просто дезорганизацию в функционировании отдельной подсистемы, а может рассматриваться как нарушение всей системы адаптации в целом [1].

Согласно С.Т. Посоховой, способность человека адаптироваться к социальной среде определяется адаптационным потенциалом личности, [3]. Адаптационный потенциал включает в себя биологические, психические, а также социально-психологические свойства и особенности личности, направленные на актуализацию поведенческих стратегий и стратегий регулирования активности.

Специфика военной службе заключается в том, что ее субъекты находятся в напряженных условиях деятельности, которые обуславливаются необходимостью выполнением поставленных командованием задач в краткий период времени, несмотря на обстоятельства, внешние и внутренние условия.

В качестве наиболее часто встречающихся категорий при анализе социально-психологической адаптации можно рассматривать характер изменения жизнедеятельности и межличностных отношений, изменение характера личностно-средовых отношений, степень усвоения социальных норм, сформированных коммуникативных и поведенческих установок, а также особенности отношения к изменениям деятельности.

Характеризуя особенности социально-психологической адаптации военнослужащих к службе по призыву, можно отметить такие его основные составляющие: нервно-психическую устойчивость, поведенческую

регуляцию, коммуникативные способности, а также моральную нормативность [4].

М.В. Чихаев выделяет ряд объективных критериев социально-психологической адаптации: учебная адаптированность, служебно-дисциплинарная адаптированность, а также микросоциальная адаптированность. Субъективными критериями являются: удовлетворенность военнослужащих собственным профессиональным и внутри коллективным статусом, позитивное-конструктивное взаимоотношение в коллективе, а также адекватная самооценка при положительном образе «Я» личности [5].

Ю.В. Микрюковым предложена схема социально-психологической адаптации к условиям военной службе, включающая в себя следующие показатели [8]: 1) Адекватность восприятия окружающей действительности и самого себя. 2) Адекватность отношений и общения военнослужащего с другими людьми. 3) Способность военнослужащего к эффективному труду, учебной деятельности, а также организации отдыха и досуга. 4) Способность к самообслуживанию, самоорганизации и совместной деятельности с другими военнослужащими. 5) Вариативность, гибкость поведения призывника в соответствии с возложенными на него обязанностями и ролевыми требованиями.

На значимость норм воинского коллектива как фактора социально-психологической адаптации указывал П.А. Корчемный [3] помимо данного фактора адаптации внимание уделяет также влиянию психологического возраста военнослужащего. По мнению И.В. Приступы, низкий уровень психологической зрелости военнослужащего обуславливает склонность к негативному восприятию себя и других людей, конформность, сниженный уровень контроля собственного поведения [9]. Психическая незрелость может способствовать возникновению конфликтов, нарушениям воинской дисциплины, правопорядка и обуславливать суицидальное поведение. Также отмечается уровень образования призывниках, особенности его родительской семьи и семейной ситуации, тип этнической идентичности [2].

Результатом социально-психологической адаптации военнослужащих может рассматриваться личностно-средовая приспособленность к условиям воинской службы. Результатом процесса успешной адаптации выступает адаптированность личности, которая может иметь три отдельных типа. Формирование внутренней адаптированности сопровождается содержательной перестройкой внутренних личностных и функциональных структур военнослужащего. Поведенческая (внешняя) адаптированность характеризуется отсутствием выраженной внутриличностной перестройки и проявляется в фактическом приспособлении военнослужащего к условиям службы. Смешанный тип адаптации характеризуется подстраиванием личностных особенностей под требования военной службы и поведенческое приспособление. Полная социально-психологическая адаптированность выражается в соответствии его поведения заданным условиям внутренней службы, успешности учебно-профессиональной деятельности в различных условиях [5, 7, 10, 11 и др.].

На основании анализа публикаций можно заключить, что адаптация юношей к условиям военной службы по призыву может рассматриваться как система освоения ими новых социальных ролей и приобретение социально-психологического опыта, задаваемых спецификой и структурой службы, служебного функционирования с особенностями личностных и профессиональных отношений. Система социально-психологических факторов адаптации к условиям военной службы сложна и многоаспектна, можно выделить факторы, которые относятся к личности самого субъекта и, прежде всего, все те особенности, которые характеризуют военнослужащего как субъекта, а также факторы, имеющие внешний характер по отношению к субъекту. В данном случае речь идет о средовых факторах военной службы, особенностях взаимоотношений с военным коллективом.

Список литературы:

1. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства. Руководство для врачей. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2007. 496 с.
2. Барышев А.В. Проблема адаптации военнослужащих по призыву к службе в Вооруженных Силах: социальный и медико-биологический аспекты / А.В. Барышев, Н.П. Петрушкина, В.В. Ширшиков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 4 (104). С. 82-83.
3. Военная психология: методология, теория, практика / П.А. Корчемный и др.: уч. пос. М.: Воениздат, 2010. 340 с.
4. Ильинский С.В. Особенности адаптации к условиям военной службы по призыву юношей-спортсменов // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2010. № 2 (8). С. 69.
5. Катуннова В.В. Современные подходы к проблеме социально-психологической адаптации призывников к военной службе // Военный академический журнал. 2018. № 3(19). С. 110-118.
6. Леопа А.П. Профессиональная адаптация военнослужащих по призыву в воинских частях и подразделениях Воздушно-космических сил Вооруженных сил России: монография / А.П. Леопа, В.А. Корытков. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 254 с.
7. Луняка А.Н. Социальное самоопределение курсантов военного института как фактор социально-психологической адаптации // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 3 (83). С. 80-84.
8. Микрюков Ю.В. Факторы, влияющие на нарушение процессов адаптации курсантов первого года обучения // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 1 (41). С. 128-135.
9. Неронова О.Э. Специфика адаптации военнослужащих к службе в армии // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. № 3-2. С. 58-59.
10. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
11. Сечко А.В. "Профессиональное выгорание" в офицерских профессиях // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2006. № 3(105). С. 106-108.

References:

1. Aleksandrovskij YU.A. Pogranichnye psihicheskie rasstrojstva. Rukovodstvo dlya vrachej. M.: GEOTAR-MED, 2007. 496 p.
2. Baryshev A.V. Problema adaptacii voennosluzhashchih po prizyvu k sluzhbe v Vooruzhennyh Silah: social'nyj i mediko-biologicheskij aspekty / A.V. Baryshev,

N.P. Petrushkina, V.V. SHirshikov // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 4 (104). Pp. 82-83.

3. Voennaya psihologiya: metodologiya, teoriya, praktika / P.A. Korchemnyj i dr.: uch. pos. M.: Voenizdat, 2010. 340 p.

4. Il'inskij S.V. Osobennosti adaptacii k usloviyam voennoj sluzhby po prizyvu yunoshej-sportsmenov // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. 2010. № 2 (8). P. 69.

5. Katunova V.V. Sovremennye podhody k probleme social'no-psihologicheskoy adaptacii prizyvnikov k voennoj sluzhbe // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2018. № 3 (19). Pp. 110-118.

6. Leopa A.P. Professional'naya adaptaciya voennosluzhashchih po prizyvu v voinskih chastyah i podrazdeleniyah Vozdushno-kosmicheskikh sil Vooruzhennykh sil Rossii: monografiya / A.P. Leopa, V.A. Korytkov. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2016. 254 p.

7. Lunyaka A.N. Social'noe samoopredelenie kursantov voennogo instituta kak faktor social'no-psihologicheskoy adaptacii // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2021. № 3 (83). Pp. 80-84.

8. Mikryukov YU.V. Faktory, vliyayushchie na narushenie processov adaptacii kursantov pervogo goda obucheniya // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2021. № 1(41). Pp. 128-135.

9. Neronova O.E. Specifika adaptacii voennosluzhashchih k sluzhbe v armii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2014. № 3-2. Pp. 58-59.

10. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A.V. Kokurin [i dr.]; pod obshej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.

11. Sechko A.V. "Professional'noe vygoranie" v officerskikh professiyah // Pravo v Vooruzhennykh Silah. Voенно-pravovoe obozrenie. 2006. № 3 (105). Pp. 106-108.

Сечко Александр Владимирович

доцент Факультета «Экстремальная психология»,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
кандидат психологических наук
e-mail: setschko@yandex.ru

Sechko Alexander Vladimirovich

Associate Professor of the Faculty of Extreme
Psychology, Moscow State University of Psychology and
Education, Moscow, Russia
Candidate of Psychological Sciences

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕВЕНЦИИ СИНДРОМА ВЫГОРАНИЯ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ
PROBLEMS OF PREVENTION OF BURN OUT SYNDROME IN THE
EDUCATIONAL ENVIRONMENT**

Аннотация. В статье резюмировано современное понимание сущности и содержания синдрома профессионального выгорания. Представленная мотивационная модель объясняет содержание работы по превенции синдрома у работников образовательных учреждений.

Abstract. The article summarizes the modern understanding of the essence and content of professional burnout syndrome. The presented motivational model explains the content of the work on the prevention of the syndrome in employees of educational institutions.

Ключевые слова: синдром профессионального выгорания, вовлеченность, преподаватели, учебный процесс, организационные условия.

Keywords: professional burnout syndrome, involvement, teachers, educational process, organizational conditions.

В ходе многолетних дискуссий в мировой психологии пришли к консенсусу в понимании сущности синдрома выгорания и его структуры [1; 4; 6]. Не вдаваясь в историю вопроса, отметим, что он включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (профессиональный цинизм) и редукцию профессиональных достижений:

- Эмоциональное истощение – проявляется в ощущениях эмоционального перенапряжения и в чувстве опустошенности, истощенности собственных эмоциональных ресурсов;

- Деперсонализация, снятие с себя ответственности за результаты своего труда. В последнее время пришли к расширенному пониманию ее содержания, что привело к обозначению «профессиональный цинизм [1].

- Редукция личностных достижений – проявляется в снижении чувства компетентности в своей работе, недовольстве собой, негативном самовосприятии качества и результатов своей деятельности [1].

Наиболее актуальным вопросом в настоящее время является понимание возможностей по превенции и купированию проявлений синдрома выгорания. В этой части важны идеи С. Maslach и М.Р. Leiter, определивших обоснование и развитие концепции вовлеченности как антитезы к профессиональному выгоранию. Авторами был выдвинут термин «увлеченность работой», который характеризовался прямо противоположными профессиональному выгоранию составляющими: энергичностью, включенностью в работу, профессиональной эффективностью [9]. По словам К. Маслач энергичность, вовлеченность и эффективность это основные составляющие вовлеченности, которые противоположны выгоранию. Именно выгорание является основным источником разрушения вовлеченности в работу, который превращает энергичность в истощение, вовлеченность в цинизм, а эффективность в безрезультативность. В 2001 году Шауфели дал четкое определение, в котором охарактеризовал вовлеченность в работу как позитивное, аффективно-мотивационное состояние, связанное с эффективностью работы, которое может рассматриваться как противоположное выгоранию. Феномен вовлеченности в работу содержит три компонента: энергичность, включенность и профессиональную эффективность [5].

Развивая идеи С. Maslach и М.Р. Leiter, нами обоснована мотивационная модель профессионального выгорания [4; 8]. В качестве системообразующего рассматривается механизм удовлетворения / неудовлетворения иерархически структурированных потребностей и связанных с ними интересов. Если рассматривать это на примере педагога, то можно утверждать, что личность любого педагога уникальна.

Особенности нервной системы, характерологические черты позволяют с различной степенью эффективности преодолевать профессиональные стрессоры, которые имеют различную этиологию. Это: социальные: статус учителя, преподавателя в обществе, престиж профессиональной деятельности, система оплаты труда и льгот; социально-психологические: сложившийся характер отношений в коллективе, особенности поведения лидеров, референтные группы, стиль руководства; организационные условия: характер решаемых задач, качество планирования и организации деятельности, количество организационных изменений и инноваций.

Каждый педагог хотел бы иметь приятный коллектив, хорошие условия труда, помещение с комфортным микроклиматом, возможностью удовлетворения гигиенических потребностей, достойным вознаграждением за свой труд (деньги, награды, льготы и т.д.).

Погружаясь в профессиональную деятельность, педагог имеет субъективные ожидания по поводу удовлетворения вышеописанных потребностей и связанных с ними интересами. В ходе ее осуществления оценивается степень достижения этих целей. Важнейшим ориентиром этого оценивания является субъективное сравнение вклада, затраченных усилий и отдача, которую получает педагог в виде внешних и внутренних ресурсов: материальная составляющая, оценка деятельности руководством и коллегами, отношение учеников, содержание деятельности. При этом адекватность получаемых ресурсов, зарплаты, льгот, наград, премий, разного вида поощрения руководства подлежат на основе оценки своего вклада и оценки деятельности своих коллег и окружения с точки зрения социальной справедливости. В ходе этой субъективной оценки происходит констатация факта удовлетворенности или неудовлетворенности личности результатами профессиональной деятельности, степени реализации обозначенных целей и удовлетворения потребностей личности.

В случае удовлетворенности потребностей и интересов создаются предпосылки состояния профессиональной вовлеченности, которое характеризуется благоприятным эмоциональным фоном, активностью, жизнерадостностью, эмпатией, чувством включенности в деятельность, ее общественной ценности и самоэффективности. Эти условия способствуют пополнению энергетическими ресурсами, наступает некий гомеостаз. Все, что педагог отдает организации, полностью возвращается. Подобное состояние, с одной стороны оказывает положительное влияние на качество профессиональной деятельности педагога, позволяет осознать свои возможности, перспективы развития и осуществлять дальнейшую деятельность по пути самореализации. С другой стороны, улучшается качество самой деятельности, накладывает положительный отпечаток на характер социально-психологических отношений, в определенной степени и организационные условия в части увеличения лояльности организации и как следствие, снижения текучести кадров и т.д.

В случае неудовлетворения потребностей возникают предпосылки

состояния профессионального выгорания. Ввиду того, что страшны в большей степени такие последствия выгорания, как снижение лояльности, текучесть кадров, снижение производительности и качества труда, руководителям образовательных учреждений и вышестоящих инстанций необходимо обратить внимание на эти психическое явление.

Разработанная нами мотивационная модель обосновывает весь алгоритм деятельности по предупреждению и профилактике профессионального выгорания педагогического состава [8]. В первую очередь, это совершенствование организационных условий деятельности в учебном заведении. Создание условий для раскрытия потенциала личности педагога, реализации его профессиональных и творческих планов, признания его достижений. Положительную роль в профилактике выгорания играют наличие наставничества, планирование карьеры. Важным аспектом работы является определение области ценностей и параметров оценки качества работы с дальнейшим вознаграждением за достигнутые результаты. В организации должна проводиться работа по развитию справедливости и равенства [7].

На современном этапе разработки проблемы сохранения психического здоровья персонала представляется целесообразным не предупреждать и корректировать состояние выгорания, а обеспечивать условия профессиональной вовлеченности через систему психологического просвещения и мониторинга, организационных мероприятий, повышения качества и уровня жизни и т.д.

Задача развития вовлеченности и профилактики выгорания должна решаться на различных уровнях: государственном, ведомственном, организационном, уровне психологической службы.

На государственном уровне необходимо урегулировать процесс финансирования учебных заведений, которое позволит решить социальные проблемы педагогов, обеспечить уровень доходов с точки зрения социальной справедливости и социальной значимости их деятельности, обеспечить рабочую нагрузку на основе научно-обоснованных современных норм.

На ведомственном уровне необходимо обратить внимание на перманентный процесс реформирования, под которым понимается бумаготворчество, подменяющую настоящую творческую работу необходимостью бесконечной переработки разного рода документов, планов, отчетов, число которых растет пропорционально росту возможностей офисной техники.

Становится актуальной проблема защищенности персонала образовательных учреждений. Вызывает сомнение практика административных взысканий и непопулярных решений в отношении преподавателей на основе жалоб.

Необходимо разработать систему, обеспечивающую наличие перспектив карьерного роста персонала, широкой системы поощрений,

почетных и иных званий, должностей, позволяющих изменять статус преподавателя.

На уровне организации (университета, школы, ДОУ) профилактика выгорания методом совершенствования организационной культуры и формирования образовательной среды: корпоративное развитие и сплочение рабочих команд; формирование «здоровой» атмосферы в трудовом коллективе; внедрение института наставничества, профессиональная и административная поддержка не только молодых педагогов на этапе адаптации и первичной профессионализации, но преподавателей, находящихся на более поздних этапах этого процесса [3].

Большое значение в профилактической работе на уровне организации играет оптимальное структурирование работы, оптимизация информационных потоков на различных уровнях взаимодействия персонала. Необходимо равномерно распределять неблагодарную, рутинную, трудную работу среди членов трудового коллектива [4].

Профилактика и коррекция синдрома лежит также в сфере личностного роста и профессиональной самореализации. Это определяет направленность, длительность и репертуар психологических методов воздействия в тренингах и индивидуальном психологическом консультировании лиц, имеющих симптомы выгорания [2].

Таким образом, наступательные, упреждающие действия в значительной степени позволяют не только предупредить развитие синдрома выгорания у педагогов, но и сформировать контрастное состояние с положительной психотонизацией – состояние вовлеченности в педагогический процесс.

Список литературы:

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 336 с.
2. Водопьянова Н.Е. Теория и практика противодействия синдрому выгорания // Выгорание и профессионализация: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Лукьянова, А.Б. Леоновой, А.А. Обознова, А.С. Чернышева, Н.Е. Водопьяновой; Курск. гос. ун-т. Курск, 2013. С. 294-324.
3. Сечко А.В. Профессиональная вовлеченность педагогов в системе психологических взглядов / А.В. Сечко, О.Р. Леонгардт // Психология обучения. 2018. № 5. С. 104-113.
4. Сечко А.В. Профессиональное выгорание летного состава ВВС Российской Федерации: диссертация ... кандидата психологических наук. М., 2006. 201 с.
5. Сечко А.В. "Профессиональное выгорание" в офицерских профессиях // Право в Вооруженных Силах. Военно-правовое обозрение. 2006. № 3(105). С. 106-108.
6. Сечко А.В. Профессиональное выгорание в системе стрессов у авиационных специалистов // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 102-110.
7. Сечко А.В. Психологические аспекты аттестации военнослужащих: Учебно-методическое пособие. М.: Военный университет, 2005. 91 с.
8. Сечко А.В. Психологическая модель профессионального выгорания педагогического состава // Психология обучения. 2017. № 6. С. 86-96.

9. Maslach C., Schaufeli W.B. & Leiter M.P. Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. Pp. 397-422
10. Schaufeli W.B, Bakker A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: A multi-sample study // Journal of organizational Behavior. 2004. 25. Issue 3. Pp. 293-315.

References:

1. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika. 2-e izd. SPb.: Piter, 2008. 336 p.
2. Vodop'yanova N.E. Teoriya i praktika protivodejstviya sindromu vygoraniya //Vygoranie i professionalizaciya: sb. nauch. tr. / pod red. V.V. Luk'yanova, A.B. Leonovoj, A.A. Oboznova, A.S. CHernysheva, N.E. Vodop'yanovoj; Kursk. gos. un-t. – Kursk, 2013. Pp. 294-324.
3. Sechko A.V. Professional'naya vovlechnost' pedagogov v sisteme psihologicheskikh vzglyadov / A.V. Sechko, O.R. Leongardt // Psihologiya obucheniya. 2018. № 5. Pp. 104-113.
4. Sechko A.V. Professional'noe vygoranie letnogo sostava VVS Rossijskoj Federacii: dissertaciya ... kandidata psihologicheskikh nauk. M., 2006. 201 p.
5. Sechko A.V. "Professional'noe vygoranie" v oficerskih professiyah // Pravo v Vooruzhennyh Silah - Voенно-pravovoe obozrenie. 2006. № 3(105). Pp. 106-108.
6. Sechko A.V. Professional'noe vygoranie v sisteme stressov u aviacionnyh specialistov // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2021. T. 10. № 1. Pp. 102-110.
8. Sechko A.V. Psihologicheskie aspekty attestacii voennosluzhashchih : Uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Voennyj universitet, 2005. 9 p.
9. Sechko A.V. Psihologicheskaya model' professional'nogo vygoraniya pedagogicheskogo sostava // Psihologiya obucheniya. 2017. № 6. Pp. 86-96.
10. Maslach C., Schaufeli W.B. & Leiter M.P. Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. Pp. 397-422.
11. Schaufeli W.B, Bakker A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: A multi-sample study // Journal of organizational Behavior. 2004. 25. Issue 3. Pp. 293-315.

Скоробогатова Татьяна Николаевна

магистрант факультета «Экстремальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета

Skorobogatova Tatyana Nikolaevna

Master's Student of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Pedagogy

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОФЕССИЙ ОСОБОГО РИСКА

ON THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF PROFESSIONS OF SPECIAL RISK

Аннотация. В статье проведен обзор реальностей виртуальной (VR) и дополненной (AR) как инновационных технологий, используемых для преодоления

негативных психических состояний и реабилитации сотрудников профессий экстремального профиля, причем в аспектах как восстановления их работоспособности, так и повышения жизнестойкости. Рассматривается влияние VR/AR на когнитивные функции, психическое и эмоциональное состояние сотрудников профессий особого риска. Особое место отведено эффектам присутствия и сжатия времени, реализованным в успешных моделях воплощения VR/AR проектов, основанных на российских и зарубежных исследованиях в сфере digital-технологий.

Annotation. The article provides an overview of the virtual (VR) and augmented (AR) realities as innovative technologies used to overcome negative mental states and rehabilitate employees of professions of an extreme profile, both in aspects of restoring their working capacity and increasing vitality. The influence of VR / AR on cognitive functions, mental and emotional state of employees of professions of particular risk is considered. A special place is given to the effects of presence and time compression, implemented in successful models of implementation of VR / AR projects based on Russian and foreign research in the field of digital technologies.

Ключевые слова: виртуальная и дополненная реальность, эффект присутствия, когнитивная сфера, экстремальный профиль, стресс, утомление, тревожность.

Keywords: virtual and augmented reality, the effect of presence, cognitive sphere, extreme profile, stress, fatigue, anxiety.

Важнейшим аспектом применения технологий виртуальной реальности в психологии специалистов особого риска является возможность с ее помощью воссоздавать различные ситуации (в том числе экстремальные) и использовать это как для отработки навыков их поведения в ситуациях особого риска, так и для оказания психологической помощи при травматических реакциях [3]. Во многих сферах терапевтический потенциал VR-технологий уже был экспериментально протестирован, например, для физической реабилитации, для реабилитации насильственных преступников [6], а также для оценки симптомов и нейрокогнитивного дефицита у людей, страдающих психозом или находящихся в группе риска [7]. Образные технологии получили активное использование в изучении психологии личности [1], они могут использоваться для подготовки специалистов разного экстремального профиля, таких как: спасатели, пожарные, оперативные дежурные, подводники, космонавты, летчики, военнослужащие - участники боевых действий [11].

Рассмотрим подробнее основные направления применения VR-технологий в области экстремальной психологии.

Реабилитация сотрудников опасных профессий. Погружение в виртуальную реальность снижает боль и стресс во время ряда медицинских процедур. Этим вопросом впервые занялись в Лаборатории технологий интерфейса человека (HITLab) Вашингтонского университета в Сиэтле (Mosaic, 2017). Одним из самых успешных продуктов лаборатории был SnowWorld, разработанный когнитивным психологом Хантером Хоффманом и примененный для облегчения боли у ветеранов войн в Ираке и Афганистане с тяжелыми ожогами. SnowWorld был разработан как своего рода метод усиленного отвлечения внимания во время этих сеансов. VR-

игра во время перевязок облегчала боль в 2 раза лучше, чем от получения сильных обезболивающих или наркотиков. Исследования показали, что именно VR-игра снижала активность в областях мозга, связанных с восприятием боли: по итогам двух клинических испытаний, в которых участвовали 40 человек, прошедших 60 сеансов виртуальной реальности, только один человек не сообщил об уменьшении боли. В целом, пациенты сообщили, что их боль во время сеанса виртуальной реальности уменьшалась на 60–75% (по сравнению с исходным уровнем) и на 30–50% сразу после него. У них также снижалась частота сердечных сокращений и повышалась температура кожи, что свидетельствовало о том, что они находились в более расслабленном состоянии. Для сравнения морфин давал эффект улучшения на 30%. Согласно опубликованной статье, пациенты говорили что-то вроде: «Это первое обезболивающее, которое я получил за три года» и «Я был так занят игрой, что забыл о своей боли».

Анализ публикаций свидетельствует, что пока ни одно исследование не дает ответа - помогает ли VR в долгосрочной перспективе, но исследования показывают, что она может облегчить боль при хронических состояниях: VR-технологии обеспечивают перцептивные представления своего тела и мира, которые могут отвлечь внимание пациента и изменить воспринимаемые свойства боли. При этом облегчение боли зависит от мульти-модальности стимуляции и интерактивности[9].

Эффект сжатия времени. Эффект обезболивания при использовании VR-гарнитуры также ощутили пациенты, перенесшие химиотерапию, т.к. они сообщали о временном эффекте сжатия времени, в основе которого лежало отвлечение внимания от процедуры [10]. Подобные ощущения описывали и геймеры, использовавшие дисплеи виртуальной реальности. Установлено, что эффект сжатия времени базируется на снижении телесной осознанности человека в VR/AR-пространстве: головные дисплеи VR занимают все поле зрения пользователя, заменяя все визуальные подсказки реального мира надуманным виртуальным. Эффект сжатия времени влияет на функции мозга, которые воспринимают визуальную информацию, а поэтому «виртуальную сцену» можно спроектировать так, чтобы VR может производить уникальные психологические эффекты. Согласно G.Mullen, за счет помещения испытуемых в ситуации, которые редко или никогда не возникали естественным путем, можно реализовывать всевозможные манипуляции по органам чувств человека [10].

VR/AR в тренингах (обучении). Виртуальная и дополненная реальность – это прививка от стресса, которая необходима военным, полицейским и офицерам МЧС для того, чтобы быстро принимать правильные решения в стрессовых ситуациях. Согласно Э. Джонсу, во время тренировок обучаемые могут видеть все доступные им варианты взаимодействия, вместо того чтобы сосредотачиваться на отдельной угрозе или отдельной проблеме [6]. Так, технология Heads-UpDisplay (HUD) - типичный пример дополненной реальности при обучении летчика-истребителя: прозрачный дисплей расположен прямо в поле зрения и на нем отображаются данные, важные для пилота: высота, скорость полета и линия

горизонта и др. Как следствие, пилоту в рамках тренировки по экстремальным ситуациям не нужно смотреть на группу приборов самолета, чтобы получать все необходимые данные для решения. Головной дисплей (HMD), используемый солдатами наземных войск, дает важные данные по местоположению врага в пределах его прямой видимости, а поэтому его освоение в учебных целях расширяет моделирование [11].

Преодоление негативных психических состояний. Виртуальная реальность используется для лечения широкого спектра негативных проблем психического здоровья. VR-технологии явились удачным дополнением к личной терапии депрессии в Университетском колледже Лондона профессором Джоном Кингом и доктором Эммой Джейн Килфорд [8]. В их системе используется виртуальная комната, в которой находятся два аватара: ребенок и взрослый. Прежде чем участники войдут в комнату, их учат, как использовать сочувственный сценарий, чтобы поднять настроение того, кто в беде. Когда участник входит в виртуальную комнату, он сталкивается с обеспокоенным виртуальным ребенком, и их задача - утешить ребенка с помощью сценария, пока его страдания не уменьшатся. В следующий раз, когда участник войдет в комнату, он будет ребенком, и он увидит, как его взрослый аватар (они сами из предыдущего сеанса) выполнит сострадательный сценарий. Первоначальные результаты одной выборки показали значительное снижение показателей самокритики и депрессии, а также улучшение самочувствия пациентов с депрессией.

Наиболее распространенное использование VR-терапии – это тревожные расстройства. При простых фобиях (страх высоты или пауков), где преобладает один страх, используется виртуальная реальность, чтобы постепенно и безопасно подвергнуть человека этому страху. Благодаря таким виртуальным попыткам, человек приобретает навык совладания со своим страхом и в реальной жизни не ощущает прежнего дискомфорта.[8]

Сегодня одной из наиболее востребуемых является проблема профилактики стресса у сотрудников опасных профессий. При этом разные негативные состояния требуют формирования разных виртуальных реальностей [5]. Под руководством профессора Березиной Т.Н. были выявлены два главных подхода к использованию технологий виртуальной реальности с применением шлема виртуальной реальности Oculus Go -64 VR для коррекции функциональных состояний и развитию ментального ресурса сотрудников опасных профессий. Основным принцип первого подхода – релаксационный – это наполнение виртуального пространства расслабляющими «сюжетами» или «сценариями», чтобы достичь контроля над состоянием организма и управлять вегетативными реакциями тела. Второй подход – активно-динамичный – предполагает вовлечение человека в виртуальный сюжет, где упор делается на мышечную систему респондента. В обоих подходах предполагается обучение респондента справляться с негативными стимулами и чувствами, управлять эмоциями, которые они испытывают, более эффективным способом. Комбинация этих подходов даст новый более сильный эффект в коррекции негативных психических состояний, если экспериментальное воздействие

осуществлялось путем просмотра испытуемыми сюжетов виртуальной реальности в следующей комбинации: 1) воздействие релаксационного типа в течение 5-10 минут (технология медитации) и 2) воздействие динамическивозбуждающего типа с эффектом присутствия в течение 5 минут (игра в снежки или гонки). По итогам эксперимента выявлено, что снижается утомление и восстанавливается работоспособность [3]. В МГППУ были проведены эксперименты по профилактики стресса у психологов экстремального профиля. Восстановление работоспособности осуществлялось разными технологиями виртуальной реальности, а в итоге после воздействия, длящегося от 10-15 минут до получаса, наблюдалось уменьшение умственного утомления и уменьшение показателей синдрома хронической усталости [4].

Терапия ПТСР. Анализ публикаций свидетельствует, что с помощью VR поддается терапии и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). Так, пакет VR/AR под названием «Bravemind» доктором Альбертом Риццо из Университета Южной Калифорнии был применен среди военнослужащих, возвращавшихся с войн в Ираке и Афганистане. VR-оборудование позволяло гибко профилактировать влияние стресса военных ситуаций, используя 14 настраиваемых виртуальных миров, а в итоге терапевт контролировал происходящее, адаптируя содержание к воспоминаниям человека, переживающего травму, позволяя обработать эти воспоминания и разрешить повторное переживание симптомов. Похожим способом лечат людей с психозами (паранойя и бред) в Институте психиатрии, психологии и неврологии (IOPPN) Королевского колледжа Лондона [8].

VR/AR – технологии все более широко используются не только в научных исследованиях, но и в практике образования, психотерапии, физической и психической реабилитации сотрудников профессий особого риска. В рамках проведенного обзора раскрыты перспективные для экстремальной психологии направления применения VR-технологий: 1) реабилитация сотрудников опасных профессий после травматических воздействий; 2) применение эффекта «сжатия времени» в VR для контроля боли, 3) использование технологий виртуальной и дополненной реальности в обучении, 4) преодоление негативных психических состояний посредством тренировки в виртуальной реальности, 5) психотерапия посттравматических стрессовых расстройств.

Список литературы

1. Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. Монография. М., 2012.
2. Березина Т.Н., Бузанов К.Э., Фатьянов Г.В. Позитивная психология виртуальности как направление оптимизации функциональных состояний человека-оператора // Человеческий капитал. 2020. № 1 (133). С. 125-138.
3. Березина Т.Н., Перепечина А.С., Бузанов К.Э. Коррекция негативных психических состояний студентов-психологов экстремального профиля посредством технологий виртуальной реальности // Современное образование. 2020. Т. 4. С. 1-12.

4. Березина Т.Н., Темирканова А.Ю., Бортулева Н.Л., Свило Я. В. Восстановление работоспособности посредством VR-технологий у лиц, совмещающих работу с учебой. // Современное образование. 2020. Т. 4. С. 11-20.
5. Бузанов К.Э., Троян Н.С., Четоркина М.А. Влияние виртуальных реальностей на функциональное состояние человека-оператора // Биопсихологический возраст профессионалов: результаты и перспективы исследований : монография / под общ. ред. Т.Н. Березиной. М.: Энциклопедист-Максимум, 2019. С. 139-158.
6. Джонс Э. Громкие перестрелки подсказывают новую тактику обучения полиции // edition.cnn.com.. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/04/27/us/virtual-reality-police-training-sacramento/index.html> (дата обращения 16.08.2021).
7. Ширяев А.Б. Виртуальная реальность: форсайт рисков и угроз. К чему ведет появление новых технологий? // Капитал страны: федеральное интернет-издание. 2016.[Электронный ресурс]. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/forsait_virtualnaya_realnost/ (дата обращения 13.10.2021).
8. Maddox L. Phobias, paranoia and PTSD: Why virtual reality therapy is the frontier of mental health treatment // BBC Science Focus. - 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencefocus.com/future-technology/phobias-paranoia-and-ptsd-why-virtual-reality-therapy-is-the-frontier-of-mental-health-treatment/> (дата обращения: 21.08.2021).
9. Marchant J. How VR could break America's opioid addiction // BBC Science Focus Magazine. - 2017.- [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencefocus.com/the-human-body/how-vr-could-break-americas-opioid-addiction/> (дата обращения: 11.08.2021).
10. Mullen G. Time Compression in Virtual Reality // Brill. - 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://brill.com/view/journals/time/9/4/article-p377_377.xml#R000012 (дата обращения: 13.08.2021).
11. Perdue T. Applications of Augmented Reality// Lifewire. - 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lifewire.com/applications-of-augmented-reality-2495561#sightseeing-in-augmented-reality> (дата обращения: 15. 09.2021).

References

1. Berezina T.N. Mnomernaya psikhita. The inner world of the individual. Monograph. M., 2012.
2. Berezina T.N., Buzanov K.E., Fatyanov G.V. Positive psychology of virtuality as a direction of optimization of functional states of a person-operator // Human capital. 2020. № 1 (133). Pp. 125-138.
3. Berezina T.N., Perepechina A. S., Buzanov K. E. Correction of negative mental states of students-psychologists of an extreme profile through the technologies of virtual reality // Modern education. 2020. Т. 4. Pp. 1-12.
4. Berezina T.N., Temirkanova A.Yu., Bortleva N.L., Svilo Y.V. Restoration of working capacity through VR-technologies in persons combining work with study. Modern education. 2020. Т. 4. S. 11-20.
5. Buzanov K.E., Troyan N.S., Chetorkina M. A. Influence of virtual realities on the functional state of a person-operator // Biopsychological age of professionals: results and prospects of research: monograph / under the general editorship of T.N. Berezina. M.: Encyclopedist-Maximum, 2019. S.139-158.
6. Jones E. Loud shootouts suggest a new tactic of police training // edition.cnn.com.. - 2021. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://edition.cnn.com/2021/04/27/us/virtual-reality-police-training-sacramento/index.html> (retrieved 08/16/2021).
7. Shiryayev A.B. Virtual reality: foresight of risks and threats. What does the emergence of new technologies lead to? The capital of the country: a federal online publication. - 2016. - 4 [Elektronnyi resurs]. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/forsait_virtualnaya_realnost/ (retrieved 10/13/2021).
8. Maddox L. Phobias, paranoia and PTSD: Why virtual reality therapy is the frontier of mental health treatment // BBC Science Focus. - 2021. [Electronic resource]. URL:

<https://www.sciencefocus.com/future-technology/phobias-paranoia-and-ptsd-why-virtual-reality-therapy-is-the-frontier-of-mental-health-treatment/> (retrieved 21.08.2021).

9. Marchant J. How VR could break America's opioid addiction // BBC Science Focus Magazine. 2017.- [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencefocus.com/the-human-body/how-vr-could-break-americas-opioid-addiction/> (retrieved: 11.08.2021).

10. Mullen G. Time Compression in Virtual Reality // Brill. - 2021. [Electronic resource]. URL: https://brill.com/view/journals/time/9/4/article-p377_377.xml#R000012 (retrieved: 13.08.2021).

11. Perdue T. Applications of Augmented Reality// Lifewire. - 2020. [Electronic resource]. URL: <https://www.lifewire.com/applications-of-augmented-reality-2495561#sightseeing-in-augmented-reality> (retrieved 15. 09.2021).

Усачева Ирина Викторовна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: irina-u@yandex.ru

Usacheva Irina Viktorovna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

**ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ СЛУШАТЕЛЕЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ**

**FEATURES OF THE Self-CONCEPT OF STUDENTS OF
EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL
AFFAIRS OF RUSSIA**

Аннотация. В статье уточнено содержание понятия Я-концепция личности на основе фундаментальных исследований современной науки и полученных в ходе исследования эмпирических данных. Полученные выводы и рекомендации, сделанные в результате исследования, могут быть использованы при реализации психологической работы по формированию позитивной Я - концепции курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России.

Annotation. The article clarifies the content of the concept of Self-the concept of personality on the basis of fundamental research of modern science and empirical data obtained during the study. The conclusions and recommendations made as a result of the study can be used in the implementation of psychological work on the formation of a positive Self - concept of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ключевые слова: Я – концепции, Я – образ, самосознание, самоотношение, самопознание, саморегуляция, самоутверждение.

Keywords: I am concepts, I am an image, self-awareness, self-attitude, self-knowledge, self-regulation, self-affirmation.

Наряду с высоким уровнем специальной профессиональной подготовки сотруднику полиции в служебной деятельности необходимо

проявлять самостоятельность, инициативу, уметь нестандартно мыслить, быстро ориентироваться и принимать решения в стремительно меняющейся обстановке.

Высокопрофессиональным сотрудником органов внутренних дел в современных условиях может стать только тот сотрудник, который способен правильно определить цель, прогнозировать способ достижения этой цели и результат. Сотрудник органов внутренних дел должен уметь извлечь урок из временной неудачи и с наибольшей эффективностью показать на практике свой профессионализм и уровень не только профессионального, но и личностного становления.

Повышение роли личностного фактора в деятельности сотрудников органов внутренних дел диктует необходимость осмысления проблемы Я-концепции, проведения исследований личностно-профессионального становления курсантов и слушателей, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России, учитывать влияние их Я-концепции на профессиональное становление.

Необходимость поиска наиболее эффективных путей и средств, способствующих развитию адекватной Я-концепции у курсантов и слушателей ведомственных образовательных организаций системы МВД России, рассматривается как актуальное направление психолого-педагогической теории и практики.

Проведенное исследование теоретико-методических аспектов структуры и особенностей Я-концепции [1] дало основание полагать, что в большинстве направлений и научных школ психологии признается отсутствие общепризнанной и устоявшейся терминологии в исследовании феномена Я-концепции. В частности, очевидные противоречия существуют в таких аспектах, как содержание понятия «Я-концепция»; соотношение концепций Я и Мы; природы, функций и механизмов построения, развития и реализации Я-концепции и др. [7; 9]. Вместе с тем, интегративный подход предполагает изучение понятия «Я-концепции» как системного интегрального психического новообразования, которое включает: самосознание, образ Я, самооценку, самость.

Сущность Я-концепции [6] может проявляться через восприятие личности самой себя, и через ее размышления по поводу собственного «Я», собранные в единое целое.

Учеными были выделены пять структурных компонентов Я-концепции, они представляют интерес в рамках данной работы и составляют структуру «Я-концепции»: самосознание, самоотношение, самопознание, саморегуляция, самоутверждение.

Кроме того, в ходе изучения теоретико-методических аспектов структуры и особенностей Я-концепции было выявлено, что Я-концепция является важным критерием изучения личностной динамики и ее становления на разных этапах развития [3].

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что развитие Я-концепции личности обусловлено скорее внутренними факторами, чем внешними. Реализация и качественные изменения Я-концепции личности происходят в процессе деятельности человека.

В ходе исследования, было определено, что позитивная Я-концепция рассматривается как позитивное отношение к себе, самоуважение, принятие себя, ощущение собственной ценности в физическом, социальном, умственном, эмоциональном аспектах. Она развивается в процессе самоактуализации личности на основе позитивного отношения к себе и проявляется в самопонимании, уверенности в себе, эмоциональной устойчивости, преобладании мотивации достижения успеха. Я-концепция является важным фактором личностного самоопределения и профессионального становления [4]. Для развития позитивной Я-концепции необходимо преодоление внутриличностного противоречия между «Я-реальным» и «Я-идеальным», повышение устойчивости к деструктивным влияниям, стремление к актуализации внутреннего потенциала [8]. Студенческий возраст признается многими исследователями сензитивным для развития позитивной Я-концепции, однако, психологические условия и средства этого процесса в образовательных организациях МВД России малоизучены и, вследствие этого, наиболее актуальны в современных условиях действительности.

Цель исследования - сравнить особенности формирования Я-концепции у действующих сотрудников полиции и обучающихся в образовательных организациях МВД России.

Методы исследования:

1. Методика «Q-сортировка» В.Стефансона.
2. Методика «Шкала самоуважения» М.Розенберга.
3. Методика изучения самооценки Т. Дембо - С.Я.Рубинштейн.
4. Методика «Оценка уровня развития волевой саморегуляции» А.Г.Зверкова, Е.В.Эйдмана.
5. Методика «Стратегии самоутверждения личности» (Никитин, Харламенкова).

Специальную группу методов составили методы математической статистики для обработки и интерпретации результатов исследования.

Всего в исследовании приняли участие 30 курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России и 15 действующих сотрудников – слушателей, обучающихся на факультете повышения квалификации в образовательных организациях системы МВД России.

В ходе эмпирического исследования были проведены замеры личностных показателей курсантов, слушателей и сотрудников-слушателей по нескольким методикам. По итогам статистического анализа, можно сказать, что наибольшее различие в показателях можно наблюдать между курсантами 1 курса и действующими сотрудниками - слушателями по показателям самооценки, волевой саморегуляции, а также показателям Q-

сортировки (зависимость-независимость, общительность-необщительность, принятие-избегание борьбы). Полученные данные свидетельствуют о формировании положительной Я-концепции курсантов и слушателей в процессе обучения в образовательных организациях МВД России.

Проведенное исследование показало, что позитивная Я-концепция является фактором личностного самоопределения, саморазвития, самоуправления и психического здоровья. Отношение курсанта, слушателя к собственному «Я» оказывает влияние на все аспекты его поведения и деятельности. На динамику изменения эмоционально-ценностного отношения курсантов к себе влияют также возрастные характеристики обучающихся.

Обобщение выводов по результатам эмпирического исследования позволяет сказать, что структурные элементы Я-концепции курсантов в процессе обучения подвержены изменениям. Например, для курсантов 1 курса характерны следующие особенности Я-концепции: зависимость от чужого мнения, избегание «борьбы», повышенная общительность, неустойчиво адекватное самоуважение, завышенная самооценка и др.

Для слушателей 5 курса характерны иные особенности структурных элементов Я-концепции: независимость, общительность, избегание борьбы, неустойчиво адекватное самоуважение, но заниженного нет. Кроме того, можно наблюдать адекватную самооценку и высокие индексы волевой саморегуляции, настойчивости и самообладания. Стратегия самоутверждения личности наблюдается конструктивная и полностью отсутствует агрессивная стратегия самоутверждения.

В процессе обучения в структуре Я-концепции курсантов происходят значительные изменения. Эти изменения показывают, что вузовский этап профессиональной подготовки курсанта, слушателя имеет значительный потенциал развития позитивной Я-концепции и представляет собой динамичный процесс.

Проведенное исследование дало возможность сформулировать практические рекомендации по развитию Я-концепции курсантов образовательных организаций МВД России.

Список литературы:

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / пер. с англ. М.: Прогресс, 2011. 422 с.
2. Глухова Т.М. Личностные предпосылки дисциплинированности сотрудников подразделений МВД РФ / Т.М. Глухова, А.В. Сечко // Экстремальная психология: теория и практика: Сборник научных статей / Под редакцией А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. М.: ООО «РУСАЙНС», 2017. С. 122-127.
3. Дзугкоева М.Г. Психологические новообразования студенческого возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 19 с.
4. Дорфман Л.Я., Панов Ю.Л. Я-концепция и мотивы достижения у курсантов в МВД РФ в зависимости от уровня склонности к девиантности (сравнительный анализ) // Образование и наука. 2013. № 3. С.89.

5. Дутчина О.Б. Проблема развития Я-концепции личности студента. Монография. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2017. 100 с.
6. Олпорт Г. Становление психологии личности: Основные положения. Избранные труды. М.: «Смысл», 2012. 216 с.
7. Столин В.В. Исследование эмоционального отношения к себе с помощью методики управляемой проекции // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 3. С. 104-117.
8. Троицкая А.В. Психологическое сопровождение курсантов и слушателей в процессе обучения в вузе МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 36.
9. Фролов А.А. Исследование Я-концепции в различных теоретических подходах // Вестник КрУ МВД России. 2015. № 4 (30). С.290.

References:

1. Berns R. Razvitie YA-koncepcii i vospitanie / per. s angl. M.: Progress, 2011. 422 p.
2. Gluhova T.M. Lichnostnye predposylki disciplinirovannosti sotrudnikov podrazdelenij MVD RF / T.M. Gluhova, A.V. Sechko // Ekstremal'naya psihologiya: teoriya i praktika: Sbornik nauchnyh statej / Pod redakciej A.V. Kokurina, V.I. Ekimovoj, E.A. Orlovoj. M.: OOO «RUSAJNS», 2017. Pp. 122-127.
3. Dzugkoeva M.G. Psihologicheskie novoobrazovaniya studencheskogo vozrasta: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 1999. 19 p.
4. Dorfman L.YA., Panov YU.L. YA-koncepciya i motivy dostizheniya u kursantov v MVD RF v zavisimosti ot urovnya sklonnosti k deviantnosti (sravnitel'nyj analiz) // Obrazovanie i nauka. 2013. №3. P. 89.
5. Dutschina O.B. Problema razvitiya YA-koncepcii lichnosti studenta. Monografiya. Habarovsk izd-vo TOGU 2017. 100 p.
6. Olport G. Stanovlenie psihologii lichnosti: Osnovnye polozheniya. Izbrannye trudy. – M.: «Smysl», 2012. 216 p.
7. Stolin V.V. Issledovanie emocional'nogo otnosheniya k sebe s pomoshch'yu metodiki upravlyaemoj proekcii // Psihologicheskij zhurnal. 1981. T. 2. № 3. Pp. 104-117.
8. Troickaya A. V. Psihologicheskoe soprovozhdenie kursantov i slushatelej v processe obucheniya v vuze MVD Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. №3. P. 36.
9. Frolov A.A. Issledovanie YA-koncepcii v razlichnyh teoreticheskikh podhodah // Vestnik KRU MVD Rossii. 2015. №4 (30). P. 290.

Хусаинов Тимур Русланович,

студент факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: t.shuisky2026@yandex.ru

Khusainov Timur Ruslanovich,

student of the Faculty of Extreme Psychology, Moscow
State University of Psychology and Education, Moscow,
Russia

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

NON-VERBAL BEHAVIOR OF EXTREME PROFILE SPECIALISTS

Аннотация. Работа направлена на определение возможностей учета невербальных показателей в прогнозировании поведения специалистов экстремального профиля деятельности. Полученные в ходе исследования данные позволяют говорить о том, что существуют особенности невербальных показателей у специалистов экстремального профиля, в частности, для них характерным является более высокий уровень перцептивно-невербальной компетентности, более высокий уровень сензитивности к невербальному поведению, способности к управлению своим невербальным поведением, а также более богатый невербальный репертуар.

Abstract. The work is aimed at determining the possibilities of considering non-verbal indicators in predicting the behavior of specialists with an extreme profile of activity. The data obtained in the course of the study suggests that there are features of non-verbal indicators among specialists with an extreme profile, in particular, they are characterized by a higher level of perceptual-non-verbal competence, a higher level of sensitivity to non-verbal behavior, the ability to control their non-verbal behavior, as well as a richer non-verbal repertoire.

Ключевые слова: невербальные показатели, прогнозирование поведение, экстремальная ситуация, экстремальные профессии, сотрудники правоохранительных органов.

Key words: non-verbal indicators, predicting behavior, extreme situation, extreme professions, law enforcement officers.

Невербальное поведение является самостоятельным средством общения и формой передачи информации. В отечественной науке невербальную коммуникацию принято рассматривать как взаимодействие между людьми без слов, а также как поведение человека, которое показывает эмоциональное состояние и особенности взаимоотношений контактирующих [1; 2].

Особенное значение учет невербальных показателей имеет применительно деятельности специалистов экстремального профиля. В различных условиях реализации трудовых функций, возможным является наличие препятствий, которые обуславливают невозможность полноценной передачи информации, что, вместе с высоким уровнем потенциального риска и опасности осуществляемой деятельности, может способствовать возникновению опасных ситуаций для жизни и здоровья, обусловленных недостаточной скоростью реагирования и принятия решений.

Организация исследования. Целью исследования выступало определение возможностей учета невербальных показателей в прогнозировании поведения человека в экстремальных условиях деятельности. Исследование было направлено на проверку гипотезу о том, что существуют особенности невербальных показателей у специалистов экстремального профиля, в частности, для них характерным является более высокий уровень перцептивно-невербальной компетентности, более высокий уровень сензитивности к невербальному поведению, способности к управлению своим невербальным поведением, а также более богатый невербальный репертуар.

Участниками исследования стало 40 мужчин, формирующих две группы – группу лиц, осуществляющих деятельность в качестве

специалистов экстремального профиля (ОМОН), а также лица, которые не осуществляют деятельность, связанную с повышенным риском или экстремальными условиями труда.

Для диагностики были использованы Методика экспертной оценки невербальной коммуникации (А.М. Кузнецова) и методика определения уровня перцептивно-невербальной компетентности (Г.Я. Розен). Статистический анализ результатов исследования был выполнен с использованием статистического критерия U Манна-Уитни. Расчеты выполнены в программе Statistica 10.0.

Результаты исследования. Обратимся к описанию результатов диагностики особенностей невербальной коммуникации у участников исследования – представителей двух групп. В Таблице 1 представлены результаты диагностики по методике А.М. Кузнецова.

Таблица 1

Результаты экспертной оценки невербальной коммуникации (N = 40)

	Среднее значение, специалисты экстремального профиля	Среднее значение, группа сравнения	U	p
невербальный репертуар	4,38	3,10	124,50	0,04
сензитивность к невербальному поведению	21,70	17,87	55,50	<0,01
способность к управлению своим невербальным поведением	19,35	17,15	65,50	<0,01
Суммарный показатель	45,43	38,12	40,00	<0,01

Установлено, что специалисты экстремального профиля характеризуются достоверно более высоким уровнем невербального репертуара ($U=124,5$; $p=0,04$), сензитивности к невербальному поведению ($U=55,5$; $p<0,01$), способности к управлению своим невербальным поведением ($U=65,5$; $p<0,01$), а также общим показателем оценки невербальной коммуникации ($U=40,0$; $p<0,01$). В таблице 2 представлены результаты психодиагностического исследования с применением методики Г.Я.Розена.

Таблица 2

Результаты экспертной оценки перцептивно-невербальной компетентности (N = 40)

	Среднее значение, специалисты экстремального профиля	Среднее значение, группа сравнения	U	p
Невербальная компетентность	45,43	38,12	85,50	<0,01

Полученные в ходе исследования результаты указывают на то, что существуют выраженные статистически значимые различия по показателям невербальной компетентности у специалистов экстремального профиля

деятельности по сравнению с участниками исследования, которые составляли группу сравнения, не связанных с деятельностью в экстремальных условиях ($U=85,5$; $p<0,01$).

Таким образом, полученные в ходе диагностики результаты указывают на наличие выраженных различий в невербальных показателях у специалистов экстремального профиля деятельности по сравнению с лицами, которые не осуществляют деятельность в экстремальных условиях. Можно заключить, что специалисты экстремального профиля имеют более высокий уровень невербально-перцептивной компетентности, имеют более высокий уровень чувствительности к невербальному поведению других людей, а также характеризуются более высоким уровнем развития способности управлять собственным невербальным поведением. Гипотеза исследования по результатам проведенного исследования подтверждается.

Экстремальные условия деятельности в значительной степени, как показано в данном исследовании, оказывают влияние на психологических особенностях специалиста. Определено, что специалисты ОМОН оказываются более компетентными в понимании невербального поведения, а также могут считаться как способными к более эффективному управлению собственным невербальным поведением. Такого рода особенности отражают специфику профессиональной деятельности обуславливают необходимость осуществления дальнейших исследований особенностей влияния профессиональной деятельности на невербальные проявления специалистов, а также их способности к восприятию невербального поведения других людей.

Список литературы:

1. Лабунская В.А. О смысловом пространстве невербального общения // Российский психологический журнал. 2014. №3. С. 93-109.
2. Психология служебной деятельности: Учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин, В.Е. Петров, В.М. Поздняков [и др.]. М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2020. 375 с.
3. Родионова Т.Г., Федоренко С.Е. Некоторые особенности и типология невербального общения // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Тверь: Тверской государственный университет, 2015. С. 241-246.
4. Сечко А.В. Психологические аспекты аттестации военнослужащих: Учебно-методическое пособие. М.: Военный университет, 2005. 91 с.

References:

1. Labunskaya V.A. O smyslovom prostranstve neverbal'nogo obshcheniya // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2014. №3. Pp. 93-109.
2. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: Uchebnik i praktikum dlya vuzov / A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.M. Pozdnyakov [i dr.]. M.: Izdatel'stvo YURAJT, 2020. 375 p.
3. Rodionova T.G., Fedorenko S.E. Nekotorye osobennosti i tipologiya neverbal'nogo obshcheniya // YAzykovoju diskurs v social'noj praktike: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2015. Pp. 241-246.
4. Sechko A.V. Psihologicheskie aspekty attestacii voennosluzhashchih: Uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Voennyj universitet, 2005. 91p.

Бровкина Юлия Юрьевна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: j_brovkina@mail.ru

Brovkina Julia Yurievna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

**ТИПЫ РЕАКЦИЙ НА ЭКСТРЕМАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ У ДЕТЕЙ В
МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ**

**TYPES OF REACTIONS TO AN EXTREME EVENT IN
CHILDREN AT PRIMARY SCHOOL AGE**

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор результатов эмпирического исследования психологических реакций у детей младшего школьного возраста, от 7 до 10 лет, на различные стрессовые и экстремальные ситуации, а также зависимость типа реакции от общего уровня тревожности и агрессии. В ходе исследования была установлена связь уровней тревожности и агрессивности с типом реагирования младших школьников на стрессовые и экстремальные события. Высокотревожные дети в младшем школьном возрасте выбирают типы реагирования бегство или активной конфронтации. Последнее наиболее актуально для детей с повышенной агрессией, а бегство – для детей с пониженным уровнем демонстративности. Дети со средним уровнем тревожности, агрессивности, стабильной самооценкой чаще всего выбирают наиболее адаптивный тип реагирования – замирение (наблюдение и принятие ситуации).

Annotation. This article is a review of the results of an empirical study of primary school aged (from 7 to 10 years) children' psychological reaction to various stressful and extreme situations, as well as the dependence of the type of reaction on the general level of anxiety and aggression. The study established a connection between the levels of anxiety and aggressiveness with the type of response of primary school children to stressful and extreme events. Highly anxious children in primary school age choose the types of reaction "running" or "active confrontation". This is the most relevant for children with increased aggression and running - is for children with a reduced level of demonstrativeness. Children with an average level of anxiety, aggression, and stable self-esteem most often choose the most adaptive type of response – "fading" (observing and accepting the situation).

Ключевые слова: типы личности, психологические реакции, стресс, экстремальные ситуации, младшие школьники

Keywords: personality types, psychological reactions, stress, extreme situations, primary school students.

Актуальность настоящей темы характеризуется самим периодом младшего школьного возраста, который в силу специфики развития личности ребенка сам по себе является кризисным из-за ситуации стресса

[1, С. 113], а для некоторых детей является экстремальным событием: новые нормы и правила поведения, овладение новыми навыками и привычками, интеграция в «мир взрослых», адаптация к новой для него школьной среде. Чтобы добиться результата младшему школьнику, выбравшемуся из «тепличной» среды детского сада и семьи, необходимы волевые усилия, новые паттерны поведения, развитие произвольного внимания, проявления новых непривычных реакций. В подобной ситуации у ребенка растет уровень тревожности.

Сам по себе термин «эмоциональный стресс» претерпел в научных исследованиях ряд изменений, как и непосредственно понятие «стресса». Изначально некоторые авторы поднимали под эмоциональным стрессом ситуацию, в которой проявляются сильные эмоции [10, С. 33]. Позже концепция стресса в силу того, что она нацелена все же на целостное понимание адаптивных реакций организма, привлекла внимание и других ученых и специалистов, которые посвятили свои работы разработке систем жизнедеятельности человека в условиях экстремальных событий [7, с. 201].

Изучением различного поведения в ответ на стрессовые ситуации и специфики возрастных реакций и кризисов занимались многие известные ученые [1, С. 58; 2, С. 14]. Тема актуализирована и нашими современниками [7, С. 87]. Однако, не смотря на подробную проработку поднятой темы, многоплановых изучений специфических проявлений и особенностей реакций у детей в возрасте от 6 до 11 лет проведено не было, что характеризует научное и практическое значение выбранной темы для развития детской психологии. В то же время полученные результаты исследований, безусловно, актуальны педагогам младших классов, психологам образовательных учреждений для проведения консультаций, встреч с родителями, разработки программ психологического сопровождения детей в период адаптации, а также непосредственно родителям для укрепления внутрисемейных связей с ребенком.

Цель нашего исследования – выявить и проанализировать типы реакций у младших школьников с различными поведенческими особенностями в ситуации экстремального события. Для реализации цели были поставлены следующие задачи: анализ особенностей совладающего поведения у детей в ситуациях экстремального события в современных исследованиях; выявление особенностей различных реакций у младших школьников на экстремальное событие; анализ психологических последствий различных способов реагирования младших школьников на экстремальное событие; изучение особенностей проявления реакций на экстремальное событие у младших школьников; интерпретация полученных результатов исследования.

В исследовании были применены следующие методы и методики:

1. Опросник «Способы совладающего поведения Лазаруса» (в авторской редакции и адаптации для младших школьников).

2. Методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса (SAS).

3. Проективные методики – тест руки Вагнера и методика «Несуществующее животное».

Методы статистической обработки данных: выборочный метод и регрессионных анализ. Для выявления взаимосвязей между уровнем общей тревожности и предпочитаемыми типами реагирования у младших школьников, а также связи уровня агрессивности с типами реагирования в стрессовых и экстремальных ситуациях, для чего был проведен корреляционный анализ с расчетом коэффициента ранговой корреляции Спирмана.

В исследовании испытуемых было 21 человек (10 девочек и 11 мальчиков в возрасте от 7 до 10 лет), ученики 1-4 классов из школ Москвы и Подмосковья.

Исследование проводилось в три этапа. Целью первого этапа стало формирование выборки методом случайного отбора, проведение диагностики уровня и особенностей тревожности и агрессивности у детей младшего школьного возраста. На втором этапе проводилось исследование особенностей поведения и выявление предпочитаемого типа реагирования на стресс (выбор копинг-стратегии), а также проективная методика для более глубокого изучения эмоциональной сферы ребенка на предмет его реагирования в ситуации страха, стресса и уровня самооценки. Во время третьего этапа были проведены обработка и анализ результатов исследования, а также формулирование выводов и рекомендаций.

Для выявления взаимосвязей между уровнем общей тревожности и предпочитаемыми типами реагирования у младших школьников, а также связи уровня агрессивности с выбранными типами реагирования в стрессовых и экстремальных ситуациях был проведен корреляционный анализ с расчетом коэффициента ранговой корреляции Спирмана.

Данные, приведенные в Таблице 1, показывают, что чем выше уровень тревожности, тем чаще младшие школьники используют копинг-стратегию «конфронтация». Также выявлена взаимосвязь между копинг-стратегией «бегство-избегание» (тип реакции «беги») и общей тревожностью: чем выше уровень тревожности, тем чаще младшие школьники используют копинг-стратегию «бегство-избегание».

Существует прямая связь между копинг-стратегией «конфронтация» (тип реагирования «бей») и уровнем агрессии (табл. 2): чем выше уровень агрессии, тем чаще дети младшего школьного возраста используют копинг-стратегию «конфронтация». Также выявлена обратная взаимосвязь между копинг-стратегией «бегство-избегание» (тип реагирования «беги») и шкалой демонстративности: чем чаще младшие школьники используют копинг-стратегию «бегство-избегание», тем ниже уровень их демонстративности.

Таблица 1

Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмана) значений копинг-поведения и тревожности младших школьников

Переменные	Конфронтация (БЕЙ)	Дистанцирование (ЗАМРИ)	Бегство-избегание (БЕГИ)
Общая тревожность	,578 ^{**}	,318	,759 ^{**}
Переживание социального стресса	-,347	-,222	-,195
Фрустрация потребности в достижении успеха	,081	-,391	-,024
Страх самовыражения	-,066	-,026	,002
Страх ситуации проверки знаний	,235	,300	,335
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	-,314	-,158	-,189
Низкая физиологическая сопротивляемость стрессу	,088	-,048	,240
Проблемы и страхи в отношениях с учителями	,094	,013	,304

Обратимся к анализу взаимосвязи уровня агрессивности по тесту руки Вагнера и выбираемым младшими школьниками типам реагирования.

Помимо счетных методик Филлипса, Вагнера и Лазаруса для оценки эмоционального состояния испытуемых была также применена проективная методика «Несуществующее животное». В ходе анализа результатов было установлено, что дети, выбирающие копинг-стратегию «бегство-убегания», рисовали животных слабо нажимая на карандаш или наносили на рисунок очень много штрихов, а на рисунках также присутствовали множественные линии. Согласно Интерпретатору по методике, эти техники рисования говорят о повышенной тревожности (ситуативной или как черты личности), а также о стремлении эту тревожность контролировать (эскизные линии). Также отмечено, что дети, выбравшие такие копинг-стратегии, как «бегство-убегание» или «конфронтацию» во время описания рисунка практически всегда отмечали наличие врагов или страхов. Звучали такие фразы, как «он(а) добрый(ая), пока не нужно защищаться», «он(а) не любит своих врагов и прячется от них», «у него(ее) длинные ноги, чтобы убежать», «не любит драться» (или наоборот «зубы, чтобы защищаться») и так далее.

Таблица 2

Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмана) значений копинг-поведения и агрессивности младших школьников

Переменные	Конфронтация (БЕИ)	Дистанцирование (ЗАМРИ)	Бегство-избегание (БЕГИ)
Агрессия	,491*	-,276	,379
Директивность	,032	,027	,055
Эмоциональность	-,260	,236	-,287
Коммуникация	-,152	,189	-,159
Зависимость	.	.	.
Страх	.	.	.
Демонстративность	-,252	-,108	-,495*
Уровень восприятия физической неадекватности	.	.	.
Невротизм	,336	-,027	,405
Тревожность	-,188	-,215	-,135
Уровень зрелости 1	,397	-,185	,290
Уровень зрелости 2	-,157	,108	-,073
Личностная адаптация	,402	,030	,384
Восприятие реальности	,331	,000	,343

Таким образом, можно сделать вывод о зависимости готовности убежать или защищаться в стрессовых ситуациях от уровня тревожности, импульсивности, фрустрации, а также пониженной самооценке.

Исходя из данных исследования, можно заключить, что высокотревожные дети в младшем школьном возрасте выбирают типы реагирования бегство или активной конфронтации. Последнее наиболее актуально для детей с повышенной агрессией, а бегство – для детей с пониженным уровнем демонстративности. Дети со средним уровнем тревожности, агрессивности, со стабильной самооценкой чаще выбирают адаптивный тип реагирования типа «замирание».

Результаты исследования могут быть применены в работе образовательных организаций (детских дошкольных образовательных учреждениях и начальных классах) как с дошкольниками, так и с младшими

школьниками для формирования у них навыков применения более адаптивных стратегий совладания с ситуациями стресса через снижение уровня агрессии и общей тревожности, повышение самооценки и навыков принятия ситуации.

Для усиления глубины изучения выбранной теме и наиболее эффективного практического применения сделанных в работе выводов рекомендуется расширить спектр изучаемых стратегий совладающего поведения, учесть и другие копинг-стратегии (самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы, положительная переоценка), продолженные Лазарусом или другими отечественными или зарубежными психологами.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Национальное образование, 2019. 386 с.
2. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. СПб: Союз, 2007. 224 с.
3. Гиппенрейтер Ю.Б. Чувства и конфликты. М.: АСТ, 2013. 160 с.
4. Психология мотивации и эмоций. Хрестоматия по психологии / Гиппенрейтер Ю.Б., Фаликман М.В. (ред.). М.: АСТ: Астрель, 2009. 702 с.
5. Ефимкина Р.П. Психология развития. Новосибирск, 2004. 54 с.
6. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 480 с.
7. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Книга, 1983. 368 с.
8. Маллаев Д.М. Социализация младших школьников со стойкой школьной дезадаптацией: монография / Д.М. Маллаев, П.О. Омарова, П.В. Валиева. СПб.: Речь, 2011. 160 с.
9. Сечко А.В. Модель личностного самоопределения младших школьников системе безопасности образовательной и общественной среды / А.В. Сечко, В. А. Орехова // Психологическая безопасность образовательной среды: подходы, модели, профилактика: коллективная монография. М.: Издательство «Авторская мастерская», 2016. С. 80-106.
10. Храмов Е.В. Психологические и психосоматические факторы риска суицидального поведения подростков // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 68-75.

References:

1. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. M.: Nacional'noe obrazovanie, 2019. 386 p.
2. Vygotskij L.S. Voprosy detskoj psihologii. SPb: Soyuz, 2007. 224 p.
3. Gippenrejter YU. B. CHuvstva i konflikty. M.: AST, 2013. 160 p.
4. Psihologiya motivacii i emocij. Hrestomatiya po psihologii / Gippenrejter YU.B., Falikman M.V. (red.). M.: ACT: Astrel', 2009. 702 p.
5. Efimkina R.P. Psihologiya razvitiya. Novosibirsk, 2004. 54 p.
6. Zimnyaya I.A. Pedagogicheskaya psihologiya. Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. 480 p.
7. Kitaev-Smyk L.A. Psihologiya stressa. M.: Kniga, 1983. 368 p.
8. Mallaev D.M. Socializaciya mladshih shkol'nikov so stojkoj shkol'noj dezadaptaciej: monografiya / D.M. Mallaev, P.O. Omarova, P.V. Valieva. SPb: Rech', 2011. 160 p.
9. Sechko A.V. Model' lichnostnogo samoopredeleniya mladshih shkol'nikov sisteme bezopasnosti obrazovatel'noj i obshchestvennoj sredy / A.V. Sechko, V.A. Orekhova // Psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy: podhody, modeli, profilaktika: kollektivnaya monografiya. – M.: Izdatel'stvo «Avtorskaya masterskaya», 2016. Pp. 80-106.
10. Hramov E.V. Psihologicheskie i psihosomaticheskie faktory riska suicidal'nogo povedeniya podrostkov // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2020. T. 9. № 1. Pp. 68-75.

Быкова Любовь Евгеньевна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Кашира, Россия
e-mail: L191187@mail.ru

Bykova Lyubov Evgenievna,

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Kashira, Russia

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПОДКРЕПЛЕНИЯ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ СТУДЕНТАМИ С РАЗЛИЧНЫМИ ИНДИВИДУАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

PERCEPTION OF POSITIVE REINFORCEMENT OF EDUCATIONAL ACTIONS BY STUDENTS WITH VARIOUS INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES

Аннотация. Статья посвящена изучению восприятия положительного подкрепления учебных действий студентами с различными индивидуально-психологическими особенностями. Представлены результаты исследования индивидуально-психологических характеристик на восприятие положительного подкрепления учебных действий. Выявленные корреляционные связи положительного подкрепления учебных действий студентами и индивидуально-психологическими особенностями.

Abstract. The article is devoted to the study of the perception of positive reinforcement of educational actions by students with various individual psychological characteristics. The results of the study of individual psychological characteristics on the perception of positive reinforcement of educational actions are presented. Revealed correlations of positive reinforcement of educational actions by students and individual psychological characteristics by students. Revealed correlations of positive reinforcement of educational actions by students and individual psychological characteristics.

Ключевые слова: положительное подкрепление, восприятие, учебные действия, индивидуально-психологические особенности, психолого-педагогический прием, студенты.

Key words: positive reinforcement, perception, educational actions, individual psychological characteristics, psychological and pedagogical reception, students.

Рассматривая процесс подкрепления в учебной деятельности, его понятия и значимость, можно констатировать, что педагоги не всегда придают соответствующего значения проблеме подкрепления как психолого-педагогический способ в учебной деятельности. И это несмотря на то, что из числа зарубежных исследователей проблему подкрепления в той или иной мере затрагивали Д. Гартли, А. Бэн, Д. Локк, Ж. Руссо и З. Фрейд [9]. В исследованиях бихевиористов подкреплению уделялось большое внимание. Особый вклад внесли исследователи: А. Бандура, Д. Уотсон, К. Халл, Б. Скиннер, К. Прайор и т.д. [2]. Проблему

подкрепления активно изучалась и отечественными физиологами И.П. Павловым, П.К. Анохиным, а также психологами А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном, А.Р. Лурией, Ю.Б. Гиппенрейтер, П.Я. Гальпериним [1; 5; 7].

Однако проблема подкрепления остается до сих пор дискуссионной. Одним из свидетельств этого является отсутствие определения понятия «подкрепление», хотя вариации термина достаточно широко используются современными исследователями [6].

Анализ публикаций позволяет констатировать, что положительное подкрепление следует понимать как стимул, ведущий к реакции и вызывающий в последующем повышение частоты таких реакций. Внимание преподавателя, его действия, оценка, комментариев в форме слов, жестов одобрения является тем подкреплением, которое способствует улучшению учебной деятельности студентов в образовательной среде [4].

Актуальность современных исследований закономерностей подкрепления обусловлено тем, что сейчас акцент на комфортной и безопасной образовательной среде, приятной атмосфере в коллективе обучающихся, а поэтому востребован поиск путей минимизации стрессогенных факторов и, в частности, таких как: социальное неодобрение и неуспешность, напряженность и фрустрация, зависимость от оценки преподавателя, и конформизм. В контексте указанных ориентиров нами было проведено исследование на выявление индивидуально-психологических особенностей студентов, которые помогут положительно подкреплять стремления и учебные действия обучающихся.

В концептуальном плане исследование базировалось на закономерностях формирования впечатления о другом человеке, выявленных в исследованиях А.А. Бодалева и его учеников. Была исследована структура социальной перцепции, которая состоит в основном из следующих компонентов: особенности внешнего облика человека, оформление его внешности, в том числе стиль его одежды, экспрессия, переживаемые человеком эмоциональные состояния, выполняемые им действия, его поведение, предполагаемые качества его личности, интерпретируемые на основе первых впечатлений и прошлого опыта, эмоциональное отношение к воспринимаемому человеку и обобщенное оценочное суждение.

Восприятие преподавателя обучающимися, выполняя осведомительную и регулятивную роль, оказывает существенное влияние на характер психолого-педагогического взаимодействия, определяет его продуктивный или непродуктивный характер. На успеваемость студентов оказывают влияние как внешние факторы: личностные особенности преподавателей, эталоны оценивания, уровни требования преподавателей, критерии оценки, стили руководства преподавателей, типичные ошибки оценивания, так и внутренние, к которым относят индивидуально-психологические особенности студентов.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что индивидуально-психологические особенности студентов по-разному обуславливают восприятие ими положительного подкрепления учебных действий. Наиболее существенное влияние на восприятие положительного подкрепления учебных действий студентов оказывают такие индивидуально-психологические особенности студентов как доминантность, напряженность, нормативность поведения, конформизм и уровень социальной фрустрации.

Опираясь на знание закономерностей социальной перцепции студентами преподавателей в процессе педагогической коммуникации, мы поставили задачу рассмотреть способы положительного подкрепления (мимические (улыбка, добрый взгляд), пластические (жесты, поза), вербальным (похвалу, одобрение, короткий положительный отзыв), действенные (предложение чего-то) преподавателя, рассмотрев вариации в связи с индивидуально-психологическими особенностями личности студентов.

При проведении исследования был использован комплекс психодиагностический методик: многофакторный личностный опросник 16PF (Р.Б. Кэттелл); личностный опросник Г.Ю. Айзенка для взрослых (EPI); опросник оценки восприятия психолого-педагогического воздействия преподавателей студентами с различными индивидуально-психологическими особенностями; методика «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина»; методика диагностики социально – психологической адаптации К.Р. Роджерса и Р.Е. Даймонда; методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана, модификация В.В. Бойко. Также были применены математико-статистические методы: метод множественной линейной регрессии и метод математической статистики Ч.Э. Спирмена.

Поскольку для изучения индивидуально-психологических особенностей учебных действий студентов нами было выбрано пять методик, то изначально была проведена проверка на взаимосвязь данных методик между собой. Далее, ввиду наличия разброса оценок, для дифференцированного подхода к процессу оценивания результатов было дополнительно введено несколько переменных, в частности: разброс оценки, завышение оценки, занижение оценки и объективность оценки положительного подкрепления.

Проведенное исследование позволило установить, что между объективностью оценки положительного подкрепления преподавателями учебных действий студентов и доминантностью, напряженностью и уровнем социальной фрустрации у обучающихся существует прямая зависимость.

Данные методик Г.Ю. Айзенка (EPI), Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина в ходе эмпирического исследования взаимосвязи и

корреляционного анализа не показали. В исследовании была установлена обратная корреляционная связь между показателями по шкале Q2 и такими способами восприятия положительного подкрепления учебных действий студентов как «поза преподавателя во время учебных действий» (-0,408 при $p < 0.048$) и «оценивание учебных действий» (-0,542 при $p < 0.006$). Кроме того, установлена прямая корреляционная связь между индивидуально - психологической особенностью G и такими способами восприятия положительного подкрепления учебных действий студентов как: «замечания во время учебных действий» (0,560 при $p < 0.04$), «одобрение, короткий положительный отзыв во время учебных действий» (0,409 при $p < 0,047$) и «атмосфера во время учебных действий» (0,412 при $p < 0,045$).

В целом, обобщив все полученные результаты, можно сказать, что обнаружена как прямая, так и обратная корреляционная связь между восприятием положительно подкрепления учебных действий и индивидуально-психологическими особенностями студентов. Между объективностью оценки положительного подкрепления преподавателями учебных действий студентов и доминантностью, напряженностью и уровнем социальной фрустрации существует прямая зависимость. Это помогает нам заключить, что для восприятия положительного подкрепления учебных действий студентами более значимыми являются индивидуально-психологические особенности. Кроме того, используя положительное подкрепление в учебном процессе необходимо делать акцент на том, что педагоги хотят видеть в будущем, в том числе делая образовательную среду комфортной и безопасной для обучающихся.

Список литературы:

1. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности психология: [курс лекций]. М.: АСТ, 2013. 351 с.
2. Ждан А.Н. История психологии: от античности до наших дней: учеб. для студентов психол. спец. вузов; МГУ им. М.В. Ломоносова. [5-е изд., перераб. и доп.]. М.: Акад. проект, 2004. 572 с.
3. Колесов Д.В. Уровни, виды и модальность подкрепления // Развитие личности, 2002. № 2. С. 13-20.
4. Купер Джон О., Херон Тимоти Э., Хьюард Уильям Л. Прикладной анализ поведения / Пер. с англ. М.: Практика, 2016. 864 с.
5. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология» / под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. 5-е изд., стер. М.: Смысл: Academia, 2010. 509 с.
6. Ломоносов – 2017: Сборник тезисов XXIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Москва, 10–14 апреля 2017 года / Составители Е.И. Атамась, А.И. Месяц, И.Г. Шевцова. М.: «МАКС Пресс», 2017. 200 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, Мастера психологии, 2013. 705 с.
8. Сечко А.В., Леонгардт О.Р. Профессиональная вовлеченность педагогов в системе психологических взглядов // Психология обучения. 2018. № 5. С. 104-114.
9. Сечко А.В. Психологическая модель профессионального выгорания педагогического состава // Психология обучения. 2017. № 6. С.86-96.

10. Шишкина А.И. Теоретико-экспериментальное исследование подкрепления в учении с позиций деятельностного подхода // Молодой ученый. 2009. № 5. С. 165-174.

References:

1. Gippenreijter YU.B. Vvedenie v obshchuyu psihologiyu [Tekst]: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushchihsya po special'nosti psihologiya: [kurs lekcij]. M.: AST, 2013. 351 p.
2. ZHDan A.N. Istoriya psihologii ot antichnosti do nashih dnei : ucheb. dlya studentov psihol. spec. vuzov / MGU im. M.V. Lomonosova. [5-e izd., pererab. i dop.]. M.: Akad. proekt, 2004. 572 p.
3. Kolesov D.V. Urovni, vidy i modal'nost' podkrepleniya // Razvitie lichnosti. 2002. №2. Pp. 13-20.
4. Kuper Dzhon O., Heron Timoti E., H'yuard Uil'yam L. Prikladnoj analiz povedeniya. Per.s angl. M.: Praktika, 2016. 864 p.
5. Leont'ev A.N. Lekcii po obshchej psihologii: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij, obuchayushchihsya po special'nosti «Psihologiya» / pod red. D. A. Leont'eva, E. E. Sokolovoj. 5-e izd., ster. M.: Smysl: Academia, 2010. 509 p.
6. Lomonosov–2017: Sbornik tezisov XXIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh, Moskva, 10–14 aprelya 2017 goda / Sostaviteli E.I. Atamas', A.I. Mesyac, I.G. Shevcova. Moskva: ООО «МАКС Press», 2017. 200 p.
7. Rubinshtejn S.L. Osnovy obshchej psihologii. SPb.: Piter, Mastera psihologii, 2013. 705 p.
8. Sechko A.V., Leongardt O.R. Professional'naya вовлеченность педагогов в системе психологических взглядов // Psihologiya obucheniya. 2018. № 5. Pp. 104-114.
9. Sechko A.V. Psihologicheskaya model' professional'nogo vygoraniya pedagogicheskogo sostava // Psihologiya obucheniya. 2017. № 6. Pp.86-96.
10. Shishkina A.I. Teoretiko-eksperimental'noe issledovanie podkrepleniya v uchenii s pozicij deyatel'nostnogo podhoda // Molodoj uchenyj. 2009. № 5. Pp. 165-174.

Гольман Иосиф Абрамович,

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия,
кандидат технических наук
e-mail: i7591@yandex.ru

Golman Iosif Abramovich,

Master's student of the Faculty of Extreme
Psychology, Moscow State Psychological and
Pedagogical University, Moscow, Russia,
Candidate of Technical Sciences

ВЛИЯНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ НА АДАПТАЦИЮ ПЕРВОКУРСНИКОВ КОЛЛЕДЖА

THE IMPACT OF ANXIETY ON ADAPTATION IN COLLEGE FRESHMEN

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей влияния тревожности на психологическую адаптацию первокурсников в учреждениях среднего специального образования. Проведено экспериментальное исследование в колледже МосГУ, и анализ возможных взаимосвязей. Дополнительно проведено сравнение

полученных в эксперименте данных по показателям тревожности и депрессии у студентов с «доковидными» данными из научной литературы.

Annotation. The article is devoted to the study of the peculiarities of the influence of anxiety on the psychological adaptation of freshmen in institutions of secondary specialized education. An experimental study was carried out at the college of the Moscow State University, and an analysis of possible relationships. In addition, the data obtained in the experiment on the indicators of anxiety and depression in students were compared with the "dock-like" data from the scientific literature.

Ключевые слова: тревожность, адаптация студентов в образовательной среде, взаимосвязь тревожности и адаптации, снижение тревожности, психологическая помощь в системе образования.

Key words: anxiety, adaptation of students in the educational environment, the relationship between anxiety and adaptation, anxiety reduction, psychological assistance in the education system.

Отрицательное влияние тревожности на психологическую адаптацию и благополучие людей установлено во многих научных исследованиях [1; 2; 3; 5; 6]. Причем, страдать может не только школьная успеваемость подростка и молодого человека [7], но может возникать прямая угроза соматическому здоровью человека [2], и даже жизни подростка [8].

Здесь нужно отметить, что сами по себе феномены страха и тревоги не являются патологическими, часто оберегая человека от прогнозируемых опасностей. Однако в случае неоправданной, постоянно повышенной тревожности, подобное развитие событий приводит к фрустрации, усилению стрессогенных факторов, развитию психологических и соматических проблем невротического происхождения.

Особенно сильно и неблагоприятно подобное развитие ситуации воздействует на не полностью сформированную и слабо защищенную личность в подростковом и юношеском возрасте, прямо противодействуя ее адаптации в образовательной среде [5; 6]. К сожалению, дополнительные проблемы последнего времени усугубили ситуацию: имеется в виду постоянное усложнение учебной программы, нестабильная система среднего и (предстоящего подросткам) высшего образования (постоянные изменения «правил игры»), а также, конечно, события, начавшиеся в 2020 г, связанные с коронавирусом, и, соответственно, кардинальным изменением привычных для подростков условий образовательной среды [9].

Выше изложенное ориентирует на дальнейшее изучение вышеназванной тематики. Основной целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи (или ее отсутствия) между показателями тревожности и уровнем психологической адаптации студентов первого курса средне-специального учебного заведения. Выбор первого курса обусловлен имевшимися в научной литературе данными, что обучающиеся, только начинающие осваиваться с образовательной средой, обладают наиболее высокой тревожностью среди студентов всех курсов обучения [3; 5]. Дополнительной целью исследования было выявление количества

студентов с выраженными показателями тревожности в сравнении с данными по «доковидному» периоду, имевшимися в научной литературе.

Экспериментальное исследование было проведено 01.04.2021 г. в Московском колледже рекламы при Московском Гуманитарном Университете (в исследовании приняли участие студенты трех учебных групп, бывшие в день эксперимента на занятиях, всего 43 студента-первокурсника данного колледжа, в возрасте 16-18 лет, средний возраст 16,7 лет, добровольно принявшие участие в тестировании). Были применены следующие психодиагностические методики:

1. Методика диагностики тревожности по Госпитальной шкале ХАДС (HADS; The hospital Anxiety and Depression Scale Zigmond A. S., Snaith R. P.) [10].

2. Методика диагностики тревожности по Шкале личностной тревожности (А.М. Прихожан), Форма Б для старших школьников [6].

3. Методика диагностики социально-психологической адаптации (СПА) (К.Роджерс и Р. Даймонд) в адаптации А.К. Осницкого (2004 г.).

4. Методика оценки самочувствия, активности и настроения (САН).

После выбраковки некачественных опросных бланков (не заполнены, заполнены с нарушениями) отобрана для обработки и интерпретации выборка в 23 человека. Результаты проведенного исследования, обработанные с помощью методов математической статистики (критерий Спирмэна) и программы SPSSstatistic, интерпретированы с целью получения ответа по первоначально выдвинутой гипотезе.

В связи с ограниченным форматом статьи, ниже будут приведены только главные результаты и выводы исследования. Полностью данные эксперимента и результаты их обработки можно посмотреть в курсовой работе автора («Влияние тревожности на адаптацию подростков в образовательной среде»), выполненной при обучении в магистратуре МГППУ в 2021 г.

Из результатов математического расчета наблюдается значимая отрицательная корреляция изучаемых параметров («тревожность/среднее САН») с умеренной теснотой связи, причем это корректно и для связи адаптации с депрессией. Это подтверждает принятую нами гипотезу («больше» тревога – «меньше» адаптация) и показывает аналогичную зависимость с показателями депрессии.

В случае методики Роджерс-Даймонд было важно посмотреть взаимосвязи с тревожностью не только по интегральным показателям, но и по ее отдельным субшкалам. В итоге установлено, что «эмоциональный дискомфорт» весьма сильно связан и с повышенной тревожностью, и с депрессией, причем корреляция значима на уровне α менее 0.01. Такой же зависимостью, хоть и несколько слабее, отличается и субшкала «Внешний контроль». Связь тревожности с дезадаптивностью не столь очевидна, как в случае выше, но ее также можно считать значимой (r больше 0.3).

Что касается показателей адаптации, то все они находятся в обратной связи с показателями тревожности, что и ожидалось в соответствии с гипотезой, но умеренная теснота связи при α менее 0.05 зафиксирована лишь для показателей «эмоционального комфорта» и «интернальности». Для интегрального показателя адаптации наличие обратной связи с тревожностью зафиксировано, но в численных выражениях не слишком убедительно (в отличие от связи с показателем депрессии, где она прослеживается куда более четко).

Далее рассмотрим корреляционные связи показателей тревожности, измеренных по методике Прихожан (шкала Б для старших подростков) и показателей адаптации, исследованных по методикам САН и Роджерс-Даймонд.

Здесь обратная корреляция показателей тревожности и показателей шкал САН, (чьи высокие значения косвенно свидетельствовали бы о хорошей адаптации подростков в образовательной среде) абсолютно очевидна практически по всем пересечениям, и лишь по субшкале «магической тревожности» эта связь не подтверждена, как значимая, тем не менее, сохранив отрицательный знак зависимости. Однако, этот факт не дезавуирует гипотезу, а лишь подтверждает, что среди современной молодежи, получающей высшее образование, магическая тревожность распространена гораздо менее, чем иные подвиды тревожности.

Наиболее же заметна и сильна отрицательная корреляция между шкалой «Самочувствие» САН и интегральным показателем тревожности по шкале Прихожан ($\rho = -.562^{**}$ при α менее 0.01), а также между шкалой «Самочувствие» САН и показателем межличностной тревожности по шкале Прихожан ($\rho = -.574^{**}$ при α менее 0.01).

Суммарный показатель тревожности по Прихожан также демонстрирует значимую тесноту отрицательной связи с суммарным показателем по методике САН ($\rho = -.435^*$ при α менее 0.05). Эти данные однозначно свидетельствуют в пользу основной гипотезы исследования. Посмотрим корреляцию между тревожностью и показателями адаптации в методике Роджерс-Даймонд. Впервые значимой показала себя связь показателей «Магической тревожности» (Прихожан) и «Адаптации» (Роджерс), вновь сохранив отрицательный знак взаимозависимости: ($\rho = -.424^*$ при α менее 0.05). Максимальная же теснота отрицательной связи наблюдается у таких пар показателей, как «адаптация» и «школьная тревожность» ($\rho = -.627^{**}$ при α менее 0.01), «эмоциональный комфорт» и «суммарная тревожность» ($\rho = -.677^{**}$ при α менее 0.01), «эмоциональный комфорт» и «школьная тревожность» ($\rho = -.633^{**}$ при α менее 0.01), «эмоциональный комфорт» и «межличностная тревожность» ($\rho = -.709^{**}$ при α менее 0.01). В последнем случае теснота связи максимальна. Вообще тревожность оказала максимальное обратное влияние именно на эмоциональный комфорт тестируемых первокурсников колледжа.

Отметим, что суммарный показатель тревожности и суммарный показатель адаптации, согласно приведенной статистической обработке, также значимо зависят друг от друга с сохранением отрицательного знака этой зависимости: $\rho = -.517^*$ прикурсовой менее 0.05 (для точности, показатель $\alpha = 0.012$).

В заключение можно сделать выводы по проведенным исследованиям. Гипотеза подтверждена: повышенная тревожность и показатели адаптации обучающихся подростков имеют двухстороннюю значимую отрицательную взаимосвязь. Дополнительно выявлены повышенные показатели тревожности и депрессии первокурсников по сравнению с «доковидными» данными других исследователей (на 10-30% сверяя с данными [3,7]).

Список литературы:

1. Варламова А.Я. Школьная адаптация подростков. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2001. 144 с.
2. Гольман И.А. Два взгляда на один невроз // Человеческий капитал. 2019. № 6. С. 33-58.
3. Горшков Е.А., Коротина Л.Д. Исследование эмоциональной тревожности студентов на разных этапах обучения в педагогическом вузе // Молодой ученый. 2015. № 23.2 (103.2). С. 46-51.
4. Малкова Е.Е. Тревожность и развитие личности. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 268 с.
5. Моисеева Т.А. Коррекция тревожности у первокурсников вуза // Молодой ученый. 2018. № 19 (205). С. 377-383.
6. Прихожан А.М. Психологическая природа и возрастная динамика тревожности (личностный аспект): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1995.
7. Селиверстова Т.А. Взаимосвязь тревожности и успеваемости подростков: Диссертация бакалавра/ СИНГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2018.
8. Храмов Е.В. Психологические и психосоматические факторы риска суицидального поведения подростков // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 68-75.
9. Anxiety in Older Adolescents at the Time of COVID-19. Smirni P, Lavanco G, Smirni D. J Clin Med. – 2020 Sep 23; 9 (10):3064.
10. Zigmond AS, Snaith RP. The Hospital Anxiety and Depression Scale. Acta Psychiatr Scand 1983; 67:361-70

References:

1. Varlamova A.Y. Shkolnaya adaptatsiya teentsy. Volgograd: Izdatelstvo VolGU, 2001. 144 p.
2. Gol'man I.A. Dvaya vzglyad na odin neuroz // Human kapital. 2019. №6. Pp.33-58.
3. Gorshkov E.A., Korotina L.D. Research of emotional anxiety of students at different stages of education in pedagogical university // Molodoi sudeteni. 2015. № 23.2 (103.2). Pp. 46-51.
4. Malkova E.E. Anxiety and personality development. SPb.: Izd-vo RSPU imeni A.I. Gertsena, 2013. 268 p.
5. Moiseeva T.A. Correction of anxiety in pervokursnikov uzva // Molodoi nauchenii. 2018. № 19 (205). Pp. 377-383.
6. Prikhodzhan A.M. Psychological nature and age dynamics of anxiety (personal aspect): autoref. dis. ... Dr. Psychol. Sciences. M., 1995.

7. Seliverstova T.A. Interrelation of anxiety and academic performance of adolescents: Dissertation of the Bachelor / SINGU named after N.G. Chernyshevsky. Saratov, 2018.
8. Khramov E.V. Psychological and psychosomatic risk factors of suicidal behavior of adolescents // Modern foreign psychology. 2020. Т. 9. № 1. Pp. 68-75.
9. Anxiety in Older Adolescents at the Time of COVID-19. Smirni P, Lavanco G, Smirni D. J Clin Med. 2020 Sep 23; 9(10):3064.
10. Zigmond AS, Snaith RP. The Hospital Anxiety and Depression Scale. Acta Psychiatr Scand 1983; 67:361-70.

Горина Гаянэ Ивановна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: gannagor@mail.ru

Gorina Gayane Ivanovna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ АГРЕССИВНОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

PSYCHOLOGICAL CORRELATES OF AGGRESSIVENESS IN ADOLESCENCE

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор результатов эмпирического исследования психологических коррелятов агрессии в юношеском возрасте. Было установлено, что основными психологическими коррелятами агрессивного поведения в юношеском возрасте выступают способность личности к самоконтролю и фактор окружающей среды. Установлено, что чем выше уровень неуправляемой эмоциональной возбудимости, чем ниже уровень благоприятной атмосферы в коллективе, тем выше уровень агрессивности. Было выявлено, что у юношей более выражена прямая вербальная агрессия, а у девушек - косвенная вербальная агрессия.

Annotation. This article is an overview of the results of an empirical study of the psychological correlates of aggression in adolescence. It was found that the main psychological correlates of aggressive behavior in adolescence are the ability of the individual to self-control and environmental factor. It is established that the higher the level of uncontrollable emotional excitability, the lower the level of a favorable atmosphere in the team, the higher the level of aggressiveness. It was revealed that in boys direct verbal aggression is more pronounced, and in girls – toasuched verbal aggression.

Ключевые слова: эмоциональная возбудимость, агрессия, самоконтроль, самосознание, саморегуляция, социализация, эмпатия, гендерные различия, юношеская среда, окружающая среда.

Keywords: emotional excitability, aggression, self-control, self-awareness, self-regulation, socialization, empathy, gender differences, youth environment, environment.

Ученые выделяют две группы причин агрессивности в юношеском возрасте: внешние и внутренние [11]. Также исследователи отмечают, что

агрессия может быть реактивной (ответной реакцией человека на фрустрацию) и враждебной (намеренное и осознанное желание нанести вред другим). Но неотъемлемой характеристикой как групповой, так и индивидуальной является нанесение вреда личности. Основными из них являются нанесение морального ущерба, физического ущерба, материального и психологического (эмоционального).

Факторы, обуславливающие агрессивное поведение юношей, часто действуют одновременно: социально-психологические, индивидуальные, биологические [2]. Было выявлено, что агрессия в юношеском возрасте имеет следующие характеристики: наличие в группе инициаторов и провокаторов, подавление слабых, анонимность членов агрессивного поведения, заражающая природа агрессии, представление образа преступника, как положительного героя (в СМИ, литературе, кино) [13].

Возникновению агрессивного поведения в юношеском возрасте зачастую способствуют индивидуальные причины- связь агрессии с аффективностью и с проблемой саморегуляции личности [3]. Чем выше уровень сформированности индивидуальной саморегуляции личности, тем ниже риск формирования агрессивно-насильственного поведения [6].

Большое значение имеет фактор самооценки, который влияет на уровень агрессивного поведения. Установлено, что агрессивность коррелирует с крайними границами самооценки (как положительной, так и отрицательной) [11]. Помимо этого, агрессивность связана с повышенной тревожностью, эгоцентризмом, преобладанием использования в трудных ситуациях психологических защитных механизмов, а не приобретенных навыков совладания личности [11]. Многими исследователями отмечается, что ценностные ориентации личности имеют значимое влияние на агрессивное поведение подростков [9].

При постоянных неудачах у личности накапливается состояние гнева [4], формируется высокий уровень агрессивности, занижается самооценка, а вследствие этого развивается неуверенности в себе и комплекс неполноценности. Выявлена также взаимосвязь уровня агрессивности личности и ее желания повысить собственный статус, завоевать авторитет в группе [7].

Огромное влияние на агрессивное поведение юношей оказывают внутрисемейные отношения и взаимодействие с окружающими людьми [1; 5]. Немаловажную роль деструктивной формы поведения имеет уровень материального благополучия семьи [12]. Как правило, чаще жертвами подростковой и юношеской агрессии в коллективе, становятся юноши и девушки из малообеспеченных семей.

Весомой признается исследователями роль таких фрустрирующих факторов, как зависимость от школьной среды, негативные взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, отношения в семье, часто влекут разрушающее поведение среди юношей. Так, негативное поведение педагогов, в особенности выделение ими «любимчиков», чрезмерный

контроль и навязывание своего мнения, переживания негативного восприятия своего внешнего вида и поведения, также является одним из факторов агрессивного поведения в юношеском возрасте [8].

Обобщая вышеперечисленные факторы, можно сделать следующие выводы: агрессивность в юношеском возрасте негативно влияет на взаимоотношения с родителями, друзьями, сверстниками, на учебную деятельность и индивидуальное развитие личности, на успешность в их будущей профессиональной деятельности. Поэтому рассматривая агрессивное поведение старшеклассников, нужно учитывать такие факторы как: возрастные особенности личности, ее ценностные ориентации, личностные установки, черты характера, саморегуляция, самосознание, самоконтроль, гендерные различия, уровень социализации и эмпатии, владение культурно-социальными нормами, фактор сформированности личности и психологический фактор окружающей среды [6;10].

Целью эмпирического исследования является изучение особенностей агрессии в силу эмоциональной возбудимости личности, психологической атмосферы в коллективе, а также иных детерминант. В исследовании приняли участие 50 испытуемых в возрасте от 16 до 17 лет (10-11 класс), из них 26 юноши и 24 девушки. Базой исследования выступила ГБОУ города Москвы школа «Интеграл».

Гипотеза исследования состояла в предположении, что основными психологическими факторами агрессивного поведения в юношеском возрасте выступают способность личности к самоконтролю и факторы окружающей среды: чем выше уровень неуправляемой эмоциональной возбудимости, чем ниже уровень психологически благоприятной атмосферы в коллективе, тем выше уровень агрессивности.

В исследовании был использован ряд методик: «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев), «Оценка психологической атмосферы в коллективе» (А.Ф. Фидлер), «Экспресс-диагностика неуправляемой эмоциональной возбудимости» (В.В. Бойко).

Анализ эмпирических данных велся с использованием методов математической статистики, с подтверждением различий по ряду критериев (Критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмана).

На первом этапе произведена обработка данных по методике «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев). Выявлено, что и у юношей, и у девушек наиболее выраженным является вербальный тип агрессивного поведения. Интегральный показатель – уровень несдержанности (как по всей выборке, так и по отдельности у юношей и у девушек) имеет средний уровень выраженности.

Данные о различиях (критерий U-Манна-Уитни) между результатами двух групп по методике «Экспресс-диагностика неуправляемой эмоциональной возбудимости», показал наличие различий на уровне значимости $\leq 0,05$ между группами, из чего следует, что девушки более импульсивны, чем юноши. У них более выражена неуправляемая

эмоциональная возбудимость, которая может приводить к проблемам в их межличностном общении.

Согласно полученным результатам оценки психологической атмосферы в коллективе (по методике А.Ф.Фидлера), в юношеских коллективах преобладает дружелюбие.

На втором этапе была проведена математико-статистическая обработка данных психодиагностики с использованием U-критерия Манна-Уитни по выборке в группах юношей и девушек (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ показателей агрессивного поведения в группе юношей и группе девушек

ШКАЛЫ	Средние значения		U-Манна-Уитни	α
	Юноши	Девушки		
Прямая вербальная агрессия	4,85	5,42	252,0	0,237
Косвенная вербальная агрессия	3,96	5,83	161,5	0,003
Косвенная физическая агрессия	3,08	3,38	293,0	0,709
Прямая физическая агрессия	4,38	3,29	199,5	0,027
Уровень несдержанности	12,31	12,08	297,0	0,770

Различие на уровне значимости $p \leq 0,01$ выявлено по шкале «косвенная вербальная агрессия», а различие на уровне $p \leq 0,05$ – по шкале «прямая физическая агрессия». При этом данные свидетельствуют, что девушки более импульсивны, чем юноши. У них более выражена неуправляемая эмоциональная возбудимость, которая может приводить к проблемам в межличностном общении.

Прямые связи на уровне значимости $p \leq 0,01$ существуют между импульсивностью и общим уровнем несдержанности (табл. 2). Это у юношей указывает на то, что чем выше уровень неуправляемой эмоциональной возбудимости, тем выше уровень несдержанности их агрессивных проявлений. Высокая эмоциональная возбудимость способна снижать контроль за поведением и сопровождаться агрессией. Сравнения полученных результатов диагностики неуправляемой эмоциональной возбудимости показал, что девушки в своем поведении более импульсивны, чем юноши. Для них характерно действовать без достаточного самоконтроля, под влиянием внешних обстоятельств или в силу собственных эмоциональных переживаний. Юноши предпочитают применять силу для нанесения морального и физического вреда, направляют свое недовольство, обиду, агрессию на обидчика.

В целом, наше эмпирическое исследование показало, что существуют связи между агрессивным поведением, эмоциональной возбудимостью и

психологической атмосферой в группе. Общие прямые связи для двух групп были обнаружены между импульсивностью и прямой вербальной агрессией, а также косвенной вербальной агрессией. Высокий уровень неуправляемой возбудимости юношей способствует повышению их уровня несдержанности и выражению агрессивных проявлений.

Таблица 2

Корреляционный анализ агрессивного поведения, психологической атмосферы в коллективе и эмоциональной возбудимости в группе юношей

Переменные	Прямая вербальная агрессия		Косвенная вербальная агрессия		Прямая физическая агрессия		Уровень несдержанности	
	ρ	α	ρ	α	ρ	α	ρ	α
Дружелюбие – Враждебность			0,428	0,029	0,400	0,043		
Удовлетворенность – Неудовлетворенность					0,449	0,021		
Продуктивность – Непродуктивность					0,506	0,008		
Сотрудничество – Несогласованность			0,392	0,048				
Увлеченность – Равнодушие			0,402	0,042	0,392	0,048		
Психологическая атмосфера			0,410	0,038	0,433	0,027		
Импульсивность	0,469	0,016	0,420	0,033			0,528	0,006

Было выявлено, что косвенная вербальная агрессия повышает враждебность, несогласованность, равнодушие и общую неблагоприятную атмосферу в группе юношей, а также повышает признак безуспешности коллектива в группе девушек. Однако, для старшеклассников чаще характерно выражать свою агрессию в прямой словесной форме (через крик, ссору, оскорбления, грубые слова и т.д.). А постоянно направлять агрессию и свою обиду на других им почти не свойственно.

Список литературы:

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 1999. 509 с.
2. Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. Монография. М.: Пер Сэ, 2012. 319 с.
3. Березина Т.Н. Исследование внутреннего мира методом анализа характеристик мысли и образа // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 27-37.
4. Березина Т.Н. Эмоциональная сфера личности студента: структурно-уровневые особенности// Психология обучения. 2018. № 5. С. 44-57.
5. Бэрн Р. Агрессия: учебное пособие. СПб: Питер, 2010. 352 с.
6. Гаралева М.Д. Индивидуально-типические особенности саморегуляции агрессивного поведения: дисс... кандидат психологических наук. М. 2006. 246 с.

7. Кобзева О.В. Динамика агрессивности и ее взаимодействия с личностными особенностями в подростковом и юношеском возрастах: диссертация ... канд. псих. наук. М., 2007. 235 с.

8. Ларионов П.М. Социально-психологические факторы, провоцирующие агрессию у подростков // Вестник Балтийского федерального университета. им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2020. № 3. С. 74-91.

9. Литвинова А.В., Орлова М.Н. Ценностные ориентации и агрессивное поведение подростков // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях: коллективная монография / Под общ. ред. А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. Пермь, 2018. С. 71-83.

10. Пономарева Д.И., Пономарева Е.А. Социально-психологические факторы формирования отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. № 1. С. 14-21.

11. Реан А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика: учебное пособие / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

12. Собкин В.С., Смыслова М.М. Жертвы школьной травли: влияние социальных факторов // Труды по социологии образования. Т XVI. Вып. XXVIII. М.: Институт социологии образования РАО, 2012. С. 130-136.

13. Симонович Н.Е. Девиантное поведение и его последствия для человека. // Обучение и развитие: современная теория и практика: материалы XVI Международных чтений памяти Л. С. Выготского. Воронеж, 2015. С. 584-592.

References:

1. Bandura A., Uolters R. Podrozkovaya agressiya. Izuchenie vliyaniya vospitaniya i semejnyh otnoshenij. M., 1999. 509 p.

2. Berezina T.N. Mnogomernaya psihika. Vnutrennij mir lichnosti. Monografiya. M.: Per Se, 2012. 319 p.

3. Berezina T.N. Issledovanie vnutrennego mira metodom analiza harakteristik mysli i obraza // Psychological Journal. 1999. T. 20. № 5. Pp. 27-37.

4. Berezina T.N. Emocional'naya sfera lichnosti studenta: strukturno-urovnevye osobennosti // Psihologiya obucheniya. 2018. № 5. Pp. 44-57.

5. Beron R. Agressiya: uchebnoe posobie. SPb.: Piter, 2010. 352 p.

6. Garaleva M.D. Individual'no-tipicheskie osobennosti samoreguljatsii agressivnogo povedeniya // dissertatsii ... kandidat psihologicheskikh nauk. M., 2006. 246 p.

7. Kobzeva O.V. Dinamika agressivnosti i ee vzaimodejstviya s lichnostnymi osobennostyami v podrozkovom i yunosheskom vozrastah: dissertatsii ... kand. psih. nauk. M., 2007. 235 p.

8. Larionov P.M. Social'no-psihologicheskie faktory, provocyruyushchie agressiyu u podrozkov // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta. im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya. 2020. №3. Pp. 74-91.

9. Litvinova A.V., Orlova M.N. Cennostnye orientatsii i agressivnoe povedenie podrozkov / Modeli i tekhnologii okazaniya psihologicheskoy pomoshchi detyam i podrozkam v ekstremal'nyh situatsiyah: kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. A.V. Kokurina, V.I. Ekimovoj, E.A. Orlovoj. Perm', 2018. Pp. 71-83.

10. Ponomareva D.I., Ponomareva E.A. Social'no-psihologicheskie faktory formirovaniya otklonyayushchegosya povedeniya nesovershennoletnih // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2018. № 1. Pp. 14-21.

11. Rean A.A. Psihologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika: uchebnoe posobie / A.A. Rean, A.R. Kudashev, A.A. Baranov. Spb: PRAJM-EVROZNAK, 2006. 479 p.

12. Sobkin V.S., Smyslova M.M. ZHertvy shkol'noj travli: vliyanie social'nyh faktorov // Trudy po sociologii obrazovaniya. T XVI. Vyp. XXVIII. M.: Institut sociologii obrazovaniya RAO, 2012. Pp. 130–136.

13. Simonovich N.E. Deviantnoe povedenie i ego posledstviya dlya cheloveka // Obuchenie i razvitie: sovremennaya teoriya i praktika: materialy XVI Mezhdunarodnyh chtenij pamyati L.S. Vygotskogo. Voronezh, 2015. Pp.584-592.

Егорова Наталья Вячеславовна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: slav-na08@yandex.ru

Egorova Natalya Vyacheslavovna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

МОТИВАЦИОННЫЕ БАРЬЕРЫ УЧЕБНОЙ УСПЕШНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

MOTIVATIONAL BARRIERS TO ACADEMIC SUCCESS OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN FROM DISADVANTAGED FAMILIES

Аннотация. Статья посвящена вопросам мотивации и учебной успешности младших школьников из неблагополучных семей. В статье раскрывается понятие мотивационного барьера учебной успешности. Также в данной работе представлен обзор результатов эмпирического исследования по выявлению мотивационных барьеров учебной успешности младших школьников из неблагополучных семей.

Annotation. The article is devoted to the issues of motivation and academic success of younger schoolchildren from disadvantaged families. The article reveals the concept of motivational barrier of educational success. Also in this paper is an overview of the results of an empirical study to identify motivational barriers to the educational success of younger schoolchildren from disadvantaged families.

Ключевые слова: мотивация, учебная успешность, мотивационный барьер, неблагополучие семьи.

Keywords: motivation, academic success, motivational barrier, family disadvantage.

Проблемам учебной успешности и развития мотивационной сферы посвящено огромное количество трудов. Однако в современной школе по-прежнему приоритетной задачей является повышение эффективности обучения учащихся, особенно младших школьников. Учитывая, что мотивация оказывает самое большое влияние на продуктивность учебного процесса и определяет успешность обучения, ученые считают необходимым с начальных классов мотивировать учащихся к учебным успехам и помогать им в преодолении барьеров на пути к этой цели.

Вопросами формирования и развития мотивации младших школьников занимались такие видные психологи, как Л.И. Божович,

А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Д.Б. Эльконин. Исследователи рассмотрели вопросы развития мотивации, ее функции и виды, представили основные подходы к ее исследованию, а также проанализировали уровни становления учебной мотивации, компонентный состав, факторы и условия, которые влияют на формирование мотивации как компонента учебной деятельности [1; 4; 6; 9]. Доказано, что чем выше уровень сформированности учебно-познавательных мотивов, тем выше способность ребенка усваивать необходимую информацию. И напротив, низкий уровень развития учебно-познавательной мотивации подразумевает снижение успеваемости в школе. Многие исследователи видят взаимосвязь между уровнем развития мотивационной сферы ребенка и его социальным окружением [7].

В настоящее время наблюдается значительное количество неблагополучных семей, находящихся ввиду объективных или субъективных причин в состоянии затруднений. Как отмечают исследователи, социально-экономические перемены, происходящие в мире, технизация и информатизация всех сфер жизнедеятельности человека, изменение статуса женщины в обществе, которое порождает проблему совмещения занятости и семейных обязанностей, увеличение количества разводов – все эти факторы являются причинами отчуждения, равнодушия, одиночества людей. В то время, как на воспитание растущего человека необходимо совсем другое, прямо противоположное, – единение, заинтересованность, понимание личности, индивидуальности [2].

Факторов неблагополучия довольно много, но все авторы схожи в одном – условия проживания в неблагополучных семьях ведут к снижению качества жизни ребенка, могут наносить вред его психическому и физическому развитию [3]. Одновременно отмечается, что зачастую в семьях, внешне благополучных в социально-экономическом плане, обстановка в них требует включения в так называемую «группу риска» в психолого-педагогическом плане, т.к. налицо минимизация или дефицит доверительных отношений, а тотальная занятость родителей, их психолого-педагогическая некомпетентность приводят к возникновению проблем в детско-родительских отношениях. В итоге это отражается и на учебной успешности детей, в том числе на их познавательной способности, и на развитии учебно-познавательной мотивации.

Особенно остро вопрос развития мотивации учебной деятельности звучит в отношении младших школьников из неблагополучных семей, так как семейное неблагополучие оказывает глубокое влияние на социализацию ребенка, на освоение ребенком социальных ролей, норм и правил поведения, становление его личности, формирование эмоционально-волевой и когнитивной сфер, развитие мотивации учения и на учебную успешность в целом.

Цель нашего исследования - выявить мотивационные барьеры, влияющие на учебную успешность младших школьников из неблагополучных семей. Выборку исследования составили 33 школьника в

возрасте 9-11 лет (средний возраст 10 лет), из них 15 мальчиков и 18 девочек.

Гипотезой исследования выступило предположение, что наличие таких мотивационных барьеров, как безразличное отношение родителей к успехам детей, ограничение кругозора детей лишь бытовым опытом, отсутствие распорядка дня, отсутствие трудового воспитания приводит к снижению учебной успешности у младших школьников из неблагополучных семей по сравнению с младшими школьниками из благополучных семей.

Была разработана программа эмпирического исследования, базирующаяся на следующих методиках: «Семья учащегося» А.В. Котеневой, Е.Ю. Кушниковой - с целью выявления детей из неблагополучных семей в условиях образовательного учреждения [3]; для проведения сравнительного анализа учебной успешности младших школьников, воспитывающихся в благополучных и неблагополучных семьях, были использованы ведомости с текущими оценками школьников; «Лесенка побуждений» Л.И. Божович, А.К. Марковой – для выявления относительной выраженности мотивов учения [1]; Анкета Н.Г. Лускановой – для определения уровня школьной мотивации, общего отношения к школе [5]; для выявления мотивационных барьеров учебной успешности младших школьников из неблагополучных семей испытуемым была предложена оригинальная анкета.

В рамках исследования выявлен уровень неблагополучия в семьях учеников с помощью анкеты «Семья учащегося» (табл. 1).

Таблица 1

Количество младших школьников из неблагополучных семей
(на основе анкеты «Семья учащегося»)

Уровень неблагополучия	Количество учащихся в классе (исходя из общего числа испытуемых – 33 чел.)
Низкий уровень семейного неблагополучия	12,1%
Выраженный уровень семейного неблагополучия	18,1%

12,1% младших школьников принадлежат к семьям с низким уровнем неблагополучия. Беспокоит выраженный уровень неблагополучия, выявленный у 18,1% от общего числа респондентов. В итоге дети из неблагополучных семей имеют в третью часть от общего числа обследованных. С целью выявления особенностей мотивационных барьеров учебной успешности эта группа сравнивалась с учащимися из благополучных семей.

Сначала был проведен анализ ведомости с текущей успеваемостью школьников. Средний балл успеваемости учеников из благополучных и неблагополучных семей приведен в Таблице 2. Для сравнения значимости различий в оценках между группами был применен U-критерий Манна-Уитни. Средний балл успеваемости учеников из неблагополучных семей ниже среднего балла успеваемости учеников из благополучных семей.

Согласно статистическому анализу, существуют значимые различия в успеваемости между группами.

Таблица 2

Успеваемость учащихся из благополучных и неблагополучных семей

Учащиеся из благополучных семей	Среднее значение успеваемости	Учащиеся из неблагополучных семей	Среднее значение успеваемости	Уровень значимости
N =10	4,44	N =10	3,34	p<0,000

Выявление относительной выраженности мотивов учения осуществлялось на основе данных по методике Л.И. Божович, А.К. Марковой «Лесенка побуждений» (табл. 3). Для сравнения двух групп был использован метод ϕ (угловое преобразование Фишера).

Таблица 3

Степень выраженности мотивов учения младших школьников из благополучных и неблагополучных семей

Выраженность мотивов учения	Учащиеся из благополучных семей	Учащиеся из неблагополучных семей	Эмпирическое значение $\phi_{\text{эмп.}}$	Уровень значимости
I – Гармоничное сочетание мотивов	60%	70%	1,486*	p<0.0686
II – Доминирование познавательных мотивов над социальными	30%	20%	1,64**	p<0.0505
III – Доминирование социальных мотивов над познавательными	10%	10%	0,0***	p<0,5

Согласно проведенному статистическому анализу, в двух мотивах из трех различий не выявлено, исключение составляет мотив – Доминирование познавательных мотивов над социальными. Эмпирическое значение находится в зоне неопределенности. Для выявления различий необходимо расширить круг испытуемых.

Определение уровня школьной мотивации, общего отношения к школе и учению велось по анкете Н.Г. Лускановой. Для анализа уровня школьной мотивации младших школьников, воспитывающихся в благополучных и неблагополучных семьях, исследователем было высчитано среднее значение по каждому уровню, что отражено в Таблице 4. Для сравнения значимости различий в уровне школьной мотивации между группами был использован U-критерий Манна-Уитни.

Существуют значимые различия в уровне школьной мотивации между группами (табл. 4).

Таблица 4

Уровень школьной мотивации учеников из благополучных и неблагополучных семей

Уровень школьной мотивации	Среднее значение		Уровень значимости
	Учащиеся из благополучных семей	Учащиеся из неблагополучных семей	
Негативное отношение к школе	0	6,8	p<0,000
Низкая школьная мотивация	0	12,5	
Положительное отношение к школе	16,4	15	
Хорошая школьная мотивация	22	0	
Высокая школьная мотивация	0	0	

Сравнение мотивационных барьеров учебной успешности младших школьников, воспитывающихся в благополучных и неблагополучных семьях, выявленных в процессе исследования, представлено на Рис. 1. Для этого было высчитано среднее значение по каждому барьеру у учащихся из контрольной группы.

Рис. 1. Степень выраженности мотивационных барьеров учебной успешности учащихся

Сравнение значимости различий в выраженности мотивационных барьеров между группами было осуществлено с помощью U-критерия Манна-Уитни (табл. 5).

Согласно статистическому анализу, существуют значимые различия в проявлении некоторых мотивационных барьеров между группами, а именно: Отсутствие у родителей заинтересованности в обучении детей; Ограничение кругозора детей лишь бытовым опытом/отсутствие досуга у детей; Отсутствие распорядка дня. Различий в проявлении следующих

барьеров между группами нет: безразличное отношение родителей к успехам детей; отсутствие трудового воспитания.

Таблица 5

Значимость различий в выраженности мотивационных барьеров у учащихся из благополучных и неблагополучных семей

Наименование мотивационного барьера	Учащиеся из благополучных семей (ср.знач.)	Учащиеся из неблагополучных семей (ср.знач.)	Эмпирическое значение U Манна-Уитни	Точная знач-сть
Отсутствие у родителей заинтересованности в обучении детей	2,6	3,9	23,0	,043
Безразличное отношение родителей к успехам детей	1,8	2,3	43,5	,631
Ограничение кругозора детей лишь бытовым опытом/отсутствие досуга у детей	2,1	5,5	5,5	,000
Отсутствие распорядка дня	2,3	4,2	15,5	,007
Отсутствие трудового воспитания	2,4	4,4	26,0	,075

Для подтверждения или опровержения гипотезы были проведены корреляционные исследования для выявления взаимосвязи между успеваемостью и установленными мотивационными барьерами с помощью коэффициента корреляции Спирмена (табл. 6).

Таблица 6

Результаты корреляционного анализа по взаимосвязи успеваемости и мотивационных барьеров у младших школьников

Наименование мотивационного барьера	Успеваемость (среднее значение)		Мотив.барьер (среднее значение)		Коэффициент корреляции Спирмена	Значимость (двусторонняя)
	Благ.	Неблаг.	Благ.	Неблаг.		
Отсутствие у родителей заинтересованности в обучении детей	4,44	3,34	2,6	3,9	-,532*	,016
Безразличное отношение родителей к успехам детей	4,44	3,34	1,8	2,3	-0,45	,851
Ограничение кругозора детей лишь бытовым	4,44	3,34	2,1	5,5	-,549**	,012

опытом/отсутствие досуга у детей						
Отсутствие распорядка дня	4,44	3,34	2,3	4,2	-,704***	,001
Отсутствие трудового воспитания	4,44	3,34	2,4	4,4	-,347	,134

Согласно статистическому анализу, мы видим сильную отрицательную взаимосвязь между следующими мотивационными барьерами и успеваемостью: Отсутствие у родителей заинтересованности в обучении детей; Ограничение кругозора детей лишь бытовым опытом/отсутствие досуга у детей; Отсутствие распорядка дня. Взаимосвязь не выявлена между успеваемостью и следующими мотивационными барьерами: Безразличное отношение родителей к успехам детей; Отсутствие трудового распорядка.

Проведенный статистический анализ для выявления взаимосвязи между успеваемостью и мотивационными барьерами в каждой группе выборки показал, что корреляционной взаимосвязи между обозначенным параметрами отдельно в каждой группе не выявлено ввиду малочисленности групп и недостаточного объема данных при рассмотрении каждой группы в отдельности.

Как подтверждает практика, в наши дни, педагогам и учителям начальных классов важно знание не только специфики профессиональной деятельности определенной направленности, но и теоретические знания и практические навыки в области психологии. Крайне важными являются знания об особенностях формирования и развития положительной мотивации учения младших школьников. Эти знания являются начальной ступенью всего последующего отношения детей к всему процессу образования в целом. Учебная мотивация учащихся младших классов является тем зерном, взрастив которое, педагогам, учителям, наставникам удастся воспитать любознательную, ищущую и находящую личность. В связи с тем, что мотивация учения напрямую зависит от вовлеченности детей в учебный процесс, задачей учителя является побуждение учеников к активной деятельности и мыслительному процессу.

Проведенное исследование не является масштабным, но полученные результаты диктуют необходимость дальнейшей проработки данного вопроса. Изучение мотивационных барьеров, характерных для детей из неблагополучных семей, необходимо продолжать. Данный вопрос является актуальным сейчас, не потеряет он своей актуальности и в будущем.

Список литературы:

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М., 2005. 165 с.
2. Истратова О.Н. Семейное неблагополучие как социально-психологическая проблема // Известия ЮФУ. Технические науки. Таганрог, 2013. С. 242-249.

3. Котенева А.В., Кушникова Е.Ю. Семейное неблагополучие: проблемы, критерии и методики диагностики // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях / Коллективная монография под общ. ред. А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. М.: МГППУ, 2018. С. 114-125.
4. Леонтьев Д.А. Современная психология мотивации. М.: Смысл, 2012. С. 289-314.
5. Лусканова Н.Г. Диагностика интеллектуального развития детей 6-8-летнего возраста. М.: Просвещение, 2007. 132 с.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019. С. 69-72.
7. Нелюбина Ю.О., Сараева Е.В. Взаимосвязь семейных отношений с учебной мотивацией младших школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 8 (август). URL: <http://e-koncept.ru/2019/0192032.htm>.
8. Сечко А.В. Модель личностного самоопределения младших школьников системе безопасности образовательной и общественной среды / А.В. Сечко, В.А. Орехова // Психологическая безопасность образовательной среды: подходы, модели, профилактика: коллективная монография. М.: Издательство «Авторская мастерская», 2016. С. 80-106.
9. Эльконин Д.Б. Психология обучения младших школьников. М.: Педагогика, 2008. 321 с.

References:

1. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti. M., 2005. 165 p.
2. Istratova O.N. Semejnoe neblagopoluchie kak social'no-psihologicheskaya problema // Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki. Taganrog, 2013. Pp. 242-249.
3. Koteneva A.V., Kushnikova E.YU. Semejnoe neblagopoluchie: problemy, kriterii i metodiki diagnostiki // Modeli i tekhnologii okazaniya psihologicheskoy pomoshchi detyam i podrostkam v ekstremal'nyh situatsiyah / Kollektivnaya monografiya pod obshch. red. A.V. Kokurina, V.I. Ekimovoj, E.A. Orlovoj. M.: MGPPU, 2018. Pp. 114-125.
4. Leont'ev D.A. Sovremennaya psihologiya motivacii. M.: Smysl, 2012. Pp. 289-314.
5. Luskanova N.G. Diagnostika intellektual'nogo razvitiya detej 6-8-letnego vozrasta. M.: Prosveshchenie, 2007. 132 p.
6. Maslou A. Motivaciya i lichnost'. SPb.: Piter, 2019. Pp. 69-72.
7. Nelyubina YU.O., Saraeva E.V. Vzaimosvyaz' semejnyh otnoshenij s uchebnoj motivaciej mladshih shkol'nikov // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept». – 2019. № 8 (avgust). URL: <http://e-koncept.ru/2019/0192032.htm>.
8. Sechko A.V. Model' lichnostnogo samoopredeleniya mladshih shkol'nikov sisteme bezopasnosti obrazovatel'noj i obshchestvennoj sredy / A.V. Sechko, V.A. Orekhova // Psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy: podhody, modeli, profilaktika: kollektivnaya monografiya. M.: Izdatel'stvo «Avtorskaya masterskaya», 2016. Pp. 80-106.
9. El'konin D.B. Psihologiya obucheniya mladshih shkol'nikov. M.: Pedagogika, 2008. 321p.

Зайцева Юлия Алексеевна

магистрант, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская федерация, e-mail: 8926057@mail.ru

Zaitseva Yulia Alekseevna

master's student, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

НАРУШЕНИЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

VIOLATION OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN THE SENIOR PRESCHOOL AGE

Аннотация. Межличностные отношения старших дошкольников характеризуются индивидуальным способом построения отношений со сверстниками; формированием способности устанавливать устойчивые дружеские отношения. Полученные результаты могут стать основанием для разработки и проведения специальной программы целью которой является снижение уровня переживания стресса детей старшего дошкольного возраста.

Abstract. Interpersonal relationships of senior preschoolers are characterized by an individual way of building relationships with peers; the formation of the ability to establish stable friendships. The results obtained can become the basis for the development and implementation of a special program whose goal is to reduce the level of stress of older preschool children.

Ключевые слова: межличностные отношения, стрессовые ситуации, стресс, тревожность, негатив, агрессивность, агрессия, злость, беспокойство.

Key words: interpersonal relations, stressful situations, stress, anxiety, negative, aggressiveness, aggression, anger, anxiety.

Отношение к другим людям является одним из основных полей развития личности на протяжении всей жизни человека. При этом одним из первых проблему межличностных отношений стал исследовать еще в начале XX века А.Ф. Лазурский, обозначив весь комплекс отношений человека термином «экзопсихика».

Сегодня понятие межличностных отношений рассматривается с разных точек зрения:

- система ориентаций, установок, ценностей, ожиданий, стереотипов и других паттернов, которые оказывают влияние на оценивание и восприятие людьми друг друга [5, С. 206];

- субъективное переживание взаимосвязи между людьми, которые проявляются в объективном плане в способах и характере взаимных влияний, оказываемых ими в процессе совместного общения и деятельности [5, С. 206];

- специфическая форма отражения социальной реальности [1; 2];

- «...целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности» [4]. В теории В.Н. Мясищева отмечается: отношение тесно связано с поведением и отражением действительности личностью; является продуктом индивидуального развития; включает в себя опосредованные и непосредственные элементы, которые состоят из единства процессуального и принципиального; включает в себя активность, избирательность, сознательность;

- внутренняя психологическая основа взаимодействия и общения человека с окружающими людьми; особая коммуникативная деятельность, ориентированная на формирование взаимоотношений (Г.М. Андреева, К.А.Абульханова-Славская, Я.Л. Коломинский, М.И. Лисина, Т.А. Репина).

Дошкольное детство – это специфичный этап развития человека, имеющий решающее значение в дальнейшем формировании его личности. Целым рядом авторов (Л.И. Божович, Г.М. Бреслав, К. Бюлер, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, Г.Г. Кравцов, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, Ж. Пиаже, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин и др.) отмечалось, что в этом возрастном периоде происходит первоначальное раскрытие творческих сил, самостоятельности ребёнка. Освоение позиции субъекта детских видов деятельности является важнейшим условием развития детской индивидуальности. Вопросы особенностей развития межличностных отношений у детей старшего дошкольного возраста в разное время исследовались такими специалистами в области детской психологии, как Е.А. Аркин, Л.В. Артемова, А.С. Заслужный, Я.Л. Коломинский, А.С. Макаренко, Т.А. Репина, Е.О. Смирнова, В.М. Холмогорова и др.

В исследованиях выше указанных авторов было выявлено, что к старшему дошкольному возрасту отношение к сверстникам претерпевает новые изменения. В отличие от детей среднего дошкольного возраста, которые легко перенимают точку зрения взрослого при оценивании действий сверстников, дети старшего дошкольного возраста не только склонны более самостоятельно оценивать ситуацию, но даже объединяться друг с другом и противостоять взрослому. Дети в этом возрасте сильнее оказываются вовлеченными в деятельность сверстников, внимательно следят за действиями друг друга, включаются в них эмоционально. Положительным моментом является то, что негативные качества, отчетливо заметные в среднем дошкольном возрасте, сглаживаются: дети становятся способными к сопереживанию, взаимовыручке, поддержке, реже злорадствуют и завидуют, конкуренция приобретает более здоровый характер. Это очень важно, поскольку способность к безоценочному восприятию сверстников приводит к тому, что дети начинают воспринимать друг друга с личностной точки зрения, понимать, что другой человек важен и интересен сам по себе. Именно в старшем дошкольном возрасте формируется личностное начало в отношениях.

Е.О. Смирнова отмечает, что в старшем дошкольном возрасте дети приобретают индивидуальные способы построения отношений со сверстниками, а внутренние искажения в формировании межличностных отношений часто могут привести к конфликтам, которые вызывают у ребят тяжелые эмоции (озлобленность, страх, обида и др.) [7].

Е.О. Смирнова и В.М. Холмогорова выделили пассивно-положительный, эгоистичный, конкурентный, личностный и нестабильный виды отношений детей дошкольного возраста к сверстникам [7].

Н.И. Шевандрин, характеризуя межличностные отношения старших дошкольников в группах детского сада, выделил следующие их виды:

- функционально-ролевые (отношения в рамках выполнения детьми игровой, трудовой, учебной, спортивной, ролевой деятельности), которые помогают ребятам применять нормы поведения в детском коллективе;

- эмоционально-оценочные (исправление субъективно оцениваемого как неправильное поведение другого человека в рамках выражения симпатий и антипатий, дружбы и т.д.);

- личностно-смысловые (мотивы одного ребенка становятся наделенными личностным смыслом для других ребят, что выражается в сопереживании детей друг к другу и т.д.) [10].

О.А. Шаграева выделяет ряд признаков межличностных отношений именно старших дошкольников [9, с. 74]:

- формирование и развитие стереотипных и поведенческих норм, влияющих и регулирующих межличностные отношения детей;

- взрослый является инициатором межличностного общения ребят;

- между детьми контакты имеют недолговременный характер;

- старшие дошкольники стараются общаться с детьми помладше, то подражать в общении тем, кто старше их;

- старшие дошкольники стараются подражать взрослым людям в общении.

Таким образом, межличностное общение старших дошкольников имеет свои особенности, выраженные в таких характеристиках как индивидуальные способы построения отношений со сверстниками; формирование способности устанавливать устойчивые дружеские отношения; параигровой характер отношений старших дошкольников; склонность детей более самостоятельно оценивать ситуацию; развитие умения создавать устойчивые группы по интересам, разрешать конфликты и т.д. Конфликтные ситуации в старшем дошкольном возрасте могут вызывать у ребенка тяжелые эмоциональные ощущения тревоги, страха и т.д.

Цель нашего исследования заключалась в социометрическом изучении и оценке межличностных предпочтений в группе детей дошкольного возраста. В исследовании приняли участие 20 дошкольников, причем в группу опрошенных вошли дети, родители которых находятся в состоянии развода.

В исследовании использовались следующие методики для сбора данных: методика по выявлению межличностных отношений Е.О. Смирновой: социометрическая процедура «Капитан корабля» социометрическое изучение и оценка межличностных предпочтений в группе детей дошкольного возраста; методика «Два домика» (по Т.Д. Марцинковской), позволяющая выявить включенность ребенка в общение с другими детьми; методика Рене Жиля.

По полученным данным был проведен корреляционный анализ (по методу коэффициента ранговой корреляции Спирмена) особенностей дошкольников и особенностей их межличностных отношений (см. Табл.1).

Согласно полученным данным, значимые обратные взаимосвязи выявлены между Тревожностью и Социометрическим статусом ($p \leq 0,01$), между Тревожностью и Благополучием взаимоотношений группы ($p \leq 0,01$). Данные взаимосвязи указывают на то, что чем выше у детей тревожность, тем ниже их социальный статус, тем ниже уровень благополучия их межличностных взаимоотношений.

Обратные взаимосвязи также обнаружены между Тревожностью и следующими шкалами: Отношение к отцу ($p \leq 0,05$), Отношение к матери и отцу вместе ($p \leq 0,05$), Отношение к бабушке, дедушке ($p \leq 0,05$), Отношение к учителю, воспитателю ($p \leq 0,01$). Перечисленные взаимосвязи свидетельствуют о том, что, чем выше уровень тревожности, тем менее благополучные и менее близкие отношения ребенка с отцом, матерью, бабушкой, дедушкой, учителем (воспитателем).

Таблица 1
Корреляционный анализ особенностей дошкольников и особенностей их межличностных отношений

Шкалы	Тревожность	Социометрический статус	Благополучие взаимоотношений группы	Отношение к матери	Отношение к отцу	Отношение к матери и отцу вместе	Отношение к братьям и сестрам	Отношение к бабушке, дедушке	Отношение к другу, подруге	Отношение к учителю, воспитателю
Тревожность		-,728**	-,664**		-,472*	-,546*		-,463*		-,619**
Любознательность	-,546*	,519*	,551*			,733**		,707**		
Стремление к общению в больших группах детей							-,492*			
Стремление к доминированию или лидерству					,452*					
Конфликтность, агрессивность	,454*	-,562**	-,604**			-,630**		-,802**		
Реакция на фрустрацию		-,642**	-,655**	-,793**	-,840**					
Стремление к уединению, отгороженность	,535*	-,461*		-,454*	-,681**			-,471*	-,601**	

Тревожность имеет обратную взаимосвязь с любознательностью ($p \leq 0,05$): чем выше тревожность у детей, тем они менее любознательны, тем меньше они проявляют интерес к окружающему миру, людям.

Прямая взаимосвязь на уровне значимости $p \leq 0,05$ выявлена между Тревожностью и Конфликтностью, Агрессивностью, Стремлением к уединению (отгороженностью): чем выше тревожность у детей, тем они более конфликтны и агрессивны, тем больше они стремятся к уединению, одиночеству, тем более они социально замкнутые.

Прямая взаимосвязь на уровне значимости $p \leq 0,05$ выявлена между Стремлением к доминированию или лидерству и Отношением к отцу. Чем более выражено у детей такое качество, как лидерство, тем более тесные отношения у них с отцом. Доминирование более присуще мужчинам. Исходя из этого, можно предположить, что дети с лидерскими качествами воспринимают отца как пример для подражания.

Между Стремлением к общению в больших группах детей и Отношением к братьям и сестрам обнаружена обратная взаимосвязь ($p \leq 0,05$), которая указывает на то, что чем больше выражено у ребенка стремление к общению в больших группах, тем менее благоприятное их отношение с братьями и сестрами. Такую взаимосвязь можно объяснить разницей в возрасте между детьми в семье. То есть, для ребенка будет более комфортное общение с ровесниками, чем со старшими (либо младшими) родными братьями и сестрами.

Параметр Любознательность имеет прямые связи с Социометрическим статусом ($p \leq 0,05$), Благополучием взаимоотношений группы ($p \leq 0,05$), Отношением к матери и к отцу ($p \leq 0,01$), Отношением к бабушке и дедушке ($p \leq 0,01$). Такие корреляционные взаимосвязи указывают на то, что любознательные дети, проявляющие интерес к новым знаниям и всему новому в окружающем мире, выступают для сверстников авторитетами. С такими детьми охотно дружат другие дети. Они не испытывают трудности в межличностном общении как со сверстниками, так и с родными.

Сильные обратные корреляционные связи были выявлены между шкалой Конфликтность, Агрессивность и Социометрическим статусом ($p \leq 0,01$), Благополучием взаимоотношений группы ($p \leq 0,01$), Отношением к матери и отцу вместе ($p \leq 0,01$), Отношением к бабушке, дедушке ($p \leq 0,01$). Данные связи говорят о том, что дети, склонные к конфликтности и агрессивности имеют низкий социальный статус среди сверстников, в их межличностном общении наблюдаются негативные проявления (негативный настрой по отношению к другим детям, замкнутость, одиночество, необщительность и др.). У таких детей прослеживаются нарушения в отношениях с родителями, бабушкой, дедушкой.

Похожие взаимосвязи выявлены между параметром Реакция на фрустрацию и Социометрическим статусом ($p \leq 0,01$), Благополучием взаимоотношений группы ($p \leq 0,01$), Отношением к матери ($p \leq 0,01$), Отношением к отцу ($p \leq 0,01$). Это свидетельствует о том, что чем чаще у детей проявляются реакции на фрустрацию (разочарование, обида, досада, раздражение, негодование, отчаяние), тем ниже их социометрический

статус в группе, тем менее благополучное их межличностное взаимодействие, тем у них менее близкие и доверительные отношения с родителями.

Стремление к уединению, отгороженность имеет взаимосвязи со следующими шкалами: Социометрическим статусом ($p \leq 0,05$), Отношением к матери ($p \leq 0,05$), Отношением к отцу ($p \leq 0,01$), Отношением к бабушке и дедушке ($p \leq 0,05$), Отношением к другу, подруге ($p \leq 0,01$). Можно предположить, что тихие, малоактивные дети, которые играют в одиночестве и не стремятся к контактам со сверстниками, соответственно, имеют низкий социометрический статус («изолированные», «отвергаемые»), имеют нарушения и трудности в сфере внутрисемейных отношений.

В целом, полученным результаты свидетельствуют, что в группе большинство дошкольников имеют статус «Предпочитаемых», т.е. основная часть группы – дети, с которыми хотят дружить и играть. Среди личностных особенностей дошкольников наиболее выражена любознательность, наименее выраженные следующие особенности: стремление к общению в больших группах детей, конфликтность, агрессивность, реакция на фрустрацию.

Высокий уровень тревожности указывает на частое переживание ими дискомфорта, ожидание неблагополучия, предчувствие грозящей для них опасности. Выявлено, что чем ниже социометрический статус дошкольника, чем менее благополучные их взаимоотношения со сверстниками и родными, тем у них выше уровень тревожности, агрессивности, конфликтности, реакции на фрустрации, стремления к уединению.

Отсутствие близких, теплых, доверительных отношений с родными (в особенности с родителями, бабушками, дедушками), неблагополучные взаимоотношения в группе сверстников, низкий социометрический статус выступают для дошкольников стрессовыми ситуациями, которые вызывают следующие нарушения межличностных отношений: обидчивость, плаксивость, замкнутость, отстраненность от группы, неразвитость социальных и коммуникативных навыков, избегание общения, боязнь ребенка, что его будут дразнить и обижать, неумение наладить контакт со сверстниками, ожидание неприятностей, повышенная агрессивность и конфликтность. Следовательно, отрицательные отношения к другим, неумение мирно играть и контактировать со сверстниками, неумение принимать точку зрения и интересы других.

Разработанные нами рекомендации по работе с нарушениями межличностных отношений у старших дошкольников в стрессовой ситуации могут учитываться в работе педагогов-психологов и способствовать повышению статуса ребенка в группе сверстников, развивая его коммуникативные навыки, снижая уровень переживания стресса.

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2019. 362с.
2. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности: (Проблемы методологии, теории и исслед. реал. личности). М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2019. 216 с.
3. Коломинский Я.Л. Психология общения. М.: Знание, 2019. 440 с.
4. Лисина М.И. Общение со взрослыми и психологическая подготовка детей к школе / М.И. Лисина, Г.И. Капчеля. Кишинев, 2017. 112 с.
5. Мясищев В.Н. Психология отношений: избранные психологические труды / под ред. А.А. Бодалева; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. - 4-е изд. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2011. 398 с.
6. Репина М.А. Особенности межличностных отношений детей дошкольного возраста / М.А. Репина, Т.К. Мухина // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 1267-1269.
7. Смирнова Е.О. Состояние игры современных дошкольников / Е.О. Смирнова, О. В.Гударева // Психологическая наука и образование. 2005. № 2. С. 42-52.
8. Шаграева О.А. Детская психология: Теоретический и практический курс. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2012. 214 с.
9. Шевандрин Н.И. Концептуальные и прикладные основы социальной психологии // Социальная психология в образовании: учебное пособие. Ч. 1. М.: Владос, 1995. 424 с.

References:

1. Andreeva G.M. Social'naya psihologiya. Izd. 5-e, ispr. i dop. M.: Aspekt Press, 2019. 362 p.
2. Abul'hanova-Slavskaya K.A. Psihologiya i soznanie lichnosti: (Problemy metodologii, teorii i issled. real. lichnosti): Izbr. psihol. tr. M.: Mosk. psihol.-soc. in-t ; Voronezh: MODEK, 2019. 216 p.
3. Kolominskij YA. L. Psihologiya obshcheniya. M.: Znanie, 2019. 440 p.
4. Lisina M. I. Obshchenie so vzroslymi i psihologicheskaya podgotovka detej k shkole / M. I. Lisina, G.I. Kapchelya. Kishinev, 2017. 112 p.
5. Myasishchev V.N. Psihologiya otnoshenij [Tekst]: izbrannye psihologicheskie trudy / V.N. Myasishchev; pod red. A.A. Bodaleva; Rossijskaya akad. obrazovaniya, Moskovskij psihologo-social'nyj in-t. 4-e izd. M.: Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo in-ta; Voronezh : MODEK, 2011. 398 p.
6. Repina M.A. Osobennosti mezhlichnostnyh otnoshenij detej doshkol'nogo vozrasta / M.A. Repina, T.K. Muhina // Molodoj uchenyj. 2015. № 9. Pp. 1267-1269.
7. Smirnova E.O. Sostoyanie igry sovremennyh doshkol'nikov / E.O. Smirnova, O.V. Gudareva // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2005. № 2. Pp. 42-52.
8. SHagraeva O.A. Detskaya psihologiya: Teoreticheskij i prakticheskij kurs. M.: Gumanitarnyj izdatel'skij centr VLADOS, 2012. 214 p.
9. Shevandrin N.I. Konceptual'nye i prikladnye osnovy social'noj psihologii // Social'naya psihologiya v obrazovanii: uchebnoe posobie. CH. 1. M.: Vlados, 1995. 424 p.

Кривова Александра Владимировна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: crivova.aleksandra@yandex.ru

Krivova Alexandra Vladimirovna

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА

FEATURES OF AGGRESSIVE BEHAVIOR OF ADOLESCENTS FROM THE POINT OF VIEW OF A GENDER APPROACH

Аннотация. Статья посвящена изучению агрессивного поведения подростков в гендерном аспекте. Представлены результаты исследования половой идентичности подростков, их склонность к определенному типу агрессивного поведения. Проведен сравнительный анализ полового дифференциала, агрессивного поведения юношей и девушек. Выявлены корреляционные связи половой идентичности и агрессивного поведения подростков.

Annotation. The article is devoted to the study of aggressive behavior of adolescents in the gender aspect. The results of the study of the sexual identity of adolescents, their tendency to a certain type of aggressive behavior are presented. A comparative analysis of the sexual differential, aggressive behavior of boys and girls is carried out. The revealed correlations of sexual identity and aggressive behavior of adolescents.

Ключевые слова: агрессивное поведение, половая идентичность, половой стереотип, маскулинность, феминность, подростковый возраст

Key words: aggressive behavior, sexual identity, sexual stereotype, masculinity, femininity, adolescence.

Проблема агрессивного поведения в подростковом возрасте является существенной для современного общества. Ведь она затрагивает не только ближайшее окружение несовершеннолетних, но и оказывает разрушающее действие на самого человека, влияет на его адаптивные способности, социализацию, взаимоотношения с окружающими. В настоящее время, время информационных интернет-технологий, модели агрессивного, жестокого поведения и насилия находятся в свободном доступе для подростков, что способствует увеличению агрессивных тенденций среди молодежи.

Большинство ученых рассматривают агрессивное поведение как разрушающие, насильственные, угрожающие действия, причиняющие ущерб другим [3]. Чаще всего в психологии выделяют два вида проявления такого поведения – физический и вербальный, и две его формы – прямую (направленная непосредственно на агрессора) и косвенную (направленная на других людей или предметы) [2].

Агрессивное поведение наиболее ярко проявляется в подростковом возрасте, который характеризуется различными трудностями и противоречиями. В данный период жизни происходят физиологические, гормональные и психосоциальные изменения (половое созревание; внешние изменения; изменения в поведении, ценностях, интересах; перепады

настроения и эмоциональная нестабильность; стремление к самосовершенствованию; потребность в общении со сверстниками, желание быть взрослым и независимым), которые способствуют частому выражению враждебности, негативизма, агрессивных реакций [1].

В настоящее время прослеживается возрастание агрессивного поведения подростков, причем как у юношей, так и у девушек. Ранее, изучая такое поведение, ученые не заостряли внимание на половой принадлежности испытуемых. Агрессивность считалась мужским свойством, а ее изучения проводились, как правило, на мужских выборках. Тем не менее, современная реальность доказывает, что поведение девушек и женщин также часто приобретает агрессивный характер [4; 7; 8].

Девушки-подростки часто сталкиваются с проблемой отсутствия четких требований к гендерной роли в жизни. Так, дома от них ожидают скромности, нежности, повиновения, в учебе от них требуют стремления к знаниям и значимых достижений, в межличностных отношениях им нужно уметь отстаивать свои границы и личную позицию.

На основании подобного «уравнения» гендерных ролей в подростковом возрасте целесообразно изучать данное поведение с учетом гендерной идентичности личности.

В работах отечественных ученых (А.Г. Асмолов, А.И. Белкин, Д.Н. Исаев, В.Е. Каган, И.И. Лунин и др.) говорится, что биологическое развитие человека не способно полностью определить его как мужчину или женщину и должно дополняться «психологическим» полом. По мнению некоторых зарубежных психологов (С. Бем, М. Киммела, К.Уест), гендер выступает некой базовой меркой социальной структуры общества, которая наряду с другими характеристиками (возраст, раса, класс) организует социальную систему, что влияет на развитие личности [6]. В свою очередь, А.В. Кирилина называет гендером взаимодействие предписываемых обществом социальных и культурных норм [5].

Для изучения гендерных особенностей проявления агрессивности в подростковом возрасте было проведено эмпирическое исследование на базе Гимназии 4 гор. Лыткарино Московской области. В исследовании приняли участие 20 обучающихся 6-8 классов, возраст которых 11-13 лет.

В качестве гипотезы было выдвинуто следующее предположение: агрессивное поведение в подростковом возрасте имеет гендерные особенности, которые у юношей проявляются в выражении физической агрессии, а у девушек – доминировании в поведении вербальных видов агрессии.

При проведении исследования были использованы две методики: опросник «Маскулинность-фемининность» С. Бем (модификация И.С. Клециной) и методика «Агрессивное поведение» (Е.П. Ильин и П.А. Ковалев). Также были применены математико-статистические методы: критерий U-Манна-Уитни и коэффициент корреляции Кендалла.

Согласно результатам исследования половой идентичности (рис. 1), юноши подвержены «традиционным» стереотипам как маскулинности, так и феминности. Однако девушки и юноши имеют разное представления о выраженности мужских качеств в разнополых людей. При этом у мужчин маскулинные, а у женщин феминные качества достаточно высоки. Девушки стереотипно воспринимают только мужчин. Их гендерные установки образа женщин указывают на эгалитаризм, то есть приравнены к мужским.

Рис. 1. Результаты диагностики гендерной идентичности личности

В исследовании обнаружены различия по показателю Маскулинность в образе женщин ($p \leq 0,01$). Девушки считают, что у женщин более выраженные маскулинные качества, а по мнению юношей, в образе женщин маскулинные качества уступают феминным.

Выявленное различие по шкале Маскулинность в образе мужчин ($p \leq 0,05$) говорит о том, что юноши, в сравнении с девушками, приписывают мужчинам более высокие показатели маскулинности.

Результаты психодиагностики агрессивного поведения (рис. 2) указывают на то, что юношам свойственны физические способы проявления агрессии: с прямой направленностью на самого агрессора ($p \leq 0,01$) и на других, невиновных людей, предметы ($p \leq 0,05$). Девушки предпочитают выразить агрессию в словесной форме.

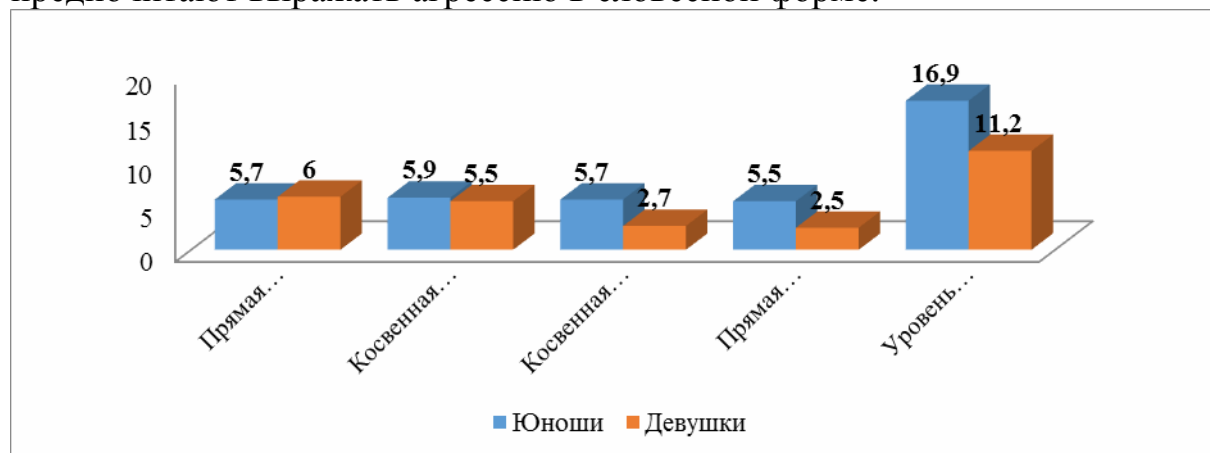

Рис. 2. Результаты диагностики агрессивного поведения

Юноши, в сравнении с девушками, более вспыльчивы, менее сдержанные и менее эмоционально устойчивы. На это указывает различие на уровне значимости $p \leq 0,05$ по параметру Уровень несдержанности.

Следующим этапом был проведен корреляционный анализ между особенностями подверженности подростков к стереотипам маскулинности-феминности и их агрессивным поведением. Так, прямые корреляционные связи на уровне значимости ($p \leq 0,01$) в группе юношей были выявлены между Маскулинными характеристиками в образе мужчин и Прямой вербальной агрессией, Косвенной физической агрессией, Прямой физической агрессией, Уровнем несдержанности. Эти связи указывают на то, что чем более выраженные маскулинные качества у подростков юношей, тем более они несдержанные, тем чаще они проявляют агрессию с помощью применения физической силы, тем чаще агрессивно отвечают обидчику в словесной форме.

В группе девушек выявлена значимая ($p \leq 0,01$) прямая связь между шкалой Маскулинными характеристиками в Образе женщин и Косвенной физической агрессией: чем более выраженные маскулинные качества у девушек, тем более выражена у них косвенная физическая агрессия.

Шкала Феминные характеристики в Образе женщин имеет сильную ($p \leq 0,01$) прямую связь с Прямой вербальной агрессией и Косвенной вербальной агрессией. Такая связь говорит о том, что девушкам, у которых преобладают феминные качества, свойственно выражать свою агрессию с помощью вербальных средств (гнев, крик, угрозы и др.).

Таким образом, в современном мире в нормативных эталонах образцов мужественности и женственности наблюдаются преобразования. Гендерные установки у юношей приравниваются к традиционным, в то время как у девушек они более эгалитарные. По мнению девушек, в образе женщин столько же «сильных» маскулинных качеств, как и в образе мужчин. Девушки не относят себя к «слабому» полу, и приравнивают к мужчинам. Можно предложить, что на это влияет образ жизни XXI века и требования к современной женщине, а именно быть самостоятельной, независимой, активной, успешной, целеустремленной, уметь отстаивать свое мнение.

Несмотря на то, что у подростков не прослеживается явных различий в представлении своей идентичности, юноши и девушки, стремясь соответствовать общепринятым образам феминности и маскулинности, проявляют агрессию по-разному. Так, агрессивное поведение у юношей характеризуется выражением агрессии с применением физической силы. У девушек доминируют вербальные способы проявления агрессии.

Список литературы:

1. Байярд Т.Р., Байярд Дж. Ваш беспокойный подросток. М.: Академический Проект, 2011. 208 с.
2. Басс А., Дарки А. Концепция агрессии / враждебности: учебник. Екатеринбург, 2013. 260 с.

3. Брель Е.Ю. К проблеме определения агрессии в отечественных и зарубежных психологических исследованиях // Ежегодник Российского психологического общества. 2015. № 5 С.221-222.

4. Иванова Е.А. Гендерные различия в проявлении агрессивности у детей подросткового возраста: диссер. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2002. 181 с.

5. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: РОССПЭН, 2004. 252 с.

6. Клецина И.С. Гендерная социализация: Учебное пособие. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. 92 с.

7. Пенитенциарная психология: психологическая работа с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы: учебное пособие / В.М. Поздняков [и др.]; Московский государственный психолого-педагогический университет. М.: Издательство ЮРАЙТ, 2020. 222 с.

8. Сечко А.В. Деструктивно-агрессивное поведение несовершеннолетних осужденных и его коррекция в подростковом возрасте / А. В. Сечко, Н. В. Донскова // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях: Коллективная монография / Под общей редакцией А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2018. С. 154-175.

References:

1. Bajyard T.R., Bajyard Dzh. Vash bespokojnyj podrostok. M.: Akademicheskij Proekt, 2011. 208 p.

2. Bass A., Darki A. Konceptiya agressii / vrazhdebnosti: uchebnik. Ekaterinburg, 2013. 260 p.

3. Brel' E.YU. K probleme opredeleniya agressii v otechestvennyh i zarubezhnyh psihologicheskikh issledovaniyah // Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obshchestva. 2015. № 5. Pp.221-222.

4. Ivanova E.A. Gendernye razlichiya v proyavlenii agressivnosti u detej podrostkovogo vozrasta: disser. ... kand. psihol. nauk. Irkutsk, 2002. 181 p.

5. Kirilina A.V. Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikacii. M.: ROSSPEN, 2004. 252 p.

6. Klecina I.S. Gendernaya socializaciya: Uchebnoe posobie. SPb.: RGPU im. A.I. Gercena, 1998. 92 p.

7. Penitenciar'naya psihologiya: psihologicheskaya rabota s osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody: textbook / V.M. Pozdnyakov [et al.]; Moskovskij gosudarstvennyj psihologo-pedagogicheskij universitet. M.: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo YURAJT", 2020. 222 p.

8. Sechko A.V. Destruktivno-agressivnoe povedenie nesovershennoletnih osuzhdennyh i ego korrekciya v podrostkovom vozraste / A.V. Sechko, N.V. Donskova // Modeli i tekhnologii okazaniya psihologicheskoy pomoshchi detyam i podrostkam v ekstremal'nyh situacijah: Kollektivnaya monografiya / Pod obshchej redakciej A.V. Kokurina, V.I. Ekimovoj, E.A. Orlovoj. Perm': IP Sigitov T.M., 2018. Pp. 154-175.

Митрофанова Наталья Викторовна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: nmitrofa@yandex.ru

Mitrofanova Natalia Viktorovna

ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ЛИЧНОСТНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК НА ФОРМИРОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ У ПОДРОСТКОВ

THE INFLUENCE OF SOCIAL ENVIRONMENT CONDITIONS AND PERSONAL PREREQUISITES ON THE FORMATION OF DESTRUCTIVE MENTAL STATES IN ADOLESCENTS

Аннотация. Возрастные особенности психики в подростковом возрасте, в совокупности с проблемой социализации и недостатком внимания со стороны взрослых, приводят к формированию деструктивных психических состояний у подростков. Целью данной работы является выявление степени влияния условий современной социальной среды и личностных предпосылок на формирование деструктивных психических состояний у подростков.

Annotation. Age-related features of the psyche in adolescence, combined with the problem of socialization and lack of attention from adults, lead to the formation of destructive mental states in adolescents. The purpose of this work is to identify the degree of influence of the conditions of the modern social environment and personal prerequisites on the formation of destructive mental states in adolescents.

Ключевые слова: психическое состояние, деструктивное поведение, личностные предпосылки, социальные условия, подросток.

Keywords: mental state, destructive behavior, personal prerequisites, social conditions, teenager.

Психические состояния имеют сложную структуру, которая включает в себя физиологический, психофизиологический, психологический и социально – психологические уровни, выполняющие различные функции – от сопроводительной до регуляторной [10].

Анализ публикаций свидетельствует, что психическое состояние часто рассматривается как душевное волнение, возникающее под воздействием внешних и внутренних факторов, которые являются не постоянными [6]. К внутренним факторам относятся личные особенности подростка (темперамент, характер, воля, эмоции, мотивация, способности и др.), а к внешним факторам, прежде всего, социально-психологические условия их окружающие (воспитательный процесс, социальное окружение, место в группе сверстников и т.д.).

Установлено, что социально-психологические условия образовательной среды училища закрытого типа (интернат) выступают такие, как: ограничение контактов с привычными референтными группами; смена привычного режима и образа жизни; недемократичный характер взаимодействий и отношений; наличие определённого ограниченного социума; преобладание коллективных отношений над личностными;

регламент и жёсткий режим; относительная гомогенность состава коллектива; автономность его существования; четко ограниченное пространство жизнедеятельности, вызывают у подростков напряженность, тревожность, апатию, замкнутость и неуверенности в своих силах. Указанные факторы и условия могут оказывать влияние на возникновение таких негативных эмоциональных состояний, как тревожность, гнев, фрустрация [8]. Взаимосвязь между эмоциональными состояниями и личностными свойствами (предпосылками) обуславливается тем, что и одно, и другое основывается на биологической основе.

Нами проведено экспериментальное исследование, в ходе которого была оценена степень проявления деструктивных психических состояний у подростков, выявлены статистические связи между показателями социально-психологических условий, личностных предпосылок и степенью проявления деструктивных психических состояний. При этом были использованы следующие методики: Диагностика психического состояния (по Г. Айзенку); Тест Спилберга-Ханина (личностная и ситуативная тревожность); Опросник В. Бойко (фрустрация); Тест Басса - Дарки (определение агрессивности); 16-факторный тест Кеттелла, 12PF/CPQ (профиль личности); Оценка социально-психологической адаптации в коллективе (тест Роджерса - Даймонд); Оценка психологической атмосферы в коллективе (тест А.Ф. Фидлера).

В исследовании приняли участие 24 юноши, в возрасте 10 - 12 лет, спортсмены баскетболисты воспитанники спортивного интерната г. Москвы.

В качестве примера приведем результаты тестирования выраженности психических состояний (тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности) на основе методики «Диагностика психического состояния». В итоге выявлены следующие особенности среди юношей спортивного интерната:

- уровень тревожности высокий – 12%, средний – 21%;
- уровень фрустрации высокий – 8%, средний – 13%;
- уровень агрессивности высокий – 8%, средний – 25%;
- уровень ригидности высокий – 0%, средний – 17%.

В контексте предположения о перспективах роста спортмастерства озабоченность вызывает выявленный факт, что 25 % испытуемых обладают высокими и средними показателями сразу по 3 состояниям:

- уровню тревожности;
- уровню фрустрации;
- уровню агрессивности.

Далее был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена между результатами, полученными по шкалам теста Роджерса - Даймонда (социально-психологические условия) и шкалами методик оценивания психических состояний, а также шкалами теста Кеттелла (личностные свойства) и шкалами методик, оценивающих

психические состояния; шкалами Фидлера (психологический климат в коллективе) и шкалами методик, оценивающих психические состояния.

В результате выявлены значимые зависимости между шкалам теста Кеттелла и шкалой «фрустрация» методики «Социально-психологической адаптации», а также шкалой «интегральный показатель эмоциональной комфортности» методики «Диагностика психических состояний» ($r=-0.52^{**}$, $p<0,01$). Кроме того, значимые умеренные отрицательные взаимосвязи ($r=-0.414^*$, $p<0,05$) проявились между шкалой «фрустрация» и шкалой «интегральный показатель доминирования».

По результатам проведенного анализа корреляционной зависимости между шкалам теста «Кеттелла» и шкалами теста «Диагностика психических состояний» были выявлены значимые средние положительные взаимосвязи ($r=0.615^{**}$, $p<0,01$) между шкалой «тревожность» и шкалой «расслабленность/напряженность». Существуют значимые средние положительные взаимосвязи между шкалой «фрустрация» и шкалой «сдержанность/возбудимость» ($r=0.525^{**}$, $p<0,01$). Были выявлены значимые средние положительные взаимосвязи между шкалой «фрустрация» и шкалой «спокойствие/тревожность» ($r=0.536^{**}$, $p<0,01$), а также значимые средние положительные взаимосвязи между шкалой «агрессивность» и шкалой «сдержанность/возбудимость» ($r=0.556^{**}$, $p<0,01$).

В целом, по данным нашего исследования была доказана взаимосвязь между психическими состояниями (тревожность, фрустрация, агрессивность) и личностными свойствами (тревожность, возбудимость, напряжённость). Установлены значимые положительные взаимосвязи ($r=0.541^{**}$, $p<0,01$) между шкалой «ригидность» и шкалой «удовлетворенность/неудовлетворенность» теста Фидлера «психологический климат в коллективе».

Между шкалой «агрессивность» и шкалой «успешность/безуспешность» существуют значимые умеренные положительные взаимосвязи ($r=0.49^*$, $p<0,05$). Чем в большей степени выражены показатели по шкале «агрессивность», тем больше выражены показатели по шкале «успешность/безуспешность». Между шкалой «ригидность» и шкалой «взаимная поддержка/равнодушие» существуют значимые умеренные положительные взаимосвязи ($r=0.444^*$, $p<0,05$). Чем в большей степени выражены показатели по шкале «ригидность», тем больше выражены показатели по шкале «взаимная поддержка/равнодушие». Так же были выявлены значимые умеренные положительные взаимосвязи между шкалой «фрустрация» и шкалой «дружелюбие/враждебность» ($r=0.433^*$, $p<0,05$). С возрастанием показателей по шкале «фрустрация» также возрастают показатели по шкале «дружелюбие/враждебность».

В результате проведенного исследования доказано, что деструктивные психические состояния у подростков вызваны социально-психологическими условиями (спортивная дисциплина, адаптация, отсутствие личного

пространства, привычного круга общения, межличностными отношениями в сугубо мужском коллективе и т.д.), а также личностными особенностями подростков (темпераментом, характером, мотивацией). Учитывая взаимосвязь между психическими состояниями, агрессивностью и фрустрацией и социально-психологическими условиями (климат в коллективе), можно констатировать возможность проблем в социализации. При этом именно негативные психические состояния могут вести как к сложностям в учебном процессе и межличностном общении, так и к более серьезным поведенческим отклонениям.

Список литературы:

1. Дружинин В.Е. Психология эмоций, чувств, воли. М.: Сфера, 2003. 96 с.
2. Зотова-Масс Р. Психотерапия деструктивных эмоций // Метод «Арт-ре-транса: практическое руководство. М.: Издание книг ком., 2020. 192 с.
3. Изард К.Е. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2008. 464с.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2011. 340 с.
5. Кравченко Ю.Е. Психология эмоции. Классические и современные теории и исследования: учебное пособие. М.:Форум, 2019. 544 с.
6. Лебедев А.В. Личность и ее свойства: учебное пособие. СПб.: СПбГУНиПТ, 2001. 212 с.
7. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб: Питер, 2001. 592 с.
8. Прохоров А.О. Психология состояний. М.: Когито-центр, 2011. 623 с.
9. Сечко А.В. Деструктивно-агрессивное поведение несовершеннолетних осужденных и его коррекция в подростковом возрасте / А.В. Сечко, Н.В. Донскова // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях: Коллективная монография / Под общей редакцией А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2018. С. 154-175.
10. Сечко А.В. Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2020. Т.9. № 1. С. 85-93.

References:

1. Druzhinin V.E. Psihologiya emocij, chuvstv, voli. M.: Sfera, 2003. 96 p.
2. Zotova-Mass R. Psihoterapiya destruktivnyh emocij // Metod «Art-re-transa: prakticheskoe rukovodstvo. M.: Izdanie knig kom., 2020. 192 p.
3. Izard K.E. Psihologiya emocij. SPb.: Piter, 2008. 464 p.
4. Il'in E.P. Emocii i chuvstva. SPb.: Piter, 2011. 340 p.
5. Kravchenko YU.E. Psihologiya emocii. Klassicheskie i sovremennye teorii i issledovaniya: uchebnoe posobie. M.: Forum, 2019. 544 p.
6. Lebedev A.V. Lichnost' i ee svojstva: uchebnoe posobie. SPb.: SPbGUNiPT, 2001. 212 p.
7. Maklakov A.G. Obshchaya psihologiya. SPb: Piter, 2001. 592 p.
8. Prohorov A.O. Psihologiya sostoyanij. M.: Kogito-centr, 2011. 623 p.
9. Sechko A.V. Destruktivno-agressivnoe povedenie nesovershennoletnih osuzhdennyh i ego korrekciya v podrozkovom vozraste / A.V. Sechko, N.V. Donskova // Modeli i tekhnologii okazaniya psihologicheskoy pomoshchi detyam i podrozkam v ekstremal'nyh situacijah: Kollektivnaya monografiya / Pod obshej redakciej A.V. Kokurina, V.I. Ekimovoj, E.A. Orlovoj. Perm': IP Sigitov T.M., 2018. Pp. 154-175.

10. Sechko A.V. Psihologicheskie faktory recidivizma i ego profilaktiki (po materialam zarubezhnyh issledovaniy) // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2020. T. 9. № 1. Pp. 85-93.

Мишина Марина Михайловна

профессор кафедры психологии и педагогики
образования института психологии
им. Л. С. Выготского Российского государственного
гуманитарного университета, г. Москва, Россия
доктор психологических наук, доцент
e-mail: mishinamm@yandex.ru

Mishina Marina Mikhailovna

Professor of the Department of Psychology and
Pedagogy of Education of the Vygotsky Institute of
Psychology, Russian State University for the
Humanities, Moscow, Russia
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF EDUCATIONAL WORK ON THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR IN ADOLESCENTS

Аннотация. Профилактика девиантного поведения подростков актуальна и необходима при развитии социальных отношений в Российской Федерации. Современная профилактика девиантного поведения подростков направлена на формирование устойчивости психики подростков к антисоциальным нормам поведения и вредным привычкам. Одной из главных функций социального педагога является профилактика девиантного поведения подростков.

Abstract. Prevention of deviant behavior of adolescents is relevant and necessary in the development of social relations in the Russian Federation. Modern prevention of deviant behavior of adolescents is aimed at forming the stability of the adolescent psyche to antisocial norms of behavior and bad habits. One of the main functions of a social pedagogue is the prevention of deviant behavior of adolescents.

Ключевые слова: воспитательная работа, профилактика девиантного поведения, подросток, педагог.

Key words: educational work, prevention of deviant behavior, teenager, teacher.

Согласно Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» важнейшим социальным заказом общества является воспитательно-профилактическая работа с подростками по предупреждению правонарушений. Профилактика является одним из основных и перспективных направлений деятельности в социальной работе. Жизнь повседневно убеждает, что легче, с гораздо меньшими издержками для общества и личности, не допустить возможных

отклонений в действиях или поведении социального объекта, чем бороться с уже наступившими негативными последствиями. Проблема девиантного поведения является проблемой любого человеческого общества, а её решение способствует успешному духовному и нравственному развитию государства. Задачи профилактики девиантного поведения у подростков сводятся к предупреждению отклонений, где наиболее важным является недопущение первого опыта правонарушений, а также минимизация социального вреда девиантного поведения подростков для общества. Решение этих задач требует высокого профессионализма у педагогов и развития у них специальных навыков воспитательной работы с подростками.

Объект исследования: профилактика девиантного поведения у подростков.

Предмет исследования: психологические особенности воспитательной работы по профилактике девиантного поведения у подростков.

Цель исследования: изучить психологические особенности воспитательной работы по профилактике девиантного поведения у подростков.

Гипотеза исследования заключается в том, что профилактика девиантного поведения у подростков будет эффективной в том случае, если в работе будут учтены интересы и возрастные особенности подростков.

Методы исследования: беседа на основе составленных вопросов для расположения респондентов к более открытым и искренним ответам; метод наблюдения; тестирование: тест руки Э. Вагнера, направленный на выявление уровня агрессивности; тест-опросник Басса-Дарки диагностирующий состояние агрессивности; методика рисуночной фрустрации С. Розенцвейга; тест «Смыслоразнонаправленные ориентации» Д.А. Леонтьева. Эмпирическая база исследования: 20 подростков (10 человек – экспериментальная группа и 10 человек в контрольная группа).

Рассматривая девиантное поведение подростков как психолого-педагогическую проблему, нами было выявлено, что девиантное поведение с точки зрения различных методологических подходов представляет собой отклонение от нормы, рассматриваемое большей частью членов общества как предосудительное и недопустимое. Анализ факторов формирования девиантного поведения показал их дифференциацию на индивидуальные, социально-психологические, личностные и социальные группы. Формы социальной патологии: аддиктивные, делинквентные, суицидальный риск [1; 5].

Девиантное поведение подростков рассматривается как поведение, отклоняющееся от морально-нравственных и правовых норм человеческого общества [2]. Профилактика девиантного поведения представляет собой комплексное явление, включающее мониторинг всех факторов риска, просветительскую деятельность с семьей подростка и ближайшим социальным окружением, а также активную психолого-педагогическую деятельность, направленную на развитие личностных ресурсов подростков с применением

таких методов работы, как лекция, групповые занятия, дискуссия, мозговой штурм, ролевые игры [3].

Метод беседы был реализован с целью определения наличия у обучающихся девиантного поведения и выявления уровня самооценки. Беседа проводилась по заранее составленному списку вопросов.

В процессе исследования была составлена карта наблюдения, включающие следующие параметры: применение физической силы; способность к грубым шуткам; способность вступать в драку; раздражительность; повышать голоса в споре; в случаях неудачи винить обстоятельства; убеждать другого в своей правоте в спорной ситуации.

Исходя из результатов, полученных в ходе наблюдения, были сделаны следующие выводы, что 43 % подростков готовы применить физическую силу для защиты своих прав; 21 % подросток способен на грубые шутки в адрес своих сверстников; препираются и спорят со взрослыми 16 % подростков; вступает в драку 4 % подростков; быстро раздражаются и на агрессию отвечают агрессией 7 % подростков; нарушают установленное правило и начинают кричать в ответ на крик 9 % подростков.

Уровень агрессивности у подростков (методика Вагнера) выявила, что показатель предрасположенности к агрессивному поведению находится в диапазоне от 14 до 10. Отрицательное значение отмечают у 42 % респондентов, что свидетельствует об отсутствии у них агрессивности.

По результатам анализа данных по опроснику Басса-Дарки выявлено, что у 90% респондентов преобладает чувство вины и подозрительность.

Данные оценки мотива агрессивности в поведении по методике рисуночной фрустрации С. Розенцвейга показывают, что мотив агрессивности слабо выражен у 30% респондентов.

Показатели смысложизненных ценностей (Методика СЖО Д.А. Леонтьева) представлены следующим образом: значения по шкале «Цели в жизни» (25,73) говорят о том, что подростки, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, живут сегодняшним или вчерашним днем. «Процесс жизни» или интерес и эмоциональная насыщенность жизни (24,6) показали наличие признака неудовлетворенности своей жизнью в настоящем; при этом, однако, испытуемые ей могут придавать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее. «Результативность жизни» (22,07) или удовлетворенность самореализацией отражают оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Отмечается неудовлетворенность прожитой частью жизни подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. «Локус контроля-жизнь» (21,73) или управляемость жизни свидетельствуют о фатализме, убежденности подростков в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю и бессмысленно что-либо загадывать на будущее. Исключение составляют показатели по шкале «Локус контроля - Я» (Я - хозяин жизни) (24,6). Они соответствуют представлению подростков,

оказавшихся в трудной жизненной ситуации, о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами и представлениями о ее смысле.

Таким образом, общий показатель осмысленности жизни подростков с девиантным поведением является очень низким [4].

Воспитательная программа «Преодоление» по профилактике девиантного поведения у подростков заключалась в формировании социальных навыков успешного совладания с трудными ситуациями при повышении мотивации к здоровому и социально приемлемому образу жизни. А перспективой данной программы является направление на формирование ценностных ориентаций: уважение к другому, уверенность в себе, отзывчивость. Программа «Преодоление» предназначена для подростков 12-18 лет. Занятия по программе «Преодоление» проводятся 1 раз в неделю психологом в течение 40-45 минут (14 занятий). Формы организации программы: групповая и индивидуальная работа.

Оценка эффективности коррекционной методики по тестам «Агрессивность» и «Самооценка» определялась при помощи критерия хи-квадрат. Коррекционная методика может считаться эффективной по признаку «не теряет контроль в конфликтной ситуации», который является одним из наиболее важных признаков в исправлении девиантного поведения. Подростки значительно меньше стали терять над собой контроль в конфликтных ситуациях.

Теряет контроль * Группа

Таблица сопряженности признаков

Count		Группа		всего
		экспериментальная	контрольная	
Теряет контроль	нет	9	5	14
	да	1	5	6
всего		10	10	20

Величина и значимость статистики хи-квадрат

	величина	df	p-значение
хи-квадрат	3,810	1	,050

С учетом выше представленных данных, можно констатировать, что имеются значимые различия между группами ($p \leq 0,05$), поэтому коррекционная методика по данному признаку может считаться эффективной. Программа коррекции девиантного поведения «Преодоление» для подростков позволила снизить показатели агрессивности. Показатели, которые характеризуют смысложизненные ориентации подростков, стали более выраженными.

В профилактической работе с подростками большое значение имеет исследование совокупности побудительных мотивов, причин, действий и

обстоятельств, которые составляют скрытые или явные механизмы поведения, не соответствующего принятым в обществе нормам.

Список литературы:

1. Воробьева К.А. Специфика психологического консультирования и просвещения педагогов в условиях современного образовательного пространства // Культура, искусство, образование: традиции и инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Году науки и технологий (Москва, 11 мая 2021 г.) / науч. ред. Н.Д. Булатова. М.: МГИК, 2021. 177 с.

2. Мишина М.М., Воробьева К.А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2020. № 3. С. 20-34.

3. Мишина М.М., Воробьева К.А. Медиаэффекты демонстрации сцен насилия в СМИ и толерантность к агрессии у современных подростков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 3 (52). С.60-70.

4. Мишина М.М. Особенности воспитания подростков с девиантным поведением // Научный журнал «Семья и личность: проблемы взаимодействия». 2020. № 20. С.34-40.

5. Сечко А.В. Аттitudes в подростковых суицидах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 1. С. 69-74.

References:

1. Vorob'eva K.A. Specifika psihologicheskogo konsul'tirovaniya i prosveshcheniya pedagogov v usloviyah sovremennogo obrazovatel'nogo prostranstva// Kul'tura, iskusstvo, obrazovanie: tradicii i innovacii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj Godu nauki i tekhnologij (Moskva, 11 maya 2021 g.) / nach. red. N.D. Bulatova. M.: MGIK, 2021. 177 p.

2. Mishina M. M., Vorob'eva K. A. Psihologicheskie osobennosti lichnosti uchastnikov kiberbullinga v populyarny hsocial'nyhsetyah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Psihologicheskie nauki». 2020. № 3. Pp. 20-34.

3. Mishina M.M., Vorob'eva K.A. Mediaeffekty demonstracii scen nasiliya v SMI i tolerantnost' k agressii u sovremennyh podrostkov // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya. 2020. № 3 (52). Pp.60-70.

4. Mishina M.M. Osobennosti vospitaniya podrostkov s deviantnym povedeniem // Nauchnyj zhurnal «Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodejstviya».2020. № 20 Pp.34-40.

5. Sechko A.V. Attityudy v podrostkovykh suicidah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2013. № 1. Pp. 69-74.

Рогушина Екатерина Владимировна,

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: rog_kate77@mail.ru

Rogushina Ekaterina Vladimirovna,

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

PERSONAL FACTORS OF SELF-EFFICACY OF ADOLESCENTS FROM DISADVANTAGED FAMILIES

Аннотация. Статья посвящена выявлению личностных факторов самооффективности подростков из неблагополучных семей. Гипотеза исследования состояла в предположении, что такие личностные факторы как самооценка, личностная зрелость, мотивация достижения успеха повышают самооффективность подростков из неблагополучных семей.

Annotation. The article is devoted to the identification of personal factors of self-efficacy of adolescents from disadvantaged families. The hypothesis of the study was the assumption that such personality factors as self-esteem, personal maturity, motivation to achieve success increase the self-efficacy of adolescents from disadvantaged families.

Ключевые слова: самооффективность подростков, неблагополучные семьи, личностные факторы, самооценка, личностная зрелость, мотивация, типы воспитания детей, семья, психическое развитие подростка.

Keywords: self-efficacy of adolescents, dysfunctional families, personal factors, self-esteem, personal maturity, motivation, types of parenting, family, mental development of a teenager.

В современном мире, где непрерывно происходят изменения в актуальности профессий и жизненного уклада, неизменным остается у каждого подростка желание быть успешным, талантливым специалистом, изменить мир к лучшему и, в конечном итоге, обрести смысл собственной жизни.

Проблема самооффективности подростков достаточно глубоко разработана в современной психологии. При этом в самом феномене конкретные исследователи выделяют целый ряд признаков. А. Бандура считал, что важным аспектом в самооффективности является ощущение своих способностей, доверие своим действиям, понимание своих сильных сторон, наработка уверенности, что способствует мотивации успеха, структурированности и логики, которые необходимы для достижения желаемой цели, но при этом ученый отмечал, что человек может не верить в свои способности выполнить данные действия [1]. Е.А. Шепелева обнаружила связь между самооффективностью и успешностью деятельности: академическая самооффективность подростков положительно связана с учебной успеваемостью и субъективным школьным благополучием, а социальная самооффективность коррелирует с успешностью социального функционирования [3].

По мнению П.М. Якобсона, зрелый человек самостоятельно определяет своё место в социуме, обладает устойчивостью и имеет внутреннюю опору, проявляет четко жизненные и социальные установки, которые отвечают прогрессивным тенденциям развития общества [7].

С.Р. Пантелеев выделил две стороны самоотношения: самооценка и эмоционально-ценное отношение. Меняется самооценка – меняется самоотношение или самоэффективность [4].

Формирование личностного самоопределения подростка заключается в становлении объективной самооценки, позитивного отношения к себе и к окружающему миру, осознании своих целей и действий, которые возможны благодаря помощи и поддержке семьи, родителей. Однако в настоящее время наблюдается рост неблагополучных семей.

По причине деструктивного формирования отношений в семье, подросток чувствует свою незначимость. Холодность и отстраненность родителей может приводить к ощущению, что подросток не нужен родителям, т.к. нет интереса и поддержки со стороны значимых взрослых. Все эти условия влияют на самоощущение подростка, на его мотивацию быть достойным человеком в этом мире и на самоэффективность в том числе [4].

Опираясь на взгляды представителей зарубежной и российской психологии, попытаемся понять какие факторы влияют на самоэффективность подростков из неблагополучных семей, и есть ли разница между факторами у подростков из благополучных и неблагополучных семей.

Эмпирическое исследование. Настоящее исследование было направлено на выявление личностных факторов самоэффективности подростков из неблагополучных семей. Гипотеза исследования состояла в предположении, что такие личностные факторы как самооценка, личностная зрелость, мотивация достижения успеха повышают самоэффективность подростков из неблагополучных семей.

Исследование проводилось на базе ряда организаций: 1. МБОУ СОШ № 2 п. Редкино Тверской области; 2. ГБУ "Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних" Конаковского района. В исследовании принимали участие всего 20 человек, в том числе 13 подростков из благополучных семей, средний возраст 16 лет, обучающиеся в общеобразовательной школе, и 7 детей из неблагополучных семей, средний возраст 15, находящиеся в реабилитационном центре.

Критерием неблагополучности подростков была экспертная оценка психолога и педагога государственного учреждения по ряду параметров: в семьях есть родитель-алкоголик, замкнутость, агрессивность подростка, соответствующее уничижительное отношение к ребенку, рукоприкладство.

В работе применялся диагностический комплекс, направленный на оценку личностных характеристик и самоэффективности:

1. Методика определения уровня самоэффективности Маддукса и Шеера [2].
2. Тест-опросник личностной зрелости Гильбух [5].
3. Тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев) [2].

Использовались следующие статистические методы: критерий Колмогорова-Смирнова, критерий Манна-Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования самооффективности по всей выборке из благополучных и неблагополучных семьях представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Среднегрупповые показатели по тесту самооффективности

	Самооффективность в сфере:	
	предметной деятельности	межличностного общения
Среднее значение по шкале (дети из неблагополучных семей)	23,14	2
Среднее значение по шкале (дети из благополучных семей)	37,92	4,15
Среднее квадратичное отклонение (неблагополучные семьи)	31,65	5,74
Среднее квадратичное отклонение (благополучные семьи)	29,32	10,25
Число испытуемых	20	20

Среднегрупповые показатели уровня самооффективности у подростков из неблагополучных семей по предметной деятельности составили 23,14 балла, а по межличностному общению – 2. При этом среднегрупповые показатели уровня самооффективности у подростков из благополучных семей по предметной деятельности составили 37,92 балла, а по межличностному общению – 4,15.

Большая часть подростков из неблагополучных семей показали низкий уровень самооффективности, а подростки из благополучных семей показали средний уровень самооффективности (рис. 1).

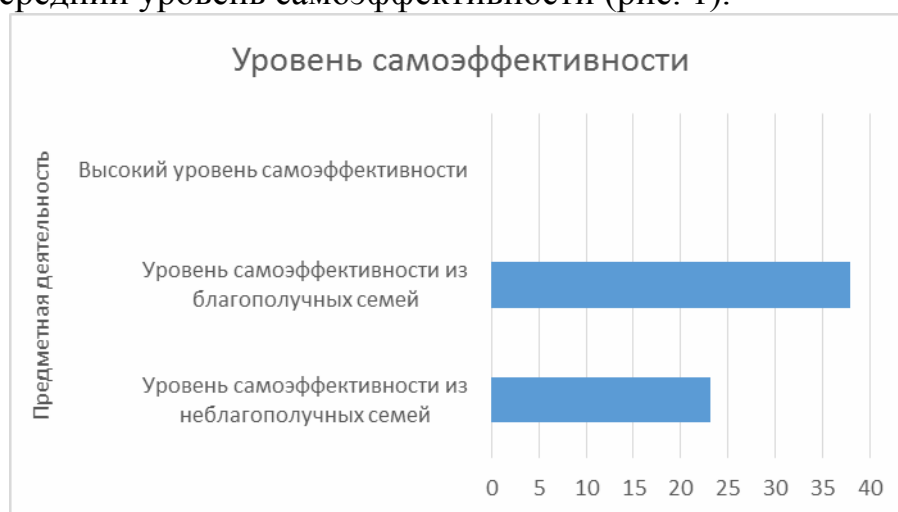

Рис.1. Среднегрупповые показатели уровня самооффективности у подростков

В исследовании также установлено, что уровень самооффективности подростков из неблагополучных семей по межличностной деятельности на 2,15 баллов ниже, чем уровень подростков из благополучных семей и составляет 4,15 балла (рис.2).

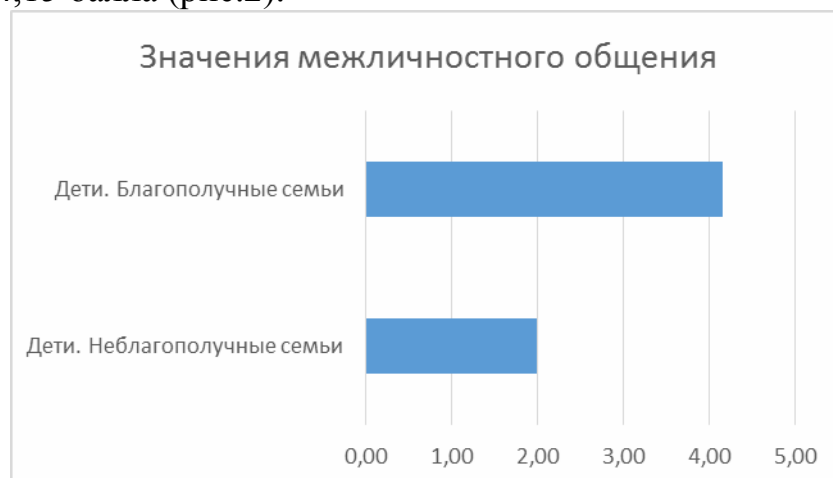

Рис. 2. Среднегрупповые показатели уровня самооффективности у подростков по межличностному общению

Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод, что большая часть подростков не понимает в полной мере свои представления о способностях и возможностях, не может полноценно оценить свой потенциал как основу для достижения и реализации поставленных целей в деятельности и общении (табл. 2)

Таблица 2
Среднегрупповые показатели по тесту личностной зрелости Гильбуха

	Личностная зрелость				
	Мотивация	Отношений к своему «Я»	Чувство гражданского долга	Жизненная установка	Способность к психологической близости с другим человеком
Среднее значение по шкале (дети из неблагополучных семей)	8,71	13,14	4,29	10	5,71
Среднее значение по шкале (дети из благополучных семей)	10,46	13,57	4,57	10,14	5,86
Среднее квадратичное отклонение (неблагополучные семьи)	2,95	3,63	2,07	3,16	2,39
Среднее квадратичное отклонение (благополучные семьи)	3,23	3,68	2,14	3,18	2,42
Число испытуемых	20	20	20	20	20

По диагностике личностной зрелости анализ полученных первичных результатов показал следующие личностные особенности, обнаруженные у подростков из неблагополучных семей: у детей из неблагополучных семей уровень личностной зрелости в пределах от 20% до 50%, при этом у 30% подростков уровень высокий, у 10% - удовлетворительный и 10% - неудовлетворительный. У детей из благополучных семей уровень личностной зрелости находится в пределах от 47% до 55%, то есть удовлетворительный и высокий, при этом у 46,2% подростков высокий уровень, а у 53,8% подростков – удовлетворительный уровень.

Среднегрупповые показатели детей из неблагополучных семей не сильно отличаются от показателей детей из благополучных семей. Разница есть в мотивации, желании добиваться успеха: для детей из неблагополучных семей этот показатель составляет 8,71 балл, а для подростков из благополучных семей 10,46 балла (рис. 3).

Рис. 3. Личностная зрелость. Средние показатели по шкале «Мотивация»

Каждый из обследованных подростков имеет удовлетворительный уровень личностной зрелости. Однако изучение самооотношения респондентов к собственному Я (по Опроснику самооотношения В.В. Столина, С.Р. Пантелева) показало, что уровень самоуважения всех подростков в среднем составляет 58,67%. Как подростки из контрастных семей отражают оценку собственного «Я» по отношению к социально-нормативным критериям поведения в обществе (рис. 4).

Рис.4. Личностная зрелость. Средние показатели по шкале «Самоуважение»

Ожидаемое отношение от других, у подростков из неблагополучных семей намного выше, чем из благополучных: 8,14 б и 2,85 баллов, соответственно (рис. 5).

Рис.5 Самоотношение. Средние показатели по шкале «Самоинтереса»

Склонность детей из неблагополучных семей к самообвинению выше, чем детей из благополучных: среднее значение для подростков из неблагополучных семей практически в 2 раза (рис. 6).

Рис.6. Самоотношение. Средние показатели по шкале «Самообвинение»

С целью проверки гипотезы был проведен корреляционный анализ. Сравнение показателей самооффективности, личностной зрелости, самоотношения, мотивации между группами, проводилось по критерию Манна-Уитни, не выявило значимых различий, так как уровень значимости больше 0,05. Результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Сравнительные показатели уровня значимости для двух групп

Уровень значимости между группами по показателям	Самооффективность	Самоотношение	Мотивация	Личностная зрелость
p=	0,209	0,209	0,128	0,259

Коэффициент корреляции Спирмена позволил определить, что для детей из неблагополучных семей значимой является корреляция самооффективности и личностной зрелости. Уровень значимости двух других показателей больше 0,05 (табл. 4).

Таблица 4

Корреляционный анализ показателей детей из неблагополучных семей

Дети из неблагополучных семей	Самоэффективность	Самоотношения	Мотивация	Личностная зрелость
Коэффициент корреляции	0,216 -самоотношение 0,692 - мотивация 0,786 – личностная зрелость	0,216	0,692	0,786
Уровень значимости	0,641 - самоотношение 0,085 - мотивация 0,036 – личностная зрелость	0,641	0,085	0,036

По результатам корреляционного анализа видно, что для детей из благополучных семей значимыми являются 2 корреляции: самооффективность-мотивация, самооффективность-личностная зрелость. Уровень значимости показателей самоотношения больше 0,05 и составляет 0,784 (табл. 5).

Таблица 5

Корреляционный анализ значимости показателей детей из благополучных семей

Дети из благополучных семей	Самоэффективность	Самоотношения	Мотивация	Личностная зрелость
Коэффициент корреляции	0,128 – самоотношение 0,926 – мотивация 0,778 – личностная зрелость	0,128	0,926	0,778
Уровень значимости	0,784 – самоотношение 0,003 – мотивация 0,039 – личностная зрелость	0,784	0,003	0,039

Таким образом, самооффективность детей из неблагополучных семей зависит от личностной зрелости, а самооффективность детей из благополучной семьи от мотивации и личностной зрелости. Наша гипотеза о том, что личностные факторы такие как самооценка, личностная зрелость, мотивация достижения успеха повышают самооффективность подростков из неблагополучных семей, подтверждается частично.

В ходе нашего исследования, выявлена связь личностных факторов таких как самооценка, личностная зрелость, мотивация достижения успеха с самооффективностью подростков как из неблагополучных семей, так и из благополучных семей.

Данные, полученные в ходе исследования об уровне общей самооффективности, свидетельствуют, что всем участникам процесса

необходимо повышать уровень самооценки, личностное отношение к себе, окружающим, поведение, чтобы повысить уровень самоэффективности, и тем самым личную уверенность и мотивацию успеха.

Подросток, желающий быть высококвалифицированным специалистом, успешным и реализованным, гибким в этом быстроменяющемся мире, должен смотреть вперед в будущее и работать на перспективу. Быть самоэффективным – это значит, быть уверенным в себе и достигать поставленных целей

В общеобразовательных учреждениях необходимо повышать часы психологических программ по работе с осознанностью, уровнем личной зрелости и самооценкой, чтобы подростки понимали, что с ними происходит и смогли корректировать свое поведение, контролировать себя правильно, принимать свои чувства и уметь с ними работать, а тем самым идти своим путем, беря ответственность на себя, а не подчиняясь родительским паттернам. Такие программы могут помочь подросткам в дальнейшей жизни легко реагировать на неопределенные ситуации, трудности выбора и решения сложных задач.

Список литературы:

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
2. Краснорядцева О.М., Кабрин В.И., Муравьева О.И., Подойницина М.А., Чучалова О.Н. Психологические практики диагностики и развития самоэффективности студенческой молодежи. Сборник методик Томского государственного университета: Учебное пособие. Томск, 2014.
3. Пантеев С.Р. Самоотношение личности. // Психология самосознания: хрестоматия. Самара: БАХРАМ-МЮ 2000. С. 208-242.
4. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / под ред. В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
5. Тест-опросник личностной зрелости // Психодиагностика и дифференцированное обучение / под ред. Ю.З.Гильбуха. Киев, 1994.
6. Шепелева Е.А. Особенности учебной и социальной самоэффективности школьников: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 166 с.
7. Якобсон П.М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психологический журнал. 1981. № 4. С. 141–149.

References:

1. Bandura A. Teoriya social'nogo naucheniya. SPb.: Evraziya, 2000. 320 p.
2. Krasnoryadceva O.M., Kabrin V.I., Murav'eva O.I., Podojnicina M.A., Chuchalova O.N. Psihologicheskie praktiki diagnostiki i razvitiya samoeffektivnosti studencheskoj molodezhi // Sbornik metodik: Uchebnoe posobie. Tomsk, 2014.
3. Pantileev S. R. Samootnoshenie lichnosti // The Psychology of Self-Awareness: A Textbook. Samara: BAHRAM-MU 2000. Pp. 208-242.
4. Pervin L., Dzhon O. Psihologiya lichnosti: Teoriya i issledovaniya / pod red. V. S. Maguna. M.: Aspekt Press, 2001. 607 p.
5. Test-oprosnik lichnostnoj zrelosti //Psihodiagnostika i differencirovannoe obuchenie / pod red. YU.Z.Gil'buha. Kiev, 1994.
6. Shepeleva E.A. Osobennosti uchebnoj i social'noj samoeffektivnosti shkol'nikov: diss. ... kand. psihol. nauk. M., 2008. 166 p.

7. YАkobson P. M. Psihologicheskie komponenty i kriterii stanovleniya zreloj lichnosti / P. M. YАkobson // Psihologicheskij zhurnal. 1981. No 4. Pp. 141-149.

Сарина Татьяна Игоревна

студентка Института психологии
Белорусского государственного
педагогического университета, Минск,
Беларусь

e-mail: sarina12t@yandex.by

Sarina Tatiana Igorevna

student of the Institute of Psychology of the
Belarusian State Pedagogical University,
Minsk, Belarus

ИПОХОНДРИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО ВО ВРЕМЯ ВСПЫШКИ КОРОНОВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

HYPOCHONDRIAC DISORDER DURING AN OUTBREAK OF CORONAVIRUS INFECTION

Аннотация. Статья посвящена изучению людей, страдающих ипохондрическим расстройством и влиянию на их симптоматику тревоги, связанной с пандемией COVID-19. Представлен теоретический обзор различных исследований в этой области. Выявлены триггеры, вызывающие тревожные состояния.

Annotation. The article is devoted to the study of people suffering from hypochondrial disorder and the effect on their symptoms of anxiety associated with the COVID-19 pandemic. A theoretical overview of various studies in this field is presented. Triggers that cause alarm states have been detected.

Ключевые слова: ипохондрия, соматоподобное расстройство, соматосенсорная амплификация.

Keywords: Hypochondria, somat-like disorder somatosensory amplification.

Ситуация с распространением коронавирусной инфекции внесла изменения во все области общественной жизни. По всему миру можно наблюдать приостановление работы многих предприятий и учебных заведений, отменены практически все общественные мероприятия, введен обязательный масочный режим, система социальной дистанции, а также введение режима изоляции (в пик эпидемии на карантин были закрыты целые города). Многие люди за короткое время оказались в ситуации внезапной потери работы, краха бизнеса и финансовой стабильности. Все эти обстоятельства, а также потеря ощущения стабильности, невозможность удовлетворить социальные потребности – становятся причиной появления страхов, повышения тревожности, усиления стрессовых реакций, которые негативно сказываются на здоровье населения. Маркерами стрессового состояния принято считать – беспокойство, депрессивное настроение, раздражение, нарушения сна, изменения аппетита, желудочно-кишечные

расстройства, головные боли, боль в груди, одышка, боли в теле, головокружение, онемение и т.д. Данное психоэмоциональное состояние возникает в момент резких изменений в социальной и экономической обстановке в стране или мире [3].

Чувство стресса или тревоги во время вспышки коронавирусной инфекции является совершенно нормальной психоэмоциональной реакцией человека на резкие изменения. Однако если эти чувства становятся навязчивыми и иррациональными, они могут серьезно повлиять на психическое здоровье человека. Особенно тяжелым в данный период может стать состояние людей с психическими расстройствами, для данных лиц крайне важно поддерживать стабильные жизненные условия в условиях самоизоляции и распространения коронавирусной инфекции, чтобы они могли чувствовать себя в безопасности. В противном случае следует ожидать обострения психических жалоб.

В частности, стоит обратить внимание на людей, страдающих ипохондрическим расстройством, которые могут обнаружить, что тревога вокруг COVID-19 может серьезно повлиять на их психическое здоровье.

Ипохондрические состояния занимают особое место в клинической психиатрии и психологии. Ипохондрия - представляет собой соматоподобное расстройство, характеризующееся страданием от предполагаемой физической болезни или, в более общем смысле, чрезмерной озабоченностью собственным физическим здоровьем. У ипохондриков обычно наблюдается озабоченность такими телесными функциями, как частота сердечных сокращений, потоотделение, функционирование кишечника и мочевого пузыря и случайными менее значительными проблемами, такими как прыщи, головные боли, простой кашель и т.д. Все такие незначительные вещи интерпретируются как знаки или симптомы более серьезных болезней. Регулярное посещение врачей является общим признаком; забота о своем здоровье для них бесполезна [6].

С древних времен, ни одна болезнь не приобрела такой популярности и не сделалась такой обыденной, как ипохондрия [4]. Однако эволюция взглядов на ипохондрию заметно видоизменялась на разных исторических этапах. Первые упоминания состояний, имеющих отношение к «ощущениям» соматического страдания, можно обнаружить в IV в. до н.э., где Гиппократ рассматривает данное состояние как разновидность «меланхолии», проводя параллель с изменением в составе биологических жидкостей организма: крови и черной желчи, что отражало нарушение обмена веществ и функции печени [1].

Во II в. до н.э. Клавдий Гален впервые упомянул о соматическом страдании, связанном с поражением внутренних органов, расположенных ниже реберного края, впервые введя для этого термин «Hypochondron» (в качестве обозначения для «местонахождения болезни»), что и стало предпосылкой для современного названия термина [1].

В течение многих последующих веков термин использовался в отношении соматических заболеваний и активно употреблялся врачами. Только к концу XVI века появились первые предположения, о принадлежности ипохондрии к расстройствам нервной системы, что положило начало дискуссии о месте данного феномена в структуре психопатологии.

Стоит отметить, что авторы XVII – XVIII веков не были едины в предлагаемых концепциях. Ипохондрия рассматривалась в рамках «промежуточного» заболевания между неврозом и меланхолией, «мужского варианта истерии», небредового расстройства в группе «пантофобий» и других [1].

С конца XX века представление об ипохондрии включает наличие физических симптомов, не связанных с органическим заболеванием, опасений или убеждений в наличии болезни, охваченность телесными ощущениями, поиск медицинской помощи и неудовлетворенность ею [1].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что расстройства, относимые к «ипохондрическим», представляют особый интерес на всем историческом периоде до настоящего времени.

В МКБ-10 ипохондрическое расстройство объединено рубрикой «соматоформные расстройства», имеющей следующие диагностические указания:

- повторяющееся возникновение у больного физических симптомов в сочетании с его требованиями медицинского обследования, несмотря на наличие объективных доказательств отсутствия физической болезни как основы данных расстройств;

- негативное отношение больного к попыткам объяснить данные расстройства психологическими причинами;

- элементы демонстративности в поведении, направленные на привлечение внимания, напористый и драматический характер предъявления жалоб. [2].

Говоря о механизме возникновения ипохондрии, стоит отметить, что большая часть зарубежных концепций в основе ипохондрии видит нарушение когнитивного процесса интерпретации телесных симптомов. А. Д. Барский, Г. Вишак предложили конструкт «соматосенсорной амплификации», суть которого заключается в особом, настороженном наблюдении за телесными проявлениями и дальнейшем искаженном толковании полученной информации. То есть, ипохондрия рассматривалась как нарушение восприятия и когнитивных процессов, при котором, с одной стороны, нарастает чувствительность к соматическим ощущениям, а с другой - отмечается склонность ошибочно интерпретировать эти ощущения как доказательство соматического заболевания [7].

Согласно когнитивно-бихевиоральной модели в основе ипохондрии лежат дисфункциональные убеждения о здоровье и болезни, ввиду которых

любые телесные проявления трактуются как угрожающие жизни, а эмоциональное состояние характеризуется повышенной тревогой в отношении здоровья («health anxiety») [7].

Таким образом, опираясь на вышеизложенные особенности такого расстройства как ипохондрия, становится совершенно очевидно, что люди с ипохондрией могут испытывать навязчивые идеи и тревоги гораздо сильнее, чем обычно, во время вспышки COVID-19.

Данное утверждение подтверждает исследование психосоматических расстройств после вспышки коронавирусной инфекции проведенное Н.В. Назарьевым, М.Л. Чахнашвили, Д.В. Ивановым и др. (Москва, 2020г.), целью которого было измерение влияния острой респираторной инфекции, вызванной новой разновидностью вируса из семейства коронавирусов на психосоматические расстройства, по средствам изучения клинических случаев и анализ обращаемости за консультацией психиатра в одну из клиник сети медицинских центров.

Авторами данного исследования было установлено, что увеличение количества обращений с расстройствами психики различной степени выраженности возникло уже в период разгара инфекции. Одним из важных факторов раннего увеличения обращаемости явилась постоянная, негативная информация, поступающая из средств медиа, принудительное удержание в изоляции в домашних условиях под угрозой штрафных санкций. Противоречивость поступающих сведений из средств массовой информации, отсутствие последовательной разъяснительной работы от уполномоченных структур органов государственной власти, лишение возможности зарабатывать средства на поддержание и сохранение семьи – оказало крайне негативное воздействие на симпатoadреналовую систему и функционирование нервной системы индивидуума, что привело к всплеску обращаемости. С учетом того, что психотравмирующие результаты имеют опосредованное действие, стоит ожидать дальнейшего увеличения обращаемости и возможного всплеска инфекции в осенний период [5].

Кроме этого, данные результаты подтверждают исследования Д. Гарфина, Р. Сильвера и Э. Холмана свидетельствуют о том, что освещение средствами массовой информации событий, связанных с пандемией COVID-19, косвенно воздействовало на тех, кто имел низкий уровень риска заражения, вызывая у них повышение тревожности и усиление стрессовых реакций, порождающих соматические симптомы болезней [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что обострение ипохондрических симптомов в период коронавирусной инфекции неизбежно. Так как в период пандемии увеличивается количество триггеров, вызывающих тревожные состояния, к ним относятся:

– неоднозначный характер имеющийся на данный день информации о коронавирусной инфекции,

– рост числа заболеваний, в том числе и случаев со смертельным исходом,

– отсутствие гарантированно надежных мер защиты от коронавирусной инфекции и др.

Феномен всеобщей обеспокоенности людей и тревоги в связи с коронавирусной ситуацией – это естественная реакция человека, повышающая готовность к обеспечению собственной безопасности. Люди, страдающие ипохондрией, как правило, не подвергаются большому риску от самого COVID-19. Однако стресс и тревога могут привести к появлению тревожных симптомов. Тем не менее, существует много полезных ресурсов и методов совладания, доступных людям с тревогой о здоровье. Доступными методами для являются: избегание новостей и регулярные занятия физическими упражнениями, чтобы поддержать свое психическое здоровье.

Список литературы:

1. Ануфриев А.К. Избранные труды по психиатрии. М.: Логос, 2013. 352 с
2. Казаковцев Б.А. Психические расстройства и расстройства поведения (F00-F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в РФ / Б.А. Казаковцева, В.Б. Голланда. СПб.: СПбМАПО, 2003. 588 с.
3. Кононов А.Н. Феномен тревоги о будущем как отдельное понятие в психологической науке // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 4 (38). С. 173-179.
4. Лихтенштейн И.Е. Медицина и врачи в творчестве Жана Батиста Мольера // Новости медицины и фармации. 2013. № 1-2. С. 22-24.
5. Назарьев Н.В., Чахнашвили М.Л., Иванов Д.В., Лищук А.Н., Колтунов А.Н. Психосоматические расстройства после вспышки коронавирусной инфекции (клинические случаи) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2020. №3. Публикация 1-1. URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2020-3/1-1.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
6. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера. М.: Вече, АСТ, 2002.
7. Рассказова Е.И. Психологические и поведенческие факторы ипохондрических расстройств// Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. №3. С. 83-101.
8. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure // Health Psychology. 2020.

References:

1. Anufriev A.K. Izbrannyye trudy po psikiatrii. M.: Logos, 2013. 352 p.
2. Kazakovcev B.A. Psichicheskie rasstrojstva i rasstrojstva povedeniya (F00-F99). Klass V MKB-10, adaptirovannyj dlya ispol'zovaniya v RF / B.A. Kazakovceva, V.B. Gollanda. SPb.: SPbMAPO, 2003. 588 p.
3. Kononov A.N. Fenomen trevogi o budushchem kak ot del'noe ponyatie v psihologicheskoy nauke // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2016. № 4 (38). Pp. 173–179.
4. Lihtenshtejn I.E. Medicina i vrachi v tvorchestve ZHana Batista Mol'era / I. E. Lihtenshtejn // Novosti mediciny i farmacii. 2013. № 1-2. Pp. 22-24.

5. Nazar'ev N.V., CHahnashvili M.L., Ivanov D.V., Lishchuk A.N., Koltunov A.N. Psihosomaticheskie rasstrojstva posle vspyshki koronavirusnoj infekcii (klinicheskie sluchai) // Vestnik novyh medicinskih tekhnologij. Elektronnoe izdanie. 2020. №3. Publikaciya 1-1. URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2020-3/1-1.pdf> (data obrashcheniya: 20.10.2021).

6. Oksfordskij tolkovyj slovar' po psihologii / Pod red. A. Rebera. M.: Veche, AST, 2002.

7. Rasskazova E.I. Psihologicheskie i povedencheskie faktory ipohondricheskikh rasstrojstv // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2013. №3. Pp. 83-101.

8. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure // Health Psychology. 2020.

Слышкина Людмила Сергеевна

магистрант, Московский государственный
психолого-педагогический университет, г. Москва,
Россия

e-mail: liudmila.sly@gmail.com

Slyshkina Liudmila Sergeevna

Master's student, Moscow State University of
Psychology and Education, Moscow, Russia

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ: ДОМИНАНТА АНДРОГИНИИ

FEATURES OF THE GENDER IDENTITY OF ADOLESCENTS: DOMINANT ANDROGYNY

Аннотация. В статье рассмотрены особенности формирования гендерной идентичности в подростковом возрасте, представлены теоретические подходы исследований психологических проблем формирования гендерной идентичности. Исследование показало, что современные юноши и девушки склонны к формированию андрогинной гендерной идентичности, однако, их гендерные установки, касающиеся распределения ролей в семье, остаются традиционными, и они принимают собственную половую принадлежность.

Annotation. The article examines the features of the formation of gender identity in adolescence, presents theoretical approaches to research psychological problems of gender identity formation. The study showed that in modern society, both boys and girls tend to form an androgynous gender identity, but their gender attitudes regarding the distribution of roles in the family remain traditional, and they accept their own gender identity.

Ключевые слова: гендерная идентичность, гендер, маскулиность, феминность, андрогинность, подростковый возраст.

Keywords: gender identity, gender, masculinity, femininity, androgyny, adolescence.

Изучение гендерной идентичности важно и интересно в виду недостаточной разработанности вопросов гендера как психологического пола, важности фактора маскулиности и феминности в построении социального поведения личности и значимости изучения целостного поведения человека во всех сферах жизни.

В социальной среде происходят изменения, вследствие чего обнаруживается конфликт между традиционно мужскими и женскими социальными ролями. В связи с этим изучение гендерной идентичности и гендерных стереотипов как социокультурно обусловленных понятий несет собой особую важность.

Гендер в отечественной психологии – это социальный пол, т.е. совокупность социальных и межличностных характеристик человека, устойчиво связанных в данных общественно-исторических условиях с принадлежностью к мужчинам и женщинам [6].

На основании концепции С. Бэма можно выделить четыре типа гендерной идентичности: маскулинный, феминный, андрогенный, недифференцированный.

Гендерные различия проявляются в поведении, характерном для конкретного пола, а именно гендерных ролей. Гендерные роли принимаются как «нормативные предписания и ожидания, которые культура предъявляет «правильному» половому поведению и которые служат оценкой феминности и маскулинности ребёнка или взрослого. Половая роль - «совокупность социо-культуральных атрибутов, которые служат субъекту для формирования своего поведения как представителя пола, обеспечивающего адаптацию в социуме» [1].

В отечественной психологии существуют исследования, подтверждающие теорию андрогинии и указывающие на существование социально-психологических различий субъектов с разными формами гендерной идентичности. Выявлено, что у субъектов с андрогинной формой идентичности уровень успешности выше: при взаимодействии наиболее выгодным и оптимальным является комбинирование женских и мужских черт. Андрогинность положительно влияет на приспособление в обществе, способствует расширению репертуара возможных поведенческих реакций. Благодаря андрогинности люди могут быть более гибкими и адаптивными в общении, так как такие люди применяют феминные и маскулинные стратегии.

В структуре гендерной идентичности выделяют следующие компоненты: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. При этом личностный компонент включает в себя психологические, психодинамические свойства, состояния и особенности личности с учётом гендера и обуславливает процессы интеграции и адаптации личности в обществе [7].

Гендерная идентичность рассматривается в категориях «мужественность - женственность», которые отражают представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин и женщин [4]. Принято выделять несколько значений понятий маскулинности и феминности: описание совокупности поведенческих и психических черт, объективно присущих представителям двух полов; совокупность социальных представлений и установок, приписываемых

мужчинам или женщинам; система предписаний, что касается проявлений мужественности и женственности, нормативные эталоны. Эти понятия называют «гендерные стереотипы», то есть стандартизированные представления о женских и мужских паттернах поведения.

Выделяются следующие группы гендерных стереотипов: стереотипы маскулинности / фемининности; стереотипы о закреплении профессиональных и семейных ролей в соответствии с полом; стереотипы, связанные с различиями в содержании труда.

Основные вопросы, которые можно выделить в психологической литературе при исследовании гендерной идентичности - гендерная идентификация и социализация личности в разных культурах, гендерные аспекты воспитания, этапы социализации и другие.

Гендерная идентификация - одно из направлений личностной идентификации и включает в себя формирование индивидуально-типических свойств личности.

И.С. Бубнова рассматривает особенности семейного воспитания и родительского поведения как основные причины, влияющие на ролевое поведение ребёнка, и выделяет следующие аспекты: разрушение патриархальных традиций, формирование инновационной потребности - жить в условиях постоянных перемен; нацеленность воспитания на индивидуальное становление, саморазвитие, самосовершенствование личности, постановку своих собственных целей и выбор способов их достижения; направленность на критическое и логическое осмысление конкретных ситуаций, ориентированность на решение проблем, стоящих перед человеком; отсутствие на современном этапе единой государственной политики социального воспитания; приспособление воспитания к современным социально-экономическим условиям [2].

Для определения особенностей формирования гендерной идентичности в подростковом возрасте было проведено эмпирическое исследование группы учащихся в возрасте 14-16 лет, из них десять юношей и десять девушек.

В исследовании были использованы следующие методики: «Маскулинность-фемининность» (МиФ) С. Бем в адаптации Н.В. Дворянчикова, методика «Кто Я?» М. Куна и К. Мак-Партленда (модификация Т.В. Румянцевой), методика «Пословицы» И.С. Клециной.

По данным психодиагностики по методике С. Бем у подростков было выявлено преобладание психологического пола - «андрогинность»; на втором месте, но слабо выражена «маскулинность» и меньше всего выборов «феминность».

По данным методики М. Кун и К. Мак-Партленд «Кто Я?» в форме прямого обозначения пола получены преимущественно эмоционально-положительные ответы; значительно реже встречалось эмоционально-отрицательное и нейтральное отношение к полу. Прямое обозначение пола встречалось реже, чем косвенное обозначение пола.

Показатели социальной идентичности и личностной идентичности имели практически одинаковые значения, что говорит о том, что подростки одинаково осознают себя, принимая свою уникальность, и хотят принадлежать к значимой социальной группе.

Подростки достаточно хорошо знают свои индивидуальные особенности и легко находят ответы, касающиеся их собственных индивидуальных особенностей.

Результаты диагностики, полученные по методике И.С. Клециной, показывают преобладание у подростков традиционного типа гендерных установок.

В то же время, при сравнении юношей и девушек по критерию психологического пола (табл.1) подростки могут быть охарактеризованы как андрогинно-недифференцированные, т.е. у большинства обследованных не наблюдается четко выраженной гендерной доминанты.

Таблица 1

Распределение типов психологического пола

Тип психологического пола	Количество, %.	
	Юноши	Девушки
Андрогинный	50	40
Недифференцированный	20	40
Феминный	20	10
Маскулинный	10	10

Группы подростков с выраженной гендерной доминантой оказались малочисленны. Был также выявлен небольшой процент инверсионного типа гендерной идентичности, более выраженный у юношей (20%).

Психологический пол большинства юношей может быть охарактеризован как андрогинный, часть юношей в гендерном отношении были недифференцированы (20%), что в совокупности с инверсионным типом гендерной идентичности составляет уже значительную часть (40%). В группе девушек одинаковое количество опрошенных были андрогинны и недифференцированы (по 40%).

Таким образом, в результате проведенного исследования, было выявлено, что у подростков доминирует выбор андрогинного типа гендерной идентичности, что свидетельствует об отсутствии четко выраженной гендерной доминанты, отражающей традиционные представления о мужских и женских качествах. При этом подростки склонны относиться эмоционально-положительно к своему полу, а наиболее предпочитаемый тип гендерных установок, касающийся распределения ролей в семье, среди юношей и девушек традиционный. Одновременно с доминированием у подростков андрогинного типа значительная часть, как юношей, так и девушек испытывает неуверенность при определении собственной гендерной идентичности, что может приводить к проблемам

формирования у подростков позитивного образа «Я» и самосознания.

Список литературы:

1. Алексеев Б.Е. Полоролевое поведение и его акцентуации. СПб: Речь, 2006. 144 с.
2. Бубнова И.С., Терещенко А.Г. Особенности гендерной идентичности у подростков девиантного поведения // Казанский педагогический журнал. 2017. № 2 (121). С. 166-169.
3. Володарская Е.А., Шустова А.А. Психологические особенности взаимосвязи гендерной идентичности и полоролевых стереотипов у старших подростков // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 2 (34). С. 104-108.
4. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 208 с.
5. Гендерная психология / под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
6. Екимова В.И., Филиппова С.А. Гендерные различия: социо-культурный аспект // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 64-66
7. Ильин Е.П. Пол и гендер. СПб.: Питер, 2010. 688 с.
8. Курочкина И.А. Проблема гендерно-половой идентичности. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. 206 с.

References:

1. Anufriev A.K. Izbrannye trudy po psihiatrii. M.: Logos, 2013. 352 p.
2. Kazakovcev B.A. Psihicheskie rasstrojstva i rasstrojstva povedeniya (F00-F99). Klass V MKB-10, adaptirovannyj dlya ispol'zovaniya v RF / B.A. Kazakovceva, V.B. Gollanda. SPb.: SPbMAPO, 2003. 588 p.
3. Kononov A. N. Fenomen trevogi o budushchem kak ot del'noe ponyatie v psihologicheskoy nauke // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva. 2016. № 4 (38). Pp. 173–179.
4. Vorontsov D. V. Medicina i vrachi v tvorchestve ZHana Batista Mol'era // Novosti mediciny i farmacii. 2013. № 1-2. Pp. 22-24.
5. Nazar'ev N.V., CHahnashvili M.L., Ivanov D.V., Lishchuk A.N., Koltunov A.N. Psihosomaticheskie rasstrojstva posle vspyshki koronavirusnoj infekcii (klinicheskie sluchai) // Vestnik novyh medicinskih tekhnologij. Elektronnoe izdanie. 2020. №3. Publikaciya 1-1. URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2020-3/1-1.pdf> (data obrashcheniya: 20.10.2021).
6. Oksfordskij tolkovyj slovar' po psihologii / Pod red. A. Rebera. M.: Veche, AST, 2002.
7. Rasskazova E.I. Psihologicheskie i povedencheskie faktory ipohondricheskikh rasstrojstv // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2013. №3. Pp.83-101.
8. Garfin D.R., Silver R.C., Holman E.A. The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure // Health Psychology. 2020.

Соболева Евгения Сергеевна

студентка факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: dreamerjane@bk.ru

Soboleva Evgenia Sergeevna

student of the Faculty of Extreme Psychology, Moscow
State University of Psychology and Education, Moscow,
Russia

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ ИЗ ПРОБЛЕМНЫХ СЕМЕЙ

FEATURES OF PROTECTIVE MECHANISMS AND COPING STRATEGIES IN OLDER PRESCHOOLERS FROM PROBLEM FAMILIES

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы психологических механизмов, позволяющих личности конструктивно противостоять агрессивной среде, защищая себя, свою целостность и внутреннюю свободу. Выявлены особенности и определены значимые взаимосвязи психологической защиты и копинг-стратегий с отношениями к родителям старших дошкольников из проблемных семей.

Annotation. The article is devoted to the study of the problem of psychological mechanisms that allow an individual to constructively resist an aggressive environment, protecting himself, his integrity and inner freedom. The features are revealed and significant interrelationships of psychological defense and coping strategies with the attitudes towards parents of older preschoolers from problem families are determined.

Ключевые слова: копинг-стратегии, психическое состояние, защитные механизмы, психологическая защита, проблемные семьи, старшие дошкольники.

Keywords: coping strategies, mental state, defense mechanisms, psychological defense, problem families, older preschoolers.

Вопрос семейных отношений и их влияния на ребенка волновали человечество уже с древних времен. Особенная роль в формировании и становлении психического состояния ребенка принадлежит семье. Семья является основополагающим фактором развития ребенка, как на ранних, так и на поздних возрастных этапах. Родители способствуют знакомству ребенка с окружающей средой, с общественными нормами и правилами, подают свой собственный пример. Нарушение внутрисемейной коммуникации приводит к многочисленным проблемам в психоэмоциональном развитии ребенка.

В современной ситуации увеличивается количество семей, являющихся проблемными по разным аспектам. Часто ребенок подвержен различным негативным влияниям, так как влияние семьи как отрицательный фактор – не исключение. Одним из важных условий становления психологического здоровья ребенка старшего дошкольного возраста является наличие у него опыта самостоятельного преодоления препятствий. Проблема формирования у детей навыков разрешения трудных жизненных ситуаций представляет в современных сложных жизненных условиях чрезвычайную актуальность.

Важно, что от того, какую именно психологическую защиту использует личность, во многом зависит продуктивность ее жизни и развития. Вот почему, изучение психологических защит, а также факторов, обуславливающих их выбор, представляет не только теоретический, но и

практический интерес. Для совладения с возросшим числом конфликтов внешнего и внутреннего плана люди вынуждены более интенсивно использовать механизмы психологической защиты и соответствующие формы защитного поведения, большей частью деструктивные.

Роль механизмов защиты состоит в разрешении внешних и внутренних конфликтов. Набор защитных механизмов индивидуален и характеризует уровень адаптации личности. Как правило, копинг механизмы у детей коррелируют с наличием страхов, тревожности и агрессии. Формирование полноценной системы психологической защиты происходит по мере взросления ребенка, в процессе индивидуального развития и научения. По мнению И.М. Грановской и Р.М. Никольской защитные механизмы ребенка формируются двумя путями: в результате усвоения демонстрируемых родителями образцов защитного поведения и как реакция на негативное воздействие со стороны родителей [3]. По мнению Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенникова, активизация форм защиты у ребенка может происходить, прежде всего, при эмоциональном отвержении ребенка, крайней формой которого является родительская депривация [4].

По мнению С.К. Нартовой-Бочавер психологическое преодоление является переменной, зависящей, по крайней мере, от двух факторов: личности субъекта (за рубежом принято говорить о личностных ресурсах coping); реальной ситуации [2]. Куликова Е.Н. доказала, что основными характеристиками детско-родительского взаимодействия, связанными с психологическими защитами ребенка (по версии их матерей), являются: сотрудничество (уважение к ребенку, к его правам, учет его желаний, взаимодействие как с равноправным партнером), последовательность поведения родителя (стабильная и понятная для ребенка система наказаний и поощрений, система правил, согласованность слов и поступков родителя), эмоциональное принятие ребенка [1].

Итогом теоретического анализа стало понимание, что в формировании защитных и копинг механизмов огромную роль играют родители и семейная обстановка, в которой воспитывается ребенок.

Цель исследования состояла в изучении особенностей психологической защиты и копинг-стратегий у детей старшего дошкольного возраста из проблемных семей. В исследовании принимали участие дошкольники подготовительной группы ДООУ г. Раменское, средний возраст - 6,5 лет. Для достижения цели исследования применялся Опросник копинг-стратегий школьного возраста (И.М. Никольская, Р.М. Грановская); Детский апперцептивный тест (Леопольд и Соня Беллак); Методика «СОМОР» (Н.Я. Семаго, М.М. Семаго и др.).

Выявлено, что старшие дошкольники из проблемных семей активно применяют такие защиты, как подавление, символизация, дискредитация, регрессия. Преобладающими копинг-стратегиями у старших дошкольников из проблемных семей являются: игнорирование проблем и агрессивный копинг.

Обнаружены статистически достоверные взаимосвязи защитных механизмов и копинг-стратегий с отношениями ребенка, а именно, эмоционально-личностное отношения к матери / агрессивный копинг, эмоционально-личностное отношения к матери / защитная идентификация, эмоционально-личностное отношения к отцу / регрессия, эмоционально-личностное отношения к отцу / символизация, эмоционально-личностное отношения к отцу / бездействие, стремление к доминированию в группе сверстников / дискредитация, отвержение самого себя / защитная идентификация. Необходимо отметить, что для формирования конструктивных копинг-стратегий при организации детско-родительского взаимодействия важно доброжелательно относиться к ребенку, проявлять заботу по отношению к нему, любовь и уважение в отношении его личности. Отсутствие таких качеств в детско-родительских отношениях в проблемных семьях приводит к преобладанию у старших дошкольников деструктивных защитных механизмов и копинг-стратегий.

Полученные результаты могут быть использованы психологами образовательных организаций при работе со старшими дошкольниками и их родителями по формированию конструктивных стратегий совладающего поведения и механизмов психологической защиты.

Дальнейшими направлениями исследования данной проблемы предполагается изучение психологических защит и копинг-стратегий у девочек и мальчиков старшего дошкольного возраста с учетом типа взаимодействия их с отцом и матерью в разных типах проблемных семей.

Список литературы:

1. Куликова Е.Н. Особенности связи механизмов психологической защиты с особенностями детско-родительского взаимодействия // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 441-443.
2. Нартова-Бочавер С.К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 2017. Т. 18. №5. С.20.
3. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей СПб.: Питер, 2018. 600 с.
4. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Издательство «Талант», 1996. 144 с.

References:

1. Kulikova E.N. Osobennosti svyazi mekhanizmov psikhologicheskoi zashchity s osobennostya midetsko-roditel'skogovzaimodeistviya // Molodoiucheniy. 2019. № 20 (258). Pp. 441-443.
2. Nartova-Bochaver S.K. «Coping behavior» v sisteme ponyatii psikhologii lichnosti //Psychological Journal. 2017. T. 18. № 5. P.20.
3. Nikol'skaya I.M., Granovskaya R.M. Psikhologicheskaya zashchita u detei SPb.: Piter, 2018. 600 p.
4. Romanova E.S., Grebennikov L.P. Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity: genezis, funktsionirovanie, diagnostika. Mytishchi: Izdatel'stvo «Talent», 1996. 144 p.

Судиловская Ирина Анатольевна

аспирант кафедры научных основ экстремальной психологии Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия

e-mail:7720632@mail.ru

Sudilovskaya Irina Anatolyevna

Graduate student of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russia

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СТРЕССОВЫЕ РЕАКЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ФАКТОРЫ РИСКА И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАГНОСТИКИ

POST-TRAUMATIC STRESS REACTIONS DURING THE COVID-19 PANDEMIC: RISK FACTORS AND DIAGNOSTIC POSSIBILITIES

Аннотация. Мировой кризис Ковид-19, связанный с угрозой для здоровья и жизни миллионов людей и их близких, вынужденной изоляцией, потерей привычного уклада жизни, экономической нестабильностью и т. д. может вызвать широкий спектр психических реакций, в том числе, посттравматическое стрессовое расстройство. Целью статьи является попытка выделить актуальные вопросы диагностики, факторов риска развития и сохранения посттравматических состояний, основные тенденции и вызовы в исследовании посттравматических нарушений.

Annotation. The world crisis of Covid-19, associated with a threat to the health and life of millions of people and their loved ones, forced isolation, loss of habitual lifestyle, economic instability, etc., can cause a wide range of mental reactions, including post-traumatic stress disorder. The purpose of the article is to attempt to highlight topical issues of diagnostics, risk factors for the development and preservation of post-traumatic conditions, the main trends and challenges in the study of post-traumatic disorders.

Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство, травматический стресс, травма, факторы риска, ДСМ-5, МКБ-11, Ковид-19.

Keywords: post-traumatic stress disorder, traumatic stress, trauma, risk factors, DSM-5, МКБ-11, Covid-19.

Текущий кризис пандемии Covid-19 стал беспрецедентным по масштабу и характеру стрессогенности опыт во всем мире. В норме переживание стрессовых ситуаций мобилизует адаптационные ресурсы и способствует приспособлению человека к изменяющимся условиям, но пролонгированный или накопленный стресс может истощить адаптационные возможности человека, вызывая негативные эмоции, страх за свою целостность и психологическое благополучие, стать травматическим. Определение травматических событий в ДМС-5

(Американское диагностическое и статистическое руководство по психическим болезням, 2013) кроме прямого воздействия стресса и травмы на человека, когда он является жертвой или свидетелем таких событий, включает ситуации, в которых индивид узнает о тяжелых событиях [1]. Ряд характерных особенностей пандемии, отмеченных в ряде публикаций, соответствуют современному этиологическому пониманию стресса и позволяют утверждать, что Ковид-19, с большой вероятностью, приведет к увеличению психологической и психиатрической заболеваемости, в том числе развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [6]. Угроза для жизни и здоровья, пробел научного знания о вирусе, невозможность прогнозирования исхода ситуации, недоверие к власти и предпринимаемым мерам безопасности и юридических наказаний за нарушения режимов карантина, финансовый и экономический стресс усиливают психическое давление, которое может стать хроническим, проявляясь в состояниях усталости, выгорании, деморализации и т.д. При этом страх перед неизвестностью и непредсказуемостью мира подрывают чувство контроля и самоопределения, что может остро переживаться, вызывая панику, чувство кризиса и беспомощности перед обстоятельствами жизни. Недостаток достоверной информации часто компенсируется возникновением домыслов, теорий заговора, которые с возможностями интернета распространяются быстрее вируса, провоцируя коллективные предубеждения и негативные психологические феномены стигматизации и ксенофобии. Меры безопасности (изоляция и карантин), в свою очередь, способствуют возникновению стресса, провоцируют чувства отчаяния, страха, одиночества, гнева и даже случаев самоубийства [6].

Ученым известно, что не у всех людей развивается психопатология, так как многие реакции на стресс у большинства людей ослабевают с течением времени, однако длительность многих симптомов значительно больше, чем признавалось ранее [8]. Согласно ДСМ-5, для отделения патологических проявлений от нормальной реакции на стресс, диагноз ПТСР ставится в период от 4 недель до 6 месяцев после травмы и соответствует наличию: одного из симптомов вторжения: избегание внутренних или внешних стимулов, связанных с травмой; негативного нарушения в когнитивной и эмоциональной сфере: необоснованное обвинение себя или других людей, негативное эмоциональное состояние, например, страх, ужас, злость, стыд и вина, заметное снижение интереса к участию в значимых мероприятиях, отчуждение от других людей или стойкая потеря способности испытывать положительные эмоции; изменение в сфере возбудимости и реактивности: агрессивное, безрассудное или аутодеструктивное поведение, сверхбдительность, чрезмерные реакции испуга, проблемы с концентрацией внимания, нарушение сна [1]. Таким образом, традиционный акцент сферы воздействия ПТСР на реакции страха в определении DSM-5 был смещен и включает более широкий спектр эмоциональных реакций на травму [5; 8].

Еще одной важной особенностью в современном диагностическом подходе стало введение в МКБ-11(Международная классификация болезней, 2022) концептуально близкого к «классическому ПТСР» диагноза «комплексного ПТСР» (далее - КПТСР). Помимо основной симптоматики, новый конструкт требует присутствия серьезных изменений в аффективной сфере, в области самоидентификации (например, негативную самооценку) и в сфере межличностных отношений. Предполагаемая факторная структура КПТСР отражается, в основном, во взаимосвязи симптомов ПТСР и глубоких нарушений в саморегуляции индивида. Однако вопрос четкого разграничения тяжести диссоциации между диагнозами ПТСР и КПТСР пока остается открытым [8;9;10]. В связи с отсутствием четких критериев определения КПТСР, а также его дифференцирования от других болезней у специалистов существует затруднения в выборе инструментария в целевой психологической помощи.

Анализ публикаций свидетельствует, что диагностическая сложность связана с отдаленным началом ПТСР, так как примерно 25% от всех случаев расстройства развиваются спустя 6 месяцев [5]. Результаты изучения взаимосвязей между симптомами ПТСР показали неравномерность динамики их развития: симптомы могут развиваться со временем и быть в острой фазе, менее связаны, а в последующем периоде объединены вокруг симптомов повторяющихся воспоминаний и активного избегания [3;7]. Зафиксированы латентные классы людей: класс изначально высоким уровнем дистресса и тенденцией к снижению симптоматики; класс с изначально низкой выраженностью симптоматики и отсроченной по времени реакцией на травму, но ее усилением с течением времени; класс с хроническим дистрессом, с характерным постоянным присутствием признаков ПТСР. А в группе людей, минимально подверженных воздействию стрессора и не имеющих перитравматических реакций в период между 6 и 24 месяцами после травмы, обнаружено наибольшее количество воспоминания о пережитой угрозе. Показано, что развитию ПТСР в более отдаленном периоде сопутствуют признаки невротизма, более интенсивные воспоминания о пережитой возможной угрозе жизни и социальная незанятость.

Данные проведенных исследований не подтвердили значимость дополнительного стрессора в посттравматическом периоде, что поставило под сомнение модель дозы-реакции травмы на развитие данной патологии и валидность самого конструкта отдаленного ПТСР [5]. Все больше данных свидетельствуют о связи субсиндромального уровня ПТСР в острой фазе и развитием большей симптоматики в отдаленном периоде. Таким образом, несмотря на установленную связь выраженности симптомов в острой фазе и последующим развитием ПТСР, острые реакции на стресс не являются в настоящий момент признанным точным и достоверным основанием для прогнозирования нарушений в будущем [3; 5; 7; 8; 10]. Появившаяся благодаря новым исследованиям возможность опробации структуры ПТСР,

позволила выделять центральный симптом и симптоматические кластеры, выявлять потенциальное развитие коморбиды.

Системный анализ, данные лонгитюдных исследований и исследований роли социальной поддержки поставили под сомнения раннюю этиологическую модель линейного развития ПТСР, как упомянуто выше, сделав очевидным влияние различных факторов на изменения в интенсивности, скорости и направлении динамики нарушения [3]. Аналитические данные по ПТСР, обрабатываемые машинным способом (machine learning approaches), способствовали решению уже прогностических, а не только аналитико-обобщающих задач. Это значительно продвинуло общее знание в идентификации возможных траекторий развития патологии, позволяя выделять индивидов с высокой вероятностью развития ПТСР, в том числе в аспекте соотношения между индивидуальными и социальными факторами, особенностями стрессового воздействия и ранними реакциями на травму. Структурные модели подсчетов (structural equation, exploratory factor models) позволили исследовать то, как группируются симптомы травматического стресса при ПТСР и при других нарушениях. Использование в исследовании однородных реакций на травматические события моделей скрытого роста (latent growth mixture models) позволило исследователям прояснить разницу между ПТСР и КПТСР, а в итоге разрабатывать индивидуальные меры предотвращения рисков и лечения людей с разной симптоматикой и траекторией восстановления [3; 8]. Однако, несмотря на продолжающийся быстрый рост и потенциал современных статистических инструментов, точное прогнозирование развития ПТСР пока не достигнуто. До сих пор остается неясной роль центрального симптома в сети связанных с ним симптомов, а поэтому вопрос «Может ли он быть мишенью терапевтического вмешательства?» остается открытым. Нет пока и разрешения вопроса о разделении общих симптомов и симптомов, свойственных конкретному индивиду. До сих пор сохраняется потребность в обнаружении закономерностей однородных динамических процессов, ведущих к ПТСР [3; 8; 9].

Сегодня показатель заболеваемости ПТСР у взрослых, вызванных травмой, варьируется в зависимости от целого ряда факторов: предтравматических, пол, низкий социально-экономический статус, наличие предыдущего травматического опыта, низкая самооценка, уровень IQ, образования, наличие психического расстройства, генетика и личностные факторы, наличие предшествующих тревожных или эмоциональных расстройств; перитравматических, например, тип травмы, ее тяжесть, выраженность страха за жизнь и других перитравматических реакций, наличие серьезного ущерба или повреждений и т. д.; посттравматических: низкий уровень социальной поддержки, включая, социальную изоляцию, степень болевого синдрома, нахождение в больнице, инвалидность. Зафиксировано, что у 9,2% мужчин и 16,4% женщин начальная

выраженность всей симптоматики ПТСР в остром периоде является максимально достоверным ($r = 0,976$) предиктором раннего выявления развития ПТСР, а такие факторы как возраст, пол, национальность, уровень образования, история травматического опыта, наличие других психических расстройств и тип текущей травмы – вторичными дополнительными предикторами развития ПТСР [8]. Существуют данные о недостаточном влиянии только пред-травматических факторов риска и большем влиянии на развитие и сохранение расстройства посттравматических факторов, но это положение требует уточнений [9]. Сложность ранней диагностики рисков развития посттравматических нарушений обусловлена многовариативностью их индикаторов и часть проблемы связана с преимущественным проведением исследований, посвященных попыткам предсказать случаи неизбежного развития ПТСР (т.е. у кого оно разовьется) над исследованиями, где акцент внимания ставится больше на вероятности появления расстройства в каждом конкретном случае (т.е. какова вероятность у этого конкретного человека развития болезни)[10].

Значительный прогресс в области исследования факторов риска посттравматических нарушений связан с возможностью получения данных удаленно и с применением автоматизированных алгоритмов для их анализа. Помимо классических методик, как например PCL-5 (Posttraumatic Stress Disorder Checklist for DSM-5), все больше исследователей применяют компьютерные программы, обрабатывающие и создающие цифровой фенотип, выявляющий «индивидуальный подчёрк болезни». Различные реакции, как например, проводимость кожи, паттерны сна, поведения, вариативность сердечных ритмов могут быть биологическими маркерами ПТСР и фиксироваться специальными сенсорами температуры, движения в мобильных устройствах, а дальнейшая обработка данных при помощи различных компьютерных алгоритмов, как например, алгоритма SVM (Support Vector Machine), может идентифицировать определенные фенотипы людей с риском развития ПТСР. Применение такого алгоритма, при анализе данных сердечных ритмов в течении двадцати четырех часов после автоаварии, позволило предсказать вероятность последующего развития ПТСР с точностью в 92% [3; 9]. Таким образом, фенотипические модели продемонстрировали хорошую эффективность в раннем прогнозировании развития ПТСР и представляют собой перспективную область для дальнейшего применения.

Доказано, что генетические факторы играют существенную роль и составляют 30-72% уязвимости к ПТСР[5]. Крупномасштабные молекулярные платформы GWAS (genome –wide association study) позволили провести миллионы сравнительных анализов и обнаружить гены, связанные с повышающими факторами риска возникновения ПТСР. На примере детской травмы было дано объяснение унаследованному генетическому риску, при которой главный ген в системе стресс отклика - FKBP5 прерывает гомеостаз и вносит изменения в нейронные сети,

регулирующие стресс. А недавний мета-анализ (n=2000000) предоставил данные о многочисленных моделях унаследованного ПТСР [3].

Введение новых критериев ПТСР в DSM-5 и КПТСР в МКБ-11 расширили симптоматику эмоциональных нарушений: кроме чувства страха, гнева, вины и стыда, симптомы деперсонализации и дереализации были признаны критически важными для диагноза ПТСР. Это повлияло на вектор исследований эмоциональной дисрегуляции в нейробиологических отраслях науки. Появились данные, объяснившие специфику изменений в нейронной сети после травматического воздействия, которые, как известно, связаны с процессами формирования страха, самооценки и функциями миндалевидного тела, префронтальной корой и гиппокампа. Как правило, были обнаружены меньшие размеры гиппокампа у людей с ПТСР, однако степень, в которой уменьшенный гиппокамп является следствием посттравматического стрессового расстройства или фактором риска, еще не установлена [5]. А при провокации страха для активации сети угрозы у пациентов с ПТСР, наиболее воспроизводимым результатом оказалась недостаточная активность медиальных областей префронтальной коры, что согласуется с общим представлением о нарушении регуляторных процессов и дисфункциях в обнаружении угрозы, регулировании эмоций и контекстной обработке [3; 5; 9]. Также установлено, например, что более негативная оценка себя и окружающих у женщин с историей детской травмы (по типу «это моя вина», «мир никогда не будет прежним») связан со сбоями в нейронных связях, ответственных за процессы самореферентной переработки [8].

У женщин риск развития ПТСР в 2 раза выше, чем у мужчины, но исчерпывающего объяснения причины большей уязвимости к развитию и более тяжелым формам течения расстройства пока не найдено [5]. Исследования различных факторов риска у мужчин и женщин показали, что перитравматический страх, ужас и беспомощность, а также наличие негативных когниций в отношении себя и мира, стабильно преобладают у женщин. [9]. Есть данные о большей реактивности миндалины после воздействия угрожающего стрессора у женщин и о связи высокого уровня прогестерона и эстрадиола в определенные менструальные циклы, оказывающие влияние на появления посттравматического стресса и большей вероятности появления воспоминаний о травме, если оно произошло в середине лютеиновой фазы [5].

Помимо феноменологического сходства ПТСР с другими расстройствами, существует еще ряд проблем, связанных с этой диагностической категорией, в частности – социальная, так как пациентов с ПТСР также характеризуют резкое снижение адаптивных и когнитивных функций, трудности с социализацией, что в свою очередь приводит к повышению риска развития аддиктивного поведения, наркотической, алкогольной и никотиновой зависимостям, расстройству пищевого поведения. Есть данные о прямой корреляции высокого уровня значения

криминальности, виктимности и ПТСР [4; 6; 10]. Появились данные, что отсутствие социальной поддержки является фактором риска развития ПТСР и КПТСР. Исследования людей, имеющих опыт детских травм, зафиксировали травматический стресс, соответствующий классическим симптомам ПТСР, а наличие признаков комплексных нарушений было обусловлено отсутствием социального признания тяжелого опыта в посттравматическом периоде и фактами дисфункционального раскрытия эпизодов травмы [9]. Социальная поддержка способствует снижению различной психопатологической симптоматики ПТСР, межличностной сензитивности, а наличие у человека чувства автономии препятствует развитию сопутствующих заболеванию психопатологических симптомов, однако отмечается, что установленный ранее буферный эффект социальной поддержки является более сложным механизмом, чем представлялось ранее [9]. Интенсивность переживания травматических событий выше у психологически неблагополучных лиц, а чувственно психологической автономия может поддерживать ощущение психологического благополучия. Однако без дополнительных ресурсов автономия не может целенаправленно менять или предотвращать уровень психической травматизации [4; 7]. Также отмечают влияние субъективного восприятия произошедшего с индивидом события на дальнейший исход, так как катастрофическая оценка и сильный уклон в сторону угрожающих стимулов в будущем способствует сохранению ПТСР [4; 5].

Согласно руководству Международного общества по исследованию травматического стресса (ISTSS), наиболее эффективными методами лечения ПТСР в настоящий момент признаны когнитивно-поведенческая терапия с фокусом на травму (КТПТ), терапии когнитивной обработки КПТ, десенсибилизации и переработка движением глаз (ДПДГ) и терапия длительного воздействия (ТДВ). Для раннего вмешательства особенно рекомендованы КТПТ с фокусом на травму, КПТ и ДПДГ. В случае КПТСР проблема неточности определения и ограниченность значимых клинических испытаний, не позволили комитету ISTSS провести необходимых для рекомендации мета-анализов [2]. Однако есть данные, что, несмотря на эффективность раннего применения КПТ, все пациенты адаптировались в долгосрочной перспективе лечения, независимо от типа вмешательства и только две трети пациентов адекватно реагировали на это вмешательство [5]. Почти все современные методы психологического вмешательства требуют дополнительных масштабных исследований в поиске доказательной базы закономерности результатов [2; 5; 9].

Итак, пандемия может вызывать самые различные реакции: от относительно легких, приводящим к незначительным нарушениям привычной жизни, до серьезных клинических патологий, как посттравматическое стрессовое расстройство, затрагивающих все уровни функционирования человека.

Несмотря на значительную историю научного поиска четких критериев ПТСР, диагноз все еще отражает противоречия и неточности, ограничивающие возможность выделения специфических механизмов травматического стресса и точных обоснований для его развития и сохранения.

Многие достижения в области современных технологий и методологических инноваций сбора и анализа данных, как например, системные междисциплинарные анализы, сильно продвинули общенаучное знание в поиске ясного фенотипа ПТСР, позволив разграничить ПТСР и комплексное ПТСР, сократить разницу диагностических шкал ПТСР, расширили возможности выделения групп симптомов, соответствующих отдельным индивидам, что увеличило возможности более точного диагностирования нарушений. Тем не менее ряд вопросов о том, как, для кого и при каких обстоятельствах сохраняется устойчивость к посттравматическим реакциям на протяжении жизни еще предстоит исследовать. Из вышесказанного следует особо выделить, что в проблематике своевременного определения риска развития ПТСР, обнаружение индивидуальных рисков сохраняет свое первоочередное значение. Соответственно, дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на выявлении специфических индивидуальных особенностей, поиске уникальных вариантов ПТСР, в том числе отдаленных ПТСР, вне зависимости от пола, возрастных групп, типов травмы, адаптированных к каждому конкретному случаю и могут включать или не обязательно включать симптомы ДСМ и МКБ. Посттравматическая среда также сохраняет высокую значимость, принимая во внимания факт, что отсутствие социальной поддержки и наличие постоянных стрессоров способствуют риску развития и сохранения посттравматического стрессового расстройства.

Перспективным в контексте пандемии COVID-19 представляется важность достоверной информированности людей, более широкое использование инновационных технологий, в том числе удаленных, доступ к телемедицине и повышение общей доступности психологической помощи. Психологическая помощь при посттравматических нарушениях помимо научной обоснованности требует тщательной оценки каждого случая, понимания истории травм пациента и характера травматизации, что ведет к необходимости дальнейшего исследования уникальной природы переживаний, возникающих в данную пандемию. Настоятельная потребность в разработке новых лично-ориентированных методов коррекции посттравматического стрессового расстройства, включая программы для КПТСР, становится серьезным вызовом сегодня, так как в контексте пандемии COVID-19 вопрос относительно того, как лучше всего реализовать научно обоснованные подходы к профилактике и лечению посттравматических состояний на практике звучит в масштабах всего мира.

Список литературы:

1. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders (5th ed.) Washington, DC: American Psychological Association. Clinical practice guidelines for the treatment of posttraumatic stress disorder (PTSD). 2017 Retrieved from <https://www.apa.org/ptsd-guideline>.
2. Bisson J. I., Berliner L., Shapiro F. et al. The international society for traumatic stress studies new guidelines for the prevention and treatment of posttraumatic stress disorder: Methodology and development process. *Journal of Traumatic Stress*, 2018. Vol. 32(4), pp. 475–483.
3. Bourla A., Mouchabac S., El Hage W. & Ferreri F. e-PTSD: An overview on how new technologies can improve prediction and assessment of Posttraumatic Stress Disorder (PTSD), *European Journal of Psychotraumatology*, 2018. Vol.9(1).
4. Brown L. A., Belli G. M., Asnaani A. & Foa E. B. A review of the role of negative cognitions about oneself, others, and the world in the treatment of PTSD. *Cognitive Therapy and Research*, 2019. Vol.43, Pp.143–173.
5. Bryant R.A. Post-traumatic stress disorder: a state-of-the-art review of evidence and challenges. *World Psychiatry*. 2019. Vol. 18.
6. Duan L., Zhu G. Psychological interventions for people affected by the COVID-19 epidemic. *Lancet Psychiatry*, 2020. Vol.7 (4), pp. 300–302.
7. Greene T., Gelkopf M., Fried E. I., Robinaugh D. J. & Lapid Pickman L. Dynamic network analysis of negative emotions and DSM-5 PTSD symptom clusters. *Journal of Traumatic Stress*. 2019. Vol.3.
8. Kessler R. C., Aguilar-Gaxiola S., Alonso J. et al. Trauma and PTSD in the WHO, World mental health surveys. *European Journal of Psychotraumatology*, 2017. Vol. 8(5).
9. Olf M. A decennial review of psychotraumatology: what did we learn and where are we going. *European Journal of Psychotraumatology*, 2019. Vol.10(1).
10. Shalev A.Y., Gevonden M., Ratanatharathorn A. et al & International Consortium to Predict PTSD. Estimating the risk of PTSD in recent trauma survivors: Results of the International Consortium to Predict PTSD (ICPP). *World Psychiatry: Official Journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, 2019. Vol. 18(1). Pp.77–87.

References:

1. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders (5th ed.) Washington, DC: American Psychological Association. Clinical practice guidelines for the treatment of posttraumatic stress disorder (PTSD). 2017. Retrieved from <https://www.apa.org/ptsd-guideline/>
2. Bisson J. I., Berliner L., Shapiro F. et al. The international society for traumatic stress studies new guidelines for the prevention and treatment of posttraumatic stress disorder: Methodology and development process. *Journal of Traumatic Stress*, 2018. Vol. 32(4), pp. 475–483.
3. Bourla A., Mouchabac S., El Hage W. & Ferreri F. e-PTSD: An overview on how new technologies can improve prediction and assessment of Posttraumatic Stress Disorder (PTSD), *European Journal of Psychotraumatology*, 2018. Vol.9(1).
4. Brown L. A., Belli G. M., Asnaani A., & Foa E. B. A review of the role of negative cognitions about oneself, others, and the world in the treatment of PTSD. *Cognitive Therapy and Research*, 2019. Vol.43, pp.143–173.
5. Bryant R.A. Post-traumatic stress disorder: a state-of-the-art review of evidence and challenges. *World Psychiatry*, 2019. Vol. 18.
6. Duan L., Zhu G. Psychological interventions for people affected by the COVID-19 epidemic. *Lancet Psychiatry*, 2020. Vol.7 (4), pp. 300–302.

7. Greene T., Gelkopf M., Fried E. I., Robinaugh D. J. & Lapid Pickman L. Dynamic network analysis of negative emotions and DSM-5 PTSD symptom clusters. *Journal of Traumatic Stress*, 2019. Vol.3.
8. Kessler R. C., Aguilar-Gaxiola S., Alonso J. et al. Trauma and PTSD in the WHO, World mental health surveys. *European Journal of Psychotraumatology*, 2017. Vol. 8(5).
9. Olf M. A decennial review of psychotraumatology: what did we learn and where are we going. *European Journal of Psychotraumatology*, 2019. Vol.10(1).
10. Shalev A.Y., Gevonden M., Ratanatharathorn A. et al & International Consortium to Predict PTSD. Estimating the risk of PTSD in recent trauma survivors: Results of the International Consortium to Predict PTSD (ICPP). *World Psychiatry: Official Journal of the World Psychiatric Association (WPA)*, 2019. Vol. 18(1). Pp.77–87.

Шатохина Лариса Вадимовна

начальник кафедры общей и педагогической психологии Академии ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент
e-mail: Shatohina.Larisa@rambler.ru

Shatokhina Larisa Vadimovna

Head of the Department of General and Pedagogical Psychology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

ПРОБЛЕМЫ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОДБОРА И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ КОМАНДИРОВ УЧЕБНЫХ ГРУПП В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФСИН РОССИИ

PROBLEMS IN IMPROVING THE PODYUOR AND PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF COMMANDERS OF TRAINING GROUPS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Аннотация. представлен анализ подходов к проблеме подбора и психологического сопровождения младшего начальственного состава в образовательных учреждениях силовых и правоохранительных органов. Акцентировано внимание на значимости выявления комплекса критериев и их учета при профессионально-психологическом подборе командиров учебных групп в образовательных организациях высшего образования ФСИН России, составления развернутой их психологической характеристики с указанием личностных ресурсов и путей формирования как управленцев.

Abstract. An analysis of approaches to the problem of selection and psychological support of junior command staff in educational institutions of law enforcement and law enforcement agencies is presented. Attention is focused on the importance of identifying a set of criteria and taking them into account in the professional and psychological selection of commanders of training groups in educational organizations of higher education of the Federal

Penitentiary Service of Russia, compiling a detailed psychological characteristic of them with an indication of personal resources and ways of formation as managers.

Ключевые слова: ведомственные образовательные организации, командиры учебных групп, критерии профподбора, личностный потенциал, психологическое сопровождение, статус, управленческая компетентность.

Keywords: departmental educational organizations, commanders of training groups, criteria of professional selection, personal potential, psychological support, status, managerial competence.

Деятельность всей сети образовательных организаций высшего образования ФСИН России ориентирована на подготовку высококвалифицированных специалистов различного профиля для органов и учреждений исполнения наказания (далее – УИС). Существующие ведомственные нормативные правовые акты содержат разноплановые требования к личностным качествам и регламентируют пути развития профессиональной компетенции выпускников. Однако, несмотря на военизированной-организованную жизнедеятельность курсантов в период обучения в вузах ФСИН России в недостаточной мере исследованы процедура назначения среди них младших командиров и их роль в профстановлении будущих специалистов УИС. Имеющие место случаи низкой эффективности функционирования учебных групп курсантов и замены младших командиров актуализируют вскрытие узких мест в их подборе и психологическом сопровождении как специфичной категории младшего начсостава.

В силу высокой стрессогенности профессиональной деятельности специалистов УИС и выявленной учеными недостаточной психологической готовности к службе в ней выпускников высших и средних специальных учебных заведений (особенно в отдаленных лесных учреждениях [12]) в 1992 году в Рязанской высшей школе МВД СССР было создано новое структурно-функциональное подразделение – группа психологического обеспечения профотбора и психологического сопровождения учебно-воспитательного процесса. Его первые сотрудники (И.Т. Радько, А.Н. Фролов и др.) много сделали по апробации психодиагностических методик и определению комплекса валидного и надежного методического инструментария для профессионально-психологического отбора и, прежде всего, для выявления у кандидатов на учебу латентной психопатологии и потенциально возможного деструктивного поведения. Однако в диссертации психолога А.М. Ракова (2008) критично отмечается, что процедура профессионально-психологического отбора в УИС недостаточно ориентирована в контексте перспективы распределения набираемого пополнения сотрудников по основным видам деятельности, а также для выполнения функций руководителей разного уровня [13, с.9]. Эмпирические исследования также свидетельствуют, что при профотборе

недостаточно учитываются такие критерии профессиональной успешности личности, отмеченные экспертами из числа руководителей функциональных служб УИС, как морально-нравственные качества кандидатов и их отношение к службе в специфическом виде правоохранительных органов. В связи с этим, по мнению Б.Г. Бовина и А.М. Ракова, необходимо в профессионально-психологическом отборе сместить акцент на выявление личностного потенциала кандидатов, в том числе в ракурсе профессионально-карьерного роста специалистов [1, С. 104].

Нами разделяется мнение М.Г. Дебольского и А.В. Кокурина, что данные, получаемые при профотборе в рамках комплексной психодиагностики, должны становиться основой составления развернутой психологической характеристики кандидатов на обучение и служить ориентиром при подборе командиров учебных групп [3]. Однако позиция указанных авторитетных ученых в вузах ФСИН России до сих пор не осуществлена. Сотрудниками отделов психологического обеспечения образовательных организаций ФСИН России по итогам профотбора даются лишь рекомендации общего характера по пригодности тех или иных поступивших на учебу к назначению командирами учебных групп. Несомненно, они важны для руководства учебно-строевых подразделений факультетов. Ведь их офицеры уже на этапе прохождения новым пополнением курса молодого бойца в Учебном центре должны проверить личные качества возможных из числа курсантов кандидатов на должности младших командиров, в том числе по ряду аспектов: влияние на сокурсников в поддержании внутреннего порядка и дисциплины в учебном подразделении; осуществление контроля за подготовкой и несением службы суточным нарядом; проявление лидерских качеств в организации досуга и сплочении коллектива учебной группы, обеспечение уважительного отношения к офицерам и иным сотрудникам вуза. При этом практика вузов ФСИН свидетельствует, что краткий период времени проверочного наблюдения за кандидатами на должности командиров учебных групп не обеспечивает надежный прогноз их успешности в качестве руководителей первичного звена.

Чтобы выйти на создание научно обоснованной модели психологического подбора и психологического сопровождения командиров учебных групп в вузах ФСИН России, рассмотрим, как это делается в образовательных организациях других правоохранительных органов и силовых структур.

Анализ публикаций свидетельствует, что О.М. Латышевым еще в середине 1990-х годов на основе изучения практики работы офицеров с младшими командирами по формированию у них командирских качеств и методических навыков установлено, что «профессиональная пригодность

„успешных" младших командиров представляет собой специфичную совокупность психологических свойств» [7, С. 139]. В монографическом исследовании В.С. Веркина обоснована важность развития личностно-стилевых характеристик успешности управленческой деятельности командиров курсантских подразделений [2]. В связи с этим психологами в последующем выявлены социально-психологические условия повышения психологической совместимости младших командиров в курсантских группах (А.Е. Красовская, 2009; Б.А. Вяткин, А.Г. Денисенко, 2011) и уточнены психологические детерминанты результативности служебной деятельности младшего командира военно-учебного заведения (И.В. Дрюпина, 2009; В.Б. Ларин, 2015).

В.Н. Кургановым с учетом исследования по вузам ФСБ России установлено, что «в качестве критериев профподбора командиров учебных групп может использоваться следующая совокупность психологических свойств личности: коммуникабельность, лидерство, социабельность, общительность, социальная адаптация, сознательное соблюдение требований и законов, практичность» [6]. Согласно исследованию Д.С. Сизова, проведенному среди курсантов вузов Минобороны, констатируется, что «с лицами, заявляющимися на должность сержанта, подбор должен осуществляться прежде всего в соответствии с требованиями и критериями, установленными для всех кандидатов на обучение» [14].

А.С. Евдокимов осуществил изучение критериев психологического подбора и сопровождения младших командиров вузов МЧС России. Им были выявлены такие критерии, как приспособленность, независимость поведения, общительность, исполнение поручений руководства, умение организовывать свою деятельность, владеть психологическим состоянием, быть эмоционально устойчивым, принимать конкретные взвешенные решения [4]. Данным ученым совместно с коллегами разработана Модель командира младшего начальствующего состава вуза МЧС [10].

О.В. Евтиховым и А.В. Жильцовой, изучавшим проблему лидерства младших командиров учебных групп образовательных организаций МВД России, установлено, что назначаемым командирам учебных групп важно обладать профессионально-управленческой компетентностью, а поэтому в психологическом отборе лиц на должности младшего начсостава надо выявлять лидерские задатки, связанные с личностными качествами, свойствами и активностью [5]. Близка к их выводу и позиция Ю.С. Мигуновой, изучавшей социально-психологические условия эффективности служебной деятельности младшего командного состава учебных подразделений вузов МЧС России. В ее диссертации выявлено, что высокий уровень личностных качеств и организованности руководителя низового уровня повышает выраженность показателей функционирования

подчиненного подразделения. Для этого надо совершенствовать профессионально-управленческую компетентность младшего начсостава, чтобы профилировать проявления маргинального командно-управленческий стиля [11].

В контексте проводимого нами исследования по проблеме психопрофилактики статусно-ролевых конфликтов в учебных коллективах образовательных организаций ФСИН России значимым является вывод Ю.С. Мигуновой, что сегодня необходимо учитывать «двойственность статуса сержантского состава учебных подразделений, которая возникает от исходно независимого их отношения к распоряжениям вышестоящего руководителя, а также отсутствию должного внимания к вопросам и отношению со стороны курсантов» [11, с. 97]. При этом негативные проявления в поведении командиров учебных групп, на наш взгляд, могут быть связаны с социально-психологической незрелостью личности. Ведь в исследованиях Ю.С. Лисник и С.В. Горностаева, проведенных среди командиров учебных групп в вузах ФСИН России, выявлено, что на управленческую успешность младшего начсостава влияют следующие особенностей личности: способность к адаптации, низкие мнительность и эмоциональность реагирования, увлеченность деятельностью, организаторские способности [8, с. 160].

Для определения методолого-теоретических ориентиров в планируемом исследовании представляется важным учесть ряд интегральных характеристик личности (жизнестойкость, контроль за действием, толерантность к неопределенности, самоэффективность), входящих в конструкт «личностный потенциал», обоснованный Д.А. Леонтьевым [9], а также выводы из работ зарубежных психологов, изучавших поведенческие, диспозиционные и мотивационные склонности к саморазвитию лидерских качеств личности младших военных руководителей [15; 16].

Резюмируя, отметим, что проведенный обзор публикаций позволяет констатировать, что решение проблемы совершенствования подбора и психологического сопровождения командиров учебных групп в образовательных организациях ФСИН России должно базироваться на психотехнической модели, обоснованной с учетом проведения комплексного исследования, которое направлено на выявление личностных предикторов и социальных условий продуктивной служебной деятельности командиров учебных групп на различных этапах профессионального становления как управленцев. Полученные данные позволят оказывать и целенаправленную помощь данной категории начсостава в рамках их психологического сопровождения.

Список литературы

1. Бовин Б.Г., Раков А.М. Профессиональный психологический отбор в уголовно-исполнительной системе России и его эффективность // Прикладная юридическая психология. 2009. № 2. С. 104-114.
2. Веркин В.С. Управленческая деятельность командира курсантского подразделения: социологический анализ: Диссертация ... канд. социолог. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 134 с.
3. Дебольский М.Г., Кокурин А.В. Пути совершенствования деятельности групп психологического обеспечения образовательных учреждений ФСИН России // Психолого-педагогическое обеспечение учебно-воспитательного процесса и пути его совершенствования. М.: Изд-во Моск. ин-та права, 2005. URL : <https://mgppu.ru/people/65/499>.
4. Евдокимов А.С. Методическое обеспечение подготовки младшего начальствующего состава в образовательном процессе вуза МЧС России: Диссертация ... канд. пед. наук. СПб., 2018. 184 с.
5. Евтихов О.В., Жильцова А. В. Профессионально-управленческая компетентность и проблема лидерства младших командиров учебных групп образовательных организаций МВД России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 4 (29). С. 87-92.
6. Курганов В.Н. Профпригодность к руководству первичным воинским коллективом // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2009. № 1. С. 133-140.
7. Латышев О.М. Практика работы офицеров курсантского подразделения с младшими командирами по формированию у них командирских качеств и методических навыков: учеб.-метод. пособие. СПб., 1995. 162 с.
8. Лисник Ю.С., Горностаев С.В. Индивидуально-психологические факторы пригодности к деятельности младшего командира подразделения курсантов вузов ФСИН // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 2(85). С. 156-163.
9. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.
10. Медведева Л.В., Евдокимов А.С., Константинова А.С. Модель командира младшего начальствующего состава вуза МЧС России // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2018. № 3. С. 119-124.
11. Мигунова Ю.С. Социально-психологические детерминанты служебной деятельности младшего командного состава (на материалах учебных подразделений вузов МЧС России): Диссертация ... канд. психол. наук. Иваново, 2018. 215 с.
12. Поздняков В.М. Психологические аспекты повышения готовности слушателей и курсантов учебных заведений МВД СССР к службе в исправительно-трудовых учреждениях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Академия МВД СССР, 1989. 28 с.
13. Раков А.М. Психология профессиональной пригодности к службе в уголовно-исполнительной системе России: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Рязань, 2008. 27 с.
14. Сизов Д.С. Проблема профессиональной подготовки сержантов военных вузов // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 3. С. 152-159.
15. Dvir T., Shamir B. Follower developmental characteristics as predicting transformational leadership: a longitudinal field study. *The Leadership Quarterly*. 2003. Vol. 14, Issue 3. Pp. 327-344.

16. Boyce L.A., Zaccaro S. J., Wisecarver M.Z. Propensity for self-development of leadership attributes: Understanding, predicting, and supporting performance of leader self-development. *The Leadership Quarterly*. 2010. Vol. 21, Issue 1. Pp. 159-178.

References

1. Bovin B.G., Rakov A.M. Professional psychological selection in the penitentiary system of Russia and its efficiency // *Applied legal psychology*. 2009. № 2. Pp. 104–114.
2. Verkin V.S. Managerial activity of the commander of the cadet unit: sociological analysis: Dissertation ... cand. sociologist. Sciences. Rostov-on-Don, 2004. 134 p.
3. Debolskii M.G., Kokurin A.V. Ways of improving the activities of the psychological support groups of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // *Psychological and pedagogical support of the educational process and the ways of its improvement*. M.: Izd-vo Mosk. in-ta prava, 2005. URL : <https://mgppu.ru/people/65/499>.
4. Evdokimov A.S. Methodical support of the training of junior commanding staff in the educational process of the university of the Ministry of Emergency Situations of Russia: Dissertation ... cand. Ped. Sciences. SPb., 2018. 184 p.
5. Evtikhov O.V., Zhiltsova A.V. Professional-managerial competence and the problem of leadership of junior commanders of educational groups of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Vestnik Sibirskogo yurytskogo instituta MVD Rossii*. 2017. № 4(29). Pp. 87-92.
6. Kurganov V.N. Profprigodost k uchessii primary voinskoi kolleksiya // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Ser. Psychological Sciences. 2009. № 1. Pp. 133-140.
7. Latyshev O.M. Praktika raboty of officers of the cadet unit with junior commanders on the formation of their command qualities and methodical skills: ucheb.-metod. allowance. SPb., 1995. 162 p.
8. Lisnik Y.S., Gornostaev S.V. Individual-psychological factors of suitability for the activities of the junior commander of the unit of cadets of the federal Penitentiary Service // *Psychopedagogika in law enforcement agencies*. 2021. T. 26. № 2(85). Pp. 156-163.
9. Personal potential: structure and diagnostics / Ed. by D.A. Leontiev. M.: Smysl', 2011. 680 p.
10. Medvedeva L.V., Evdokimov A.S., Konstantinova A. S. Model of the commander of the younger commanding staff of the university of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoi rabotcheskoi usluga EMERCOM Rossii*. 2018. № 3. Pp. 119-124.
11. Migunova Y. S. Sotsial'no-psikhologicheskie determinants of the official activity of the junior command staff (on the materials of the educational units of the universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia): Dissertation ... cand. psychol. Sciences. Ivanovo, 2018. 215 p.
12. Pozdnyakov V. M. Psikhologicheskie aspektivy arkhicheskogo sobraniekh vystavleniya khobrazovykh i kursantovcheskikh uchebnykh uchebnykh SSSR k sluzhba v correctional'no-trudnykh stikh zest': Avtoref. dis. ... cand. psychol. Sciences. M.: Akademiya MVD SSSR, 1989. 28 p.
13. Rakov A.M. Psikhologiya professional'nogo suitnosti k sluzhba v khrinsko-executiveskoi sistema Rossii: Avtoref. dis. ... cand. psychol. Sciences. Ryazan', 2008. 27 p.
14. Sizov D.S. Problem of professional training of sergeants of military universities // *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo humanitarian-pedagogicheskogo universiteta*. 2014. № 3. Pp. 152-159.
15. Dvir T., Shamir B. Follower developmental characteristics as predicting transformational leadership: a longitudinal field study. *The Leadership Quarterly*. 2003. Vol. 14, Issue 3. Pp. 327-344.

16. Boyce L. A., Zaccaro S. J., Wisecarver M. Z. Propensity for self-development of leadership attributes: Understanding, predicting, and supporting performance of leader self-development. *The Leadership Quarterly*. 2010. Vol. 21, Issue 1. Pp. 159-178.

Шумнова Марина Александровна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: shumnova@gmail.com

Shumnova Marina Alexandrovna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

FEATURES OF COPING BEHAVIOR IN ADOLESCENTS FROM SINGLE-PARENT FAMILIES

Аннотация. В статье совладающее поведение рассматривается как осознанные действия, направленные на преодоление трудных жизненных ситуаций. Раскрыты особенности совладающего поведения подростков из неполных семей. Полученные результаты могут быть использованы для разработки и проведения программ оказания психологической помощи подросткам и членам их семей.

Annotation. In the article, co-managing behavior is considered as conscious actions aimed at overcoming difficult life situations. Features of co-behavior of teenagers from single-parent families are disclosed. The results can be used to develop and implement programmes to provide psychological assistance to adolescents and their families.

Ключевые слова: совладающее поведение, копинг-стратегии, продуктивный копинг, неконструктивные копинг-стратегии, подростковый возраст, проблемная семья, неполная семья.

Key words: coping behavior, coping strategies, productive coping, unconstructive coping strategies, adolescence, troubled family, incomplete family.

Под совладающим поведением в зависимости от подхода к изучению феномена исследователи понимают целенаправленное социальное поведение, стиль, личностное свойство, различные усилия (поведенческие и психические), с помощью которых человек справляется с трудными жизненными ситуациями [1; 3; 6].

Основные подходы к пониманию совладающего поведения разработаны в зарубежной психологии: ситуационный (Р. Лазарус, С. Фолкман), диспозиционный (Д. Амирхан, Н. Эндлер, Дж. Паркер и др.), интегративный (Р. Моос, Дж. Шеффер, А. Биллингс, Г. МакКуббин).

В российской психологии явление преодоления стрессовых ситуаций нашло отражение в работах К.К. Платонова, Л.И. Уманского, Б.М. Теплова,

В.А. Бодрова, рассматривающих понятия «стрессоустойчивость» и «эмоциональная устойчивость». Поведение личности при стрессе в контексте экстремальных ситуаций изучалось представителями психологии труда (В.А. Бодров, Л.Г. Дикая, Л.А. Китаев-Смык и др.), медицинской психологии (В.А. Абабков, Н.А. Русина, Н.И. Сирота, В.М. Ялтонский и др.), возрастной психологии (Л.И. Анцыферова, Л.А. Головей, А.В. Либин, И.М. Никольская, Л.А. Регуш).

Изучение поведения человека в сложных жизненных ситуациях, факторов, влияющих на формирование стилей поведения, возможностей развития навыков совладания со стрессом, а также обучение новым стратегиям поведения являются актуальными темами продолжающихся исследований в этой области (Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, Е.В. Куфтяк, С.А. Хазова и др.).

В исследованиях выявлено, что подростковый возраст – это период формирования и активного развития совладающего поведения в условиях эмоционально значимых взаимоотношений со сверстниками и взаимоотношений в семье. Структура семьи, стиль воспитания, особенности взаимоотношений членов семьи друг с другом и с окружающими оказывают влияние на развитие личности подростка, его социализацию, и в том числе на формирование стратегий совладания с трудностями [2; 6].

Неполную (монородительскую) семью рассматривают как проблемную семью, имеющую особенности вследствие отсутствия в семейной системе супружеских отношений и выполнения одним родителем и мужских, и женских ролей по отношению к ребенку. Вследствие нарушения функционирования семейной системы неполная семья обладает низким потенциалом для личностного роста и эмоционального комфорта ее членов. Что отражается в социально-психологических особенностях подростков, у которых чаще возникают трудности с социализацией и освоением конструктивных способов поведения в трудных жизненных ситуациях [5].

О.И. Иванова исследовала особенности копинг-стратегий у старших подростков из полных и неполных семей. Было установлено, что подростки из неполных семей чаще используют в качестве копинг-стратегий агрессивные, асоциальные и импульсивные действия. Тогда как их сверстники из полных семей в трудных жизненных ситуациях чаще прибегают к социальным копинг-стратегиям. Таким, как «вступление в социальный контакт» и «поиск социальной поддержки». Полученные результаты исследования обнаруживают проблемы с социализацией и коммуникацией у подростков из неполных семей [4].

Таким образом, в подростковом возрасте крайне важно сформировать эффективные стратегии взаимодействия, разрешения конфликтов и адаптивные способы совладания со стрессом. Современными российскими исследователями эмпирически доказано, что подростки из неблагополучных семей, к которым относятся и неполные семьи, обладают неадаптивными

копинг-стратегиями, что ведет к нарушению их поведения в социуме. В связи с этим возрастает интерес к изучению особенностей совладающего поведения в подростковом возрасте, способствующего поддержанию конструктивных отношений с окружающими, стабильности и эмоционального принятия подростками себя и своего окружения.

Цель проведенного нами эмпирического исследования заключалась в выявлении особенностей совладающего поведения у подростков из неполных семей. Мы предположили, что подростки из неполных семей в трудных жизненных ситуациях чаще, чем подростки из полных семей, используют непродуктивные стратегии совладающего поведения.

В исследовании приняли участие 35 учащихся первого курса колледжа архитектуры и дизайна города Москвы в возрасте 16-17 лет, из которых для сравнительного анализа были выделены две группы испытуемых из полных и неполных семей по 9 человек в каждой. В исследовании использовались следующие методики: Опросник «Способы совладающего поведения», разработанный Р. Лазарусом в адаптации Л.И. Вассермана и Опросник «Способы преодоления негативных ситуаций», разработанный С.С. Гончаровой для раннего юношеского возраста (14-17 лет) на основе Бернского опросника «Способы преодоления критических ситуаций» (авторы Блазер А., Хайм Э., Рингер Х., Томмен М.). Обе методики направлены на выявление предпочтительных способов поведения в трудных жизненных ситуациях. Для обработки эмпирических данных был использован пакет программы статистика SPSS.

Данные о средних значениях и стандартных отклонениях, полученные по методике «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Л.И. Вассермана), представлены в виде количественных показателей (табл. 1).

Таблица 1

Данные по методике «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса

Переменные	Испытуемые из неполных семей		Испытуемые из полных семей	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Конфронтация	56,44	11,91	43,00	9,67
Дистанцирование	52,00	6,61	55,00	6,38
Самоконтроль	46,33	12,81	40,67	9,38
Поиск социальной поддержки	49,00	9,00	46,11	9,09
Принятие ответственности	51,44	12,19	49,56	11,29
Бегство-избегание	59,67	10,33	48,78	14,37
Планирование решения проблемы	44,67	10,67	40,89	15,02
Положительная переоценка	48,67	11,43	48,00	9,04

Показатели средних значений копинг-стратегий находятся в интервале от 40 до 60 баллов, что означает умеренное использование всех стратегий совладания испытуемыми в обеих группах. В то же время важно отметить, что в группе испытуемых из неполных семей значение шкалы «бегство-избегание» приближается к высокому показателю (59,67). Эти данные указывают на то, что подростки из неполных семей часто предпочитают не решать возникающие проблемы, а игнорировать их.

Сравнительный анализ (критерий U-Манна-Уитни) выявил значимые различия ($p \leq 0,05$) между двумя группами испытуемых по шкале «конфронтация». Эта стратегия преодоления характеризуется поведенческой активностью, направленной на сопротивление возникшим трудностям, не поиска способов решения. При выборе этой стратегии совладания наблюдаются импульсивность в поведении, затруднения в планировании своих действий, предвидения их результата, зачастую враждебность, конфликтность и неоправданное упорство. Для подростков, использующих данную стратегию преодоления трудных жизненных ситуаций представляет сложность понимание чувств и намерений другого человека, предвидение развития ситуации, негибкость поведения.

Далее рассмотрим результаты исследования по методике «Способы преодоления негативных ситуаций» (табл. 2).

Таблица 2

Данные по методике «Способы преодоления негативных ситуаций»

Переменные	Испытуемые из неполных семей		Испытуемые из полных семей	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
Поиск поддержки	5,33	1,87	5,00	1,32
Повышение самооценки	6,33	2,45	5,00	2,40
Самообвинение	7,11	2,09	5,89	1,45
Анализ проблемы	6,11	1,17	6,22	1,79
Поиск виновных	7,78	2,11	4,78	2,91

Результаты указывают на выраженное предпочтение студентами из неполных семей стратегии «поиск виновных» (среднее значение 7,78) и наиболее редкое использование стратегии «поиск поддержки» (среднее значение 5,33). Им в меньшей степени свойственно обращение за поддержкой к членам их семьи и друзьям.

Сравнительный анализ с использованием критерия U-Манна-Уитни выявил различия по шкале «Поиск виновных» на уровне значимости, $p \leq$

0,05. Из этого следует, что испытуемые из неполных семей чаще, чем испытуемые из полных семей перекладывают ответственность за ситуацию на других, ищут внешние причины своих неудач, что уводит их от решения проблем.

По результатам эмпирического исследования выявлено, что подростки из неполных семей склонны решать возникающие проблемы неконструктивными способами, прибегая к копинг-стратегиям избегание, конфронтация и поиск виновных. Подростки, прибегающие к неадаптивным способам совладания с трудностями, в силу своих личностных особенностей могут чаще сталкиваться с проблемами как в учебной деятельности, так и во взаимоотношениях с близкими и друзьями. Не обладая навыками продуктивных стратегий совладания с трудностями, они зачастую плохо справляются со стрессом, тяжело адаптируются к ситуации обучения, импульсивны и конфликтны.

Значимость проведенного исследования заключается в возможности предвидеть проблемы адаптации, обучения и взаимоотношений в коллективе подростков из неполных семей, разработать программы психолого-педагогического сопровождения учащихся и членов их семей. По результатам проведенного нами исследования был предложен тренинг коммуникативных навыков для студентов.

Список литературы:

1. Бочило М.Г. Изучение копинг-поведения у подростков «группы риска»: теоретические основы и условия коррекции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 101-104.
2. Ветрова И.И. Развитие контроля поведения, совладания и психологических защит в подростковом возрасте: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 25 с.
3. Гарбер А.Н. Совладающее поведение: аналитический обзор зарубежных исследований // Актуальные вопросы современной психологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск, 2015. С. 17-19.
4. Иванова О.И. Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей // Психология и право. 2020. № 1. С. 103-115.
5. Иванченко В.А. Внешние и внутренние детерминанты процесса социализации подростков из неполных семей: диссертация ... канд. психол. наук. Ярославль, 2012. 163 с.
6. Литвинова А.В., Баскакин Т.И. Проблема ответственности и преодолевающего поведения в подростковом возрасте // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях: коллективная монография / Под общ. ред. А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. Пермь, 2018. С. 36-49.
7. Литвинова А.В., Бугрова В.В. Защитно-преодолевающее поведение девиантных подростков // Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов / Под общей редакцией Д.В. Сочивко. Рязань, 2019. С. 421-427.
8. Моисеева С.Н. Особенности совладающего поведения подростков из неблагополучных семей // Научный альманах. 2015. №11-5(13). С. 208-209.
9. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования. 2011. Т. 3. № 17. С. 3-14.

References:

1. Bochilo M.G. Study of coping behavior in adolescents "at risk": theoretical foundations and correction conditions//Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2012. № 2 (49). Pp. 101-104.
2. Vetrova I.I. Development of behavior control, coping and psychological protection in adolescence: autoref. diss.... Candidate of Psychological Sciences. M., 2011. 25 p.
3. Garber A.N. Co-leading behavior: an analytical review of foreign studies//Topical issues of modern psychology: materials of the III International. scientific. conf. (Chelyabinsk, February 2015). Chelyabinsk, 2015. Pp. 17-19.
4. Ivanova O.I. Features of coping strategies of older adolescents from single-parent families//Psychology and law. 2020. № 1. Pp 103-115.
5. Ivanchenko V.A. External and internal determinants of the process of socialization of adolescents from incomplete families: dissertation... candidate of psychological sciences. Yaroslavl, 2012. 163 p.
6. Litvinova A.V., Baskakin T.I. The problem of responsibility and overcoming behavior in adolescence //Models and technologies for providing psychological assistance to children and adolescents in extreme situations: a collective monograph/Under the common ed. A.V. Kokurina, V.I. Ekimova, E.A. Orlova. Perm, 2018. Pp. 36-49.
7. Litvinova A.V., Bugrova V.V. Protective-overcoming behavior of deviant teenagers//Collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists / Under the general editorship of D.V. Sochivko. Ryazan, 2019. Pp. 421-427.
8. Moiseeva S.N. Features of co-behavior of adolescents from dysfunctional families//Scientific almanac. 2015. №11-5(13). Pp. 208-209.
9. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O. Coping-strategies in stress psychology: approaches, methods and perspectives//Psychological research. 2011. T. 3. № 17. Pp. 3-14.

Ульянина Ольга Александровна

профессор департамента Психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник НИЦ Академии управления МВД России, доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент РАО
e-mail: lelia34@mail.ru

Ulyanina Olga Alexandrovna

Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics," Chief Researcher SIC of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of RAO

Гаврилова Ольга Яковлевна

доцент департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, кандидат психологических наук
e-mail: oya.gavrilova@gmail.com

Gavrilova Olga Yakovlevna

Associate Professor, Department of Psychology,
Institute of Pedagogy and Psychology of Education,
Moscow City Pedagogical University, Candidate of
Psychological Sciences

Тимур Ольга Юрьевна, главный аналитик
Федерального ресурсного центра психологической
службы в системе образования Российской академии
образования
e-mail: helgatimur@gmail.com

Timur Olga Yuryevna, chief analyst of the Federal
Resource Center for Psychological Service in the
education system of the Russian Academy of Education

ЭКСТРЕННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

EMERGENCY PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO MINORS: REGIONAL PRACTICE AND INTERNATIONAL

Аннотация. В статье рассматривается важность организации экстренной психологической службы в системе образования, в опоре на потребности общества, с учетом успехов уже существующих служб на базе иных государственных ведомств. Приводится опыт отечественных и зарубежных экстренных психологических служб. Рассматриваются варианты межведомственного взаимодействия в чрезвычайных ситуациях.

Annotation. The article considers the importance of organizing an emergency psychological service in the education system, relying on the needs of society, taking into account the successes of existing services on the basis of other state departments. The experience of domestic and foreign emergency psychological services is given. Options for interagency interaction in emergency situations are being considered.

Ключевые слова: экстренная психологическая помощь, психологическая служба в системе образования, межведомственное взаимодействие, международный опыт.

Key words: emergency psychological assistance, psychological service in the education system, interagency interaction, international experience.

Актуальность экстренной психологической помощи бесспорна, т.к. современные тенденции развития общества диктуют порой совершенно неожиданные ситуации, не редко глубоко травмирующие и детей, и взрослых. Необходимость создания и обеспечения системы экстренной психологической помощи в составе психологической службы в образовании обозначена в «Плане мероприятий по реализации Концепции развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года» от 11 мая 2018 года. В число мероприятий, указанных в данном документе, входят разработка рекомендаций по созданию и обеспечению системы экстренной психологической помощи в

составе Службы (п. 2.4), а также разработка и внедрение технологий и программ экстренной и пролонгированной психологической помощи (сопровождения) детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (п. 3.12). В Распоряжении Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года», представлено мероприятие по развитию сети служб, предоставляющих детям и родителям квалифицированную экстренную анонимную психологическую помощь в дистанционной форме (п. 78). Практика показывает, что закономерно развивать подобную сеть служб на базе имеющейся сети психологической службы в системе образования, так как она является самой массовой службой психологической помощи [2].

Как указывают С.Б. Малых и Е.В. Бурмистрова, Служба практической психологии в системе образования с каждым годом всё чаще сталкивается с проблемами кризисного вмешательства, что требует от психологов образования развития дополнительных профессиональных навыков. Школы и другие образовательные организации должны оперативно реагировать на самые разные кризисные ситуации. Некоторые из таких ситуаций носят локальный характер и затрагивают как обучающихся (воспитанников), так и педагогический коллектив. К числу таких ситуаций относятся переживание утраты в связи со смертью ученика или преподавателя, локальный конфликт между учениками, повлекший за собой насильственные действия и так далее. Ряд кризисных ситуаций носит более глобальный характер – как в масштабе отдельного региона, так и целой страны. К таким ситуациям может быть отнесены стихийные бедствия, вооруженные действия и прочее.

Под экстренной психологической помощью понимается система краткосрочных мероприятий, направленных на регуляцию актуального психологического, психофизиологического состояния, в том числе негативных эмоциональных переживаний человека или группы людей, пострадавших в результате кризисного или чрезвычайного события при помощи профессиональных методов, соответствующих требованиям ситуации [3; 8; 5].

Опыт свидетельствует о важности оказания экстренной психологической помощи в системе образования в самом широком спектре проблем, а поэтому потребность в межведомственном подходе к решению таких задач свидетельствует об их глубине и масштабности.

Экстренная психологическая помощь, будучи краткосрочной программой мероприятий, может быть ориентирована на помощь как одному ребенку, так и группе учащихся или значительному числу пострадавших, оказавшихся в эпицентре чрезвычайной ситуации, кризисного события или ставших свидетелями подобной ситуации. Главная цель экстренной психологической помощи – регуляции актуального психологического и психофизического состояния методами профессиональной помощи, которая должна соответствовать масштабам

происшествия. Психологическую помощь важно оказывать в формате бригадного подхода, в данном случае на уровне межведомственного взаимодействия. Оно в свою очередь может быть сформировано на различных уровнях, как на региональном уровне, так и внутри отдельно взятой единицы, работающей с чрезвычайно сложной и к сожалению весьма распространенной проблемой профилактики буллинга и оказании помощи пострадавшим от травли (Приказ «О профилактике буллинга и порядке действий персонала при столкновении со случаями насилия в образовательной организации»: приказ от 01.09.2018 г. №178/1, г. Нефтекумск).

Не всегда в заголовках регламентирующих документов можно встретить формулировку об оказании «экстренной», «оперативной» или «неотложной» психологической помощи, однако содержание документа и цель, поставленная перед участниками, отражает важность именно быстрого реагирования.

Критические ситуации, при которых экстренная психологическая помощь чрезвычайно необходима, могут быть различными, в том числе и в системе образования: травля, межрасовое неприятие; чрезвычайные ситуации техногенного порядка, террористические акты. Сложности, возникающие в семье, всегда имеют свое отражение на поведении («Порядок организации межведомственного взаимодействия по обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних в связи с совершением в отношении них противоправных деяний, оказанию им необходимой помощи, в том числе при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, производстве следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших или несовершеннолетних свидетелей»: постановление от 29.12.2011 г. № 958, Администрация Аксайского района).

Жизненные перипетии детского и подросткового возраста могут сами задавать потребность в определенном формате оказания им неотложной психологической помощи. Например, помимо оперативности она может потребовать конфиденциальности и круглосуточной доступности как «Детский телефон доверия» («Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в случаях обращений в службу экстренной психологической помощи по «Детскому телефону доверия» с единым общероссийским номером в ситуациях, требующих своевременного вмешательства для сохранения жизни и здоровья ребенка»: постановление КДН и ЗП Администрации Курской области от 24.12.2014 г.).

Оказание экстренной психологической помощи остро востребовано в ситуациях катастроф (различного характера), при совершении терактов, в случаях гибели или значительного числа пострадавших в этих обстоятельствах лиц. Однако в таких мало освещаемых в публикациях, но

не менее драматичных процедурах, как проведение массовых траурных мероприятий, оказание срочной психологической помощи необходимо [4].

Чрезвычайные ситуации больших масштабов, к счастью, случаются значительно реже, чем повседневные проблемные эпизоды. Однако лавинообразный характер накопления отрицательных эмоций вследствие интолерантности среды, профессионального выгорания, деструктивных форм общения могут привести к срыву, разрушению системы и возникновению чрезвычайной ситуации. Такие предпосылки экстремальных ситуаций наводит на мысль о важности профилактических работ по их предупреждению, именно как части оказания экстренной психологической помощи для создания безопасной психологической среды [1].

Представляет интерес и международный опыт оказания экстренной психологической помощи участникам образовательных отношений. В огромном числе стран за школами признается важнейшая роль в реализации системы экстренной психологической помощи. Широко известны системы экстренной психологической помощи Финляндии, Норвегии, США, Австралии и в ряде других стран. Например, в Израиле в системе образования существуют программы кризисного вмешательства. Они включают в себя методы подготовки учащихся и педагогических работников к эффективному совладанию с потенциально травмирующими событиями на уровне эмоций и поведения [10]. Рекомендации для экстренной психологической помощи, осуществляемой в образовательном учреждении, основаны на положении, что планирование и оказание профессиональных экстренной помощи во многих отношениях схожи с процедурами, относящимися к повседневному функционированию школьной психологической службы [6]. В Пакистане готовность школ осуществлять экстренную психологическую помощь не является обязательным требованием, но школы несут ответственность за безопасность учеников, в том числе за оказание первой психологической помощи и кризисных консультаций [9]. В Новой Зеландии школы поддерживают процесс эмоционального восстановления учащихся и педагогов [7].

В заключение подчеркнем, что ребенок, переживший кризисную ситуацию, нуждается в своевременной профессиональной психологической помощи и поддержке. Обеспечение психического и психологического здоровья – главная задача психологической службы в системе образования. В этой связи возникает необходимость в проработке научно-методологических и организационных вопросов создания и обеспечения системы экстренной психологической помощи в составе психологической службы в образовании. На сегодняшний день накоплен бесценный опыт работы специалистов психологов в условиях чрезвычайных происшествий, катастроф и региональная практика построения модели межведомственного взаимодействия по оказанию экстренной психологической помощи несовершеннолетним. Перспективным направлением совершенствования

данной проблемной области является разработка регламентов межрегионального, межведомственного, внутриведомственного взаимодействия, учитывающих лучшие практики и подходы и позволяющих своевременно и качественно оказывать экстренную психологическую помощь всем участникам образовательного процесса, оказавшимся в кризисной ситуации, в том числе в дистанционном формате взаимодействия.

Список литературы:

1. Зайчиков В.М. Экстренная психологическая помощь участникам образовательного процесса в кризисных ситуациях // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества. Материалы X Международной научно-практической конференции, 04-06 октября 2018. Рязань: Концепция, 2018. С. 336-340.
2. Малых С.Б., Бурмистрова Е.В. Экстренная психологическая помощь: модель психологической службы образования // Психология экстремальных ситуаций / под ред. В.В. Рубцова, С.Б. Малых. М.: Психологический институт РАО, 2007. С. 131-142.
3. Психология экстремальных ситуаций: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под общ. ред. Ю.С. Шойгу. СПб.: Питер, 2019. 272 с.
4. Рындина О.Г., Краузе О.В., Долгов С.А. Региональный опыт оказания экстренной психологической пострадавшему населению при ЧС и происшествиях в Чувашской республике // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2019. № 9. С. 130-138.
5. Соболева Е.В. Социально-психологическое обучение стратегиям совладающего поведения субъектов оказания помощи в экстремальных ситуациях // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2014. №3. С. 42-45.
6. Benyamini K. School psychological emergency interventions: Proposal for guidelines based on recent Israeli experience // *Mental Health & Society*. 1976. V. 3 (1-2). P. 22-32.
7. Mutch C. The role of schools in disaster settings: Learning from the 2010-2011 New Zealand earthquakes // *International Journal of Educational Development*. 2015. V. 41. P. 283-291.
8. *Psychology extreme situations for rescue and fire* / ed. Y.S. Shoigu. M.: Meaning, 2007. 319 p.
9. Shah A.A., Ye J., Pan L. et al. Schools' Flood Emergency Preparedness in Khyber Pakhtunkhwa Province, Pakistan // *International Journal of Disaster Risk Science*. 2018. V. 9. Pp. 181-194. <https://doi.org/10.1007/s13753-018-0175-8>.
10. Stein B. *Continuity and change: Organisation, groups, individuals in crisis*. Eger, 1996.

References:

1. Zajchikov V.M. Ekstrennaya psihologicheskaya pomoshch' uchastnikam obrazovatel'nogo processa v krizisnyh situacijah // *Pedagogika i psihologiya kak resurs razvitiya sovremennogo obshchestva. Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, 04-06 oktyabrya 2018. Ryazan': Konceptiya, 2018. Pp. 336-340.
2. Malyh S.B., Burmistrova E.V. Ekstrennaya psihologicheskaya pomoshch': model' psihologicheskoy sluzhby obrazovaniya // *Psihologiya ekstremal'nyh situacij* / pod red. V.V. Rubcova, S.B. Malyh. M.: Psihologicheskij institut RAO, 2007. Pp. 131-142.
3. *Psihologiya ekstremal'nyh situacij: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij* / pod obshch. red. YU.S. SHojgu. SPb.: Piter, 2019. 272 p.
4. Ryndina O.G., Krauze O.V., Dolgov S.A. Regional'nyj opyt okazaniya ekstremnoj psihologicheskoy postradavshemu naseleniyu pri CHS i proisshestviyah v CHuvashskoj

respublike // Lichnost' v ekstremal'nyh usloviyah i krizisnyh situaciyah zhiznedeyatel'nosti. 2019. № 9. Pp. 130-138.

5. Soboleva E.V. Social'no-psihologicheskoe obuchenie strategiyam sovladayushchego povedeniya sub"ektov okazaniya pomoshchi v ekstremal'nyh situaciyah // Vestnik Soveta molodyh uchyonyh i specialistov CHelyabinskoy oblasti. 2014. №3. Pp. 42-45.

6. Benyamini K. School psychological emergency interventions: Proposal for guidelines based on recent Israeli experience // *Mental Health & Society*. 1976. V. 3 (1-2). Pp. 22–32.

7. Mutch S. The role of schools in disaster settings: Learning from the 2010–2011 New Zealand earthquakes // *International Journal of Educational Development*. 2015. V. 41. Pp 283-291.

8. *Psychology extreme situations for rescue and fire* / ed. Y.S. Shoigu. M.: Meaning, 2007. 319 p.

9. Shah A.A., Ye J., Pan L. et al. Schools' Flood Emergency Preparedness in Khyber Pakhtunkhwa Province, Pakistan // *International Journal of Disaster Risk Science*. 2018. V. 9. Pp. 181–194. <https://doi.org/10.1007/s13753-018-0175-8>.

10. Stein B. *Continuity and change: Organisation, groups, individuals in crisis*. Eger, 1996.

Агапов Валерий Сергеевич

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии и психологии труда автономной некоммерческой организации высшего образования «Российский новый университет» (АНО ВО «РосНОУ»), г. Москва, Россия,

доктор психологических наук, профессор

agarov.vs@mail.ru

e-mail: vvg_59@mail.ru

Agapov Valery Sergeevich

Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology of the autonomous non-profit organization of Higher Education "Russian New University" (ANO VO "RosNOU"), Moscow, Russia, Doctor of Psychological Sciences, Professor

Рожков Дмитрий Владимирович,

аспирант, старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии труда кафедры общей психологии и психологии труда автономной некоммерческой организации высшего образования «Российский новый университет» (АНО ВО «РосНОУ»), г. Москва, Россия

e-mail: rozhkov_dima@inbox.ru

Rozhkov Dmitry Vladimirovich,

Post-graduate student, Senior Lecturer of the Department of General Psychology and Labor Psychology of the autonomous non-profit organization of Higher Education "Russian New University" (ANO VO "RosNOU"), Moscow, Russia

**САМОУПРАВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ
ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ**

**SELF-MANAGEMENT OF THE INDIVIDUAL AS A RESOURCE FOR
OVERCOMING AN EMERGENCY SITUATION**

Аннотация: в статье рассматривается проблема самоуправления личности в чрезвычайной ситуации. Раскрывается понятие самоуправления личности в психологии и описывается его структура. Уделяется внимание самоуправлению как внутреннему ресурсу по преодолению чрезвычайных происшествий.

Annotation. The article deals with the problem of personal self-government in an emergency. The concept of personality self-government in psychology is revealed and its structure is described. Attention is paid to self-government as an internal resource for overcoming emergencies.

Ключевые слова: самоуправление, личность, чрезвычайная ситуация, личностные ресурсы, стресс.

Key words: self-government, personality, emergency, personal resources, stress.

В современных реалиях человеку все чаще приходится сталкиваться со стрессовыми факторами. С развитием технологий, чрезвычайные ситуации (далее – ЧС) стали неотъемлемой частью общества, участились случаи возникновения катастроф природного и техногенного характера: наводнения, пожары, взрывы, аварии на транспорте и производстве. Кроме того, необходимо отметить происшествия социально значимого характера: войны, террористические акты, преступность и т.д. [7].

Все вышеупомянутые чрезвычайные ситуации оказывают сильное негативное влияние на психику, как спасателей, так и обычных людей. Отмечается, что для успешного преодоления психологических последствий ЧС необходима помощь психолога, а нередко помощь психиатра или психотерапевта [1].

На наш взгляд, каждому человеку, вне зависимости от того, является ли его профессия экстремальной или нет, необходимо вырабатывать личностные ресурсы, с помощью которых, он сможет вернуться к нормальной жизнедеятельности. Одним из таких ресурсов является самоуправление личности.

По мнению Ю. Куля, структура самоуправления личности состоит из пяти компонентов: самоконтроль, воля, саморегуляция, чувствительность к себе, переживания общего жизненного стресса [4]. При этом в самоконтроле ученый отмечает два компонента: когнитивный и аффективный. Когнитивный компонент – это планирование, дробление целей, прогнозирование трудностей и пути их преодоления и так далее. Под аффективным компонентом, автор понимает преодоление стрессовых ситуаций, ориентацию на деятельность, противостояние тревожности, что в особенности характерно при чрезвычайных происшествиях.

С нашей точки зрения, саморегуляция является важнейшей составляющей структуры самоуправления личности. Саморегуляция рассматривается как процесс регулировки эмоционального состояния, в особенности после стрессовых ситуаций. На наш взгляд, развитие высокого уровня саморегуляции является важнейшим фактором, помогающим человеку справиться с ЧС, и восстановить психическое здоровье.

Воля, по мнению Ю. Куля, есть процесс устойчивого движения к цели, преодоление трудностей – мобилизация, устойчивая концентрация внимания, инициативность. Кроме того, к волевому процессу относится способность поддержания энергии для реализации деятельности в условиях постоянной опасности.

Под чувствительностью к себе понимается переработка положительного и отрицательного опыта, а также конгруэнтность.

Конгруэнтность – это способность различать свои собственные цели, от ожиданий и давления других людей.

Переживание общего жизненного стресса - это те условия выполнения деятельности, которые могут составлять угрозу ее выполнения, создавать давление на личность. Спасатели и другие люди, оказавшиеся в ЧС, испытывают сильнейший стресс, как во время происшествия, так и после него.

Для самоуправления важно самоопределение, которое представляет собой адекватное соотношение своих целей, образа жизни, деятельности, со своим внутренним «Я». Под саморегуляцией ученый понимает совокупность следующих понятий: самоопределение, самомотивация, и саморелаксация.

Важно отметить необходимость внутренней гармонии личности, ощущения нужности себя в обществе, своих целей и планов на будущее [5]. Самомотивация - процесс, при котором личность может самостоятельно поддерживать необходимый уровень интереса при выполнении какой-либо деятельности, в том числе и экстремальной.

Самоуправление личности формируется прижизненно. На данный процесс оказывают влияние, как внешние факторы, так и внутренние. К внешним относят микро – и макросоциальные среды (процесс взаимодействия с другими людьми, вид деятельности). Внутренними факторами являются свойства, психические процессы и индивидуальные особенности личности [4]. На наш взгляд, фактор экстремальной деятельности также способен оказывать влияние на формирование и изменения самоуправления личности.

Как известно, самоуправление актуализируется при возникновении проблемной ситуации перед человеком. Именно в этот момент человек начинает ставить цель преодолеть данную трудность. Под целью понимается конечный результат деятельности, в ходе которой возникает представление новой модели решения задач такого типа. Поэтому самоуправление представляет собой такой процесс, при котором личность сама определяет проблемную ситуацию, и на основе этого формирует стратегию по преодолению данной проблемы.

В психологической структуре самоуправления целесообразно выделить такие компоненты, как: мотивационный, эмоциональный, когнитивный, поведенческий, и регуляционный компоненты. В структуре мотивационного компонента целесообразно выделить потребности, мотивы, влечения, ценностные ориентации и другие психологические феномены, влияющие на инициацию процесса самоуправления. Например, когда спасатель заинтересован в соблюдении правил поведения во время чрезвычайной ситуации, он будет больше уделять внимания управлению своим поведением.

В структуре эмоционального компонента целесообразно выделить эмоции, чувства, аффекты, эмоциональные состояния и другие психологические феномены, влияющие на интенсивность проявления

процесса самоуправления. Например, чем больше риск получить травму в результате аварии, или вовсе погибнуть, тем больше усилий личность будет прилагать для управления своим поведением.

Структура когнитивного компонента включает мыслительные действия и операции, стереотипы, типичные схемы решения тех или иных задач жизнедеятельности и другие психологические феномены, влияющие на предвидение, прогнозирование и планирование процесса самоуправления. Здесь так же может сказаться опыт преодоления похожих ситуаций. Например, человек уже оказывался в экстремальной ситуации, и у него может возникнуть шаблон преодоления таких происшествий [3].

В структуре поведенческого компонента целесообразно выделить действия, операции, поступки, реакции и другие психологические феномены, отражающие результат процесса самоуправления. Например, с опытом у спасателей вырабатывается четкий набор действий в типичных ситуациях [2].

Структура регуляционного компонента объединяет приемы (способы, механизмы) воздействия человека на своё состояние, поведение и деятельность, составляющие психологическое содержание процесса самоуправления. Например, оказавшись в заложниках у террористов, человек может использовать дыхательные методики для регуляции своего состояния [6].

Таким образом, модель самоуправления личности, предложенная Ю. Кулем, охватывает многие сферы жизнедеятельности человека, и включает мотивационный, эмоциональный, когнитивный, поведенческий и регуляционный компоненты. Все вышеуказанные понятия могут послужить важнейшими личностными ресурсами по преодолению чрезвычайной ситуации.

Список литературы:

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006.
2. Бурмистрова Е.В. Психологическая помощь в кризисных ситуациях (предупреждение кризисных ситуаций в образовательной среде): Методические рекомендации для специалистов системы образования. М.: МГППУ, 2006.
3. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2015.
4. Митина О.В. Теория личности как взаимодействие систем // Предисловие к переводу книги: Куль Ю., Шторх М. Сила собственного Я. Семь Психогимнастик для бессознательного. Харьков: Гуманитарный Центр, 2015. С. 7-35.
5. Рожков Д.В., Антониани Е.А., Ищук К.Н. Самооценка как ресурс преодоления жизненных трудностей // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 2. С. 18-23.
6. Федунина Н.Ю. Экстренная психологическая помощь: законы жанра // Московский психотерапевтический журнал. Специальный выпуск: экстренная психологическая помощь. М., 2006. №4 (51). С. 6-25.

7. Шойгу Ю.С., Пыжьянова Л.Г. Прогнозирование и управление социально-психологическими рисками во время чрезвычайной ситуации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 4. С. 76-83.

8. Экстренная психологическая помощь/ Под общ.ред. Ю.С. Шойгу. М.: Объед. ред. МЧС России, 2012.

References:

1. Bodrov V.A. Psihologicheskij stress: razvitie i preodolenie. M.: PER SE, 2006.

2. Burmistrova E.V. Psihologicheskaya pomoshch' v krizisnyh situacijah (preduprezhdenie krizisnyh situacij v obrazovatel'noj srede): Metodicheskie rekomendacii dlya specialistov sistemy obrazovaniya. M.: MGPPU, 2006.

3. Kornilova T.V. Intellektual'no-lichnostnyj potencial cheloveka v usloviyah neopredelennosti i riska. SPb.: Nestor-Istoriya, 2015.

4. Mitina O.V. Teoriya lichnosti kak vzaimodejstvie sistem // Predislovie k perevodu knigi: Kul' YU., Shtorh M. Sila sobstvennogo YA. Sem' Psihogimnastik dlya bessoznatel'nogo. – Har'kov: Gumanitarnyj Centr, 2015. Pp. 7-35.

5. Rozhkov D.V., Antoniani E.A., Ishchuk K.N. Camoocenka kak resurs preodoleniya zhiznennyh trudnostej // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire. 2020. № 2. Pp. 18-23.

6. Fedunina N.YU. Ekstrennaya psihologicheskaya pomoshch': zakony zhanra // Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal. Special'nyj vypusk: ekstrennaya psihologicheskaya pomoshch'. M., 2006. №4 (51). Pp.6-25.

7. Shojgu YU.S., Pyzh"yanova L.G. Prognozirovanie i upravlenie social'no-psihologicheskimi riskami vo vremena chrezvychajnoj situacii // Vestnik Mock. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 2011. № 4. Pp. 76-83.

8. Ekstrennaya psihologicheskaya pomoshch'/ Pod obshch.red. YU.S. Shojgu. M.: Ob"ed. red. MCHS Rossii, 2012.

Алеев Файзликай Алексеевич

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет,

г. Москва, Россия

e-mail: f.aaleev.60@mail.ru

Aleev Fayzlikai Alekseevich

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА У СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

PSYCHOLOGICAL METHODS OF DEVELOPING A SENSE OF PATRIOTISM IN HIGH SCHOOL STUDENTS

Аннотация. В статье обсуждаются психологические аспекты развития чувства патриотизма у старшеклассников в условиях образовательной среды в общеобразовательной средней школе. Анализируются роль воспитательных программ, реализуемых во внеурочное время.

Abstract. The article discusses the psychological aspects of the development of a sense of patriotism among high school students in an educational environment in a comprehensive secondary school. The role of educational programs implemented outside of school hours is analyzed.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, подростки, старшеклассники.

Keywords: patriotism, patriotic education, teenagers, high school students.

Патриотическое воспитание – это одна из актуальнейших задач государства, общества и образовательных учреждений нашей страны. Согласно Плану мероприятий по реализации в 2021 - 2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденному Распоряжением Правительства РФ от 12 ноября 2020 г. № 2945-р., на указанный период в стране проводится комплекс мероприятий, направленный на воспитание патриотизма всех граждан и особенно молодежи [8].

Конечно, мировоззрение молодого человека формируется не только школой. Существенным является также воспитание, полученное в семье, в культурной сфере, в средствах массовой информации и информационных интернет-сетях. Сегодня неокрепшему разуму молодого человека трудно разобраться в сложной неоднозначной палитре социальных вопросов, и тут на первую позицию выходит школа. Она является хоть и не единственным, но несомненно наиважнейшим, наиглавнейшим звеном в системе патриотического воспитания молодежи. Период обучения в школе является наиболее благоприятным для эмоционально-психологического воздействия на старших подростков, тем более что сегодня ментальная война за умы молодежи поднята на самый высокий уровень и является жизненно важной для фактического выживания страны.

В современном государственном заказе школе, сформулированном и в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, сделан акцент на воспитании патриотических ценностей у подрастающего поколения. Учитывая, что Концепция является методологической основой разработки и реализации федерального государственного образовательного стандарта общего образования, рассмотрим подробнее имеющиеся на сегодняшний день проблемы.

Анализ работы образовательных учреждений показал недостаточность методического обеспечения процесса патриотического воспитания старших подростков в условиях общеобразовательной школы. Не всегда однозначной является и позиция педагогов. На их идейную убежденность также влияет и общий политический, и социальный, изэкономико-бытовой климат. В связи с этим деятельность педагогов по организации процесса патриотического воспитания школьников не всегда носит системный характер и, как следствие, не приводит к должному результату.

На основании вышеизложенных положений можно констатировать, что на сегодняшний день существует противоречие между потребностью государства в личности, имеющей развитое патриотическое сознание и уровнем методического обеспечения процесса патриотического воспитания старших подростков в школе.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», с изменениями, утвержденными постановлением Правительства РФ от 30.03.2020 № 369, определяет: «Патриотическое воспитание представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины [7]. Согласно ученым, патриотизм – это социальное чувство, содержанием которого является любовь, привязанность к Родине, преданность ей и готовность к любым жертвам ради нее [10, с. 163]. В связи с этим должен формироваться в процессе воспитания, где специфичными будут формы и методы, применяемые к разным стратам подрастающего поколения.

Реализуя патриотическое воспитание подростков, надо учитывать, что в зависимости от целей и содержания методов будут использоваться разные типы форм воспитательной работы: индивидуальные, групповые, массовые. При этом форма воспитательного процесса – это доступный внешнему восприятию образ взаимодействия детей с педагогом, сложившейся благодаря системе используемых средств, выстраиваемых в определенном логическом обеспечении метода работы с детьми.

Итак, для патриотического воспитания подростков нужны методы, отличаются друг по целям, средствам осуществления и постепенности в применении. Используются методы формирования сознания: убеждение, пример, упражнение. Формы: беседа, диспут, дискуссия, экскурсия, краеведческая работа, лекция, рассказ, военно-патриотическая игра, классный час, викторина, устный журнал, литературно-музыкальная композиция, тематический вечер.

Нами реализовано эмпирическое исследование, в рамках которого изучена деятельность школы по патриотическому воспитанию старших подростков. Исследование проводилось на базе Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 62 г. Челябинска» (МАОУ «СОШ № 62 г. Челябинска»). Данное образовательное учреждение, ориентируясь на ФГОС ООО, в тоже время ориентируется на то, что выпускник данной школы должен иметь следующий портрет:

1. любящий свой край и свою Родину, знающий свой родной язык, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции;

2. осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества;

3. активно и заинтересованно познающий мир, осознающий ценность труда, науки и творчества;

4. умеющий учиться, осознающий важность образования и самообразования для жизни и деятельности, способный применять полученные знания на практике;

5. социально активный, уважающий закон и правопорядок, соизмеряющий свои поступки с нравственными ценностями, осознающий свои обязанности перед семьей, обществом, Отечеством;

6. уважающий других людей; умеющий вести конструктивный диалог, достигать взаимопонимания, сотрудничать для достижения общих результатов;

7. осознанно выполняющий правила здорового и безопасного для себя и окружающих образа жизни;

8. ориентирующийся в мире профессий, понимающий значение профессиональной.

Патриотическое воспитание старших подростков в школе включает в себя:

- деятельность педагогов – предметников, классных руководителей, направленная на формирование положительного отношения к понятию патриотизм;

- использование всех форм патриотического воспитания и методов во внеучебной деятельности со старшими подростками.

Кроме того, в МАОУ «СОШ № 62 г. Челябинска» в каждой из параллелей с 1 по 9 класс организованы кадетские классы. В программе кадетского воспитания в форме дополнительного образования проводится комплексная воспитательная работа, направленная на формирование «образованной и воспитанной личности на принципах гражданственности, патриотизма, как важнейших духовно-нравственных и социальных ценностей, формирование профессионально значимых качеств, умений и готовности к их активному проявлению в различных сферах жизни общества, особенно в процессе военной и других, связанных с ней, видов государственной службы, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности, дисциплинированности».

Сопоставив программы обучения и воспитания учеников в обычных и кадетских классах, видно, что вопросам патриотического воспитания в кадетских классах внимания уделяется значительно больше, чем в обычных. Анализ результатов первичной диагностики старших подростков (выборка 27 из кадетского и 23 из обычного класса) показал, что высокий уровень патриотизма выявлен у 60% школьников в кадетском и лишь у 40% в обычном классе. При этом около 17 % подростков в обычном классе имеют

низкий уровень патриотического воспитания, а в кадетских классах низкий уровень лишь присущ 3 %. Проверка статистической значимости показала, что при сравнении данных обучающихся из кадетского и обычного класса значение Фишера составляет $\phi = 1,76$ при $p \leq 0,04$.

С целью развития чувства патриотизма у учеников обычных классов совместно с психологом школы был разработан Комплекс мероприятий, предназначенный для педагогического коллектива школы по воспитательной работе со старшими подростками. Он представлен ниже в табличной форме.

Комплекс мероприятий по развитию чувства патриотизма у старших подростков в
МАОУ «СОШ № 62 г. Челябинска»

№ п/п	Название мероприятия	Форма	Метод	Ответственный	Сроки
1	«С чего начинается родина»	Беседа	Формирование сознания	Классный руководитель	Сентябрь
2	«Шпион»	Военно-патриотическая игра	Формирование сознания	Учитель ОБЖ	Сентябрь
3	«Я помню...»	Диспут	Формирование сознания	Учитель истории	Октябрь
4	«Тропы истории»	Экскурсия	Пример	Учитель истории	Октябрь
5	«Взгляд в будущее»	Дискуссия	Формирование сознания	Классный руководитель	Ноябрь
6	«Школьный музей»	Краеведческая работа	Пример	Педагог-организатор	
7	«Кто мы?»	Лекция	Убеждение	Классный руководитель	Декабрь
8	«Армейский альбом»	Рассказ	Убеждение	Классный руководитель	Февраль
9	«Знание – сила!»	Викторина	Формирование сознания	Учитель истории	Март
10	«Я и мир»	Устный журнал	Формирование сознания	Учитель литературы	Апрель
11	«Мелодия победы»	Литературно-музыкальная композиция	Формирование сознания	Учитель литературы	Май
12	«Назад в будущее»	Тематический вечер	Формирование сознания	Классный руководитель	Май

Запланированные мероприятия комплекса, с учетом ограничений по эпидемиологической ситуации, были выполнены на 80%. В конце учебного года было проведено повторное тестирование уровня развития чувства патриотизма в обычных классах, при этом показатель улучшился на 8%.

Уровень патриотизма старших школьников в обычных классах недостаточно удовлетворительный в контексте современных угроз

национальной безопасности России. Причиной здесь является отсутствие комплексного подхода к вопросам патриотического воспитания.

Анализ патриотического воспитания старших школьников, проведенный на базе МАОУ «СОШ № 62 г. Челябинска» показал, что уровень патриотизма учеников обычного 9 класса школы, хоть является в целом приемлемым, в сравнении учениками кадетского 9 класса ощутимо уступает. Из чего можно сделать вывод, что необходим научно обоснованный комплексный психолого-педагогический подход к процессу патриотического воспитания школьников. Экспериментальная работа со старшеклассниками, реализованная на основе Комплекса мероприятий по развитию чувства патриотизма, привела к повышению личностной зрелости подростков. Для повышения результатов требуется вовлекать подростков в современные молодежные патриотические течения (юнармейцы, следопыты, поисковики и т.п.).

Список литературы:

1. Бабанский Ю.К. Педагогика: Курс лекций. М.: Владос, 2009. 348 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл, 2003. 1136 с.
3. Гаязов А.С., Болотина Л.Р. Формирование гражданина: теория, практика, проблемы: монография. Челябинск: Факел, 2005. 238 с.
4. Коротаева Е.Г. Как стать гражданином? // Воспитание школьников. 2009. №7. С.31-33.
5. Мальковская Т.Н. Воспитание социальной активности старших школьников. СПб: Речь, 2007. 272 с.
6. Микрюков В.Ю. Патриотическое воспитание. СПб.: Речь, 2011. 212 с.
7. Распоряжение Правительства от 12 ноября 2020 года № 2945 URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011130027> (дата обращения: 18.10.2021).

References:

1. Babanskij YU.K. Pedagogika: Kurs lekcij. M.: Vlados, 2009. 348 p.
2. Vygotskij L.S. Psihologiya razvitiya cheloveka. M.: Smysl, 2003. 1136 p.
3. Gayazov A.S., Bolotina L.R. Formirovanie grazhdanina: teoriya, praktika, problemy: monografiya. CHelyabinsk: Fakel, 2005. 238 p.
4. Korotaeva E.G. Kak stat' grazhdaninom? // Vospitanie shkol'nikov. 2009 №7. Pp. 31-33.
5. Mal'kovskaya T.N. Vospitanie social'noj aktivnosti starshih shkol'nikov. SPb.: Rech', 2007. 272 p.
6. Mikryukov V.YU. Patrioticheskoe vospitanie. SPb: Rech', 2011. 212 p.
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva ot 12 noyabrya 2020 goda № 2945 – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011130027> (data obrashcheniya: 18.10.2021).

Алешина Ирина Андреевна,

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: alirina-info@ya.ru

Alyoshina Irina Andreevna,

СОЦИАЛЬНЫЕ И УЧЕБНЫЕ СТРАХИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

SOCIAL AND EDUCATIONAL FEARS IN A PANDEMIC

Аннотация. В статье рассматриваются виды и особенности социальных и учебных страхов современных выпускников, обучающихся в условиях пандемии. Эмпирически выявлено преобладание социальных страхов над учебными у школьников, заканчивающих обучение в пандемический период.

Annotation. The article discusses the types and features of social and educational fears of modern graduates studying in a pandemic. Empirically, the predominance of social fears over educational ones among schoolchildren graduating during the pandemic period has been revealed.

Ключевые слова: страхи, социальные, учебные, пандемия, учащиеся, выпускники, подростковый, возраст.

Keywords: fears, social, educational, pandemic, students, graduates, adolescence, age.

Современная система образования создает обучающимся большие нагрузки: как учебные, так и эмоциональные. Высокая конкуренция среди учеников, испытания в форме итоговых аттестаций, большое количество социальных ожиданий и требований, все это повышает и без того высокую тревожность свойственную большому количеству обучающихся. Также изменение привычного уклада жизни (ограничения в перемещении, работе, учебе и общении), связанное с пандемией нового коронавируса COVID-19, сказывается негативно не только на взрослых, но и на подростках.

Семья и школа не всегда уделяют достаточное внимание эмоциональным проблемам учащихся, вследствие смещения вектора внимания на обеспечение успешности образовательного процесса. Все эти факторы способствуют увеличению не только привычных для образовательной среды учебных страхов, но и социальных страхов [3, 6, 7 и др.].

И.Л. Бим отмечает, что часто старшеклассник сочетает в себе черты еще недавнего подростка и формирующиеся признаки юношеского возраста. Среди подростков в силу их эмоциональной восприимчивости с особой силой переживаются разного рода страхи, которые, накладываясь на традиционные детские фобии, могут приводить к серьезным нарушениям их эмоциональной сферы вплоть до невротических расстройств [1, с. 133-140].

Как известно у подростков эмоциональная сфера все еще находится в периоде активного формирования и развития, несмотря на то, что многие ее аспекты уже имеют базовый уровень сформированности. При этом пубертат и активное освоение школьникамисоциальных ролей приводит к эмоциональной разбалансировке. Именно «эмоциональные качели» ведут к

появлению различного рода страхов: страху принятия решения, страху публики и начальства, страху потери самоидентичности и страху неуспеха и т. д [3].

Периоду обучения в старших классах свойственен недостаток жизненного опыта, но это компенсируется школьниками применением шаблонов поведения. Школьники в подростковый (и даже юношеский период), с одной стороны, не готовы обратиться за помощью, а с другой стороны, не могут самостоятельно правильно выбрать линию поведения [6, с. 17-26].

Неуверенность и неполнота социальной компетентности порождают многочисленные и разнообразные страхи. Страхи – нормальное и, отчасти, полезное явление (с точки зрения процесса адаптации организма и личности), помогающее самосохранению и избеганию жизненных ситуаций, влекущих за собой угрозу для жизни, здоровья или статуса человека [1].

Различного рода ограничения из-за пандемии привнесли в жизнь школьников много новизны и неопределенности. Привычные шаблоны и механизмы перестали быть актуальными, для многих это послужило толчком для развития более интенсивных страхов [4].

Нами в 2021 году на базе одной из общеобразовательных школ в городе Мытищи Московской области проведено исследование, в рамках которого проверялась гипотеза о преобладании у современных старшеклассников в ситуации пандемии социальных страхов над учебными. В исследовании приняли участие 20 подростков выпускных 9-х классов, обучающихся в условиях изоляции в период пандемии COVID-19. В исследуемой группе 17 человек имели планы поступать в колледжи Москвы и Подмосковья, и лишь 3 человека планировали продолжить школьное обучение в 10 классе в той же школе.

В качестве методического инструментария были выбраны: Опросник «Виды страха» И.П. Шкуратовой (направлен на выявление выраженности различных видов страхов); Методика «Опросник иерархической структуры актуальных страхов личности» Ю. Щербатых и Е. Ивлевой (использовался для определения интенсивности страхов); Методика «Шкала тревожности» Кондаша (использовалась для диагностики уровня тревожности).

Проведенное исследование подтвердило предположение о том, что старшеклассников, в большей мере, волнуют проблемы (страхи) своего социального утверждения и обустроенности, в сравнении со школьными страхами, как таковыми (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность страхов у школьников подросткового возраста
(по Опроснику «Виды страха»)

Возраст	Фобии	Учебные страхи	Социальные страхи	Криминальные страхи	Мистические страхи
14-15 л	11,7	9,3	16,3	9,4	3,8

Полученные результаты демонстрируют, что в выпускных классах преобладают социальные страхи над всеми остальными видами страхов, в том числе и над учебными. Кроме того, высокие значения отмечаются попараметру «Фобии», что может свидетельствовать о том, что некоторые страхи исследуемых подростков достигают уровня фобической реакции.

Далее представим результаты, полученные спомощью «Опросника иерархической структуры актуальных страхов личности, разработанного Ю. Щербатых и Е. Ивлевой (табл. 2).

Таблица 2

Выраженность страхов у подростков выпускных классов в период пандемии (по «Опроснику иерархической структуры актуальных страхов личности»)

СТРАХИ	ВЫСОКИЙ	СРЕДНИЙ	НИЗКИЙ
пауков и змей	(25%)	(40%)	(35%)
темноты	(25%)	(35%)	(40%)
сумасшествия	(0%)	(5%)	(95%)
болезни близких	(50%)	(25%)	(25%)
преступности	(20%)	(25%)	(55%)
начальства	(45%)	(25%)	(30%)
изменений в личной жизни	(15%)	(25%)	(60%)
ответственности	(40%)	(50%)	(10%)
старости	(0%)	(10%)	(90%)
за сердце	(0%)	(0%)	(0%)
бедности	(45%)	(35%)	(20%)
перед будущем	(50%)	(25%)	(25%)
перед экзаменами	(45%)	(25%)	(30%)
войны	(15%)	(15%)	(70%)
смерти	(15%)	(40%)	(45%)
замкнутых пространств	(0%)	(25%)	(75%)
высоты	(25%)	3 (15%)	(60%)
глубины	(15%)	(25%)	(60%)
негативных последствий	(35%)	(50%)	(15%)
заболеть	(25%)	(20%)	(45%)
связанные с половой функцией	(0%)	(25%)	(75%)
самоубийства	(0%)	(10%)	(90%)
пред публикой	(45%)	(50%)	(5%)
агрессии по отношению к близким	(15%)	(35%)	(50%)

Полученные данные позволяют констатировать, что у исследуемых выпускников 9-х классов преобладают именно социальные, а не учебные страхи или фобические реакции.

Следует особо отметить, что у подростков высок уровень опасений за здоровье близких, но низкий уровень опасения за собственное здоровье, что отражает, думается, специфику восприятия и реагирования школьников на угрозы пандемической ситуации. В связи с этим дополнительно было проведено изучение подростков-выпускников уровня тревожности по методике «Шкала тревожности» Кондаша (табл. 3).

Таблица 3

Уровень тревожности у подростков в период пандемии (%)
(по Методике «Шкала тревожности» Кондаша)

Группа (кол-во испытуем ых)	Диагностируемый уровень тревожности (процентное соотношение показателей внутри группы)			
	Низкий У.Т.	Нормальный У.Т.	Высокий У.Т.	Оч. высокий У.Т.
20 чел.	0,00%	70,00%	25,00%	5,00%

Общий уровень тревожности подростков-выпускников находится в зоне нормы и средних значений. Можно предположить, что влияние пандемии на подростков не достигло критического уровня, и существенно не повлияло на общее самочувствие в контексте тревоги и тревожности.

Полученные данные позволяют нам сделать несколько обобщений:

- общий уровень тревожности выпускников 9-х классов находится практически в зоне нормы, и в этом смысле, можно говорить о незначительном влиянии пандемической ситуации на обучающихся;

- по видам страхов наибольшую выраженность в исследуемой группе подростков, имеют социальные, криминальные и учебные страхи, а вот по интенсивности, лидируют социальные страхи и страхи за здоровье своих близких. Учебные страхи имеют интенсивность среднего уровня, а вот страх за свое здоровье, по интенсивности, выражен менее всего;

- экзаменационная пора в сумме с ограничениями, введенными из-за вируса, могли привести к более высокому уровню социальных и учебных страхов среди выпускников. Но как показал диагностический этап исследования, распределение уровня страхов оказалось в норме. Уровень тревожности показал нормальное состояние подростков.

Проведенное исследование актуализирует разработку мер психологической помощи обучающимся, испытывающих сильные социальные страхи (надо составлять обучающие и коррекционные программы для работы с подростками из группы риска). Такая работа позволит минимизировать негативные влияния подростков и сформировать у них навыки преодоления страхов и неуверенности в себе

Список литературы:

1. Авдулова Т.П. Возрастные кризисные явления в формировании идентичности подростков: монография. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. 132 с.
2. Абакумова Т.В. Классификация основных видов страха современного общества // Социальная психология: диалог Санкт-Петербург – Якутск. СПб, 2002. С. 133-140.
3. Александрова Е.А., Кожакина С.О. Становление социальной успешности подростка в воспитательной деятельности школы. М., 2015. 176с.
4. Гаврилец И.Г. Психофизиология человека в экстремальных ситуациях. Учеб. пособие. Киев: Випол, 2006. С. 188.
5. Исаева Н., Каспржак А., Кобцева А., Цатрян М. Школьный барометр. COVID-19: ситуация с учением и обучением глазами российских школьников // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. М.: НИУ ВШЭ, 2020. Т. 6.
6. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
7. Розенова М.И., Екимова В.И., Огнев А.С., Лихачева Э. В. Страх как кризис психического здоровья в условиях глобальных рисков и перемен // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 17-26.

References:

1. Avdulova T.P. Vozrastnyye krizisnyye yavleniya v formirovaniy identichnosti podrostkov: monograph. M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. 132 p.
2. Abakumova T.V. Klassifikatsiya osnovnykh vidov straha sovremennogo obshchestva // Social'naya psikhologiya: dialog Sankt-Peterburg – YAkutsk – SPb., 2002. Pp.133-140.
3. Aleksandrova E.A., Kozhakina S.O. Stanovlenie social'noj uspehnosti podrostka v vospitatel'noj deyatel'nosti shkoly. M., 2015. 176 p.
4. Gavrilec I.G. Psihofiziologiya cheloveka v ekstremal'nykh situatsiyah. Ucheb. Posobie. – K/: Vipol, 2006. P. 188.
5. Isaeva N., Kasprzhak A., Kobceva A., Catryan M. SHkol'nyj barometr. COVID-19: situatsiya s ucheniem i obucheniem glazami rossijskikh shkol'nikov // Analiticheskiy byulleten' NIU VSHE ob ekonomicheskikh i social'nykh posledstviyakh koronavirusa v Rossii i v mire. – M.: NIU VSHE. 2020. T. 6.
6. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A. V. Kokurin [i dr.] ; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.
7. Rozenova M. I., Ekimova V. I., Ognev A. S., Lihacheva E. V. Strah kak krizis psicheskogo zdorov'ya v usloviyah global'nykh riskov i peremen // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2021. T. 10. № 1. Ph. 17-26.

Барыкин Андрей Алексеевич

студент факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: barykin78@gmail.com

Barykin Andrey Alekseevich

Student of the Moscow State University of Psychology
and Education, Moscow, Russia

ПРОБЛЕМА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СПОРТСМЕНОВ-СТРЕЛКОВ

THE PROBLEM OF STRESS TOLERANCE IN ATHLETES-SHOOTERS

Аннотация. Спортивная деятельность, несомненно, сопряжена с постоянным стрессом. Будь то длительный процесс подготовки спортсмена, соревновательные выступления, травмы, и множество дополнительных факторов, которые могут не только негативно воздействовать на психику спортсмена, но и непосредственно влиять на его психофизиологическое состояние, что приведет к снижению результативности. Именно поэтому одним из наиболее важных факторов для успеха спортсмена является его стрессоустойчивость и возможность противостоять стрессовым факторам в спортивной деятельности.

Annotation. Sports activities are undoubtedly associated with constant stress. Whether it is a long process of preparing an athlete, competitive performances, injuries, and many additional factors that can not only negatively affect the psyche of an athlete, but also directly affect his psychophysiological state, which will lead to a decrease in performance. That is why one of the most important factors for the success of an athlete is his stress resistance and the ability to withstand stress factors in sports activities.

Ключевые слова: спорт, стресс, стрессоустойчивость, результативность, влияние, зрительно-моторная реакция, взаимосвязь.

Keywords: sport, stress, stress tolerance, performance, impact, hand-eye response, correlation.

В профессиональном спорте главным показателем успехов спортсмена являются его результаты на соревнованиях. Независимо от показателей на тренировках, которые, как правило, значительно выше, чем соревновательные, оценивать спортсмена в качестве профессионала будут именно по успеху на соревнованиях. Соревновательный стресс оказывает огромное влияние на результативность выступления спортсменов, а поэтому изучение детерминант стресса является необходимым для разработки коррекционных программ с перспективой оказания помощи спортсмену во время выступлений.

Рассматривая понятие «стресс», мы будем опираться на труды Ганса Селье, который разработал теорию эмоционального стресса и ввел данное понятие в широкий научный оборот. В своих трудах, стресс он рассматривал как состояние напряжения, проявляющееся как на физическом, так и на эмоциональном уровнях, появляющегося в ответ прежде всего на эмоциональную нагрузку, превышающую допустимые для человека значения.

Проявление стрессовых реакций у различных спортсменов различное: в зависимости от их индивидуальных особенностей напряжение может быть, как сильным, так и незначительным [4]. Приспособительная реакция довольно сложная и затрагивает множество жизненно важных функций. Известно, что более успешны в состоянии соревновательного стресса спортсмены, которые имеют большой опыт и квалификацию. Очевидно, это

объясняется тем, что в процессе многочисленных официальных соревнований, отборочных стартов, и т.п. они адаптируются к воздействию определенных стресс-факторов и осваивают приемы саморегуляции, необходимые в стрессогенных ситуациях. Было установлено, что постоянное воздействие стрессоров малой интенсивности повышает адаптацию так к ним, так и ориентирует на реагирование к стрессорам большой интенсивности. На основе этой закономерности Д. Мейхенбаумом была разработана методика антистрессовой психологической подготовки «стресс-прививочная терапия» [5].

Наиболее часто при стрессовом воздействии у спортсменов встречаются следующие симптомы [6]: изменения мышечного тонуса; тремор; нарушения координации.

Очевидно, что стресс проявляется и сказывается на многих аспектах нашей жизни. Однако есть и специфичные черты, которые можно отнести только к спортивной деятельности: соревновательный характер спортивной борьбы, направленной на завоевание рекорда или победы над противником; максимальное напряжение всех физических и психических сил спортсмена во время этой борьбы, без чего нельзя добиться рекордного результата; систематическая, длительная, упорная спортивная тренировка, вносящая серьезные коррективы в режим жизни и бытовые условия.

При рассмотрении путей преодоления стресса спортсменами в спортивной соревновательной деятельности стоит обратиться к статье Валентины Владимировны Абрамовой и Юлии Андреевны Иваньковой [2].

В данной работе рассматривается особенность негативного влияния стресса на соревновательную деятельность. В качестве выводов автор указывает, что применение различных средств, методов и приемов психологической подготовки, основанных при учете индивидуальных психосоматических и личностных особенностей спортсменов, а также при удержании во внимании преобладающих стресс-факторов, будь то внутренних или же внешних, может способствовать формированию необходимых свойств личности, отвечающих за успешное преодоление стресса в спортивной соревновательной деятельности.

Другая работа, затрагивающая тему стресса в спорте, рассказывает о негативных факторах, влияющих на здоровье спортсменов, вызванных стрессовыми ситуациями [10]. Так, Соломченко М.А. считает соревнования, травмы, переутомление и моральный климат в команде основными эмоциональными раздражителями. По мнению ученого, снижению стрессовых проявлений может способствовать грамотность руководства спортивной подготовкой. Автор считает, что тренер обязан не только не допускать развитие стрессовых ситуаций в процессе подготовки спортсменов, но также, в случае их возникновения направлять негативное воздействие конфликтной ситуации в позитивное русло с целью вынесения выгоды и развития спортсменов.

Соответственно, наряду с общими положениями, касающимися воспитания волевых черт характера, повышения самооценки, развития креативных способностей и взаимосвязи межполушарной координации, применения эффективных способов психической саморегуляции по преодолению стрессов (аутогенной тренировки И.Г. Шульца, эмоционально-волевой тренировки А.Т. Филатова, активной нервно-мышечной релаксации Э. Джекобса), в различных видах спорта должна осуществляться разная по направленности и содержанию психологическая работа.

Положительное влияние на психику спортсмена оказывает релаксация. Она рассматривается как проявление антистрессового механизма и способствует защите от стрессоров. Релаксация позволяет снизить процессы возбуждения и восстановить внутреннее равновесие у спортсмена. Наиболее эффективным вариантом расслабления является аутогенная тренировка, методику которой подробно разработал спортивный психолог А.В. Алексеев [1].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что спортивная деятельность неразрывно связана с физическим и психическим напряжением, что влечет за собой возникновение у спортсмена и его пребывание в стрессовом состоянии, что может негативно сказаться на результатах его деятельности.

Для того чтобы проверить, оказывает ли стресс влияние на состояние спортсменов был собран эмпирический материал с помощью психодиагностических методик: 1) Шкала психологического стресса PSM-25 Лемура-Тесье-Филлиона; 2) Тест на определение стрессоустойчивости личности [3]; 3) «Простая зрительно-моторная реакция» ("ПЗМР") [6]. Выборка проходила тестирование в два этапа. Первый – во время обычного тренировочного процесса, второй – во время соревнований. При обработке эмпирических данных применялись методы математико-статистической обработки (описательная статистика, корреляционный анализ). Использовался программный пакет SPSS 22.0.

Выборку составила одна группа участников: спортсмены отделения стрельба пулевая профессионального уровня подготовки (члены сборных команд Московской области). В группу вошло 17 мужчин и 6 женщин в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст = 20 лет). Все они являются действующими членами сборной команды Московской области по пулевой стрельбе и тренируются на базе Детской Юношеской Спортивной Школыг. Краснознаменск (далее - ДЮСШ). Уровень профессиональной подготовленности одинаков, время тренировочно-соревновательного стажа занимает от четырех лет.

Исследование опиралось на теоретические разработки доцента кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология» Храмова Е.В. [11], а также фундаментальные положения экстремальных психологов [7].

Были получены следующие результаты:

1. Результаты изучения уровня стрессоустойчивости личностиво время тренировочного процесса. По этому параметру выборка поделилась следующим образом:

- очень высокий - 4 чел. (17%);
- высокий - 2 чел. (8,5%);
- выше среднего - 3 чел. (13%);
- чуть выше среднего - 3 чел. (13%);
- средний - 6 чел. (26%);
- чуть ниже среднего - 3 чел. (13%);
- ниже среднего - 2 чел. (8,5%);

Низкий уровень стрессоустойчивости выявлен не был, что связано, думается с тем, что спортивный стаж может может влиять на уровень стрессоустойчивости. Можно предположить, что если бы выборка включала в себя начинающих спортсменов, то среди результатов можно бы было встретить и низкий уровень стрессоустойчивости.

2. Результаты изучения уровня психологического стрессаво время соревнований. Установлено, что во время соревнований у 48% выборки наблюдался низкий уровень психологического стресса. У оставшихся 52% выборки уровень стресса оценивался как средний.

3. По результатам диагностики простой зрительно-моторной реакции установлено, что: а) средняя скорость реакции во время тренировки составила 184,64 миллисекунд (далее мс); б) средняя скорость реакции во время соревнований составила 212,67 мс.

Результаты поиска корреляций между изучаемыми показателями по критерию Спирмена таковы:

- выявлена сильная прямая связь между скоростью реакции и уровнем стресса на соревнованиях ($r = 0,830$, $p \leq 0,05$), а также средняя прямая взаимосвязь между скоростью реакции и уровнем стресса на тренировке ($r = 0,497$, $p \leq 0,05$). Данный факт может говорить о том, что чем сильнее у спортсменов проявлены стрессовые переживания, тем хуже у них будут показатели скорости реакции;

- обнаружена сильная обратная корреляция между уровнем стресса на тренировке и уровнем стрессоустойчивости ($r = -0,730$, $p \leq 0,05$), а также между уровнем стресса на соревнованиях и уровнем стрессоустойчивости ($r = -0,971$, $p \leq 0,05$). Это может означать, что чем выше уровень стрессоустойчивости, тем ниже будут показатели уровня стресса спортсменов;

- выявлена сильная прямая связь между уровнем стрессоустойчивости и скоростью реакции соревнованиях ($r = 0,909$, $p \leq 0,05$), а также средняя прямая взаимосвязь между уровнем стрессоустойчивости и скоростью реакции на тренировке ($r = 0,484$, $p \leq 0,05$). Можно предположить, что чем выше уровень сопротивления стрессам у спортсменов, тем быстрее спортсмены будут реагировать на внешние стимулы.

Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Результаты корреляционного анализа данных по критерию Спирмена

Что	С чем	r	p
Уровень стресса на тренировке	Скорость реакции	0,497	0,016
	Уровень стрессоустойчивости	-0,730	0,010
Уровень стресса на соревнованиях	Скорость реакции	0,830	0,010
	Уровень стрессоустойчивости	-0,971	0,001
Уровень стрессоустойчивости	Скорость реакции на соревнованиях	0,909	0,001
	Скорость реакции на тренировке	0,484	0,019

Путем использования критерия знаковых рангов Вилкоксона с целью проверки наличия значимых различий между двумя парами измерений: скорость реакции на тренировке – на соревнованиях; уровень стресса на тренировке – на соревнованиях; было выявлено следующее:

- Показатели скорости реакции на тренировке (мс) меньше скорости реакции на соревнованиях в 22 из 23 случаев. Следовательно, скорость реакции на соревнованиях ниже, чем на тренировке, поскольку, чем больше число миллисекунд при реагировании, тем медленнее реагирует человек на стимул;

- Показатели уровня стресса на тренировке также ниже показателей на соревнованиях в 22 из 23 случаев.

Основываясь на полученных результатах, стоит подчеркнуть, что стресс в спортивной деятельности является неотъемлемой частью жизни любого спортсмена. Он может возникать как в процессе тренировок, так и во время соревновательной деятельности. Несомненно, уровень стресса влияет на весь организм спортсмена, в том числе и на простую зрительно-моторную реакцию. Снижение которой, в свою очередь, может приводить к ухудшению результативности спортсменов.

Математическая обработка данных позволила выявить наличие взаимосвязей лишь между уровнем стрессоустойчивости, уровнем переживания стресса и показателями скорости реакции спортсменов. Также обнаружено наличие значимых различий между скоростью реакции на тренировке и на соревнованиях, а также уровнем стресса на тренировке и на соревнованиях.

Очевидно, что полученные данные некорректно проецировать на всех спортсменов стрелков, а тем более на спортсменов других видов спорта. Однако эти результаты в целом отражают некоторые закономерности стрессового влияния на спортсменов, в том числе и уже отмеченные исследователями [2; 8]. Очевидно, что исследования в этом направлении стоит продолжить, включив в выборку испытуемых из смежных видов спорта, например, стендовая стрельба, стрельба из лука, а также представителей других видов спорта, с целью их сравнения с уже имеющимися научными данными.

Список литературы:

1. Абабков В.А., Пере М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. М.: Речь, 2004. 166 с.
2. Абрамова В.В., Иванькова Ю.А. Пути преодоления стресса спортсменами в спортивной соревновательной деятельности // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2016. Т. 2. №4. С. 70-76.
3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер. 2009. 336 с.
4. Вяткин Б.А. Темперамент, стресс и успешность деятельности спортсмена в соревнованиях // Стресс и тревога в спорте: Международный сборник научных статей. - М.: Физкультура и спорт, 1983. С. 56-64.
5. Карвасарский Б.Д. Прививка против стресса Мейхенбаума // Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2000.
6. Найдиффер Р.М. Внимание в спорте / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 2008. С. 56.
7. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
8. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982. С. 92.
9. Сечко А.В. Подготовка к деятельности и эффективные методы работы психолога ВС РФ в условиях локальных военных конфликтов // Психология обучения. 2017. № 2. С. 91-100.
10. Соломченко М.А., Алдошин П.А. Управление поведением спортсменов в стрессовых ситуациях // Наука-2020. Сетевое издание. 2015. С. 72-79.
11. Храмов Е.В. Психологические и психосоматические факторы риска суицидального поведения подростков [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 68-75.

References:

1. Ababkov V.A., Perre M. Adaptaciya k stressu. Osnovy teorii, diagnostiki, terapii. M.: Rech', 2004. 166p.
2. Abramova V.V., Ivankova Y.A. Ways to overcome stress by athletes in sports competitive activity // Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2016. Т. 2. №4. Pp. 70-76.
3. Vodopyanova N.E. Psikhodiagnostika stress. SPb.: Piter. 2009. 336 p.
4. Vyatkin B.A. Temperament, stress and success of the athlete's activity in competitions // Stress and anxiety in sport: International collection of scientific articles. - M.: Fizkul'tura i sport, 1983. Pp. 56-64.
5. Karvasarskii B.D. Inoculation against stress Meikhenbaum // Psychotherapeutic encyclopedia. SPb.: Piter, 2000.
6. Najdiffer R.M. Vnimanie v sporte // pod red. YU.B. Gippenrejter. M., 2008. P. 56.
7. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A. V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.
8. Sel'e G. Stress bez distressa. M.: Progress, 1982. P. 92.
9. Sechko A.V. Podgotovka k deyatel'nosti i effektivnye metody raboty psihologa VS RF v usloviyah lokal'nyh voennyh konfliktov // Psihologiya obucheniya. 2017. № 2. Pp. 91-100.
10. Solomchenko M.A., Aldoshin P. A. Managing the behavior of athletes in stressful situations // Science - 2020. Online edition. 2015. Pp. 72-79.
11. Hramov E.V. Psihologicheskie i psihosomaticheskie faktory riska suicidal'nogo povedeniya podrostkov [Elektronnyj resurs] // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2020. Т. 9. № 1. Pp. 68-75.

Бикмаева Люция Камильевна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: luciaserg@mail.ru

Вikmaeva Lucia Kamilyevna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

FAMILY VIOLENCE IN THE CONTEXT OF PROBLEMS PERSONAL SECURITY: PSYCHOLOGICAL ASPECT

Аннотация. В проблеме соотносимости тем психологической безопасности личности и семейного насилия, на основе анализа понимания феномена «безопасности личности», определена «точка теоретико-практического сопряжения» семейного насилия и психологической безопасности личности – «переживание». Выделена система внутрисемейных взаимодействий и их качественные характеристики, которые детерминируют формирование потенциала психологической безопасности личности и могут быть нарушены / разрушены фактом семейного насилия.. Автор отмечает наличие ограничений в эмпирическом изучении названных детерминант, опираясь на двадцатилетний количественный анализ диссертационных работ по проблеме семейно-супружеского насилия.

Annotation. In the problem of the correlation of the topics of psychological security of the individual and family violence, based on the analysis of the understanding of the phenomenon of "personal security", the "point of theoretical and practical coupling" of family violence and psychological security of the individual is defined – "experience". The system of intra-family interactions and their qualitative characteristics are highlighted, which determine the formation of the potential for psychological security of the individual and can be violated /destroyed by the fact of family violence.. The author notes the limitations in the empirical study of these determinants, based on a twenty-year quantitative analysis of dissertations on the problem of marital violence.

Ключевые слова: психологическая, безопасность, личности, семейное, насилие, переживание, взаимодействия, характеристики, детерминанты.

Keywords: psychological, security, personality, family, violence, experience, interactions, characteristics, determinants.

Органичность совмещения проблематики семейного насилия и безопасности личности является вполне очевидной, поскольку семейная среда (семейная атмосфера, семейные отношения, семейная история, семейный сценарий) выступает первейшим детерминантом развития личности [6; 7, 8, 9 и др.]. В отечественных научных изысканиях проблема безопасности, применительно к отдельной человеческой жизни, начала

актуализироваться в связи с изменением общественной обстановки, примерно с 1980-х годов. В 1992 году был принят Федеральный закон «О безопасности» (в 2010 году он был обновлен). В законе 1992 года было зафиксировано, что безопасность понимается как «состояние защищенности жизненно-важных интересов, которые обеспечивают существование и прогрессивное развитие личности (общества, государства) от внешних и внутренних угроз». В понятийном отношении «безопасность» не является строго определенным понятием и рассматривается в разных аспектах на различных уровнях: глобальном, биосферном, государственном, общественном, локальной среды обитания, профессиональном, личностном [3; 5; 8]. Значительное количество исследователей полагают, что «безопасность личности» является интегральным понятием и может рассматриваться как *процесс* (создается заново в каждой конкретной ситуации), как *состояние* (обеспечивает ощущение защищенности) и как *свойство личности* (характеризует защищенность от деструктивных воздействий и обеспечивает внутренние ресурсы сопротивляемости) [3; 5].

Следует отметить, что изучение психологической безопасности на уровне личности в отечественных исследованиях представлено не особенно ярко и разнообразно; тем интереснее обратиться к данной тематике в контексте еще одной сложной проблемы, связанной с семейным насилием.

Сопряженность проблем безопасности личности и семейного насилия. Психологическая безопасность личности реализуется через эмоциональную сферу [3]. Одним из центральных компонентов в структуре *психологической безопасности личности* можно определить *переживание* защищенности, надежности своего положения в настоящем и в будущем [1].

В этой точке («переживания»), на наш взгляд, обнаруживается сопряженность проблемы психологической безопасности личности и проблем, связанных с семейным насилием: семья является первой «средой обитания» человека и становления его личности, а система внутрисемейных взаимодействий и порождаемых ими переживаний исходно определяют потенциал психологической безопасности конкретной личности (на уровне процесса, состояния и свойства) [6]. Приведенное положение легко опирается на концептуальные положения психоанализа о роли ранних переживаний, как детерминант развития личности, и на идеи Э. Эриксона о формировании чувства базовой безопасности в первый год жизни (концепция стадий и кризисов жизненного цикла). Не трудно предположить, что нарушения семейной атмосферы посредством присутствия насилия в любых формах прямым образом влияют на уровень психологической безопасности личности, который проявляется в поведении, в личностном рисунке, в ключевых жизненных выборах и в отношении к миру, к себе и к окружающим (система отношений приведена по С.Л. Рубинштейну) [7].

Семейные взаимодействия и психологическая безопасность личности. В семейных взаимодействиях, влияющих на формирование

чувства безопасности, можно выделить следующие (с приведением их характеристик): естественность воздействий членов семьи друг на друга (спонтанность, внутренняя органичность), обязательность-необходимость этих взаимодействий (невозможность от них уклониться), устойчивость взаимодействий и их длительность во времени, обоюдность взаимодействий, преломление взаимодействий индивидуальностью участников, возникновение новых социально-психологических *феноменов* [2].

Каждая из приведенных характеристик требует эмпирической проверки в аспекте качества и интенсивности своего влияния, для того чтобы мы точнее могли понимать особенности воздействия форм и видов семейного насилия на индивидуальность человека. Такого рода исследования весьма затруднены в силу самых разных обстоятельств. Например, если взять количество проведенных серьезных исследований (кандидатского и докторского уровней) на протяжении последних десятилетий, то это не такой «плотный поток», как, например, в других тематиках. С 1999 по 2019 год года проблемам семейного насилия (по психологическим специальностям) было посвящено: в 2002, 2003, 2010 и 2012 годах – по одной научной работе (в 2004 году была одна работа по педагогической специальности) [4]. По аналитическим данным Г.С. Кофтуна и В.Л. Ефимовой (2020) в целом, по психологической отрасли, набирается 9,86 % работ, исследующих проблемы семейно-супружеского насилия. Среди городов лидерами в таких исследованиях выступают Москва (38%), Санкт-Петербург (14%) и Саратов (5,63%) [4, с. 183].

Таким образом, можно подвести некоторые **выводы**:

-проблема психологической безопасности личности прямым образом соотносится с проблемой семейного насилия, поскольку семья и внутрисемейные отношения/взаимодействия выступают главным детерминантом личностного развития человека;

-сопряжение названных проблем оптимально рассматривать через эмоциональную составляющую, а именно через категорию и феноменологию «переживания»;

-во внутрисемейном континууме можно выделить ряд взаимодействий, порождающих определенные переживания, которые выступают основой формирования потенциалов психологической безопасности личности;

-выделенные взаимодействия могут нарушаться фактом присутствия семейного насилия;

-характер и качество этих нарушений, в их потенциальном влиянии на психологическую безопасность личности, требуют тщательной эмпирической проверки, которая может быть затруднена необходимостью лонгитюдных исследований, болезненностью и социальной остротой проблематики: они выступают ограничителями активности и разнообразия в проведении исследовательских проектов.

Несмотря на процессуальную сложность исследований в области семьи и семейного насилия, научное сообщество продолжает искать пути и возможности изучения сложных, острых, но общественно значимых социально-психологических проблем для создания более точной «навигации» в продвижении и развитии общества и государства.

Список литературы:

1. Агузумцян Р.В., Мурадян Е.Б. Психологическая безопасность личности в периоды поздней взрослости и старости // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С.22-29.
2. Азарнов Н.Н. Безопасность личности в системе социального взаимодействия // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 157-159.
3. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. СПб., 2002.
4. Кофтун Г.С., Ефимова В.Л. Российские диссертационные исследования насилия в семейно-брачной сфере (1999-2019 гг): библиометрический анализ // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8-2 (98). С 181-187.
5. Писарь О.В. Безопасность личности как целостное интегральное качество // Известия Южного Федерального университета. Педагогические науки. 2008. № 12. С. 21-27.
6. Розенова М.И. Эмоциональная безопасность в семье и близких отношениях // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. №. 12. С. 31-35.
7. Розенова М.И. Неосознаваемые установки отношения родителей к детям. Монография. Омск: Омское изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ им. П.А. Столыпина, 2011. 160с.
8. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
9. Шиловцев А.В. Социальная безопасность личности в условиях социальной нестабильности и неопределенности: от страха к уверенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 101-106.

References:

1. Aguzumcyan R.V., Muradyan E.B. Psihologicheskaya bezopasnost' lichnosti v periody pozdnej vzroslosti i starosti // Psihologicheskij zhurnal. 2008. T. 29. № 3. Pp. 22-29.
2. Azarnov N.N. Bezopasnost' lichnosti v sisteme social'nogo vzaimodejstviya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2010. № 3. Pp. 157-159.
3. Baeva I.A. Psihologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii: monografiya. – SPb., 2002.
4. Koftun G.S., Efimova V.L. Rossijskie dissertacionnye issledovaniya nasiliya v semejno-brachnoj sfere (1999-2019 gg): bibliometricheskij analiz // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2020. № 8-2 (98). Pp 181-187.
5. Pisar' O.V. Bezopasnost' lichnosti kak celostnoe integral'noe kachestvo // Izvestiya YUzhnogo Federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. 2008. № 12. Pp. 21-27.
6. Rozenova M.I. Emocional'naya bezopasnost' v sem'e i blizkih otnosheniyah // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2015. №. 12. S. 31-35.
7. Rozenova M.I. Neosoznavaemye ustanovki otnosheniya roditelej k detyam. Monografiya. Омск: Омское изд-во FGOU VPO OmGAU im. P.A. Stolypina, 2011. 160 p.
8. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A.V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.

9. SHilovcev A.V. Social'naya bezopasnost' lichnosti v usloviyah social'noj nestabil'nosti i neopredelennosti: ot straha k uverenosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 4. Pp. 101-106.

Воробьева Ксения Андреевна

доцент кафедры психологии личности
Института психологии им. Л. С. Выготского
Российского Государственного Гуманитарного
Университета, кандидат психологических наук,
доцент, Москва, Россия
e-mail: kseniaprimavera@mail.ru

Vorobyova Ksenia Andreevna

Associate Professor of the Department of Personality
Psychology L. S. Vygotsky Institute of Psychology
Russian State University for the Humanities, Candidate
of Psychological Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russia

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕЖИВАНИЯ СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ,
ВЫЗВАННОЙ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ КОРОНАВИРУСНОЙ
ИНФЕКЦИИ COVID-19 И САМООРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПЕДАГОГОВ**

**THE SPECIFICS OF EXPERIENCING A PANDEMIC SITUATION
CAUSED BY THE SPREAD OF COVID-19 CORONAVIRUS INFECTION
AND THE SELF-ORGANIZATION OF TEACHERS' ACTIVITIES**

Аннотация. Пандемия COVID-19 привела к крупнейшему за всю историю сбою в функционировании систем образования. Только некоторые учителя оказались способны осуществить быстрый и эффективный переход к онлайн-модели обучения, поскольку процессы преподавания удаленно и в классах значительно отличаются друг от друга. Отсутствие навыков профессиональной самоорганизации и адаптации в ситуации неопределенности затрудняет осуществление самоконтроля и планированием своей профессиональной деятельности, что может приводить к формированию тревожных, депрессивных расстройств и психосоматических заболеваний.

Annotation. The COVID-19 pandemic has led to the largest disruption in the functioning of education systems in history. Only some teachers were able to make a quick and effective transition to an online learning model, since the processes of teaching remotely and in classrooms differ significantly from each other. The lack of skills of professional self-organization and adaptation in a situation of uncertainty makes it difficult to exercise self-control and plan their professional activities, which can lead to the formation of anxiety, depressive disorders and psychosomatic diseases.

Ключевые слова: COVID-19, самоорганизация, профессиональная деятельность, педагоги.

Keywords: COVID-19, self-organization, adaptation, professional activity, teachers.

Уникальная ситуация пандемии и самоизоляции повысила актуальность темы исследования, привлекая пристальное внимание к

проблеме самоорганизации деятельности педагогов в условиях пандемии и он-лайн обучения. Однако на сегодняшний день проблема самоорганизации деятельности во взаимосвязи с характером переживания педагогами ситуации пандемии COVID-19 не получила должного рассмотрения, что также свидетельствует об актуальности темы нашего исследования.

Стремительное распространение коронавирусной инфекции 2019 года (COVID-19), объявленной в качестве чрезвычайной ситуации в области здравоохранения, изменило мир: пандемия явилась сильнейшим стрессором для миллионов людей во всем мире и создала серьезную угрозу жизни людей, а также их физическому и психическому здоровью [2]. Уже в начале 2020 г. опасная болезнь привела к введению режима карантина и самоизоляции на длительный срок в более чем 200 странах мира [1].

Страх перед инфекцией, финансовая неуверенность, недостаточная физическая активность, ограниченное или отсутствующее личное пространство в доме, ситуация неопределенности стали причинами возникновения психологических проблем в виде тревоги, гнева, замешательства и симптомов посттравматического [3]. В кризисные периоды чаще всего возникают психотравмирующие и психогенные ситуации – условия для обострения хронических и манифестации психических расстройств, что требует участия психиатров, психотерапевтов и психологов в организации помощи населению [7].

Более того, исследование, проведенное С.Н. Ениколоповым, О.М. Бойко на выборке 430 человек, из них 188 жителей Москвы, показало, что с течением времени отмечается рост психопатологической симптоматики (соматизация, физическая симптоматика, нарушения сна), падает уровень конструктивного мышления и показатели эмоционального совладания, увеличивается представленность эзотерического мышления, наивного оптимизма, категорического мышления, также отмечаются обращение к религии и поиск экзистенциальных объяснений происходящего. Авторы делают вывод о том, что при пролонгировании ситуации возможен дальнейший рост психопатологической симптоматики, что может иметь широкий круг негативных последствий [3].

Как показали результаты исследования, проведенного В.И. Моросановой, люди с разным уровнем развития осознанной саморегуляции различаются по выраженности эмоциональных переживаний и показателям успешности самоорганизации своей жизни в период вынужденной самоизоляции в условиях распространения пандемии коронавируса. При этом, чем выше развитие осознанной саморегуляции, как универсального регуляторного ресурса (на основании общего уровня саморегуляции), тем выше эффективность самоорганизации жизни и оптимистический настрой, меньше возникает сложностей и затруднений в новом «вынужденном» образе жизни и ниже вероятность появления негативных эмоций и эмоционального истощения [5].

В этой связи одной из ключевых проблем остается эффективное взаимодействие человека в условиях стрессовой ситуации, каковой является ситуация пандемии, причем, очень остро стоит проблема самоорганизации и саморегуляции [6].

Цель исследования: выявить связь между самоорганизацией педагогической деятельности и характером переживания ситуации пандемии COVID-19.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между уровнем самоорганизации деятельности педагогов и характера переживания ими ситуации пандемии COVID-19, а именно: чем в большей степени педагогам свойственно видеть и ставить цели, планировать свою деятельность, проявлять волевые качества и настойчивость на пути к их достижению, тем эффективнее они адаптируются к вынужденной самоизоляции и дистанционной форме обучения, а также необходимости соблюдения защитных мер профилактики распространения пандемии.

Описание выборки: В исследовании приняло участие 134 школьных педагога, из них 56 мужчин и 78 женщин. Возраст испытуемых – от 28 до 60 лет, средний возраст – 44 года. Методы исследования: Тест-опросник самоорганизации деятельности (ОСД) Е.Ю. Мандриковой; опросник «Переживания пандемии COVID-19» [4].

В ходе тестирования по тест-опроснику самоорганизации деятельности (ОСД) Е.Ю. Мандриковой было установлено, что показатели практически по всем шкалам методики распределились в области средних значений. Исключение составляет шкала «целеустремленность», показатели по которой соответствуют низкому уровню развития.

Полученные данные свидетельствуют о том, что, большинство педагогов склонны разрабатывать четкие планы и четко следовать к цели. При планировании рабочего времени они могут полагаться как на какие-то вспомогательные средства (ежедневники, записные книжки и т.д.), так и на свою природную организованность. Большинство сотрудников сочетают структурированный подход к организации своего времени со спонтанностью и гибкостью. Такой подход характеризует данных педагогов как достаточно организованных и способных на волевые усилия профессионалов, которые, тем не менее, могут и оставлять начатое дело, не доводя его до конца, особенно в ситуации многозадачности, выполняя приоритетную или представляющую для них больший интерес на данный момент времени. Вместе с тем, большинство из них не всегда четко видят свои цели или не склонны ставить перед собой конкретные как краткосрочные, так и долгосрочные цели. Нередко их характеризует нежелание стремиться к поставленной цели и прилагать усилия для ее достижения.

В ходе тестирования респондентов по опроснику «Переживания пандемии COVID-19» [4] было установлено, что практически по всем шкалам опросника показатели распределились в области средних значений.

Исключение составляет шкала «информация», значения по которой соответствуют низкому уровню выраженности, и шкала «будущее и цифровые технологии», значения по которой выше средних значений.

Данные результаты свидетельствуют о том, что сотрудники организации, признавая коронавирус серьезной опасностью для населения как нашей страны, так и для всего человечества, стали более осторожны, стремятся ограничить реальные контакты с людьми, многие из них считают уход на самоизоляцию и вынужденную удаленную работу эффективным средством защиты от коронавируса. Причем, одна часть сотрудников чувствуют себя достаточно комфортно на вынужденной удаленной работе дома, другая же часть нередко демонстрирует раздражение из-за изменения привычного распорядка дня и необходимости соблюдать меры самоизоляции.

При этом большинство сотрудников не испытывают паники из-за ситуации пандемии. Они принимают рекомендованные меры защиты себя и членов своей семьи, однако, треть педагогов скептически относятся к ношению медицинской маски, обильному мытью и дезинфекции рук, как эффективным мерам защиты от коронавируса. И, скорее, озабочены развитие новых IT-технологий, которые крайне востребованы в ситуации модернизации образовательной системы, необходимостью получения новых компетенций, а также поиск средств, позволяющих восполнить недостаток общения, связанного с ситуацией пандемии, в онлайн-формате.

Низкий уровень по шкале «информация» свидетельствует о том, что большинство школьных педагогов не следят за новой информацией о распространении коронавируса и способах защиты от него и его последствий. Высокий уровень по шкале «будущее и реальность» говорит о том, что они уверены, что изменения в будущем для человечества будут скорее позитивными.

Корреляционный анализ выявил 3 связи между самоорганизацией деятельности педагогов и характером переживания ситуации пандемии COVID-19. Так, наблюдается сильная положительная связь ($\rho \leq 0,01$) между целеустремленностью и шкалой «информация». Данная связь свидетельствует о том, что чем точнее педагоги понимают свои профессиональные цели и задачи, предпринимает конкретные шаги на пути к их реализации своих, тем больше внимания они уделяет новой информации о распространении коронавируса и средствам защиты, транслируют эту информацию среди своих родных, друзей и знакомых.

Отрицательная связь на уровне тенденции ($\rho \leq 0,05$) выявлена между настойчивостью и фрустрацией пространства. Мы можем констатировать, что чем сложнее педагогу прикладывать волевые усилия для реализации начатого дела до его логического завершения, чем больше он склонен отвлекаться на посторонние дела, и тем осторожнее он ведет себя на работе в период пандемии, ограничивая реальные контакты с людьми. Такие

педагоги считают уход на самоизоляцию и вынужденную удаленную работу эффективным средством защиты от коронавируса.

Также отрицательная связь на уровне тенденции ($p \leq 0,05$) выявлена между общим показателем самоорганизации деятельности и шкалой «будущее и реальность». Это говорит о том, что чем сильнее у педагога выражено стремление и желание жить спонтанно, не привязывая свою деятельность к жесткой структуре и целям, чем неопределеннее для него самого будущее, тем сложнее ему планировать ежедневную работу, при этом достаточно легко он способен переключаться на новые виды активности и сильнее его убежденность в том, что изменения в будущем для человечества в целом будут позитивными.

Таким образом, по результатам эмпирического исследования мы можем констатировать, что наша гипотеза подтверждена частично.

Выводы:

1. Самоорганизацию профессиональной деятельности следует рассматривать как способность личности, выражающуюся в умении использовать собственные интеллектуальные и эмоционально-волевые черты в решении профессионально значимых задач.

2. Большинство исследований пандемии сегодня явно или неявно исходят из предположения, что нынешняя ситуация (включающая угрозу заражения, самоизоляцию, переход на дистанционное обучение и другие трудности) характеризуется неопределенностью и является стрессогенной и потенциально ухудшающей благополучие и качество жизни личности, что требует развитых навыков совладания.

3. Уровень самоорганизации деятельности педагогов соответствует среднему уровню выраженности по показателям планомерности, настойчивости, фиксации на профессиональные задачи, самоорганизации, ориентации на настоящее, кроме целеустремленности, которая соответствует низкому уровню развития.

4. Выраженность показателей переживания ситуации пандемии COVID-19 соответствует среднему уровню по всем шкалам «фрустрация пространства», «степень опасности», «степень защиты», «эмоциональное состояние, «фрустрация времени»; по шкале «информация» значения соответствуют низкому уровню выраженности, по шкале «будущее и цифровые технологии», значения выше средних значений.

5. Корреляционный анализ выявил связи между самоорганизацией деятельности сотрудников организации и характером переживания ситуации пандемии COVID-19, а именно: сильная положительная связь между шкалой целеустремленность и шкалой «информация»; отрицательная связь на уровне тенденции между настойчивостью и фрустрацией пространства; отрицательная связь на уровне тенденции между общим показателем самоорганизации деятельности и шкалой «будущее и реальность».

Новые требования, связанные с необходимостью соблюдения требований обязательной самоизоляции в связи с пандемией, с одной стороны, изменяют психологическое состояние человека (актуализируют страхи, тревожность, неопределенность и др.), с другой стороны, вносят существенные коррективы в различные сферы жизнедеятельности человека. В этой связи одной из ключевых проблем остается эффективное взаимодействие человека в условиях пандемии, в частности, очень остро стоит проблема самоорганизации и саморегуляции.

Практическая значимость нашего исследования заключается в возможности использования его результатов в консультационной деятельности психологов, работающих с школьными педагогами, остро переживающими ситуацию неопределенности, связанную с пандемией, вызванной распространением коронавирусной инфекции COVID-19.

Кризис в образовании, вызванный пандемией COVID-19, показывает уязвимости в системе образования, однако стимулирует государство и педагогических работников к внедрению эффективных образовательных инноваций и развития инклюзивности. Внедрение цифровых решений требует соответствующего информационного содержания, подходящих методических моделей, эффективных методов преподавания и благоприятной учебной среды.

Список литературы:

1. Акименко Г.В., Кирина Ю.Ю., Начева Л. В. Психология эпидемии: как пандемия (COVID-19) влияет на психику людей // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1. № 4. С. 45-54.
2. Воробьева К.А., Сафронов В.В. Исследование специфики копинг-стратегий у женщин, связанной с пандемией. Материалы международной научной конференции «Психология личности: виртуальный и реальный контекст», Москва, 2020. С.24-27.
3. Ениколопов С.Н., Бойко О.М., Медведева Т.И. Динамика психологических реакций при пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 108-126.
4. Марцинковская Т.Д., Ткаченко Д.П. Опросник «Переживания пандемии COVID-19» // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 54-68.
5. Моросанова В.И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 36-46.
6. Попова Н.П. Формирование умений самоорганизации учителя в педагогической деятельности в процессе повышения квалификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 1999. 19 с.
7. Турченко Н.М., Сидоров А.А. Взгляд психотерапевта на современную пандемию // Психиатрия 2020: омуты и мели специальности: материалы рос. научн. конф. (Ростов-на-Дону, 26 сентября 2020 г.). Ростов-на -Дону, 2020. С. 195-199.
8. Brooks S.K., Webster R. K., Smith L. E. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. V. 395 (10227). P. 912-920.

References:

1. Akimenko G.V., Kirina YU.YU., Nacheva L.V. Psihologiya epidemii: kak pandemiya (COVID-19) vliyaet na psihiku lyudej // Vestnik obshchestvennyh i gumanitarnyh nauk. 2020. T. 1. № 4. Pp. 45-54.
2. Vorob'eva K. A., Safronov V. V. Issledovanie specifiky koping-strategij u zhenshchin, svyazannoj s pandemiej Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Psihologiya lichnosti: virtual'nyj i real'nyj kontekst», Moskva, 2020 Pp.24-27.
3. Enikolopov S. N., Bojko O. M., Medvedeva T. I. Dinamika psihologicheskikh reakcij pri pandemii COVID-19 // Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya. 2020. T. 12. № 2. Pp. 108-126.
4. Marcinkovskaya T. D., Tkachenko D. P. Oprosnik «Perezhivaniya pandemii COVID-19» // Novye psihologicheskie issledovaniya. 2021. № 1. Pp. 54-68.
5. Morosanova V. I. Individual'nye osobennosti osoznannoj samoregulyacii proizvol'noj aktivnosti cheloveka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2010. № 1. Pp. 36-46.
6. Popova N.P. Formirovanie umenij samoorganizacii uchitelya v pedagogicheskoj deyatel'nosti v processe povysheniya kvalifikacii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Velikij Novgorod, 1999. 19 p.
7. Turchenko N.M., Sidorov A. A. Vzglyad psihoterapevta na sovremennuyu pandemiyu // Psihiatriya 2020: omuty i meli special'nosti: materialy ross. nauchn. konf. (Rostov-na-Donu, 26 sentyabrya 2020 g.). Rostov-on-Don, 2020. Pp. 195-199.
8. Brooks S.K., Webster R. K., Smith L.E. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. V. 395 (10227). Pp. 912-920.

Герасимова Екатерина Александровна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: psy_ger@bk.ru

Gerasimova Ekaterina Alexandrovna,

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНИКОВ, СВЯЗАННЫЕ С ДИСТАНЦИОННЫМ ОБУЧЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF SCHOOLCHILDREN RELATED TO DISTANCE LEARNING IN A PANDEMIC

Аннотация. В статье представлены психологические проблемы школьников, вызванные переходом всей системы образования на дистанционный режим. Было установлено, что онлайн-обучение по-разному влияет на подростков в зависимости от уровня их школьной успеваемости. Выявлено, что обучающиеся, с низким уровнем успеваемости более подвержены негативному влиянию нового формата обучения. У них наблюдается более выражена школьная тревожность, сниженный уровень адаптационных возможностей и мотивации.

Annotation. The article examines the psychological problems of schoolchildren caused by the transition of the entire education system to a distance mode. It was found that online

learning affects adolescents differently depending on their level of school performance. It was revealed that students with a low level of academic performance are more susceptible to the negative impact of the new learning format. They have more pronounced school anxiety, a reduced level of adaptive capabilities and motivation.

Ключевые слова: пандемия, дистанционное обучение, психологические проблемы, подростковый возраст.

Keywords: pandemic, distance learning, psychological problems, adolescence.

В 2020 году человечество столкнулось с пандемией новой коронавирусной инфекции. Это событие отразилось на всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и на системе образования.

До этого времени доминировала система традиционного образования, которая включала в себя живое общение между преподавателем и обучающимся, а с усилением карантинных мер процесс обучения перешел в дистанционный онлайн-режим. Это событие повлекло множество проблем в обучении, от технологических до психологических.

Дистанционным обучением принято называть образовательный процесс, который осуществляется с помощью применения современных интернет технологий и других средств интерактивных коммуникаций, без непосредственного контакта обучаемых и преподавателей [6].

Многие ученые вместе с достоинствами дистанционного образования (доступность, гибкость, открытость, индивидуальность, возможность совмещения нескольких видов деятельности) также выделяют и его недостатки. В рамках настоящего исследования интерес вызывают недостатки психологического плана. Так, Л.В. Беляев основными недостатками подобного обучения называет низкую эмоциональную насыщенность, проблемы межличностного характера [1]. По мнению Е.В. Фадеева, к наиболее существенным психологическим проблемам дистанционного образования следует отнести невозможность в полной мере удовлетворения потребности в общении и отсутствие социализирующей роли образования [7].

В.И. Колыхматов, анализируя результаты масштабного национального исследования онлайн обучения в период пандемии, одной из главных проблем дистанционного формата обучения называет низкую психологическую готовность всех участников образовательных отношений к неожиданным переменам в традиционном укладе [2].

В.Р. Кучма, А.С. Седова и С.Б. Соколова в своей работе подчеркивают, что переход в 2020 г. всей системы образования в режим онлайн повлек за собой новые потенциально опасные факторы такого образования, которые требуют внимания и проработки вопроса о «гигиенической безопасности жизнедеятельности детей в цифровой среде» [3, С. 24].

К вышеперечисленным проблемам онлайн обучения можно добавить и такие: отсутствие невербальных компонентов коммуникации, эмоциональная обедненность контактов, отсутствие необходимой

поддержки и контроля со стороны преподавателя. Кроме этого, при онлайн-образовании сложности в обучении вызывают проблемы, связанные с личностными особенностями обучающихся: низкий уровень самостоятельности и сознательности обучающегося, недостаток внутренней мотивации.

Рассматривая психологические проблемы дистанционного образования во время пандемии COVID-19, следует также учитывать непростую ситуацию в мире, оказывающую психотравмирующее воздействие на личность человека. Подтверждением чего являются исследования ученых всего мира. Так, результаты исследований последствий изоляции и дистанционного обучения в США и Европе показали, что многие школьники испытывают повышенное чувство тревоги, страха, беспокойства, усталости, а также постоянно переживают о здоровье близких и о собственном будущем [9]. Эти данные подтверждают и результаты опросов, проведенных в нашей стране: в частности, школьники, участвующие в исследовании, испытывают повышенную утомляемость, чувство разбитости, раздражительность, вспыльчивость, считают окружающий мир скучным, небезопасным [4].

Не удивительно, что на этом фоне возникает еще одна важная проблема – проблема снижения у обучающихся успешности и учебной мотивации. Как указывает А.К. Маркова, к психологическим критериям успешной учебной деятельности относятся: мотивация к обучению, положительное отношение к школе, познавательный интерес, социальная адаптированность, чувство благополучия, позитивные межличностные отношения [5].

Риск снижения качества образования в период онлайн обучения прослеживается в своей работе Л.И. Якобюк. Она пришла к выводу, что дистанционная форма обучения в период пандемии отрицательно сказывается на результатах экзаменов школьников [8].

Особенно уязвимой является проблема успешности учебной деятельности в подростковом возрасте, где актуализированы одновременно физиологический и психологический кризисы.

Для изучения психологических последствий дистанционного обучения, влияющих на учебную успешность подростков в условиях пандемии было проведено эмпирическое исследование на базе общеобразовательной школы в Московской области. В исследовании приняли участие учащиеся 7 класса, возраст которых на момент исследования составил 13-14 лет (в среднем 13,6). Выборка была разделена на 2 группы (в зависимости от уровня учебной успешности): группа с высоким уровнем успеваемости и группа с более низким уровнем успеваемости, связанным с трудностями в обучении.

Гипотеза исследования: дистанционное обучение в условиях длительной изоляции, связанной с пандемией, имеет более выраженные негативные последствия для школьников с трудностями в обучении, чем

для хорошо успевающих школьников. Подростки с трудностями в обучении проявляют повышенную тревожность и обнаруживают признаки социально-психологической дезадаптации, обладают меньшей мотивацией к учебной деятельности.

В исследовании были использованы следующие методики: «Шкала личностной тревожности» (А.М. Прихожан), «Диагностика социально-психологической адаптации» (К. Роджерс и Р. Даймонд) в адаптации Т. Снегиревой, «Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению» (модификация А.Д. Андреева). Для оценки статистической достоверности различий показателей в двух группах по исследуемым параметрам был проведен сравнительный анализ с использованием непараметрического критерия U Манна-Уитни.

Результаты диагностики личностной тревожности указывают на низкий уровень всех видов тревожности в группе подростков с высоким уровнем успеваемости, и на средний уровень тревожности – в группе с низким уровнем успеваемости.

Сравнительный анализа (критерий U Манна-Уитни) выявил различия двух групп по шкалам Школьная тревожность ($p \leq 0,05$) и Самооценочная тревожность ($p \leq 0,05$). Из этого следует, что у школьников, имеющих трудности в обучении, наблюдается выраженное школьное эмоциональное неблагополучие, они чаще испытывают тревогу, вызванную оценкой своей внешности и своих возможностей, в сравнении со своими успевающими сверстниками.

Согласно результатам исследования особенностей социально-психологической адаптации (Рис. 1) и проведенного сравнительного анализа двух групп выявилось, что обучающиеся с высоким уровнем успеваемости обладают более высокими показателями Адаптации ($p \leq 0,05$), Самопринятия ($p \leq 0,05$), Эмоциональной комфортности ($p \leq 0,05$), Интернальности ($p \leq 0,01$).

Итак, подростки, испытывающие трудности в обучении, хуже адаптируются в новой для них среде, у них ниже уровень самопринятия, чаще испытывают внутренний дискомфорт, и более уверены в том, что их успехи и неудачи зависят прежде всего от внешних факторов.

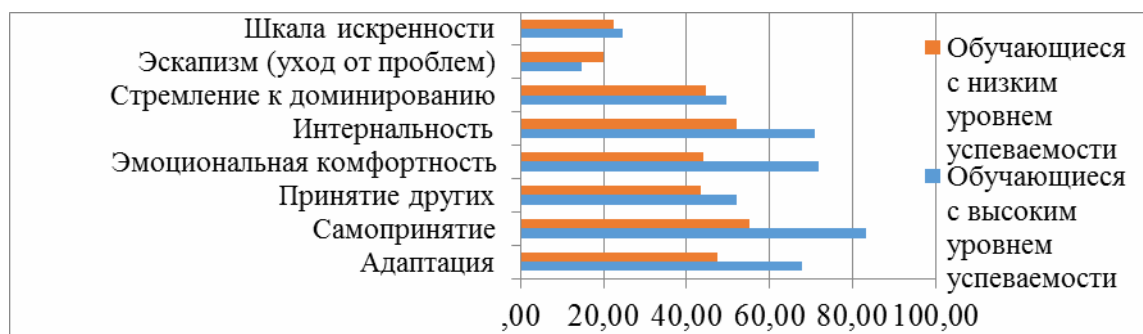

Рис. 1. Показатели социально-психологической адаптации подростков

Диагностика мотивации учения и эмоционального отношения к учению (рис. 2) показала следующие результаты: у подростков с высоким уровнем успеваемости общая мотивация обучения имеет средний уровень выраженности, а у обучающихся с низким уровнем успеваемости она снижена.

Анализ статистических различий с помощью критерия U- Манна-Уитни выявил различия двух групп по трем шкалам: Мотивация достижения ($p \leq 0,01$), Тревожности ($p \leq 0,05$) и Общему баллу ($p \leq 0,05$). Так, мотивация, ориентирована на достижение успеха и избегание неудач, у отстающих в обучении подростков значимо ниже, в сравнении со сверстниками, имеющими высокий уровень успеваемости. Школьники, испытывающие трудности в обучении менее заинтересованы в учебе, у них более выражена школьная тревожность.

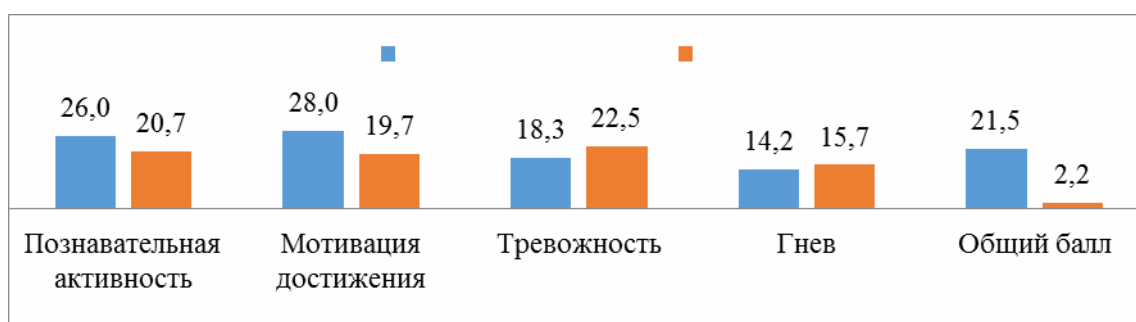

Рис. 2. Показатели мотивации учения и эмоционального отношения подростков к учению

Таким образом, в результате проведенного исследования было выявлено, что психологические проблемы, возникающие при дистанционном обучении во время пандемии, наиболее негативно отразились на обучающихся с низким уровнем успеваемости.

Подростки, имеющие трудности в обучении, испытывают более высокую тревогу по отношению к образовательной организации и образовательному процессу, а также по отношению к себе, своим умениям, возможностям. Невысокий уровень адаптационных возможностей школьников приводит к возникновению у них в новых обстоятельствах ощущения внутреннего дискомфорта. У них наблюдаются нарушения в самопринятии, они чаще испытывают эмоциональный дискомфорт, который сопровождается чувством неуверенности, беспокойства, страха, внутренними переживаниями. Они не так охотно берут на себя ответственность за собственные поступки, за свою жизнь в целом. Учебная мотивация у них снижена, а сам образовательный процесс вызывает тревогу.

Список литературы:

1. Беляев Л.В. К вопросу о социально-психологических проблемах дистанционного обучения // *Фундаментальные исследования*. 2005. № 1. С. 19.

2. Колымхатов В.И. Опыт дистанционного обучения в условиях пандемии вынужденных ограничений // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта. 2020. №8 (186). С. 150-156.
3. Кучма В.Р., Седова А.С., Соколова С.Б. Пандемия COVID-19 в России: медико-социальные проблемы цифровой образовательной среды // Национальное здравоохранение. 2021. № 1. С. 21-31.
4. Кучма В.Р., Седова А.С., Степанова М.И. Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции // Вопросы школьной медицины и здоровья. 2020. №2. С.4-23.
5. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М.: Просвещение, 1990. 192 с.
6. Теория и практика дистанционного обучения / Под ред. Е.С. Полат. М., 2020. 434 с.
7. Фадеев Е.В. Организационные и психологические проблемы дистанционного обучения // Мир науки, культуры, образования. 2017. №3 (64). С. 308-310.
8. Якобчук Л.И. Изучение влияния дистанционной формы обучения во время пандемии на результаты обучения // Мир науки, культуры, образования. 2020. №5(84). С. 179-181.
9. Save the Children. Children at risk of lasting psychological distress from coronavirus lockdown': Save the Children. 2020. [electronic resource]. <https://reliefweb.int/report/world/children-risk-lasting-psychological-distress-coronavirus-lockdown-save-children>. (accessed: 27.09.2021).

References:

1. Belyaev L.V. K voprosu o social'no-psihologicheskikh problemakh distancionnogo obucheniya // Fundamental'nye issledovaniya. 2005. № 1. P. 19.
2. Kolymhatov V.I. Opyt distancionnogo obucheniya v usloviyah pandemii i vynuždennyh ogranichenij // Uchenye zapiski universiteta im. PF Lesgafta. 2020. №8 (186). Pp. 150-156.
3. Kuchma V.R., Sedova A.S., Sokolova S.B. Pandemiya COVID-19 v Rossii: mediko-social'nye problemy cifrovoj obrazovatel'noj sredy // Nacional'noe zdavoohranenie. 2021. № 1. Pp. 21-31.
4. Kuchma V.R., Sedova A.S., Stepanova M.I. Osobennosti zhiznedeyatel'nosti i samochuvstviya detej i podrostkov, distancionno obuchayushchihsya vo vremya epidemii novoj koronavirusnoj infekcii // Voprosy shkol'noj i mediciny i zdorov'ya. 2020. №2. Pp. 4-23.
5. Markova A.K. Formirovanie motivacii ucheniya v shkol'nom vozraste. M.: Prosveshchenie, 1990. 192 p.
6. Teoriya i praktika distancionnogo obucheniya /Pod red. E.S. Polat. Moskva, 2020. 434 s.
7. Fadeev E.V. Organizacionnye i psihologicheskie problemy distancionnogo obucheniya // The world of science, culture, education. 2017. №3 (64). Pp. 308-310.
8. YAkobyuk L.I. Izuchenie vliyaniya distancionnoj formy obucheniya vo vremya pandemii na rezul'taty obucheniya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. №5 (84). Pp. 179-181.
9. Save the Children. Children at risk of lasting psychological distress from coronavirus lockdown': Save the Children. 2020. [electronic resource]. <https://reliefweb.int/report/world/children-risk-lasting-psychological-distress-coronavirus-lockdown-save-children>. (accessed: 27.09.2021).

Горюнова Ирина Геннадиевна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: goryunova.irina@inbox.ru

Goryunova Irina Gennadievna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА НАРУШЕНИЯ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

PSYCHOLOGICAL RISKS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A DETERMINANT OF EATING DISORDERS IN YOUNGER ADOLESCENTS

Аннотация. Исследование было посвящено изучению взаимосвязи между нарушениями пищевого поведения и качеством межличностных отношений в образовательной среде. В результате установлены значимые корреляционные связи между эмоциогенным, экстернальным и ограничительным видом пищевого поведения, а также характеристиками межличностного взаимодействия в образовательной среде, среди которых доверие, доброжелательность, толерантность, агрессивность, враждебность, конфликтность и манипулятивность.

Abstract. The study was devoted to the study of the relationship between eating disorders and the quality of interpersonal relationships in the educational environment. As a result, significant correlations were established between emotionogenic, external and restrictive types of eating behavior, as well as characteristics of interpersonal interaction in the educational environment, including trust, benevolence, tolerance, aggressiveness, hostility, conflict and manipulateness.

Ключевые слова: нарушения пищевого поведения; межличностные отношения; подростки; образовательная среда.

Key words: eating disorders; interpersonal relationships; adolescents; educational environment.

От состояния психологической безопасности образовательной среды зависит устойчивость эмоциональной сферы подростка [2]. Одним из основных факторов, влияющих на эмоциональный фон обучающихся, является качество отношений, возникающих в процессе общения между подростками и преподавателями [4, 5, 6 и др.].

Представители личностно-деятельностного подхода в психологии (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) предлагают рассматривать в качестве значимого эмпирического критерия психологической характеристики среды в целом – отношение к ней (И.А. Баева, 2002). По мнению Д.А. Леонтьева, «человек вбирает в себя

социальный опыт и социальные механизмы регуляции поведения, строя собственный мир, при этом становясь носителем социального опыта» [3].

Очевидно, что удовлетворенность взаимодействием в семье и образовательной среде, основанном на отношении его участников друг к другу является фактором, влияющим на восприятие подростком окружающей реальности, желания присутствовать в ней или уйти в иллюзорный мир с помощью замещения удовольствия от общения, на удовольствие от еды или других агентов зависимости, формирующих в личности аддиктивное поведение.

С целью изучения влияния качества межличностных взаимоотношений на нарушение пищевого поведения младших подростков, нами было проведено научное исследование, гипотеза которого заключалась в предположении существования взаимосвязи между качеством межличностных отношений в образовательной среде и нарушениями пищевого поведения.

Исследование проводилось в одной из московских школ. Участниками исследования стали подростки в возрасте 14-15 лет, обучающиеся в 8 классах в количестве 52 человек. В ходе исследования нами были использованы две методики: Голландский опросник пищевого поведения (DEBQ) и Опросник «Качество межличностных отношений в образовательной среде» [1].

Голландский опросник пищевого поведения «Dutcheating behavior questionnaire» (DEBQ) был создан голландским специалистом в области психологии пищевого поведения Татьяной ван Стриен (1987 год). Он предназначен для выявления субклинических форм нарушения пищевого поведения: ограничительного, эмоциогенного и экстернального, связанных с перееданием и сопровождающихся ожирением. Валидизация была успешно подтверждена на основе тестирования 1170 человек. Опросник DEBQ состоит из 33 вопросов, на каждый из которых может быть 5 вариантов ответов: «Никогда», «Редко», «Иногда», «Часто», «Очень часто». Испытуемый заполняет методику самостоятельно. Количественный показатель по каждому виду нарушения пищевого поведения рассчитывается как среднее арифметическое значение от суммы баллов по каждой шкале.

Опросник «Качество межличностных отношений в образовательной среде» был создан Г.С. Кожухарь и В.В. Ковровым. Авторы рассматривают качество межличностных отношений, психологическую защищенность, удовлетворенность образовательной средой и психологический комфорт как наиболее значимые критерии психологической безопасности образовательной среды. На основании важности этих критериев в методике выделены восемь шкал для определения качества межличностных отношений: доброжелательности, принятия, толерантности, агрессивности, конфликтности, враждебности, манипуляторного отношения.

В ходе исследования нами была получена значимая корреляция между эмоциогенным типом нарушения пищевого поведения и такими показателями как доверие, доброжелательность, толерантность, агрессивность, враждебность, конфликтность и манипулятивность. При этом с факторами доверия, доброжелательности и толерантности исследованием установлена отрицательная корреляционная связь, а с факторами агрессивности, конфликтности, враждебности и манипулятивности – положительная. То есть, чем ниже уровень доверия, доброжелательности и толерантности в образовательной среде, тем выше вероятность развития нарушения пищевого поведения. С другой стороны, чем выше уровень агрессивности, враждебности, конфликтности и манипулятивности, тем больше будет выражен уровень эмоциогенного нарушения пищевого поведения, заедания стрессовых ситуаций, связанных с неудовлетворенностью подростка эмоциональной безопасностью образовательной среды.

С экстернальным типом нарушения пищевого поведения получили положительную корреляцию факторы агрессивности и манипулятивности. Также была установлена положительная взаимосвязь экстернального нарушения пищевого поведения и эмоциогенного. То есть, чем выше уровень агрессивности и манипулятивности образовательной среды, тем сильнее подростку хочется заесть этот стресс (эмоциогенное пищевое поведение). В то же время, чем выше эмоциогенное пищевое поведение, тем выше экстернальное. Это значит, что, проходя мимо витрины с привлекательной и вкусной едой, покупка и употребление еды подростком будет гораздо чаще продиктована стрессовыми ситуациями, вызванными эмоциональным неблагополучием и небезопасностью образовательной среды, нежели обычным чувством голода.

Ограничительное пищевое поведение оказалось взаимосвязано с уровнем толерантности образовательной среды. Корреляция носит отрицательное значение. Это значит, что чем ниже уровень толерантности образовательной среды, тем меньше принимают особенности фигуры подростка участники образовательного процесса, в следствие чего сам подросток начинает ограничивать себя в еде, не принимая своего природного телосложения и телесного образа Я. В таких случаях в ход идут всевозможные диеты с единственной целью – снизить вес любой ценой. И эта цена порой становится неподъемной для нестабильной подростковой психики.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило гипотезу о влиянии качества межличностных отношений в образовательной среде на вероятность развития нарушений пищевого поведения у младших подростков.

Результаты исследования подтверждают необходимость создания специальных психологических программ, направленных на улучшение качества межличностных отношений в образовательной среде с целью

профилактики аддиктивного пищевого поведения среди обучающихся подросткового возраста.

Список литературы:

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. СПб.: Издательство «Союз», 2002. 271 с.
2. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы // Современное образование. 2019. № 3. С. 29-43.
3. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1993.
4. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
5. Столин В.В. Самосознание личности. М., 1983.
6. Сечко А.В. Психологическая помощь детям и подросткам, больным сахарным диабетом / А.В. Сечко, И.В. Поляхов // Модели и технологии оказания психологической помощи детям и подросткам в экстремальных ситуациях: Коллективная монография / Под общей редакцией А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, Е.А. Орловой. Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2018. С. 134-154.

References:

1. Baeva I.A. Psihologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii: Monografiya. SPb.: Izdatel'stvo «Soyuz», 2002. 271 p.
2. Berezina T.N. Emocional'naya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy i kognitivnye processy // Sovremennoe obrazovanie. 2019. № 3. Pp. 29-43.
3. Leont'ev D.A. Oчерk psihologii lichnosti. M., 1993.
4. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A.V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.
5. Stolin V.V. Samosoznanie lichnosti. M., 1983.
6. Sechko A.V. Psihologicheskaya pomoshch' detyam i podrostkam, bol'nym saharным diabetom / A.V. Sechko, I.V. Polyahov // Modeli i tekhnologii okazaniya psihologicheskoy pomoshchi detyam i podrostkam v ekstremal'nyh situacijah: Kollektivnaya monografiya / Pod obshchej redakciej A.V. Kokurina, V.I. Ekimovoj, E.A. Orlovoj. Perm': IP Sigitov T.M., 2018. Pp. 134-154.

Грищенко Леонид Леонидович

профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях Академии управления МВД России, г. Москва, Россия
доктор юридических наук, профессор
e-mail: vvg_59@mail.ru

GrishchenkoLeonidLeonidovich

Professor of the Department of Management of Internal Affairs Bodies in Special Conditions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
Doctor of Law, Professor.

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ

MODERN THREATS TO THE SECURITY OF THE POPULATION IN THE CONDITIONS OF URBANIZATION

Аннотация. Современные процессы урбанизации ставят во главу угла обеспечение безопасности городской среды. В статье коротко анализируются специфические угрозы для жителей городов в условиях урбанизации, к которым автор относит: глобальные и общие опасности (угрозы); техногенные угрозы: коммуникативные опасности; угрозы жизнеобеспечения жителей городов. Делается вывод о том, что вышеперечисленные опасности и угрозы не являются исчерпывающими, что предполагает учет значительного количества дополнительных параметров при исследовании вопросов обеспечения безопасности городского социума в настоящее время и в перспективе нарастания процессов урбанизации.

Annotation. Modern urbanization processes prioritize ensuring the safety of the urban environment. The article briefly analyzes specific threats to urban residents in the conditions of urbanization, to which the author refers: global and general dangers (threats); man-made threats: communicative dangers; threats to the life support of urban residents. It is concluded that the above-mentioned dangers and threats are not exhaustive, which implies taking into account a significant number of additional parameters in the study of issues of ensuring the security of urban society at the present time and in the future of increasing urbanization processes.

Ключевые слова: город, безопасный город, население, угроза, тенденции урбанизации.

Keywords: city, safe city, population, threat, urbanization trends.

Объективный анализ трендов современности показывает, что с начала XXI века человечество не только не избавилось от имевших место угроз, а наоборот, получило их возрастание и видоизменение. Итоги двух десятилетий нового тысячелетия показывают, что человечество, наряду с уже имевшими место угрозами, получило новые вызовы в виде международного терроризма, снижения возможности саморегуляции биосферы, изменения общей среды обитания при возрастании экологических, природных, более разрушительных техногенных аварий, природных катастроф и эпидемий. Следует учитывать объективно существующую опасность и угрозу из космоса, которая не стала меньше, а все также является неотвратимой в случае падения крупных астероидов [4, С. 220].

Следует отметить, что точками повышенной опасности все больше становятся места массового скопления населения, к которым относятся большие города. Современная мировая реальность показывает, что именно урбанизация является в настоящее время основной тенденцией и движущей силой развития человечества. Значимость данной проблемы определяется тем, что в крупных населённых пунктах живёт сегодня преобладающая часть жителей планеты. Так в 2020 году городское население России составило 73,7 % [6]. Можно полагать, что по результатам

Всероссийской переписи населения, которая проходит у нас в стране с 2021г., эта доля ещё вырастет.

Бурная урбанизация в России, проходившая в последние 100 лет, определялась в первую очередь интересами и нуждами государства. Миграция в города часто носила вынужденный характер. Индустриализация, бурный рост промышленного производства требовал все больших трудовых ресурсов, что, в конечном итоге, привело к наполнению отдельных территорий преимущественно молодыми людьми, возраст которых, в среднем, имел пределы от 20 до 55 лет.

В конце XX столетия положение вещей еще более усугубилось, что было связано с кризисными явлениями в промышленности, снижением потенциала производства, засилием иностранного присутствия во многих областях экономики России. Это, в свою очередь, привело к новым миграционным подвижкам, включением в движение масс как жителей малых городов и сельских поселений, так и иностранных рабочих из государств бывшего Советского Союза. Появились перекосы и в распределении миграционных потоков среди самих городов [1, с. 178].

Как показывают исследования, города в нашей стране играют ведущую роль. К настоящему времени их насчитывается около 1100. Три из них являются субъектами Российской Федерации, 12 – мегаполисами-миллионниками, численность населения которых составляет около четверти всего населения России [3]. При этом жители современного города все больше подвергаются, не только ранее имевшим место глобальным и общим угрозам, но и столкнулись с рядом новых опасностей. В настоящее время вполне могут возникать и, к сожалению, возникают угрозы, о наличии которых мы ранее и не подозревали. Опасной угрозой с начала 2020 года стала пандемия COVID-19, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2, который постоянно мутирует и все более угрожает населению городов. Именно в городах, а тем более, в мегаполисах, вирус распространяется значительно быстрее, что закономерно с учетом значительно более высокого скопления населения на определенной местности, а также уровня взаимодействия людей между собой.

В настоящее время для городского социума специфическими особенностями опасностей (угроз) могут являться:

1. Глобальные и общие опасности (угрозы), которые характерны для всех городов мира, однако они имеют дифференцированный характер (наводнения в большей степени угрожает приморским городам и городам, расположенным вдоль рек; землетрясения с большей вероятностью могут произойти в сейсмически опасных районах; опасность химического заражения, как правило, угрожает промышленным городам, имеющим предприятия, на которых используются химические опасные реагенты) [2].

2. Техногенные угрозы, которые по определению являются спутниками городов. При этом отдельные техногенные чрезвычайные

ситуации напрямую связаны с опасностями, входящими в комплекс коммуникативных мер и мер жизнеобеспечения городского социума.

3. Коммуникационные опасности. К средствам коммуникации в городах, прежде всего, относят транспорт: наземный, в том числе подземный (метро и т. п.), рельсовый (железная дорога, трамвай и т. п.) и безрельсовый (автомобили, мотоциклы, автобусы, троллейбусы и др.); водный (суда, катера, лодки, яхты и т. п.); воздушный (самолёты, вертолёт, воздушные шары, дирижабли и т. д.). При этом современное накопление средств транспорта неминуемо приводит к перенасыщению городского пространства всеми его видами, что в конечном итоге создает коллапс. Все более мы наблюдаем появление экстремальных событий с участием транспортных средств, возникающих в результате технических неисправностей или внешних воздействий, вследствие чего происходит порча имущества, наносится значительный ущерб, гибель люди.

Отметим, что современное общество все больше в вопросах коммуникативного взаимодействия использует и иные средства, а именно, средства связи и автоматизации. Как показали исследования, с вступлением человечества в эпоху цифровизации все более в городах начала обостряться угроза информационного коллапса. Как известно, в последнее время современные информационные системы стали играть все большую роль в жизни человека, как средства управления и коммуникативного взаимодействия. Средства управления, телефония, мобильные и компьютерные сети, сети оповещения и экстренной помощи стали неотъемлемой составляющей городского социума. При этом сбои в информационной системе приводят к нарушениям многих составляющих обеспечения жизни города: управленческая, транспортная, снабжения, оповещение, реагирование и т.д. Сегодня учеными и практиками информационные угрозы ставятся на одно из первых мест в структуре угроз человеку, обществу и государству в целом[5].

4. Угрозы жизнеобеспечения жителей городов. Как известно, большое скопление людей требует их обеспечение различного рода средствами, к которым относятся: воздух, вода, продовольствие, электричество, тепло, а также соблюдение санитарно-гигиенических условий.

Так, современная продовольственная безопасность стала являться элементом национальной безопасности и представляет собой ситуацию, при которой все люди в каждый момент времени должны иметь физический доступ к достаточной в количественном отношении безопасной воде и пище, необходимой для ведения активной и здоровой жизни. К чему приводят перебои в снабжении городов, показывают события начала 90-х годов прошлого столетия в СССР. Некоторые элементы угроз продовольственной безопасности имели место в 2020-2021 годах в связи с эпидемией COVID-19.

Существенным местом в обеспечении безопасности жителей городов остается утилизация отходов жизнедеятельности. Прокатившиеся в

прошлом по Европе эпидемии привели человечество к пониманию, что концентрация отходов жизнедеятельности людей никакими естественными природными средствами не смогут поглотить и переработать их. Увеличение нагрузки на экосистему привели к осознанию того, что город - это несаморегулируемая экологическая система. В итоге человечество пришло к пониманию о необходимости централизованно собирать, транспортировать и вывозить отходы жизнедеятельности за пределы города и их утилизировать, а также обеспечивать безопасное устройство водопровода и канализации.

Выше рассмотренные опасности и угрозы не являются исчерпывающими. Это предполагает выявление значительного количества дополнительных параметров при исследовании вопросов обеспечения безопасности городского социума, их учет как в настоящее время, так и в перспективе нарастания процессов урбанизации.

Список литературы:

1. Агаширинова В.Ю. Урбанизация как сложное комплексное явление // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. №8 (42). С. 178-191.
2. Грищенко Л.Л. Градостроительная безопасность // Градостроительное право. 2019. № 2. С.27-30.
3. Информационный центр ООН в Москве. URL: <http://www.unic.ru/press/po-dannym-oon-uvlichivaetsya-gorodskoe-narodonaselenie-segodnya-bolee-poloviny-naseleniya-mir> (дата обращения 21.10.2021).
4. Корабельникова Ю.Л. Обеспечение безопасности человека в городе: современное состояние, проблемы и перспективы. Монография. М.: KnoРус, 2021. 220 с.
5. Таболин В.В. Правовая теория современного российского города: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2019. 358 с.
6. Юридическая урбанология. Урбанологическая теория: коллективная монография в 2-х томах / под общей редакцией В.В. Таболина. М.: Юстицинформ, 2021. 824 с.

References

1. Agashirina V.Y. Urbanization as a complex complex phenomenon / Innovative economy: prospects for development and improvement. 2019. №8 (42). Pp. 178-191.
2. Grishchenko L.L. Gradostroitelnaya bestroeshcheya / Gradostroitelnoe pravo. 2019. № 2. Pp. 27-30.
3. UN Information Centre in Moscow. URL: <http://www.unic.ru/press/po-dannym-oon-uvlichivaetsya-gorodskoe-narodonaselenie-segodnya-bolee-poloviny-naseleniya-mir> (retrieved 2021-10-21).
4. Korabelnikova Y.L. Ensuring human security in the city: current state, problems and prospects. Monograph. M.: KnoРус, 2021. 220 p.
5. Tabolin V.V. Pravova pravova sovremennicheskoe rossiys'goroda: monografiya. 2nd ed., rev. and add. M.: Publishing house "Jurait", 2019. 358 p.
6. Legal Urbanology. Urbanological Theory: Collective Monograph in 2 Volumes / edited by V.V. Tabolin. M.: Justitsinform, 2021. 824 p.

Добряков Денис Андреевич

старший преподаватель кафедры судебной власти,
правоохранительной и правозащитной деятельности,

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», кандидат юридических наук, г. Москва, Россия

e-mail: den-dobryakov@yandex.ru

Dobryakov Denis Andreevich

Senior Lecturer of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities, People's Friendship University of Russia, PhD in Law, Moscow, Russia

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

RELIGIOUS EXTREMISM IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые общие вопросы распространения религиозного экстремизма в условиях повсеместного внедрения цифровых технологий. Автор анализирует основные возможности противодействия религиозному экстремизму на современном этапе с учётом их потенциальной эффективности и детерминант соответствующего преступного поведения.

Abstract. Some general issues of the religious extremism spread in the context of the widespread application of digital technologies are discussed in the article. The author analyzes the main possibilities of countering religious extremism at the present stage, taking into account their potential effectiveness and the determinants of such criminal behavior.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, преступление, уголовная ответственность, цифровизация.

Keywords: religious extremism, crime, criminal liability, digitalization.

Со времён средневековых крестовых походов одним из самых распространённых способов радикализации населения и, в особенности, молодёжи была и остаётся религиозная пропаганда. При этом именно молодёжь, как достаточно активная и во всех смыслах мобильная социально-демографическая группа, оказывается наиболее восприимчивой к обещаниям лучшей жизни, вечного блаженства, разнообразных утех и прочих прелестей после собственной «праведной» смерти или уничтожения неверных/грешников/проч. (здесь можно выбрать любую категорию, главное, чтобы она вызывала неприятие или хотя бы чувство снисходительного превосходства у выбирающего).

Чем моложе человек, тем больше он склонен идеализировать себя и/или окружающий мир (либо напротив – демонизировать, хотя самого себя это, как правило, не касается), воспринимая многие аспекты жизни не в том виде и смысле, в каком они предстают перед зрелыми людьми, «обременёнными» жизненным опытом, образованием и социальными связями. Такие формы активности, как работа, семейный быт, гражданская или досуг, осуществляемые в пределах правового поля, кажутся безынтересными для определённой части молодых людей, которые всему этому предпочитают создание далеко идущих проектов преобразования

страны и мира, походы на массовые акции «за всё хорошее против всего плохого», активное генерирование соответствующего контента в социальных сетях и прочие увеселения, среди которых особенно выделяются походы в лес, но отнюдь не за грибами либо созерцанием природы, а для стрельбы по мишеням и отработки сочинённых ими «оригинальных» тактик или боевых приёмов.

Следует отметить, что на всё перечисленное человек может быть способен и сам, даже без внешнего влияния и наставления – столкнувшись с несправедливостью или начитавшись романтических книг о рыцарях и полководцах, он естественным образом примеряет на себя роль борца со злом, воспринимая как зло те или иные элементы окружающей его жизни (и здесь ему не может не помочь элементарная наблюдательность и доступ к разнообразной информации). Однако позитивные в целом интенции легко могут уйти из созидательного русла как вследствие ошибок самого человека (ведь он может переоценить свои силы либо просто не вполне верно прицепить «ярлык» зла к тому или иному персонажу или явлению), так и по причине деструктивного воздействия извне.

Молодёжь представляет собой желанную паству для всякого рода проповедников, пророков и шарлатанов, которые в лучшем случае просто хотят улучшить своё материальное благосостояние за счёт наивности и возвышенных мечтаний своих жертв (или, что называется, потешить за их счёт своё самолюбие, почувствовав себя в центре внимания), а в худшем – могут использовать их в преступных, в том числе и экстремистских целях. Видится очевидным, что чем ниже уровень жизни, чем сложнее доступ к образованию и нормальному досугу, тем шире оказываются слои населения, которые сравнительно легко заманить в тенета лжи и пропаганды. Лишённые возможности развиваться и жить в условиях, достойных человека XXI века, люди легче поддаются на посулы чудесных изменений их бытия и с радостью готовы переложить вину за своё положение на правительство, зарубежные страны или других людей с мнением, языком или религией, отличающимися от их собственных.

Как известно, ещё в начале девяностых Мацумото Тидзуо (лидеру секты «Аум синрикё», более известному как Асахара Сёко) требовалось содержать штат вербовщиков и лично встречаться с последователями, выступать перед живыми аудиториями и покупать эфирное время для демонстрации по телевидению, чтобы распространить свои идеи. Казнённому в 2018 году Асахаре, как известно, удалось привлечь в свою «организацию» множество последователей, среди которых были тысячи студентов колледжей и университетов (где в конце 80-х активно работали вербовщики секты), притом не только в Японии, но также в России (здесь в начале 1992 года был официально зарегистрирован филиал секты) и других странах, однако для этого потребовалось достаточно много усилий и ресурсов [2, с. 199-201].

Сейчас обрести сторонников стало гораздо проще – для этого необязателен даже личный контакт с ними (речь, разумеется, идёт только о технической составляющей, т.е. о способе коммуникации с аудиторией) [1]. Благодаря возможностям, которые дают социальные сети, видео хостинги и прочие сервисы в интернете, вся цепочка манипуляций от привлечения внимания аудитории по всему миру и вложения в неокрепшие умы какой-нибудь идеи до вовлечения в члены секты и передачи инструкций для организации террористической атаки может быть реализована буквально в несколько кликов компьютерной мыши. Конечно, нужно написать сколько-то внятного (и желательно «берущего за душу») текста и наговорить сколько-то проповедей на видео (хотя и аудио формат может подойти), но сделать всё это можно уже хотя бы при наличии смартфона, навыков обращения с ним, ну и конечно же доступа в интернет.

Например, в популярной социальной сети TikTok, которая насыщена, в первую очередь, развлекательными видео, за один только июнь 2021 года было размещено более тысячи видео (впоследствии выявленных), отнесённых к числу экстремистских, причём существенная часть из них была связана именно с пропагандой религиозного *экстремизма*.

Крупные социальные сети, где ежедневно взаимодействуют друг с другом миллионы и даже десятки миллионов людей из множества стран, не меньше правительств заинтересованы в том, чтобы на их ресурсах не циркулировали экстремистские материалы. Корпорации нанимают десятки тысяч специальных сотрудников, основной задачей которых становится ручной поиск потенциально опасного контента для его анализа и блокировки. Кроме того, тратятся большие ресурсы на создание систем машинного поиска (по используемым в материалах лексическим единицам или одновременно по визуальному ряду), автоматически блокирующих контент при наличии каких-либо подозрений в незаконной деятельности. Однако все эти меры, предпринимаемые компетентными и обладающими необходимыми ресурсами субъектами, демонстрируют достаточно скромные результаты, а пользователи социальных сетей по-прежнему имеют возможность видеть, слышать и поддаваться тлетворному влиянию экстремистских материалов в цифровой среде.

Как можно противостоять призыву подпольного богослова «выполнить свой долг, который заключается в убийстве режиссера, продюсера, актеров и всех, кто помогал в создании и продвижении фильма», последовавшему после публикации низкопробной религиозной киносаатиры, выставившей основателя одной из авраамических религий в дурном свете? Этот призыв был распространён в социальных сетях и привёл к эскалации насилия – экстремисты совершили ряд убийств (в частности, жертвой одной из атак стал посол США в Ливии), а также провели серию террористических актов, приведших к многочисленным жертвам.

С другой стороны, как быть с политическим деятелем, имеющим официальный статус и вполне открыто во время официальной же пресс-

конференции объявляющим вознаграждение за убийство создателей всё того же провокационного фильма? Чиновник не только пообещал вознаграждение убийцам, но также призвал принять участие в этом действе представителей запрещённых террористических организаций. Признав, что подстрекательство к убийству является преступлением, однако он готов преступить светский закон ради чести основателя его религии, мол, нет иного способа внушить страх хулителям веры. Ответы могут быть разными, но правильный среди них вряд ли найдётся (и это уж точно не пуск ракеты с беспилотника).

Наконец, стоит ли в контексте изложенного тем или иным образом ограничивать свободу слова, чтобы предотвратить все возможные оскорбления и провокации неопределённого круга «верующих» или просто жаждущих насилия молодых и не очень людей, готовых проливать кровь и уничтожать имущество тех, на кого укажут их ситуативные вожди? Можно предположить, что жёсткие запреты и ограничения лишь затрудняют контроль за распространением информации (поскольку сегодня информация практически мгновенно копируется и переносится на иные, пока ещё не запрещённые ресурсы), приводят к практически неизбежным ошибкам и «перегибам на местах», а также привлекают ненужное внимание – многие узнают о тех или иных материалах только благодаря тому, что правительство объявило об их запрете. Здесь следует особенно подчеркнуть, что наибольший интерес к таким материалам начинают проявлять именно представители молодёжи, которые при должном владении техническими возможностями своих компьютеров и смартфонов с лёгкостью получают доступ к искомой информации.

И всё же – как бороться с этими деструктивными явлениями и защитить молодёжь, да и всё общество в целом от экстремистской, в том числе и религиозной пропаганды? Ответ, как представляется, нельзя и просто не нужно искать в плоскости запретов и ограничений. То же предельно популярное в законодательной практике включение в Особенную часть УК РФ новых статей (криминализация деяний) или ужесточение наказаний за совершение уже сейчас запрещённых деяний чаще всего не имеет никакого практического значения и лишь приводит к дальнейшему разрушению и без того предельно разбалансированной системы уголовной ответственности. Кроме того, этот излюбленный государством подход приводит, помимо прочего, к дальнейшей радикализации населения, поскольку он обычно не сопровождается достаточно внятной разъяснительной работой.

Помочь решению рассматриваемой проблемы может контрпропаганда, основные принципы и подходы к осуществлению которой обстоятельно анализируются специалистами [3]. При этом такая контрпропаганда должна быть продуманной и взвешенной – непрофессиональные попытки захватить умы граждан нередко приводят к дискредитации в общем-то неплохих идей, да и всей системы власти заодно.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что повышение уровня жизни и образования граждан также способно сократить распространение экстремизма и, прежде всего, его религиозно обусловленной разновидности. Конечно, экстремизм, а равно и терроризм имеют место как в бедных, так и в богатых странах – в целом, эти феномены встречаются повсеместно и зависят от множества факторов, поэтому какие-либо упрощения и попытки объяснить всё неразвитой экономикой или чем-либо ещё можно назвать несостоятельными [4, с. 20]. Тем не менее, даже при беглом взгляде, например, на развитую Норвегию и несколько менее развитый, а к тому же переживающий период политической нестабильности (если выразиться предельно корректно) Афганистан, можно заметить, что религиозный и любой другой экстремизм гораздо лучше «приживается» на почве нищеты и во всех смыслах стеснённых жизненных условий населения, когда надежда на чудесное избавление от насущных проблем, внушаемая проповедниками и вождями, становится чуть ли не единственной отдушиной, ради которой люди оказываются готовы пойти практически на что угодно.

Напрашивается достаточно банальный вывод – экстремизм не будет представлять собой масштабной проблемы (хотя вряд ли когда-нибудь исчезнет полностью), если он лишится поддержки широких слоёв населения. В свою очередь этой поддержки у него будет тем меньше, чем более среднестатистический гражданин конкретной страны станет просвещённым и удовлетворённым своей жизнью здесь и сейчас, а не в «раю» или «дивном новом мире» когда-то в будущем, поскольку лучшая защита от любых манипуляций – это, пожалуй, сочетание развитого критического мышления и благополучия. Человек всегда может попасть в тяжёлую жизненную ситуацию (в чём бы она не выразилась) и пойти по пути ненависти и насилия, однако вероятность такого развития событий находится в обратной зависимости от уровня социально-экономического развития общества, в котором живёт такой человек. И важно подчеркнуть, что это касается не только экстремизма, но и преступного поведения в целом.

Список литературы:

1. Сечко А.В. Психологические условия экстремизма в современных условиях // Современная прикладная психология: теория и практика: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Москва, 19–20 апреля 2017 года / Редколлегия Т.Н. Мельников [и др]. Ответственный редактор Н.Т. Колесник. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 116-120.
2. Сиваков Е.М. Тоталитарная секта «Аум Синрикё» и религиозная безопасность Японии // Ежегодник Япония. 2007. № 36. С. 188-205.
3. Смирнов А.А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: Научно-практическое пособие. М.: АТЦ СНГ, 2020. 232 с.
4. Хохлов И.И. О некоторых подходах к объяснению феномена терроризма // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 5. С. 19-28.

References:

1. Sechko A.V. Psihologicheskie usloviya ekstremizma v sovremennyh usloviyah // *Sovremennaya prikladnaya psihologiya: teoriya i praktika: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah, Moskva, 19–20 aprelya 2017 goda / Redkollegiya T.N. Mel'nikov [i dr]. Otvetstvennyj redaktor N.T. Kolesnik. M.: Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2017. Pp. 116-120.*
2. Sivakov E.M. Totalitarnaya sekta «Aum Sinrikyo» i religioznaya bezopasnost' YAponii // *Ezhegodnik YAponiya. 2007. № 36. Pp. 188-205.*
3. Smirnov A.A. Organizaciya kontrpropagandy v oblasti bor'by s terrorizmom i ekstremizmom: Nauchno-prakticheskoe posobie. – M.: ATC SNG, 2020. – 232 p.
4. Hohlov I.I. O nekotoryh podhodah k ob"yasneniyu fenomena terrorizma // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 5. Pp. 19-28.*

Дунаева Наталья Александровна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: dunaeva_na@mail.ru

Dunaeva Natalya Aleksandrovna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ТРУДНОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

DIFFICULTIES OF INTERPERSONAL COMMUNICATION OF MODERN ADOLESCENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Аннотация. В статье анализируются возрастные аспекты межличностного общения и взаимодействия подростков в образовательной среде. Описаны особенности межличностного общения подростка с педагогами и одноклассниками, вскрыты механизмы межличностного общения и преодоления трудностей в общении и отношениях. Эмпирически выявлены взаимосвязи между трудностями общения подростков в образовательной среде и их личностными и коммуникативными особенностями.

Abstract. The article analyzes the age-environment aspects of interpersonal communication and interaction of adolescents in the educational environment. Describes the specific features of interpersonal communication of a teenager with teachers and peers-classmates, identifies the mechanisms of interpersonal communication and overcoming difficulties in communication and relationships during adolescence. Empirically, the relationship between the personal and communicative characteristics of adolescents and the difficulties of communication in the educational environment is revealed.

Ключевые слова: подростковый, период, трудности, межличностное, общение, сверстники, учителя, образовательная, среда.

Keywords: adolescence, period, communication, communication, school, out-of-education, environment.

На сегодняшний день заявленная тема является актуальной, несмотря на многочисленность исследований в данной области. Как известно, ведущим типом деятельности в подростковом периоде является общение со сверстниками, за счет чего подросток постигает нормы социального поведения и морали. Стремительно меняющееся информационная среда влияет на мировоззрение подрастающего поколения, так как меняются ценности и коммуникация современных подростков.

Психологами установлено, что в возрастной период 12-15 лет в жизни подростка происходят значительные перемены: учебная деятельность, отходит на второй план, а главенство приобретает общение со сверстниками. Отношения со взрослыми также претерпевают изменения, поскольку снижается их авторитетность и первоочередность среди факторов становления личности подростка. Общение и экспериментирование с собственными отношениями с другими людьми выделяется в относительно самостоятельный вид активности в жизни подростка, что проявляется в активном поиске друзей, выяснении отношений и борьбе, смене компаний, конфликтах и примирениях, победах, поражениях, открытиях, радости, разочаровании и других разнообразных событиях [2].

По мнению Д.Б. Эльконина, общение является особой деятельностью подростка, в котором другой человек является собственно предметом этой деятельности, а содержательным элементом, выступает построение взаимоотношений с этим человеком и действия в этих отношениях.

Исследования А.Г. Самохваловой показали, что около 80% современных подростков отмечают, что при общении они испытывают определённые трудности. Как правило, наиболее чувствительным возрастом для трудностей в общении является возраст с 11 до 14 лет. Данный факт, по мнению автора, связан с личностным ростом подростка, развитием рефлексии, которая обуславливает осознание трудностей в общении [6, 8].

Стоит отметить, что совокупность различных коммуникативных трудностей подростка, а также те варианты, которые он выбирает для разрешения данных трудностей, складывается в *индивидуальный профиль затрудненного общения* не только в ситуационном, но и в более широком контексте, обуславливая особенности социализации и индивидуализации подростка [2].

Исследователи подчеркивают, что коммуникативные трудности могут играть не только негативную, но и позитивную роль в развитии подростка. Так, при успешном осознании коммуникативных трудностей и успешном их преодолении подросток развивается. Неспособность подростка признать, понять и своевременно преодолеть свои коммуникативные трудности приводит к трудностям в социализации подростка [6].

В целом, анализ публикаций по проблеме коммуникации и общения современных подростков, учитывая особенности потребностей, специфику и формы взаимодействия, наличие типичных проблем, позволяет отметить следующее:

- общение, как сознательное экспериментирование с собственными отношениями с другими людьми, является самостоятельной сферой в жизни подростка;

- потребность в общении интегрирует совокупность других важных возрастных нужд (самореализации, самовыражения, самопрезентации, самоутверждения, соперничества, потребности в эмоциональной близости, в принадлежности группе, в новой информации и навыках, в лидерстве);

- общение подростков осуществляется в различных сферах, что послужило основой выделения специфических «видов» общения: когнитивного, деятельностного, кондиционного, побуждающего, в эмоциональной разрядке;

- выделяются три основные формы общения подростков: интимно-личностное, стихийно-групповое, социально-ориентированное;

- к типичным проблемам подросткового общения относят ряд базовых трудностей: содержательные, инструментальные и рефлексивные. Основные способы совладания с коммуникативными трудностями подростка имеют в основе социальное сравнение, а также самоанализ коммуникативных действий, преодоление личностных особенностей, мешающих эффективному общению, самоуверенность и самоутверждение посредством общения, инициатива в общении, способность к творческому подходу в общении, отсутствие излишней конформности [1; 6].

Исключительную специфичность у подростков имеют две разные системы взаимоотношений: со взрослыми и со сверстниками. Содержательно и регуляторно, эти системы выполняют одну и ту же общую социализирующую функцию. Однако, если отношения со взрослыми, все также, как и в детстве, остаются неравноправными, то отношения со сверстниками носят все более партнерский характер и управляются нормами равноправия. Таким образом, получая большее удовлетворение своих интересов и потребностей при общении с товарищами, подросток начинает больше времени проводить в кругу сверстников, что провоцирует значительный сдвиг от зависимости к независимости и позволяет перейти на самостоятельный путь дальнейшего развития личности, отдаляясь от семьи и школы. Общение с взрослыми перестает решать вопросы подростка, а вмешательство с их стороны вызывает протест и обиду. Учебная деятельность, как основной вид деятельности теряет свое ведущее психологическое значение и выступает преимущественно как необходимость приобретения знаний для профессионального продвижения или лишь для избегания наказаний. В этот период, часто, отмечается снижение успеваемости и формирование новых учебных интересов. Начиная с этого периода, спонтанное самовоспитание и самосовершенствование личности приобретает все большее значение, которые в юношестве становятся главными средствами ее развития [6].

Фундаментом взаимодействия в общении подростка с родителями, учителями и другими взрослыми становится эпатажная демонстрация

чувства взрослости, которое проявляется как яркое сопротивление по отношению к требованиям, которые ранее выполнялись подростком, как неотъемлемая и должная часть его взаимоотношений с взрослыми, а также отстаивание своих прав на самостоятельность [5].

Психолого-педагогические исследования показали, что мотивами межличностных взаимоотношений подростков в кругу сверстников являются: у младших подростков – желание находиться в окружении сверстников; у средних подростков – желание занять свое место в коллективе; у старших подростков – стремление к независимой позиции и признанию своей личности, как ценной. Следует отметить, что коммуникативное взаимодействие среди одноклассников у старших подростков разных полов начинает приобретать интенсивность и регулярность в микрогруппах. Общение подростков с представителями противоположного пола, в сравнении с представителями своего пола, начинает происходить во все более доверительной форме, хотя еще и на приятельском уровне. Но здесь отмечается большое разнообразие: какая-то часть подростков начинает активное взаимодействие с представителями противоположного пола, а другая часть подростков, все еще сторонится и избегает контактов с «противоположным полом». Причины этих особенностей разнообразны, и могут лежать, как в отсутствии интереса, так и в ощущении неуверенности в себе или в недостатке активности [4].

Таким образом, существенные особенности межличностной коммуникации подростков в школе могут заключаться в следующем:

- в ситуации образовательной среды доминирующими видами межличностных взаимодействий и общения у подростков выступают взаимодействие с учителями и одноклассниками. Общение с учителями опосредовано общественно значимой характеристикой – школьной отметкой;

- у подростков появляется стремление перевести взаимодействие с учителем в личную сферу, а не довольствоваться только деловой и функциональной коммуникацией, что приводит к повышению требований подростков к профессиональным и личностным качествам педагога, к его готовности перейти на новый уровень общения с учащимися, обеспечивающий независимость ребенка, уважительное отношение к его правам, к потребности в самоутверждении;

- являясь авторитетом для подростков, суждения учителя в значительной степени влияют на формирование, как самооценки подростка, так и его оценки одноклассниками и одноклассников; а также имеют влияние на уровень развития взаимоотношений подростков;

- с одноклассниками у подростков общение строится на основе дружеских взаимоотношений; они склонны объединяться в малые группы, при этом подросткам в общении с одноклассниками важна взаимность в отношениях;

- в подростковом возрасте потребности в общении детерминированы наиболее важными аспектами развития: самореализацией и самовыражением, самоутверждением и соперничеством, эмоциональной разрядке пубертата, потребностью в близости и в принадлежности группе, потребностью в новизне и расширении компетентности, потребностью в освоении управленческих ролей и апробации влияния на других;

- типичными трудностями и проблемами межличностного общения подростка в школе могут быть определены: содержательные («о чем говорить с другими»), инструментальные («как говорить с другими») и рефлексивные трудности («как понять правильно ли я веду себя с другими»).

- психологическими механизмами совладания подростка с коммуникативными трудностями выступают социальное сравнение, элементы самоанализа своих коммуникативных действий, преодоление личностных помех эффективности в общении, усвоение коммуникативных правил и навыков, способность к творческой переработке опыта и снижение конформности.

С целью выявить и охарактеризовать психологические трудности подростков в ситуации межличностного общения в образовательной среде, было проведено эмпирическое исследование. Выборку исследования составили учащиеся 6 классов: 30 школьников, среди которых было 15 мальчиков и 15 девочек. Средний возраст участников 13 лет. В исследовании были применены следующие методики [3, 7]: методика «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» (А.Г. Самохвалова); методика оценки уровня общительности (В.Ф. Ряховский); методика исследования уровня эмпатийных тенденций (И.М. Юсупов); тест социального самоконтроля Снайдера, SMS (адаптация Н.В. Амяга, Д.Я. Райгородский).

Показатели взаимосвязи между трудностями общения подростков в школе и личностными особенностями подростков, вычислялись с помощью непараметрического коэффициента ранговой корреляции Спирмена (расчеты проводились с использованием программы SPSS). Результаты анализа взаимосвязи трудностей общения подростков с их личностными особенностями приведены в Таблице 1.

Таблица 1

Выраженность коммуникативных трудностей подростков в школе и вне школы

Показатели коммуникативных трудностей	Показатели коммуникативных трудностей			
	базовые	содержательные	Инструментальные	Рефлексивные
Вне школы	24,70	27,40	28,60	27,80
В школе	15,30	11,20	14,70	24,50

Базовые, содержательные и инструментальные коммуникативные трудности у подростков чаще проявляются вне школы при общении с родителями и сверстниками. Это объясняется, вероятно, тем, что при общении с родителями и друзьями подростки более эмоционально включены в общение, для них важнее, как их оценивают и воспринимают родители и друзья, чем учителя и одноклассники в школе, где данные коммуникативные трудности проявляются у подростков редко, вероятно, потому что в образовательной среде общение с учителями и одноклассниками более формализовано, чем вне школы.

Рефлексивные коммуникативные трудности у подростков нашей выборки выражены на высоком уровне как вне школы, так и в школе. Это, вероятно, указывает на чрезмерную склонность подростков оценивать и анализировать собственные коммуникативные действия с точки зрения их эффективности и благоприятности (желание сформировать позитивный образ «отраженного Я» в общении), а также их направленностью на коррекцию неэффективных коммуникативных действий (создание образа «Я-идеального»).

В ракурсе особенностей подросткового возраста и проявляемой ими активности выступили и выявленные показатели личностно-коммуникативных особенностей подростков (табл. 2).

Таблица 2

Самооценка личностно-коммуникативных особенностей подростков

Личностно-коммуникативные особенности подростков	Уровни выраженности личностных особенностей (показатели в %)		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Общительность (по методике В.Ф. Ряховского)	20%	60%	20%
Эмпатийные тенденции (по методике И. М. Юсупова)	10%	60%	30%
Социальный самоконтроль (по методике SMS, в адаптации Н. В. Амяга)	20%	50%	30%

По результатам исследования выявлено, что у большей части подростков коммуникативные способности находятся на уровне нормы: развиты такие качества, как любознательность, уверенность, любопытство, терпеливость в общении, способность отстаивать свою точку зрения без вспыльчивости.

Подростки склонны судить о других по их поступкам, а не доверять своим личным впечатлениям. В тоже время диагностика уровня самоконтроля показала, что у большинства подростков присутствует средний уровень самоконтроля, что характеризует их, как искренних, но не сдержанных в своих эмоциональных проявлениях, не считающихся в своем поведении с окружающими людьми.

Нами проведен корреляционный анализ взаимосвязи коммуникативных трудностей подростков в школе и вне школы с их личностными особенностями (табл. 3).

Таблица 3

Корреляции показателей коммуникативных трудностей подростков в школе и вне школы с их личностными особенностями подростков

Показатели коммуникативных трудностей	базовые		содержательные		инструментальные		рефлексивные	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Показатели личностных особенностей								
Уровень коммуникативных способностей	-0,75*	-0,75*					-0,77*	-0,77*
Уровень эмпатийных способностей	-0,67*	-0,67*		-0,69*		-0,59*	-0,59*	-0,59*
Уровень самоконтроля	-0,54*	-0,54*	-0,65*		-0,69*			

Примечание: * - корреляции статистически достоверны ($p \leq 0,05$)

1 – в школе; 2 – вне школы

По результатам исследования выявлено, что между показателями коммуникативных трудностей подростков в школе и вне школы и показателями личностных особенностей существуют следующие взаимосвязи:

- существует отрицательная взаимосвязь базовых коммуникативных трудностей и личностных особенностей подростков: чем более выражены у подростков базовые коммуникативные трудности вне школы с родителями и сверстниками, тем в меньшей степени у них развиты самоконтроль, коммуникативные и эмпатийные способности. Базовые коммуникативные трудности включают в себя коммуникативные особенности подростков, недостаток которых препятствует эффективному решению трудных задач в общении;

- выявлена отрицательная взаимосвязь рефлексивных коммуникативных трудностей и показателей коммуникативных и эмпатийных способностей, причем развитые коммуникативные и эмпатийные способности снижают выраженность рефлексивных коммуникативных трудностей. Так как рефлексивные коммуникативные трудности препятствуют адекватному анализу и оцениванию подростком собственных коммуникативных действий посредством возникающих трудностей понимания своих чувств и последствий собственных коммуникативных действий; неспособности дать адекватную оценку своим действиям; неспособности признавать свои ошибки в общении; трудности понимания намерений и ожиданий партнера; страх использования новых способов общения;

- развитый самоконтроль подростка выступает препятствием проявлению содержательных и инструментальных коммуникативных трудностей в школе: появляется возможность, в общении с учителями и одноклассниками сдерживаться и контролировать себя. С родителями и сверстниками, а также людьми, которых знают лучше и более эмоционально вовлечены в общение с ними, подростки проявляют себя более эмпатично.

В заключении отметим, что несмотря на то, что исследование психологических трудностей общения подростков в школе и вне школы показало, что коммуникативные трудности у подростков чаще проявлены вне школы при общении с родителями и сверстниками, трудности общения подростков в образовательной среде имеет менее выраженное проявление, но не исключает его.

Исходя из понимания, что образование выступает фактором формирования культуры и социализации личности, именно опора на специфику и механизмы формирования межличностной коммуникации школьников в образовательной среде позволит формировать качественный контекст взаимодействия учителя с учениками, учеников между собой, и осуществлять корректирующее обучение подростков эффективному взаимодействию, основанному на принципах этики и сотрудничества. Это позволит снизить остроту напряженности, спровоцированной, с одной стороны, объективной ситуацией развития подростков (протекание пубертата, многоаспектность возрастных задач, преодоление внутренних противоречий развития), а с другой стороны, особенностями коммуникации в условиях расширения дистанционного обучения в условиях ковид-ограничений. В свете событийного ряда последнего времени (лето-осень 2021 года), связанного с участившимися трагическими случаями масс-шутинга (массовых расстрелов) в образовательных организациях, проблема изучения и корректирующего формирования межличностного общения подростков в школе, выходит на одну из первых позиций в психолого-педагогическом направлении науки и практики.

Список литературы:

1. Болтунова А.И. Особенности межличностного общения среди подростков // Молодой ученый. 2014. № 1 (60). С. 492-494.
2. Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
3. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 2011 С. 672.
4. Розенова М.И. Ценностно-стилевые потенциалы позитивной психопедагогики у современных учителей // Психология обучения. 2018. № 4. С. 98-105.
5. Самохвалова А.Г. Коммуникативные трудности ребенка: проблемы, диагностика, коррекция. СПб.: Речь, 2011. С. 432.
6. Самохвалова А.Г. Психология детского затрудненного общения: онтогенетический аспект / А.Г. Самохвалова, В.И. Кашницкий // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 5–6. С. 216–222.

7. Самохвалова А.Г. Социокультурная детерминация коммуникативных трудностей современных детей и подростков// Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 55. С. 5.

8. Самохвалова А.Г., Екимчик О.А. Коммуникативные трудности подростка: исследование психометрических качеств опросника «Трудности в общении со сверстниками и взрослыми» // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60.С. 7.

References:

1. Boltunova A.I. Osobnosti mezhlchnostnogo obshcheniya sredi podrostkov // Molodojuchenyj. 2014. № 1 (60). Pp. 492-494.

2. Marcinkovskaya T.D. Problema socializacii v istoriko-geneticheskoj paradigme. M.: Smysl, 2015.

3. Rajgorodskij D. YA. Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie. – Samara: Izdatel'skij Dom «BAHRAH», 2011 P. 672.

4. Rozenova M.I. Cennostno-stilevye potencijaly pozitivnoj psihopedagogiki u sovremennyh uchitelej // Psihologiya obucheniya. 2018. № 4. Pp. 98-105.

5. Samohvalova A.G. Kommunikativnye trudnosti rebenka: problemy, diagnostika, korrekciya. SPb.: Rech', 2011. P. 432.

6. Samohvalova A.G. Psihologiya detskogo zatrudnennogo obshcheniya: ontogeneticheskij aspekt / A.G. Samohvalova, V.I. Kashnickij // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2011. Т. 17. № 5-6. Pp. 216–222.

7. Samohvalova A.G. Sociokul'turnaya determinaciya kommunikativnyh trudnostej sovremennyh detej i podrostkov // Psihologicheskie issledovaniya. 2017. Т. 10. № 55. P. 5.

8. Samohvalova A.G., Екимчик О.А. Kommunikativnye trudnosti podrostka: issledovanie psihometricheskikh kachestv oprosnika «Trudnosti v obshchenii so sverstnikami i vzroslymi» // Psihologicheskie issledovaniya. 2018. Т. 11. № 60. P. 7.

Ефимова Ольга Сергеевна

доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования МПГУ, г. Москва, Россия

кандидат психологических наук, доцент
e-mail: efimovao.s.0303@mail.ru

Efimova Olga Sergeevna

associate Professor, Department of Labor Psychology and Psychological Consulting, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

СТРАХИ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ*

FEARS OF PARTICIPANTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS WHEN USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Аннотация. Ситуация с пандемией и в связи с этим прочно вошедшие в современную жизнь цифровые технологии ставят участников образовательного процесса в ситуацию неопределенности, вызывающую тревогу и страх. В статье анализируются страхи студентов: наиболее часто испытываемые страхи; страхи, связанные с

использованием цифровых технологий; страхи за период пандемии; страхи в период пандемии, связанные с использованием цифровых продуктов. Данные страхи анализируются во взаимосвязи с уровнями ситуативной и личностной тревожностью. Делается вывод о взаимосвязи выявленных страхов с уровнями ситуативной и личностной тревожности.

*Статья написана в рамках реализации МПГУ НИР «Разработка методологических и методических основ сертификации и стандартизации цифровых продуктов для образовательной среды» в 2021 году за счет средств федерального бюджета.

Annotation. The situation with the pandemic and, in this regard, digital technologies that have become firmly established in modern life, put the participants in the educational process in a situation of uncertainty that causes anxiety and fear. The article analyzes the fears of students: the most frequently experienced fears; fears associated with the use of digital technologies; fears during the pandemic; fears during a pandemic associated with the use of digital products. These fears are analyzed in relation to the levels of situational and personal anxiety. The conclusion is made about the relationship of the revealed fears with the levels of situational and personal anxiety.

*The article was written as part of the implementation of the MPG U RESEARCH "Development of methodological and methodological foundations for certification and standardization of digital products for the educational environment" in 2021 at the expense of the federal budget.

Ключевые слова: страхи, образовательный процесс, цифровые технологии, студенты, пандемия, ситуативная тревожность, личностная тревожность.

Keywords: fears, educational process, digital technologies, students, pandemic, situational anxiety, personal anxiety.

Цифровые технологии на современном этапе прочно вошли в разные сферы жизнедеятельности человека. А возникшая в последние годы ситуация пандемии в современном мире, а в связи с ней периодический переход в сфере образования на обучение с помощью цифровых дистанционных технологий вызывает у всех участников образовательного процесса состояние неопределенности, что в свою очередь может породить различного рода страхи, а также состояние тревожности[3].

Для обеспечения безопасности образовательного процесса при использовании цифровых технологий, а также для его оптимизации важно использовать психолого-педагогическую теорию цифрового обучения. Она требует учета ряда факторов: принципы обучения с учетом цифровых технологий, методику использования в процессе обучения цифровых технологий, правильную подачу информации по различным дисциплинам с учетом цифровых продуктов, взаимодействие педагога и обучающихся при использовании цифровых технологий, сочетание теории и практики. Необходимым в процессе обучения при использовании цифровых продуктов становится и индивидуальный подход, базирующегося на учете когнитивных особенностей и состояния участников образовательного процесса. Многие проблемные вопросы использования цифровых продуктов в образовании на сегодняшний момент времени остаются открытыми [2]. Знание о страхах участников образовательного процесса при использовании цифровых технологий и, особенно, в период пандемии

позволит оптимизировать современный процесс обучения и минимизировать риски.

Рассмотрим, прежде всего, основные понятия, используемые в настоящей публикации. «Цифровые технологии» - это инструмент, который важно использовать по назначению в процессе обучения, а также способ организации современной образовательной среды. «Страх» – это эмоция или чувство, возникающие из-за ощущения опасности [8]. «Тревожность – это склонность индивида к переживанию тревоги, характеризующаяся низким порогом возникновения реакции тревоги: один из основных параметров индивидуальных различий. Определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной деятельности личности» [1; 4; 6]. Различают ситуативную тревожность (связанную с конкретной внешней ситуацией, в нашем случае это ситуация пандемии) и личностную тревожность (которая является стабильным свойством личности) [5].

В гипотетическом плане наше исследование соотояло в проверке следующих вопросов: Действительно ли цифровые технологии порождают страхи в образовательном процессе? Появились ли новые страхи у участников образовательного процесса связанные с частым использованием цифровых продуктов в период пандемии? И как связаны страхи с разными видами тревожности?

В методическом плане исследование имело цель выявления страхов у обучающихся при использовании цифровых технологий в условиях пандемии и их взаимосвязи с уровнями ситуативной и личностной тревожности у участников образовательного процесса.

Исследование проводилось на базе ряда вузов гор. Москвы. В исследовании приняли участие студенты в количестве 162 человек, причем как девушек, так и юношей, обучающихся в вузах на 2-3 курсах. Возраст испытуемых составил от 19 до 21 лет.

В качестве методов исследования выступили:

- Методика самооценки тревожности Ч.Д. Спилбергера (с адаптации Л. Ханина, оценка ситуационной и личностной тревожности) [5].

- Авторская анкета, состоящая из следующих вопросов:

1. Какие страхи Вы испытываете чаще всего? Напишите.
2. Есть ли у Вас страхи, связанные с использованием цифровых технологий? Напишите какие?
3. Изменились ли Ваши страхи за период пандемии? Если да, то напишите, пожалуйста, какие страхи появились?
4. Появились ли у Вас страхи в период пандемии, связанные с использованием цифровых продуктов? Напишите какие?

Статистический анализ проводился с помощью подсчета среднего, процентного соотношения и расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена (IBM SPSS Statistics22).

По результатам анкетирования был проанализирован ряд страхов и выделены наиболее часто встречающиеся ответы по ним, а далее выделенные страхи по каждому вопросу анкеты были сформированы в группы (табл. 1).

Таблица 1

Результаты анкетирования по выявлению страхов у студентов

Воп- росы анкеты	Часто встречающиеся ответы	Группы ответов	Чел/ %
1.	-страх не успеть, что-то сделать в жизни -страх не самореализоваться -страх ничего не добиться, не оправдать своих ожиданий -страх затеряться среди толпы -страх не иметь детей	страх не самореализоваться	24/ 15%
	-страх не встретить мужчину в жизни -страх не найти работу по профессии после окончания университета -страх темноты - крушение самолета -страх тяжело заболеть -страх, что незнакомые люди могут обидеть -страх опозориться -страх затеряться среди толпы -страх глубины (в воде), именно тёмной холодной толщи воды	страх чего-то	40/ 25%
	-страх потерять родителей и близких людей	страх потери близких	32/ 20%
	-страх будущего -страх неизвестности в будущем	страх будущего	36/ 22%
	-страх остаться одной	страх одиночества	30/ 18%
2.	-страх, что данные могут попасть в социальные сети -страх что своруют мои личные данные	страх потери личных данных	22/ 13,5 %
	-страх, что реальный мир уже перешел в виртуальный мир -страх, что мы полностью будем зависимы от телефона и сети интернет	страх зависимости от виртуального мира	34/ 21%
	-страх отправить важные документы не тому адресату по интернету -страх испортить документ -страх сделать, что то не так	страх сделать, что-то не так в компьютере	18/ 11%
	-страх, что я не получу никаких знаний, что обучение ничего мне не даст, и я не буду знать что мне делать в своей профессиональной деятельности	страх не получить знания	16(1 0%)
	-страх возможного возгорания, взрыва техники	страх от техники	15/ 9%

	-страх одиночества скорее обострился	страх одиночества	17/ 10,5 %
	-нет страхов, связанных с использованием цифровых технологий	страхов нет	40/ 25%
3.	-страх не успеть побывать в разных городах и странах	страх не найти работу	15/ 9%
	-страх неизвестности	страх неизвестности	23/ 14%
	-еще больше усилился страх не найти работу по профессии после окончания университета, потому что все работодатели в организациях смотрят на опыт работы, а из-за пандемии даже нет возможности проходить практику	страх не найти работу	18/ 11%
	-страх, что пандемия будет всегда	страх пандемии	20/ 12%
	-еще больше страха потерять близких людей	страх потери близких людей	26/ 16%
	-страх, что умрут близкие люди от ковида-19		
	-боязнь больших скоплений людей, а так же незнакомых людей, которые пытаются как-то контактировать со мной	страх скопления людей и контактов	15/ 9%
	- нет, новые страхи за период пандемии не появились	страхи не появились	45/ 29%
4.	- страх потери живого общения с друзьями	страх потери общения	18/ 11%
	-страх, что жизнь перейдет полностью в сеть		
	-страх того, что люди разучились общаться друг с другом		
	- страх, что во время лекции случайно включился микрофон	страх испортить технику	15(9 %)
	-страх, что компьютер сломается		
	-страх за своё зрение, что оно быстро портиться	страх за свое здоровье	21/ 13%
	-страх, что появятся болезни, связанные с использованием цифровых продуктов		
	- нет, новые страхи цифровых продуктов за период пандемии не появились	страхи не появились	108/ 67%

По первому вопросу: «Какие страхи Вы испытываете чаще всего?» были выделены следующие группы страхов: страх не самореализоваться, страх чего-то, страх потери близких, страх будущего, страх одиночества. Среди групп страхов наибольший массив составили «страхи чего-то»(25% или у 40 человек) и «страх будущего»(22% или у 36 студентов). Наименьший процент «страх не самореализоваться»(15% или у 24 человек).

Во второй вопрос «Есть ли у Вас страхи, связанные с использованием цифровых технологий?» - вошли следующие группы страхов с процентным распределением: «страх потери личных данных» наблюдается у 22 человек (13,5%). «Страх зависимости от виртуального мира» есть у 34 студентов (21%), «страх сделать, что-то не так в компьютере» у 18 человек, что составляет 11%, «страх не получить знания» – у 16 человек (10%), «страх от

техники» наблюдается у 15 человек (9%), «страх одиночества» – у 17 студентов (10,5%). Студентов, не имеющих страхов, связанных с цифровыми технологиями,- 40 человек и это самый больший процент (25%) из выборки.

Третий вопрос «Изменились ли Ваши страхи за период пандемии?» содержит группы страхов: страх не побывать в разных городах и странах наблюдается у 15 человек (9%), страх неизвестности наблюдается у 23 человек, что составляет 14%, страх не найти работу у 18 человек (11%), страх пандемии есть у 20 студентов и это 12%, страх потери близких людей у 26 человек(16%), страх скопления людей и контактов у 15 человек (9%), страхи не появились у 45 человек (29%).

Четвертый вопрос «Появились ли у Вас страхи в период пандемии, связанные с использованием цифровых продуктов?» отражается в группах: страх потери общения наблюдается у 18 человек (11%), страх испортить технику присутствует у 15 студентов (9%), страх за свое здоровье есть у 21 студента и это 13%. И новые страхи не появились у 108 человек (67%).

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что в нашей группе испытуемых присутствует разнообразие страхов, которые часто испытывают студенты: присутствуют страхи от цифровых технологий и страхи, которые появились за период пандемии, в том числе и при массовом использовании разных цифровых продуктов.

Исследование по методике диагностики самооценки тревожности у студентов принесло следующие результаты: ситуативная тревожность среднее значение (42) и этот результат является умеренным, а среднее значение личностной тревожности составляет 47,2, т.е. относится к высокому уровню тревожности (рис. 1).

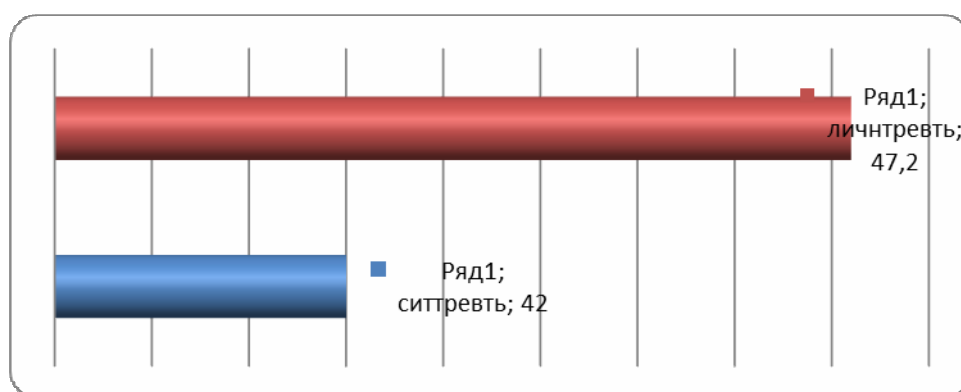

Рисунок 1. Средние значения по методике самооценки личностной и ситуативной тревожности

По данным исследования был применен коэффициент ранговой корреляции Спирмена, чтобы выявить значимые взаимосвязи страхов по анкетированию и личностной и ситуативной тревожности. Результаты корреляционного анализа отражены в Таблице 2.

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи страхов по анкетированию и по методике личностной и ситуативной тревожности у студентов

№ вопросов анкеты	группы ответов	ситуативная тревожность	личностная тревожность
1. Какие страхи Вы испытываете чаще всего? Напишите.	страх одиночества	- 0,201*	-
2. Есть ли у Вас страхи, связанные с использованием цифровых технологий? Напишите какие?	страх зависимости от виртуального мира	0,204*	0,305**
	страх сделать, что то не так в компьютере	0,519**	-
	страх не получить знания	-	0,407**
	страх одиночества	-0,351**	-
3. Изменились ли Ваши страхи за период пандемии? Если да, то напишите, пожалуйста, какие страхи появились?	страх не найти работу	0,279**	-
	страх пандемии	0,394**	0,293**
4. Появились ли у Вас страхи в период пандемии, связанные с использованием цифровых продуктов? Напишите какие?	страх потери общения	0,547**	0,415**
<i>Примечание:</i> корреляция значима на уровнях * $p < 0,05$; $p < 0,01$			

Студентами часто испытывается страх одиночества отрицательно коррелирует с показателем ситуативной тревожности ($r = -0,201$; $p < 0,05$).

Страхи, связанные с цифровыми технологиями значимо коррелируют: страх зависимости от виртуального мира и с показателем ситуативной тревожности ($r = 0,204$; $p < 0,05$) и с показателем личностной тревожности ($r = 0,305$; $p < 0,01$). Страх сделать, что то не так в компьютере положительно коррелирует с показателем ситуативной тревожности ($r = 0,519$; $p < 0,01$). Страх не получить знания положительно коррелирует с показателем личностной тревожности ($r = 0,407$; $p < 0,01$). Страх одиночества отрицательно коррелирует с показателем ситуативной тревожности ($r = -0,351$; $p < 0,01$).

Страхи за период пандемии такие, как страх не найти работу положительно коррелирует с показателем ситуативной тревожности ($r = 0,279$; $p < 0,01$). И страх пандемии положительно коррелирует с показателем ситуативной тревожности ($r = 0,394$; $p < 0,01$) и показателем личностной тревожности ($r = 0,293$; $p < 0,01$).

Страхи в период пандемии, связанные с использованием цифровых продуктов, страх потери общения положительно коррелирует с показателем

ситуативной тревожности ($r = 0,547$; $p < 0,01$) и показателем личностной тревожности ($r = 0,415$; $p < 0,01$).

Таким образом, можно отметить, что в результате проведенного корреляционного анализа была установлена связь страхов возникших за период пандемии, связанных с цифровыми технологиями и показателями ситуативной и личностной тревожности у студентов. В связи с частым использованием цифровых технологий в период пандемии в образовательном процессе, меняется и взаимодействие студентов в нем, появляется страх потери общения, который усиливает как ситуативную, так и личностную тревожность. Также обнаружена связь страхов возникших за период пандемии, это страх не найти работу и показателями ситуативной тревожности, с увеличением данного страха будет увеличиваться показатель ситуативной тревожности. Страх самой пандемии увеличивает показатели как ситуативной, так и личностной тревожности.

Выявленные взаимосвязи позволяют ориентироваться при выработке мер повышения эффективности учебного процесса, а также учитывать их при разработке коррекционно-развивающих программ для студентов.

Список литературы:

1. Алмосов С.М. Проблема тревожности в современной психологии. М.: Лаборатория Книги, 2012. 94 с.
2. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Электронный научно-публицистический журнал "Номо Cyberus". 2019. №1(6). [Электронный ресурс] Режим доступа: http://journal.nomocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019.
3. Елшанский С.П. Методологические подходы к разработке технологий повышения когнитивной эффективности обучения и снижения негативного влияния цифровизации // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2021. № 5. С. 98-107.
4. Левитов Н.Д. Психическое состояние беспокойства, тревоги // Вопросы психологии. 1969. № 1. С. 131-138.
5. Методика диагностики самооценки Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина. <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.09.2021).
6. Петровский А.В, Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. Учебник. М.: Академия, 2010. 528 с.
7. Радина Н. К., Балакина Ю. В. Вызовы образованию в условиях пандемии: обзор исследований // Вопросы образования. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-obrazovaniyu-v-usloviyah-pandemii-obzor-issledovaniy> (дата обращения: 19.10.2021).
8. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т./ авт.-сост.В. И. Даль. 2-е изд. СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1880-1882.

References:

1. Almosov S.M. Problema trevozhnosti v sovremennoj psihologii. M.: Laboratoriya Knigi, 2012. 94 p.
2. Verbickij A.A. Cifrovoe obuchenie: problemy, riski i perspektivy // Elektronnyj nauchno-publicisticheskij zhurnal "Nomo Cyberus". 2019. №1(6). [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: http://journal.nomocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019.

3. Elshanskij S.P. Metodologicheskie podhody k razrabotke tekhnologij povysheniya kognitivnoj effektivnosti obucheniya i snizheniya negativnogo vliyaniya cifrovizacii // Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psihologiya. 2021. № 5. Pp. 98-107.
4. Levitov N.D. Psihicheskoe sostoyanie bespokojstva, trevogi // Voprosy psihologii. – 1969. № 1. Pp. 131-138.
5. Metodika diagnostiki samoocenki CH.D. Spilbergera, YU.L. Hanina. <https://ru.wikipedia.org/wiki> (data obrashcheniya: 15.09.2021).
6. Petrovskij A.V., YAroshevskij M.G. Osnovy teoreticheskoy psihologii. Uchebnik. M.: Akademiya, 2010. 528 p.
7. Radina N. K., Balakina YU. V. Challenges to Education in the Context of the Pandemic: A Review of Research// Voprosy obrazovaniya. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-obrazovaniyu-v-usloviyah-pandemii-obzor-issledovaniy> (data obrashcheniya: 19.10.2021).
8. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. / avt.-sost. V. I. Dal'. 2-e izd. SPb.: Tipografiya M.O. Vol'fa, 1880 -1882.

Кирпанева Дарья Павловна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет,
г. Москва, Россия
e-mail: dashuk.chugunova@gmail.com

Daria Pavlovna Kirpaneva

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЗОПАСНОСТИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО И
ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗОВ**

**COMPARATIVE FEATURES OF SAFETY OF STUDENTS'
EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN HUMANITARIAN AND
TECHNICAL UNIVERSITIES**

Аннотация. Статья посвящена изучению психологической безопасности образовательной среды в вузе. Представлены результаты исследования критериев безопасности в образовательной среде вуза. Проведен сравнительный анализ особенностей безопасности образовательной среды в гуманитарном и техническом вузах. Проведен факторный анализ, определяющий особенности безопасности образовательной среды в одном и другом вузах.

Abstract. The article is devoted to the study of the psychological safety of the educational environment at university. The results of the study of safety criteria in the educational environment of university are presented. A comparative analysis of the safety criteria of the educational environment in humanitarian and technical universities is conducted. The conducted factor analysis determines the features of safety of the educational environment in one and the other universities.

Ключевые слова: безопасность, психологическая безопасность, образовательная среда, гуманитарный вуз, технический вуз, студенты, комфортность, защищенность, толерантность к неопределенности, социально-психологический климат.

Key words: safety, psychological safety, educational environment, humanitarian university, technical university, students, comfort, security, tolerance to uncertainty, socio-psychological climate.

Одной из проблем образования в наше время является обеспечение безопасности в учебном заведении как физической, так и психологической, причем независимо от возраста. Говоря о высших учебных заведениях, следует подчеркнуть, что психологическая безопасность образовательной среды играет важнейшую роль в формировании личности студентов, а также оказывает значимое влияние на формирование отношения к будущей профессии.

Актуальность исследования психологической безопасности субъектов образовательной среды в высшем учебном заведении связана с усилением воздействия неблагоприятных факторов внешней среды на личность, а поэтому они могут негативно отразиться на эмоциональном состоянии обучающихся. Многие студенты испытывают сложности при обучении в вузе, связанные с переездом из других городов, расставанием с семьей, встречей с новыми знакомыми и друзьями, а также с иногда вынужденным взаимодействием с другими субъектами образовательного процесса (преподаватели, администрация вуза, одногруппники/однокурсники). При этом в технических вузах сложности обучения связаны с большой учебной нагрузкой, которую необходимо выполнять с первых вузовских лет [3].

Коджаспиров А.Ю. и Коджаспирова Г.М. определяют понятие образовательной среды как пространство, в котором осуществляются процессы обучения и воспитания человека (в ее роли могут выступать этническая, религиозная, профессиональная, информационно-виртуальная, семейная среды [4].

В работах отечественных исследователей (Баева И.А., Лызь Н.А., Возжеников А.В., Шершнёв Л.И., Марчукова С.Ф) отмечается, что безопасность как безусловная значимость благополучия человека, её цена и смысл неуклонно и постоянно повышается, поскольку только при обеспечении безопасности могут быть реализованы все другие ценности [2]. Безопасность – это состояние защищенности личности от различных негативных последствий [5, 7 и др.]. Если обратиться к зарубежным исследователям (Маслоу А., Бронфенбреннер У., Б. Боулби, Д.В. Винникот, Маслоу А., Эриксон Э.), то можно отметить их общий взгляд на безопасность личности как базовую потребность человека, а развитие человека в полном объеме и с наивысшей скоростью и эффективностью, возможно только тогда, когда потребность человека в безопасности удовлетворена [1].

Для сравнения особенностей безопасности образовательной среды гуманитарного и технического вузов было проведено эмпирическое исследование на базе университетов МГППУ и НИТУ МИСиС. Выборку

исследования составили студенты 3 курса университета МГППУ, в возрасте 19-20 лет, а также студенты 2 курса университета НИТУ МИСиС, в возрасте 17-19 лет.

При проведении исследования были использован ряд методик: опросник «Психологическая защищённость, комфортность и удовлетворённость образовательной средой» В.В Ковров, Г.П. Кожухарь.; методика А.Ф. Фидлера «Оценка психологической атмосферы и межличностных отношений в коллективе»; методика «Шкала толерантности к неопределенности Маклейна» в обработке Е.Н. Осина; методика по изучению социально-психологического климата в коллективе, О.С. Михалюк и А.Ю. Шалыто. Также по полученным данным были применены критерий t-Стьюдента и такой математико-статистический метод, как факторный анализ.

Студенты из групп гуманитарного и технического вузов чувствуют достаточно высокую защищенность личности, потому что средние показатели по этой шкале расположены в континиуме от 9 до 12. Однако это не свидетельствует, что им полностью комфортно в той образовательной среде, в которой им приходится учиться и взаимодействовать, так как средние показатели по остальным шкалам находятся на недостаточном уровне. Это относится к показателям по шкалам «отношение к сложным задачам» (3,9), «предпочитание неопределенности» (4,2), «толерантность к неопределенности» (3,8), которые почти одинаковы у студентов в МГППУ и НИТУ МИСиС. Кроме того, респонденты из обеих студенческих групп отличаются низкой заинтересованностью в новом, но студенты гуманитарного вуза в этом отношении настроены немного позитивнее, чем студенты технической направленности.

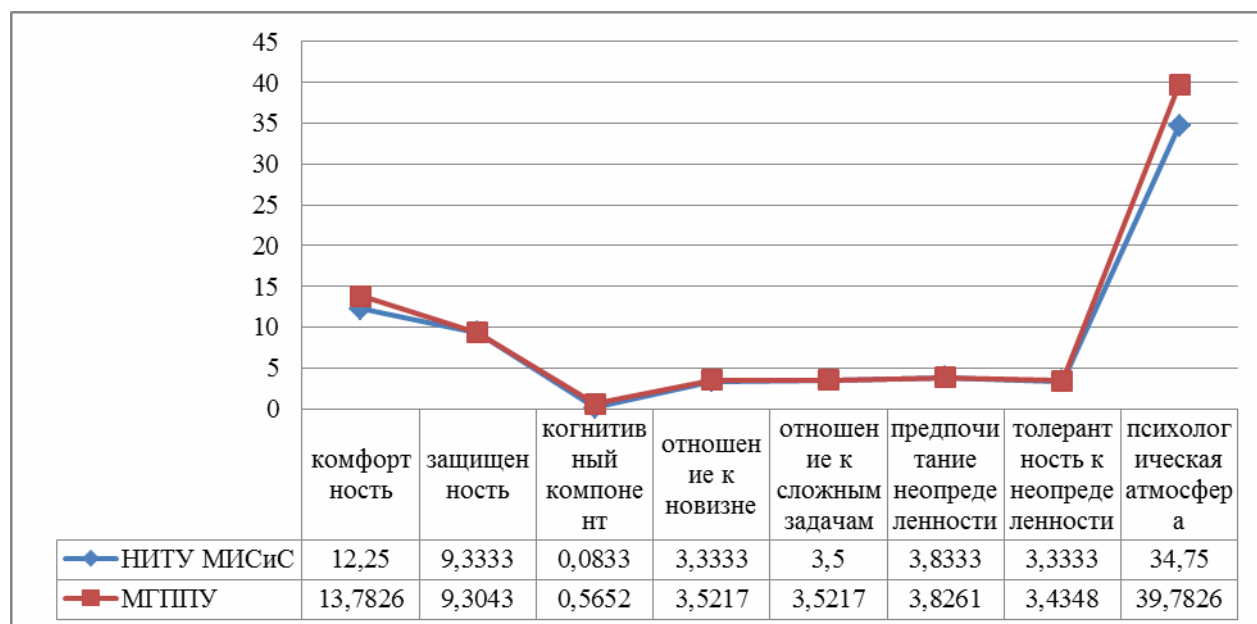

Рис. 1. Результаты сравнительного анализа критериев безопасности образовательной среды вуза

Анализ данных психодиагностики свидетельствует, что у студентов группы гуманитарного вуза среднее значение по критерию «психологическая атмосфера» (39,7) выше, чем у студентов технического университета, которое составляет (34,7), но их значения находятся в среднем диапазоне данной шкалы. Это говорит о том, что в группах могут быть и негативные ситуации, которые сказывается на психологическом состоянии отдельных обучающихся.

При сравнении социально-психологического климата групп студентов из контрастных вузов можно отметить, что он в обеих группах достаточно благоприятный, так как эмоциональная и поведенческая составляющая располагаются на положительном уровне относительно предложенной шкалы распределения средних баллов. Однако при этом когнитивный компонент в группе студентов из технического университета имеет более низкие значения. Беседы со студентами свидетельствуют, что студенты-технари чаще сталкиваются с трудностями в учебе, т.к. им тяжело даются технические дисциплины. Всё это может снижать психологическую безопасность в их образовательной среде.

На основе проведенного факторного анализа можно сделать заключение, что в наибольшей мере фактор «толерантность к неопределенности» отображает безопасность образовательной среды и в гуманитарном вузе и техническом. Фактор «эмоциональное отношение» для МГППУ и фактор «реалистичное восприятие окружающей действительности» для НИТУ МИСиС реально создают различия в безопасности образовательной среды в гуманитарном и техническом вузах.

Для обеспечения и поддержания психологической безопасности образовательной среды на должном уровне в гуманитарном и техническом вузе необходима реализация мероприятий в виде лекций, бесед, дискуссий, семинаров, круглых столов, тренингов. Их содержание должно быть направлено на избегание и погашение конфликтов, на обучение навыкам диалогической коммуникации, стратегиям конструктивного копинг-поведения и выработку толерантного отношения к неопределенным ситуациям в среде высшего учебного заведения, в том числе при реализации дистанционного обучения в период ковид-пандемии.

Список литературы:

1. Аваев В.Е. Теория мотивации А. Маслоу: классика и современность // Приоритетные направления развития науки и образования. 2016. № 2. С. 211-215.
2. Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие: учеб. пособие / под науч. ред. И.А. Баевой, С.В. Тарасова. СПб.: ЛОИРО, 2017. 265 с.
3. Иванов Д.В. Психолого-педагогические подходы к исследованию образовательной среды // Мир психологии. 2006. № 4. С. 167-174
4. Коджаспиров А.Ю., Коджаспирова Г.М. Психолого-педагогическая безопасность образовательной среды детских учреждений. Учебное пособие. М.: Издательство "Прспект", 2017.
5. Марчукова С. Ф. Психология безопасности. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. 84 с.

6. Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. СПб.: Издательский дом "Питер", 2009.

7. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.

References:

1. Avaev V.E. Teoriya motivacii A. Maslou: klassika i sovremennost' //Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya. 2016. №. 2. Pp. 211-215.

2. Bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: modelirovanie i razvitie: studies. posobie / pod nauch. ed. I.A. Baeva, S.V. Tarasova. SPb.: LOIRO, 2017. 265 p.

3. Ivanov D.V. Psihologo-pedagogicheskie podhody k issledovaniyu obrazovatel'noj sredy // Mir psihologii. 2006. №. 4. Pp. 167-174

4. Kodzhaspirov A.YU., Kodzhaspirova G.M. Psihologo-pedagogicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy detskih uchrezhdenij. Kurs lekcij. Uchebnoe posobie. M.: Izdatel'stvo "Prospekt", 2017.

5. Marchukova S. F. Psihologiya bezopasnosti. Irkutsk: Izd-vo BГУ, 2016. 84 p.

6. Maslou A. G. Motivaciya i lichnost' / per. s angl. SPb.: Izdatel'skij dom "Piter", 2009.

7. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A.V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.

Киреева Анастасия Викторовна

магистрант факультета «Экстремальная психология» МГППУ, ведущий научный сотрудник ИПЭИ РАНХиГС
кандидат юридических наук
e-mail: kireeva@iep.ru

Kireeva Anastasia Viktorovna

Master's student of the Faculty of Extreme Psychology of MSUPE
Leading Researcher of the Institute of Economics of the RANEaPA
Candidate of Legal Sciences

Воронин Иван Владимирович

магистрант факультета «Экстремальная психология» МГППУ
e-mail: drakonboll@list.ru

Voronin Ivan Vladimirovich

Master's student of the Faculty of Extreme Psychology of MSUPE

Поздняков Вячеслав Михайлович

профессор факультета «Экстремальная психология» МГППУ
доктор психологических наук, профессор
e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Pozdnyakov Vyacheslav Mikhailovich

Professor of the Faculty of Extreme Psychology of MSUPE

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВОСПРИЯТИЕ И ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ДИСТАНЦИОННОМУ ОБУЧЕНИЮ В ПЕРИОД КОВИД-ПАНДЕМИИ

ANALYSIS OF FACTORS AFFECTING STUDENTS' PERCEPTIONS AND ATTITUDES TOWARDS DISTANCE LEARNING DURING THE COVID PANDEMIC

Аннотация: восприятие и отношение студентов в период ковид-пандемического карантина к дистанционному обучению носило психодинамический характер, оказывая влияние как на их учебную активность, так и на саногенное состояние и удовлетворение потребности в безопасности личности. В рамках комплексного исследования выявлено наличие связи между отношением к дистанционному обучению и такими личностными факторами, как склонность к прокрастинации, личностная беспомощность, разные виды учебной мотивации и удовлетворение потребности в безопасности личности.

Abstract. The perception and attitude of students during the Covid pandemic quarantine to distance learning was psychodynamic in nature, influencing both their learning activity and sanogenic state and satisfaction of the need for personal safety. Within the framework of a comprehensive study, the existence of a relationship between the attitude to distance learning and such personal factors as a tendency to procrastination, personal helplessness, different types of educational motivation and satisfaction of the need for personal security was revealed.

Ключевые слова: безопасность личности; дистанционное обучение; личностная беспомощность; мотивация; онлайн-технологии в образовании; прокрастинация, саногенное состояние.

Keywords: personal security; distance learning; personal helplessness; motivation; online technologies in education; procrastination, sanogenic state.

Обучающиеся в вузах и в колледжах (далее – студенты) при вынужденном переходе из-за ковид-пандемического карантина к дистанционной форме предоставления образовательных услуг продемонстрировали разноплановые затруднения. Об этом свидетельствуют данные проведенного нами комплексного исследования среди студентов в ряде учебных заведений: Национальный исследовательский университет Московский физико-технический университет (МФТИ), ГБПОУ «Колледж связи №54 имени П.М. Вострухина», а также ГБПОУ «Колледж информатики и программирования ФГБОУ ВО при Правительстве Российской Федерации».

Выбор методического инструментария предопределялся целью исследования – изучить отношение студентов к дистанционному образованию, а также выявить его восприятие как постоянной составляющей учебного процесса в зависимости от особенностей личности. В качестве гипотезы исследования выступило предположение, что дистанционное обучение может восприниматься студентами как увеличение личной свободы, но при сокращении межличностных коммуникаций и

формализованности в учебном процессе с преимущественной ориентацией на своевременное исполнение множества заданий, заменяющих диалогичное общение, у обучающихся может снижаться мотивация к учебе и развиваться склонность к прокрастинации и чувство личностной беспомощности, влияющие на снижение удовлетворенности потребности в психологической безопасности личности.

В качестве предметно-научных ориентиров исследования и интерпретации его результатов выступили труды ряда ученых: В.Н. Мясищева, исследовавшего психологию отношений; М. Селигмана, Д. Хирото, Х. Хекхаузена, исследовавших влияние когнитивных самооценок человека на регуляцию поведения; Д.А.Циринг, В.В. Шиповской, изучавших феномены личностной беспомощности и прокрастинации; И.А. Баевой, И.О. Воли, О.И. Ерёминой, О.Ю. Зотовой, О.Н. Истратовой, Т.И. Колесниковой, Л.Д. Лебедевой, Н.А. Лызь, С.Ю. Малеевой, О.В. Сучковой, Е.Н. Чесноковой и др., исследовавших проблематику психологической безопасности личности.

Из-за отсутствия апробированного инструментария для опроса студентов, направленного на изучение восприятия и отношение к дистанционному обучению, вопросы в авторскую анкету подбирались с учетом имевшихся ранее исследований (в частности, проведенных сотрудниками научных лабораторий ВШЭ, МГППУ и РАНХиГС), а также с опорой на публикации отечественных психологов, изучавших особенности вовлечения обучающихся в интернет-коммуникацию (в частности, на основе методик «Активность личности в виртуальной социальной сети» (Е.И. Богомолова), «Шкалы интернет-зависимости Чена» (CIAS) и ряда др.).

В проведенном анкетировании среди студентов приняло участие 300 респондентов (218 полученных анкет имели полный материал по ответам). Кроме того, были применены опросник «Методика для диагностики учебной мотивации студентов» (А.А. Реан, В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой) [1], «Шкала прокрастинации для студентов» (С. Lay) [5]; опросник «Беспомощность» (В.В. Шиповская) [6]; экспресс-опросник «Оценка удовлетворенности личности в потребности безопасности» (О.Ю. Зотова) [3].

В рамках анкетирования установлено, что восприятие дистанционной формы обучения и конкретных затруднений было специфическим для студентов на конкретных этапах - адаптации к новым образовательным условиям и последующего доминирования данной формы в учебном процессе образовательных учреждений.

На первоначальном этапе адаптации (март-апрель 2020 г.) проявились прежде всего организационно-техническая и психологическая неготовность участников образовательного процесса к применению дистанционных образовательных технологий. Первый вид неготовности был связан с тем, что не было должного технического оснащения и сетевой надежности в подключении и реализации учебной деятельности. Сказывалась и

методическая неподготовленность участников образовательного процесса, причем не только среди студентов, но и преподавателей. Поэтому форсированный переход из-за ковид-пандемии к дистанционной форме обучения создал повышенный стресс для большинства участников образовательного процесса.

На этапе развития овладения навыками дистанционного обучения (май-июнь 2020 г.) возросли как готовность учреждений образования к надежной реализации дистанционной формы обучения, так и менее стрессогенным стало ее восприятие самими студентами. По результатам анкетирования 44% опрошенных не возражали против продолжения обучения в полностью дистанционном режиме, а 69% опрошенных высказались за гибридную форму образования в будущем, предполагающую частично дистанционное и частично очное проведение занятий. В гендерном аспекте полученные данные свидетельствовали, что юноши оценили переход на дистанционную форму обучения выше, чем девушки. В большей мере это было присуще обучающимся в колледжах.

На этапе дальнейшего вынужденного участия в дистанционной форме обучения (сентябрь 2020 г. - июнь 2021 г.) сохранилась тенденция позитивного восприятия студентами дистанционного обучения, причем рост опытности в дистанте и его позитивной оценки у респондентов юношей также был выше, чем у опрошенных девушек. Однако, переход к дистанционной форме обучения воспринимался студентами вузов значительно хуже, чем учащимися колледжей. Это обусловлено, на наш взгляд, уровнем учебной нагрузки с увеличением курса обучения в МФТИ – одном из ведущих научно-исследовательских университетов страны, где он существенно выше, чем в рамках более адаптированного для обучающихся учебного плана в колледжах.

Анализ ответов на вопросы анкеты, связанные с удовлетворенностью обучающихся качеством дистанционного образования и его влиянием на их успеваемость, показал, что у многих респондентов произошла адаптация, а первоначальный повышенный стресс, вызванный неподготовленностью к переходу к дистанционному образованию в качестве основной формы обучения, в целом преодолен. Об этом свидетельствовали следующие данные: 61 % опрошенных отметили, что учиться стало проще; 78 % опрошенных не имеют серьезных претензий к качеству консультирования со стороны преподавательского состава; 62 % опрошенных в целом удовлетворены организацией процесса дистанционного образования. При этом выявлена прямая корреляция между качеством консультаций, технической поддержки и удовлетворенностью обучающихся процессом дистанционного образования. Выявленный факт, что 87% респондентов оценили свою психологическую готовность к учебе в дистанционном режиме как достаточную, представляется во многом связан с компьютерной грамотностью обследованной нами категории студентов и благоприятными

условиями реализации онлайн-технологий в их образовательных учреждениях.

У обучающихся, которые оценили, что в условиях доминирования дистанта учиться стало сложнее, выявлены специфичные проявления личности: сохраняется повышенная тревожность из-за возможного снижения успеваемости, доминируют мотив избегания, потребность в предсказуемости событий, надежда на списывание решений у сокурсников для своевременного выполнения заданий.

Полученные в анкетировании контрастные различия по восприятию и отношению студентов к дистанционной форме обучения могут быть объяснены данными психодиагностического обследования с учетом дифференциации обследованных по полу и возрасту. Выявленный более низкий уровень позитивности отношения к дистанционному обучению, проявляемый девушками, по сравнению с юношами, может быть связан с особенностями у них мотивации: у девушек профессиональный мотив был выражен слабее, нежели, чем у юношей. Однако особо отметим, что несмотря на произошедшее у обучающихся из-за дистанционного формата обучения усиление разобщенности обучающихся, ведущим для обеих по полу, но разных по возрасту выборок, остался коммуникативный мотив. Это связано, на наш взгляд, с возрастными особенностями нашей выборки.

Более негативное восприятие дистанционного формата обучения у девушек, чем у юношей, а также у учащихся колледжей, чем у студентов вузов, представляется, связано с тем, что у указанных категорий обследованных имеется более высокий уровень проявления таких интегральных характеристик личности, как прокрастинация и личностная беспомощность.

Проведенный корреляционный анализ по данным психодиагностических методик показал, что имеется прямая связь между чувством личностной беспомощности и негативным отношением к дистанционному образованию: лица, склонные к чувству личностной беспомощности, лишившись внешней поддержки в освоении новых образовательных технологий, оказались в большей степени склонными испытывать негативные ощущения, нежели студенты и студентки, имеющие более высокий уровень психологической самостоятельности. Кроме того, установлена связь между личностной беспомощностью и уровнем прокрастинации: в большинстве случаев, обе проблемы оказались свойственны одним и тем же людям. В итоге наблюдается взаимосвязь склонности к прокрастинации с пониженным уровнем профессиональных мотивов ($r = -0,257$), мотивов творческой самореализации ($r = -0,293$), а также учебно-познавательных мотивов ($r = -0,227$).

Саногенное состояние у обследованных респондентов при дистанционной форме обучения изменилось не очень значительно. По субъективным ощущениям студентов, отраженным в анкетировании, в большей мере оно ухудшилось у девушек вуза: выявлена связь между

чувством личностной беспомощности и негативным отношением к дистанту ($r = 0,239$) и жалобами на состояние здоровья ($r = 0,204$). Это связано, по мнению опрошенных, с тем, что из-за роста самостоятельной работы и краткости времени на ее выполнение проявился недостаток времени для прогулок и физических упражнений (занятий фитнесом, спортом), а также у некоторых респондентов возросла обеспокоенность из-за возможности набора лишнего веса. Выявленные нами причины беспокойств у студентов саногенного характера коррелирует с данными исследований, проведенных в 2021 г. учеными из МГППУ (под руководством профессора Т.Н.Березиной [2]) и из ряда других вузов [4]. Было также установлено, что лица, работающие и обучающиеся в дистанционном формате, оценивают свое саногенное состояние несколько лучше, нежели оно имеет место в реальности только у обучающихся лиц.

В проведенном исследовании также выявлено, что существует связь между отношением студентов к дистанционному обучению и снижением удовлетворенности потребности в психологической безопасности личности: чем большую тревожность и ухудшение самочувствия вызвал переход к повседневному дистанционному обучению, тем выше потребность в безопасности личности.

Изложенное позволяет резюмировать, что между отношением к дистанционному обучению и самочувствием студентов вузов и учащихся колледжей, а также наличием у них склонности к прокрастинации и чувства личностной беспомощности существует прямая связь. Чем более выражены чувство личностной беспомощности и склонность к прокрастинации, тем более вероятным оказывается негативное отношение к дистанционной форме обучения и ниже удовлетворенность психологической безопасности личности. В связи с этим возникает необходимость усиления индивидуального подхода к обучающимся в образовательном процессе. При этом дальнейшие перспективы в исследованиях определяются важностью изучения ресурсов психологической безопасности личности у студентов разных сфер предстоящей профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. Улан-Удэ, 2004. С.151-154
2. Березина Т.Н., Рыбцов С.А. Влияние карантина на показатели биопсихологического возраста в России (лонгитюдное исследование) // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 57-69.
3. Зотова О.Ю. Безопасность личности как социально-психологический феномен. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. 337 с.
4. Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И., Пучкова Е.Б., Темнова Л.В. Студенты в период пандемии COVID 19: понимание ситуации самоизоляции // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 196-205.
5. Полевая М.В. Прокрастинация и социальная ответственность личности // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/08/71053> (дата обращения: 20.06.2020).

6. Шиповская В.В. Личностная беспомощность: особенности проявления в сложных ситуациях: Диссертация ... канд. психол. наук: 19.00.01. Краснодар, 2009. 199 с.

References

1. Badmaeva N.T. The influence of the motivational factor on the development of mental abilities: Monograph. Ulan-Ude, 2004. Pp.151-154
2. Berezina T.N., Rybtsov S.A. The influence of quarantine on the indicators of biopsychological age in Russia (longitudinal research) // Modern foreign psychology. 2021. Т. 10. № 1. Pp. 57-69.
3. Zotova O.Y. Personal security as a socio-psychological phenomenon. Ekaterinburg: Humanities University, 2011. 337 p.
4. Sorokoumova E.A., Cherdymova E.I., Puchkova E.B., Temnova L.V. Students during the COVID 19 pandemic: understanding the situation of self-isolation // Scientific Review. Episode 1. Economics and Law. 2020. № 3. Pp. 196-205.
5. Polevaya M.V. Procrastination and social responsibility of the individual // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2016. No 8 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/08/71053> (date of access: 20.06.2020).
6. Shipovskaya V.V. Personal helplessness: features of manifestation in difficult situations: Dissertation ... cand. psychol. nauk: 19.00.01. Krasnodar, 2009. 199 p.

Кисляков Павел Александрович,

профессор, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия
доктор психологических наук, доцент,
e-mail: pack.81@mail.ru

Kislyakov Pavel Aleksandrovich,

Professor, Russian State Social University,
Moscow, Russia

Doctor of Psychological Sciences, Associate

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-2019

FEATURES OF INFORMATION PERCEPTION AND INFORMATION BEHAVIOR OF STUDENTS DURING THE COVID-2019 PANDEMIC

Аннотация. В статье рассматривается проблема психологического благополучия, информационных потребностей и поведения студенческой молодежи в период пандемии COVID-2019. На основании результатов эмпирического исследования делается вывод о необходимости реализации психологического сопровождения студентов с учетом региональной специфики, гендерных особенностей, а также информационных потребностей, обусловленных информационным поведением.

Abstract. The article deals with the problem of psychological well-being, information needs and behavior of students during the COVID-2019 pandemic. Based on the results of an empirical study, it is concluded that it is necessary to implement psychological support for students taking into account regional specifics, gender characteristics, as well as information needs caused by information behavior.

Ключевые слова: информационное поведение, молодежь, психологическая устойчивость, инфодемия, пандемия COVID-2019.

Key words: informational behavior, youth, psychological stability, info media, pandemic COVID-2019.

Социальная самоизоляция в период пандемии COVID-19 во всем мире обусловила необходимость широкого использования цифровых и информационно-коммуникативных технологий с целью поддержания активного взаимодействия, реализации образовательной, общественной, досуговой и профессиональной деятельности. Проблема личности не только в том, чтобы изменить образ жизни в сложившейся ситуации, но в том, чтобы сохранить психологическую устойчивость и мировоззренческие ценности. Проведенные исследования показали, что обилие неоднозначной и неточной информации во время пандемии COVID-19 привело к информационному стрессу и усилению беспокойства людей о своем здоровье (киберхондрии) [3].

Восприятие пандемии в условиях информационного стресса имеет большое психологическое значение, как усиливая тревогу и опасения людей, так и выступая в качестве основного фактора выполнения превентивных мер [2; 5; 7]. Недавние исследования, проведенные в Китае, Бангладеш, Франции, показали, что у студентов, находящихся в период пандемии COVID-19 в условиях самоизоляции, наблюдались такие психологические проблемы, как тревога, депрессия, посттравматическое стрессовое расстройство (от 8 до 65 процентов в разных странах) [6; 8].

Важно понимать, как информационный стресс влияет на восприятие риска и поведенческую динамику и какие способы совладания (психологической устойчивости) выбирает студенческая молодежь в условиях пандемической угрозы и социальной депривации.

Цель нашего исследования состояла в изучении особенностей восприятия информации и поведения студенческой молодежи в период пандемии COVID-19. Выборку составили 218 студентов г. Москвы и г. Иваново в возрасте от 18 до 26 лет ($M=19,5$) (33% мужчины, 67% женщины).

Для проведения исследования использовалась специально разработанная анкета. Респондентам предлагалось оценить степень согласия с утверждениями по 5-тибальной шкале Лайкерта (от 1 – совершенно не согласен, до 5 – полностью согласен). Первая часть анкеты (пункты 1-11) направлена на оценку восприятия угрозы пандемии; вторая часть анкеты (пункты 12-17) оценивала степень интереса к информации, связанной с пандемией COVID-19. Результаты диагностики представлены в Таблице 1.

Исследование показало, что большинство студентов демонстрируют конструктивное (адаптивное) информационное поведение в период пандемии COVID-19: считают себя информированными о пандемии и способах борьбы с ней (77,4%) и стараются быть в курсе новостей о

развитии пандемии (66,4%), высказываются за пресечение распространения неофициальной информации (58,1%), не интересуются ей (46,4%) и не пересылают ее своим близким и знакомым (63,2%), осознают опасность пандемии для человечества (54,8%) и переживают за своих близких (70,3%), интересуются медицинской информацией (62,6%), статистикой распространения (65,8%) и ограничительными мерами в период пандемии (65,9%). Вместе с тем, от 27 до 54 процентов респондентов по указанным показателям демонстрируют деструктивное (неадаптивное) информационное поведение.

Таблица 1

Особенности восприятия информации и информационного поведения студенческой молодежи в период пандемии COVID-19

Пункты анкеты	Среднее	Среднекв. откл.
1. Я считаю себя информированным о пандемии COVID-19 и способах борьбы с ней	4,0	1,0
2. Пандемия COVID-19 представляет огромную опасность для человечества	3,4	1,1
3. Когда я задумываюсь о последствиях пандемии COVID-19, мне становится страшно	2,9	1,2
4. Меня очень тревожат новости об эпидемиологической угрозе COVID-19	3,0	1,1
5. Я очень переживаю за своих близких в связи с новостями о распространении пандемии	3,8	1,1
6. Шумиха в СМИ по поводу COVID-19 используется для отвлечения внимания общества от более важных проблем	3,1	1,2
7. Я не доверяю прогнозам распространения пандемии COVID-19, которые публикуются в СМИ	3,1	1,2
8. Чтобы не допустить паники, нужно пресекать распространение новостей, отличающихся от официальных сообщений штаба по борьбе с пандемией в РФ и рекомендаций ВОЗ	3,6	1,2
9. Нагнетание тревоги в СМИ по поводу глобальных катастроф только мешает поиску путей их предотвращения	3,4	1,1
10. Я стараюсь быть в курсе новостей о развитии пандемии	3,7	1,1
11. Я пересылаю своим близким и знакомым любую интересную информацию о COVID-19, даже если не уверен в ее правдивости	2,2	1,2
12. Интерес к информации: медицинская информация (пути заражения, вакцина, способы защиты и пр.)	3,6	1,1
13. Интерес к информации: статистика распространения (в мире, в России, в городе)	3,6	1,1
14. Интерес к информации: об ограничительных мерах, применимых государством (режим самоизоляции, штрафы, электронный пропуск и пр.)	3,6	1,1
15. Интерес к информации: о том, как организовать жизнь в условиях самоизоляции (учеба, досуг, дополнительное образование, забота о психическом здоровье и пр.)	3,3	1,2
16. Интерес к информации: экономическая информация	3,2	1,2

(падение доходов, инфляция и пр.)		
17. Интерес к информации: неофициальная информация, разоблачающая истинные причины и последствия пандемии COVID-19 (заговор фармакологических компаний, биологические войны, заговор глобалистов, тотальная слежка за населением, экономический кризис и пр.)	2,6	1,3

С целью изучения влияния переменных «пол» и «регион проживания» на особенности информационного поведения студенческой молодежи в условиях пандемии COVID-19 нами было проведено сравнение соответствующих групп с использованием критерия U-Манна-Уитни.

Проведенные расчеты показали, что женщины в большей степени, по сравнению с мужчинами, испытывают страх, когда задумываются о последствиях пандемии COVID-19 ($U = 1719, p < 0,001$), их в большей степени тревожат новости об эпидемиологической угрозе COVID-19 ($U = 2082,5, p = 0,039$), а также они в большей степени считают важным пресечение распространение неофициальной информации о COVID-19 ($U = 1788,5, p = 0,001$); их в большей степени интересует информация об ограничительных мерах, применяемых государством ($U = 2114,5, p = 0,046$). Полученные данные согласуются с тем, что у женщин, по сравнению с мужчинами, более выражена потребность в безопасности [1].

Восприятие риска является социокультурным феноменом: на него влияет структура взаимодействия между людьми и возникающее в результате мировоззрение [4]. В провинциальном городе люди более включены в межличностные отношения, они в большей степени идентифицируют себя с социально-территориальной общностью и демонстрируют просоциальное поведение. В связи с этим студенты ивановских вузов в большей степени по сравнению с московскими студентами переживают за своих близких в связи с новостями о распространении пандемии ($U = 2301,5, p = 0,05$); их больше тревожат новости об эпидемиологической угрозе COVID-19 ($U = 2267,5, p = 0,035$); они считают что нагнетание тревоги в СМИ по поводу глобальных катастроф только мешает поиску путей их предотвращения ($U = 2275, p = 0,039$); они в большей степени стараются быть в курсе новостей о развитии пандемии ($U = 2067,5, p = 0,003$) и пересылают своим близким и знакомым значимую информацию о COVID-19 ($U = 2222,5, p = 0,022$); их в большей степени интересует неофициальная информация, разоблачающая истинные причины и последствия пандемии COVID-19 (слухи) ($U = 2282,5, p = 0,043$).

Таким образом, информационное поведение студенческой молодежи, обусловленное интенсивным включением в дистанционное образование и виртуальную коммуникационную среду в период пандемии COVID-19, требует выработки конструктивных способов совладания и медиаграмотности. В реализации психологического сопровождения студентов необходимо учитывать региональную специфику, гендерные

особенности, а также информационные потребности, обусловленные информационным поведением.

*Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (№МД-83.2020.6).

Список литературы:

1. Зотова О.Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. №4. С. 84-91.
2. Кубрак Т.А., Латынов В.В. Информационная политика в кризисных ситуациях: формирование контента и управление коммуникациями. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/t-a-kubrak-v-v-latinov-informaci.html (дата обращения 20.07.2020)
3. Farooq A., Laato S., Islam A.K.M.N. Impact of online information on self-isolation intention during the COVID-19 pandemic: cross-sectional study // Journal of Medical Internet Research, 2020, vol. 22 (5), Pp.19-28.
4. Gore M.L., Wilson R.S., Siemer W.F., Wieczorek, Hudenko H., Clarke C.E., Sol Hart P., Maguire L.A., Muter B.A. Application of risk concepts to wildlife management: special issue introduction // Human Dimensions of Wildlife, 2009, vol. 14(5), pp. 301-313.
5. Ho C.S., Chee C.Y., Ho R.C. Mental Health Strategies to Combat the Psychological Impact of COVID-19 Beyond Paranoia and Panic // Annals of the Academy of Medicine, Singapore. 2020, vol. 49(1), Pp. 1-3.
6. Husky M.M., Kovess-Masfety V., Swendsen J.D. Stress and anxiety among university students in France during Covid-19 mandatory confinement // Comprehensive Psychiatry. 2020, vol. 102.Pp. 152-191.
7. Khan A.H., Sultana M.S. Hossain S., Hasan M.T., Ahmed H.U., Sikder M.T. The impact of COVID-19 pandemic on mental health & wellbeing among home-quarantined Bangladeshi students: A cross-sectional pilot study // Journal of Affective Disorders, 2020, vol. 277, Pp. 121-128.
8. Wang Z.H., Yang H.L., Yang Y.Q., et al. Prevalence of anxiety and depression symptom, and the demands for psychological knowledge and interventions in college students during COVID-19 epidemic: A large cross-sectional study // Journal of Affective Disorders, 2020, vol. 275, Pp. 188-193.

References:

1. Zotova O.YU. Potrebnost' v bezopasnosti u predstavitelej raznyh social'no-ekonomicheskikh grupp // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. 2011. №4. Pp. 84-91.
2. Kubrak T.A., Latynov V.V. Informacionnaya politika v krizisnyh situacijah: formirovanie kontenta i upravlenie kommunikacijami. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/t-a-kubrak-v-v-latinov-informaci.html (data obrashcheniya 20.07.2020)
3. Farooq A., Laato S., Islam A.K.M.N. Impact of online information on self-isolation intention during the COVID-19 pandemic: cross-sectional study // Journal of Medical Internet Research, 2020, vol. 22 (5), Pp.19-28.
4. Gore M.L., Wilson R.S., Siemer W.F., Wieczorek Hudenko H., Clarke C.E., Sol Hart P., Maguire L.A., Muter B.A. Application of risk concepts to wildlife management: special issue introduction // Human Dimensions of Wildlife, 2009, vol. 14(5), Pp. 301-313.
5. Ho C.S., Chee C.Y., Ho R.C. Mental Health Strategies to Combat the Psychological Impact of COVID-19 Beyond Paranoia and Panic // Annals of the Academy of Medicine, Singapore. 2020, vol. 49(1), Pp. 1-3.

6. Husky M.M., Kovess-Masfety V., Swendsen J.D. Stress and anxiety among university students in France during Covid-19 mandatory confinement // *Comprehensive Psychiatry*. 2020, vol. 102, 152-191.

7. Khan A.H., Sultana M.S. Hossain, S., Hasan M.T., Ahmed H.U., Sikder M.T. The impact of COVID-19 pandemic on mental health & wellbeing among home-quarantined Bangladeshi students: A cross-sectional pilot study. *Journal of Affective Disorders*, 2020, vol. 277, Pp. 121-128.

8. Wang Z.H., Yang H.L., Yang Y.Q., et al. Prevalence of anxiety and depression symptom, and the demands for psychological knowledge and interventions in college students during COVID-19 epidemic: A large cross-sectional study. *Journal of Affective Disorders*, 2020, vol. 275, Pp. 188-193.

Кошелева Светлана Николаевна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: sveta.kosheleva.94@mail.ru

Kosheleva Svetlana Nikolaevna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ИГР НА ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

ANALYSIS OF THE IMPACT OF VIRTUAL GAMES ON THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN

Аннотация: статья представляет собой обзор результатов эмпирического исследования психологической безопасности виртуальных игр для младших школьников родителями и педагогами.

Annotation: article is a review of the results of an empirical study of the psychological safety of virtual games for younger schoolchildren by parents and teachers.

Ключевые слова: виртуальные игры, психологическая безопасность, учащийся начальной школы, полимодальность, вестибулярный аппарат, агрессивные игры.

Keywords: virtual games, psychological safety, elementary school student, polymodality, vestibular apparatus, aggressive games.

Основную угрозу для развития младших школьников, представляет психологическое насилие, представленное в компьютерных играх, интернет пространстве, медиа формате. Пропаганда жестокости средствами массовой информации, виртуальным интернет-контентом является не только социальной, педагогической, но и психолого-педагогической проблемой, так как напрямую зависит от уровня и качества образовательной среды, в которой находится ребенок значительную часть своего времени.

Сегодня получили значительное распространение игры с использованием виртуальной реальности в образовательной среде [7]. К выводу о необходимости проверки психологической безопасности виртуальных игр приходят многие исследователи независимо от страны проведения опроса: Россия [1], США [11], Япония [8]. Виртуальные игры вызывают эмоции, которые переживаются ребенком с такой же силой, как и эмоции по поводу реальных объектов и событий [1], а поэтому они влияют на показатели психологической безопасности личности [2]. Возможность научения при помощи виртуальных игр возрастает тогда, когда они правильно подобраны для детей не только графикой, но и содержанием.

Йохану Хейзинги [5] принадлежит крупнейшее исследование «Человек играющий», в рамках которого раскрывается роль игры как «культурообразующего фактора во всех сферах человеческой жизни и деятельности». В век информационных технологий, стали доступны новые возможности, позволяющие массово вывести игру в образовательном процессе на новый уровень [3]. Технологии виртуальной реальности – это способ улучшить детское обучение. Виртуальные игры могут быть помощниками в обучении подрастающего поколения. При этом стоит учитывать возрастные ограничения, эмоциональную и психологическую готовность ребенка.

Р. Кайюа утверждает, что «основным мотивом к игровой деятельности является потребность в самоутверждении, желание показать себя самым лучшим». Американский исследователь Й. Солер констатирует: «Сеть - это место безопасной пробы разных ролей, позиций и возможных идентичностей; это своего рода тренажер для «Я», которое человек собирается предъявить миру» [6].

Анализ данных опросов, проведенных в разных странах, свидетельствует, что большинство пользователей среди молодежи положительно настроены к VR и понимают, что внедрение новых технологий может позволить легче объяснять сложные темы, повышать интерес у к новым знаниям, унифицировать тестирование, упростить процесс освоения новой информации. Однако критически также отмечается, что не стоит пренебрегать временными рамками, ограничивающими пребывание ребёнка в интернет – пространстве виртуальных игр.

Цель исследования - эмпирически исследовать психологическую безопасность разных видов виртуальных игр младших школьников как субъектов образовательной среды.

Среди методов исследования были избраны:

1. Анкета для экспертов.
2. Архивный метод.
3. Эмпирические методы:

Оценка безопасности игрового VR – контента такими субъектами образовательной среды как педагоги осуществлялась на основе

9 методик:

1. Методика полимодальной стимуляции испытуемого. Исследование воздействия игр на несколько органов чувств.
 2. Методика оценки влияния на систему органов равновесия. Изучения влияния игр на систему органов равновесия.
 3. Методика оценки наличия экстремальных и опасных ситуаций. Анализ игр на наличие экстремальных и/или опасных ситуаций.
 4. Методика уточнения наличия образцов асоциального, агрессивного, нездорового или девиантного поведения. Анализ игр экспертами на наличие в играх асоциального, агрессивного, нездорового и/или девиантного поведения.
 5. Методика влияния на эмоциональную сферу.
 6. Методика оценки последствий игры на испытуемого (Отдых – Утомление).
 7. Методика оценки последствий игры на испытуемого (Рассеянность – Внимательность).
 8. Методика оценки последствий игры. (Добродушие - Агрессивность).
 9. Методика оценки последствий игры на испытуемого (Мотивация к деятельности).
- 4) Виртуальные игры, предлагавшиеся для экспертизы, включали 10 игр разных характер воздействий:
- Игры агрессивного плана (стрелялки и т.п.) – 2 штуки
 - Игры экстремального характера (горки и т.п.) – 2 штуки
 - Игры релаксационного плана (медитации и т.п.)- 2 штуки
 - Игры – аркады - 2 штуки
 - Игры - квесты – 2 штуки.

В нашем исследовании в качестве экспертов выступили педагоги общеобразовательной школы, ведущие занятия в младших классах и родители учащихся. Среди 5 экспертов все женщины, в том числе 3 педагога и 2 родителя учащихся. Возраст экспертов от 30 до 49 лет.

На первом этапе с помощью архивного метода был провен анализ 50 виртуальных игр, которые в настоящее время используются младшими школьниками. На основании возможности использования в учебном процессе были отобраны по 10 игр для последующей экспертизы, в том числе как требующие повышенной концентрации внимания: PirateShooter, KOORINGVR CodingAdventure, VRKarts:SprintElectro, BeatsArchery, KingsVR. Кроме того, 5 игр были маркированы для семейного просмотра (Reveries:DreamFligh, DragonRollercoaster, SparkofLight, AngryBirdsVR: IsleofPigs, NatureTreksVR).

На следующем этапе эксперты на основе комплекса критериев сделали оценку VR-игр в ракурсе психологической безопасности для ребенка. Средние значения баллов по всем критериям оценки VR-игр приведены в Таблице 1.

Таблица 1.

Общая психологическая безопасность VR-игр для семейного просмотра
(средний балл экспертной оценки)

эксперты	Reveries: Dream Flight	Pirate Shooter	Dragon Rollercoaster	KOORING VR Coding Adventure	Spark of Light	VR Karts: Sprint	Electro Beats	Angry Birds VR: Isle of Pigs	Nature Treks VR	Archery Kings VR
1	5,9	5	5,6	3,1	4,3	5,3	5,6	4,6	3,6	2,9
2	4,6	4,4	5,7	4,1	4,2	4,2	4,1	3,8	3,9	3,9
3	3	4,4	4,6	4,4	3,8	4,4	4,8	4,2	3,2	4,6
4	4,9	4,5	5,4	3,9	4,3	5,3	3,3	4,7	3	4
5	3,8	4,7	5,6	3,4	4,6	4,7	3,8	4,3	3,4	3,4

Большинство игр для семейного просмотра эксперты оценили низкими баллами. Данные игры представлялись экспертам как спокойные, релаксационные, безопасные, не вызывающие никаких отрицательных воздействий на организм. Игры для семейного просмотра, предложенные в нашей работе, психологически безопасны для детей, т.к. в них нет каких-либо признаков вызывания агрессии. Некоторые из них, по мнению экспертов, повышают мотивацию к деятельности.

Было осуществлено сравнение безопасности игр, требующих повышенного внимания, и игр для семейного просмотра. При обработке полученных данных экспертной оценки использовались методы математической статистики: 1) описательной статистики (вычисление средних арифметических, стандартных отклонений) и статистического анализа – однофакторный дисперсионный анализ Anova (F-критерий).

На рекомендованность VR игр для младших школьников относительно психологической безопасности оказывает влияние полимодальная стимуляция ($F = 2.419$), а также статус эксперта – родители оценили, представляемые игры строже, чем педагоги ($F = 4.571$). Наличие в VR игре экстремальных ситуаций ($F = 27.12$) и воздействие на систему органов равновесия ($F = 5.040$) уменьшает вероятность ее одобрения.

Установлено, что маркировка игры от производителя «для семейного просмотра» или «игра, требующая повышенного внимания» не влияет на оценку ее безопасности для младших школьников экспертами, а также не оказывает влияния на рекомендации ее для использования в образовательной среде младшей школы. Общая оценка безопасности VR-игр родителями уменьшает вероятность к рекомендации их учащимся, так как данные эксперты строже оценивали данные параметры, нежели педагоги. Кроме того, выявлено, что игры, требующие повышенной концентрации внимания, можно предлагать детям с некоторыми условиями:

- узнать у детей, о возможном укачивании во время игры;

- исключить из предложенных детям игр такие, которые могут вызвать агрессивное поведение;

- включить больше игр на составление алгоритмов, головоломки.

На экспертную оценку пригодности виртуальной игры для младших школьников влияет статус эксперта. Родители строже оценивают ВР-игры, и реже дают ей рекомендацию к использованию младшими школьниками, Педагоги дают большее количество рекомендаций ВР-играм для применения в начальной школе. Наличие в виртуальной игре полимодальной стимуляции, то есть одновременного воздействия на разные органы чувств, ведет к снижению ее уровня психологической безопасности для младших школьников, а поэтому уменьшает вероятность рекомендации для применения в начальной школе. Наличие в ВР-игре воздействия на систему органов равновесия, ведет к снижению ее уровня психологической безопасности и уменьшает вероятность к просмотру младшими школьниками. Наличие в играх экстремальных ситуаций, эксперты, родители и педагоги, сочли не безопасным и не рекомендуют подобные игры учащимся.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058

Список литературы:

1. Березина Т.Н. Измерение положительных эмоций посредством нового аппаратного метода // Психология и психотехника. 2014. № 7. С. 766-773.
2. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы. // Современное образование. 2019. № 3. С.29-43.
3. Величковский Б.Б., Гусев А.Н., Виноградова В.Ф., Арбекова О. А. Когнитивный контроль и чувство присутствия в виртуальных средах // Экспериментальная психология. 2016. Т.9. № 1. С. 5-20.
4. Войскунский А.Е., Аветисова А.А. Традиционные и современные исследования игрового поведения [Электронный ресурс] // Методология и история психологии. 2009. №4. URL: <http://psyjournals.ru/mip/2009/n4/43738.shtml>.
5. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Хрестоматия по детской психологии от младенца до подростка. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
6. Львов М. Виртуальная реальность становится реальной // Mediavision. 2016. октябрь. С. 48-49.
7. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
8. Azuma R.T. A Survey of Augmented Reality // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. Vol. 6, № 4. P. 355-385.
9. Gaffary Y., Le Gouis B, Marchal M, Argelaguet F, Arnaldi B, Lecuyer A. AR Feels "Softer" than VR: Haptic Perception of Stiffness in Augmented versus Virtual Reality // IEEE Trans Vis Comput Graph. 2017. Nov; 23(11). Pp. 2372-2377.
10. Hirota M, Kanda H, Endo T, et al. Comparison of visual fatigue caused by head-mounted display for virtual reality and two-dimensional display using objective and subjective evaluation // Ergonomics. 2019; 62(6):759-766.
11. LaValle S. Virtual reality. L.: Cambridge University Press, 2020/<http://lavalle.pl/vr/book.html>.

References:

1. Berezina T.N. Izmerenie polozhitel'nyh emocij posredstvom novogo apparatnogo metoda // Psihologiya i psihotekhnika. 2014. № 7. Pp. 766-773.
2. Berezina T.N. Emocional'naya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy i kognitivnye processy. // Sovremennoe obrazovanie. 2019. № 3. Pp.29-43.
3. Velichkovskij B. B., Gusev A. N., Vinogradova V. F., Arbekova O. A. Kognitivnyj kontrol' i chuvstvo prisutstviya v virtual'nyh sredah // Eksperimental'naya psihologiya. 2016. T.9. № 1. Pp. 5-20.
4. Vojskunskij A.E., Avetisova A.A. Tradicionnye i sovremennye issledovaniya igrovogo povedeniya [Elektronnyj resurs] // Metodologiya i istoriya psihologii. 2009. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/mip/2009/n4/43738.shtml>.
5. Vygotskij L.C. Igra i ee rol' v psicheskom razvitii rebenka // Hrestomatiya po detskoj psihologii ot mladenca do podrostopka. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institute, 2005.
6. L'vov M. Virtual'naya real'nost' stanovitsya real'noj // Mediavision. 2016.October. Pp. 48-49.
7. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A. V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.
8. Azuma R. T. A Survey of Augmented Reality // Presence: Teleoperators and Virtual Environments. Vol. 6, № 4. P. 355-385.
9. Gaffary Y, Le Gouis B, Marchal M, Argelaguet F, Arnaldi B, Lecuyer A. AR Feels "Softer" than VR: Haptic Perception of Stiffness in Augmented versus Virtual Reality.// IEEE Trans Vis Comput Graph. 2017 Nov;23(11). Pp.2372-2377.
10. Hirota M, Kanda H, Endo T, et al. Comparison of visual fatigue caused by head-mounted display for virtual reality and two-dimensional display using objective and subjective evaluation. Ergonomics. 2019;62(6): Pp. 759-766.
11. LaValle S. Virtual reality. L.: CambridgeUniversityPress, 2020. <http://lavalle.pl/vr/book.html>.

Кудряшова Алена Игоревна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: qruplife@mail.ru

Kudryashova Alyona Igorevna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ

CLASSIFICATION OF THE CONSEQUENCES OF VARIOUS TYPES OF FAMILY VIOLENCE AGAINST CHILDREN

Аннотация. На основе анализа видов, форм и характеристик семейного насилия, представленных в научной литературе, автор систематизирует возможные последствия пережитого или наблюдаемого насилия в семье, используя психологическую

систематику, традиционно основывающуюся на выделении основных сфер психического и психологического в личности.

Abstract. Based on the analysis of the types, forms and characteristics of family violence presented in the scientific literature, the author systematizes the possible consequences of experienced or observed violence in the family, using psychological systematics, traditionally based on the identification of the main areas of mental and psychological in the individual.

Ключевые слова: семейное, насилие, характер, пережитое, наблюдаемое, последствия, эмоциональные, когнитивные, поведенческие, личностные.

Keywords: family, violence, character, experienced, observed, consequences, emotional, cognitive, behavioral, personal.

Вопросы семейного насилия в отношении детей и подростков являются острой общественной проблемой. Семейное насилие изучается в различных науках: юриспруденции, социологии, психологии, здравоохранении.

С точки зрения терминологии, существует много вариантов определения насилия. В «Словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова под насилием понимается «принудительное воздействие на кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности» [9].

Всемирная организация здравоохранения определяет насилие как преднамеренное применение физической силы или власти в фактическом или угрожающем виде, направленное против себя, иного лица, или группы, результатом которого являются (либо имеется высокая степень вероятности этого) телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб. [7, с 26].

Под домашним насилием понимается регулярное воздействие различного противоправного характера (физическое, психологическое и иное) на членов семьи против их воли с совершением нежелательных для них действий [3, с. 8].

Говоря о семейном насилии, важно подчеркнуть, что оно осуществляется в рамках социально значимой структуры («ячейки общества»), основу которой представляют «самые близкие люди». В связи с этим семейное (домашнее, бытовое) насилие является особенно травмирующим событием в жизни ребенка, столкнувшегося с данной ситуацией.

Статистика неумолимо подчеркивает актуальность проблемы домашнего насилия. Ежегодно в России вследствие семейного насилия гибнет около 2 000 детей, а 50 000 детей по этой же причине уходят из дома. Кроме того, выявлено, что насилие в семье повышает риски совершения суицидов среди девочек 9,1% [4, с. 143]. С практической точки зрения, для формирования программ психологической помощи важно учитывать какие виды насилия существуют и какие последствия они за собой несут. На формирование и развитие ребенка оказывают негативное влияние как непосредственные, так и отсроченные последствия.

Одной из важных особенностей насилия в семье является то, что взрослые члены семьи (родители, опекуны) не всегда отчетливо понимают свои действия, и могут осуществлять их неосознанно. При этом детям регулярно наносятся травмы различного характера. Так, при оценке семейной жизни женщинами в рамках опроса было выявлено, что среди респондентов женского пола 30,6% дали негативную характеристику своей семейной жизни, описав ее формулировками: «считаю ее неудачной, живу ради детей», «не живу, а мучаюсь»; «живу, так как завишу материально». Данное описание переживаний матери не может не сказываться на состоянии детей в семье [4, С. 129].

В настоящее время в различных публикациях выделяются следующие виды насилия над детьми или неадекватного обращения с ними: психологическое насилие, физическое насилие, сексуальное насилие, отсутствие заботы со стороны членов семьи.

Психологическое или остро эмоциональное насилие проявляется как открытое неприятие, постоянная критика ребенка, оскорбления и унижения достоинства ребенка, предъявление завышенных требований к ребенку, наличие регулярных угроз со стороны родителей наказать или убить, обеспечение изоляции физической или социальной и другие [6, с. 303]. Фактически психологическое насилие выражается в формировании полного контроля над жизнью ребенка, что приводит к формированию состояния «жертвы». Контролю подвергаются практически все сферы жизнедеятельности ребенка: общение (реальное и виртуальное), бытовой распорядок жизни, поведение, операции с личными вещами и многое другое. Сам же контроль, часто, осуществляется в форме жестких или более изощренно скрытых манипуляций (М.И. Розенова, 2015, 2018) [8, 9].

Физическое насилие определяется, как любая форма физического воздействия, которая переносится как болезненное воздействие, имеющее определенные последствия, и часто, наносящее вред здоровью (толкание с горы, сбивание с ног, захват с применением силы, насильственное перемещение в другое место, насильственное удержание в помещении и т.п.). Крайней степенью физического насилия является убийство [1, с. 66].

Сексуальное (половое) насилие проявляется как вовлечение детей в сексуальную активность, принуждение к половому акту или иным сексуальным действиям с применением любых воздействующих факторов: манипуляций, угроз, силы и подавления воли и прочее [5, с. 130].

Отсутствие заботы тоже рассматривается, как одна из форм насилия по отношению к ребенку. Отсутствие заботы - это неспособность взрослых членов семьи (кто осуществляет функцию родителя или опекуна) обеспечить должное развитие и формирование ребенка, несмотря на то, что это входит в прямые обязательства. Отсутствие заботы, как правило, отражается в следующем: невнимание к здоровью, образованию, эмоциональному развитию ребенка, его питанию, обеспеченности жилищем и безопасностью; при этом, ресурсы для обеспечения этих аспектов жизни

ребенка у родителя есть. В Канаде было проведено национальное исследование случаев, о которых сообщалось в службы обеспечения благополучия детей. В этом исследовании было фиксировано, что среди доказанных случаев отсутствия заботы в 19% случаев указывалось физическое отсутствие заботы, в 12% - наличие заброшенности детей, в 11% - отсутствие заботы об образовании, и в 48% (!) случаев речь шла о физическом ущербе, явившемся результатом неспособности родителей обеспечить надзор над ребенком» [7, с. 69].

Последствия всех перечисленных видов насилия можно разделить, согласно описанию из источников литературы, на следующие виды:

1. *Физические последствия*, выраженные в виде нарушения здоровья в острой и/или в хронической форме. В качестве примеров «острых состояний» могут быть рассмотрены переломы, вывихи, гематомы и другие повреждения, с разной степенью заживления. В качестве хронических последствий определяют состояния хронической головной боли (в том числе мигренозного типа), формирование различных форм хронических заболеваний воспалительного характера, заболевания, передающиеся половым путем, заболевания неврологического характера, спровоцированные насилием, и прочие нарушения.

2. *Когнитивные последствия*, проявляющиеся как расстройство внимания, искажения восприятия, частичная или полная потеря памяти, а также формирование характерных убеждений, которые в свою очередь дают толчок соответствующим поведенческим проявлениям. К подобным убеждениям относятся: «Я бессилён», «Мир опасен», «Я живу в опасности», «Я заслужил все, что со мной происходит», «Я ничтожество», «Я ни на что не способен» и прочие.

3. *Поведенческие последствия* выражаются в виде различных форм агрессивных проявлений: драки со сверстниками, конфликтное поведение со взрослыми (родителями, учителями, посторонними) и сверстниками, воровство. Поведенческие последствия могут быть в виде проявлений избегания, зажатости, скованности, изоляции, с целью предотвратить повторение ситуаций насилия или чего-то неприятного; кроме того, могут проявляться элементы самоповреждения (наказания себя через физические страдания), и склонность к суицидальным проявлениям.

4. *Эмоциональные последствия* выражаются в виде приступов страха, подавленности, отвращения, гнева, неврозов, расстройства личности (по типу «множественная личность»), депрессивных проявлений, повышенной тревожности, рассеянности, раздражительности, плаксивости, кошмарных сновидений, ощущения угрозы от людей и ряда других нарушений эмоциональности.

Описанные выше последствия, возникающие у детей после пережитого насилия, требуют длительной комплексной корректировки, с оказанием специализированной психологической помощи. Безусловно, на выраженность последствий влияет множество факторов, в том числе

длительность и виды насилия, окружающая среда, сопутствующие жизненные события, оперативность оказания помощи и прочее. Психологическая помощь, в случаях последствий семейного насилия, должна быть направлена на корректировку сформированных нарушений и нивелирование их последствий, снижение воздействия возникших трудностей на последующую жизнь ребенка.

Существуют данные о том, что до 60% детей, испытавших насилие в детстве (или ставшие свидетелями насилия), не могут избежать его в зрелом возрасте [6, С. 304]. Таким образом, ключевой социальной и психолого-педагогической задачей настоящего времени, следует назвать предотвращение эскалации семейного насилия и выработку профилактических мер, позволяющих формировать защищенность людей в обществе, сокращать и предотвращать жестокое обращение с детьми.

Список литературы:

1. Абельцев С.Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия // Закон и право. 2000. С. 66.
2. Акрамова Ф.А. Психологическая классификация семей, последствия и индикаторы семейного насилия // Современные научные исследования: теория и практика. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. М., 2020. С. 140-146.
3. Пащенко А.С. Особенности расследования преступлений, связанных с домашним насилием: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
4. Попова И.В. Опыт исследования проблемы семейного насилия // История. Социология. Культурология. Этнография. 2021. № 4. С. 124-135.
5. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Проблемы предупреждения бытовых преступлений. 2018. Выпуск №9 (142). С. 129-138.
6. Тагирова Р.А. Насилие в семье как социально-психологическая проблема /А.Р. Тагирова, П.Х. Бисаева // Семья XXI века: проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 40-летию ФГБОУ ВО «ЧГПУ». Челябинск, 2020. С. 301-305.
7. Круг Этьенн Г. Насилие и его влияние на здоровье / Этьенн Г. Круг, Линда Л. Дальберг, Джеймс А. Мерси, Энтони Б. Зви и Рафаэль Лозано // ВОЗ. Доклад о ситуации в мире. 2003. С. 363.
8. Розенова М.И. Возможности и подходы позитивной психологии в практике помощи детям, пострадавшим в экстремальной ситуации // Модели и технологии оказания психологической помощи детям, пострадавшим в экстремальной ситуации. Монография коллективная. Пермь: ИП Сигитов, 2018. С. 31-36.
9. Розенова М.И. Эмоциональная безопасность в семье и близких отношениях // Alma mater (Вестник высшей школы). 2015. № 12. С. 31-35.

References:

1. Abeltsev S.N. Criminal personality and problems of criminal violence // Law and Law. 2000. P. 66.
2. Akramova F.A. Psychological classification of families, consequences and indicators of family violence // Modern scientific research: theory and practice. Materials of the International (correspondence) scientific and practical conference. M., 2020. Pp. 140-146.

3. Pashchenko A.S. Features of the investigation of crimes related to domestic violence: Diss. ... cand. jurid. sciences'. Volgograd, 2005.
4. Popova I.V. Experience of studying the problem of family violence // History. Sociology. Cultural studies. Ethnography. 2021. № 4. Pp. 124-135.
5. Salamova S.Ya. Domestic violence in modern Russia: general characteristics // Problems of prevention of domestic crimes. 2018. № 9 (142). Pp. 129-138.
6. Tagirova R.A. Domestic violence as a socio-psychological problem /A.R. Tagirova, P.H. Bisaeva // The family of the XXI century: problems and prospects. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the 40th anniversary of the FSBEI HE "ChSPU". Chelyabinsk, 2020. Pp. 301-305.
7. Krug Etienne G. Violence and its impact on health / Etienne G. Krug, Linda L. Dahlberg, James A. Mercy, Anthony B. Zvi and Rafael Lozano // WHO Report on the situation in the world. 2003. P. 363.
8. Rozenova M.I. Possibilities and approaches of positive psychology in the practice of helping children affected by extreme situations // Models and technologies of psychological assistance to children affected by extreme situations. The monograph is collective. - Perm: IP Sigitov, 2018. Pp. 31-36.
9. Rozenova M.I. Emotional security in family and close relationships / / Alma mater (Bulletin of the Higher School). 2015. № 12. Pp. 31-35.

Курочкина Алёна Викторовна

студентка факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: alena.kurochkina98@mail.ru

Kurochkina Alyona Victorovna

student of the Faculty of Extreme Psychology, Moscow
State University of Psychology and Education, Moscow,
Russia

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОДИНАМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У СПОРТСМЕНОВ

THE RELATIONSHIP OF PSYCHODYNAMIC CHARACTERISTICS AND EMOTIONAL BURNOUT IN ATHLETES

Аннотация. Для исследования особенностей взаимосвязи психодинамических характеристик и эмоционального выгорания у спортсменов было спланировано и осуществлено эмпирическое исследование. Участниками исследования выступают 40 спортсменов-акробатов в возрасте от 17 до 21 лет, мужского и женского пола. В ходе корреляционного анализа было установлено, что существует взаимосвязь психодинамических характеристик и эмоционального выгорания у спортсменов, занимающихся гимнастикой. В качестве психодинамических характеристик, способствующих проявлению выгорания спортсменов, можно рассматривать сензитивность, тревожность, социальную эргичность и экстравертированность, тогда как характеристиками, предупреждающими формирование выгорания спортсменов, можно рассматривать пластичность, спонтанность, интровертированность и социальную пластичность.

Annotation. To study the features of the relationship between psychodynamic characteristics and emotional burnout in athletes, an empirical study was planned and carried out. The study participants are 40 acrobat athletes aged 17 to 21 years, male and female. During the correlation analysis, it was found that there is a relationship between psychodynamic characteristics and emotional burnout in athletes engaged in gymnastics. Sensitivity, anxiety, social ergicity and extroversion can be considered as psychodynamic characteristics that contribute to the manifestation of burnout of athletes, while plasticity, spontaneity, introversion and social plasticity can be considered as characteristics that prevent the formation of burnout of athletes.

Ключевые слова. Психодинамические характеристики, эмоциональное выгорание, спортсмены, сензитивность, тревожность, социальная пластичность.

Keywords. Psychodynamic characteristics, emotional burnout, athletes, sensitivity, anxiety, social plasticity.

Проблема выгорания в психологии в настоящее время может считаться достаточно разработанной, т.к. существуют концепции выгорания, определены виды, симптомы и факторы выгорания (Б.Г. Ананьев, В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, К. Маслач, В.Е. Орел, Т.В. Форманюк, Х. Фрейденберг и др.). В контексте спортивной деятельности профессиональное выгорание рассматривается в работах Е.И. Гринь, Т.Е. Кэйсосу, Ц.К. Майерберга и др. Вместе с тем следует отметить, что существующие исследования, посвященные проблеме выгорания спортсменов, носят преимущественно теоретический или поисковый характер [9, 11 и др.].

Отдельные симптомы выгорания прочно вошли в жизнь многих спортсменов, необходимым является деятельность по изучению особенностей выгорания спортсменов, а также факторов, способствующих формированию выгорания [5]. Данные обстоятельства обуславливают актуальность обращения к теме «Взаимосвязь психодинамических характеристик и эмоционального выгорания у спортсменов». Также существует практикоориентированная проблема: какова взаимосвязь психодинамических характеристик и эмоционального выгорания спортсменов.

Нами проведено эмпирическое исследование, участниками которого выступили 40 спортсменов-акробатов в возрасте от 17 до 21 лет, мужского и женского пола. При этом в качестве методик были использованы следующие диагностические средства:

1. Опросник структуры темперамента (В.М. Русалов). Данная психодиагностическая методика позволяет осуществить диагностику «предметно-деятельностного», а также «коммуникативного» аспектов темперамента. В рамках методики функционируют такие шкалы, как «эргичность», «социальная эргичность», «пластичность», «социальная пластичность», «темп», «социальный темп», «эмоциональность», «социальная эмоциональность».

2. Индивидуально-типологический опросник (Л.Н. Собчик). Данная психодиагностическая методика позволяет оценить особенности ведущих тенденций. Опросник состоит из восьми шкал, которые позволяют оценить четыре пары полярных качеств, таких, как «Экстраверсия – Интроверсия», «Сpontанность – Сензитивность», «Агрессивность – Тревожность», а также «Ригидность – Лабильность». Стимульным материалом методики выступают 91 утверждения, предполагающих согласие или несогласие [8].

3. Опросник для оценки психического выгорания у спортсменов (Т. Raedeke, Т. Smith, в адаптации Е.И. Бериловой). Методика позволяет оценить уровень психического выгорания применительно спортивной деятельности. В методике функционируют такие шкалы, как «уменьшение чувства достижения», «эмоциональное / физическое истощение», «обесценивание достижений», а также «интегральный показатель». На основании результатов диагностики делается вывод относительно уровня выраженности как отдельного симптома выгорания, так и психического выгорания в целом [2].

4. Опросник профессионального выгорания (В.В. Бойко). Методика предназначена для оценки эмоционального выгорания как сложного психологического феномена. По мнению автора методики, эмоциональное выгорание теснейшим образом связано с утомлением и психической усталостью человека. Эмоциональное выгорание, по мнению В.В. Бойко, формируется в течение длительного временного периода в процессе выполнения трудовых обязанностей. Стимульным материалом методики выступает 84 утверждения, анализ которых позволяет оценить степень выраженности и тяжести симптомов, относящихся к таким фазам эмоционального выгорания, как «напряжение», «резистенция», а также «истощение» [3].

Исследование опиралось на теоретические разработки доцента кафедры научных основ экстремальной психологии факультета «Экстремальная психология» Храмова Е.В. [10]. Обратимся к описанию результатов исследования психодинамических характеристик спортсменов, принимавших участие в эмпирическом исследовании (рис. 1).

Таблица 1

Результаты диагностики структуры темперамента

	Среднее	Ст. отклон.
эргичность	7,63	2,16
социальная эргичность	6,63	2,40
пластичность	7,60	2,22
социальная пластичность	5,33	2,40
темп	10,00	1,41
социальный темп	5,95	3,02
эмоциональность	5,53	2,01
социальная эмоциональность	5,85	2,66
«К»	1,60	1,13

Результаты психодиагностики позволяют характеризовать спортсменов-гимнастов как лиц, которые имеют достаточно высокий уровень темп поведения.

Обратимся к описанию результатов диагностики с применением индивидуально-типологического опросника Л.Н. Собчик (табл. 2).

Таблица 2

Результаты диагностики индивидуально-типологических особенностей спортсменов (по методике Л.Н. Собчик)

	Среднее	Ст. отклон.
Шкала лжи	1,43	1,08
Аггравация	1,50	1,20
Экстраверсия	3,23	1,19
Спонтанность	3,05	1,92
Агрессивность	2,75	1,24
Ригидность	1,88	1,32
Интроверсия	3,68	1,10
Сензитивность	3,23	1,35
Тревожность	2,88	1,45
Эмотивность	3,20	1,11

Спортсмены-гимнасты могут характеризоваться как лица, которые достаточно избирательны в социальных контактах, имеют достаточный уровень развития коммуникативных навыков и умений, ориентированы на межличностное общение и взаимодействие.

Обратимся к описанию результатов исследования особенностей выраженности психического выгорания у спортсменов (табл. 3).

Таблица 3

Результаты диагностик психического выгорания спортсменов (по методике Т. Raedeke, Т. Smith)

	Среднее	Ст. отклон.
Уменьшение чувства достижения	7,30	3,05
Эмоциональное / физическое истощение	7,73	2,62
Обесценивание достижений	5,38	2,47
Интегральный показатель	20,40	5,04

Преобладающими тенденциями выступают тенденции к проявлению эмоционального и физического истощения.

Обратимся к описанию результатов исследования особенностей профессионального выгорания по методике В.В. Бойко (табл. 4).

Большинство спортсменов, принимавших участие в исследовании характеризуются умеренным и сниженным уровнем проявления тенденций к проявлению отдельных симптомов выгорания. Установлено, что наиболее выраженными симптомами могут рассматриваться симптомы неудовлетворенности собой, эмоционально-нравственной дезориентации, неадекватного эмоционального реагирования, редукции профессиональных

достижений и переживания психотравмирующих обстоятельств. В целом, данные тенденции имеют преимущественно умеренный и сниженный уровень выраженности данных тенденций.

Таблица 4

Результаты диагностики выгорания (по методике В.В. Бойко)

	Среднее	Ст. отклон.
Переживание психотравмирующих обстоятельств	8,43	2,25
Неудовлетворенность собой	8,88	3,23
«Загнанность в клетку»	8,05	2,58
Тревога и депрессия	7,08	2,72
Неадекватное эмоциональное избирательное реагирование	8,53	3,06
Эмоционально-нравственная дезориентация	8,88	2,32
Расширение сферы экономики эмоций	8,20	2,45
Редукция профессиональных обязанностей	8,28	2,54
Эмоциональный дефицит	7,78	2,38
Эмоциональная отстраненность	7,20	2,84
Личностная отстраненность	6,95	2,61
Психосоматич. и психовегетат. нарушения	7,73	2,89
Напряжение	32,43	5,41
Резистенция	33,88	5,39
Истощение	29,65	5,96

Полученные в ходе исследования результаты позволяют говорить о том, что существует взаимосвязь психодинамических характеристик и эмоционального выгорания у спортсменов, занимающихся гимнастикой. В качестве психодинамических характеристик, способствующих проявлению выгорания спортсменов, можно рассматривать сензитивность, тревожность, социальную эргичность и экстравертированность, тогда как характеристиками, предупреждающими формирование выгорания спортсменов, можно рассматривать пластичность, спонтанность, интровертированность и социальную пластичность. Иными словами, выраженность симптомов эмоционального выгорания будет ниже у тех спортсменов, которые характеризуются высоким уровнем предметной и социальной пластичности, имеющие высокий уровень спонтанности как произвольности собственного поведения, а также имеющие выраженную тенденцию к проявлению интровертированности. С другой стороны, наиболее уязвимыми к действию психотравмирующих и стрессовых ситуаций могут рассматриваться те спортсмены, которые характеризуются повышенным уровнем тревожности и склонностью к проявлению сензитивности, а также социальной эргичности.

Список литературы:

1. Барабанщикова В.В. Профессиональные деформации в профессиях инновационной сферы: Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. М., 2016. 359 с.
2. Берилова Е.И. Адаптация опросника Т. Raedeke, А. Smith для оценки психического выгорания у российских спортсменов [Электронный ресурс] // <http://sportfiction.ru/articles/adaptatsiya-oprosnika-t-raedeke-a-smith-dlya-otsenki-psikhicheskogo-vygoraniya-u-rossiyskikh-sportsm>.
3. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 2011. 376 с.
4. Гуменюк Н.П., Клименко В.В. Психология физического воспитания и спорта [Электронный ресурс]// <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sportivnoy-deyatelnosti-na-razvitie-lichnosti-sportsmena>
5. Буссман Г. Факторы, влияющие на уход из спорта юных спортсменов // Спортивная наука в зарубежных странах. 2007. С. 102-109
6. Гладких Д.Г. Влияние спортивной деятельности на развитие личности спортсмена // Известия ВГПУ. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sportivnoy-deyatelnosti-na-razvitie-lichnosti-sportsmena>.
7. Русалов В.М. Биологические основы индивидуально-психологических различий [Электронный ресурс] / <https://www.klex.ru/dcb>.
8. Собчик Л.Н. Психодиагностика в медицине. Практическое руководство. Боргес, 2007. 416 с.
9. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
10. Храмов Е.В. Психологические и психосоматические факторы риска суицидального поведения подростков [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 68-75.
11. Maslach С., Leiter М. The Truth About Burnout [Электронный ресурс] / С. Maslach // URL: <http://www.amazon.co.uk/The-Truth-About-Burnout-Organizations/dp/1118692136>.

References:

1. Barabanshchikova V.V. Professional'nye deformacii v professiyah innovacionnoj sfery. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora psihologicheskikh nauk. M., 2016. 359 p.
2. Berilova E.I. Adaptaciya oprosnika T. Raedeke, A. Smith dlya ocenki psihicheskogo vygoraniya u rossijskikh sportsmenov [Elektronnyj resurs] // <http://sportfiction.ru/articles/adaptatsiya-oprosnika-t-raedeke-a-smith-dlya-otsenki-psikhicheskogo-vygoraniya-u-rossiyskikh-sportsm>.
3. Bojko V.V. Sindrom «emocional'nogo vygoraniya» v professional'nom obshchenii / V.V. Bojko. SPb., 2011. 376 p.
4. Gumenyuk N.P., Klimenko V.V. Psihologiya fizicheskogo vospitaniya i sporta [Elektronnyj resurs] // <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sportivnoy-deyatelnosti-na-razvitie-lichnosti-sportsmena>
5. Bussman G. Faktory, vliyayushchie na uhod iz sporta yunyh sportsmenov // Sportivnaya nauka v zarubezhnyh stranah. 2007. Pp. 102-109.
6. Gladkih D.G. Vliyanie sportivnoj deyatelnosti na razvitie lichnosti sportsmena // Izvestiya VGPU. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sportivnoy-deyatelnosti-na-razvitie-lichnosti-sportsmena>.

7. Rusalov V.M. Biologicheskie osnovy individual'no-psihologicheskikh razlichij [Elektronnyj resurs] // <https://www.klex.ru/dcb>.
8. Sobchik L.N. Psihodiagnostika v medicine. Prakticheskoe rukovodstvo. Borges, 2007. 416 p.
9. Psihologiya sluzhebnoj deyatelnosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A.V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.
10. Hramov E.V. Psihologicheskie i psihosomaticheskie faktory riska suicidal'nogo povedeniya podrostkov // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2020. Tom 9. № 1. Pp. 68-75.
11. Maslach C., Leiter M. The Truth About Burnout [Elektronnyj resurs] / C. Maslach // URL: <http://www.amazon.co.uk/The-Truth-About-Burnout-Organizations/dp/1118692136>

Мельник Вадим Павлович

педагог психолог – первой категории
Государственного бюджетного
общеобразовательного учреждения «Бауманская
инженерная школа №1580», аспирант кафедры
НОЭП МГППУ, г. Москва, Россия.
Email: vadimmelnik977@gmail.com

Melnik Vadim Pavlovich

teacher psychologist of the first category of the State
Budgetary Educational Institution "Bauman
Engineering School No. 1580", postgraduate student
of the Department of Scientific Foundations of
Extreme Psychology of MGPPU, Moscow, Russia.

**РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ БИОГРАФИЧЕСКИХ И
БИОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗРАСТНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В
КОГНИТИВНО – АФФЕКТИВНОМ КОНСТРУКТЕ
УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ У ЛИЦ ПРЕДПЕНСИОННОГО
ВОЗРАСТА**

**THE ROLE OF COGNITIVE BIOGRAPHICAL AND
BIOPSYCHOLOGICAL AGE INDICATORS IN THE COGNITIVE-
AFFECTIVE CONSTRUCT OF LIFE SATISFACTION IN PERSONS OF
PRE-RETIREMENT AGE.**

Аннотация. В статье приводятся исследование параметров удовлетворенностью жизнью, выраженностью синдрома хронической усталости и некоторых шкал, отражающих восприятие испытуемых относительно временной жизненной перспективы (конкретно – параметры «ориентация на будущее», «фаталистическое настоящее» «гедонистическое настоящее», отражающие когнитивный компонент оценки жизни в рамках временной перспективы.

Annotation. The article provides a study of the parameters of life satisfaction, the severity of chronic fatigue syndrome and some scales reflecting the perception of subjects regarding the time life perspective (specifically, the parameters "orientation to the future,"

"fatalistic present" "hedonistic present," reflecting the cognitive component of life assessment within the time perspective.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, биопсихологический возраст, предпенсионный возраст, когнитивный конструкт.

Key words: life satisfaction, biopsychological age, pre-retirement age, cognitive construct.

Удовлетворенность жизнью как характеристика психики в рамках психологической науки рассматривается как когнитивно-аффективная оценка текущей жизненной ситуации в различных ее контекстах, от физиологических показателей жизнедеятельности до социально-экономических особенностей проживания индивида [1, 2].

Когнитивный компонент удовлетворенности жизнью представляется в виде оценочной операции условного расстояния между текущим жизненным контекстом и идеальным его желаемым представлением (о положении дел, здоровья, достижения целей, социального одобрения). Аффективный компонент представляет количественную оценку соотношения настоящих во времени или регулярно возникающих негативных и позитивных состояний эмоциональной сферы. М. Селигман и М. Аргайл рассматривали три оценочных компонента в структуре феномена удовлетворенности жизнью: когнитивный, субъективный и рефлексивный. Уровень удовлетворенности имеет ряд факторов, положительно и отрицательно коррелирующих с ним, не сводясь к их сумме, что характеризует его структуру как сложную и интегральную [3, 4].

Для зрелого и пожилого возраста значимость тех или иных факторов отличается от значимости их же для другого возраста. Кроме того, сама оценка становится иной по структуре, более сложной и комплексной. Это связано с тем, что количество и разнообразие приобретенного опыта позволяет человеку смотреть на текущую и предшествующие ситуации с иной точки зрения, обогащая рефлексивный компонент оценивания новыми переменными [5, 6].

Биопсихологический возраст представляет собой сложную структуру нескольких интегральных показателей, включая психологический возраст – когнитивную оценку собственной зрелости и «прохождения» по условному субъективному жизненному пути индивида, биологический возраст – интегральная величина, имеющая в своей основе несколько физиологических показателей и рассчитываемая по формуле. Данный показатель отражает реальный биологический процесс старения организма индивида относительно популяционно-возрастной нормы. На продолжительность жизни и состояние здоровья человека влияют, помимо наследственных и личностных, также и социальные и экономические факторы [7, 8]. Так, к данным факторам можно отнести социальную безопасность [9, 10], соматику, эмоциональность, стрессы [11, 12],

генетические и психологические предпосылки[8, 13], физическую составляющую организма [8] и др.

Согласно современным исследованиям, психологический возраст параметр, безусловно, относящийся к когнитивным структурам, обратно связан с конструктом удовлетворенности жизнью, Тенденция к обратной корреляции этих двух показателей позволяет сделать вывод, что чем моложе воспринимает себя человек (не только в биологическом, но и в социально – экономическом и эмоциональном плане), тем выше его удовлетворенность жизнью в предпенсионный период. Действительно, грядущий уход на пенсию, смена основной деятельности и социального статуса является сложным процессом, когнитивный компонент осознания и принятия которого необходимо поддерживать положительным сравнением реального и идеального жизненных контекстов. Интересным представляется совокупность иных факторов, которые влияют на удовлетворенность жизнью у испытуемых, в рамках биографического контекста [19].

Удовлетворенность жизнью являет собой сложный когнитивно – аффективный конструкт, а поэтому исследование его взаимосвязи с показателями биопсихологического возраста невозможно без выяснения прошлого опыта и актуального контекста человека. Это означает, что при подобном исследовании необходимо включать во внимание также автобиографические данные испытуемого, как минимум, его самооценку собственных достижений и настоящего положения в жизни. Таким образом, будет затронут как аффект (эмоциональная реакция), так и когнитивная сфера (рефлексивные алгоритмы относительного актуализированного настоящего, оценивающие как эмоции, так и разрыв между реальным и идеальным восприятием текущей жизненной ситуации).

Организация исследования. Цель исследования – установить связь показателя удовлетворенности жизнью и параметрами отрефлексированного жизненного пути человека с учетом биологических и психологических показателей возраста человека.

Методы исследования.

1. Методика «Определение биологического возраста по В.П. Войтенко». Данная методика состоит из опросника «Определение самооценки здоровья (СОЗ)» и формулы определения биологического возраста (в формулу включены показатели: артериального давления, задержки дыхания после вдоха, статической балансировки и массы тела). Интегральным показателем является БВ – биологический возраст [15].

2. Формула определения должного биологического возраста для разных возрастных групп - ДБВ. Показатель характеризует средний биологический возраст для конкретной возрастной группы в настоящее время в РФ.

3. Индекс БВ - ДБВ (биологический возраст - должный биологический возраст) как индекс индивидуального старения. Отрицательные значения

говорят об индивидуальной молодости человека, а положительные об индивидуальном старении относительно статистических норм.

4. Самооценка психологического возраста по К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной. Измерялся показатель ПВ – психологический возраст, который рассматривался как уровень самореализации человека, его достижений, его потенциала.

5. Показатель личностной зрелости как отношение психологического возраста к биологическому. При значениях индекса, меньших 1 наблюдается меньший психологический возраст относительно биологического. При значениях больших 1 наблюдается больший психологический возраст относительно биологического. При обработке данных мы округляли этот показатель до целых значений.

6. Шкала удовлетворённости жизнью (сокр. ШУДЖ, англ. Satisfaction With Life Scale, сокр SWLS) - краткий скрининговый самоопросник, предназначенный для массовых опросов респондентов о степени субъективной удовлетворённости их жизнью[16]. Предложена Е. Diener, R.A. Emmons, R.J. Larsen и S. Griffin в 1985 году, адаптирована и валидизирована Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиним в 2003 году на русском языке.

7. Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо. (Zimbardo Time Perspective Inventory - ZTPI). (Philip G. Zimbardo - Professor, Ph.D.; Stanford University, USA). Данная методика направлена на диагностику системы отношений личности к временному континууму. Методика разработана Ф. Зимбардо в соавторстве с А. Гонзалесом в 1997 году[17].

8. Шкала (тест-опросник) депрессии Бека. Методика используется для диагностики уровня депрессии. Тест-опросник депрессии (Beck Depression Inventory) был разработан Аароном Т. Беком в 1961 году на основе клинических наблюдений, позволивших выявить перечень симптомов депрессии[18].

9. Опросник "Степень хронического утомления" (А.Б. Леонова). Методика предназначена для диагностики степени хронического утомления. Основным показателем выполнения методики является индекс хронического утомления (ИХРУ), который подсчитывается, как сумма по всем пунктам опросника [15].

10. Методы математической статистики – корреляционный анализ Пирсона.

Испытуемые: 253 человека, 129 мужчин и 124 женщины, граждане Российской Федерации в возрасте от 45 до 60 лет, находящиеся в статусе предпенсионного возраста.

Результаты исследования: был проведен корреляционный анализ для параметров удовлетворенностью жизнью, выраженностью синдрома хронической усталости и некоторых шкал, отражающих восприятие испытуемых относительно временной жизненной перспективы (конкретно – параметры «ориентация на будущее», «фаталистическое настоящее»

«гедонистическое настоящее», отражающие когнитивный компонент оценки жизни в рамках временной перспективы). Из опросника жизненного пути личности были выбраны самооценка активности человека в течение жизни, успешность карьеры, материального благополучия. Также для сравнения был взят индекс БВ – ДБВ как показатель разницы между нормальным и индивидуальным уровнем старения в возрастной группе, и показатели психологического возраста и личностной зрелости, как отражающие уровень оценки самореализации и адекватность психического состояния соответственно физическому (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Результаты корреляционного исследования (мужчины)

Коррелянты	Интегральный показатель удовлетворенности жизнью (ШУДЖ)
Уровень карьеры	0,401909*
Материальное благополучие	0,3527*
Активность в течение жизни	0,588561*
Уровень выраженности депрессивных симптомов	-0,84968*
Ориентация на будущее	0,818617*
Гедонистическое настоящее	-0,55063*
Фаталистическое настоящее	-0,7988*
СХУ	-0,76552*
Индекс ПВ/БВ	-0,59973*
Индекс БВ - ДБВ	0,151109*
Биологический возраст	-0,27477*

Таблица 2

Результаты корреляционного исследования (женщины)

Коррелянты	Интегральный показатель удовлетворенности жизнью (ШУДЖ)
Уровень карьеры	0,404759*
Материальное благополучие	0,5545*
Активность в течение жизни	0,44092*
Уровень выраженности депрессивных симптомов	-0,78419*
Ориентация на будущее	0,79508*
Гедонистическое настоящее	-0,48305*
Фаталистическое настоящее	-0,742*
СХУ	-0,70276*
Индекс ПВ/БВ	-0,27589*

Индекс БВ - ДБВ	-0,28546*
Биологический возраст	-0,57256*

Самые значимые коэффициенты, могущие говорить о связи двух параметров, удалось установить между когнитивной оценкой параметров жизненного пути и удовлетворенностью жизнью, степени выраженности депрессивных симптомов, ориентации на будущее относительно временной жизненной перспективы. Причем, гедонистическое и фаталистическое настоящее образуют обратную взаимосвязь, что может указывать на важность ориентации на развитие во временной перспективе жизни у людей предпенсионного возраста. Действительно, этим подтверждается актуальность и социальная значимость концепции активного старения: застревание восприятия в зрелом возрасте в настоящем, причем в положительно окрашенном, способствует меньшей степени удовлетворенности.

Интересным представляется разница между значимостью связей показателей биологического возраста и индекса БВ – ДБВ с удовлетворенностью жизнью у мужчин и женщин. У женщин наблюдается обратная связь УЖ с обоими параметрами, обе взаимосвязи выражены сильнее что можно истолковать наличием социального конструкта высокой ценности молодости среди женщин, а также более острым восприятием естественных возрастных перемен в организме. Мужчины же, в свою очередь, могут попадать под воздействие социального конструкта сдержанного отношения к своему состоянию здоровья и не имеют столь сильных критических периодов изменений организма в процессе старения. Также для женщин оказалось куда более важным и значимым материальное благополучие в предпенсионном возрасте, нежели для мужчин, что может быть связано с пониженной планкой пенсионного возраста и более частым уходом на пенсию по достижению порогового срока.

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом. Удовлетворённость жизнью является преимущественно когнитивным конструктом. Социальная активность, ориентация на будущее, а также успешно построенная карьера куда более значимы для индивида, нежели актуальное состояние его здоровья и показатели выраженности процессов старения. Действительно, грядущий уход на пенсию, смена основной деятельности и социального статуса является сложным процессом, когнитивный компонент осознания и принятия которого необходимо поддерживать положительным сравнением реального и идеального жизненных контекстов. Вероятнее всего, на этот показатель влияет именно восприятие и оценка человеком жизненной ситуации, нежели реальные медицинские показатели. Биологическое старение не является настолько значимым (по крайней мере, не в таком возрасте), как ощущение себя здоровым, полным сил, находящимся в начале пути.

Можно предположить, что именно наличие когнитивных конструкторов позитивного восприятия жизненной ситуации и себя конструирует благоприятную картину удовлетворенности жизнью, отодвигая реальные биологические показатели на второй план. Необходимо также принять во внимание и обустройство личной жизни и семейность человека, так как и под ориентацией на будущее, и под карьерой и активностью в течение жизни могут лежать более глубокие смысловые структуры, связанные с близким окружением личности.

По результатам нашего исследования были выявлены показатели психологического и биологического возрастов и компонентов удовлетворенности жизнью у группы лиц предпенсионного возраста от 45 до 60 лет. Анализ данных показал, что можно говорить о связи показателей удовлетворенности жизнью и когнитивной оценкой параметров жизненного пути, ориентации на будущее относительно временной жизненной перспективы обратной взаимосвязи с ориентацией на настоящее вне зависимости от эмоциональной окраски данного восприятия. Биологические параметры старения в данном возрастном срезе играют куда меньшую роль, чем отрефлексированная оценка текущей жизненной ситуации, причем это справедливо для мужчин и женщин, но данный параметр у женщин актуализирован сильнее. Это может быть связано с преобладанием когнитивного компонента оценки в конструкторе удовлетворенности жизненной ситуацией.

В дальнейшем необходимым для изучения является анализ и поиск взаимосвязей именно личностных и смысловых факторов с удовлетворенностью жизнью. По всей видимости, медицинские и биологические показатели, которые объективно должны влиять на этот параметр, в предпенсионном возрасте не настолько актуальны, и требуется именно качественный анализ компонентов старения для дальнейшего поиска значимых связей.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058. Автор благодарит руководителя проекта, Березину Т.Н.

Список литературы:

1. Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал. 2010. Т. 21. №2. С. 40–48.
2. Мельник В.П. К вопросу о факторах удовлетворенности жизнью в зрелом и пожилом возрасте в контексте когнитивного и аффективного компонентов человеческой психики // Биопсихологический возраст и здоровье профессионалов: коллективная монография / под ред. Т.Н. Березиной. М.: ИД Академии Жуковского, 2020. 231 с.
3. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 332 с.
4. Селигман Мартин Э.П. Новая позитивная психология. М.: София, 2006. 347 с.
5. Мардасова Т. А. Специфика ценностно-смысловой сферы личности незамужних женщин с различной степенью одиночества // Психология личностных проявлений в процессе жизнеосуществления человека / Под ред. Л.Д.Деминой, И.А. Ральниковой, Д.В. Труевцева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 359 с.

6. Мардасова Т.А. Потенциал концепции зависимой личности: вопросы современной аддиктологии // Человек в трудной жизненной ситуации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Барнаул, 28 ноября 2014 г.). Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2015. С. 182-186.

7. Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 319 с.

8. Березина Т. Н. Здоровье как фактор индивидуальной продолжительности жизни россиян в XX веке // Психолог. 2017. № 3. С.72-87.

9. Litvinova A.V. Sociocultural determinants of subculture orientation in adolescents // Psychological Science and Education psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 1. Pp. 37-46. doi:10.17759/psyedu.2014060106.

10. Litvinova A.V., Mirimanova M.S. Legal awareness of adolescents as a factor of the psychological safety of educational environment [Elektronnyi resurs] // Psychology and Law. 2015. Pp. 108-111.

11. Berezina T.N. Individual life expectancy as a psychogenetic feature // Voprosy Psikhologii. 2018. № 2. Pp. 79 – 88.

12. Berezina T.N. Research of the psychological interconnection between the basic odors and the emotional state of a human being // Asian Social Science. 2014. Т. 10. № 21. Pp. 159-167.

13. Berezina T.N., Mansurov E.I. Influence of stress factors on life expectancy of cosmonauts // Voprosy Psikhologii. 2015. № 3. Pp. 73-83.

14. Мельник В.П. Анализ показателей биологического и психобиологического возрастов у безработных и работающих граждан среднего возраста // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №6. С. 45.

15. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2015. 672 с.

16. Истратова О.Н., Эксакусто Т.В. Психодиагностика. Коллекция лучших тестов. Изд. 8-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 375 с.

17. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. №3. С.101-109.

18. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб: Питер, 2001. С. 182-190.

19. Мельник В.П. Взаимосвязь показателей удовлетворенности жизнью и параметров биопсихологического возраста у лиц предпенсионного возраста. // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №6. С.44.

References

1. Dzhidar'yan I.A. Schast'evpredstavleniyakhobydennogosoznaniya // Psikhologicheskii zhurnal. 2010. Т. 21. №2. Pp. 40–48.

2. Mel'nik V.P. K voprosu o faktorakh udovletvorennosti zhizn'yu v zreloom i pozhilom vozraste v kontekste kognitivnogo i affektivnogo komponentov chelovecheskoi psikhiki // Biopsikhologicheskii vozrast i zdorov'e professionalov: kollektivnaya monografiya / pod red. T.N. Berezinoi. М.: ID Akademii Zhukovskogo, 2020. P.231.

3. Argail M. Psikhologiya schast'ya. 2-e izd. SPb.: Piter, 2003. 332 p.

4. Seligman Martin E.P. Novaya pozitivnaya psikhologiya. М.: Sofiya, 2006. 347 p.

5. Berezina T.N. Zdorov'e kak faktor individual'noi prodolzhitel'nosti zhizni rossiyan v XX veke // Psikholog. 2017. № 3. Pp.72 – 87.

6. Mardasova T.A. Potentsial kontseptsii zavisimoi lichnosti: voprosy sovremennoi addiktologii // Chelovek v trudnoi zhiznennoi situatsii: materialy Vserossiiskoi nauchno-

prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Barnaul, 28 noyabrya 2014 g.). Barnaul: Izd-vo Alt.un-ta, 2015. Pp. 182-186.

7. Berezina T.N. Mnogomernaya psikhika. Vnutrennii mir lichnosti. M.: PER SE, 2012. 319 p.

8. Berezina T.N. Zdorovye kak factor individual'noi zhizn'noi zhiznii rossiikh v XX veke // Psikhologichest. 2017. № 3. Pp.72-87.

9. Litvinova A.V. Sociocultural determinants of subculture orientation in adolescents // Psychological Science and Education psyedu.ru. 2014. T. 6. № 1. Pp. 37-46.

10. Litvinova A.V., Mirimanova M.S. Legal awareness of adolescents as a factor of the psychological safety of educational environment [Elektronnyi resurs]. Psychology and Law. 2015. Pp. 108-111.

11. Berezina T.N. Individual life expectancy as a psychogenetic feature // Voprosy Psikhologii. 2018. № 2. Pp. 79-88.

12. Berezina T.N. Research of the psychological interconnection between the basic odors and the emotional state of a human being // Asian Social Science. 2014. T. 10. № 21. Pp. 159-167.

13. Berezina T.N., Mansurov E.I. Influence of stress factors on life expectancy of cosmonauts // Voprosy Psikhologii. 2015. № 3. Pp. 73-83

14. Mel'nik V.P. Analiz pokazatelei biologicheskogo i psikhobiologicheskogo vozrastov u bezrobotnykh i rabotayushchikh grazhdan srednego vozrasta // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2019. №6. P. 45.

15. Raigorodskii D.Ya. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy. posobie. Samara: Izdatel'skii Dom «BAKhRAKh-M», 2015. – 672 p.

16. Istratova O.N., Eksakusto T.V. Psikhodiagnostika. Kolleksiya luchshikh testov. Izd. 8-e. Rostov-na-Donu: Feniks, 2011. 375 p.

17. Syrtsova A., Sokolova E.T., Mitina O.V. Adaptatsiya oprosnika vremennoi perspektivy lichnosti F. Zimbardo. // Psikhologicheskii zhurnal. 2008. T. 29. №3. Pp.101-109.

18. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa. SPb: Piter, 2001. Pp. 182-190.

19. Mel'nik V.P. Vzaimosvyaz' pokazatelei udovletvorennosti zhizn'yu i parametrov biopsikhologicheskogo vozrasta u lits predpensionnogo vozrasta // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2020. №6. P.44.

Орлов Владимир Владимирович

старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, кандидат медицинских наук
e-mail: pallidum@yandex.ru

Orlov Vladimir Vladimirovich,

senior lecturer of the Department of Psychology of Professional Activity in the UIS, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Rязan, Russia, Candidate of Medical Sciences

ОБ ОПЫТЕ ДИСТАНЦИОННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КОРОНОВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

ABOUT THE EXPERIENCE OF DISTANCE TEACHING IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Аннотация. В статье излагается собственный опыт автора по преподаванию в дистанционной форме обучения. Описан подход обучающихся к процессу получения знаний в цифровой среде и трансформация их отношения к преподавательскому составу. Наблюдения автора объективно подтверждаются результатами анкетирования, проведённого среди обучающихся в конце учебного года.

Abstract. The article describes the author's own experience in teaching in the distance learning form. The approach of students to the process of obtaining knowledge in the digital environment and the transformation of their attitude to the teaching staff is described. The author's observations are objectively confirmed by the results of a survey conducted among students at the end of the academic year.

Ключевые слова: цифровизация; электронное образование; образовательные технологии; роль преподавателя.

Keywords: digitalization; e-education; educational technologies; the role of the teacher.

Бурное развитие в первом десятилетии XXI века цифровых технологий привело к революционным изменениям в информационном обмене. Информация стала доступна каждому жителю Земли, скорость её получения повысилась до практически моментальной, а традиционные хранилища информации (библиотеки, музеи, учебные заведения, научные центры и т.п.) утратили монополию на неё.

Подобные изменения не могли не затронуть такую часть информационного обмена, как образовательный процесс. В сложившейся ситуации цифровизация образования была предрешена и случившаяся в 2020-м году пандемия короновиральной инфекции не породила проблему, а всего-лишь ускорила этот процесс.

Необходимо напомнить, что в нашей стране такие понятия, как «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии (ДОТ)» были законодательно закреплены ещё в 2012-м году принятием Федерального закона №273 «Об образовании в Российской Федерации». То есть, уже в 2012-м году федеральное законодательство гарантировало всем желающим возможность получения образования удалённо. При этом, законом была оговорена возможность опосредованного (дистанционного) взаимодействия обучающихся и педагогических работников [5].

Последнее вызвало всплеск пессимизма со стороны экспертного сообщества от заявлений, что новые реалии «...предусматривают преобразование суперпозиции преподавателя и субординированной позиции студента в личностно равноправные позиции» [3] вплоть до «...не будет ли в условиях дистанционного образования личность преподавателя «аннигилирована»» [2].

Невозможно не согласиться, что в условиях свободного и неограниченного доступа к информации, возможности у любого обучающегося дистанционно выбрать себе не только ВУЗ, но и конкретного преподавателя, профессия педагога подвергнется серьёзной трансформации.

Вместе с тем, так же нельзя согласиться и с пессимистическими прогнозами о полном отмирании профессии педагога, как ненужной прослойки между обучающимися и знаниями.

Цифровизация образования породила ряд проблем, которые, как мы считаем, крайне невысокий процент учащихся способен разрешить самостоятельно, без помощи педагога.

В 2020/2021 учебном году, в условиях пандемии коронавирусной инфекции, автор этих строк вёл учебные занятия в дистанционной форме у 13 групп студентов и курсантов Академии ФСИН России общей численностью 232 человека. На основе анализа успеваемости указанных обучающихся, были сделаны следующие выводы о негативных моментах их самостоятельной подготовки к учебным занятиям.

В начале года, в подавляющем большинстве случаев, выполнение домашних заданий осуществлялось обучающимися по принципу наименьшего сопротивления. То есть, в случае получения в качестве домашнего задания, например, написание реферата определённой тематики, реферат, как правило, не писался, а скачивался с интернета.

Причём, даже в этом у обучающихся отсутствовал творческий подход и для подготовки ответа бралась первая по релевантности ссылка. В результате в каждой группе от 48 до 75% обучающихся сдавали на проверку один и тот же текст, полученный ими из одного источника.

Следующим способом уменьшения энергозатрат при подготовке домашних заданий являлось полное отсутствие работы со скачанными из интернета текстами. Около 40% сданных работ соответствовали тематике домашнего задания частично или не соответствовали совсем. Работы, скомпилированные из нескольких источников, как правило, представляли собой «нарезку» из нескольких разнородных, не связанных между собой ни стилистически, ни логически фрагментов.

Таким образом, без участия преподавателя обучающимися в плане подготовки домашних заданий были выбраны формальный подход и рефлексивная модель поведения, которая способствовала развитию не когнитивных способностей, а навыков скоростного поиска информации в интернете. Причём, в жертву скорости процесса в большинстве случаев приносилось качество искомой информации, которое кроме того никак не контролировалось и не перепроверялось.

В качестве мер противодействия данной тенденции автором было введено следующее: 1) все одинаковые работы не оценивались; 2) так же не оценивались работы, которые находились в интернете в первых десяти пунктах по релевантности; 3) работы, не соответствующие заданной теме, не оценивались; работы, частично соответствующие тематике, отправлялись на доработку; 4) для всех работ была введена проверка системой «Антиплагиат» и, в случае показания ею коэффициента новизны менее 60%, работа так же отправлялась на доработку.

Данными методами удалось простимулировать творческий потенциал обучающихся, но, к сожалению, он оказался направлен не на качественное усвоение материала, а на попытки обойти новые требования.

Так, в целях обмана системы «Антиплагиат», обучающимися предпринимались следующие мероприятия.

1. В словах, содержащих печатные знаки визуально не отличающиеся при наборе их в русской и в латинской раскладках клавиатуры, один из символов (чаще «е» или «о») печатался в латинской раскладке, в то время, как остальное слово было напечатано в русской раскладке. До недавней модернизации система «Антиплагиат» такие слова не распознавала и, следовательно, не могла определить соответствие фрагмента тексту, из которого он был скомпилирован.

2. Текст на русском языке через браузерный переводчик переводился на английский язык, после чего вновь с полученного английского перевода переводился повторно на русский. Деформация текста, возникающая при этой процедуре, делала его так же трудно пригодным для сопоставления системой «Антиплагиат», однако, легко обнаруживалась при вычитке по нетипичным для русского литературного языка оборотам и построениям фраз.

3. Была использована специальная программа, которая в режиме «скрытый символ» вставляла в слова невидимый знак (чаще «градус»). Внешне не изменяясь для прочтения с экрана, слово, таким образом, в восприятии компьютера разбивалось на два фрагмента, не имеющих смысла, и так же исключалось из алгоритма сопоставления системы «Антиплагиат». Подобное разбиение слов легко определяется в режиме «Показать все символы» (Ctrl+*) и устраняется переформатированием текста.

Попытки фальсификаций предпринимались и во время рубежных проверок знаний. Они, как правило, проводились в форме тестирования в электронной образовательной среде организации, где обучающимся предлагался вопрос и несколько вариантов ответов на него, причём обучающимся требовалось выбрать из предложенного списка один или несколько правильных.

Интересно, что подход к обману преподавателя в данном случае зависел от микроклимата, преобладающего в учебной группе. Так, группы, имеющие высокую степень сплочённости, делегировали одного обучающегося для прохождения теста и за время его прохождения успевали зафиксировать (как правило, сфотографировать на телефон, экран компьютера) вопросы и варианты ответов. Далее правильные ответы искали в учебниках или в интернете и остальная группа сдавала тест на положительные оценки.

В группах с низкой степенью сплочения и неблагоприятным психологическим климатом, где не находилось желающих жертвовать собой во имя остальных, такие попытки носили более изощённый характер

– вплоть до взлома аккаунтов уже сдавших тест одногруппников с целью ознакомиться с содержанием теста.

На основании полученного опыта, автор пришёл к заключению, что демократические методы преподавания или, выражаясь словами Е.В. Валяевой, «лично равноправные позиции» студента и преподавателя [3], у нас пока не работают и обучающимся необходимо авторитарно создать такой уровень требований, когда попытки обмануть преподавателя станут затратнее, чем само выполнение задания.

Истинность или ложность своих предположений автор решил проверить в конце учебного года, проведя среди обучающихся анкетирование, в котором приняли участие 114 учащихся обоих полов. Анкета предусматривала анонимность респондентов и содержала помимо общих вопросов (пол, возраст, год обучения/курс, время нахождения на дистанционном обучении) следующие пункты:

1. Основные преимущества очных форм обучения;
2. Основные недостатки очных форм обучения;
3. Основные преимущества дистанционных форм обучения;
4. Основные недостатки дистанционных форм обучения;
5. Из двух форм для постоянного обучения Вы бы выбрали (предложены варианты ответа «очная»/«дистанционная»);
6. При необходимости сочетания обеих форм, с Вашей точки зрения, оптимальным было бы следующее соотношение форм обучения;
7. Вы бы предпочли очное проведение (предложены варианты ответа «лекций», «семинаров», «практических занятий»);
8. Вы бы предпочли дистанционное проведение (предложены варианты ответа «лекций», «семинаров», «практических занятий»);
9. Преподавателя в условиях дистанционного обучения Вы рассматриваете как (предложены варианты ответа «источник знаний», «модератор информации», «мотиватор деятельности»; допускалось выбрать несколько вариантов).

Получены при этом были следующие результаты.

Число сторонников очных и дистанционных форм обучения разделилось ровно пополам (57/57 голосов).

Основным достоинством очных форм обучения подавляющее большинство респондентов (93%) назвало живое общение с преподавателем и одногруппниками.

Ещё большее число респондентов (98%) склонилось к тому, что основным достоинством дистанционных форм является более удобный график и возможность самостоятельно планировать учебное время.

Основным недостатком очных форм обучения, по мнению большинства анкетированных (63%), являются нерациональные временные затраты (неудобное расписание занятий, обучение во вторую смену с поздним окончанием занятий, затраты времени на дорогу до ВУЗа и обратно и т.п.).

Основным недостатком дистанционных форм обучения респонденты назвали недостаточный контакт с преподавателем (31%) и, как следствие, низкое усвоение материала из-за наличия большого числа непонятых вопросов, низкую мотивацию, недопонимание с обеих сторон, которого можно было бы избежать при непосредственном общении. Справедливости ради, необходимо отметить, что почти такой же процент анкетированных (28%) ответил, что не видит недостатков в дистанционном образовании – респондентов, которые не выявили недостатков в очной форме образования было всего 10%.

На вопрос «При необходимости сочетания обеих форм, с Вашей точки зрения, оптимальным было бы следующее соотношение форм обучения...» 71% респондентов назвал соотношение очных и дистанционных форм 50/50. Соотношения, смещённые в сторону очных форм обучения (были предложены варианты 60/40 и 80/20) выбрало 10% опрошенных. К соотношениям с преобладанием дистанционных форм (варианты: 30/70; 20/80; 40/60) склонилось 16% респондентов. Оставшийся процент голосов по данному вопросу принадлежит респондентам, которые затруднились с ответом.

В рамках нашей темы нам наиболее интересен последний вопрос анкеты: «Преподавателя в условиях дистанционного обучения Вы рассматриваете как...». В качестве ответа предлагалось три варианта: «источник знаний», «модератор информации», «мотиватор деятельности»; допускалось выбрать несколько вариантов.

Подавляющее число обучающихся (72 голоса) назвало преподавателя модератором информации. По 36 голосов распределилось между «источник знаний» и «мотиватор деятельности». Как мы видим, две трети обучающихся полагаются на собственные силы в вопросах поиска информации и отводят преподавателю роль организатора учебного процесса и помощника в обработке и анализе уже имеющейся информации [1].

При этом проследилась интересная корреляция. Из числа обучающихся, назвавших преподавателя преимущественно мотиватором деятельности, 58% высказалось за очную форму обучения. Приблизительно такой же процент голосов (55%) отдали за очную форму обучения и те, кто считает преподавателя преимущественно модератором информации. Единственной группой отдавшей предпочтение дистанционным формам обучения, стали респонденты, назвавшие преподавателя источником знаний; в ней за удалённые методы обучения отдало голоса 72% участников.

Таким образом, полученные результаты можно рассматривать, как иллюстрацию общей тенденции эпохи цифровизации информационного обмена – учащиеся более не рассматривают преподавателя единственно в роли источника знаний; они обладают достаточными навыками по самостоятельному поиску её в интернете. Но так же ими отдаётся себе отчёт, что поиск информации без навыков её обработки и критического

переосмысления, тем более при работе с большими или специфическими информационными массивами, не способен принести должного результата. Потому преподаватель рассматривается ими, в первую очередь, как консультант, способный помочь систематизировать и проанализировать найденную информацию. Так же, к чести наших обучающихся надо отметить, что они достаточно трезво оценивают свои волевые качества и потому значительный их процент делегирует преподавателю функционал по формированию мотивации.

Завершить данное сообщение хотелось бы словами Президента Российской Федерации В.В. Путина, сказанными им на встрече с учителями и студентами педагогических вузов 5 октября 2020 г.: «...разговоры о закрытии школ, о якобы полном переходе в будущем на дистанционный формат обучения являются несерьёзными, потому что как бы ни развивались технологии, но именно совместная работа, творчество, прямое, непосредственное общение ученика и учителя – это то, что даёт высокое качество образования» [4].

Список литературы:

1. Заборова Е.Н., Глазкова И.Г., Маркова Т.Л. Дистанционное обучение: мнение студентов // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 131-139.
2. Квачев В.Г., Юдина М.А. Индустрия 4.0: Поражение работы или победа творческого труда? // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 140-158.
3. Валяева Е.В. Ролевые позиции педагога в новой образовательной парадигме [Электронный ресурс] //URL:<http://festival.1september.ru/agiic^/210357/> (дата обращения 05.07.2021).
4. Путин В.В. Встреча с учителями и студентами педагогических вузов [Электронный ресурс] //URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/64159> (дата обращения 08.07.2021).
5. Федеральный закон от 29.12.2012 №273 «Об образовании в Российской Федерации» (2012) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 08.07.2021).

References:

- 1.Zaborova E.N., Glazkova I.G., Markova T.L. Distancionnoe obuchenie: mnenie studentov // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 2. Pp. 131-139.
2. Kvachev V.G., YUdina M.A. Industriya 4.0: Porazhenie raboty ili pobeda tvorcheskogo truda? // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2017. № 64. Pp. 140-158.
3. Valyaeva E.V. Rolevye pozicii pedagoga v novej obrazovatel'noj paradigme [Elektronnyj resurs] //URL:<http://festival.1september.ru/agiis^/210357/> (data obrashcheniya 05.07.2021).
4. Putin V.V. Vstrecha s uchitelyami i studentami pedagogicheskikh vuzov [Elektronnyj resurs] //URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/64159> (data obrashcheniya 08.07.2021).
5. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 №273 «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (2012) [Elektronnyj resurs] // URL:

Павлова Мария Владимировна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: *Yannispavlolva@yandex.ru*

Pavlova Maria Vladimirovna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕТЕЙ С ОВЗ К ШКОЛЬНОМУ
ОБУЧЕНИЮ**

**PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CHILDREN WITH DISABILITIES TO
SCHOOL EDUCATION**

Аннотация. В статье рассмотрены психологические аспекты адаптации и дезадаптации детей с ОВЗ к условиям школьного обучения, приведены результаты исследования особенностей адаптации детей с ОВЗ к школьному обучению.

Annotation. The article discusses the main psychological aspects of adaptation of children with disabilities of primary school age, the results of the study of the peculiarities of adaptation of children with disabilities to school education.

Ключевые слова: школьная адаптация, школьная дезадаптация, младший школьный возраст, дети с ОВЗ.

Keywords: school adaptation, school maladaptation, primary school age, children with disabilities.

На современном этапе развития интеграционных процессов в образовании проблема адаптации детей с ОВЗ к условиям общеобразовательной школы имеет приоритетное значение [10]. Проблемой адаптации к школьному обучению занимались многие ученые в психологии и педагогике. Термин «адаптация» (от лат. *adaptio* – «приспособление») впервые ввел немецкий физиолог Х. Ауберт в во второй половине XIX в.

В Психологическом словаре адаптация трактуется как приспособление строения и функций организма, его органов и клеток к условиям среды [6].

Адаптация к школе – это «перестройка познавательной, мотивационной и эмоционально-волевой сфер ребенка при переходе к систематическому организованному школьному обучению» [4, с. 181]. Успешность такой перестройки, с психологической точки зрения, зависит от уровня развития интеллектуальных функций, эмоционально-волевой сферы, сформированности коммуникативных навыков. А. Ребер в большом толковом психологическом словаре дает следующее определение понятия

«адаптация к школьному обучению» – «это степень, в которой ребенок обладает необходимыми умениями и оказывается в состоянии отвечать требованиям и ожиданиям, предъявляемым к нему школьным обучением, и определяет, насколько хорошо он к ним приспособлен. Адаптация может оценивать степень, с которой ребенок достигает целей обучения или обладает ли ребенок умениями самоконтроля, концентрации внимания и другими способностями, позволяющими ему контролировать и направлять свое поведение в желательном направлении. Третья область, социально-эмоциональная адаптация, зависит от социальных умений ребенка и норм группы сверстников» [11, с.41].

Обращаясь же к теме школьной адаптации в более широком ключе – с точки зрения перспектив развития личности, необходимо отметить, что одновременно с началом обучения в школе, первоклассник вступает в новый психологический возраст – младший школьный возраст, с сопровождающими этот переломный момент сменой ведущего типа деятельности, новой социальной ситуацией развития, возрастными новообразованиями, переживанием кризиса семи лет. Становление личности и социальной идентичности младшего школьника связано с формированием чувства умелости, компетентности, полноценности (по Э. Эриксону), чему способствует успешная адаптация к школе [5].

Именно в первом классе закладывается отношение ребенка к учебной деятельности, и от того, как пройдет период школьной адаптации, зависит последующий интерес к учебе и учебная успешность. Л.С. Выготский отмечал, что «готовность к школьному обучению заключается не столько в количественном запасе представлений, сколько в уровне развития познавательных процессов» [3, С. 202]. Обобщая вышесказанное, мы можем отметить, что адаптация к школьному обучению включает физиологическую, психологическую, социальную и личностную готовность ребенка к обучению.

Большинство авторов рассматривают адаптацию ребенка к школе как сложный многоуровневый процесс, составляющими которого являются физиологическая и социально-психологическая адаптация. Физиологическая адаптация заключается в приспособлении организма ребенка к новому ритму жизни и интеллектуальным нагрузкам и включает три основных этапа: 1) ориентировочный, характеризующийся бурной реакцией и значительным напряжением практически всех систем организма (длится 2–3 недели); 2) неустойчивое приспособление, когда организм ребенка находит приемлемые, близкие к оптимальным варианты реакций на новые условия; 3) период относительно устойчивого приспособления, когда организм реагирует на нагрузки с меньшим напряжением.

Продолжительность всех трех этапов составляет около 5–6 недель. Особенно сложными являются первые 4 учебные недели, когда детский организм расходует значительную часть своих ресурсов, что неизбежно

отражается на состоянии здоровья детей - не случайно в сентябре многие первоклассники болеют [1, С. 16].

Проявлениями трудностей привыкания и перенапряжения организма в процессе адаптации, по наблюдениям медиков, являются: потеря веса, нарушения артериального давления, головные боли, усталость, недомогания. Кроме того, в поведении детей в этот период часто наблюдаются капризность и снижение способности к саморегуляции. Социально-психологическая адаптация состоит в привыкании ребенка к новому социальному окружению, связана с освоением новой социальной роли и принятием позиции школьника [7].

В массовой школе учится значительное число детей, которые уже в начальных классах не справляются с программой обучения и испытывают сложности в общении. Особенно остро эта проблема стоит перед детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ): образование таких детей является одной из наиболее актуальных психолого-педагогических проблем [8]. Дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) – это дети, состояние здоровья которых препятствует освоению образовательных программ вне специальных условий обучения и воспитания [2].

Согласно закону «Об образовании в Российской Федерации», образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья может быть организовано как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность [13]. Таким образом, фактически закон дает выбор из трех возможностей – либо организовать образование лиц с ограниченными возможностями здоровья полностью инклюзивно, то есть в общих классах, либо создать для них отдельные классы в образовательных учреждениях, либо создать отдельные (специальные, коррекционные) образовательные учреждения для таких лиц. Организация обучения детей с ОВЗ в образовательных учреждениях общего типа, позволяет обеспечить их постоянное общение с нормально развивающимися детьми и, таким образом, способствует эффективному решению проблем социальной адаптации и интеграции в общество.

Дети с ОВЗ нуждаются в особых условиях, в связи с чем, современная система образования нацелена на развитие готовности образовательной среды к работе с детьми с ОВЗ. Для этого разрабатываются соответствующие индивидуальные программы на основе учета всех особенностей развития детей с привлечением различных специалистов (дефектолог, логопед, врач, психолог и т.д) осуществляющих сопровождение в рамках своей специализации. В свою очередь, психолог отвечает за процесс психологического сопровождения детей с ОВЗ. Дети с отклонением в развитии – учащиеся, у которых физические и психические отклонения приводят к нарушению общего развития и социально-психологической дезадаптации.

Исходя из этого, под школьной дезадаптацией детей с ОВЗ мы будем понимать какое-либо нарушение адаптации, приспособления организма к постоянно меняющимся условиям образовательной среды школы. Главными причинами школьной дезадаптации мы считаем следующие: недостаточное интеллектуальное и психомоторное развитие ребенка, игнорирование взрослыми индивидуальных особенностей детей, что приводит к возникновению проблем адаптации к школьному обучению детей с ОВЗ.

Т.М. Ташина отмечает, что проявления школьной дезадаптации у детей с ОВЗ различны, к ним относят неумение контролировать свое поведение, неуспешность в овладении учебных программ, нарушения взаимоотношений со сверстниками и педагогическим коллективом [11]. Мы согласны с мнением Е. В. Панфиловой, которая считает, что, согласно классификации категорий детей с ОВЗ, к наиболее распространенным проблемам адаптации детей с ОВЗ к школьному обучению относятся: – проблема социальной адаптации; – низкий уровень интеллекта; – нарушение взаимоотношений со взрослыми и сверстниками; – повышенная утомляемость [9].

Нами проводилось экспериментальное исследование на базе Раменской СОШ №21. Выборка представлена первоклассниками с ограниченными возможностями здоровья, в количестве 6 человек, из них 4 ребенка с ЗПР, у 2 детей легкая умственная отсталость. Возраст испытуемых 8 лет. Целью исследования выступило изучение особенностей адаптации детей с ОВЗ к школьному обучению. В качестве диагностического инструментария нами использовалась методика на исследования уровня сформированности внутренней позиции школьника, мотивации учения детей с ОВЗ по методике «Беседа о школе» (автор – Т. А. Нежнова).

Далее описаны результаты экспериментального исследования уровня сформированности внутренней позиции школьника, мотивации учения детей с ОВЗ по методике «Беседа о школе» (автор – Т.А. Нежнова).

Анализируя результаты, представленные в таблице 1, можно отметить, что у большинства детей с ОВЗ (66,6%) отрицательное отношение к школе и поступлению в нее, полученные ответы указывают на отсутствие интереса данных детей к обучению и школьному содержанию занятий, предпочтению уроков «школьного» типа урокам «дошкольного» типа, социального способа оценки своих знаний (отметки) дошкольным способам поощрения (сладости, подарки), то есть несформированность внутренней позиции школьника и предпочтения дошкольного образа жизни. У 2 детей (33,4%) выявлено положительное отношение к школе, но при условии сохранения дошкольного образа жизни, то есть у данных детей отсутствует ориентация на содержание школьно–учебной действительности, при этом присутствует предпочтение классных коллективных занятий индивидуальным занятиям дома.

Таблица 1

Результаты экспериментального исследования уровня сформированности внутренней позиции школьника, мотивации учения детей с ОВЗ (по методике «Беседа о школе» Т. А. Нежнова)

№ п/п	Нарушение в развитии	Вопросы/ баллы							Отношение к школе/ уровень
		А	А	Б	Б	А	Б	А	
1	Легкая умственная отсталость	А	А	Б	Б	А	Б	А	1
2	ЗПР	А	А	Б	Б	А	Б	А	1
3	ЗПР	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	0
4	ЗПР	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	0
5	Легкая умственная отсталость	А	А	Б	Б	Б	Б	А	1
6	ЗПР	Б	Б	Б	Б	Б	Б	Б	0

Примечание: А – балл в счет сформированности внутренней позиции школьника;
Б – балл в счет несформированности внутренней позиции школьника и предпочтения дошкольного образа жизни.

На основании результатов, полученных при диагностике уровня адаптации детей с ОВЗ к школе, мы выявили, что в период адаптации к школе детям с ОВЗ свойственны такие признаки дезадаптации, низкий уровень школьной мотивации и несформированность внутренней позиции, что связано с особенностями психического и физического развития данных детей.

Обобщая все вышесказанное, можем предположить, что отклонения в развитии личности детей с ОВЗ вызывают нарушения в области познания и коммуникации, и могут приводить к нарушению их эмоционально–волевой сферы, низкому уровню школьной мотивации, что, в свою очередь, может стать причиной возникновения патологических форм поведения, школьной дезадаптации.

Список литературы:

1. Александровская Э. М. Социально-психологические критерии адаптации к школе. М., 2008. 153 с.
2. Боровик С.С. Адаптация лиц с ограниченными возможностями здоровья в образовательных учреждениях // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1283-1285.
3. Выготский Л.С. Основные проблемы дефектологии // Том 5 из собрания сочинений в шести томах. М.: Педагогика, 1982. 314 с.
4. Гакаме Ю.Д. Трудности адаптации детей к школьному обучению / Ю.Д. Гакаме, М.Э. Тавадьян // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 34. С. 181-185.
5. Дорожевец Т.В. Изучение школьной дезадаптации: науч. изд. Витебск, 2005. 182 с.
6. Зинченко В.П. Психологический словарь / В.П. Зинченко, Б.Г. Мещеряков. М.: Прайм–Еврознак, 2003. 672 с.

7. Малер А.Р. Ребенок с ограниченными возможностями. М.: Педагогика–Пресс, 2006. 284 с.
8. Малофеев Н.Н., Никольская О.С., Кукушкина О.И., Гончарова Е.Л. Единая концепция специального федерального государственного стандарта для детей с ограниченными возможностями здоровья // *fgos_koncepciy.pdf* (gim47ngo.ru)
9. Панфилова Е. В. Особенности обучения в коррекционной школе: проблемы учащихся с ограниченными возможностями здоровья / Е. В. Панфилова // Педагогика: традиции и инновации. Челябинск, 2012. С. 141-143.
10. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
11. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. М.: Вече, 2011. 560 с.
12. Ташина Т. М. Адаптация первоклассников с задержкой психического развития к школьному обучению // Ученые записки СПбГИПСР. 2014. № 1. С. 116-120.
13. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N273-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс (consultant.ru).

References:

1. Aleksandrovskaya E. M. Social'no-psihologicheskie kriterii adaptacii k shkole. M., 2008. 153 p.
2. Borovik S. S. Adaptaciya lic s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah // *Molodoj uchenyj*. 2015. № 11. Pp. 1283-1285. URL <https://moluch.ru/archive/91/19684/>
3. Vygotskij L.S. Osnovnye problemy defektologii // Tom 5 iz sobraniya sochinenij v shesti tomah / L.S. Vygotskij. M.: Pedagogika, 1982. 314 p.
4. Gakame, YU. D. Trudnosti adaptacii detej k shkol'nomu obucheniyu / YU. D. Gakame, M. E. Tavad'yan // *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»*. 2017. T. 34. Pp. 181–185.
5. Dorozhevec T. V. Izuchenie shkol'noj dezadaptacii: nauch. izd. Vitebsk, 2005. 182 p.
6. Zinchenko V.P. Psihologicheskij slovar' / V.P. Zinchenko, B.G. Meshcheryakov. M.: Prajm–Evroznaк, 2003. 672 p.
7. Maller A. R. Rebenok s ogranichennymi vozmozhnostyami. M.: Pedagogika–Press, 2006. 284 p.
8. Malofeev N.N., Nikol'skaya O. S., Kukushkina O.I., Goncharova E. L. Edinaya koncepciya special'nogo federal'nogo gosudarstvennogo standarta dlya detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // *fgos_koncepciy.pdf* (gim47ngo.ru).
9. Panfilova E.V. Osobennosti obucheniya v korrekcionnoj shkole: problemy uchashchihsya s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // *Pedagogika: tradicii i innovacii*. CHelyabinsk, 2012. Pp. 141-143.
10. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebник i praktikum dlya vuzov / A. V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.
11. Reber A. Bol'shoj tolkovyj psihologicheskij slovar'. M.: Veche, 2011. 560 p.
12. Tashina, T. M. Adaptaciya pervoklassnikov s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya k shkol'nomu obucheniyu // *Uchenye zapiski SPbGIPSR*. 2014. № 1. Pp. 116-120.
13. Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" ot 29.12.2012 N 273-FZ (poslednyaya redakciya) / Konsul'tantPlyus (consultant.ru).

Пантюх Виктория Викторовна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-
педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: vica027@yandex.ru

Pantuykh Victoria Viktorovna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕ ПОЛНЫХ СЕМЕЙ

GENDER FEATURES OF THE FORMATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS FROM FULL AND INCOMPLETE FAMILIES

Аннотация. Статья посвящена исследованию гендерных особенностей формирования учебной деятельности. Эмпирическое исследование было ориентировано не только на диагностику гендерной идентичности младших школьников, но и на анализ особенностей гендерной идентичности младших школьников из полных и неполных семей.

Annotation. The article is devoted to the study of gender characteristics of the formation of educational activities. The empirical research was focused not only on diagnosing the gender identity of primary schoolchildren, but also on analyzing the characteristics of the gender identity of primary schoolchildren from complete and single-parent families.

Ключевые слова: Гендерные особенности, социальные роли, учебная деятельность, гендерная идентичность, интеллектуальная личность.

Key words: Gender characteristics, social roles, educational activities, gender identity, intellectual personality.

На современном этапе в педагогической теории и практике отмечается значительный рост интереса к проблеме дифференцированного подхода в воспитании детей разного пола [1; 3; 4]. Многочисленными исследованиями подтверждено, что мальчики и девочки развиваются по-разному во всех аспектах: психологическом, физическом, интеллектуальном. В связи с этим при формировании подрастающей личности необходимо брать во внимание все ее характеристики, в том числе и половую принадлежность ребенка.

Для реализации такого подхода в обучении необходимо применять методы гендерной педагогики, которая занимается проблемами особенностей воспитания мальчиков и девочек. В нашей стране изучением внедрения гендерного подхода в образовательный процесс занимались многие ученые: Л.В.Штылёва, Н.Н. Куинджи, С.В. Козырева, Л.В.Градусова, Е.А.Кудрявцева и др. [2; 6; 7, 8 и др.].

Как известно, уже в младшем школьном возрасте идет процесс становления самосознания ребенка, важным компонентом которого является осознание себя как представителя определенного пола. Начальная школа является базой всего образовательного процесса, так как при переходе в среднее звено, значимость учебы для ребенка снижается, и сформировать грамотную стратегию обучения уже не удастся. В связи с этим, важной задачей отечественной системы образования является учет гендерных особенностей школьников в рамках целостной педагогической системы.

Для реализации такого подхода необходимо умелое сочетание форм учебной деятельности и генотипа ребенка. Гендерный подход создает оптимальные условия для обеспечения равного базового уровня знаний учащимся обоих полов, помогает максимально использовать их индивидуальные возможности и личностные качества в процессе обучения. Успешность в освоении мальчиками и девочками знаний, умений и навыков будет достигнута, если учитель построит урочную систему с учетом детских потребностей, интересов и уровня индивидуальной подготовки.

Неверно усвоенная модель гендерного самосознания чревата негативными последствиями для ребенка в процессе будущей социализации. Влияние гендерного самоопределения распространяется на все стороны человеческой жизни, но особенно отчетливо он проявляется в семье, где происходит его формирование и освоение детьми своей половой роли. На современном этапе, когда наблюдается стремительное увеличение неполных семей, процесс полоролевой самоидентификации у детей затрудняется в разы из-за отсутствия одного из родителей.

Кроме того, для успешного интеллектуального развития ребенка необходимо, чтобы с самого раннего детства в его ближайшем окружении (семье) присутствовали два типа мышления: женский и мужской. При отсутствии этого условия, у детей часто возникают компенсаторные варианты поведения. Например, в семьях, где мальчик растет без отца, у ребенка могут развиваться женские черты характера, или, наоборот, проявляется преувеличенная мужественность в сочетании с зависимым характером.

В контексте нашей проблематики важно отметить, что дети младшего школьного возраста обладают повышенной восприимчивостью к внешним воздействиям, эмоционально податливы и, поэтому, сензитивны к формированию гендерной идентичности и становлению гармоничных взаимоотношений с представителями противоположного гендера.

Для изучения влияния гендерных особенностей на учебную деятельность младших школьников, воспитывающихся в полных и не полных семьях, было проведено эмпирическое исследование на базе Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Гимназия г. Троицка» Московской области. В исследовании приняли участие 18 учащихся 3 класса. Из них - 9 мальчиков и 9 девочек. 8 человек

среди испытуемых воспитываются в полных семьях, 10 испытуемых - в неполных семьях.

Всех респондентов мы распределили на 2 группы: экспериментальная группа (ЭГ) - дети из неполных семей; контрольная группа (КГ) – дети из полных семей. В качестве гипотезы было выдвинуто следующее предположение: полоролевая идентичность младших школьников из полных и неполных семей отличается по уровню сформированности и степени влияния на учебную деятельность.

При проведении исследования были использованы следующие методики: Методика Сандры Бэм по изучению маскулинности - феминности (мужественность-женственность), Методика – Проективный рисунок «Что мне нравится в школе» Н.Г. Лускановой, Анкета для определения школьной мотивации Н.Г. Лускановой.

Анализ данных по методике С.Бэм «Маскулинность - феминность» по всей выборке свидетельствует о том, что у подавляющего большинства респондентов представление о себе не соответствует принятому гендерному представлению. Это в одинаковой степени касается и мальчиков, и девочек.

Большинство испытуемых – 15 чел. (83,2%) выявили показатели явно выраженной андрогинности, только у двух девочек (11,2%) выявлен феминный тип гендера, и у одного мальчика (5,3%) полоролевая идентичность не совпадает с биологическим полом. По результатам диагностики маскулинный тип не выявлен ни у одного респондента.

Феминная идентичность выявлена у 1 мальчика из неполной семьи, что скорее всего объясняется наличием отцовской депривации, а также феминность характеризует 1 девочку из полной семьи и 1 девочку, воспитывающуюся с мамой и бабушкой.

Количественные показатели по методике С.Бэм [1] представлены на рисунке 1. У большинства младших школьников преобладает андрогинность, и можно говорить о том, что у подавляющего большинства испытуемых представление о себе расходятся с общепринятыми гендерными стереотипами, традиционно принятыми в нашей культуре.

Однако, сегодня уже вряд ли можно однозначно утверждать, что андрогинность является лишь следствием отсутствия в семье одного из родителей (чаще – отца). У 8 мальчиков (5 из полных семей, 3 из неполных) выявлена андрогинная идентичность. У 7 девочек (2 – из полных семей, 5 – из неполных) также преобладает андрогинный тип гендерной идентичности. Представляется, что большое значение сегодня имеют и социально-культурные тенденции, направленные на нивелирование половых различий.

Следующие примененные методики были направлены на диагностику отношения младших школьников к школе, характер взаимоотношений с одноклассниками и педагогом, выявление уровня их учебной мотивации.

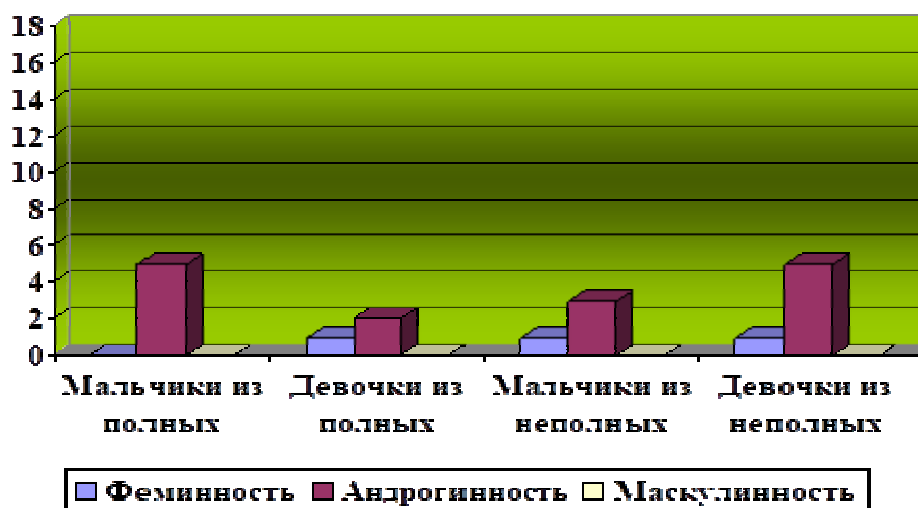

Рис 1 Сравнительные показатели испытуемых по шкале «Маскулинность-Феминность» методики С.Бэм

Выявлено, что все респонденты продемонстрировали положительное отношение к школе. 83% из всей выборки продемонстрировали уровень школьной мотивации выше среднего. Причем эти показатели относительно однородно распределены, как по гендерному критерию, так и по составу семьи школьников.

Анализ данных по Анкете для определения школьной мотивации Н.Г. Лускановой показал следующие результаты:

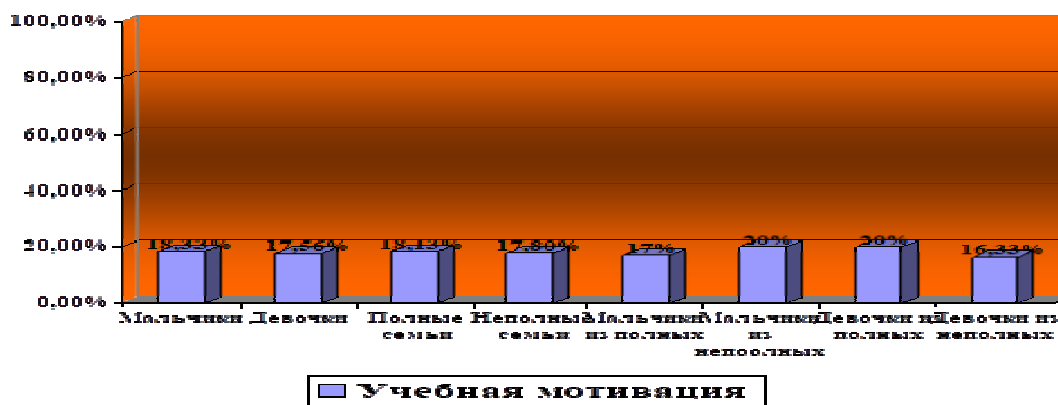

Рис 2 Средние значения уровня учебной мотивации по методике

Наиболее высокий уровень мотивации продемонстрировали дети из неполных семей, по 16,8% мальчики (3 чел.) и девочки (3 чел.). В группе респондентов из полных семей высокий уровень выявлен у 1 мальчика и 2 девочек.

Средний уровень распределился между испытуемыми таким образом: 11,2 % - у мальчиков из полных семей, и по 5,6% составили учащиеся остальных групп.

Низкий уровень школьной мотивации у девочек из полных семей не выявлен, среди мальчиков - у 1 человека, в экспериментальной группе низкая мотивация выявлена у 2 девочек (11,2%) и 1 мальчика (5,6%).

Для выявления значимых различий между группами экспериментальной и контрольной испытуемых мы использовали U-критерий Манна-Уитни. Выявлено, что достоверно значимых различий нет ни по одной шкале. Уровень статистической значимости по всем показателям превышает $p = 0,05$.

Эмпирическое исследование было ориентировано и на анализ особенностей гендерной идентичности младших школьников из полных и неполных семей. Результаты диагностики по методикам Н.Г. Лускановой (рисунок и анкета) выявили некоторую неоднородность в показателях уровня школьной мотивации.

Исходя из полученных контрастных данных, мы видим лишь частичное подтверждение выдвинутой нами гипотезы. Испытуемые продемонстрировали, что уровень сформированности школьной мотивации не всегда значимо обусловлен факторами гендерной идентичности и полнотой состава семьи.

Список литературы:

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2004. 336 с.
2. Градусова Л.В. Гендерная педагогика. М.: Флинта, Наука, 2011. С. 7-27.
3. Дресвянина А.В. Формирование гендерной идентичности младших школьников в образовательном процессе: Автореф. дис. ... кан. пед. наук. Архангельск, 2010. 22 с.
4. Евтушенко И.Н. Гендерный подход в образовании // Начальная школа плюс. До и После. 2011. № 9. С. 38-49.
5. Киммел М. Гендерное общество / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2006. 464 с.
6. Козырева Ю. В. Актуальность гендерного подхода в современном образовании // Молодой ученый. 2015. №14. С. 473-476.
7. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
8. Штылева Л.В. Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании. М., 2014. 16 с.

References:

1. Bem S. Linzy genera: Transformaciya vzglyadov na problemu neravenstva polov / per. s angl. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSPEN), 2004. 336 p.
2. Gradusova L.V. Gendernaya pedagogika. M.: Flinta, Nauka, 2011.- Pp. 7-27.
3. Dresvyanina A.V. Formirovanie gendernoj identichnosti mladshih shkol'nikov v obrazovatel'nom processe: Avtoref. dis. ... kan.ped.nauk. Arhangel'sk, 2010. 22 p.
4. Evtushenko I.N. Gendernyj podhod v obrazovanii // Nachal'naya shkola plus. Do i Posle. 2011. № 9. Pp. 38-49.
5. Kimmel M. Gendernoe obshchestvo / per. s angl. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSPEN), 2006. 464 p.
6. Kozyreva YU.V. Aktual'nost' gendernogo podhoda v sovremennom obrazovanii // Molodoy uchenyj. 2015. №14. Pp. 473-476.
7. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A. V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.

8. SHtyleva L.V. Pedagogika i gender: razvitie gendernykh podhodov vobrazovanii. M., 2014. 16 p.

Пивненко Татьяна Витальевна

педагог-психолог ГБОУ Школа №939,

г. Москва, Россия

кандидат психологических наук

e-mail: tvpschild@mail.ru

Pivnenko Tatiana Vitalievna

teacher-psychologist GBOU School No. 939,

Moscow, Russia

Candidate of Psychological Sciences

СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

WAYS TO MAINTAIN A PSYCHOLOGICALLY SAFE EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN THE CONDITIONS OF MODERN PRESCHOOL EDUCATION

Аннотация. Рассмотрена модель поддержания психологически безопасной образовательной среды в условиях современного дошкольного образования. Обозначены факторы, создающие угрозу психологической безопасности и препятствующие полноценному личностному развитию ребёнка. Описаны особенности игры детей старшего дошкольного возраста, не принимаемых сверстниками (игнорируемых и отвергаемых), проявление в их игре нарушения границ Я.

Annotation. The model of maintaining a psychologically safe educational environment in the conditions of modern preschool education is considered. The factors that pose a threat to psychological safety and hinder the full-fledged personal development of the child are identified. The features of the game of older preschool children who are not accepted by their peers (ignored and rejected), the manifestation of violation of the boundaries of Self in their game are described.

Ключевые слова: психологически безопасная образовательная среда, статус ребенка в группе сверстников, игнорируемые и отвергаемые дети, сюжетно- ролевая игра, содержание игры, сюжет, роль, игровое пространство, психологические границы «Я».

Keywords: psychologically safe educational environment, child's status in peer group, peer rejected children, role play, content of play, plot, role, play space, psychological boundaries of "I".

Все мы родом из детства. Уже давно признан тот факт, что фундамент личности человека формируется в первые 7 лет жизни, а поэтому то, в какой среде растёт ребёнок в этот период времени, какие факторы оказывают решающее воздействие на него, имеет колоссальное значение. Учеными аргументированно доказано, что необходимо стремиться создавать психологически безопасную образовательную среду (далее -ПБОС), начиная

с дошкольной ступени образования, а также осуществлять психологическое просвещение родителей, давая им в руки осмысленные способы поддержания психологически безопасной и благоприятной среды дома. Ведь в настоящее время существует довольно много факторов, создающих угрозу психологической безопасности и препятствующих полноценному личностному развитию ребёнка:

- некомпетентность в вопросах психологии развития и воспитания ребенка со стороны родителей; дефицит родительского внимания к детям (высокая занятость на работе, разводы, неполные семьи);

- стремление педагогов к поддержанию дисциплины и обучению детей в ущерб их психическому развитию и здоровью; угроза перегруженности образовательными программами;

- общая недостаточная толерантность к детям с ОВЗ и с другими трудностями (в обучении, общении, развитии и т. п.);

- недостаток навыков конструктивного общения у детей, конфликты со сверстниками;

- вытеснение компьютерными играми партнерского игрового общения детей, сюжетно-ролевой игры;

- дефицит позитивных и обилие негативных, агрессивных образцов поведения в средствах массовой информации;

- периодически повторяющиеся локдауны в связи с пандемией коронавируса, влияющие на общее восприятие мира ребёнком и его семьи.

В 2009–2012 годах в дошкольном отделении нашей школы (в то время ДООУ №1134) в рамках экспериментальной площадки была разработана модель по созданию ПБОС. В основе модели лежало внедрение развивающей игровой среды для личностного развития ребёнка. С тех пор, эта модель развивается в нашем дошкольном отделении, оттачиваясь и адаптируясь к изменениям в современной образовательной среде (далее - ОС).

Раскроем основы нашей модели и данные исследований результатов её внедрения на тот период времени, а затем покажем, какое применение она находит в настоящее время, помогая поддерживать ПБОС в современных условиях дошкольного образования [4; 5].

Итак, в основе нашей модели лежит игра. В структуре психологической безопасности ОС игра - это:

- Источник социального развития ребенка;
- Средство диагностики психологических проблем ребенка;
- Способ коррекции и профилактики эмоциональных и коммуникативных проблем детей.

Игра может быть способом развития навыков конструктивного общения со сверстниками. В ней возможны подача и освоение позитивных образцов поведения, а также коррекция негативных. В игре можно успешно проводить профилактику негативного влияния проблем детско-

родительских отношений и перегибов в педагогической стратегии воспитателей. В целом, игра снижает влияние факторов, создающих угрозу ПБОС [1; 2; 4].

В основе разработки нашей модели лежали мои диссертационные исследования под руководством профессора Е.В.Филипповой, которые показали, что дети с проблемами в общении, не принимаемые сверстниками, имеют специфические особенности игры, в которых проявляются нарушения границ Я (табл. 1) [6]. Интересно, что ранее уже исследовали детей разного статуса дошкольного возраста и пространство, которое они занимали под игру [8], т.к. эта сторона проливает свет на многие особенности взаимодействия людей в целом и детей в частности [10].

Нарушения границ Я (неустойчивость, нарушение их целостности, защитное усиление барьерной функции границы, нарушение правил и норм, задаваемых извне, неадекватность территориальных границ) были нами выявлены в результате комплекса методик, также была выявлена связь между нарушением границ Я и нарушениями семейных отношений ребенка.

Схема 1. Фактор «Ненормативная игра»

С помощью статистического пакета SPSS по массиву эмпирических данных был проведен факторный анализ, который выявил три значимых фактора, описывающих 65% всей выборки. Наибольший интерес в данном контексте представляет первый фактор F1, отражающий освоение ребенком социальных отношений взрослого мира, который нами условно назван «ненормативная игра» (см. Схему 1).

Установлено, что различия по фактору F1 между принимаемыми детьми и детьми, не принимаемыми сверстниками, статистически значимы – уровень значимости $p < 0,01$.

На основе факторного анализа также был выделен фактор F2 – «нарушение границ Я» и фактор F3 – «агрессивное нарушение ограничений», но в данной статье не будем на них останавливаться. Раскроем параметры игры, связанные с проявлением психологических границ (табл. 1).

Таблица 1

Параметры игры, связанные с проявлением психологических границ

Количество детей в % от общего числа детей соответствующей группы	Проявления психологических границ							
	Нарушает границы роли, не различает границу между ролевой и реальной позицией в жизни	Не держит границы сюжета	Тематика сюжета связана с границами	Отражает слишком большое пространство для игры (в индивидуальной игре)	Отражает неадекватно маленькое пространство для игры (уединенный уголок)	Строит усиленные границы своего игрового пространства	Не пускает других в свое игровое пространство, не делится игрушками	Нарушение детьми реальных границ друг друга в игре
Не принимаемые дети (НД)	71,5	48,5	58,6	87	54,3	64	33	73
Принимаемые дети (ПД)	5,7	4	4	14	2,8	16	8,5	5
Значимость различий по крит. χ^2 между НД и ПД P=	**	**	**	**	**	*	**	**

Примечание: Значками указана значимость различий *P<0,05 и ** P<0,01

Разработанная нами модель создания развивающего игрового пространства в детском саду для личностного развития ребёнка экспериментально осуществлялась по четырём направлениям работы, представленным на схеме 2.

Первое направление – это обеспечение безопасности и развивающих возможностей предметно-игровой среды ДООУ. Для этого систематически проводится экспертиза игрушек и игровых зон в группах детского сада в соответствии с критериями экспертизы игрушек, предложенных Центром игры и игрушки при МГППУ. Для этого педагоги были ознакомлены с данными критериями на семинарах, периодически организовывались конкурсы на лучшую развивающую игровую среду в группе (в жюри входят сами педагоги). Проводилось обучение детей, педагогов и родителей способам создания игровых зон и игрушек своими руками в совместной творческой деятельности детей и взрослых, а затем обыгрывания их в игре.

Второе направление - повышение компетентности педагогов в области психологии игры, совершенствование их навыков организации игр с целью развития ребенка и создания ПБОС. Для реализации этого направления нами были разработаны анкеты для воспитателей и проведено анкетирование «Игра – это серьезно», проводятся круглые столы, деловые

игры и мастер-классы для педагогов по экспертизе игрушек, организации игр с детьми, применению игр для развития произвольности, профилактики эмоциональных проблем, развития навыков общения у детей.

Схема 2. Модель создания развивающего игрового пространства в детском саду для личностного развития ребенка

Третье направление – совершенствование детско-родительских отношений с помощью игры и повышение компетенции родителей в игровом взаимодействии. Для этого были разработано и проведено анкетирование родителей, проводятся педагогические гостиные и мастер-классы, посвященные игре; консультирование родителей. Это направление включает проведение детско-родительских игровых развивающих занятий, направленных на развитие навыков игры у детей и родителей, сплочение, улучшение детско-родительских отношений, совместной деятельности, взаимопонимания; организацию выставки игрушек, сделанных детьми и родителями, создание игровых зон.

Четвёртое направление – это создание условий для развития навыков партнерского игрового общения детей. В рамках реализации задач данного направления проводилось исследование особенностей игры у детей ДООУ (беседы с детьми, наблюдения за игрой).

Результаты исследований представлены в ряде статей [9]. В них показано, что для развития игровых навыков у детей педагогами проводится организация сюжетно-ролевых игр с детьми по рекомендациям Н.Я. Михайленко, Н.А. Коротковой, С.Л. Новоселовой. Осуществляется подключение к играм детей и развитие у них умения объяснять смысл своих действий, называть роли и распределять их между собой, развивать сюжет, разрешать конфликтные ситуации. Также в качестве психопрофилактики происходит разыгрывание сцен из жизни, в которых нужно найти конструктивное решение, в том числе конфликтных, требующих

толерантного подхода или историй др. Проведение коррекционно-развивающих занятий с детьми было направлено на развитие навыков общения «Волшебные уроки общения», «Царство-государство», «Чудо-страна»; чтение сказок, несущих позитивные образцы поведения, конструктивные выходы из конфликтных ситуаций и проигрывание по ролям их сюжетов, для закрепления неагрессивных и эффективных образцов поведения (Царевна-лягушка, Русалочка, терапевтические сказки и др.). Результаты внедрения модели в работу с дошкольниками отображены на рис 1.

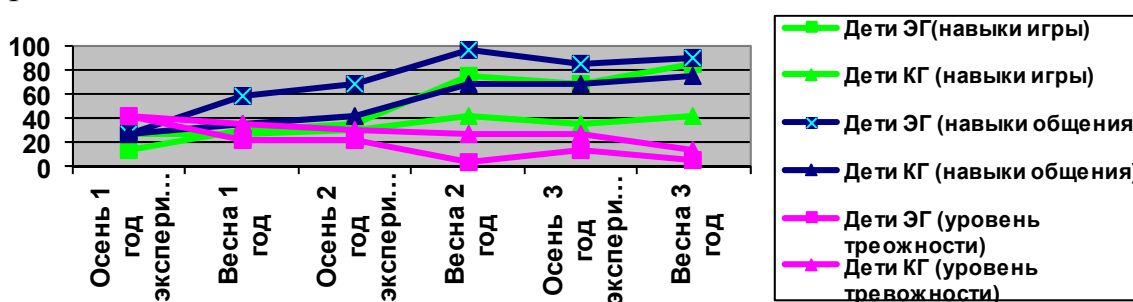

Рис 1. Динамика развития детей в экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группах за 3 года эксперимента

В ходе внедрения модели в работу с дошкольниками достигнуты следующие результаты: повышение уровня игровых навыков и навыков партнерского общения у детей, в том числе принимаемых сверстниками (детей с ОВЗ и ВП на основе диагностики); снижение уровня тревожности у детей (на основе диагностики); повышение уровня компетенции и развитие навыков организации игры у родителей и педагогов (на основе анкетного опроса и наблюдений).

Нами были разработаны методические материалы, и подготовлен к печати сборник рекомендаций и игр для педагогов и родителей «Развиваем, играя». Они включают: описание модели создания развивающего игрового пространства в детском саду для личностного развития ребенка; методический комплект анкет и опросников для определения уровня компетенции в вопросах игры родителей, педагогов, а также особенностей игры самих детей; сюжетные игры новой тематики для младшего и старшего возраста с разработкой методических рекомендаций и изготовлением атрибутики; цикл игровых занятий и педагогических гостиных для детей и родителей «Играем вместе с детьми» (Детско-родительское занятие «Цветок дружбы», «История о том, что случилось в стране сказок» и др.), методику для развития навыков общения у детей (и родителей) «Чудо-страна», методику «Семейный домик».

Коротко опишем здесь основные вехи нашей программы формирования психологических границ Я в специально организованной игровой деятельности детей. В начале и в конце курса проводится диагностика психологических границ Я и навыков общения у детей по специально подобранным методикам. Программа состоит из трёх блоков. 1

блок - работа психолога с ребёнком через присоединение и специальное сопровождение его режиссёрской индивидуальной игры; 2 блок – специально организованная коллективная сюжетно-ролевая игра детей; 3 блок – работа с психологическими границами в паре мать-ребёнок через специально организованную совместную игровую деятельность. Дополнительно программу рекомендуется сопровождать проведением общеизвестных профилактических и коррекционно-развивающих игр, направленных на развитие навыков общения, эмпатии, децентрации. Если у детей есть нарушения «схемы тела», то с ними проводится комплекс нейропсихологических игр и упражнений, помогающих сформировать адекватные границы телесного Я. В итоге: в программе охватывается диагностика, формирование и коррекция всех аспектов психологических границ Я (социальных, территориальных, ценностных и телесных) (при необходимости).

Список литературы:

1. Винникотт Д.В. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 288 с.
2. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребёнка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62-76.
3. Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. 2003. Том 24. №6. С.27-36.
4. Пивненко Т.В. Поддержание психологической безопасности образовательной среды в дошкольном образовательном учреждении с помощью игры // Психологические проблемы безопасности в образовании. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 16-17 ноября 2011 года. / под. Ред. И.А. Баевой, В.В. Рубцова. М., 2011. Том 1. С. 151-154.
5. Пивненко Т.В. Сюжетно-ролевая игра в условиях современного детского сада. Особенности сюжетно-ролевой игры дошкольников, не принимаемых группой сверстников // Информационно-методический бюллетень «Экспертиза психологической безопасности образовательной среды – городская экспериментальная площадка 2 уровень». № 5 / ред. И.А. Баева, В.В. Ковров. М., 2009. С.49-56.
6. Пивненко Т.В., Филиппова Е.В. Психологические границы «Я» в игре детей, не принимаемых сверстниками. Монография. Москва-Гамбург: LAMBERT AcademicPublishing, 2016. 195 с.
7. Пивненко Т.В., Филиппова Е.В. О роли игры в формировании границ Я // Журнал практического психолога. 2015. № 4. С. 26-41.
8. Плюснин Ю.М., Богатырева О.А., Биченкова О.Е. Пространственное поведение и социальный статус ребенка в группе // Вопросы психологии. 1991. № 2. С.106 -116.
9. Филиппова Е.В., Пивненко Т.В. Исследование игры детей дошкольного возраста с проблемами в общении // Психологическая наука и образование. 2010. Том 15. № 3. С. 80-88.
10. Altman I., Vinsel A.M. Personal space/ An analysis of E.T.Hall's proxemics framework/ Human behavior and environment // Advances theory and research (V.I.)/N.Y.: Plenum, 1977.
11. Fisher S& Clivlend S. E. Relationship of body image boundaries to mamory for complete and incompleted tasks// Journal of Psychology. 1956. P. 35-41.

12. Elena V. Filippova, Tatiana V. Pivneinko. Psychological boundaries of «I» in the role play of peer-unaccepted children // «Psychology in Russia: State of the Art», Yearbook of the Russian Psychological Society. Psychology in Russia. 2014. volume 7, Issue №1.

References:

1. Vinnikott D.V. Igra i real'nost'. M.: Institut obshchegumanitarnyh issledovaniy, 2002. 288 p.

2. Vygotskij L.S. Igra i ee rol' v psihicheskom razvitii rebyonka // Voprosy psihologii. 1966. № 6. Pp. 62-76.

3. Nartova-Bochaver S.K. Ponyatie «psihologicheskoe prostranstvo lichnosti»: obosnovanie i prikladnoe znachenie // Psihologicheskij zhurnal. 2003. Tom 24. №6. Pp. 27-36.

4. Pivnenko T.V. Podderzhanie psihologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noj sredy v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii s pomoshch'yu igry //Psihologicheskie problemy bezopasnosti v obrazovanii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 16-17 noyabrya 2011 goda. Tom 1 / pod. Red. I.A. Baevoj, V.V. Rubcova. M., 2011. Pp. 151-154.

5. Pivnenko T.V. Syuzhetno-rolevaya igra v usloviyah sovremennogo detskogo sada. Osobennosti syuzhetno-rolevoj igry doshkol'nikov, ne prinimaemyh gruppoj sverstnikov // Informacionno-metodicheskij byulleten' «Ekspertiza psihologicheskoy bezopasnosti obrazovatel'noj sredy – gorodskaya eksperimental'naya ploshchadka 2 uroven'», №5 / red. I.A. Baeva, V.V. Kovrov. M., 2009. Pp.49-56.

6. Pivnenko T.V., Filippova E.V. Psihologicheskie granicy «YA» v igre detej, ne prinimaemyh sverstnikami. Monografiya. Moscow-Hamburg:LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 195 p.

7. Pivnenko T.V., Filippova E.V. O roli igry v formirovanii granic YA // ZHurnal prakticheskogo psihologa. 2015. № 4.Pp. 26-41.

8. Plyusnin YU.M., Bogatyreva O.A., Bichenkova O.E. Prostranstvennoe povedenie i social'nyj status rebenka v gruppe // Voprosy psihologii. 1991. № 2. Pp.106-116.

9. Filippova E.V., Pivnenko T. V. Issledovanie igry detej doshkol'nogo vozrasta s problemami v obshchenii // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2010. Tom 15. № 3. Pp. 80-88.

10. Altman I., Vinsel A.M. Personal space/ An analysis of E.T.Hall's proxemics framework / Human behavior and environment: Advances theory and research. N.Y.: Plenum, 1977.

11. Fisher S& Clivlend S. E. Relationship of body image boundaries to mamory for complete and incompleted tasks// Journal of Psyhology. 1956. Pp. 35-41.

12. Elena V. Filippova, Tatiana V. Pivneinko. Psychological boundaries of «I» in the role play of peer-unaccepted children// «Psychology in Russia: State of the Art», Yearbook of the Russian Psychological Society. PsychologyinRussia. 2014.volume 7, Issue №1.

Попкова Елена Владимировна,

магистрант факультета Экстремальной психологии,
Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия
e-mail: advokat-popkova@mail.ru

Popkova Elena Vladimirovna,

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ УЧЕБНОГО СТРЕССА СТАРШЕКЛАСНИКАМИ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ В УСЛОВИЯХ ИЗОЛЯЦИИ

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE EXPERIENCE OF EDUCATIONAL STRESS BY HIGH SCHOOL STUDENTS DURING DISTANCE LEARNING IN ISOLATION

Аннотация. Статья посвящена изучению психологических особенностей переживания учебного стресса старшеклассниками при дистанционном обучении в условиях изоляции. Поднимаются проблемы особенностей психологического благополучия школьников в период вынужденной изоляции в условиях пандемии и необходимости формирования, а также повышения уровня стрессоустойчивости подростков.

Annotation. The article is devoted to the study of the psychological features of the experience of educational stress by high school students during distance learning in isolation. The problems of the peculiarities of the psychological well-being of schoolchildren during the period of forced isolation in the conditions of a pandemic and the need for formation, as well as increasing the level of stress resistance of adolescents, are raised.

Ключевые слова: стресс, учебный стресс, дистанционное обучение, стресс-фактор, пандемия, школьная дезадаптация, психическое здоровье, стрессоустойчивость.

Keywords: stress, learning stress, distance learning, stress factor, pandemic, school maladjustment, mental health, stress tolerance.

Актуальность изучения психологических особенностей переживания учебного стресса при дистанционном обучении в условиях изоляции среди учащихся старших классов обусловлена тем, что до марта 2020 года такое понятие, как «дистанционное обучение» являлось лишь одной из инновационных форм образовательного процесса. Но в связи с глобальной проблемой – пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 весь цивилизованный мир перешел в режим самоизоляции, переведя все сферы общественной жизни в дистанционный формат. Одной из первых это коснулось системы образования [2].

Уникальная практика перехода на дистанционное обучение заставила участников образовательного процесса столкнуться с совершенно новыми, непривычными условиями, которые дали возможность и школьникам, и педагогам проверить себя на прочность и постараться максимально использовать все свои ресурсы в сложившейся ситуации, которая, безусловно, является стрессовой [1, 6].

В связи стихийным влиянием пандемии на все сферы, многие ученые мира попытались рассмотреть данную проблему с разных сторон. Одни авторы занимались разработкой образовательных стратегий выпускников школ в условиях распространения коронавируса COVID-19 (Артеменков М.Н. и Сухова Е.Е.). Другие (Е.Ю.Мартьянов и Е.Г. Мартьянова) анализировали дистанционное обучение в условиях

пандемии с социально-философских позиций, говоря о наличии формального подхода к обучению в рамках дистанта, в связи с отсутствием эмоционально-личностной составляющей между учителями и учащимися [5].

В рамках данного исследования наиболее интересной представляется специфика эмоциональной сферы и общего самочувствия детей и подростков, находящихся на дистанционном обучении в период самоизоляции. Рассмотрением данной проблемы в нашей стране занимались В.Р. Кучма, М.И. Степанова, И.К. Рапопорт, В.В. Чубаровский и др. [4]. Выводы по их исследованиям не совсем оптимистичны: выяснилось, что в период самоизоляции дети подвергаются различным негативным влияниям, которые не лучшим образом влияют на общее состояние здоровье и, в частности, на их психоэмоциональную сферу [3].

Феномен стресса, относящийся к числу базовых проявлений жизни, был открыт Гансом Селье, который определял его, как реакцию напряжения, появляющуюся в чрезвычайных обстоятельствах и призванную мобилизовать защитные силы организма [7]. В контексте нашего исследования, мы рассматривали одну из разновидностей стресса – учебный стресс. Учебный стресс – один из факторов риска, влияющих на психоэмоциональную сферу школьников. Традиционно он связан с такими событиями, как проверка знаний, непринятие учебным коллективом, напряжённые отношения с учителями, большая учебная нагрузка, неуспеваемость. Длительное переживание учебного стресса может привести к развитию признаков школьной дезадаптации.

Старший подростковый возраст сам по себе является кризисным этапом в становлении личности, характеризуясь эмоциональной нестабильностью, противоречиями и самоутверждением. А сложившиеся в период пандемии дистанционные условия организации учебной деятельности школьников и их вынужденная самоизоляция стали дополнительным стресс-фактором для старшеклассников.

Для изучения влияния дистанционной формы обучения в условиях изоляции на старшеклассников было проведено эмпирическое исследование на базе средней общеобразовательной школы. В исследовании приняли участие 18 испытуемых в возрасте от 14 до 18 лет, из них 8 юношей и 10 девушек (9-11 класс).

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что дистанционное обучение в условиях изоляции является фактором повышения уровня учебного стресса у старшеклассников. При проведении исследования были использованы следующие методики: тест «Шкала оценки субъективной комфортности» по методике А. Леоновой; тест-анкета для самооценки школьниками факторов риска ухудшения здоровья по методике Н.К. Смирнова; тест самооценки школьных ситуаций, разработанный по принципу «Шкалы социально-ситуативной тревоги» по методике О. Кондаша (1973); анкета «Инвентаризация симптомов стресса»

по Т. Иванченко; опросник о сравнении дистанционной и очной формы обучения во время изоляции (пандемии COVID-19) Попкова Е.В. Также были применены математико-статистические методы: коэффициент корреляции Спирмана.

Согласно результатам исследования субъективной комфортности (Рис. 1), у 66,6% учащихся он ниже приемлемой нормы, а у 27% -высокие показатели.

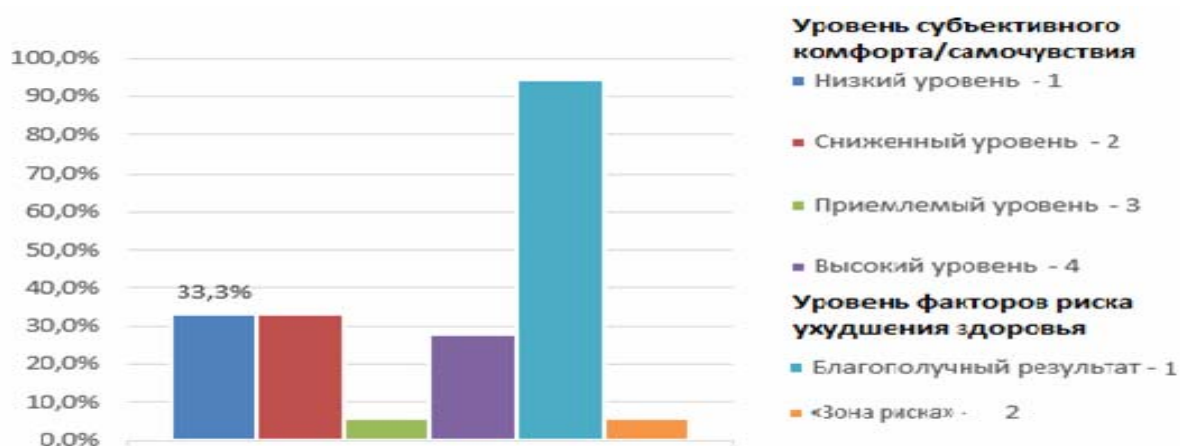

Рис. 1. Результаты диагностики субъективной комфортности и факторов ухудшения здоровья

Самооценки школьника факторов риска ухудшения здоровья у 94% учащихся находятся в диапазоне благополучного результата.

Изучение тревожности у школьников (рис.2) показало, что у 55% обследованных уровень общей тревожности в пределах нормы, у 28% уровень тревожности выше нормы, а 16,7% имеют чрезвычайно низкий уровень тревоги. Последний показатель требует особого внимания, так как может являться признаком скрытой или вытесняемой тревоги старшеклассников. Эмоциональное благополучие в этом случае достигается путем неадекватного отношения к действительности.

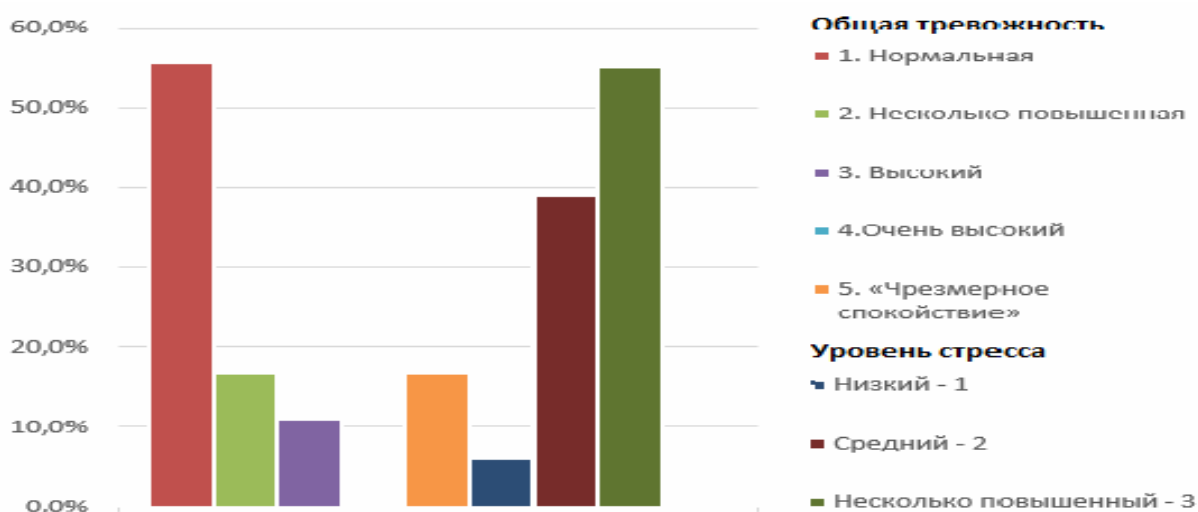

Рис. 2. Результаты диагностики тревожности и уровня стресса

Повышенный уровень стресса испытывают 55% учащихся. В процессе сравнения учебных трудностей при дистанционной и очной форме обучения было установлено, что 100% респондентов ответили положительно на вопрос о преимуществах дистанционного обучения, указав в числе основных причин следующие: экономия времени в связи с отсутствием необходимости сборов и похода в школу; возможность обучения в комфортной домашней обстановке; возможности выспаться; отсутствие необходимости идти в школу; возможности обучаться и присутствовать на занятии находясь при этом в любой географической точке и в любой ситуации, в том числе включая нахождение на больничном.

При этом о наличии трудностей при дистанционном обучении сообщили 61% школьников. При этом следует отметить, что абсолютно почти каждый из них в числе трудностей указал технические проблемы, а также было указано на отсутствие живого общения, трудности самостоятельного изучения учебного материала, и помех со стороны членов семьи.

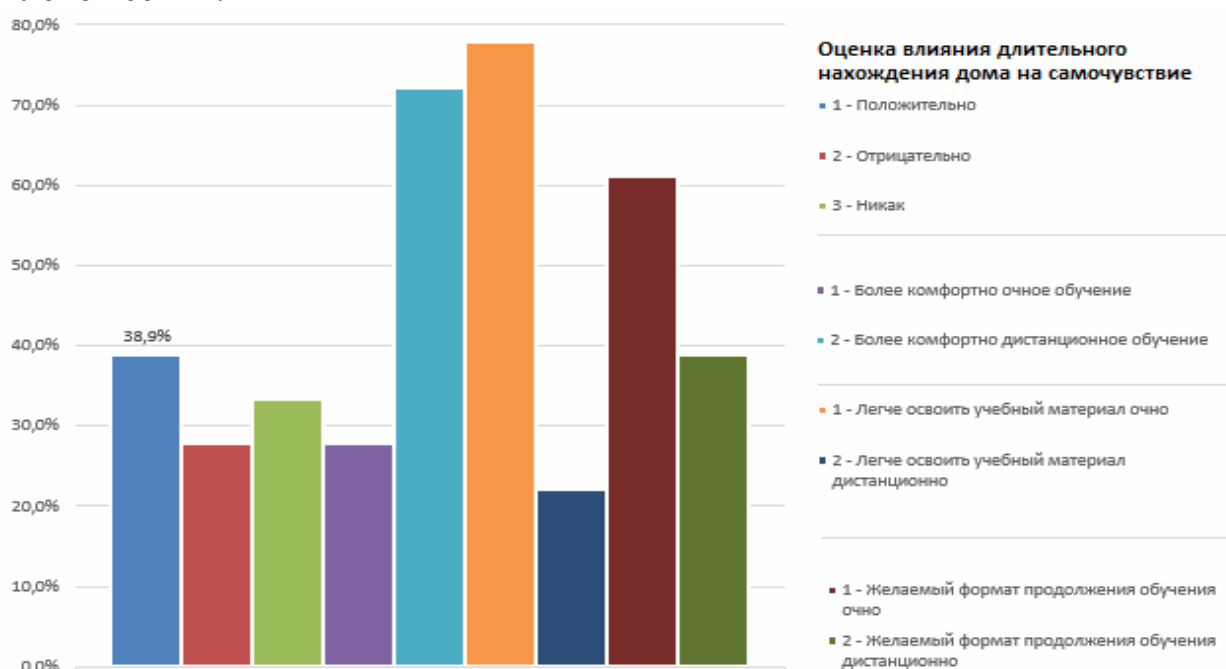

Рис. 3. Оценка влияния самоизоляции дома на самочувствие, комфортности, усвоения материала, предпочтения формы обучения

В обратном порядке расположились ответы учащихся относительно очного обучения: 39% находят трудным очное обучение, при этом большинство из них указали такую причину как трата времени на сборы и дорогу в школу, необходимость идти в школу, ранний подъем и необходимость носить с собой учебники, сменную обувь. Преимущества в очной форме обучения отмечают 94% испытуемых, при этом в качестве причин они указали живое общение и о более легком усвоении учебного материала.

При исследовании комфортности, усвоения материала, предпочтения формы обучения (рис. 3) выявлено, что 72,2% старшеклассников считают более комфортным обучение в дистанционном формате. И это при том, что 77,8 % из них признаются, что усвоение учебного материала легче происходит при очном обучении.

Изучение влияния на самочувствие школьников при длительном нахождении дома при дистанционном обучении 67% старшеклассников отметили, что нахождение дома при дистанционном обучении повлияло на их самочувствие, при этом, 38,9% оценили такое влияние как положительное, 27,8% как отрицательное, 33% - не заметили разницы в самочувствии. 61 % учащихся хотели бы продолжить обучение очно, 39% - дистанционно.

В рамках корреляционного анализа наиболее значимые связи были выявлены между шкалой «Межличностная тревожность» и шкалой «Уровень факторов риска ухудшения здоровья» ($\rho = 0,586$; $\alpha = 0,011$) и между шкалой «Уровень факторов риска ухудшения здоровья» и шкалой «Уровень субъективного комфорта» ($\rho = - 0,519$; $\alpha = 0,027$).

Таким образом, комплексная оценка результатов исследования показывает, что у большинства старшеклассников при дистанционном обучении в период изоляции уровень стресса и тревожности находится выше средних значений. Одновременно отмечаемый низкий уровень субъективной комфортности также свидетельствует о достаточно высоком уровне стресса у испытуемых и недостаточной реализации здоровьесберегающих технологий в процессе обучения. В связи с этим учебным заведениям необходимо уделить особое внимание психическому здоровью подростков, вопросу формирования и повышения уровня стрессоустойчивости у школьников.

Список литературы:

1. Асмолов А.Г. Школа самоизоляции: как найти плюсы в карантине? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sobaka.ru/health/health/105334?fbclid=IwAR1G-tjrNPnRYOrcxg-xqVmE5YoyDaQmvagywc4Ws2QJX16ln62ePv1xAaw> (дата обращения 12.03.2021 г.).
2. Багнетова Е.А. Школьная среда и факторы риска, влияющие на здоровье учащихся / Е.А. Багнетова, В.И. Корчин, И.В. Сорокун // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 10-2. С. 261-264.
3. Круглова Т.Е. Особенности эмоциональной сферы подростков с разной успеваемостью // *Молодой ученый*. 2017. № 9 (143). С. 281-284.
4. Кучма В.Р., Седова А.С., Степанова М.И., Рапопорт И.К., Поленова М.А., Соколова С.Б., Александрова И.Э., Чубаровский В.В. Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья*. 2020. № 2. С. 4-23.
5. Мартъянов Е.Ю., Мартъянова Е.Г. Опыт системного анализа дистанционного обучения в российских школах в период пандемии коронавируса: философско-методологический дискурс // *Концепция «Общество знаний» как новая форма*

постиндустриального общества: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 241-247.

6. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.

7. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979. 154 с.

References:

1. Asmolov A.G. SHkola samoizolyacii: kak najti plyusy v karantine? [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.sobaka.ru/health/health/105334?fbclid=IwAR1G-tjrNPnRYOrcxg-xqVmE5YoyDaQmvagywc4Ws2QJX16ln62ePvlxAaw> (data obrashcheniya 12.03.2021 g.).

2. Bagnetova E.A. SHkol'naya sreda i faktory riska, vliyayushchie na zdorov'e uchashchihsya/ E.A. Bagnetova, V.I. Korchin, I.V. Sorokun // Fundamental'nye issledovaniya. 2011. № 10-2. Pp. 261-264.

3. Kruglova T. E. Osobennosti emocional'noj sfery podrostkov s raznoj uspevaemost'yu // Molodoj uchenyj. 2017. № 9 (143). Pp. 281-284. -URL: <https://moluch.ru/archive/143/40260/> (data obrashcheniya: 16.01.2021).

4. Kuchma V.R., Sedova A.S., Stepanova M.I., Rapoport I.K., Polenova M.A., Sokolova S.B., Aleksandrova I.E., CHubarovskij V.V. Osobennosti zhiznedeyatel'nosti i samochuvstviya detej i podrostkov, distancionno obuchayushchihsya vo vremya epidemii novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19) // Voprosy shkol'noj i universitetskoj mediciny i zdorov'ya. 2020. № 2. Pp. 4-23.

5. Mart'yanov E.YU., Mart'yanova E.G. Opyt sistemnogo analiza distancionnogo obucheniya v rossijskih shkolah v period pandemii koronavirusa: filosofsko-metodologicheskij diskurs // Koncepciya «Obshchestvo znaniy» kak novaya forma postindustrial'nogo obshchestva: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. -Ufa, 2020. Pp. 241-247.

6. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnyj i praktikum dlya vuzov / A.V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.

7. Sel'e G. Stress bez distressa. M., 1979. 154 p.

Розенова Марина Ивановна,

профессор кафедры Научных основ экстремальной психологии факультета Экстремальной психологии МГППУ, г. Москва, Россия

доктор психологических наук, профессор
prof11234@yandex.ru

Rozenova Marina Ivanovna,

Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University, Moscow, Russia, Doctor of Psychological Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ БЕЗОПАСНОГО И НЕБЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF SAFE AND UNSAFE HUMAN BEHAVIOR DURING THE ONGOING COVID-19 PANDEMIC

Аннотация. Проблема безопасного поведения рассмотрена в контексте понимания безопасности личности, как системного феномена, применительно к ситуации продолжающейся пандемии Covid -19. На основе скринингового исследования поведения респондентов, связанного с ношением маски в общественных местах, выделена типология наиболее распространенных ответов, отразившая проблемы эгоцентризма, фатализма, и комплексов самооценки в поведенческих мотивациях, что выступает ограничителем солидарного безопасного поведения в условиях высоких рисков инфекционного заражения.

Annotation. The problem of safe behavior is considered in the context of understanding the security of the individual as a systemic phenomenon, in relation to the situation of the ongoing Covid-19 pandemic. Based on a screening study of respondents' behavior associated with wearing a mask in public places, a typology of the most common responses was identified, reflecting the problems of egocentrism, fatalism, and self-esteem complexes in behavioral motivations, which acts as a limiter of solidary safe behavior in conditions of high risks of infectious infection.

Ключевые слова: безопасное, поведение, пандемия, маски, информационный, мышление, эгоцентризм, фаталистичность, протестный.

Keywords: safe, behavior, pandemic, masks, informational, thinking, egocentrism, fatalism, protest.

Ситуация продолжающейся пандемии COVID-19, в которой фиксировано очередное обострение (подъем интенсивности заражения и повышения смертности (осень 2021 года)), создает необходимость более точного понимания особенностей и психологических детерминант массового небезопасного поведения людей в сложной эпидемической ситуации, несмотря на логическую очевидность и простоту базовых предупредительных мер.

Идея безопасного поведения лежит в плоскости проблем безопасности (в широком понимании), которые стали активно разрабатываться со второй половины 1980-х годов. «Безопасность» трактуется авторами различным образом, но всегда, в этих трактовках присутствуют аспекты: субъективного переживания (ощущения) защищенности; доступности удовлетворения насущных потребностей; ощущения стабильности, устойчивости и комфорта; отсутствия угрозы насилия любого рода [1; 2; 3; 4; 7]. В отношении *Психологической безопасности личности* добавляют: удовлетворенность настоящим; уверенность в будущем и в достижимости целей; защищенность интересов, позиций, идеалов и ценностей, с которыми человек отождествляет себя и свою жизнь [6].

Под *безопасным поведением* можно понимать активность, позволяющую поддерживать достаточный уровень персональной и межличностной безопасности [2], при котором собственная безопасность не

препятствует и не нарушает безопасность окружающих («Свобода моего кулака заканчивается там, где начинается свобода твоего носа»).

Средствами обеспечения безопасности личности (от опасных воздействий) и реализации безопасного поведения выступает группа способностей, в которую входят: способности предвидеть (предвосхищать) объективное развитие событий, действий и поведения других людей, предвидеть потенциал осуществления опасных и неблагоприятных ситуаций (обстоятельств, факторов и т.п.); способности уклоняться (при возможности) от действия неблагоприятных факторов; способности адекватно реагировать на неблагоприятные воздействия (сопротивляться, противодействовать, организовывать систему защиты); способности активно рефлексировать текущую ситуацию, критически анализировать поступающую разнородную и/или противоречивую информацию, выделяя в ней наиболее существенные моменты и их качественное изменение, на основе чего осуществляется гибкое изменение стратегий поведения и деятельности; способности восстанавливаться не только в период «последствия», но и непосредственно в ситуации действия актуальных неблагоприятных факторов; способности конструктивно взаимодействовать с другими людьми, на основе проявления солидарности, эмпатического и корректного отношения) [4; 6; 7].

Приведенные способности-характеристики (они же условия осуществления безопасного поведения) позволяют определить важные *психологические детерминанты безопасного поведения*, в числе которых:

-*когнитивная состоятельность личности* (сохранность и развитость познавательной и мыслительной активности, критичность и объективность мышления (преодоленный эгоцентризм мышления), активная ориентировка в окружающей действительности);

-*принятие культурной нормы* (воспитанность, владение элементарными культурными навыками в коммуникации, быту и любых видах активности) - данный детерминант позволяет, отчасти, компенсировать недостатки когнитивной состоятельности личности (если человек не очень интеллектуален и умен, но при этом воспитан, культурная норма обеспечит ему неконфликтное существование среди других);

-*направленность личности и ее морально-ценностные ориентиры* (данный детерминант фиксирован полнотой общественно-исторического опыта: моральная и нравственная адекватность (в которой отражена высшая ценность жизни), создает основы прогрессивного, творческого, созидательного развития, как общества, так и отдельного человека; а моральное падение и нравственная деградация, неизбежно рождают ненависть, агрессию и разрушение, следствием чего, неизбежно, выступает распад и уничтожение).

-*интуитивно-эволюционные (неосознаваемые) установки и модели действия* - данный детерминант фиксирует влияние на поведение, как

общечеловеческого опыта («архетипы», по Юнгу), так и индивидуально-субъективного опыта отдельной личности.

Особенности поведения людей в период продолжающейся пандемии коронавирусной инфекции

Характеристика актуальной ситуации: Сложившуюся в настоящее время ситуацию (сентябрь-октябрь 2021 года), от момента ее начала (официально - март 2020 года), можно охарактеризовать следующим образом:

1. первоначальная тотальная растерянность и не знание проблемы (распространения и специфики действия коронавирусной инфекции) сменилось частичной ориентировкой в проблеме (появились знания о заболевании, особенностях его распространения, течения и лечения);

2. выделены (в том числе, фиксированные ВОЗ, ключевые характеристики поддержания безопасности (снижения риска заражения, уровня вирусной нагрузки и тяжелого протекания болезни: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public>): проветриваемость помещений, свежий воздух; поддержание дистанции (1,5 – 2,5 метров); наличие правильно одетой маски на всех людях, находящихся в замкнутом пространстве, где нет возможности поддержания требуемой дистанции и естественного проветривания; - поддержание регулярной гигиены;

3. есть данные о действенности вакцин в отношении снижения тяжести протекания заболевания и риска смертности; но факт вакцинированности, пока, не отменяет необходимость «дистанции» и «маски» в ситуации контакта с другими людьми.

Анализ международной практики показывает, что страны, освоившие (на уровне массового поведения) базовые компоненты профилактики по отношению к конкретной инфекционной пандемии, демонстрируют более благополучное положение дел (низкий уровень смертности). Российский опыт последних месяцев (август-октябрь 2021 года) свидетельствует о серьезном неблагополучии, выражаемом ежедневными антирекордами заражения и смертности (при всех поправках на «странности ведения статистики»).

Замысел, реализация и результаты исследования. Для конкретной пандемической ситуации важнейшим массово-защитным фактором распространения инфекции и снижения ее негативной нагрузки, выступает применение маски в публичных местах скученности. Скрининговое исследование было ориентировано на диагностику «масочного поведения» людей. Респондентам, находящимся в замкнутом общественном или профессиональном пространстве, в присутствии других людей (транспорт, торговые центры, кинотеатры, места профессиональной деятельности), задавался вопрос «Почему Вы сейчас без маски?». В качестве *респондентов* выступили жители мегаполиса в количестве 98 человек, обоего пола, в возрасте от 40 до 60 лет.

Результаты исследования. Все полученные ответы оказалось возможным типизировать, разложив на несколько групп:

1 тип ответа «Эгоцентричный ответ» (35% ответов во всей выборке). Примеры: «Мне неудобно», «Я устал от этого всего», «Трудно дышать», «Не хочу».

2 тип ответа Псевдо-аргументированный ответ (неточные представления о защищенности) (37%). Примеры: «Я уже переболел», «Я вакцинировался», «Я переболел и вакцинировался».

3 тип ответа Ответ-противоборство или *Защитный ответ* (очевидно, отражающий психологическую уязвимость личности респондента) (14%). Примеры: «Еще чего!», «Не дождетесь!», «Сами носите свои намордники», «Не надо мне указывать, что делать, я сам разберусь».

4 тип ответа Фаталистичный ответ (отражает, в том числе, снятие с себя ответственности)(12%), в варианте субъективной констатации неконтролируемости ситуации, или неверия в реальность происходящего (Примеры: «Это бессмысленно», «Я не верю во все это»); и в варианте глобальной фаталистичности (Примеры: «Чему быть - тому не миновать», «Как Бог рассудит»).

5 тип ответа Ответ с позиции дезориентации(2%)Примеры:«Что такое..?», «А что?», «А о чем Вы?», и все варианты ответов, которые отражали дезориентированность (имитацию дезориентированности) респондентов - непонимание, почему и о чем их спрашивают.

Полученные в ходе исследования результаты, позволяют вскрыть важные *качественные аспекты* поведения людей в текущей ситуации.

Во-первых, *доминирование эгоцентричных и псевдо-аргументированных ответов* (более 70%), что, возможно, отражает некоторую наивность, «детскость», «слабость» умственно-когнитивной позиции респондентов относительно оценки происходящего и себя «внутри контекста». Проявление высокого уровня эгоцентричности, не обязательно связано с подлинной детскостью мышления респондентов, а может быть детерминировано, например, специфическим состоянием сознания и мышления, под влиянием постоянно действующих негативных факторов, первейшим из которых выступает информационное давление. «Забитость» информационного поля хаотично-сумбурными, непоследовательными, противоречивыми, фрагментарными сообщениями, при постоянной и долговременной подаче, создают эффекты своеобразной «оглушенности», что в сочетании с действием ряда других значимых негативных факторов, препятствует проявлению нормальной критичности и рефлексивности сознания людей [8; 9].

Во-вторых, в поведении и оценках части респондентов (14%), которые, продемонстрировали «*ответ-вызов*» (третий тип ответа), видимо, проявлены скрытые или явные комплексы, возможно детерминированные нарушениями (искажениями) развития самооценки, или актуальным переживанием несоответствия статуса и статусных ожиданий. Однако, по

отношению к данной группе респондентов, применимы и иные объяснения: например, преобладание деструктивных или дефицитарных страхов, или что-либо еще, что требует дополнительной проверки и уточнений [5].

В-третьих, часть людей (12%) оказалась носителями фаталистического отношения, частично отражающего свойства экстернальности и потенциалы «сброса ответственности» (что в условиях религиозно-культурной специфики и социально-экономических обстоятельств жизни, не является удивительным).

Таким образом, результаты исследования позволяют предположить, что проблема безопасного, а точнее *не безопасного поведения людей* в период продолжающейся инфекционной пандемии, сопряжена с некоторыми важными *психологическими детерминантами*:

-ограниченностью оценки ситуации *эгоцентрическими и фаталистическими установками* у значительной части населения, что, видимо, может препятствовать развитию солидарного безопасного массового поведения (особенно в общественных местах);

-несбалансированность нарастающих ограничений обще-социального и экономического характера, вызывает *потребность сформировать пространство личной свободы* (точнее его иллюзорный аналог), посредством нарушения и неподчинения правилам, которые исходно имеют разумно-аргументированную основу, и призваны обеспечить взаимную безопасность граждан от распространения инфекции;

-*информационный поток*, сопровождающий жизнь людей в сложившейся ситуации, по факту, не снимает, а возможно, *усугубляет* (или даже порождает) *проблемы когнитивной и эмоционально-личностной несостоятельности* людей, что препятствует актуализации позитивных здоровых ресурсов, которые могли бы помочь солидарно преодолеть (или хотя бы снизить) уровень интенсивности заражаемости, заболеваемости и смертности в период пандемии COVID-19. Устранение хотя бы части негативного социально-экономического и информационного фона, могло бы существенно улучшить ситуацию в сторону осуществления людьми более безопасного поведения в период пандемии и увеличить шансы на жизнь и здоровье.

Список литературы:

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: Монография. СПб.: Издательство «СОЮЗ», 2002. 271 с.
2. Михайлов Л.А. Безопасность жизнедеятельности. СПб.: Питер, 2009. 461 с.
3. Психологическая безопасность образовательной среды региона: теоретические основы и практика создания: монография / под научной редакцией И.А. Баевой, С.В. Тарасова. СПб.: ГИЭФПТ, 2019. 174 с.
4. Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков. Материалы X Всероссийской научной конференции / Под ред. Ю.Э. Макаревской, З.И. Рябикиной, Т.Д. Дубовицкой, И.Г. Макаревской, А.В. Шашкова, Л.В. Кравченко, Л.А. Базалевой, С.В. Воронина / Сборник

трудов конференции. Сочи, 9-10 октября 2020. М.: Мир науки, 2020. URL: <https://izd-mn.com/PDF/53MNNPK20.pdf> (дата обращения 20.10.2021).

5. Розенова М.И., Екимова В.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В. Страх, как кризис психического здоровья в условиях глобальных рисков и перемен // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 17-26.

6. Соломин В.П., Шатровой О.В., Михайлов Л.А., Маликова Т.В. Психологическая безопасность. М.: Дрофа, 2008. 288 с.

7. Шиловцев А.В. Социальная безопасность личности в условиях социальной нестабильности и неопределенности: от страха к уверенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С. 101-106.

8. Fischhoff B., Wong-Parodi G. Public understanding of Ebola risks: Mastering an unfamiliar threat. Risk. Analysis, 2018, vol. 38 (1). Pp. 71-83.

9. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. / Brooks S.K., [et al.]. // Lancet. 2020. vol. 395. Pp. 912-920.

References:

1. Baeva I.A. Psihologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii: Monografiya. SPb.: Izdatel'stvo «SOYUZ», 2002. 271 p.

2. Mihajlov L.A. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti. SPb.: Piter, 2009. 461 p.

3. Psihologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noj sredy regiona: teoreticheskie osnovy i praktika sozdaniya: monografiya / pod nauchnoj redakciej I.A. Baevoj, S.V. Tarasova. – SPb.: GIEFPT, 2019. 174 p.

4. Psihologiya bezopasnosti i psihologicheskaya bezopasnost': problemy vzaimodejstviya teoretikov i praktikov. Materialy X Vserossijskoj nauchnoj konferencii / Pod red. YU.E. Makarevskoj, Z.I. Ryabikinoj, T.D. Dubovickoj, I.G. Makarevskoj, A.V. SHashkova, L.V. Kravchenko, L.A. Bazalevoj, S.V. Voronina / Sbornik trudov konferencii. - Sochi, 9-10 oktyabrya 2020. М.: Мир науки, 2020. URL: <https://izd-mn.com/PDF/53MNNPK20.pdf> (data obrashcheniya 20.10.2021).

5. Rozenova M. I., Ekimova V.I., Ognev A.S., Lihacheva E.V. Strah, kak krizis psihicheskogo zdorov'ya v usloviyah global'nyh riskov i peremen // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2021. Tom 10. № 1. Pp. 17-26.

6. Solomin V.P., SHatrovoj O.V., Mihajlov L.A., Malikova T.V. Psihologicheskaya bezopasnost'. М.: Drofa, 2008. 288 p.

7. SHilovcev A.V. Social'naya bezopasnost' lichnosti v usloviyah social'noj nestabil'nosti i neopredelennosti: ot straha k uverenosti // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 4. S. 101-106.

8. Fischhoff B., Wong-Parodi G. Public understanding of Ebola risks: Mastering an unfamiliar threat // Risk. Analysis. 2018. vol. 38 (1), Pp. 71-83.

9. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. / Brooks S.K., [et al.]. // Lancet. 2020. vol. 395, Pp. 912-920.

Свободный Феликс Константинович

доцент кафедры управления и психологии
следственной деятельности Московской
академии Следственного комитета России
кандидат психологических наук, доцент
E-mail: sfk_felix@mail.ru

Svobodny Felix Konstantinovich

Associate Professor of the Department of Management

and Psychology of Investigative Activities of the Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

ВЫЯВЛЕНИЕ СКРЫВАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ О ФАКТАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПОМОЩИ ПОЛИГРАФА

IDENTIFICATION OF HIDDEN INFORMATION ABOUT THE FACTS OF EXTREMIST ACTIVITY USING A POLYGRAPH

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения исследований с использованием полиграфа при расследовании преступлений экстремистской направленности. Описываются основные задачи исследований с использованием полиграфа. Приводятся примеры из практики выявления скрываемой информации при помощи полиграфа. Делается вывод об эффективности применения полиграфа в расследовании преступлений экстремистской направленности.

Annotation. The article deals with the use of polygraph research in the investigation of extremist crimes. The main tasks of research using a polygraph are described. Examples from the practice of identifying hidden information using a polygraph are given. The conclusion is made about the effectiveness of the use of the polygraph in the investigation of extremist crimes.

Ключевые слова: экстремизм, расследование, информированность, полиграф.

Key words: extremism, investigation, awareness, polygraph.

Исследования с использованием полиграфа, направленные на выявление осведомленности обследуемых лиц о деталях преступных событий, прочно вошли в систему методов расследования по различным категориям преступлений [1, С. 35]. По мнению автора данной статьи, исследование с использованием полиграфа, является психологическим экспериментом, направленным на выявление субъективной значимости для обследуемого стимулов, которые в виде вопросов (фраз) предъявляет обследуемому специалист и которые содержат информацию о деталях (настоящих, возможных, вымышленных) расследуемого события.

Данный метод, при строгом соблюдении методологии психологического эксперимента [2] (в частности: серийного предъявления независимых переменных, качественной фиксации зависимых переменных, контроля и учета дополнительных переменных) позволяет на основе выявленной субъективной значимости для обследуемого стимулов, несущих информацию о деталях расследуемого события, сформулировать вероятностный вывод об особенностях осведомленности или неосведомленности обследуемого лица о реальных обстоятельствах совершенного преступления.

Полагаем, что основной целью специалиста, проводящего исследование с использованием полиграфа по преступлениям экстремистской направленности, как раз и является определение особенностей информированности обследуемого лица об обстоятельствах того события (факта), содержащего признаки экстремизма, по которому возбуждено уголовное дело (или проводится проверка). При этом «информированность личности о расследуемом событии» понимается автором как психологическая характеристика личности, выражающаяся в наличии у человека системы знаний и представлений о конкретном событии его жизни, обстоятельства которого расследуются правоохранительными органами [4, С. 154].

Осведомленность допрашиваемого лица о преступлении неоднократно являлась объектом внимания юридической науки. При этом акцент делался именно на так называемой «виновной осведомленности», т.е. на обладании такими детальными сведениями о преступлении, знать о которых может только лицо его совершившее – сам преступник [3, С. 357].

Упрощая реализуемую логику и методику исследования с использованием полиграфа, можно сказать, что при появлении у обследуемого значительных физиологических реакций в ответ на те стимулы, которые несут информацию о реальных деталях (обстоятельствах) расследуемого события, есть основания сделать вывод о субъективной значимости для обследуемого данной информации в связи с тем, что он ею уже обладает. В этом случае, предполагается наличие «виновной осведомленности». В противоположном случае – когда в ответ на стимулы, несущие информацию о реальных деталях (обстоятельствах) расследуемого события, у обследуемого не возникает физиологических реакций – делается вывод об отсутствии субъективной значимости для обследуемого данной информации в связи с тем, что он не обладает ею. Тогда считается, что не знает обстоятельств преступления и, следовательно, не принимал участия в нем.

Приведем примеры «оправдательного» и «обвинительного» результатов исследования с использованием полиграфа при расследовании преступлений экстремистской направленности.

В городе Б. ночью была разрисована аэрозольной краской вывеска с символикой одной из политических партий России, расположенная у входа в местное отделение этой партии. Помимо рисунка аэрозольной краской была сделана надпись, содержащая нецензурные выражения, оскорбляющие представителей политической партии.

В совершении данного экстремистского преступления вначале заподозрили гражданина И - одного из молодых художников граффити, который проживал неподалеку. Художник отрицал свою вину и согласился пройти исследование на полиграфе. В результате анализа физиологических реакций испытуемого (гражданина И.), записанных в ходе исследования с использованием полиграфа, были сделаны выводы об отсутствии

субъективной значимости для данного испытуемого определенных стимулов (вопросов), что позволило сформулировать вывод о его неинформированности о расследуемом преступлении. В частности, были сделаны вероятностные выводы о том, что испытуемый И. не обладает информацией о том краской какого цвета была разрисована вывеска, в какое время была разрисована вывеска, сколько человек принимало участие в данном преступлении, каков был основной мотив у преступника и т.д.

В ходе расследования был установлен круг подозреваемых лиц, одним из которых оказался гражданин Н. - недавний посетитель данного местного отделения политической партии, у которого во время визита произошёл конфликт с сотрудниками отделения политической партии. Данный посетитель также отрицал свою причастность к «разрисовыванию» вывески партии и согласился пройти исследование на полиграфе.

В результате анализа физиологических реакций испытуемого Н., записанных в ходе обследования с использованием полиграфа, были сделаны выводы относительно субъективной значимости для испытуемого определенных стимулов, что позволило сформулировать ряд выводов относительно информированности испытуемого об обстоятельствах расследуемого экстремистского преступления. В частности, были сделаны вероятностные выводы о том, что испытуемый Н. обладает информацией о том, что вывеска была разрисована краской красного цвета; что краска являлась аэрозольной краской (эмалью) для покраски автомобиля; что вывеска была разрисована в период времени с 3.00 часов ночи до 4.00 часов утра; что в данном преступлении принимал участие только один человек; что основным мотивом у преступника, совершившего данное преступление была месть и т.д.

После ознакомления с результатами расследования, в том числе и с заключением специалиста, проводившего исследование на полиграфе, гражданин Н. сознался в совершении данного экстремистского преступления, и даже выдал следствию наполовину полный баллончик аэрозольной автомобильной краски, которой, как впоследствии подтвердила экспертиза, и была разрисована вывеска политической партии.

Имеющийся опыт неоднократного участия в расследовании преступлений экстремистской направленности свидетельствует, что для эффективного производства исследований с использованием полиграфа необходимо сосредотачиваться, в первую очередь, на решении следующих задач:

1. Определение особенностей информированности обследуемого лица об обстоятельствах получения им самой первой информации о расследуемом событии (факте) экстремистской деятельности, таких как: дата, время и место получения указанной информации; источник получения указанной информации и т.д.

2. Определение особенностей информированности обследуемого лица об общих обстоятельствах расследуемого события экстремистской

направленности, таких как: характер события, общее количество участников данного события; действия участников события; роль (вклад) обследуемого лица в указанном событии; дата, время, место происхождения экстремистского события и т.д.

3. Определение особенностей информированности обследуемого лица о частных обстоятельствах расследуемого экстремистского события, например, таких как: реакции участника события на действия других участников события; характеристики внешности участников события; одежды участников события и т.д.

Профессионально-грамотное, т.е. методически адекватное и углубленное производство исследований с использованием полиграфа, будет способствовать решению вышеобозначенных задач по определению особенностей информированности обследуемого лица об обстоятельствах расследуемого события, а поэтому положительно скажется на качестве расследования преступлений, связанных с экстремизмом.

Список литературы:

1. Белых-Силаев Д.В. Эффективность полиграфа в расследовании преступлений: мнение следователей // Юридическая психология. 2019. № 3. С. 35-39.
2. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: учебник для вузов. СПб., 2008. 320 с.
3. Мозяков В.В. Руководство для следователей. М.: Экзамен, 2005. С. 357-360.
4. Свободный Ф.К. Актуальные вопросы психологических исследований с использованием полиграфа в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1(19). С. 154-157.

References

1. Belykh-Silaev D.V. Efficiency of the polygraph in the investigation of crimes: the opinion of investigators // Legal psychology. 2019. № 3. Pp. 35-39.
2. Druzhinin V.N. Experimental psychology: textbook for universities. SPb.: Piter, 2008. 320 p.
3. Mozyakov V.V. Guide dlya investigators. M.: Ekspera, 2005. Pp. 357-360.
4. Svobodnyi F.K. Actual'nye voprosy psikhologicheskikh issledovaniya sizniya poligrafa v operativno-razysknogo activity // Vestnik Akademii Investigativeskogo komita Rossiiskoi Federatsii. 2019. № 1(19). Pp. 154-157.

Сечко Александр Владимирович,

доцент кафедры Научных основ экстремальной психологии факультета Экстремальной психологии МГППУ, г. Москва, Россия,
кандидат психологических наук
e-mail: setschko@yandex.ru

Sechko Alexander Vladimirovich

Associate Professor of the Department of
Scientific Foundations of Extreme Psychology,
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia

Candidate of Psychological Sciences

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONDITIONS OF EXTREMISM IN THE MODERN WORLD

Аннотация. В статье рассмотрены содержание экстремистской деятельности, актуальность изучения феномена, социально-психологические условия и технологии ее активизации.

Abstract. The article examines the content of extremist activity, the relevance of the study of the phenomenon, socio-psychological conditions and technologies of its activation.

Ключевые слова: экстремизм, власть, ценности, возможности, аттитюды, убеждение, внушение.

Keywords: extremism, power, values, opportunities, attitudes, persuasion, suggestion.

Борьба за передел территорий, сфер влияния, обладание природными и человеческими ресурсами, породило такое актуальное, обсуждаемое и опасное явление, как экстремизм. В той или иной степени, оно проявлялось во всех социальных революциях, при приходе к власти диктаторских режимов и новых демократий. Как и в прежние времена, он является предикатом терроризма, угрозой смены государственной власти, большого количества людских жертв. Свидетельством этому являются происходящие события в Афганистане, Сирии, Ираке, Нигерии, Сомали, Йемене и других уголках планеты.

Экстремизм характеризуется как приверженность крайним взглядам и методам и их реализация в соответствующем социальном поведении [2, С. 174]. Проблема экстремизма одновременно является социальной и государственной, поэтому этого понятие определяется и нормативно правовой базой.

В настоящее время актуальность осмысления проблемы экстремизма имеет огромное значение, а понимание генезиса этого явления позволит приблизить время искоренения его из жизни общества.

Согласно концепции Э. Дюркгейма, аномия, это состояние общества, когда прежняя система регулирующих норм и ценностей разрушена, а замена еще не сформировалась [9]. Она прямо описывает актуальную ситуацию в странах постсоветского пространства, когда одна разрушенной идеологии ничего не последовало, что в «лихие девяностые» привело к проявлениям межэтнического экстремизма как в деятельности радикальных националистических партий, так и в деятельности различных неформальных группировок: «Красные бритоголовые», «Бритоголовые антифашисты», «Красные скинхеды - анархисты» и так далее.

Согласно теории социального напряжения Р. Мертона, основной причиной преступности является противоречие между ценностями,

декларированных обществом и возможностями их достижения установленными обществом правилами. Можно привести пример демократического общества потребления, где с одной стороны, декларируется свобода и равноправие, с другой мы видим социальную несправедливость, и недоступность для большинства населения тех декларируемых возможностей [4].

Согласно диалектической теории конфликта Ральфа Дарендорфа помимо материальных, жизненно важных ресурсов это еще власть, престиж и авторитет [8]. Конфликт, по Дарендорфу, вероятен в любом обществе, социальной группе, где есть иерархия власти. Отсюда основными источниками конфликта и изменений является дефицит власти и авторитета. Вероятность возникновения конфликта и образования протестующей группы обусловлено степенью осознания ею своих интересов. Чем больше вероятность увеличения вознаграждения с приобретением авторитета, тем острее конфликт. Чем меньше коммуникаций между подчиненными и господствующими группами общества, тем больше вероятность экстремистских настроений. Чем ниже уровень жизни, тем деятельность приобретает более насильственный характер.

Социально-психологические исследования этнонациональных установок, интолерантности, исследования стратегии этнического взаимодействия показали, что к межэтнической агрессии, а также негативным этноустановкам склонны как раз лица, имеющие низкий достаток. Также характерен и такой стереотип, как приписывание негативных характеристик этническим группам, оказавшимся более успешными в той или иной области [8].

Дополняет теорию Дарендорфа Люис Козер, который приходит к выводу, что источники конфликта – это сомнения о законности системы распределения дефицитных ресурсов. Чем больше неимущие группы сомневаются в законности существующего распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они должны будут разжечь конфликт. Чем меньше каналов, по которым группы могут излить свое недовольство по поводу распределения ресурсов тем более вероятное, что они должны встать на путь экстремизма. Чем больше препятствий у неимущих групп на пути в привилегированные группы, тем вероятнее, что они не будут придерживаться законности. Увеличение разности в благосостоянии, духовном уровне развития привилегированных и малоимущих групп заставляет последних встать на путь экстремизма. Также очень важна мысль о том, что чем сильнее общество делает акцент на престижности вхождения в элиту, ее привлекательности, тем более выраженным будет конфликтная ситуация. Невнимание общества к духовному развитию, проблемам материального характера, отсутствия проектов «социальных лифтов» усугубляют эту ситуацию [6].

Согласно «индивидуальной психологии» А. Адлера развитие личности основывается на возникшем во младенчестве чувстве

неполноценности и как следствие, возникает стремление к совершенству как компенсация этого чувства. Основываясь на данном подходе логично предположить, что экстремизм так же берет начало в чувстве неполноценности, отражаясь в комплексе превосходства, который в процессе идентификации требует дискриминации людей находящихся в других группах [7]. В результате отсутствия перспектив социального взлета отдельно взятого человека с чрезмерной либидозной энергией, он объединяется с себе подобными, объединенных рядом социальных признаков людей, которые обладают «комплексом превосходства» и «смещают» свою активность в плоскость экстремизма.

Это положение обостряется в случае формирования системы положительных или отрицательных оценок, соответствующих установок, готовности реагировать особым образом. Речь идет об аттитюдах, которые по словам Б.Ф. Ломова обеспечивают включение личности в жизнь общества, определяя способы ее деятельности и взаимодействия с людьми [4].

На формирование аттитюдов экстремистской направленности нацелены заинтересованные в нестабильности того или иного региона силы. В глобальном масштабе, это США и подконтрольные им страны, чья цивилизация процветает на основе безжалостной эксплуатации населения стран третьего мира. Они создают условия, препятствующие взаимопониманию соседних народов, больших групп людей. Всеми доступными средствами обостряют противоречия с целью препятствия росту национального самосознания, обнищания, погружения в хаос экстремизма и терроризма с целью захваты транснациональными компаниями развитых стран природных богатств и создания дешевой рабочей силы [4].

Курт Левин видел аттитюд как детерминант поведения. Его позитивная валентность характеризует объект в жизненном пространстве, относительно которого у индивида возникает чувство аттракции, а негативная валентность характеризует объект, который отталкивает индивида. Движение «от» и «к» объекту аттитюда является результатом притяжения идей, транслируемых в информационном пространстве индивида [4].

В психологии проведено достаточно много исследований, направленных на изучения формирования и смены аттитюда, которые успешно применяются в различных технологиях, предвыборных компаниях, «цветных революциях», провоцирования экстремистских действий различной направленности.

Так, К. Ховланд, К. Шериф, М. Шериф выяснили, что отношение личности к точке зрения, с которой он не совсем согласен в значительной степени зависит от расстояния между позицией слушателя и защищаемой позицией коммуникатора. Максимальный эффект убеждающего воздействия будет иметь место в том случае, когда позиция, занимаемая

коммуникатора окажется вблизи границ допустимого слушателя. В этом случае он бессознательно сам стремится сократить разницу с коммуникатором [1, с.54]. Таким образом, поэтапное, многоходовое воздействие заинтересованного коммуникатора (заинтересованных лиц, средств массовой информации) способны сформировать новые убеждения и поведение на основе почти правдоподобных фактов, постепенно «подворачивающих» ход мыслей и действий реципиента.

Еще более успешны технологии с привлечением группового воздействия. Так работы Т. Ньюкомба показали, что с завязыванием новых социальных связей, приобретения друзей индивид сталкивается с новыми аттитюдами, иногда диаметрально противоположными, которых он ранее придерживался. Если старая и новая информация о тех или иных событиях является консистентной, то индивид с готовностью пересматривает свои старые убеждения и принимает аттитюды, предлагаемые своим новым окружением [1, С. 61].

Но не обязательно целенаправленная на определенные социальные группы информация должна быть логичной, правдивой, консистентной с привычной и принимаемой информацией, образом жизни субъекта. С точки зрения Эмиля Куэ, сознательный уровень психики выполняет роль «внутреннего критика»: оно решает, является ли истинной идея, которая пришла из внешнего мира. Если Сознание примет внушаемую идею без возражений, то эта идея сможет достичь уровня Бессознательного и будет усвоена им. Но коммуникатору не обязательно обращаться к сознанию, можно его обойти и напрямую воздействовать на бессознательное. С точки зрения Куэ, Бессознательное доверчиво, как ребенок - оно принимает любую идею из внешнего мира. Поэтому при проведении внушения или самовнушения проблема заключается лишь в том, чтобы суметь обойти критически настроенное «взрослое» сознание. Надо суметь сделать так, чтобы внушаемая идея не оказалась отвергнута сознанием - тогда она сможет дойти до уровня бессознательного и начнет самореализовываться [10].

Легче всего это сделать, применяя техники гипноза. В состоянии гипнотического транса сознание дремлет, и слова суггестора проникают в бессознательное, не встречая никакого препятствия. Таким образом можно сформировать у индивида любую программу действий экстремистского толка. Но это штучный товар. Для влияния на большие массы людей через средства массовой информации это трудно сделать технически.

С другой стороны, если же внушение производится без введения в транс, то его эффективность повышается благодаря авторитету того, кто проводит внушение (им может быть политик, известный религиозный деятель, колдун...). В этом случае доверие к тому, кто производит внушение, отключает критический фильтр сознания. Некоторые из перечисленных авторитетов используют и трансовые техники: религиозные обряды, совместные танцы под однообразные звуки музыкальных

инструментов. В этих условиях многократно повторенные коммуникатором слова, идеи имеют высокую вероятность «пробить» фильтр сознания и внедриться в бессознательную часть психики и стать руководством к действию.

Таким образом, рассмотренные социально-психологические условия, факторы, с одной стороны, способны стихийно влиять на сознание людей, формируют у них поведение с признаками экстремизма. С другой, целенаправленное использование рассмотренных закономерностей позволяет деструктивным силам целенаправленно формировать экстремистские группы и использовать их деятельность для решения политических, экономических и прочих проблем.

Список литературы:

1. Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века: Монография / Калинингр. ун-т. Калининград, 1999. 309 с.
2. Козер Л. А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. 295 с.
3. Сечко А. Выгорание, суициды, экстремизм: психологический анализ. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2015. 108 с.
4. Сечко А.В. Психологические условия экстремизма в современных условиях // Современная прикладная психология: теория и практика: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Москва, 19–20 апреля 2017 года / Редколлегия Т.Н. Мельников [и др]. Ответственный редактор Н.Т. Колесник. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 116-120.
5. Сечко А.В. Психологические факторы рецидивизма и его профилактики (по материалам зарубежных исследований) // Современная зарубежная психология. 2020. Т.9. № 1. С. 85-93.
6. Социологическая энциклопедия / Под ред. Иванова В.Н. В 2-х т. М., Мысль 2003.
7. Хомич А.В. Психология девиантного поведения: Учебное пособие / Южно-Российский Гуманитарный Институт. Ростов-на-Дону. 2006. 140 с.
8. Хухлаев О.Е. Национализм как социально-психологический феномен: к постановке вопроса / О.Е. Хухлаев, И.М. Кузнецов // Акмеология. 2008. № 3(27). С. 118-125.
9. Durkheim E. Representation individuelles et representgtions collectives // Revue de Metaphysique et de Morale. L., 1898.
10. Emil Coue. La Maitrise de soimeme par I futosuggestionconscitnte. Paris, 1926.

References:

1. Devyatkin A.A. YAvlenie social'noj ustanovki v psihologii HKH veka: Monografiya / Kaliningr. un-t. Kaliningrad, 1999. 309 p.
2. Kozher L.A. Funkcii social'nogo konflikta / Per. s angl. O. Naza-rovoj; Pod obshch. red. L.G. Ionina. M.: Dom intellektual'noj knigi: Ideya-press, 2000. 295 p.
3. Sechko A.V. Ygoranie, suicidy, ekstremizm : psihologicheskij ana-liz. Saarbrücken : LAP LAMBERT, 2015. 108 s.
4. Sechko A.V. Psihologicheskie usloviya ekstremizma v sovremennyh usloviyah // Sovremennaya prikladnaya psihologiya: teoriya i praktika : Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konfe-rencii. V 2-h tomah, Moskva, 19–20 aprelya 2017 goda / Redkollegiya T.N. Mel'nikov [i dr]. Otvetstvennyj redaktor N.T. Kolesnik. M.: Mos-kovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2017. Pp. 116-120.

5. Sechko A. V. Psihologicheskie faktory recidivizma i ego profi-laktiki (po materialam zarubezhnyh issledovanij) // Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya. 2020. T. 9. № 1. Pp. 85-93.
6. Sociologicheskaya enciklopediya / Pod red. Ivanova V.N. V 2-h t. M., Mysl' 2003.
7. Homich A. V. Psihologiya deviantnogo povedeniya: Uchebnoe posobie. YUzhno-Rossijskij Gumanitarnyj Institut. Rostov-na-Donu, 2006. 140 p.
8. Huhlaev, O. E. Nacionalizm kak social'no-psihologicheskij fenomen: k postanovke voprosa / O. E. Huhlaev, I. M. Kuznecov // Akmeologiya. 2008. № 3(27). Pp. 118-125.
9. Durkheim E. Representation individuelle et representgtions collectives // Revue de Metafysique et de Morale. L., 1898.
10. Emil Coue. La Maitrise de soimeme par I futosuggestionconscitnte. Paris, 1926.

Темняков Дмитрий Александрович

Зам. начальника кафедры организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат педагогических наук, доцент
e-mail: Dima-terjewo@rambler.ru

Temnyakov Dmitry Aleksandrovich

Zam. Head of the Department of Organization of Activities of Road Safety Units of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FEATURES OF THE
FORMATION OF A CULTURE OF PERSONAL SECURITY IN
EDUCATIONAL ORGANIZATIONSSYSTEMS OF THE MINISTRY OF
INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Аннотация. Проводится теоретический анализ формирования культуры личной безопасности. Определены критерии оценки сформированности профессиональных компетенций личной безопасности сотрудников органов внутренних дел. Рассматриваются слагаемые формирования культуры личной безопасности. Особое внимание уделено непрерывности формирования культуры личной безопасности у сотрудников органов внутренних дел.

Annotation. A theoretical analysis of the formation of a culture of personal safety is carried out. The criteria for assessing the formation of professional competencies of personal security of employees of internal affairs bodies have been determined. The components of the formation of a culture of personal safety are considered. Particular attention is paid to the continuity of the formation of a culture of personal safety among employees of internal affairs bodies.

Ключевые слова: формирование культуры личной безопасности, оценка сформированности профессиональных компетенций, слагаемые культуры личной безопасности, подходы к формированию культуры личной безопасности.

Keywords: formation of a culture of personal safety, assessment of the formation of professional competencies, components of the culture of personal safety, approaches to the formation of a culture of personal safety.

Система профессионального обучения личной безопасности на современном этапе подготовки сотрудников органов внутренних дел располагает апробированными технологиями обучения, разработанными программами обучения и широким спектром методов обучения. В связи с этим ключевой проблемой для учебных организаций МВД России является разрешение углубляющегося конфликта между уровнем подготовки сотрудников органов внутренних дел и резко возросшими требованиями к их профессиональному потенциалу по обеспечению личной безопасности в условиях пандемии, роста общественной нестабильности, экстремистских и террористических угроз, активизации криминогенной субкультуры.

Сложившаяся за последние двадцать лет система обучения личной безопасности кадров МВД России, как показывают опросы выпускников, имеет ряд существенных недостатков. Отсутствие пролонгированного характера обучения личной безопасности на всех этапах профессионального становления сотрудника органов внутренних дел, ярко выраженный уклон обучения в сторону тактической и технической подготовленности без учета всех составляющих подготовленности к обеспечению личной безопасности заставляют осуществлять использование альтернативных образовательных концепций, которые могут адекватно разрешать возникающие конфликты.

Важным вкладом в создание новой модели профессиональной подготовки и переподготовки сотрудников органов внутренних дел в рамках обеспечения личной безопасности являются психолого-педагогические исследования по эффективному управлению когнитивными функциями в области личной безопасности. Формируя в процессе обучения особые качества, которые профессионально необходимы сотруднику органов внутренних дел для обеспечения личной безопасности и безопасности коллег при выполнении служебных обязанностей, закладывается основа для поэтапного совершенствования навыков безопасности и формирования общей культуры личной безопасности на всех этапах служебной деятельности.

Обучение обеспечению личной безопасности в образовательных организациях правоохранительных органов показало, что на протяжении многих лет возникал ряд противоречий между декриминализированными образцами мышления и новыми условиями развития общества. Меняются целевые настройки жизнедеятельности, происходят изменения в системах образования. Возможности конечных технологий обучения личной безопасности, предоставляющих раз и навсегда информацию, по-видимому,

практически исчерпаны. Сформировалась объективная потребность в постоянном обучении сотрудников правоохранительных органов личной безопасности, чтобы с момента поступления на службу и до завершения служебной деятельности навыки обеспечения личной безопасности не утрачивались.

Оперативное обновление знаний, что является традиционным подходом в педагогической системе профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, не решает проблем, так как простое дополнение знаний новой информацией - без качественного изменения содержания и форм обучения личной безопасности на основе идей гуманизации и гуманитаризации, открытости и гибкости образовательной системы не разрешает имеющиеся противоречия, не вносит в существующую практику обучения качество непрерывности.

Важность преемственности в формировании культуры личной безопасности в образовательных организациях МВД заключается в постоянном удовлетворении меняющихся потребностей личности и общества, конвергентным подходом к развитию образовательной среды и предоставлении каждому возможности реализовать собственную систему обучения личной безопасности с учетом их индивидуальных особенностей. Современная реальность формирования культуры личной безопасности требует замены формулы «обучение на всю жизнь» формулой «обучение через всю жизнь». Такой переход требует создания интегрированной образовательной среды, адаптивной междисциплинарной, многоуровневой, модульной системы образования.

Термин «культура личной безопасности» обусловлен современными требованиями к профдеятельности сотрудников полиции. Формирование культуры безопасности включает формирование готовности к возможной опасности и снижение ее до реально-возможного минимума как лично для себя, так и общества в целом. Формирование культуры безопасности обеспечивает подготовку сотрудника органов внутренних дел к сочетанию личной безопасности, безопасности коллег и безопасности других людей. Культура безопасности является элементом профессиональной культуры сотрудника полиции. Соответственно, данная культура безопасности должна стать универсальным компонентом общечеловеческой культуры, которую усвоят все члены общества. Каждый человек, так или иначе, влияет на уровень безопасности окружающих людей, общества в целом. Характер этого влияния зависит от уровня культуры безопасности конкретного человека.

Учитывая сложность проблемы формирования культуры безопасности, мы выделяем лишь часть данного явления, те его компоненты, которые преимущественно влияют на формирование готовности к обеспечению личной профессиональной безопасности сотрудников органов внутренних дел. Понятно, что сотрудник, прежде чем обеспечивать безопасность других людей, должен быть готовым к обеспечению своей собственной

безопасности, иначе попытки помочь другим людям могут обернуться бедой, как для самого сотрудника, так и для того, кому он эту помощь оказывает.

Технически формирование культуры личной безопасности сотрудников органов внутренних дел России в образовательных организациях системы МВД России сегодня характеризуются подбором педагогических технологий, создающих условия для самореализации и самоопределения обучаемых. Это ориентация на персонализацию в процессе обучения и попытка перехода к интегрированной системе обучения личной безопасности, а также внедрение новых информационных технологий.

Проведенный анализ литературных источников и педагогического опыта показал, что формирование культуры личной безопасности в образовательных организациях системы МВД России базируется на следующих принципах: научность, систематичность, последовательность, комплексность, единство коллективного и индивидуального воспитания, соответствия обучения особенностям обучаемых, связь с жизнью, направленность на познание объекта личной безопасности в профессиональной деятельности [1, С. 190].

Для того чтобы правильно определить критерии сформированности профессиональных компетенций личной безопасности сотрудников органов внутренних дел необходимо было еще раз убедиться какие структурные компоненты наиболее важны. С этой целью проведен опрос сотрудников Государственной инспекции по безопасности дорожного движения, проходивших обучение по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации в 2020-2021 году на факультете переподготовки и повышения квалификации сотрудников подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя как лиц, наиболее часто сталкивающихся с опасностью для жизни. Использовались следующие методики: анкетирование сотрудников ГИБДД ИВД России; стандартизированный экспертный опрос.

Анкетирование сотрудников ГИБДД МВД России проводилось с целью определения важности в современных условиях формируемых компонентов культуры личной безопасности. Всего было опрошено более 230 сотрудников ГИБДД территориальных органов МВД России по субъектам Российской Федерации.

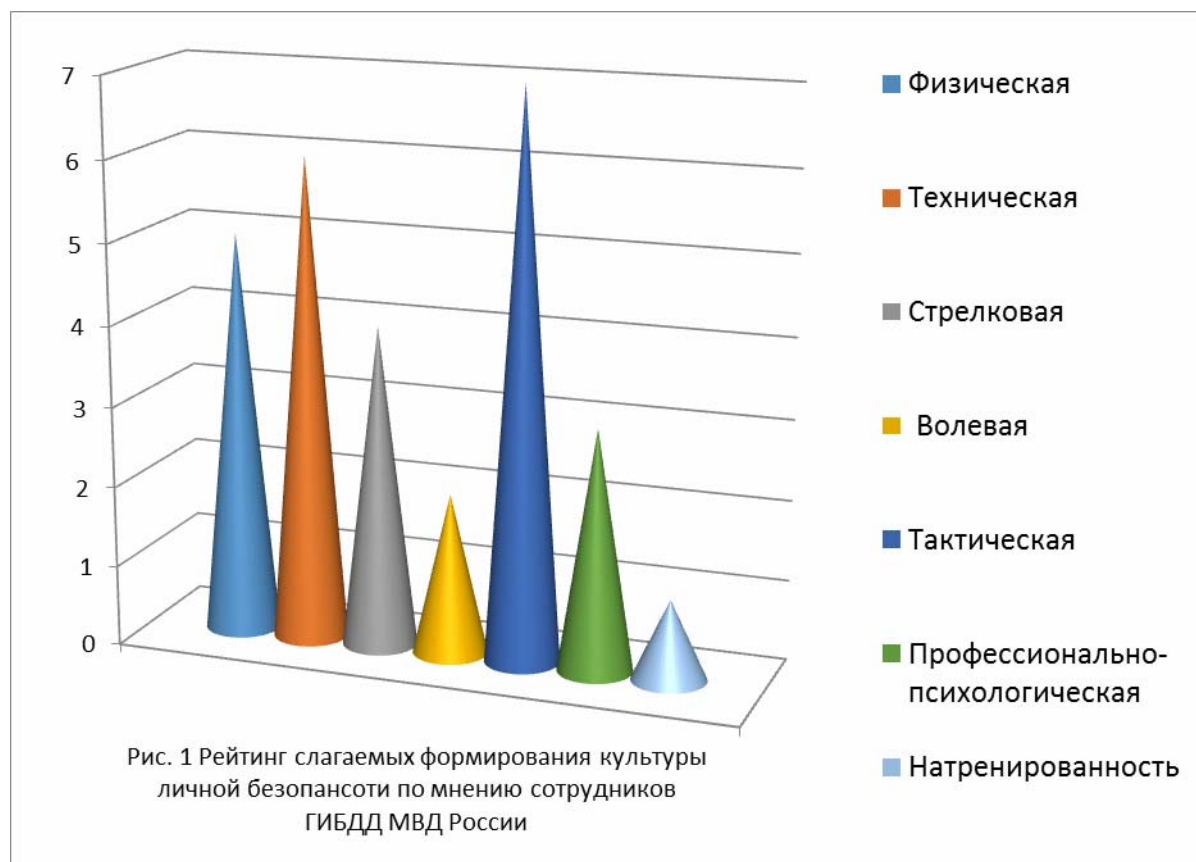
Обобщение экспертных оценок представленных на рис. 1 проводилось методом ранговой корреляции [2, С. 112-113]. Вывод общего ранга слагаемых формирования культуры личной безопасности проводился по следующей формуле [3, С. 190].:

$$\Sigma = n_1 \times m_1 + n_2 \times m_2 + n_3 \times m_3 + \dots + n_n \times m_n; \text{ где}$$

Σ - суммарное значение оценок слагаемых формирования культуры личной безопасности.

n_n - места слагаемых формирования культуры личной безопасности по мнению экспертов (практических работников).

m_n - количество экспертов отдавших предпочтение определенному месту каждого слагаемого формирования культуры личной безопасности.

Результаты проведенного исследования показали следующее:

- все слагаемые культуры личной безопасности, предложенные для оценки в анкетах, были учтены и ранжированы; нежелательных групп слагаемых культуры личной безопасности не зафиксировано;

- важность определенных слагаемых формирования культуры личной безопасности при подготовке сотрудников органов внутренних дел, имеет определенное различие;

- сотрудники оценили как наиболее значимые такие слагаемые формирования культуры личной безопасности как: индивидуально-тактическую подготовленность, техническую подготовленность и физическую подготовленность;

- высокий рейтинг, по мнению сотрудников органов внутренних дел имеют слагаемые формирования культуры личной безопасности: стрелковая подготовленность и профессионально-психологической подготовленность; относительно невысокий рейтинг имеет группа компонентов волевой подготовленности и натренированности.

Одной из психологических характеристик профессиональной деятельности сотрудников Государственной инспекции по безопасности дорожного движения выступает высокая экстремальность условий деятельности. В каком-то смысле это норма. Хотя трудно считать нормой

нахождение в состоянии постоянного напряжения. Однако в таком состоянии необходимо длительное время выполнять служебные обязанности [4, С. 461]. Такую эмоционально-психологическую нагрузку могут выдержать только сильные и подготовленные люди, обладающие устойчивыми навыками обеспечения личной безопасности, безопасности своих коллег по работе.

Вместе с тем вызывает беспокойство утрата приобретенных навыков обеспечения личной безопасности по окончании обучения в образовательных организациях системы МВД России. В процессе осуществления сотрудниками органов внутренних дел своих служебных обязанностей с годами как показывает, опрос сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения у них появляется чувство мнимой защищенности, ложная уверенность, что с ними не может произойти чего-то, угрожающего их жизни и здоровью и они полностью контролируют ситуацию. С годами службы сотрудники в силу различных факторов, влияющих на осуществление профессиональной деятельности, теряют бдительность. Бдительность – ключ к обеспечению личной безопасности. Бдительность означает концентрацию разума на сигналах опасности, а не на личных проблемах и ситуативных служебных переживаниях.

Проведенный опрос сотрудников Государственной инспекции по безопасности дорожного движения, проходивших обучение по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации в 2020 – 2021 году, на факультете переподготовки и повышения квалификации сотрудников подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя по проблеме сохранения навыка обеспечения личной безопасности в процессе осуществления профессиональной деятельности, показал (рис. 2).

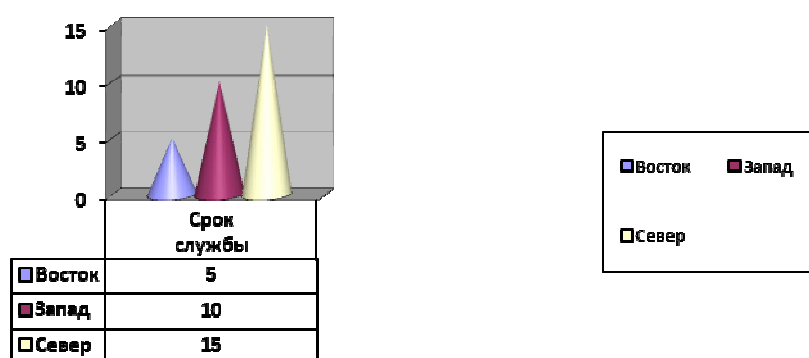

Рис.2 Сохранность навыков обеспечения личной безопасности сотрудниками ГИБДД в процессе осуществления профессиональной деятельности

Анализируя представленные данные, можно сделать вывод, что 40% из ответивших на вопросы анкетирования сотрудников ГИБДД обеспечивают личную безопасность по мере служебной необходимости, не прикладывая

дополнительных усилий по совершенствованию данного вида подготовки. При этом вызывают беспокойство полученные результаты ответов на вопросы анкеты, в которых 35% опрошенных сотрудников ГИБДД указали, что вообще не задумываются об обеспечении безопасности во время выполнения служебных обязанностей. Они отметили, что многообразие и сложность решаемых служебных задач, дефицит времени не оставляют им возможности задумываться над собственной безопасностью и безопасностью коллег.

Единым для всех подходов при обучении и воспитании культуры личной безопасности является подготовка сотрудника органов внутренних дел к предупреждению и преодолению опасных жизненных ситуаций, то есть формирование культуры безопасного поведения. Культура безопасного поведения в свою очередь является педагогическим компонентом формирования личности безопасного типа.

Исходя из этого, можно выделить в структуре профессионального образования сотрудников органов внутренних дел в качестве самостоятельного компонента процесс воспитания культуры личной безопасности. Культура личной безопасности, учитывая ее значимость для каждого человека и возможную тяжесть последствий при ее отсутствии или слабости, должна удовлетворять следующим требованиям:

- Обязательность данного вида воспитательной работы. Требования к обеспечению личной безопасности никто не выдумывал. Это требования современных реалий и наличия специальных возможностей науки и практики повысить безопасность людей.

- Массовость воспитания культуры личной безопасности. Обеспечение собственной безопасности необходимо всем и готовить надо всех. Другой вопрос – кого, и в каком объеме, сколько времени и чему обучать.

- Специфика культуры личной безопасности. Необходима не только общая, но и конкретная воспитательная работа, которая направлена не только на преодоление опасных жизненных ситуаций, но и на ситуации риска, к которым должен быть подготовлен сотрудник органов внутренних дел.

- Непрерывность и последовательность воспитательной работы. Культура безопасного поведения не может возникнуть раз и навсегда. Воспитательную работу надо вести с детских лет как составную часть непрерывного воспитания, по мере накопления жизненного опыта, и возникновения новых [5, С. 31], в том числе и профессиональных задач.

Культура безопасного поведения не может возникнуть единожды и сохраняться на протяжении всей жизни. Формирование культуры личной безопасности необходимо осуществлять в рамках непрерывного образования, корректировать с накоплением жизненного опыта и возникновением новых задач, в том числе профессиональных.

Список литературы:

1. Темняков Д.А. Обучение слушателей и курсантов обеспечению личной профессиональной безопасности как профессиональная необходимость, его проблемы и педагогические возможности. // Психология профессионализма сотрудников правоохранительных органов. Материалы научно-практической конференции. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2002. С. 189-196.
2. Кендэл М. Ранговые корреляции. М., 1975. С. 112-113.
3. Темняков Д.А. Оценка эффективности применения технических средств контроля знаний слушателей в образовательных учреждениях МВД России: Учебно-методическое пособие. Домодедово, 2000.
4. Темняков Д.А. Проблемы профессионального образования сотрудников органов внутренних дел // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы. Сборник научных трудов Международной конференции, посвященной празднованию 15-летия Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. С. 460-463.
5. Темняков Д.А., Темнякова Е.Д. Педагогическая эвальвация результативности использования технических средств обучения в образовательных организациях Российской Федерации: Учебное пособие. Ижевск: Типография «МарШак», 2019.

References

1. Temnyakov D.A Training of students and cadets to ensure personal professional safety as a professional necessity, its problems and pedagogical capabilities. Psychology of professionalism of law enforcement officers. Materials of the scientific-practical conference. M.: Moskovskiy universitet MVD Rossii named after V.Y. Kikotya, 2002. Pp. 189-196.
2. Kendal M. Rank correlations. M., 1975. Pp. 112-113.
3. Temnyakov D.A. Evaluation of the effectiveness of the use of technical means of controlling the knowledge of students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Educational and methodical manual. Domodedovo, 2000.
4. Temnyakov D.A. Problems of professional education of employees of internal affairs bodies // Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of official activity: state and prospects. Collection of scientific works of the International Conference dedicated to the celebration of the 15th anniversary of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot. M.: Moskovskiy universitet MVD Rossii named after V.Y. Kikot, 2017. P. 460-463.
5. Temnyakov D.A., Temnyakova E.D. Pedagogical evaluation of the effectiveness of the use of technical means of teaching in educational organizations of the Russian Federation: Textbook. Izhevsk: MarShak Printing House, 2019.

Шомрина Ольга Михайловна

магистрант факультета Экстремальной психологии,
 Московский государственный психолого-педагогический университет,
 г. Москва, Россия
 e-mail: olgashomrina@gmail.com.

Shomrina Olga Michailovna

Master's student at the Faculty of Extreme Psychology,
 Moscow State University of Psychology and Education,
 Moscow, Russia

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЖЕНСКОМ ПАНСИОНЕ

FEATURES OF THE FORMATION OF GENDER IDENTITY IN TEENAGE GIRLS STUDYING IN A WOMEN'S BOARDING SCHOOL

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор результатов эмпирического исследования особенностей формирования гендера девочек-подростков, обучающихся в пансионе. В результате исследований было выявлено, что девочки-подростки, обучающиеся в пансионе, обладают более высокой степенью усвоения социально-приемлемых для мужчин / женщин норм поведения, особо отмечено их превосходство в эмоционально-положительной форме прямого обозначения пола, разнообразие видения ими семейных, межличностных, профессиональных и других социальных ролей.

Abstract. This article is a review of the results of an empirical study of the peculiarities of the formation of the gender of teenage girls studying at a boarding school. As a result of the research, it was revealed that teenage girls studying at boarding school have a higher degree of assimilation of socially acceptable norms of behavior for men / women, their superiority in the emotionally positive form of direct gender designation, the diversity of their vision of family, interpersonal, professional and other social roles was especially noted.

Ключевые слова: гендерная самоидентификация, интернальность, полоролевая идентификация.

Key words: gender self-identification, internality, gender-role identification.

Особая актуальность изучения аспектов формирования полоролевой идентификации в современной психологии связана социальной динамикой, изменением гендерных стереотипов, смешанным обучением и рядом других факторов [1]. Наиболее важные компоненты гендерной идентичности подростка, это показатели самоотношения и интернальности. Самоотношение характеризует отношение девочки к самой себе, а интернальность связана с особенностями организации деятельности (мужской или женский стиль поведения), с особенностями вербальной и образной сфер [3]. Интернальность считается важнейшим субъектным фактором поведения в ситуации, требующей осуществления выбора, как степень понимания человеком причинных взаимосвязей между собственным поведением и достижением желаемого [6]. Формирование интернальности зависит от того, какой стиль поведения (мужской или женский) выбирает подросток.

Современные исследователи показывают, что формирование гендерной идентичности связано с усвоением подростком образцов поведения окружающих его взрослых людей. Л.С. Выготским было разработано положение, что сущностной психологической характеристикой личности является овладение собственным поведением [4]. В полной семье подростки сталкиваются с различными образцами поведения, матери демонстрируют женские образцы, отцы-мужские. Однако в женских

пансионатах происходит снижение образцов мужского поведения, что неизбежно будет влиять на гендерную идентичность. Это важно, поскольку становление личности, смыслы, избирательность, потенциал и многие другие аспекты психического здоровья, являющиеся значимыми личностными конструктами, тесно переплетающимися с гендерным самоопределением [2].

Учитывая глубокие изменения в сфере образования, в рамках новых национальных доктрин образования в Российской Федерации до 2025 г. и необходимости всестороннего осмысления вопросов изучения целостной индивидуальности подростков, как субъектов образовательной деятельности, определения путей их гармоничного развития, самореализации и самоактуализации, которые в немалой мере зависят от их половой принадлежности, можно заявить о важности и актуальности изучения половой идентичности подростков [5].

Цель и методы исследования. В эмпирическом исследовании целью являлось выявление особенностей формирования гендерной идентичности у девочек в условиях обучения в закрытом женском пансионе. В качестве методов исследования были использованы:

1. Полоролевой опросник С. Бем, позволяющий диагностировать психологический пол, определяя степень андрогинности, маскулинности и феминности девочек.

2. Методика О.Г. Лопуховой «Нормы поведения мужчины и женщины» для определения уровня гендерной идентификации.

3. Тест «Нормы поведения мужчины и женщины» (модификация теста С. Фаррел).

4. Опросник «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда.

Выборка испытуемых: группа контрольная - 21 девочка-подросток (ученицы колледжа), группа экспериментальная – 21 девочка-подросток (воспитанницы пансиона).

По результатам опросника С. Бем для двух групп испытуемых распределение результатов было следующим (Табл. 1.).

Таблица 1 Полоролевые данные подростков (по опроснику С. Бем)

	Учебное_заведение	N (кол-во испыт-х)	Среднее значение	F-критерий Фишера	Знач.	Уровень значимости (p).
Основной_индекс_IS	Колледж	21	,1467	1,528	,224	-
	Пансион	21	,4333			

Проверка достоверности различий по показателям норм для мужчин и женщин с помощью сравнительного анализа (критерий Фишера) по данной методике не выявила статистически значимых различий по двум группам на уровне значимости $p \leq 0,05$. Это указывает на то, что девочки-подростки обеих групп не обладают высокой степенью феминности и маскулинности.

Далее мы определили уровень гендерной идентификации, используя методику О.Г. Лопуховой «Нормы поведения мужчины и женщины» (модификация теста С. Фаррел, табл. 2).

Таблица 2.Полоролевые данные подростков
(по опроснику «Нормы поведения мужчины и женщины»)

Испытуемые	Высокий 16-20 баллов	Средний 10-15 баллов	Низкий 1-9 баллов
Девочки из пансиона	0	26,6%	73,4%
Девочки из колледжа	0	4,7%	95,3%

Проверка достоверности различий по показателям норм поведения мужчин/женщин с помощью сравнительного анализа (критерий Фишера) полученных результатов по данной методике позволила выявить статистически значимые различия двух групп по пятнадцати шкалам: Амбициозность, быстрота в принятии решений, женственность, инфантильность, наличие собственной позиции, независимость, нелюбовь к ругательствам, падкость на лесть, привязанность, склонность к обладанию, сложность натуры, способность утешать, ум, умение работать, умение сочувствовать на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Это указывает на то, что экспериментальная группа девочек-подростков, обучающихся в пансионе обладают более высокой степенью усвоения социально-приемлемых для мужчин/женщин норм поведения.

Следующий проективный тест, который заполнили студенты для диагностики гендерно-ролевой идентичности «Кто я?», авторы М. Кун и Т. Макпартленд.Из полученного анализа данных по тесту в большинстве ответов обеих групп присутствовала в самоописаниях характеристика, обозначающая пол, причём порядок её упоминания был в числе первых двух характеристик, что говорит о значимости этой характеристики в структуре «Я-концепции» личности, актуализированности её в сознании, и наибольшей мере её осознанности.

У испытуемых девочек из пансиона наблюдается наибольшее количество маркированных самоопределений, указывающих на то, что гендерная идентичность занимает ведущее место в структуре Я-концепции личности. У воспитанниц пансиона – в числе первых ответов есть самописание, обозначающее пол, а фемининные характеристики доминируют над маскулинными. Фемининные характеристики у девочек из колледжа незначительно превышают маскулинные, при этом нейтральные качества существенно превышают все другие.

При сравнении показателей фемининности мы обнаруживаем, между двумя группами подростков уверенно наблюдается существенное превышение женских качеств у испытуемых пансиона. Эмоционально-положительная форма прямого обозначения пола по большей части наблюдается у воспитанниц пансиона.

Многочисленные примеры косвенного обозначения идентичности, такие как хорошая подруга, сестра, дочь, воспитанница, добрая, нежная, рукодельница, говорит о знании специфики определенного репертуара полоролевого поведения, которое в данной опросной группе широк и включает в себя несколько половых ролей.

В группе же учениц колледжа наблюдалась отчужденная, дистантная форма обозначения как пола, так и в целом личности. Присутствие таких определений, как человек (но это не точно), млекопитающее или многоклеточный организм, подтверждают данное наблюдение.

У девочек из пансиона наличествуют как прямые, так и косвенные варианты эмоционально-положительного обозначения своего пола, что говорит о сформированности позитивной половой идентичности, возможном многообразии ролевого поведения, принятии своей привлекательности как представителя пола, и позволяет делать благоприятный прогноз относительно успешности установления и поддержания партнерских взаимоотношений с другими людьми.

Таким образом, нами найдено еще одно подтверждение влияния социальной и воспитательной среды на способность смягчать или усиливать ранние, биологически заложенные гендерные различия.

И поскольку у взрослых родителей и педагогов есть возможность изменять социальную среду детей-подростков, то вполне логично ожидать перемен. Мы можем порекомендовать для развития гендерной идентичности обучающие мероприятия, направленные на установление контакта с собой, своим внутренним Я, с природой, с собственным телом (дыхательные практики, йога, массажные практики.), девичники (тренинги, семинары), интеграцию положительного гендерного подхода в дошкольное, начальное и среднее образование - весь этот комплекс мероприятий, проводимый на регулярной основе способствует прокладке траектории в сторону регуляции принятия и осознания женственности, и, как следствие целостности и психоэмоционального комфорта.

Проведенное исследование показало, что девочки-подростки, обучающиеся в женском пансионе закрытого типа, лучше идентифицируют свой гендер, чем девочки-подростки, обучающиеся в общеобразовательном учреждении смешанного типа. Тогда как у девочек-подростков общеобразовательного колледжа обнаружены более скудные и малочисленные описания как прямых, так и косвенных вариантов эмоционально-положительного обозначения своего гендера, что говорит об узком репертуаре полоролевого поведения и включает в себя только одну-две роли.

Список литературы:

1. Березина Т.Н. Многомерная психика. Внутренний мир личности. Монография. М, 2012.
2. Березина Т.Н. Смыслы жизни, добро, духовное развитие, определение их значения. // Мир психологии. 2008. № 2 (54). С. 105-116.

3. Березина Т.Н. Исследование внутреннего мира человека методом анализа характеристик мысли и образа // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 27.
4. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собр. соч. в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С.6-328.
5. Об утверждении Государственной программы Российской Федерации "Развитие образования": Постановление Правительства РФ от от 26 декабря 2017 года N 1642 (с изменениями на 7 июля 2021 года). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/(дата обращения: 06.10.2021).
6. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В. М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
7. Роттер Д.Б. Обобщенные ожидания внутреннего и внешнего контроля над подкреплениями // Психологические монографии. М., 1966. 80 с.

References:

1. Berezina T.N. Mnogomernaya psihika. Vnutrennij mir lichnosti. Monografiya. Moskva, 2012.
2. Berezina T.N. Smysly zhizni, dobro, duhovnoe razvitie, opredelenie ih znacheniya. // Mir psihologii. 2008. № 2 (54). Pp. 105-116.
3. Berezina T.N. Issledovanie vnutrennego mira cheloveka metodom analiza harakteristik mysli i obraza // Psihologicheskij zhurnal. 1999. T. 20. № 5. P. 27.
4. Vygotskij L.S. Problemy razvitiya psihiki // Sobr. soch. V 6 t. M.: Pedagogika, 1983. T. 3. Pp.6-328.
5. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Razvitie obrazovaniya": Postanovlenie Pravitel'stva RF ot ot 26 dekabrya 2017 goda N 1642 (s izmeneniyami na 7 iyulya 2021 goda). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/(data obrashcheniya: 06.10.2021).
6. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A. V. Kokurin [i dr.]; pod obshchej red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimovoj, V.M. Pozdnyakova. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 375 p.
7. Rotter D.B. Obobshchennye ozhidaniya vnutrennego i vneshnego kontrolya nad podkrepleniyami: // Psihologicheskie monografii. M., 1966. 80 p.

Сборник статей

**ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
В ЭКСТРЕМАЛЬНОМ МИРЕ**

Материалы II Международного научного Форума

29-30 октября 2021 года

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051 г. Москва, ул. Сретенка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495) 632-92-52